Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Інстытут журналістыкі
Кафедра стылістыкі і літаратурнага рэдагавання

ЖЫЦЦЁМ І СЛОВАМ ПРЫСЯГАЮЧЫ...

**Да 90-годдзя
заслужанага работніка адукацыі
Рэспублікі Беларусь,
доктара філалагічных навук, прафесара
Міхася Яўгенавіча
ЦІКОЦКАГА**

***Зборнік
навуковых прац***

Мінск
«Адукацыя і выхаванне»
2012

УДК 80/81(476)(082)
ББК 81(4Беи)я43
Ж94

Пад агульнай рэдакцыяй
доктара філалагічных навук прафесара *В. І. Іўчанкава*

Р э ц э н з е н т ы:
доктар гістарычных навук прафесар кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
І. І. Сачанка;
доктар філалагічных навук, загадчык кафедры культуры маўлення і міжкультурных камунікацый Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, прафесар
І. П. Кудраватых;
доктар філалагічных навук галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
В. П. Жураўлёў

Ж94 **Жыццём і словам прысягаючы...** : да 90-годдзя заслуж. работніка адукацыі Рэсп. Беларусь, д-ра філал. навук, праф. Міхася Яўгенавіча Цікоцкага : зб. навук. прац / пад агул. рэд. д-ра філал. навук праф. В. І. Іўчанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 608 с.
ISBN 978-985-471-486-8.

Зборнік навуковых прац прысвечаны праблемам стылістыкі беларускай і рускай моў, стылістыкі публіцыстычных жанраў, эстэтыкі слова і стылістычнай абумоўленасці газетных тэкстаў, лінгвастылістыкі публіцыстычнага тэксту і дыскурснага аналізу СМІ, тэорыі і практыкі рэдагавання, медыярыторыкі, гісторыі, тэорыі і метадалогіі журналістыкі, літаратурна-мастацкай крытыкі.

Прызначаецца для філолагаў, студэнтаў факультэтаў журналістыкі, магістрантаў, аспірантаў, журналістаў і рэдактараў.

УДК 80/81(476)(082)
ББК 81(4Беи)я43

ISBN 978-985-471-486-8

Шаноўныя ўдзельнікі канферэнцыі!
Паважаныя калегі!
Дарагія госці!

Прыміце сардэчныя вітанні з нагоды правядзення III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Жыццём і словам прысягаючы…», прысвечанай 90-годдзю заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктара філалагічных навук, прафесара Міхася Яўгенавіча Цікоцкага. Сама назва канферэнцыі паказвае, наколькі цесна спалучаюцца лёсы людзей навукі з высакароднай справай служэнню роднай Беларусі. Яскравым узорам гэтага ёсць плённая дзейнасць нашага юбіляра, жыццё якога цалкам прысвечана Беларускаму дзяржаўнаму ўніверсітэту.

Дарагі Міхась Яўгенавіч! З Вашым імем звязана станаўленне на Беларусі навукі, якая, па трапным вызначэнні сучасніка, з'яўляецца «душой кожнай развітай мовы», – айчыннай стылістыкі. Ваша эрудыцыя, захапленне новым, тонкае адчуванне і бачанне перспектыў філалагічнай навукі арганічна з'ядналіся з прафесарскай спагадлівасцю, ветлівасцю і інтэлігентнасцю. Без Вашых манаграфій, падручнікаў, метадычных распрацовак не было б якаснага выкладання мовазнаўчых дысцыплін ні на журфаку, ні на філалагічных факультэтах краіны. Вы заўсёды стаялі і стаіце ў фарпосце беларускай навукі: і калі стваралі стылістыку публіцыстычных жанраў, і калі выдалі манаграфію «Сугучнасць слоў жывых...», і калі падарылі навуковай грамадскасці і студэнтам стылістыку тэксту. Ваша навуковая спадчына сёння атрымае працяг і паспяховае развіццё ў выступленнях удзельнікаў канферэнцыі, іх ідэях, навуковых здабытках.

Паважаныя калегі! Славянскае мовазнаўства ў працах такіх вучоных, як Міхась Яўгенавіч, засведчвае грунтоўную распрацаванасць праблем функцыянавання і ўладкавання моў свету, сярод якіх беларуская вылучаецца сваёй мілагучнасцю, сістэмнай уладкаванасцю і вытанчанай густоўнасцю.

Інстытуту журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта належыць асаблівая роля ў даследаванні грамадазнаўчых праблем, праблем эвалюцыі інфармацыйнай прасторы, дынамікі маўленчых працэсаў СМІ. Навуковы і творчы патэнцыялы прафе-

сарска-выкладчыцкага калектыву інстытута дазваляюць рабіць гэта на высокім навуковым узроўні. Вашы дзеянні і памкненні накіраваны на мабільнае ўключэнне ў даследаванне сусветнай і айчыннай медыяпрасторы, на выпрацоўку новых методык і практык арганізацыі медыйнай вытворчасці.

Заўважу, што такога чыну канферэнцыі яскрава паказваюць, наколькі мы падрыхтаваны да дынамічна зменлівых умоў жыццеўладкавання, да актыўнага ўваходжання ў сферу інфармацыйных тэхналогій, да фарміравання новай парадыгмы камунікатыўных зносін. І наколькі мы шануем, памятаем пра тых, хто побач з намі шчыраваў і шчыруе дзеля сваёй альма-матар, дзеля сваёй Бацькаўшчыны.

Сардэчна жадаю вам, паважаныя калегі, плёну, выніковай даследчай размовы, творчага натхнення, здароўя і дабрабыту!

Сяргей Абламейка,
рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
акадэмік НАН Беларусі, доктар тэхнічных навук, прафесар

СЛОВА ЮБІЛЯРУ

МОЎНЫ ВОБРАЗ АПАВЯДАЛЬНІКА Ў ПАЭМЕ ЯКУБА КОЛАСА «НОВАЯ ЗЯМЛЯ»

Адной з найважнейшых праблем мастацкай стылістыкі з’яўляецца праблема моўнага вобраза аўтара або вобраза апавядальніка. У вобразе аўтара, у яго моўнай структуры аб’ядноўваюцца ўсе якасці і асаблівасці стылю мастацкага твора: размеркаванне моўных сродкаў у апісанні персанажаў, іх учынкаў і думак, пераходы ад аднаго стылю выкладу да другога, пералівы і спалучэнні фарбаў у апісаннях прыроды, характар ацэнак пры дапамозе адпаведных слоў і выразаў. «Вобраз аўтара, – адзначае акадэмік В. У. Вінаградаў, – гэта не проста суб’ект мовы... Гэта – канцэнтраванае ўвасабленне сутнасці твора, якое аб’ядноўвае ўсю сістэму моўных структур персанажаў у іх адносінах з апавядальнікам... і цераз іх з’яўляецца ідэйна-стылістычным асяродкам, фокусам цэлага» [4, с. 122].

Падыходзячы з адзначанымі вышэй крытэрыямі ацэнкі моўнага вобраза апавядальніка да паэмы Якуба Коласа «Новая зямля», мы можам адзначыць, што яна са стылістычнага пункту гледжання ўяўляе вельмі складаную і шматпланавую маўленчую структуру. Мы чуем у ёй ярка выражаны голас самога аўтара, які часта нават перабівае ход апавядання асабістымі звароткамі, напрыклад:

Я тут спыню апавяданне,
Каб значны крок ступіць назад,
Зрабіць уважлівы агляд
Прычын, імкнення, парывання...

Мы чуем галасы іншых шматлікіх персанажаў паэмы, у першую чаргу Міхала, Ганны, Антося, а таксама шматлікіх вяскоўцаў, леснікоў, шляхціцаў, земляробаў і іншых асоб, з якімі давялося мець справу герою паэмы – палясоўшчыку Міхалу.

Разгледзім першую, уступную главу паэмы «Леснікова пасада», якая з розных бакоў характарызуе асаблівасці аўтарскага маўлення, моўны вобраз апавядальніка. Паэма пачынаецца з уступных строф, у якіх аўтар звяртаецца ў форме маналога-звароткa да сваіх родных мясцін, дзеліцца з чытачом сваімі думкамі і пачуццямі, што вы-

клікаюць у яго душы ўспаміны аб мінулым жыцці. Першыя дзве страфы, як і, уласна кажучы, першая глава паэмы, задаюць тон усяму далейшаму апавяданню.

Нагадаем гэтыя важныя ў стылістычных адносінах страфы, якія можна назваць ключавымі, вызначальнымі і якія вельмі ярка характарызуюць маўленча-стылістычную палітру аўтара.

Мой родны кут, як ты мне мілы!..
Забыць цябе не маю сілы!
Не раз, утомлены дарогай,
Жыццём вясны мае ўбогай,
К табе я ў думках залятаю
І там душою спачываю.
О, як бы я хацеў спачатку
Дарогу жыцця па парадку
Прайсці яшчэ раз, азірнуцца,
Сабраць з дарог каменні тыя,
Што губяць сілы маладыя, –
К вясне б маёй хацеў вярнуцца.

Гэтыя пачатковыя страфы паэмы вельмі характэрныя сваёй рытмічна-кампазіцыйнай зладжанасцю. Дзякуючы лірычнай прачуласці яны пакідаюць уражанне крылатых, інтэртэкстуальных выслоўяў, выклікаюць у кожнага беларускага чытача глыбокае пачуццё нацыянальнай гордасці і сыноўняй любові да роднага краю. Аб гэтым вельмі добра сказаў Янка Брыль у сваёй кнізе «Мой родны кут». У ёй пісьменнік распавядае, як да вязняў гітлераўскага канцлагера трапіла паэма Якуба Коласа «Новая зямля». Пісьменнік так узгадвае пра гэту падзею:

«І вось у рукі яго, якраз у тыя дні, калі мы, маладыя сябры, забаранілі яму прыніжаць сваю чалавечую годнасць, трапіла неяк бывалая кніга без вокладкі, якая пачыналася адразу з самых блізкіх, у сэрцы вынашаных слоў: “Мой родны кут, як ты мне мілы!” Бачыў я тады – пакуль што адзін раз у жыцці, – як самы просты чалавек плакаў над кнігай паэзіі. Не забыцца пра той журботны, цьмяны перадвясновы дзень, пра прасветлены воблік шэрага рабацягі, які, чытаючы ўголас, па складах, трымаўся, як дзіця за бацькаву руку, парэпаным пальцам за кожны радок – каб не дай бог не разлучыцца з тым родным светам, без якога так патамілася, так збалела яго

шчырая душа... І я тады думаў. Не, спачатку я выйшаў у барак, сарамліва застаўся адзін. Мне зноў адкрылася, маю душу па-свойму ўразіла непаўторная беларуская прыгажосць, абаяльная сіла паэзіі – народнай і зараз вялікай» [3, с. 11–12].

Так у новым кантэксце цудоўныя коласаўскія радкі ўзбагаціліся новым патрыятычным зместам і глыбокім лірычным пачуццём.

Заканчваючы свой уступны лірычны маналог, Якуб Колас будуе страфу, якая ўзмацняецца выкарыстаннем сродку паэтычнага сінтаксісу – кальца страфы, калі паўтараюцца першы і апошні радок аўтарскага маўлення, напрыклад:

Вясна, вясна! Не для мяне ты!
Не я, табою абагрэты,
Прыход твой радасны спаткаю, –
Цябе навек, вясна, хаваю.
Назад не прыйдзе хваля тая,
Што з быстрай рэчкай уплывае.
Не раз яна, зрабіўшысь парам,
На крыллях сонца дойдзе к хмарам.
Ды зноў дажджом на рэчку сыдзе –
Ніхто з граніц сваіх не выйдзе,
З законаў, жыццем падпісаных,
Або на дол спадзе ў туманах,
Але хто нам яе пакажа?
На дол вадой ці снегам ляжа?
Не вернешся, як хваля тая
Ка мне, вясна ты маладая!..

Пасля гэтых лірычна-рытарычных уступных строф аўтар пераходзіць да падрабязнага апісання родных мясцін, выкарыстоўваючы розныя вобразна-выяўленчыя сродкі: ад простых ацэначных эпітэтаў да разгорнутых метафар і параўнанняў. Пры гэтым адзначым, што створаныя аўтарам вобразныя малюнкі родных мясцін падаюцца ў своеасаблівай аб'ектыўнай манеры без падкрэсленага аўтарскага «я». Нагадаем наступныя прыклады:

Як дзве старэнькія кабеткі,
К каторым старасць неўзаметкі
Падкраўшысь злодзеем срэдзь ночы,
Як смачны сон закрые вочы,

Красу і крэпасць забірае
І ўсю іх жывасць выкрадае
Ды кіне іх адных, старэнькіх,
Адных як перст, і чуць жывенькіх
І непатрэбных анікому
На цягасць жыццю маладому, –
Так каля хаты, у садочку,
Схіліўшысь цяжка ў куточку,
Стаялі дзве вярбы старыя,
А навакола маладыя
Дзярэўцы пышна красавалі,
На свет вясёла пазіралі...

Або:

Расла тут грушка з тонкім станам;
Па-над парканам пышным валам
Стаяў вішняк густы, прыўдалы.
Садок быў, праўда, невялічкі:
Дзве верабіны ды тры дзічкі
Ды між верб ліпка маладая,
Бы іх унучка дарагая.
Але як весела і міла
Тут пчолка ў вуллях гаманіла!
І як прыемна пахла мёдам!

Гаворачы пра асаблівасці моўнага вобраза аўтара ў «Новай зямлі», нельга не спыніцца на маўленча-кампазіцыйнай, метрычнай структуры паэмы. Як вядома, «Новая зямля» напісана ў традыцыйнай метрычнай форме ямба. Але самае галоўнае – аўтар выдатна выкарыстоўвае для апавядання парную, сумежную рыфму, што надае яго маўленню своеасаблівы каларыт, дае неабсяжныя магчымасці для моўнага эксперыментатарства, стварэння разнастайных лексіка-семантычных і сінтаксічных спалучэнняў афарыстычнага характару, напрыклад:

А для дзяцей найбольша свята
Абы наесціся багата.

Або:

І так, бывала, наясіся,
Што хоць на пуціку круціся.

Адзначым, што афарыстычныя выслоўі Якуба Коласа не толькі адлюстроўваюць побытавыя з'явы, але і выкарыстоўваюцца як сродак выражэння важных сацыяльна-ацэначных значэнняў. Напрыклад:

Як ты ні падай, ні гайсай,
Не пападзеш да пана ў рай.

Або:

Зямля дзяцей сваіх не кіне,
Зямля – аснова ўсёй айчыне.

Больш падрабязна аб гэтым у нас будзе сказана далей. Галоўнай, цэнтральнай тэмай паэмы з'яўляецца тэма новай зямлі, якая выразна сфармулявана ў главе «Смерць ляснічага»:

Так смерць ляснічага старога
Міхала моцна ўскалыхнула
І ўсё ўверх дном перавярнула.
І тут у першы раз Міхала
Вось гэта думка напаткала:
Купіць зямлю, прыдбаць свой кут,
Каб з панскіх выпутацца пут.
І там зажыць сабе нанова:
Зямля свая – вось што аснова.

Гэта галоўная, цэнтральная думка паэмы развіваецца, разгортваецца ў далейшым апавяданні. Адзначым, што аўтар выдатна выкарыстоўвае такія фігуры паэтычнага сінтаксісу, як рытарычнае пытанне і анафара. Вось што піша паэт у главе «Агляд зямлі», распавядаючы пра пакутлівыя пытанні Міхала:

А дзе ж той выхад? Дзе збавенне
З няволі цяжкай, з паланення?
Адзін ён ёсць: зямля, зямля,
Свой пэўны кут, свая ралля:
То – наймацнейшая аснова
І жыцця першая умова.
Зямля не зменіць і не здрадзіць,
Зямля паможа і дарадзіць,
Зямля дасць волі, дасць і сілы,
Зямля паслужыць да магілы,

Зямля дзяцей сваіх не кіне,
Зямля – аснова ўсёй айчыне.

Усе працытаваныя намі радкі маюць глыбока змястоўны, афарыстычны характар.

У «Новай зямлі», як і ва ўсіх мастацкіх творах геніяльнага аўтара, пануе магутная стыхія жывога народнага маўлення. Яна выяўляецца не толькі ў мове самога аўтара, але і ў маўленні ўсіх персанажаў паэмы.

Гаворачы пра сюжэт і змест паэмы, можна адзначыць, што ўвесь твор Коласа – гэта апавяданне пра вялікую, дружную, працавітую сям'ю лесніка Міхала.

Паэт закранае ў творы ўсе найважнейшыя, яркія падзеі ў жыцці сям'і Міхала. Тут і апавяданне пра раніцу ў нядзельку, калі маці пякла блінцы на сняданне, і пра гутарку аб новай зямлі, і пра смерць старога ляснічага, пра пярэбары на новае месца, пра зіму ў Парэччы, пра Каляды, Вялікдзень, пра паездку дзядзькі Антося ў Вільню і, нарэшце, пра трагічную падзею – заўчасную смерць Міхала.

Асаблівасці жывога народнага маўлення вельмі ярка выяўляюцца ў багатым выкарыстанні элементаў гутарковага, размоўнага стылю – маналогаў, рэплік, дыялогаў, простай і няўласна-простай мовы, гутарак, размоў і спрэчак персанажаў. У розных главах паэмы мы сустракаемся з вельмі частым ужываннем элементаў палілога – сумеснай гутаркі-размовы некалькіх асоб. Нагадаем, напрыклад, главы «За сталом», «На першай гаспадарцы» і іншыя, у якіх сямейнікі дзеляцца думкамі па галоўнай праблеме – куплі новай зямлі. Вось як пачынае апавяданне пра гэта аўтар:

І бацька ў вольныя часіны
Расказваў дома ўсе навіны
І чуткі ўсе наконт зямелькі.
Так і цяпер, у час нядзелькі,
Аддаўся бацька светлым марам
І вёў размову з такім жарам,
Што бацьку ў хаце ўсе дазвання,
Як бы ксяндза таго казанне,
Так шчыра слухалі, маўчалі,
Што й нос абцерці забывалі.
– Пытаўся я ў людзей, брат, сёння

Наконт зямлі каля Заблоння, –
Так бацька мову расчынае
І вочы весела ўскідае
На ўсіх, хто толькі быў у хаце: –
Там, брат, гароды – чуеш, маці?
(Ён гэтым жонку падкупляе)...

Далей аўтар перадае слова ўсім удзельнікам размовы:

І бацька моўкне і чакае,
Што скажа дзядзька або маці,
І ціха стала ўраз у хаце:
Чутно, як муха пралятае.
– Пасада, кажаш, вельмі ўдатна,
Усяго там родзіцца аж надта.
Чаму ж яе там не купляюць?
На нас, ці што, людцы чакаюць? –
Пытае маці: – Каб такая
Была зямля гэта прыўдала,
Яна б дагэтуль не гуляла,
Або аб ёй ніхто не знае?

Потым у гутарку ўступае дзядзька Антось, які вось такім чынам падсумоўвае важную размову:

– Вядома, бацькаўшчыны шкода, –
Сказаў Антось у тоне згоды: –
Але ж і трэба меркавацца
І аднаго таго трымацца;
І не чужым, а сваім вокам
Агледзець трэба ненарокам,
Як мае быць, Заблонне тое;
А можа выйдзе што-якое.
Рабіць тут трэба – адно слова,
Не то што – цуп-луп! – і гатова,
Бо гэта справа – не пустая;
Людскі ж язык касцей не мае.
Я так бы раіў: выбраць час
І аглядзець усё зараз,
А там сама пакажа справа,

Ці варта шуму ўся аблава,
Бо мо ваўкі ўсе пасхадзілі, –
На тым яны і парашылі.

Акрамя розных відаў маналогаў і дыялогаў Якуб Колас выкарыстоўвае ў паэме багата рэплік, выслоўяў, рытарычных зваротаў і іншых характэрных моўных адзінак. Рэплікі ў паэме выконваюць як вобразна-стылістычную, так і сюжэтна-кампазіцыйную функцыю. Яны могуць выступаць не толькі ў якасці зачынаў апавяданняў, але і ў якасці экспрэсіўных канцовак. Нагадаем прыклады моўных рэплік-зачынаў:

– Ну, небажаты, будзем снедаць –
Ў людзей садзяцца ўжо абедаць.
Цягні мачанку, маці, з печы!
За стол малы, за стол старэчы!

«За сталом»

– То як жа быць? – спытаў Антоні: –
Давай, брат, думаць хоць сягоння
Ці так ці сяк, каб даць параду
І к аднаму ўжо прыйсці ладу.

«На першай гаспадарцы»

– Міхал! Міхале! О, Міхале! –
Пачуўся голас як бы здаля
Каля зямлянкі ранічкою...

«Смерць ляснічага»

Вялікую кампазіцыйную функцыю выконваюць рэплікі-канцоўкі, напрыклад:

– Ну, што ж? Цяпер, маўчы зацята,
Бо так выходзіць, небажаты: –
Наняўся, кажуць, як прадаўся! –
Міхал зласмешна адазваўся.

«Новы ляснічы»

Ляснічы зразу ўзад падаўся...
– Чаго пан гэтак раскрычаўся?
Завошта пан мяне так лае?
Згарыць яна няхай такая
І служба гэта, і пасада,

І гэта крыўда, й гэта здрада,
І гэта панская адплата!..
Няхай яна будзе праклята!.. –
Міхал тут плюнуў, завярнуўся –
Хоць раз, ды добра агрызнуўся.

«На панскай службе»

– Ну, дзядзька, як мы тут стаіма?
– А так, як цюцькі за дзвярыма! –
Ім бацька з хаты дзесь азваўся,
І раптам дружны смех падняўся.

«Вечарамі»

А хочаш ты, каб было ціха,
На чым сядзіш, таго глядзі ты!
Казаў Міхал не раз сярдзіта:
– Маўчы, калі ёсць хлеб у роце! –
І што сказаць на гэта проці?

«Раніца ў нядзельку»

Нідзе не бачылі зайцоў,
І дзядзьку стрэліць не прыйшлося,
Але пачулі ад Антося:
– Забілі зайца, не забілі,
Але ж, брат, гуку нарабілі.

«Зіма ў Парэччы»

А тут Алесь як зарагоча!
За ім адзін, другі паехаў.
Такіх было тут жартаў, смехаў,
Што ўсіх трасло і калаціла
І дзядзьку смехам захваціла.
– Ну, дзядзька, як на смак, прызнайся?
– Паскудства, брат, і не пытайся.

«Дзядзька кухар»

Мінута важная, цяжкая.
І ціха, ціха стала ў хаце.
– Няхай так будзе, пане-браце! –
Гукнуў Хадыка канчаткова.
Яны рукамі крэпяць слова,

Антось ім рукі разнімае.
– Няхай жа Бог вам памагае!
– Панамі будзеце, панамі,
Ядзяць вас мухі з камарамі!

«Агляд зямлі»

У главе «Раніца ў нядзельку» моўны вобраз апавядальніка набывае зусім іншы характар. Як вядома, кожны пісьменнік у залежнасці ад творчай задумы выбірае той ці іншы структурны прынцып арганізацыі моўнага матэрыялу, які і вызначае спецыфіку вобраза апавядальніка. У адных выпадках апавяданне вядзецца адкрыта ад імя аўтара або ад імя героя твора. Гэта так званы суб'ектыўны метад апавядання. У другіх выпадках аўтар прама не выражае свайго стаўлення да апісаных падзей, апавяданне вядзецца ад трэцяй асобы. Але які б сродак апавядання не выбіраў пісьменнік, чытач заўсёды адчувае пазіцыю аўтара, характар яго стаўлення да персанажаў і падзей.

Глава «Раніца ў нядзельку» пачынаецца апісаннем звычайнай вясковай сцэнкі, якое ствараецца пры дапамозе апавядання ад трэцяй асобы.

Дзень быў святы. Яшчэ ад рання
Блінцы пякліся на сняданне,
І ўжо пры печы з чапялою
Стаяла маці... Пад рукою
Таўкліся дзеці, заміналі,
Або смяяліся, спявалі.
Услон заняў сваё ўжо месца,
На ім стаяла дзежка цеста,
І апалонік то і дзела
Па дзежцы боўтаў жвава, смела
І кідаў цеста ў скавародкі.
Давала піск яно караткі,
Льючыся з шумам на патэльні,
І ў жар стаўлялася пякельны;
І там з яго ўжо ўвачавідкі
Пякліся гладзенькія пліткі
Блінцоў, спаднізу наздраватых,

Угору пышна, пухла ўзнятых,
І ўжо адтуль рукою маткі
На ўслон шпурляліся аладкі,
А дзеці іх даўно сачылі
І на ляту блінцы лавілі,
Заядла мазалі іх здорам.
Стаяў асобна ў місцы скорам
Сяго-таго для верашчакі.
Хоць невялікія прысмакі –
Цыбуля, перчык, ліст бабкоў,
Ды сальца некалькі брускоў,
Мука і квас – і ўся прыправа,
Але ўсё ж снеданне цікава...

Яркасць і экспрэсіўнасць гэтага малюнка дасягаецца не толькі ўжываннем вобразна-выяўленчых, ацэначных сродкаў мовы, але і самім характарам аўтарскага апавядання, яго асаблівым «пахам» і «смакам», аб якім пісаў у адной з эпіграм Максім Танк: «Начытаўся я “охаў” і “ахаў” пра красу нашых ніў і лясоў. Ах, каб столькі было ў одах паху, як ад коласаўскіх блінцоў, што ў нядзельку ад самага рання яго маці пякла на сняданне».

Але самае галоўнае – гэта пачуццё гумару, якім насычана ўся паэма. Яно ярка адчуваецца і ў апісанай намі главе:

А для дзяцей найбольша свята
Абы наесціся багата.
І звон аб прыпек скавародкі,
Так блізкі сэрцу, так ім родны,
У нейкім радасным настрою
Спяваў ім песняю святою
І лашчыў сэрца іх і вушы...
Недарма ж дзядзька іх, бывала,
Каб пабудзіць каго з іх жвава,
Пагнаць каровак ранічкою
У прыпек біў скаварадою.

Трэба адзначыць, што Якуб Колас у сваёй паэме адводзіць багата месца апісанню сялянскага застолля. Дастаткова ўзгадаць главы «За сталом», «Падгляд пчол», размову пра Каляды і Вялікдзень і інш. Так, напрыканцы главы «За сталом» аўтар вельмі выразна апавядае

пра завяршэнне ранішняга снядання, калі маці прыносіць вялікую міску тварагу, запраўленага смятанай. Характарызуючы гэту міску, Колас трапна выкарыстоўвае гіпербалічнае параўнанне – метафару: «Другая міска, міска-яма, апаражнялася таксама», што вельмі адпавядае характару паэтавага апавядання, скрозь якое пастаянна свеціцца аўтарская ўсмешка.

Такім чынам, адзначым яшчэ раз, што Якуб Колас у сваёй паэме адводзіць шмат месца падрабязнаму апісанню сялянскага застолля, як сам пісаў паэт – «банкетаванню», што вельмі ярка адлюстроўваецца ў такіх главах паэмы, як «За сталом», «Падгляд пчол», а таксама ў главах, прысвечаных святкаванню Каляд і Вялікадня.

Міхась Цікоцкі,
доктар філалагічных навук, прафесар
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

СЛОВА ПРА ЮБІЛЯРА

ЖЫЦЦЁ, ПРЫСВЕЧАНАЕ СЛОВУ…
Да 90-гадовага юбілею прафесара Міхася Цікоцкага

Плеяда беларускіх філолагаў XX ст. заклала годны падмурак для развіцця айчыннага і славянскага мовазнаўства. Служачы навуцы, дбаючы пра роднае слова, вучоныя перадалі пакаленню сучасных лінгвістаў спадчыну, якая патрабуе сёння адмысловай працы, удумлівых крокаў па развіцці дасягнутага. Адным з класікаў беларускага мовазнаўства з'яўляецца доктар філалагічных навук, прафесар, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, заслужаны журналіст Рэспублікі Беларусь, заслужаны работнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Міхась Яўгенавіч Цікоцкі. Пра выдатнага стыліста Цікоцкага калегі, вучні, журналісты гаварылі і гавораць з асаблівай цеплынёй і гонарам: «Без усялякай рысоўкі і перабольшання прызнаюся: я мераў свой рост па Цікоцкаму. Але гэткай, як у яго, інтэлектуальнай глыбіні не дамогся. Ён для нас – прызнаны лідар, узор інтэлігентнасці» (Барыс Стральцоў); «Міхаіл Яўгенавіч – даследчык дапытлівы, уважлівы да галоўнага ў нашай журналісцкай працы – багацця зместу і культуры слова. Ён сам чалавек шырока адукаваны і інтэлігентны ў лепшым сэнсе гэтага слова. Я не памятаю, каб ён сказаў каму-небудзь са сваіх калег грубае слова, абразіў каго ці аказаўся няўважлівым» (Ефрасіння Бондарава). Існасць Міхася Яўгенавіча Цікоцкага перадае прафесар Іван Сачанка: «Ён мне многім нагадвае святара, таго святара, які спаўна аддае сваё жыццё Богу. Для Міхаіла Яўгенавіча, можна сказаць, наша роднае слова стала сэнсам усяго жыцця, імкненняў».

Жыццё, прысвечанае слову...

Нядаўна ў выдавецтве «Адукацыя і выхаванне» выйшла кніга прафесара М. Я. Цікоцкага «Урокі моўнага майстэрства. Стылістычныя назіранні над паэзіяй і мастацкай прозай Янкі Купалы і Якуба Коласа». Міхась Яўгенавіч з асаблівай любоўю, руплівасцю і чаканай даступнасцю ў ёй праводзіць усебаковы стылістычны аналіз паэтычных і празаічных твораў Янкі Купалы і Якуба Коласа, падрабязна разглядае такія характарыстыкі, як моўны вобраз

аўтара-апавядальніка, асаблівасці абмалёўкі персанажаў, сістэму вобразна-выяўленчых сродкаў, кампазіцыйныя прыёмы. Так, гаворачы пра Купалу, аўтар кнігі вынікуе: «...Яго паэтычны геній вельмі ярка праяўляўся ў незвычайнай лёгкасці, свабодзе пры выкарыстанні моўнага матэрыялу – як лексічнага, так і граматычнага. Усе моўныя сродкі, як традыцыйныя, так і індывідуальныя, вельмі арганічна ўпляталіся ў тканіну твора. І гутаркова-размоўныя словы, і словы кніжнага стылю, і нечаканыя скарачэнні і наватворы – усё гэта прасякнута нейкай асаблівай паэтычнай свежасцю, трапнасцю, арганічнасцю ў кантэксце кожнага твора. Талент Купалы перапаўняў душу паэта, – яго лірычнае хваляванне шукала выхаду, маладыя сілы імкнуліся праявіцца адразу ў шматлікім багацці напісаных вершаў». Пасля такіх слоў і ўвогуле прачытання кнігі шматлікім руплівцам роднага слова стане лягчэй глядзець на свет, яны больш упэўнена будуць крочыць па абраным шляху, бо светлыя промні напісанага не адпусцяць, заварожаць лёгкасцю і адчуваннем жыццёвай гармоніі, спавітай з думак і памкненняў класікаў айчыннай літаратуры і дасведчана мудрага доследу прафесара Цікоцкага. Міхась Яўгенавіч перакананы: «...Сапраўднае мастацкае слова заключаецца ў своеасаблівым, “дзіцячым” поглядзе на рэчаіснасць... Дзіця кожны дзень адкрывае заманлівы свет, які даўно надакучыў дарослым. Гэта якасць – бачыць усё як быццам упершыню, без цяжару даўніх звычак, быццам у новым святле, – уласціва дзецям і мастакам. Сапраўды, толькі мастак і дзіця здольны бачыць жыццё заўсёды ў незвычайнай свежасці кожнай з’явы, якой бы малой яна не здавалася. Гэта зоркасць погляду, які ўспрымае ўсе фарбы, уменне жывапісаць словамі, каб ствараць рэчы наглядныя, якія б не апісвалі, а паказвалі рэчаіснасць, дзеянні і стан людзей. Гэта веданне вялікіх магчымасцей слова, уменне адкрываць схаваныя моўныя багацці, адчуваць і перадаваць паэзію, багата рассеяную вакол нас».

Невычэрпная моц жыцця, натхненне, спагадлівае сэрца і сяброўскае стаўленне да людзей, дасведчанасць і высакародная інтэлігентнасць сышліся ў асобе сённяшняга юбіляра – арыстакрата па навуковым духу і вытанчанага ў філалагічным гусце стыліста. Навуковая грамадскасць нашай краіны адзначае важную ў філалагічным жыцці падзею – 90-гадовы юбілей слыннага вучонага, таленавітага журналіста, здольнага арганізатара беларускай навукі, які стаіць ля вытокаў класічнай беларускай стылістыкі і стылістыкі публіцыстычных жанраў, Міхася Яўгенавіча Цікоцкага.

Імя беларускага вучонага непарыўна звязана з гісторыяй роднай Беларусі. Асаблівы клопат М. Цікоцкага – родная мова. З болем і нават адчаем Міхась Яўгенавіч гаворыць пра выпадкі абыякавага стаўлення да яе, духоўнай занядбанасці і недалёкасці ва ўсведамленні, што значыць тытульная мова народа. Здараецца так, што сучаснікі здзіўляюцца ўзрушэннямі прафесара. Маўляў, як «выхадзец з такой вядомай, славутай сям'і мог з'яднацца ў адзіным моцным ланцугу з родным словам!». Адказ на гэтае пытанне, відаць, можна знайсці ў творчасці бацькі – народнага артыста БССР Яўгена Карлавіча Цікоцкага – аднаго з заснавальнікаў беларускіх оперы і сімфоніі, чые творы, напісаныя ў класічнай і рамантычнай манерах, маюць моцны ўплыў народных матываў. Сыну ж наканавана было стаць заснавальнікам айчыннай стылістыкі – навукі, вызначальнай у мовазнаўстве ХХ ст.

М. Я. Цікоцкі нарадзіўся 20 лютага 1922 г. у Бабруйску. У 1933 г. сям'я пераехала ў Мінск, дзе ў 1941 г. Міхась Яўгенавіч закончыў сярэднюю школу. Да 1943 г. знаходзіўся на часова акупаванай тэрыторыі, а затым перапраўлены партызанамі на самалёце ў Маскву. Увосень 1943 г. малады Цікоцкі ў складзе супрацьтанкавага знішчальнага батальёна пайшоў на фронт, ваяваў на 1, 2 і 3-м Беларускіх франтах. Летам 1944 г. пад Кобрынам быў паранены. Узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны І ступені, двума медалямі «За адвагу».

Пасля дэмабілізацыі ў 1946 г. М. Я. Цікоцкі паступіў на аддзяленне журналістыкі БДУ імя У. І. Леніна. Выбар прафесіі журналіста для Міхася Яўгенавіча стаў не выпадковым. Па ўспамінах, у знакамітага бацькі было моцнае захапленне: сабраць калекцыю нумароў усіх газет, што выдаваліся ў Савецкім Саюзе, ад цэнтральных да нізавых – шматтыражак. Такая ўвага да друку не магла не адбіцца на лёсе Міхася Яўгенавіча. Трэба прыгадаць, што і Яўген Карлавіч меў літаратурныя здольнасці.

З творчым запалам журналіст Міхась Цікоцкі працаваў у рэдакцыях газет «Савецкі селянін» і «Калгасная праўда», у часопісе «Вожык». Адначасова вучыўся ў завочнай аспірантуры пры кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі, а праз тры гады паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Публіцыстыка Якуба Коласа».

Асаблівае адчуванне беларускага слова, яго мілагучнасці, нюанснага зместавага напаўнення вяртаюць вучонага ва ўніверсітэт.

З 1953 г. М. Я. Цікоцкі працуе на факультэце журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта спачатку ў якасці выкладчыка, дацэнта кафедры тэорыі і практыкі савецкага друку, а з 1965 г. і яе загадчыка. Але ж Міхась Яўгенавіч у навуковым пошуку знаходзіць для сябе свой прыярытэт – стылістыку, якой прысягае на ўсё жыццё. М. Я. Цікоцкі ў кастрычніку 1969 г. засноўвае кафедру стылістыкі і літаратурнага рэдагавання, якой кіруе дваццаць гадоў.

У 1972 г. М. Я. Цікоцкі абараняе доктарскую дысертацыю на тэму «Праблемы публіцыстычнага стылю», а праз год атрымлівае вучонае званне прафесара. Трэба сказаць, што абраная вучоным навука ў той час набыла асаблівую прывабнасць, якая прарасла буйным зернем творчага пошуку і замацавалася ў набытках XX ст. Удала спалучыўшы веды ў галіне журналістыкі і мовазнаўства, малады Цікоцкі пранікнёна даследуе паэтыку журналісцкага слова. Даказвае, пераконвае, дыскутуе і дамагаецца прызнання за публіцыстычным словам эстэтычнай вартасці.

Пад клапатлівым і дбайным вокам даследчыка пачала фарміравацца стылістыка публіцыстычных жанраў – сімбіёз філалагічнай навукі, у якой арганічна спалучыліся набыткі лінгвістыкі, літаратуразнаўства і журналістыкі. Сімвалічна, што аўтарам «Стылістыкі публіцыстычных жанраў» стаў прафесар М. Цікоцкі, кнігі, якая і па сёння застаецца адзінай у сваім родзе і якую, нягледзячы на мову напісання, вывучалі ў свой час нават у Маскоўскім дзяржаўным універсітэце.

Фарміруецца новы навуковы напрамак – стылістыка тэксту. І зноў прафесар М. Цікоцкі стаў першым на Беларусі: выдаў падручнік «Стылістыка тэксту», у якім увасобіў мару любога стыліста – з'яднаць у адно цэлае элементныя складнікі тэксту праз асобу яго ствараьніка.

Прафесар М. Цікоцкі і сёння трымае сваю дбайную руку на пульсе часу. Рупліва назапашанае ва ўласнай навуковай і творчай скарбонцы перадае наступным пакаленням, перакідае масток да спасціжэння моўных таямніц, адкрывае шлях да творчага пошуку. Бо менавіта валоданне густоўным словам сёння вызначае аблічча сучаснага чалавека, акрэслівае яго прафесійную годнасць, робіць яго мабільным і паспяховым.

Віктар Іўчанкаў,
загадчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі БДУ, доктар філалагічных навук, прафесар

ЭТЫКА МУДРАСЦІ...
Ганаровы залп жыцця гарматы Цікоцкага

«Батарея, к бою!» – жорсткая каманда вырвала салдат з акопаў і ... пачалася хвалюючая музыка жыцця воіна, грамадзяніна, вучонага, прафесара.

Суровая нота вайны гучала хоць і страшна, але ўсё ж ніжэй урачыстай і шматкаляровай сімфоніі жыцця. Гарматныя залпы рвалі сэрца, білі страшэнным громам па галаве, дымам засцілалі юнацкія вочы і смяротнай маланкай знікалі ў небе. Снарад за снарадам. Залп за залпам. І ўзрыў неба…

Салдат тварыў смерч. Ён не цэліў у чалавека. Ён ставіў завесу супраць смяротнага зла, выпаленай зямлі, расстрэлаў, пажараў, знішчэння ўсяго жывога. Снарад за снарадам. Залп за залпам…

У віхуры бою наступаў момант, калі, здавалася, што сілы не ставала. Тады ў грукат гармат уключалася нейкая звышмагутная сіла. І снарад нібыта ўзлятаў у неба з рук салдата, а ствол гарматы, як вулкан агню, грозна трубіў ваяўнічы кліч перамогі. На дапамогу богу вайны, маладому артылерысту, прыйшоў наш усёмагутны Творца. Святы Бог быў разам з салдатам, каб захаваць яго жыццё і жыцці мільёнаў людзей, якія стаялі супраць пякельнага ваеннага пажару.

Салдат Цікоцкі змагаўся за прыгожае жыццё. За вясновы квяцісты ранак, гарэзлівых прыгажунь-дзяўчат, за нас і нашых дзяцей, цудоўных анёлаў-немаўлят. У яго душы гучала бясконца захапляльная музыка шчаслівай будучыні. На далёкай змрочнай вайне салдат Цікоцкі ствараў светлую ахоўную сферу для сябе і для нас, хто толькі прыйшоў ці толькі збіраўся прыйсці ў гэты свет. Яна, духоўная сфера Цікоцкага, поўнілася любоўю і надзеяй і была настолькі магутнай, што ні куля, ні бомба не заляталі ў яе абсяг. Каб не тое раненне пад Кобрынам…

Воін Цікоцкі дараваў нам будучыню без вайны і смерці. А такая будучыня, як вядома, неўміручая.

Удзячнае грамадства і дзяржава пажыццёва прысвоілі Міхаілу Яўгенавічу высокае ганаровае народнае званне – салдат Перамогі, галоўнага героя Вялікай Айчыннай вайны, які быў апорай непераможнай Савецкай Арміі. На яго гімнасцёрку геройскім крылом двойчы ўзлятала зорка медаля «За адвагу».

У пераможны час М. Цікоцкі не зачахліў сваёй жыццёвай гарматы. У маладога чалавека, які вярнуўся з вайны, раскрыўся твор-

чы талент. Яго юнацкім натхненнем, духоўным боепрыпасам, захапляльным матывам жыцця сталі культура, асвета і навука.

У гэтай цудоўнай духоўнай скарбонцы выкрышталізаваліся самыя яскравыя рысы характару Міхася Цікоцкага. Былы франтавік выдатна вучыўся ў БДУ. З асалодай працаваў у журналістыцы. Незвычайны факт: прафесійны артылерыст, які ўсю вайну быў пад аховай зямельных траншэй і акопаў, працаваў карэспандэнтам рэдакцый хлебаробскіх выданняў «Савецкі селянін» і «Калгасная праўда». Гэта асаблівая рыса тонкага таленту чалавека, непазнавальна шырокі і каштоўны арсенал магчымасцей журналісцкай прафесіі.

Ён першы з франтавікоў абараніў кандыдацкую дысертацыю на аддзяленні журналістыкі ў 1953 г. З таго часу талент маладога вучонага і педагога стаў неад’емнай часткай душы і творчасці многіх-многіх пакаленняў беларускіх студэнтаў, журналістаў і пісьменнікаў.

На фронце ён быў богам вайны, а ва ўніверсітэце стаў майстрам слова. Гэта самая моцная зброя ў арсенале, асабліва творцы, які адкрывае душу чалавека. Гэта адлюстравана ў многіх навуковых творах прафесара Міхаіла Цікоцкага, які стаў мэтрам журналісцкай адукацыі, маэстра беларускай журналістыкі і эстэтыкі публіцыстычнага слова. Ён заснаваў навуковы напрамак у беларускай лінгвістычнай навуцы, стварыў комплекс вучэбнай літаратуры, як аснову засваення журналісцкага вопыту і публіцыстычнага майстэрства.

Міхаіл Яўгенавіч – прафесар ад Бога. У яго педагагічным арсенале захапляльная экспрэсія і непераўзыдзеныя духоўныя адносіны са студэнцкай аўдыторыяй. Эстэтыка выхавання і навучання ў яго педагогіцы знітаваны ў высокую маральную каштоўнасць, якая ўздымае будучага журналіста на самую высокую вяршыню аб’ектыўнай ацэнкі рэчаіснасці. Сярод усіх пакаленняў універсітэцкіх выкладчыкаў Міхаіл Яўгенавіч вылучаецца выключнай інтэлігентнасцю і інтэлектуальнасцю. Ён застрахаваны сваім інтэлектам ад супярэчнасцей і канфліктаў між людзьмі і калегамі. Гэта адна з найгалоўнейшых каштоўнасцей універсітэцкага супольніцтва. Ні крыўднага слова, ні хцівасці, ні косага погляду, ні зайздрасці, ні карыслівасці, ні знявагі. Ні, ні, ні… як асабістае забароненае і абароннае крэда, як жыццёва высакароднае правіла чалавечых паводзін. Праўда, дар такі вельмі рэдкі, і толькі такім прафесарам, як Цікоцкі Міхаіл Яўгенавіч, ён дараваны лёсам і Богам.

Міхаіл – воін, Яўгенавіч – грамадзянін, Цікоцкі – прафесар! Шчаслівае, арганічнае спалучэнне эстэтычна мілагучных вызначэнняў, высакародных слоў-паняццяў для нашага героя і для нас, хто жыве з такім зямным цудоўным чалавекам.

Хвала Госпаду за падарунак беларускаму народу Чалавека-стваральніка, які ўкладвае талент і душу ў развіццё нашага супярэчлівага грамадства.

Хвала Міхаілу Яўгенавічу за маральны і духоўны прыклад мінулага, сучаснага і будучага. Пажадаем, каб эстэтыка жыццёвай мудрасці і чысціні пад крылом таленту Міхаіла Яўгенавіча дазволіла і нам стаць бліжэй да Бога.

Алег Слука,
прафесар кафедры гісторыі журналістыкі
Інстытута журналістыкі БДУ, доктар гістарычных навук,
дэкан факультэта журналістыкі (1986–1996 гг.)

НА ДИСТАНЦИИ ДОВЕРИЯ

У каждого студенческие годы оставляют свои воспоминания. У меня студенчество ассоциируется с представителями поколения преподавателей БГУ, которых с полным правом можно назвать «шестидесятниками» – словом, которое вошло в широкий оборот, когда наше общество в середине 1980-х годов выбрало путь демократических преобразований. Хотя сегодня принято критически оценивать те или иные этапы советской истории, тем не менее именно в 1960-е годы, в так называемую оттепель, были заложены основы нынешних преобразований, пусть болезненных и мучительных, но неизбежных при развитии демократии в ее современной форме.

Среди фигур, которые в этом смысле уже тогда намного опередили свое время, выделялся Михаил Евгеньевич Тикоцкий. Он занимал высокое положение в университетской среде, будучи заведующим кафедрой стилистики и литературного редактирования. Но лингвист и языковед по призванию, Михаил Евгеньевич в общении со студентами вовсе не был суховатым педантом. Занятия он проводил живо и интересно, доходчиво и просто рассказывал о стилистических нюансах устной и письменной речи, учил вслушиваться в слово и творчески работать с ним.

Вспоминая сегодня лекции Михаила Евгеньевича, понимаешь, какую большую роль они сыграли в том, чтобы привить нам, будущим журналистам, чувство языка. Если говорить честно, студенты и тогда не отличались большой грамотностью, начитанностью, эрудицией. Да и по наивности многие считали, что журналисты не столько «читатели», сколько «писатели». Правда, впоследствии оказалось, что в ряды писателей кое-кто из однокурсников все-таки выбился. Это Леонид Дайнеко, Степан Бородовский. Известными журналистами республиканской, а затем и всесоюзной прессы вскоре стали Леонид Легоньков, Александр Градюшко, Николай Латыш. Не так уж мало, если учесть, что на отделение журналистики филологического факультета БГУ в те годы принималось только 25 человек. Причем условия набора были достаточно жесткими. Необходимо было иметь трудовой стаж не менее двух лет. Для парней это означало, что на студенческую скамью они попадали, отслужив положенные тогда три года в армии. Кроме того, при поступлении обязательно требовалось представить публикации и характеристику-рекомендацию от газеты. Такая суровая «школа жизни» рано формировала сознание

собственной значимости в профессии. Поэтому с первого курса большинство из нас видело себя уже «состоявшимися» журналистами, стремилось, не дожидаясь летней практики, больше бывать в редакциях, чем сидеть в аудитории, в библиотеке, за книгой.

Непросто было преподавателям работать с таким «контингентом»: с одной стороны, взрослые люди, с другой – как школьники не прочь на экзамене исподтишка вытащить шпаргалку. Михаил Евгеньевич в таких случаях предпочитал этих детских уловок не замечать. Человек до мозга кости интеллигентный, он с известной долей иронии относился к ситуации всяких экзаменов вообще. Это редкое качество сохранилось у него до сих пор. Накануне защиты моей докторской диссертации с Михаилом Евгеньевичем мы столкнулись в коридоре факультета. У нас состоялся любопытный диалог. К этому времени он нечасто бывал в университете. На вопрос, как он себя чувствует, он вместо ответа сказал мне:

– Что-то вы неважно выглядите.

– Боюсь, Михаил Евгеньевич, защиты. Все-таки докторская…

– Ну что вы, Ниночка, – прозвучало в ответ. – Вы ведь были такой хорошей студенткой!

В этом Михаил Евгеньевич весь. С его доверием к возможностям человека. С его проницательностью увидеть в студентах нечто большее, чем они в юности думают сами о себе. С его джентльменским отношением к женщине-коллеге, с которой на факультете бок о бок работает много лет.

Когда сегодня приходится слышать о том, что лучшие традиции отечественной профессуры безвозвратно уходят в прошлое, хочется возразить – это не так. Такие профессора, как Михаил Евгеньевич Тикоцкий, служат для нас, его бывших студентов, посвятивших себя журналистике и научно-педагогической деятельности, неизменным примером. Поздравляя Михаила Евгеньевича с очередным юбилеем, хочется пожелать ему от всего сердца оставаться по-прежнему оптимистом и не терять бодрости духа.

Нина Фрольцова,
профессор кафедры теории и методологии журналистики
Института журналистики БГУ, доктор филологических наук

А СПАКУШАЛА Ж ГІСТОРЫЯ ЖУРНАЛІСТЫКІ...

Мне, як і многім маім калегам, напрыканцы 50-х – пачатку 60-х гг. мінулага стагоддзя выпала вучыцца на аддзяленні журналістыкі філалагічнага факультэта БДУ, у часы, калі існавала адзіная кафедра журналістыкі. На ёй працавалі Р. В. Булацкі, М. С. Зярніцкі, Е. Л. Бондарава, М. Я. Цікоцкі, Н. А. Сніцарава, А. І. Апелінская. З намі таксама займаліся літаратуразнаўцы-філолагі С. Х. Александровіч, Д. Я. Бугаёў, І. І. Зазека, Б. П. Міцкевіч, Д. Я. Фактаровіч, Н. І. Лапідус, гісторыкі Г. М. Трухноў, А. П. Ігнаценка, выкладчык эстэтыкі М. Р. Крукоўскі, філосаф А. А. Бірала. Усе яны ўжо мелі ступені і навуковыя званні, былі вядомымі ў Беларусі навукоўцамі. Але было ў іх нешта большае, што аб'ядноўвала, – неабыякавасць, сваё меркаванне наконт праблем палітычнага жыцця, нацыянальнай гісторыі, культуры, мовы, літаратуры і мастацтва. Гэта было новае пакаленне беларускіх творцаў, якое карэнным чынам адрознівала іх ад многіх схаластаў, зашораных заскарузлымі догмамі, навукоўцаў 20–30-х гг. накшталт С. Х. Агурскага, для якіх К. Каліноўскі, беларускія народнікі, «нашаніўцы», З. Х. Жылуновіч (Ц. Гартны), У. М. Ігнатоўскі, А. Р. Чарвякоў і інш. з'яўляліся беларускімі буржуазнымі нацыяналістамі, а простыя беларусы – ніякімі не беларусамі, а тутэйшымі з былога Паўночна-Заходняга краю са сваёй заходнерускай гаворкай.

І вось насталі 50-я гг. У журналістыку прыйшло новае пакаленне, многія зведалі трагедыю Другой сусветнай вайны. І сярод іх быў Міхаіл Яўгенавіч Цікоцкі. БДУ ён скончыў у 1950 г., стаўшы дыпламаваным спецыялістам другога выпуску. Папрацаваў у практычнай журналістыцы, а ў 1953 г. перайшоў на выкладчыцкую працу, вырас да прафесара, загадчыка кафедры – спачатку тэорыі і практыкі журналістыкі, а затым – стылістыкі і літаратурнага рэдагавання. Гэтай працы ён аддаў некалькі дзясяткаў гадоў.

Але вернемся да вытокаў. У 1954 г. пры БДУ было адкрыта выдавецтва, потым з'явілася і свая друкарня. Гэта паспрыяла актывізацыі навукова-даследчай працы, што, у сваю чаргу, паўплывала на падрыхтоўку падручнікаў, дапаможнікаў і іншай вучэбнай літаратуры, манаграфій, у тым ліку і па дысцыплінах нацыянальнай тэматыкі, якіх дагэтуль не было. Ужо ў 1960 г. выдавецтва выпусціла дзве кнігі па журналістыцы – зборнік артыкулаў «Из истории партийно-советской печати» і аўтарскі зборнік М. Я. Цікоцкага «З гісторыі беларускай журналістыкі XIX стагоддзя». У некалькіх раздзелах

працы аўтар, які дасканала вывучыў і прааналізаваў тэматыку «Губернских ведомостей» у Беларусі, публіцыстычную спадчыну этнографа і журналіста П. М. Шпілеўскага, «Мужыцкую праўду» К. Каліноўскага, часопіс беларускіх рэвалюцыйных народнікаў «Гомон», першую прыватную газету ў Паўночна-Заходнім краі «Минский листок», а таксама публікацыі беларускіх карэспандэнтаў у агульнарасійскіх легальных і нелегальных выданнях «Современник», «Колокол» і сатырычным часопісе «Искра», зрабіў выдатны ўнёсак у гістарыяграфію беларускай журналістыкі. У зборніку М. Я. Цікоцкі змясціў публікацыі, прысвечаныя важнейшым падзеям у гісторыі Беларусі XIX ст. і важнейшым тагачасным перыядычным выданням. Кніга, такім чынам, на працяглы тэрмін стала, так бы мовіць, падручнікам па гісторыі беларускай журналістыкі, якім карысталіся студэнты і выкладчыкі кафедры. Заўважым, што першы дапаможнік «Гісторыя беларускай журналістыкі», аўтарамі якога былі Р. В. Булацкі, І. І. Сачанка, С. В. Говін, выйшаў толькі ў 1979 г.

Каштоўнасць кнігі М. Я. Цікоцкага «З гісторыі беларускай журналістыкі XIX стагоддзя», якой, дарэчы, карыстаюцца і сённяшнія студэнты Інстытута журналістыкі, заключалася і ў тым, што яе аўтар выступіў супраць вульгарызатарскіх характарыстык многіх беларускіх выданняў XIX ст., публіцыстаў, што друкаваліся ў іх, і аб’ектыўна расказаў аб палітычным жыцці Расійскай імперыі ў XIX – пачатку XX ст. Пасля выхаду кнігі адразу было заўважана, што ў беларускую журналісцкую навуку прыйшоў таленавіты, бліскуча падрыхтаваны, эрудзіраваны педагог і даследчык, які з часам стане ў ёй прыкметнай асобай.

Так і сталася. Але тады, у 60-я гг. XX ст., Міхаіл Яўгенавіч, можа, крыху і задумваўся над пытаннем: чаму аддаць перавагу – гісторыі журналістыкі, дзе ён ужо меў пэўны поспех, ці вывучэнню стылістыкі беларускай мовы, таксама пакуль што недаследаванай праблемы. І вось цуд! Чалавек, для якога роднай мовай з’яўлялася руская, выбраў другі накірунак – вывучэнне мяккай, прыгожай, меладычнай беларускай мовы, яе стылістыкі. М. Я. Цікоцкі стаў не толькі захавальнікам скарбаў беларускай мовы, але і адным з самых яскравых і знакамітых яе распрацоўшчыкаў. За гады працы на пасадзе загадчыка кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Міхаіл Яўгенавіч напісаў і выдаў некалькі падручнікаў, манаграфій – «Практычная стылістыка беларускай мовы», «Стылістыка публіцыс-

тычных жанраў», «Стылістыка тэксту», «Сугучнасць слоў жывых…» і інш. Па яго падручніках вучацца многія пакаленні студэнтаў-журналістаў, філолагаў.

У Міхаіла Яўгенавіча Цікоцкага выдатны юбілей. Тысячы выпускнікоў, студэнты, выкладчыкі Інстытута журналістыкі БДУ, усе тыя, хто слухаў яго лекцыі, жадаюць выдатнаму настаўніку, цудоўнаму сціпламу чалавеку яшчэ многіх светлых гадоў жыцця на нашай роднай зямлі!

Сцяпан Говін,
дацэнт кафедры гісторыі журналістыкі
Інстытута журналістыкі БДУ, кандыдат гістарычных навук

М. Я. ЦІКОЦКІ: «ПАМЯЦЬ – ГЭТА ВЯЛІКАЯ ПАДМАНШЧЫЦА…»

Студэнцкія гады ўразаюцца ў памяць на ўсё жыццё, асабліва, калі твае выкладчыкі – людзі высокага інтэлекту, шырокага кругагляду і незвычайнай прыгажосці душы. Да такіх выкладчыкаў мы, студэнты факультэта журналістыкі 70-х гг. XX ст., без сумнення адносім і Міхася Яўгенавіча Цікоцкага. Знаёмства нашага курса, на якім вучылася, як высветлілася пазней, цэлая кагорта таленавітых журналістаў і арганізатараў айчынных СМІ, з Міхасём Яўгенавічам пачалося дзесьці на другім курсе, калі ў паточную аўдыторыю старога журфакаўскага корпуса ва ўніверсітэцкім гарадку літаральна ўварваўся высокі, інтэлігентны прафесар, які чытаў у нас лекцыі па стылістыцы газетных жанраў, вёў спецкурс «Праблемы мастацкага і публіцыстычнага стылю».

Лекцыя тады складалася з дзвюх палавінак (кожная па 45 хвілін), паміж якімі быў невялікі перапынак. Бадай, ці не кожны студэнт вёў больш-менш падрабязны канспект, па якім можна было падрыхтавацца да заліку ці экзамену, іншы раз нават не наведваючы бібліятэку. Саміх канспектаў з таго часу не захавалася, а вось у тоўстыя блакноты і нататнікі, дзе сотнямі назапашваліся нейкія крылатыя фразы, трапныя выказванні класікаў і сучаснікаў, пасля лекцый М. Я. Цікоцкага заўсёды хоць нешта трапляла. Аднойчы, выкладаючы нейкі мудрагелісты раздзел па стылістыцы газетных жанраў, Міхась Яўгенавіч заўважыў: «Памяць – гэта вялікая падманшчыца, здаецца, вось нешта цікавае ты пачуў і да дэталей запомніў ледзь не назаўсёды. Але гэта чыстай вады ілюзія, таму вазьміце за звычку адразу запісваць самае каштоўнае на паперу».

Заняткі, якія праводзіў М. Я. Цікоцкі, не заўсёды былі падобнымі да тых класічных лекцый, якія чыталі нам выкладчыкі па замежнай літаратуры, філасофіі, палітэканоміі. Гаварыў М. Цікоцкі крыху прыглушаным голасам, часам адрывіста, але тэкст лекцыі, як я зразумеў ужо значна пазней, з'яўляўся адаптаваным для нашага ўспрымання, а тэорыя адразу ж дапаўнялася прыкладамі з практыкі. Нават праз дзесяцігоддзі згадваецца яго хітраватае пытанне-загадка пра стылістычную недасканаласць радка з твора антычнага паэта, дзе гаворка вялася пра «извилисторогую лань».

Маючы за плячыма вялікую ваенную біяграфію, М. Я. Цікоцкі вельмі неахвотна дзяліўся ўспамінамі ваеннага часу са студэнтамі.

На факультэце журналістыкі (вул. Свярдлова, 7) непадалёку ад кабінета дэкана ў мінулыя дзесяцігоддзі знаходзіўся сціплы стэнд з фотаздымкамі нашых выкладчыкаў, якія былі ўдзельнікамі Вялікай Айчыннай вайны. Вось з гэтай крыніцы мы ў асноўным і атрымалі звесткі, што Міхась Яўгенавіч быў узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны I ступені, двума медалямі «За адвагу». А што М. Я. Цікоцкі да 1943 г. знаходзіўся на часова акупаванай тэрыторыі, потым на самалёце быў перапраўлены ў Маскву, уступіў у рады Савецкай Арміі і вызваляў родную Беларусь, быў паранены летам 1944 г. пад Кобрынам, – пра гэта можна было прачытаць толькі ў скупых радках біяграфічных даведнікаў і шматтомных энцыклапедый.

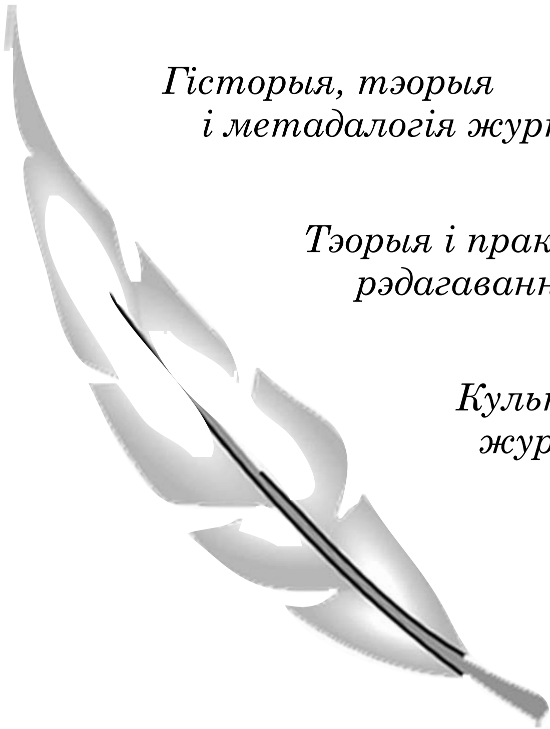
А для нас, студэнтаў 1979 г. выпуску, Міхась Яўгенавіч Цікоцкі – выдатны педагог і вучоны, чалавек шчодрай душы, па-народнаму мудры і такі свой, родны, беларус-беларус…

Пятро Дарашчонак,
загадчык кафедры гісторыі журналістыкі
Інстытута журналістыкі БДУ, кандыдат філалагічных навук,
дацэнт, дэкан факультэта журналістыкі (1996 г.)

Стылістыка беларускай
і рускай моў

Лінгвістыка публіцыстычнага тэксту
і дыскурсны аналіз СМІ

Стылістыка публіцыстычных
жанраў

Гісторыя, тэорыя
і метадалогія журналістыкі

Тэорыя і практыка
рэдагавання

Культура маўлення
журналіста

Медыярыторыка

Ольга Абакумова
Орловский государственный университет
(Россия)

ПОСЛОВИЦА В ДИСКУРСЕ СМИ

В данной статье предлагается рассмотреть проблемы функционирования пословиц в дискурсе СМИ с учетом положений современной риторики. Для анализа реализации смысла пословицы в тексте/дискурсе предлагается коммуникативная модель исследования актуализации смысла пословицы в дискурсе [1].

Пословица понимается как оценочное высказывание, практическое суждение, ведущее к действию. Чтобы правильно использовать пословицу в речи, говорящий должен:

1) оценить коммуникативную ситуацию и выбрать коммуникативную стратегию;

2) оценить референтную ситуацию и отнести ее к определенному типу стандартных ситуаций;

3) выбрать из арсенала средств подходящую пословицу, которая соответствующим образом называет и моделирует ситуацию и дает ей нужную оценку, способную выразить отношение говорящего и вызвать необходимую эмоциональную реакцию;

4) рекомендовать (скрываясь за авторитетом народной мудрости), как следует поступать в подобной ситуации, опираясь на социальные нормы, принятые в данной культуре.

В статье будут показаны реализации двух коммуникативных стратегий с применением пословиц: *собственно коммуникативной*, нацеленной на взаимопонимание, которое должно привести к соответствующему действию, и *социально ориентированной инструментальной стратегии*, которая имеет целью оказать влияние на социум, преследуя свои интересы, то есть стратегии, направленной на успех.

Мы рассмотрим пословицу в газетном тексте, который представляет собой результат и дальнейший стимул обсуждения определенной темы в сфере массовой коммуникации с применением традиционно принятых или официально разрешенных дискурсивных практик и связанных с ними языковых средств. Традиционное понятие «текст» ассоциируется в современной коммуникативной лингвистике с уже основополагающим термином «коммуникативный акт». Дискурс в

таком случае состоит из разъяснения и аргументации. «Коммуникативный разум находит для себя масштаб и меру в способе аргументации в процессе прямой или косвенной реализации претензий на пропозициональную истину, правильность нормативов, субъективную правдивость и эстетическую достоверность» [8].

Типология речевых актов Ю. Хабермаса получает в нашей модели новое наполнение. Анализ употребления пословиц в разных типах дискурса (медийном тексте, бытовом диалоге, художественном и поэтическом тексте) дал возможность выделить дополнительные виды коммуникативной стратегии, точнее, детализировать предложенную Хабермасом дихотомию. Так, для художественного дискурса характерна интрасубъектная коммуникация (разговор с самим собой), которая также может быть манипулятивной. На материале поэтических текстов нами была выявлена коммуникация с неодушевленными объектами [1]. Медийные тексты в основной своей массе представляют социально-ориентированную инструментальную стратегию [2]. Бытовой диалог может включать оба типа коммуникативных стратегий.

Наибольшим изменениям подвергается констативная составляющая типологии Хабермаса, связанная с когнитивным использованием языка – Konstativa. Этот тип речевого акта, в основе которого лежит анализ пропозициональной семантики, углубляется и расширяется, с одной стороны, за счет введения аппарата референциально-ролевой грамматики (РРГ) [3], с другой – за счет использования теории метафоризации окказиональных фреймов [4], поскольку РРГ не предназначена для описания переносных значений пословиц.

Через операторы, модифицирующие структуру клаузы (модальность и иллокутивную силу), осуществляется связь с третьим типом речевого акта – Representativa, в котором реализуются личностные оценки и отношения, личный опыт говорящего и его система ценностей.

Последний аспект напрямую связан с четвертым типом РА по Хабермасу – Regulativa, который мы расширяем через введение понятия деонтической нормы, имеющей культурную детерминированность и национальную специфику.

При анализе реализации семантики пословиц в тексте мы опираемся на законы диалога, выявленные в рамках риторики. Как утверждает Ю. В. Рождественский [7, с. 126], этос диалогов разделяет-

ся на три категории: диалектику, эристику и софистику. Диалектика предполагает такое условие ведения диалога, при котором стороны согласились совместно искать истину. Эристика – условие, при котором обе стороны стремятся к личной выгоде. Софистикой называется условие, при котором стороны прибегают к диалектическим аргументам, но имеют в виду свои интересы.

В данной статье мы рассмотрим два примера реализации этоса диалогов, в которых актуализуются разные коммуникативные стратегии и, соответственно, смыслы пословиц в разных контекстах.

Пример 1.

Статья африканского журналиста Фуншо Балогуна в газете «Новости» от 2 марта 2009 года описывает события в Нигерии, связанные со снятием с поста губернатора штата Ондо Олусегуна Кокумо Агагу, который получил этот пост в результате фальсификации результатов выборов в апреле 2007 года. Правление Агагу продлилось 21 месяц. В феврале 2009 года суд признал избрание его на пост недействительным, так как это произошло в результате сговора с бывшим президентом и нарушения закона о выборах. Ему также пришлось отвечать на вопросы по поводу большой суммы денег, которую он истратил, находясь на посту губернатора и министра авиации.

Kommunikativa. Претензии на понятность. Журналист использует пословицу *Truth never grows old*, которая хорошо известна англоговорящему миру, чтобы показать: правда о скрытых преступлениях всегда выходит наружу, и мошенники получают по заслугам. Но статья выходит не в апреле 2007, а в марте 2009 года, когда сменился президент и суд отстранил Агагу от должности. Журналист действует в интересах правящей власти и выполняет социальный заказ, хотя и выглядит борцом за справедливость. Это социально-стратегическое действие.

Konstantiva. Претензии на истину. Журналист претендует на истину и в то же время выполняет задание редакции, работая на свой профессиональный авторитет, так как сенсации, громкие публичные разоблачения всегда привлекают внимание читателей, общественности. Пропозиция пословицы передается одноместным предикатом grow old .

Логическая структура: кто/что? никогда не стареет.

Семантический класс глагола: *grow (old*) – 5.(fml or lit) to become gradually (grow rich, less); 4) to increase in amount, size or degree; (fig) diminish (COD) – не-локативное состояние качества [10].

Тематические отношения: truth – тема, которая на уровне внутренней формы (образного фрейма) переосмысляется как экспериенсер.

Макророли: truth – актор, участник, контролирующий ситуацию.

Пословичный сценарий представляет собой наложение фреймов:

Образный фрейм: моделируется ситуация, в центре которой находится объект, который обладает свойством не изменять свои качества с течением времени в сопоставлении с другими, одушевленными или просто материальными объектами, которые теряют свои свойства, свою ценность, постепенно устаревают. Ср. 1 тип инвариантов пословичных ситуаций по Г. Л. Пермякову [6]. Если какая-то вещь обладает свойством *x*, то она обладает и свойством *y*. (Если это правда, то она не меняется со временем.)

Окказиональный фрейм: моделируется ситуация, в центре которой находится тщательно скрываемый факт мошенничества при подсчете голосов на выборах, который имел место почти 2 года назад, но не потерял своей актуальности и был разоблачен.

Обобщенный фрейм: истина о фактах и событиях не зависит от времени их осуществления, ее ценность неизменна.

Оператор времени: The Present Simple Tense используется в гномическом предикате для выражения общих истин.

Оператор модальности: алетическая и деонтическая модальность.

Иллокутивная сила: ассертив с выражением общей истины (Правда неизменна) и косвенный директив (Нельзя руководить, не имея на это права. Нельзя приходить к власти путем мошенничества).

Representativa. Претензии на искренность. Журналист претендует на искренность, хотя знает, что выполняет социальный заказ. Он репрезентирует себя как профессионал, переживший разные политические режимы, представитель «четвертой» власти, массмедиа, который знает больше, чем обычный гражданин, и имеет право критиковать и оценивать действия политических деятелей. Но делает это только после смены руководства. Он не предлагает обсуждать существующие в стране проблемы фальсификации выборов, а просто очень эмоционально излагает факты, приводя много цитат и афоризмов, используя развернутую метафору и прецедентные тексты, которые делают статью яркой и убедительной и создают нужное отношение и оценку ситуации.

Regulativa. Претензии на правильность. Пословица имплицирует смыслы, связанные с деонтической модальностью, заложенной в ее семантике. Она передает основную мысль текста: *Нельзя руководить, не имея на это права* (нормы контроля). Это социальные нормы общественного поведения, которые нельзя нарушать тем, кто стоит у власти.

Такой диалог с читателем больше соответствует софистическому этосу, поскольку автор статьи использует диалектические средства, но преследует свои цели. Функция пословицы моделирующая и регулятивная.

Пример 2.

Автор другой статьи музыкант Вернон Рейд делится своими воспоминаниями о лидере группы Living Colour, одном из основателей «черной» коалиции рока Секои Сандиата, авторе песен о любви. Статья написана непрофессиональным журналистом, у автора нет цели заработать авторитет в медийном бизнесе.

Kommunikativa. Претензии на понятность. Музыкант использует пословицу *Truth never grows old*, желая быть понятым читателями газеты, когда он говорит о том, что отношения между мужчиной и женщиной всегда привлекают поэтов, поскольку они полны тайн и взаимного непонимания, непредсказуемы и в то же время вечны, как сама истина. Это вечная тема, которая не умирает и всегда будет интересовать людей. Его цель – достижение взаимопонимания с читателем. Это собственно коммуникативный акт, в котором реализуется диалектический этос.

Konstativa. Претензии на истину. Говорящий претендует на истину, так как считает, что пословица отражает реальное положение дел, отношения полов – это вечная тема жизни и искусства.

Пословичный сценарий как наложение фреймов:

Образный фрейм: моделируется ситуация, в центре которой находится объект, обладающий качеством устойчивости, неизменности, не поддающийся влиянию времени. Абстрактное явление переосмысляется через сопоставление с одушевленным и/или конкретным объектом, теряющим свои качества со временем.

Окказиональный фрейм: описывается ситуация отношений между полами, которая не меняется со временем.

Обобщенный фрейм: истина, факт, реальное положение дел не меняется с течением времени.

Импликация (пословичный сценарий) в виде косвенного директива: *Следует знать правду, думать об интересах других людей, признавать свои ошибки, нельзя причинять вред своим.*

Representativa. Претензии на искренность. Говорящий искренен в своем отношении к погибшему другу – коллеге по ремеслу и его творчеству и хочет поделиться с читателем горечью утраты талантливого поэта-романтика.

Regulativa. Претензии на правильность. Деонтические нормы в семантике пословицы дают возможность имплицировать рекомендации к поведению людей в данной типовой ситуации: *следует знать правду* (нормы реализма), *следует думать об интересах других людей* (нормы контакта), *нельзя причинять вред своим близким* (нормы взаимодействия) (о классификации норм см. [5]).

Функции пословицы — моделирующая и орнаментальная, так как она украшает речь и подводит итог рассуждениям, высказанным в части текста.

В данной статье мы рассмотрели модель анализа реализации смысла пословицы в дискурсе на материале газетных текстов с применением разных коммуникативных стратегий, с опорой на диалектический и софистический этос ведения диалога. Как показал материал, профессиональный журналист в своем тексте как коммуникативном акте преследует социально-ориентированную инструментальную стратегию, используя фигуры софистики, а непрофессиональный автор газетной статьи может быть ориентирован на бескорыстное взаимопонимание, тогда диалог ведется диалектически.

Литература

1. Абакумова, О. Б. Правда как красота в пословице и поэтическом тексте: коммуникативная модель исследования / О. Б. Абакумова // Живодействующая связь языка и культуры. Том 2. Дискурс. Текст. Культура. – М. – Тула: Изд-во ТГУ, 2010. – С. 29–34.

2. Абакумова, О. Б. Пословица в медийном дискурсе / О. Б. Абакумова // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2010. – С. 7–11.

3. Ван Валин, Р. Референциально-ролевая грамматика / Р. Ван Валин, У. Фоли // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. – М. : Прогресс, 1982. – С. 376–411.

4. Зевахина, Т. С. Метафора мертвая и живая / Т. С. Зевахина // Труды Международного семинара «Диалог. 2002» – www.dialog-21.ru.

5. Карасик, В. И. Ценностный аспект языковой личности / В. И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологическое исследование по фольклору : сб. статей. – М., 1975. – С. 247–273.
7. Рождественский, Ю. В. Законы диалога / Ю. В. Рождественский // Принципы современной риторики. – М., 2005. – 176 с.
8. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Изд-во «Весь мир», 2008. – 416 с.
9. Habermas, J. Reason and the Rationalization of Society / J. Habermas // The Theory of Communicative Action. – Boston: Beacon Press, 1987. – 870 p.
10. Van Valin, R. D. Jr. A Synopsis of Role and Reference Grammar / Van Valin // Advances in Role and Reference Grammar. – Amsterdam: Benjamins, 1993. – P. 1–166.

Дзмітрый Аўчароў
Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ТЭКСТ. КАНОН. ПАДЗЕЯ. КАРЭЛЯЦЫЯ МАСТАЦКАГА І РЭЛІГІЙНАГА ДЫСКУРСАЎ У ЛІТАРАТУРНЫМ ТВОРЫ

Тэорыя інтэртэкстуальнасці, распрацаваная ў апошняй трэці мінулага стагоддзя Ю. Крысцевай, дае падставы разглядаць тэкст як мазаіку цытацый. «...Любы тэкст, – піша даследчыца, – ёсць прадукт убірання і трансфармацыі якога-небудзь іншага тэксту» [3, с. 429]. Інтэртэкст, такім чынам, з'яўляецца механізмам перадачы сацыяльнага, культурнага, экзістэнцыяльнага досведу і, адпаведна, базавай адзінкай для стварэння камунікатыўнай прасторы, дзе спалучаюцца дыскурсы.

Дыверсіфікацыя культурнай прасторы натуральна прыводзіць да ўзнікнення шматлікіх мадэлей інтэрдыскурсіўнага ўзаемадзеяння. Адной са старэйшых і ў той жа час перспектыўных мадэлей з'яўляецца спалучэнне мастацкага і рэлігійнага дыскурсаў у межах літаратурнага твора.

Пісьменнікі XX ст. часта звярталіся да біблейскіх вобразаў і сюжэтаў, асабліва да жыцця Ісуса Хрыста. Амерыканская даследчыца Эліс Бірні налічыла ў літаратуры мінулага стагоддзя больш за 370 тэкстаў, якія ўяўляюць сабой мастацкую біяграфію засна-

вальніка хрысціянства. Па меркаванні Аляксея Татарынава, расійскага спецыяліста па літаратурных апокрыфах, актуальнасць біблейскай тэматыкі тлумачыцца відавочнай супярэчнасцю паміж тым «рэлігійна-сацыяльным ратаваннем», якое, паводле Новага Запавету, здзейсніў Хрыстос, і адсутнасцю «яўнага ператварэння свету», у цэнтры якога каля дзвюх тысяч гадоў знаходзіцца фігура Збавіцеля [5, с. 25–27].

Сучасныя беларускія пісьменнікі (Васіль Быкаў, Янка Брыль, Барыс Пятровіч, Уладзімір Арлоў, Леанід Дранько-Майсюк, Сяргей Рублеўскі, Анатоль Кудравец, Віктар Казько, Сяргей Астравец, Таццяна Лаўрык і інш.) у сваёй творчасці таксама звартаюцца да Бібліі: пераасэнсоўваюць з пазіцый сучаснасці прадстаўленыя ў Святым Пісанні архетыпічныя калізіі, праз што адбываецца ўключэнне Бібліі ў семантычную прастору айчыннай літаратуры.

Праблема інтэрдыскурсіўнасці ў дачыненні да спецыфікі ўзаемадзеяння мастацтва і рэлігіі характарызуецца тым, што біблейскі тэкст як аб'ект дыскурснага аналізу не можа адасабляцца ад хрысціянскага веравучэння, дэсакралізавацца, прафанавацца. Падобнае скажэнне мела нарматыўны статус у савецкім літаратуразнаўстве. Тагачасныя даследчыкі (напрыклад, Ю. Бабічава, Л. Іезуітава) у сваёй працы абапіраліся на прынцыпы навуковага атэізму. Вынікам ідэалагічнага ўплыву на літаратуразнаўства сталася тое, што не толькі тагачасныя, але і сучасныя даследчыкі пазбягаюць непажаданых складанасцей і нярэдка разглядаюць Святое Пісанне выключна як літаратурны помнік*.

Мы лічым такі падыход рэдукцыйным.

Тэксты, з якіх складаецца Біблія, маюць відавочныя прыкметы літаратурнай формы: сюжэт, кампазіцыю, вобразную сістэму і г. д., у іх можна вылучыць наратыўны, сюжэтна-канфліктны і прасторава-часавы ўзроўні. Іншымі словамі, Біблія ёсць сукупнасць тэкстаў, мастацкія якасці і структурныя асаблівасці якіх могуць стаць прадметам філалагічнага даследавання. Аднак у межах інтэрдыс-

---

* Гл. Ефимова, Д. А. Библейские мотивы и образы в романах У. Голдинга «Повелитель мух» и «Шпиль» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Д. А. Ефимова. – СПб., 2009. – 228 л.; Ремпель, Е. А. Библейские речения, сюжеты и мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: «История одного города», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Ремпель. – Саратов, 2004. – 143 л.

курсіўнага аналізу разуменне Бібліі як літаратурнага помніка спараджае шэраг супярэчнасцей.

Калі ў якасці прэтэксту выступае мастацкі, *нерэлігійны* твор, інтэртэкстуальная карэляцыя ўзнікае паміж самадастатковымі адзінкамі. Маецца на ўвазе, што полісемантычная прырода мастацкага маўлення дапускае варыятыўнасць трактовак літаратурнага твора. Кожная з іх пры ўмове лагічнай паслядоўнасці мае права на існаванне. У літаратурным творы з адсылкамі да Бібліі сітуацыя кардынальна адрозніваецца. Актуалізуецца не самадастатковы мастацкі тэкст, напісаны пэўным аўтарам, нават не сакральны тэкст, створаны ў рэчышчы пэўнай рэлігійнай традыцыі, а частка хрысціянскага *канона* і – апасродкавана – хрысціянская традыцыя. Гаворка ідзе аб прынцыпова розных аб'ектах, у дачыненні да Бібліі – аб'ектах з розным генетычным і анталагічным статусам.

Хрысціянскі канон – устаноўленыя царквой кнігі Святога Пісання – быў прыняты толькі ў 393 г. на Гіпонскім саборы. Гэта азначае, што больш за тры стагоддзі пасля Галгофы нараўне з тэкстамі, якія сёння называюць кананічнымі, ствараліся і актыўна чыталіся падобныя да іх тэксты (сучаснай біблеістыцы вядома каля 50 ранніх (II–III стст.) апакрыфічных Евангелляў), якія сёння называюць класічнымі апокрыфамі.

Істотна тое, што апошнія не з'яўляліся імітацыяй канона, другараднымі тэкстамі. Як сцвярджае Н. Мячкоўская, гэтыя творы былі аўтарытэтныя «прыкладна ў той жа ступені, што і творы, прызнаныя пазней кананічнымі». «Аўтары апокрыфаў пісалі не варыяцыі на евангельскія тэмы, яны пісалі Евангелле, кожны сваё, з вялікай літары» [4, с. 242]. Менавіта таму ў кожным з Евангелляў апавядальнік усведамляе сябе як сведку *рэальных падзей*, якія адбыліся ў нядаўнім мінулым, і ў той жа час прыніжае сябе як носьбіта індывідуальных меркаванняў настолькі, што нібыта *адмаўляецца* ад напісанага. Гэта можна прасачыць па тым, як адбываецца «атрыбуцыя» кананічных і большасці апакрыфічных Евангелляў. У назве кожнага з іх падкрэсліваецца не пэўнае аўтарства, а непрадузятасць, аб'ектыўнасць, указанне на тое, што так і было насамрэч. Напрыклад, не Евангелле Марка, а Евангелле ад Марка, даслоўна «паводле Марка».

Чатырох'евангелле вылучаецца з ліку рэлігійных тэкстаў, у якіх апісваецца зямное жыццё Хрыста, не мастацкімі якасцямі, не факта-

лагічнай бездакорнасцю, а *трактоўкай вобразаў і падзей*, апісанню якіх прысвечаны Новы Запавет, і *статусам кананічнасці* гэтай трактоўкі, якую яна набыла напрыканцы IV ст.

Дыялог літаратуры і хрысціянства ў значнай ступені дэтэрмінуецца асаблівасцямі мастацкага мыслення. Адна з такіх асаблівасцей праяўляецца ў еднасці ўсіх відаў духоўнай работы і характарызуецца сваёй універсальнасцю, іманентнасцю мастацкага спосабу пазнання. Мы называем яе *апакрыфічным пачаткам* у мастацтве і ў дачыненні да Святога Пісання разумеем як індывідуальнае ці калектыўнае пераасэнсаванне біблейскіх вобразаў і падзей.

Развіццё апакрыфічнага пачатку ў мастацтве праходзіла паралельна генезісу хрысціянскай традыцыі. Рэпрадуктаваная кожным пакаленнем, яна была сфарміравана і існавала як складаны, да пэўнай ступені статычны комплекс уяўленняў, які, між тым, кожны чалавек, прапускаючы праз сябе, асіміляваў, перапрацоўваў, каб стварыць новы элемент культурнай і сакральнай прасторы – персанальную традыцыю. Няспынная змена носьбітаў персанальнай традыцыі забяспечвала дынамізм хрысціянскай традыцыі ў цэлым. Зразумела, што сутнасць апакрыфічных адносін да ўбачанай праз прызму хрысціянства рэчаіснасці пачала фарміравацца не тады, калі ствараліся першыя апокрыфы, а ў той момант, калі хрысціянская свядомасць упершыню сутыкнулася з міфалагічнай і, што самае галоўнае, з індывідуальнай свядомасцю.

Мастацкае пераасэнсаванне – гэта заўжды палеміка з *прэтэкстам*, а калі гаворка ідзе пра мастацкае пераасэнсаванне Бібліі ў літаратурным творы – то палеміка з *канонам*, бо ўся мастацкая літаратура «прырэчана» да апакрыфічнасці з той прычыны, што яна *a priori* не ўваходзіць у спіс кніг Святога Пісання.

Праілюструем сказанае на прыкладзе двух твораў: апавядання «Елеазар» Леаніда Андрэева і прыпавесці «Мурашкі» Васіля Быкава.

У апавяданні «Елеазар» Л. Андрэеў узнаўляе эпізод уваскрашэння Лазара (Евангелля ад Іаана), які займае ў Чатырох’евангеллі выключнае становішча: па-першае, гэта падзея не апісана ў сіноптыкаў; па-другое, нягледзячы на тое, што Хрыстос уваскрасіў не толькі Лазара, – сіноптыкі паведамляюць пра ўваскрашэнне дачкі Іаіра (Мк. 5, 22–43; Мт. 9, 18–26; Лк. 8, 41–56) і сына Наінскай удавы (Лк. 7, 11–17) – менавіта ўваскрашэнне Лазара з сярэдзіны XIX ст. становіцца аб’ектам герменеўтычнай і літаратурна-мастацкай цікавасці.

Вера ва ўваскрашэнне плоці з'яўляецца краевугольным каменем хрысціянства, паколькі Хрыстос становіцца Збавіцелем толькі пасля таго, як прымае смерць на крыжы і ўваскрасае, перамагаючы смерць. У «Елеазары» галоўны герой з дапамогай Ісуса пераадольвае біялагічную смерць. Такім чынам Л. Андрэеў стварае ілюзію кананічнага разумення цуда ўваскрашэння, аднак ілюзія гэта з цягам часу знікае.

Канчатковасць, цяласнасць не дазваляюць Елеазару вытрымаць цяжар тагасветных ведаў, раздвойваюць яго прыроду. Галоўны герой належыць адразу двум сусветам, двум тэмпаральнасцям. Вярнуўшыся да жыцця, Елеазар – нявольнік «зямнога недасканалага свету», але яго трансцэндэнтны досвед нясе на сабе адбітак вечнасці, і таму ён ужо пры жыцці знаходзіцца ў іншым свеце. У Евангеллі ўваскрашэнне – радаснае абяцанне, цуд як аб'ект свабоднага акта веры, у Андрэева – гэта дар, які ніводны чалавек не здольны прыняць.

У прыпавесці «Мурашкі» В. Быкава «ачалавечаны» Бог-Айцец перажывае стварэнне чалавека як сваю найвялікшую няўдачу. Парафраз старазапаветных падзей, алюзіі на крывавыя эпізоды з гісторыі Заходняй Еўропы, Беларусі і Расіі разгортваюць перад чытачом летапіс чалавечай трагедыі – непазбежнай ад першага дня ў Эдэме. «Што і казаць: Сусвет, створаны Богам, яўна выпадаў з-пад ягонае ўлады» [2, с. 4].

Палемічны пафас Л. Андрэева і В. Быкава заключаецца ў тым, што дасканаласць боскай і бязгрэшнасць чалавечай прыроды Бога-Айца і Бога-Сына выключаюць магчымасць няўдачы, памылкі. Аўтараў цікавіць не магчымасць уваскрашэння *сама па сабе*, не каверны ў прыродзе чалавека *самі па сабе*, а сумнiўнасць бязгрэшнасці Бога, г. зн. сумніўнасць усяго існага з хрысціянскага гледжання.

Нягледзячы на розніцу ў жанры, аўтарскай манеры, спосабах актуалізацыі прэтэксту і г. д., творы маюць агульную рысу: іх адэкватнае прачытанне залежыць ад таго, як мы разумеем характар інтэрдыскурсіўных адносін паміж мастацкім і рэлігійным дыскурсамі, ці адрозніваем актуалізацыю *падзей*, якім прысвечана Біблія, і актуалізацыю *кананічнай трактоўкі* гэтых падзей.

Літаратура

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с иллюстрациями Гюстава Доре. – М. : АСТ, 2005. – 968 с.

2. Быкаў, В. У. Мурашкі / В. У. Быкаў [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу: http://www.dziejaslou.by/inter/dzeja/dzeja.nsf/htmlpage/byk10?OpenDocument – Дата доступу: 17.01.12.

3. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2000. – С. 427–457.

4. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «Фаир», 1998. – 352 с.

5. Татаринов, А. В. Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции : дис. … д-ра филол. наук : 10.01.03 / А. В. Татаринов. – Краснодар, 2006. – Л. 5–112, 268–297, 316–337.

6. Birney, A. L. The Literature Lives of Jesus : An International Bibliography of Poetry, Drama, Fiction and Criticism / A. L. Birney. – New York : Garland Publishing Inc., 1989. – 187 p.

Вольга Бардзіян
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ДЫЯЛОГ І МАНАЛОГ У ТЭКСТАХ ЯНКІ СІПАКОВА

Мастацкі стыль займае ў літаратуры асобае месца. Разам з іншымі, не менш важнымі, ён выконвае спецыфічную, толькі яму ўласцівую эстэтычную функцыю. Усе моўныя сродкі асобнага твора спалучаюцца ў адзінае цэлае і зачастую адлюстроўваюць стыль аўтарскай творчасці ўвогуле. У тэкстах Янкі Сіпакова дыялагічныя і маналагічныя канструкцыі выступаюць ключавым элементам моўнай тканіны, эстэтычна апрацаванымі моўнымі формамі ў адпаведнасці з выражэннем аўтарскай задумы ў галіне раскрыцця светапогляду, унутранага псіхалагічнага стану людзей, прыгажосці свету, прыроды…

«Найбольш агульнае азначэнне гэтых тэрмінаў такое: дыялог – форма маўлення, калі адбываецца непасрэдны абмен выказваннямі паміж дзвюма або некалькімі асобамі; маналог – форма маўлення, звернутая да тых, хто гаворыць, да самога сябе і не разлічаная на слоўную рэакцыю іншай асобы» [1, с. 193].

Дыялог у тэкстах Янкі Сіпакова адыгрывае сюжэтную ролю, што дае магчымасць не проста паказаць канкрэтныя падзеі, а і ў пэўнай ступені паўздзейнічаць на думкі і пачуцці чытача: «Як толькі ён адышоўся, Шчыпі падсеў да старшыні:

– Раскажыце нам, як дзядзька Анісім ваяваў.

– А што ён сам не расказваў?

– Не, колькі ні просім – нічога не расказвае. Дык мы ўжо і сумнявацца пачалі, а ці сапраўдашні ён партызан? Вунь Мюд кажа, Шкрэд толькі коней лячыў, ды і ўсё…

– Вы што, карапузы! – зазлаваў старшыня. – Ды ці ведаеце вы, што нашага Шкрэда ўсе немцы ў наваколлі баяліся. Як толькі чулі адно слова “Шкрэд”, хто куды разбягаліся. За яго галаву тысячу марак абяцалі. Партрэты яго ўсюды віселі. Такога адважнага партызана трэба яшчэ пашукаць. А яны – “коней лячыў”… Бач ты іх – “коней”» [2, с. 394].

І такіх жывых, дынамічных дыялогаў мноства. Яны могуць, як назіраем, складацца з чаргавання рытарычных пытанняў са словамі «што», «хто» і г. д., якія патрабуюць адказаў, з пытальных або сцвярджальных сказаў, у якіх утрымліваецца нейкі факт.

Багатыя дыялогі празаіка і на няпоўныя сказы, якія выступаюць як рэплікі; на словы-сказы; далучальныя, пабочныя, устаўныя канструкцыі, што дапамагае больш яскрава перадаць сутнасць падзей, скласці вобраз чалавека:

«– … Ды ля аднаго хутара пасвіўся.

– Спутаны?

– Ага.

– Дык вы на спутаных і ехалі? – знарок, каб разварушыць хлапчукоў, спытаўся Верасоўскі.

– Што вы, – усміхнуўся Шчыпі. – Распуталі.

– Косцік, – павярнуўся ён да Шчыпі, – ты ўжо наеўся? Сыты? Ну тады вось што. Пакуль мы яшчэ недалёка адышліся, сядай на ўкрадзенага каня і гані яго зноў на хутар. Спутаеш там – і назад…» [2, с. 322].

Як бачым, пры дыялогах шырока выкарыстоўваюцца аўтарскія рэмаркі, а маналогу нярэдка папярэднічае дыялог: «А што, калі ўсе яны кінуцца на яго? Хіба ад іх абаронішся вось гэтаю дзіцячаю забаўкаю – пісталетам? Хацеў закрычаць, паклікаць на дапамогу, але ў горле ў яго перасела. Ды і так ён, відаць, не закрычаў бы – камандзір павінен сам выбірацца з любой сітуацыі, падначаленыя не павінны бачыць яго страх, каб потым насміхацца з гэтага…» [2, с. 303].

У прыведзеным маналогу першы сказ адлюстроўвае разважаннедумку героя Верасоўскага, а вось у наступных сказах думкі героя і

аўтара зліваюцца, хаця на першы план выступае аўтар, які перадае ад сябе пачуцці і перажыванні персанажа. Калі ж прасачыць пераход дыялога ў маналог у наступным кантэксце: «... Убачыўшы аднойчы гарэзнікаў, якія ўпрагалі ў фуру, яна ўсміхнулася:

– А каб на вас дождж! Мішка, Грышка і Шчыпі бегалі ля воза... "Мішка", "Грышка" прайшло міма вушэй, "Шчыпі" запомнілася.

З таго часу пайшло – Шчыпі ды Шчыпі"» [2, с. 309], то можна сказаць, што цяжка вызначыць, каму ў першую чаргу належыць меркаванне, выражанае ў двух апошніх сказах, бо яно належыць і аўтару, і герою, хаця на фоне макратэксту першы сказ больш адлюстроўвае думку персанажа, а другі – аўтара. Голас аўтара і голас персанажа зачастую ўзаемадзейнічаюць, даючы ацэнку таму ці іншаму факту рэчаіснасці.

Унутраны маналог таксама часта сустракаецца ў тэкстах празаіка. Гэта – размова ў думках, дыялог, спрэчка з самім сабой або з іншымі людзьмі пра набалелае: «І ўсё ж чаму яго цягнула да дзяўчыны? Вяслава была прыгажэйшая за яго жонку. А, можа, яму, стомленаму і ахаладаламу за вайну, жонка здавалася ўжо нібы нейкім сімвалам, нейкай святою, мадоннаю, недасяжнай, а Вяслава – яна была рэальная жанчына, да якой можна дакрануцца, якую можна пацалаваць, ад якой не ў трызненні, а наяве можна пачуць: "Родны мой..."» [2, с. 312].

Думкі на адзіноце часта і чула гучаць і трапна ўплятаюцца ў тканіну твораў мастака, даючы ацэнку падзеям і характарызуючы, як вышэй назіраем, аднаго або некалькіх персанажаў. Трэба зазначыць, што яшчэ часцей у тэкстах Я. Сіпакова маналог мяжуе з дыялогам.

У прозе пісьменніка дыялог і маналог выкарыстоўваюцца не толькі як сродак развіцця сюжэта мастацкага твора, а з'яўляюцца закончанымі кампазіцыйна і структурна аформленымі адзінкамі, якія могуць пачынаць ці заканчваць мастацкі твор.

Адна з асаблівасцей мастацкага стылю заключаецца ў тым, што ён, рэалізуючы функцыю ўзаемадзеяння, выкарыстоўвае ўсе сродкі агульнанароднай мовы. Дастаткова шырока тэксты Я. Сіпакова насычаны размоўнымі і прастамоўнымі лексічнымі адзінкамі: «Знайшлі дзе цiскацца! Вы ж у дазоры, а не на вечарынцы» [2, с. 297]. Нямала можна сустрэць і грубых, абразлівых слоў: «Страляй, я табе кажу, смаркач! – не стрымаўся камандзір. – Гэта ж ваўкі» [2, с. 303].

Значная роля ў пабудове дыялогаў і маналогаў адводзіцца фанетычным, семантычным і лексічным дыялектызмам, якія надаюць мове твораў празаіка асаблівы каларыт: «Па гэтым кашлі ўсе яго пазнавалі нават ноччу, а сам дзед жартаваў, што ў *“грудзёх”* мае нейкі *“струмант”*, які грае» [2, с. 299]; «… па абрабаванаму, галоднаму, толькі што вызваленаму краю, дзе яшчэ шнырають розныя банды, дзе па дарогах бадзяюцца паліцаі, … дзе табуняцца і гайнямі шостаюць асмялелыя і ачмурэлыя ад чалавечыны ваўкі…» [2, с. 302].

Эфектыўна ўключаюцца аўтарам у сістэму дыялогаў і маналогаў вобразныя адзінкі розных узроўняў: «Гэты іхні смех, нібы талісман які, засланяў яго ад куль, ад смерці і быў яму як усё роўна зарукаю, што пасля вайны яны абавязкова сустрэнуцца» [2, с. 302]; «“Дзе яны”, – спытаўся задыханы голас» [2, с. 303].

Сярод нацыянальных літаратурных моўных здабыткаў важнае месца займае самабытная спадчына Янкі Сіпакова.

Творчасць пісьменніка ўяўляе спецыфічны канцэнтрат моўных і структурных элементаў, які здзіўляе сваёй дакладнасцю і маляўнічай сілай.

Літаратура

1. Беларуская мова : энцыкл. / Беларус. энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – 655 с.

2. Сіпакоў, Я. Жанчыны сярод мужчын : апавяданні і аповесці / Я. Сіпакоў. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 342 с.

Анна Басова
Белорусский государственный университет

АНДРАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИСТА

Медиасфера в XXI столетии активно развивается и постоянно совершенствуется. Реальность показывает: востребованным будет тот, кто в совершенстве владеет коммуникативными технологиями, регулярно пополняет и обновляет знания и навыки, осваивает новые специализации в сфере медиа, постоянно учится, рассматривая учебу как непрерывный процесс, который сопровождает журналиста на протяжении всей его профессиональной карьеры. Отсюда возникает необходимость в дополнительном образовании. Востребованность

в дополнительном образовании объясняется и высокой социально-экономической динамикой современного общества в целом, существенными демографическими изменениями, увеличением свободного времени людей, ростом общей образованности населения.

Индустрия СМИ ставит вопрос о разнообразии специальностей и специализаций. При этом общество в целом четко формулирует потребность в грамотных, эрудированных, владеющих современными технологиями журналистах, обладающих соответствующим набором знаний и компетенций. Социально-политическая ситуация в мире диктует необходимость готовить конкурентоспособных, образованных специалистов, способных уверенно и эффективно участвовать в профессионально-деловом, социокультурном и повседневном общении с коллегами из других стран. Известно, что в системе белорусского образования общекультурное развитие обучающихся, повышение ранее приобретенного ими культурного уровня исторически рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений. Готовность специалиста в области средств массовой информации использовать общекультурный фонд знаний, его потребность в продолжении личностного культурного развития, понимание основных ценностно-смысловых доминант современного мира, страны, общества – все эти характеристики составляют единую социально-профессиональную компетентность специалиста. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены совокупностью функционирующих компетенций «как некоторых внутренних скрытых психологических новообразований (знаний, представлений, программ действий, систем ценностей и отношений» [1, с. 8]. Однако этот идеально заданный уровень может не достигаться человеком. Система ценностей, норм, идеалов, которая характерна для социальной общности, зафиксирована и закреплена в текстах, обычаях, традициях, обеспечивающих смысл существования человека и общества, вместе с культурой саморегуляции, предметной деятельности, культурой поведения и общения составляет общую культуру человека. Культура социального и межкультурного взаимодействия в условиях развивающихся интеграционных и глобализационных процессов играет такую же важную роль, как и все остальные компоненты общей культуры специалиста в области средств массовой информации, поскольку от нее зависит успешность его деятельности.

Вместе с тем на каждом этапе развития общества система образования претерпевает определенные изменения в соответствии с его

потребностями, идеологией, ценностями. Важность развития журналистского образования взрослых особенно ясна в контексте новых, утвердивших себя во всем мире педагогических идей – идей непрерывного образования и человекоцентризма, которые являются основой современной трактовки дополнительного образования взрослых. Как известно, в последнее время происходят существенные изменения в дополнительном образовании взрослых в связи с развитием андрагогической концепции, которая исследует и определяет закономерности деятельности взрослых, обучающихся и обучающих по организации и реализации процесса обучения, сущность которого заключается в следующем:

1. Обучающемуся принадлежит ведущая роль в процессе своего обучения.

2. Взрослый обучающийся стремится к самореализации, к самостоятельности, к самоуправлению.

3. Взрослый обучающийся обладает жизненным (бытовым, социальным, профессиональным) опытом, который может быть использован в качестве важного источника обучения как его самого, так и его коллег.

4. Взрослый человек обучается для решения важной жизненной проблемы и достижения конкретной цели.

5. Взрослый обучающийся рассчитывает на безотлагательное применение полученных в ходе обучения умений, навыков, знаний и качеств.

6. Учебная деятельность взрослого обучающегося в значительной степени детерминируется временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами, которые либо ограничивают процесс обучения, либо способствуют ему.

7. Процесс обучения взрослого обучающегося организован в виде совместной деятельности обучающегося и обучающего на всех его этапах: планирования, реализации, оценивания и, в определенной мере, коррекции [2, с. 76].

Исходя из перечисленных посылок С. И. Змеёв сформулировал десять андрагогических принципов:

1) приоритет самостоятельного обучения;

2) совместная деятельность;

3) опора на опыт обучающегося;

4) индивидуализация обучения;

5) системность обучения;
6) контекстность обучения;
7) актуализация результатов обучения;
8) элективность обучения;
9) развитие образовательных потребностей;
10) осознанность обучения [2, с. 90–91].

Заведения, осуществляющие обучение взрослых, должны строить учебный процесс как на основе этих принципов, так и на необходимости андрагогической компетентности преподавателей, отказе от жестко регламентированной и закрытой модели образовательного процесса и авторитарной педагогики. Учебный персонал должен быть хорошо подготовлен психологически. Например, чтобы успешно осуществлять психолого-андрагогическую диагностику, включающую определение образовательных потребностей обучающегося, выявление объема и характера его жизненного опыта, физиологических и психологических особенностей, а также когнитивного и учебного стилей, преподаватель должен не только хорошо знать свой предмет, но и выступать в роли эксперта в области технологии самостоятельной учебной деятельности, наставника, вдохновителя слушателей, оказывать им прямую и косвенную поддержку в стремлении слушателей к новым знаниям. Большое значение имеет и создание благоприятных физических, психологических и учебно-методических условий учебного процесса, причем создаваемая учебно-методическая документация должна отвечать особым требованиям, вытекающим из андрагогических принципов обучения.

Структура такого сложного психологического акта, каковым является обучение взрослых, предполагает учет личностных потребностей слушателя – интересов, желаний, стремлений, установок, определяемых его жизненными планами и внешними стимулами мотивации личности. По мнению С. Г. Вершловского, основными побудительными причинами продолжения учебы являются следующие:

1) диспропорция между необходимым для той или иной специальности и наличным уровнем знаний (основным мотивирующим фактором в этом случае выступает статусный фактор);

2) противоречие между реальным и необходимым для освоения социальных условий деятельности, социальных отношений, социально одобряемых норм поведения уровнем знаний (в этом случае человек ориентируется на более дальние перспективы своего профессионального, общекультурного и нравственного самоутверждения);

3) противоречия саморефлексивного характера, неудовлетворенность собой, критическая переоценка себя;

4) противоречия между уровнем знаний человека и новыми проблемными познавательными задачами, выдвигаемыми не только потребностями практики, но и им самим (в этом случае мотив и цель деятельности совпадают) [3, с. 52–53].

Понятно, что чем большее значение имеют для индивида не внешние, а внутренние факторы, тем устойчивее его желание учиться. Что касается специфики запросов личности, принимающей решение о повышении своего образовательного уровня, она как раз определяется особым соотношением внешних и внутренних мотивов. Свобода приобщения к журнализму, безусловно, является величайшим общественным благом, гарантирующим сохранение демократических ценностей и обеспечивающим широким слоям населения право голоса и возможность участия в судьбе социума. Поэтому обучение взрослых, в частности, в области СМИ, должно быть практико-ориентированным, систематическим, недорогим, по возможности краткосрочным, должно проводиться известными и авторитетными в сообществе организациями, высококвалифицированными специалистами и ведущими преподавателями, учитывать специфику как видов СМИ, так и их региональные особенности, не должно использовать устаревшие методы обучения, но должно вовлекать обучаемых в процесс выработки решений. Последнее требование особенно показательно. На наш взгляд, именно его выполнение стимулирует как инновационное педагогическое мышление, так и процессы перехода на новое качество образовательных услуг, способное обеспечить эффективное функционирование институтов непрерывного образования в области журналистики. Часто говорят, что образование – это инвестиции в будущее, но при этом имеются в виду школьное и высшее образование. Однако у общества постоянно возникают новые образовательные потребности. В большинстве случаев пока этот вакуум заполняется тем, что человек занимается самообразованием, но его эффективность будет значительно выше, если это приобретет формы организованного дополнительного образования. Дополнительное образование взрослых имеет большое значение в установлении гармоничных взаимоотношений между обществом и индивидом на протяжении всей жизни человека и является социальной необходимостью любого цивилизованного общества.

Литература

1. Зимняя, И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 11.

2. Змеёв, С. И. Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых / С. И. Змеёв. – М. : ПЕР СЭ, 2003.

3. Вершловский, С. Г. Общее образование взрослых: стимулы и мотивы / С. Г. Вершловский. – М. : Педагогика, 1987.

Сяргей Берднік
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

УЛАСНА-ЛЕКСІЧНЫ ВЫБАР ВАСІЛЯ БЫКАВА Ў АПОВЕСЦІ «ЯГО БАТАЛЬЁН»

Творчасць кожнага пісьменніка звязана з індывідуальным аўтарскім бачаннем свету, з яго жыццёвым вопытам, з асаблівасцямі эпохі і характарам тых падзей, што сталі вызначальнымі для яго на ўсім жыццёвым шляху. Для Васіля Уладзіміравіча Быкава такой падзеяй была Вялікая Айчынная вайна, якая гартавала і разбурала, жахала і выпрабоўвала, знішчала і давала надзею, прыніжала і ўзносіла. Выжыць і перамагчы – дзве асноўныя задачы, што вырашалі ўдзельнікі той глабальнай катастрофы, вырашалі кожны па-рознаму, канцэптуальна пранізваюць шматлікія творы на ваенную тэматыку. Для Васіля Быкава было важным, у першую чаргу, як выжыць, за кошт чаго альбо каго, як перамагчы, чым і кім ахвяруючы, што адбываецца з людзьмі пад цяжарам вайны і пагрозай знішчэння. Глыбокі псіхалагізм і высокая маральнасць надалі яго творчасці сусветную вядомасць і папулярнасць.

Пісьменнік сам прайшоў дарогамі ваеннага ліхалецця, таму вобраз аўтара прысутнічае ў кожным яго творы. «У вобразе аўтара, у яго маўленчай структуры аб’ядноўваюцца ўсе якасці і асаблівасці стылю мастацкага і публіцыстычнага твора: размеркаванне моўных сродкаў у апісанні герояў, іх учынкаў і думак, пераходы ад аднаго стылю выкладу да другога, пералівы і спалучэнні фарбаў у апісанні прыроды, характар ацэнак пры дапамозе адпаведных слоў і выразаў, асаблівасці сінтаксічнага ладу маўлення і г. д.» [2, с. 82]. Між тым як дзеючая асоба, як крыніца экспрэсіўна-сэнсавага асвятлення падзей вобраз аўтара выключаны са свету апавядання твораў Васіля Быкава, хоць ён не перастае мысліцца і прысутнічаць у мастацкім

творы, у яго стылі. Апавяданне вядзецца ў пераважнай большасці ад імя персанажа, і менавіта праз яго мы адчуваем адзнакі пэўнай аўтарскай індывідуальнасці. «Канцэнтрацыя апавядання вакол персанажа, паглыбленне ва ў яго ўнутраны свет карэнным чынам мяняе спосабы выражэння аўтарскай пазіцыі, моўны вобраз апавядальніка ў мастацкай прозе. Аўтарскае ўмяшанне ў апавяданне абмяжоўваецца. Пункт гледжання персанажа становіцца дамінуючым, ён распаўсюджваецца на ўсё, пра што гаворыцца ў творы. Усё, што трапляе ў поле зроку героя (пейзаж, знешнасць іншых персанажаў, іх учынкі, іх перажыванні, мова), адлюстроўваецца праз яго ўспрыманне. Адначасова з гэтым развіваецца і другая тэндэнцыя – сутыкненне *пунктаў гледжання* розных персанажаў, пашырэнне колькасці *пунктаў гледжання* на падзеі, што адлюстроўваюцца ў творы, і гэта дае магчымасць пісьменніку паказаць адну і тую ж з'яву ў розных ракурсах, пашырыць рамкі адлюстравання» [2, с. 83].

Аповесць «Яго батальён» была напісана ў 1975 г. Яна ўвайшла ў кнігу пад назвай «Пайсці і не вярнуцца», што пабачыла свет у выдавецтве «Мастацкая літаратура» ў 1979 г. Менавіта паводле гэтага выдання (Быкаў, В. Пайсці і не вярнуцца : аповесці / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 264 с.) разгледзім некаторыя асаблівасці лексічнай сістэмы аповесці «Яго батальён». Да гэтых асаблівасцей адносіцца, перш за ўсё, **уласна-лексічны выбар пісьменніка**. Гэта тыя словы і выразы, што характарызуюць творчую індывідуальнасць пісьменніка, дапамагаюць стварэнню яркіх мастацкіх вобразаў як у плане іх індывідуальнай моўнай характарыстыкі, так і ў плане раскрыцця іх светапогляду, псіхалагічнага стану. У кнізе «Стылістыка тэксту» прафесар М. Я. Цікоцкі адзначае: «Пад сродкамі лексічнай (або слоўнай) выразнасці трэба разумець уласна-лексічны выбар пісьменніка, а таксама фанетычныя, граматычныя і словаўтваральныя асаблівасці мовы. Яны выкарыстоўваюцца для характарыстыкі персанажа ў сацыяльных, псіхалагічных або характаралагічных адносінах» [2, с. 131].

Адна з прыкмет лексічнага складу аповесці «Яго батальён» – наяўнасць шэрагу русізмаў. Абумоўлена гэта шматлікімі экстралінгвістычнымі і інтралінгвістычнымі фактарамі. Васіль Быкаў пачынаў сваю літаратурную дзейнасць як рускамоўны пісьменнік. Пазней у яго беларускамоўных творах адлюстраваліся і моўная сітуацыя ў краіне, і ўзровень развіцця, распрацаванасці тагачаснай беларускай літаратурнай мовы. Апавядаючы пра падзеі вайны, у якой

удзельнічалі ўсе народы Савецкага Саюза, аўтар выкарыстоўвае русізмы і з пэўнай стылістычнай мэтай для характарыстыкі персанажаў. Так, у грубаватым камандзірскім тоне маўлення маёра Гунько «праскокваюць» словы: *пачаму, саізволілі, палучыш*; у мове параненага генерала – *харашо, убяры*. У мове іншых персанажаў сустракаем яшчэ і такія рускамоўныя словы: *блажэнства, давольствіе, у аўражку, сястронкі, палучаецца, хацят, плахой, всягда пажаласта, здраствуйце, безабразіе, уравень, панялі, абучыць, па сумясціцельству, распалажыліся, не замячалася, упраўленне, хазяйства* і некаторыя іншыя. Асобныя лексемы выступаюць у аповесці як варыянты намінацыі адных і тых жа рэалій: *рэмень – рамень – дзяга; пёс – сабака; паўшубак – кажушок*. Даволі часта сустракаецца прыметнік *трудны* і вытворнае ад яго прыслоўе *трудна*, хаця вышэйшая ступень параўнання выступае ў форме *цяжэй*.

У аповесці «Яго батальён» Васіль Быкаў індывідуалізуе маўленне сваіх герояў і паводле нацыянальнай прыналежнасці. Прывядзём дыялог галоўнага героя камбата Валошына з лейтэнантам Муратавым, татарынам па нацыянальнасці:

– Як вы размеркавалі папаўненне? – напаўголасу запытаў камбат.

– Усіх у адын узвод.

– Усіх? А камандзір узвода?

– Сам буду камандыр узвода. Буду под рукой дэржаць.

– Ну і які настрой у новенькіх?

– А, какой настрой! Прысталі, спаць хацят. Акапываца не хацят.

– Акапацца трэба.

– Я сказал: одын ячэйка на два чалавек.

А вось дыялог камбата з параненым радавым Аўдзюшкіным:

– Аўдзюшкін, ты?

– Я, таварыш камбат.

– Ты што, паранены?

– Раніты, таварыш камбат. Во ногі ў мэнэ прастрэленыя.

– А Нагорны?

– Нагорны вбіты. Ёго гранатай вбіла. Тут, у траншэйцы.

– Раніцай?

– Ранкам, ну, – з натугай стрымліваючы стогн, казаў Аўдзюшкін. – Як мы сунуліся, ну ён і навалівся. Всех пэрэбілы. Тількы я остався.

Значная колькасць рускамоўных слоў у аповесці класіка тлумачыцца і асаблівасцямі развіцця і функцыянавання сучаснай бела-

рускай літаратурнай мовы. Прафесар В. І. Іўчанкаў у сувязі з гэтым падкрэслівае: «Мова беларускага народа грунтуецца на традыцыі вуснага маўлення. Гісторыя распарадзілася так, што пісьмовая форма беларускай мовы доўгі час была пад забаронай, і яе носьбіт вымушаны быў карыстацца пісьмовай формай польскай, рускай, калі трэба было напісаць паперу ва ўправу, да чыноўніка. Аднак ён не мог аддаць ёй перавагу ў маўленні, бо гаварыў так, як яго навучылі бацькі – на роднай гаворцы. Гэты экстралінгвістычны факт паўплываў на перспектыву фарміравання сучаснай беларускай мовы» [1, с. 41]. Другі немалаважны экстралінгвістычны чыннік – моўная палітыка ў СССР, скіраваная на другасную ролю нацыянальных моў ва ўмовах руска-нацыянальнага білінгвізму. Гэтыя фактары пэўным чынам адбіліся на лексічным складзе першых беларускамоўных аповесцей Васіля Быкава. Аднак большасць русізмаў і слоў гутарковай лексікі ў мове таленавітага мастака мае пэўную стылёвую нагрузку.

Яшчэ адной адметнай рысай уласна-лексічнага выбару пісьменніка з'яўляецца шырокае ўжыванне назоўнікаў са значэннем зборнасці. У аповесці «Яго батальён» налічваецца больш за 30 іх ужыванняў. Толькі назоўнік *кустоўе* ўжываецца восем разоў. Згушчанасць фарбаў, адметнасць пейзажаў, напружанасць момантаў вызначаюць у тэксце аповесці гэтыя словы. Некаторыя сказы ўтрымліваюць адразу два назоўнікі са значэннем зборнасці. Напрыклад: *Боты хрустка ламалі леташні змерзлы* ***быльнёг*** *на ўзмежку, нейкае нябачнае калючае* ***суччо*** *ў доле чаплялася за халявы, полы шыняля, вецер надакучліва сцёбаў па твары незавязанымі матузамі шапкі. Паранейшаму было цёмна, напорысты паўночны вецер шапацеў у* ***быльнягу*** *і рэдкім, па ўзмежках,* ***кустоўі.*** *Сотні сталёвых асколкаў гарачай віхурай абдалі* ***кустоўе,*** *зразаючы* ***голле*** *і наскрозь прапякаючы тоўсты, да самага дна, лёд.* У першым сказе словы *быльнёг* і *суччо* сваёй семантычнай кандэнсацыяй падкрэсліваюць перашкоды, з якімі сутыкнуўся герой аповесці, складанасць іх пераадолення. У другім сказе словы *быльнёг* і *кустоўе* дапамагаюць намаляваць адметны пейзаж эканомнымі моўнымі сродкамі. У апошнім сказе словы *кустоўе і голле* ў звязку з іншымі словамі раскрываюць дынамізм сітуацыі, напружанасць моманту. Адзначым іншыя лексемы са значэннем зборнасці ў аповесці: *клочча, хмызняк, шчацінне (шчэць), хмыззё, куп'ё, грымоцце, веццё, правалле.* Найбольшай ацэначнасцю з іх вызначаюцца *грымоцце* і *правалле*: *Сцяўшыся ў бліндажы, ён [Валошын] пільна ўслухоўваўся ў ашалелае*

грымоцце *бою і думаў, што неўзабаве павінен наступіць пералом у той або іншы бок. Перачакаўшы серыю мінных разрываў, калі, здавалася, усё на свеце вось-вось абрынецца ў* ***правалле****, ён зноў узняў галаву і ўбачыў байца, які то заміраў ля самай зямлі, напэўна, чакаючы, калі скончацца блізкія выбухі, то, зноў ліхаманкава перабіраючы рукамі, поўз у яго бок.*

Цікавымі, часам не зусім звычайнымі з пункту гледжання дэрывацыі і ўжывання ў сучаснай беларускай мове з'яўляюцца наступныя назоўнікі: *фыркат (Адразу ж унізе пачуўся ціхі крыўдлівы віск, затым энергічны* ***фыркат*** *сабакі); крывуляка (Загінастая* ***крывуляка*** *траншэі на самым версе); цемрыва (Наўкола хутка цямнела, чорны сакавіцкі прасцяг усё гусцей атуляла глухое* ***цемрыва*** *ночы); добрасць (Ярашчук, напэўна, не адразу заўважыў, што ў бліндажы ўсе маўчалі, мала ўспрымаючы бесклапотную* ***добрасць*** *яго настрою); абмыўка (– Так што віншуем, таварыш капітан, – сказаў Гутман. – Во тут я і* ***абмыўку*** *здабыў); голаў (Убачыўшы камбата, Маркін узняў* ***голаў*** *і выразна цяжка ўздыхнуў); выратоўца (Валошын, на сваё здзіўленне, убачыў побач і гэтага кульгавага сабаку, які затым упарта не хацеў разлучацца са сваім* ***выратоўцам****); страхавітасць (Байцы таропка павыскоквалі з сваіх акопчыкаў і, прыгінаючыся, з прытоенай* ***страхавітасцю*** *на тварах, сыпанулі з абмежка да балота); трэскат, дзіганне (Стараючыся перасіліць* ***трэскат і дзіганне*** *чэрг, ён прыпадняўся на руках і пракрычаў, выразна выгаворваючы кожнае слова); адставака (Ён пазіраў на вышыню і хмызняк, з якога ўсё яшчэ валакліся* ***адставакі*** *і параненыя); нечаканка (Здрадніцкі франтавы лёс, думаў ён, як прывыкнуць да яго* ***нечаканак?****).* Найбольш частотным з гэтых назоўнікаў у аповесці з'яўляецца слова *цемрыва*, што, зразумела, абумоўлена сэнсавымі і стылёвымі асаблівасцямі тэксту.

Трапнасцю, сэнсавай насычанасцю вызначаюцца шматлікія азначэнні ў аповесці В. Быкава. Прывядзём некаторыя з іх, найбольш цікавыя, у складзе словазлучэнняў: ***загінастая*** *крывуляка траншэі;* ***агняныя*** *светлякі куль;* ***хрупасткі*** *на марозе снег;* ***санлявае*** *наваколле;* ***валюхасты*** *крок;* ***зіхоткая*** *прыгажосць;* ***ляшчынавы*** *ўзлесачак;* ***мільготкае*** *святло;* ***абшкрэбаны*** *паўшубачак;* ***счацвяроныя*** *выбухі;* ***пашкуматаны*** *хмызняк;* ***нацягненыя*** *адносіны;* ***знянацкая*** *чарга;* ***крывулястая*** *траншэя;* ***казыркатая*** *шапка;* ***агняна-гарачая*** *кава;* ***дрыготка-падсветленая*** *цемра;* ***самотна-гнятлівае*** *чаканне;* ***змрочна-спакойныя*** *твары;* ***напружа-***

на-пакутныя *хвіліны;* ***агняна-трасірныя чэргі***. Неабходна адзначыць, што сярод дзеепрыметнікаў незалежнага стану прошлага часу ў творы пераважаюць формы з суфіксам *-л-*: *вытаялыя схілы, апрыклыя настаўленні, спазнелае віншаванне, змерзлы быльнёг, пахаладзелае неба, прыцьмелае неба, ашалелае грымоцце*.

Уласна-лексічны выбар Васіля Быкава ў аповесці «Яго батальён» абумоўлены зместавай асаблівасцю твора і стылёвым увасабленнем гэтага зместу. Аўтар не абмяжоўвае сябе пэўнымі рамкамі, выкарыстоўвае лексічнае багацце мовы творча і мэтанакіравана. Яго словатворчасць абапіраецца на народна-гутарковую стыхію, а ў кніжнай лексіцы праяўляюцца адзнакі рускай мовы.

Літаратура

1. Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.

2. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка тэксту : вучэб. дапам. для студэнтаў вышэйш. навуч. установ філал. профілю / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 223 с.

Оксана Борисевич
Академия последипломного образования (г. Минск, Беларусь)

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДЕТСКОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ НА КАНАЛЕ «ЛАД» (БЕЛАРУСЬ 2)

Становление и развитие детского телевещания в нашей республике происходило в соответствии с историческими закономерностями и изменениями, свойственными в целом Белорусскому телевидению. И в отрыве от этих изменений рассматривать детское телевещание было бы неправильным. Всемирная глобализация, коммерциализация белорусского телевидения и начавшийся экономический кризис в стране определили направление работы детского телевещания Общенациональных телевизионных каналов и региональных телекомпаний. В связи с этим важно проследить особенности антикризисной борьбы за духовное возрождение детского телевещания телеканала «Лад» НГТРК РБ и его творческий путь с 2003 по 2012 г.

Действующий на телеканале «Лад» отдел по подготовке программ для детей и юношества все это время обеспечивал маленьких зрителей качественной телепродукцией. Многие из телевизионных

программ полюбились детям, поскольку их концепции всегда предусматривали не только интересную подачу материала в сюжетах, направленных на развитие, обучение, духовно-нравственное и эстетическое воспитание, просвещение ребят, но и, что очень важно, учитывали возрастную градацию юных телезрителей.

Коллектив отдела по подготовке программ для детей и юношества – настоящая дружная команда, состоящая из увлеченных и преданных своему делу специалистов. Каждый старается внести свою лепту в общее творение для наших детей. Это видно из реальной работы с корреспондентами, актерами, режиссерами и операторами. Съемка программ – как отлаженный механизм. Каждый знает, за что отвечает, что конкретно должен делать. Операторы и видеоинженеры с полуслова понимают режиссера.

Для редакции очень непростыми оказались 2006 и 2010 гг., повлекшие за собой сокращения и отсутствие финансирования. Но, несмотря на это, творческий дух, желание сохранить прежний опыт и создавать новые телепроекты, не останавливаться на своем пути, помогали создателям детского телевизионного контента твердо держаться на ногах.

Исторический анализ творческой деятельности отдела по подготовке программ для детей и юношества показывает, каким сложным, но все же интересным был этот путь.

Так, в 2003 г. «Калыханка» вместе с отделом по подготовке программ для детей и юношества «переехала» с «Первого национального канала» на телеканал «Лад» [1, с. 42–43]. Туда же были переведены передача «Не зевай», появившаяся в 2003 г., восстановленный некогда популярный детский конкурсный спортивный цикл «Вас выклікае Спартландыя» (просуществовавший до 2007 г. – практически 40 лет!). Телепередача «Не зевай» телеканала «Лад» представляла собой постановочное ток-шоу, которое было рассчитано на детей младшего и среднего школьного возраста. Вела передачу маленькая Сонечка Боговец [4, с. 51–52]. В это же время в сетку «Первого национального канала» по-прежнему входила музыкальная конкурсная телепрограмма «Созвездие надежд».

В 2004 г. новых телевизионных проектов для детей выпущено не было.

В 2005 г. продолжала выходить в эфир «Калыханка» и ежедневная 10-минутная телепередача «Не зевай» [8, с. 21–30]. После победы К. Ситник на детском телевизионном конкурсе песни «Евровиде-

ние-2005» на телеканале «Лад» появилась музыкально-развлекательная программа «Детский час с Ксенией Ситник».

Отметим, что к 2006 г. в отделе по подготовке программ для детей и юношества на телеканале «Лад» насчитывалось всего 11 штатных сотрудников (в Главной редакции телевизионных программ для детей – 42). Появилась проблема не только с поиском творческих сил, но и финансовых средств на существование детской студии [8, с. 21–30]. Тем не менее коллектив работал слаженно.

Музыкально-развлекательная передача «Детский час с Ксенией Ситник» с 22 февраля 2006 г. начала выходить в эфир под новым названием – «Наша пятерочка», которая показывала подросткам звезд шоу-бизнеса и открывала их сокровенные тайны [6]. «Наша пятерочка» был уникальным в своем роде детским проектом: он представлял вниманию ребят хит-парад детских клипов. Не каждый взрослый человек мог позволить себе сделать видеоклип, а тем более ребенок. Программа открывала перед ребятами огромные возможности для реализации своего творчества. Мальчишки и девчонки, о которых еще недавно никто не слышал, становились звездочками. Дети присылали свои видеозаписи. Если ребенок побеждал в хит-параде и по итогам месяца набирал больше всего голосов, для него снимался профессиональный клип. Кроме этого, чтобы не забывать о победителях и талантливых участниках хит-парада, была введена новая рубрика «Новости нашей пятерочки». В ней рассказывалось о всех событиях и происшествиях их жизни.

Большой популярностью в это время пользовалась психологическая тест-игра «Честно говоря» (автор Е. С. Фурсова, режиссер Е. Б. Клемантович) – единственная новая передача 2006 г. Но эта программа была, скорее, для семейного просмотра, и она вполне вписывалась в концепцию телеканала «Лад» [8, с. 21–30].

В 2007 г. в эфир т/к «Лад» вышла новая цикловая телепередача – спортивно-игровое шоу для детей и подростков «Бухта капитанов». Ведущий – коварный Командор (диджей «Радиус-FM» А. Седов). Отбор команд для участия в программе «Бухта капитанов» был возложен на Министерство образования. В передаче снимались команды, победившие в спартакиадах и спортивных конкурсах. Телепередача и сегодня продолжает радовать ребят. Каждая игра состоит из различных конкурсов (спортивных, творческих и интеллектуальных), которые периодически меняются. Суть игры: «На пути к Бухте капи-

танов отважных кладоискателей ожидают новые испытания и опасные приключения. И только самые сильные и ловкие смогут попасть в легендарную Бухту и найти клад» [6]. Хочется отметить веселые декорации передачи, озвучивание, отличную профессиональную съемку и монтаж. Благодаря этому во время просмотра складывается впечатление, что все находятся на настоящем корабле, который реально плывет по морю.

В этом же году вышла в эфир т/к «Лад» ежедневная учебно-познавательная программа для ребят младшего и среднего школьного возраста «Внеклассный час» (не является продуктом канала). Целью этой передачи стало ознакомление ребят в игровой форме с различными аспектами школьных дисциплин, разнообразными направлениями человеческой жизнедеятельности посредством увлекательных внеклассных уроков. Герои передачи Учителя, Ботаники, Халява, а также сказочные анимационные персонажи пробуждают у ребят интерес к познанию нового, рассказывают о жизни сверстников, демонстрируют правильный образ жизни, учат старанию и терпению в учении.

С 10 ноября 2007 г. вышла развлекательно-познавательная программа для дошкольников и школьников младших классов «Своя компания». Основное действие происходило во дворе, где бурлила жизнь детей, которые собирались, чтобы обсудить свои новости и проблемы. Яркие красочные декорации как нельзя лучше создавали атмосферу для детских непосредственных разговоров и откровенности. Роли ведущих исполняли дети от 5 до 10 лет и «дворник дядя Миша». Каждый раз во дворе, как и в жизни, происходило что-то новое, веселое, интересное. В передаче было много познавательного. Этот проект знакомил с детскими музыкальными коллективами, с различными профессиями, праздниками, с интересными людьми и их увлечениями. Передача отличалась динамичностью и разнообразной тематикой сюжетов.

В 2008 г. «Калыханка» встретила новый сезон с обновленными декорациями, колыбельной песней, которую исполняла заслуженная артистка Беларуси Ирина Дорофеева. Программа на белорусском языке без назиданий и нравоучений рассказывает малышам интересные истории, тонко и с юмором помогает познавать большой мир. Ведущие делают просмотр занимательным и не позволяют скучать. Художник Сан Маляваныч – фантазер и выдумщик, забавная

лисичка Яна – кокетка и шалунишка, добрый медвежонок Топа… Эта замечательная троица в компании обворожительной Феи Снов дарит всем немного сказки. В компании героев программы появился новый волшебный персонаж – Сплюшик (актриса Э. Пранкуте) [1, с. 42–43; 6]. Однажды Топа и Яна захотели сами наколдовать себе сновидения и взяли без спроса волшебный сонник Феи Снов. Вместо сказочного сна получился «милый Сплюшик». Он совсем маленький, и ему предстоит узнать много интересного, а дружная компания «Калыханкі» помогает ему в этом. С появлением нового героя передача для малышей стала более познавательной и веселой. «Учить – играя» – этим принципом руководствуются и сейчас создатели «Калыханкі». Главное, чтобы было интересно, легко, весело.

Однако к 2008 г. традиции творческих взаимосвязей ТВ с литературой, театральным, изобразительным, музыкальным искусством республики, с народным и любительским творчеством были утрачены. Малые объемы качественного продукта собственного производства, предназначенного для многократного и долгосрочного проката на телеэкране, препятствовали полноценному функционированию центральных каналов на внешнем медиарынке. Освоение ими новых форматов вещания имело однонаправленный вектор в сторону гипертрофии развлекательных сегментов вещания и их преобладания в других тематических целевых модулях. Вместе с тем такие ниши, как детское и юношеское ТВ, оставались незанятыми [7, с. 50]. Все это отразилось и в работе телеканала «Лад».

В 2008 г. новых телевизионных проектов для детей выпущено не было. В 2008 и в 2009 гг. практически вся работа отдела по подготовке программ для детей и юношества телеканала «Лад» была направлена на малышей, только малая часть – на подростковую и юношескую аудиторию. Основными транслируемыми телепроектами были: «Калыханка», «Своя компания», «Наша пятерочка», «Бухта капитанов», «Внеклассный час», «Детское Евровидение». Новой в 2009 г. была познавательная передача «Хочу все знать», которая, к сожалению, просуществовала недолго.

В «Бухте капитанов» в 2009 г. произошли изменения – за главный приз состязалась 21 команда (к 2010 г. количество команд увеличилось до 34 – по пять команд из каждой области и четыре из Минска, а к концу года количество команд стало 36). У Командора появилась Юнга (юная актриса Ангелина Мартинкевич, известная ребятам по проекту «Своя компания») [6].

В 2010 г. были закрыты «Своя компания» и «Наша пятерочка». Новых проектов выпущено в эфир не было.

Закрытие передачи «Своя компания» в июне 2010 г. вызывает глубокое сожаление как у коллектива отдела, так и у маленьких зрителей. Эта телепередача была направлена на формирование мировоззрения детей, их ценностной сферы как основы жизнедеятельности, на развитие духовности, нравственности, на формирование их эстетического вкуса, на правильное понимание здорового образа жизни, на развитие патриотических чувств и любви к Беларуси и ее гражданам. Надо отметить и тот факт, что та аудитория, для которой была предназначена данная телепрограмма, является активным потребителем духовности в виду своих возрастных критериев. Именно в этом возрасте идет активный процесс формирования и развития ценностных установок и ориентаций. А телепроект «Наша пятерочка» способствовал развитию у детей музыкальных способностей, показывал республике одаренных девочек и мальчиков, оказывал поддержку юным талантам.

5 марта 2011 г. в вечернем эфире телеканала «Лад» стартовал познавательный проект для школьников – телевизионный конкурс-викторина «Дети нового поколения», призванный выявить самых смышленых и талантливых детей разных возрастов со всей страны [5]. Ведущие – Л. А. Василевич и Ю. В. Круглик. Участниками проекта были школьники в возрасте от 12 до 17 лет (6–11 классы). Это были дети, эрудированные в различных учебных областях и обладающие высокой сообразительностью, логикой, находчивостью и хорошей памятью. Цель проекта – поднять престиж образования и образованности, поощрять и стимулировать любознательность учеников, их интерес к окружающему миру [2]. Однако этот проект не является оригинальным телепродуктом собственного производства. Он был приобретен у литовцев (подобный проект был запущен несколько лет назад в Украине) и просуществовал недолго.

В декабре 2011 г. вышла новая детская программа «Нескучный глобус», которая рассчитана на детей среднего и старшего школьного возраста. Передача продолжительностью 25 минут выходит с понедельника по пятницу и предлагает юным телезрителям отправиться в путешествие и побывать в самых разных уголках нашей планеты. Авторы нового проекта рассказывают детям о городах и странах, об их достопримечательностях и национальных обычаях, о жителях, об

интересных исторических событиях и праздниках. Телевизионное бюро путешествий открыто для всех любознательных детей. В доступной и увлекательной форме авторы показывают все самое интересное и необычное. Ведущим помогают представители белорусского клуба любителей путешествий, турагентств, фотохудожники-путешественники [3].

Таким образом, в 2011 г. тематическая направленность большинства программ была следующей: программа для малышей, спортивно-игровая, учебная и научно-познавательная программы, музыкальный конкурс.

Несмотря на проблемы работа коллектива отдела по подготовке программ для детей и юношества принесла свои плоды. Так, на Национальном телевизионном конкурсе «Телевершина» были отмечены лучшие программы для детей и юношества телеканала «Лад»: «Не зевай!» (2005), «Вас выклікае Спартландыя» (2006), «Своя компания» (2008), «Бухта капитанов» (2009, 2010), «Калыханка» (2010).

Анализ объема детского телевещания в неделю (с 18 по 24 апреля 2011 г.) показал, что он составляет 9 % от общего объема вещания (91 %). Этот процент был достигнут благодаря введению в сетку вещания не только мультфильмов и детских художественных фильмов, но и более продолжительных по времени телепередач.

Начало нового сезона 2012 г. – теперь уже телеканала «Беларусь 2» – достаточно противоречиво. С одной стороны, имеется 5 телепередач («Калыханка», продолжительность которой увеличилась до 20 минут, «Бухта капитанов», «Внеклассный час», «Детское Евровидение» и «Нескучный глобус»), а с другой стороны, наблюдается небольшой объем вещания в неделю. Анализ программы телепередач на неделю с 16 по 22 января показал, что детское телевещание занимает всего 3 % от общего объема вещания в неделю. А оно, как минимум, должно составлять 10 %. Надо отметить, что в выходные дни для детей канал не предложил вообще ничего.

Сегодня преобразованный телеканал «Беларусь 2» обещает юным зрителям много интересного. Например, телевизионные премьеры и новый телепроект «Беларусь и я», который представляет собой телевизионное приключение для маленьких зрителей. Каждую неделю четверо юных ведущих будут путешествовать по Беларуси. Они побывают в замках и дворцах, отправятся на поиски кладов и при-

видений, научатся танцевать старинные танцы и носить платья с кринолином [3].

Таким образом, детское телевещание стремительно возрождается из всеобъемлющего кризисного пепла благодаря новым идеям, творческой самоотдаче талантливых взрослых людей (теперь уже телеканала «Беларусь 2»), которые так любят своих маленьких зрителей, своих маленьких белорусов.

Литература

1. Ванина, Ю. «Калыханцы» – 30 лет! / Ю. Ванина // Рюкзачок : детский познавательно-игровой журнал. – 2011. – № 2 (70). – С. 42–43.

2. Дети нового поколения / Сайт телеканала «Лад» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnp.by/node/21. – Дата доступа: 15.03.2011.

3. Детский блок телеканала «Беларусь 2» / Сайт телеканала «Беларусь 2» : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belarus2.by/ru/o-telekanale/o-telekanale. – Дата доступа: 13.01.2012.

4. Ракицкая, П. Белорусское телевидение в поиске своего лица / П. Ракицкая // Нацыянальнае тэлевяшчанне: учора, сёння, заўтра : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 50-годдзю Беларускага тэлебачання; рэдкал. : С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – С. 51–52.

5. События : «Дети нового поколения» / Сайт телеканала «Лад»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lad.tvr.by/ru/sobytiya/02032011. – Дата доступа: 15.03.2011.

6. Телеканал «Лад» / Сайт телеканала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lad.tvr.by/rus/projects. – Дата доступа: 15.03.2011.

7. Фрольцова, Н. Т. Основные тенденции развития современного телевидения Республики Беларусь / Н. Т. Фрольцова // Современная журналистика : сб. ст.; редкол. : Н. Т. Фрольцова (глав. ред.) [и др.]. – Минск : Белорусский государственный университет, 2008. – С. 31–52.

8. Шершульская, Е. Е. Становление национального белорусского телевещания в 80–90-е годы XX века : дипломная работа / Е. Е. Шершульская. – Минск : БГУ, факультет журналистики, 2006. – 75 с.

Аксана Бязлепкіна
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПАЗАЛІТАРАТУРНЫЯ ФАКТАРЫ ФАРМІРАВАННЯ ГЕРОЯ СУЧАСНАЙ ПРОЗЫ І АЎТАРСКІХ СТРАТЭГІЙ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

Прызнаючы мастацкую індывідуальнасць пісьменнікаў, варта адзначыць, што на літаратурны працэс не ў апошнюю чаргу ўплываюць пазалітаратурныя фактары. І творчая ідэнтычнасць пісьменнікаў-равеснікаў, што ўтвараюць адно літаратурнае пакаленне, фарміруецца аднолькавымі эканамічнымі, палітычнымі і грамадскімі ўмовамі. У выніку ў літаратуру прыходзіць шэраг аўтараў, якія вызначаюцца падобным светаўспрыманнем, адукацыяй аналагічнага стандарту, аднолькавай сістэмай каштоўнасцей і супастаўным мастацкім густам [9, с. 2]. Пры гэтым розныя пакаленні зазнаюць розны па сіле ўздзеянне ўплыў грамадска-палітычных фактараў: відавочна, што творчасць пакалення, якое перажыло вайну, будзе адрозніваецца ад творчасці пакалення, якое заспела змену сацыяльнага ладу ці сутыкнулася з тэрарыстычнымі актамі.

У сучасным літаратурным працэсе актыўна прысутнічае некалькі пакаленняў пісьменнікаў: 45–50-гадовыя аўтары з пакалення «Тутэйшых», 30–35-гадовыя аўтары з пакалення «Бум-Бам-Літу» і 20-гадовая безназоўная моладзь. Натуральна, у наяўнасці і старэйшыя пакаленні, на чыю творчасць таксама значна ўплывалі пазалітаратурныя фактары.

Мастацкая эвалюцыя аўтара адпавядае логіцы ўнутранага развіцця яго творчасці, сталенню яго асобы, на што ўплываюць пераломныя моманты гісторыі. Палітычныя падзеі, якія адбыліся ў пачатку 1990-х гг., і тыя змены ў сацыяльным ладзе і сацыяльнай іерархіі, якія яны выклікалі, паўплывалі на літаратурны працэс вызначальным чынам, і наступствы тых змен мы назіраем і зараз. Змяніўся статус пісьменніка – змянілася літаратура.

Героі мастацкіх твораў мусілі калі не адпавядаць рэчаіснасці (не ўсе творы мяжы тысячагоддзяў былі рэалістычнымі), то пэўным чынам карэляваць з аўтарскім адчуваннем рэчаіснасці. Так, І. Жук пісаў: «Сапраўдны мастак не можа не зачапіць найбольш характэрныя рысы нацыянальнай традыцыі, не можа не выявіць заканамернасці станаўлення ці, наадварот, ломкі гэтых традыцый» [6,

с. 16]. Гаворачы пра Міхала з «Трэцяга пакалення» К. Чорнага, ён працягваў: «Не было ў тым жыцці **ад чаго** нараджацца Міхалу **новаму**. Што, спытаемся, ад адабранай пад выглядам калектывізацыі зямлі і маёмасці “нараджаюцца” і інакш глядзяць на свет? <...> Рассыпанае золата ў хаце Зосі Тварыцкай магло б з большай верагоднасцю засведчыць акт адчаю зламанага ўсімі гэтымі жорсткімі рэальнасцямі чалавека, чым нараджэнне новага. Для Міхала “всё было кончено” – вось у чым штука!» [6, с. 18–19]. Кожны час нараджае свайго героя, кардынальныя змены могуць зламаць чалавека або даць яму новы шанец.

Пакаленне «Тутэйшых» заспела непрадказальныя, як тады здавалася, змены ў грамадскім жыцці, і даследчыца Н. Кузьміч слушна ахарактарызавала герояў А. Федарэнкі, якія «ставяцца ў такія сітуацыі, калі не маюць загадзя гатовых рэцэптаў, шукаюць, як уладкаваць сваё жыццё лепей і лягчэй, не задумваючыся над высокімі матэрыямі. Але маральна-духоўная аснова, закладзеная ў дзяцінстве ў вясковых сем’ях, усё ж аказваецца досыць трывалай, і жыццёвыя акалічнасці, нават самыя складаныя, не могуць парушыць яе дарэшты» [8, с. 210]. Менавіта такім выглядае герой, калі палова жыцця і, адпаведна, час фарміравання асобы прыпадаюць на адзін грамадскі лад, а другую палову жыцця трэба жыць у іншых умовах і прыстасоўвацца да іх.

Героі А. Федарэнкі выразна падзяляюцца на носьбітаў традыцыйных каштоўнасцей і на прадстаўнікоў пакалення, выхаванага ў іншых аксіялагічных умовах [6, с. 214]. Героі Ю. Станкевіча жывуць у вельмі змрочным свеце, але яны поўныя сваіх перакананняў, і гэта дае ім сілы жыць [7]. Дакладней, сярод яго герояў ёсць тыя, хто не зламаецца («Любіць ноч – права пацукоў», «Эрыніі»). Героі Л. Рублеўскай таксама звычайна належаць да тых, хто адрознівае дабро і ліха («Дзеці гамункулуса», «Старасвецкія міфы горада Б.», «Забіць нягодніка, або Гульня ў Альбарутэнію»), але пры гэтым яны часта ўсведамляюць, што іх перакананні не адпавядаюць рэчаіснасці і ратуюцца ўцёкамі ў мінулае («Золата забытых магіл»), за што на літаратурным форуме litara.net, які ў пачатку 2000-х гг. быў актыўнай пляцоўкай абмеркавання літаратурнага працэсу, сучаснасць у творах Л. Рублеўскай палічылі невыразнай, маўляў, гэта могуць быць і 1970-я гг., і 1980-я гг.

У творах іншых пісьменнікаў рэчаіснасць таксама натуральным чынам уплывае на твор і на ўзроўні сюжэту, і на ўзроўні ідэі: так,

даследчыца Н. Давыдоўская [5] прааналізавала эвалюцыю вобраза мастака ў сучаснай беларускай прозе («Музыка» В. Быкава, «Плошча» А. Федарэнкі, «Подыхі творчасці» В. Іванова, «Корак з-пад шампанскага» І. Клімянкова, «Лабух» У. Някляева, «Марцыпанавыя шакаладкі» З. Вішнёва) і засведчыла яго дэсакралізацыю; у пэўным сэнсе з ёй пагадзілася даследчыца Ю. Масарэнка, асобна адзначыўшы сярод герояў сучаснай прозы «дзівакоў» [12].

Іначай выглядае герой прозы 30-гадовых. Герой, як і яго стваральнік, не паспеў сфарміравацца, загартавацца ў сваіх перакананнях, як змена сацыяльнага ладу і яе наступствы сутыкнулі яго з новай рэчаіснасцю, што выклікала ў ім разгубленасць. Змена сацыяльнага ладу прыпала прыблізна на выпускныя школьныя і студэнцкія гады пакалення 35-гадовых пісьменнікаў. Пры гэтым, вядома, трэба помніць пра тое, што ў літаратуру ідуць людзі пэўнай душэўнай арганізацыі, і многія з іх не змаглі знайсці сябе ў новых умовах.

Калі некаторыя героі А. Федарэнкі, як тыя жабкі з вядомай казкі, збіваюць масла, не верачы ў поспех, то героі А. Бахарэвіча «складваюць лапкі», апускаюцца на дно, адкуль усіх праклінаюць. Невядома, наколькі можна пагадзіцца з пазіцыяй даследчыцы Н. Лысовай, якая сцвярджае, што «героі Бахарэвіча – “маленькія героі” нашага часу» [10, с. 309]. Яна вельмі аптымістычна сцвярджае, што яго герой «спрабуе вырвацца з асяроддзя Завалюхіных» [10, с. 305], а герой тым часам, атрымаўшы запрашэнне ў госці, бярэ з сабой сябра, адначасова ненавідзячы яго (апавяданне «Дзве тысячы слоў пра Завалюхіна»). Гэта не падобна да ўцёкаў з асяроддзя Завалюхіных. Герою не стае сілы на такі адчайны дэмарш, ён не будзе змагацца адкрыта, ён не будзе паўставаць і абараняць сваю пазіцыю нават у адносінах з чалавекам, які лічыцца яго сябрам. То бок герою так баліць, што ён не можа не расказаць гэтую гісторыю, і пры гэтым ён бясконца доўга трывае і нават сілкуе гэтае псеўдасяброўства. Тут варта прыгадаць цытату з паэмы Адама Міцкевіча «Конрад Валенрод»: «А нявольнікаў зброяй з’яўляецца здрада».

Героі Бахарэвіча здраджваюць так, як можа здрадзіць толькі раб: ён здраджвае, бо ён не вырашае нічога, ён не выбірае («Дзве тысячы слоў пра Завалюхіна», «Прыватны пляж на ўзбярэжжы Леты», «Натуральная афарбоўка», «Праклятыя госці сталіцы»). Здрада ў герояў Бахарэвіча – форма кампенсацыі: пасля здрады вонкава ўсё застаецца так, як і было, але герой адчувае сябе адпомшчаным. Здрада

выяўляецца найчасцей у словах злосці і нянавісці. Той самы стан бездапаможнасці выяўляўся і ў творчасці старэйшых пісьменнікаў, якія шмат страцілі са зменамі ў грамадскім ладзе, выяўляўся па-рознаму і не так, як у маладых («Вернісаж», «Сатанінскі тур» І. Шамякіна, «Да сустрэчы…» В. Казько).

Маладзейшае пакаленне пісьменнікаў дазволіла сабе нечуванае: сказаць сваю праўду пра беларушчыну, што старэйшым пакаленнем можа ўспрымацца за здзек, але наяўнасць болю адмаўляць нельга. Так, у апавяданні А. Бахарэвіча «Беларусы на крыштальных шарах» гаворка, сярод іншага, ідзе і пра дэкаратыўную беларушчыну: на сцэне – у бляску, за сцэнай – у поце і другагатункавасці. Калі шоу патрабуе, то беларус сыграе ролю беларуса, але выступленне скончана, гледачы разышліся – і беларусы ўжо без патрэбы. Мастацтва пацвярджаецца эмпірыкай: у блогах і сацыяльных сетках толькі маладыя беларускамоўныя людзі прызнаюцца, што ім непрыемныя кампліменты з нагоды іх беларускамоўнасці. «Не звяртайце на нас увагі. Мы – варыянт нормы!» – сцвярджаюць яны.

Пры гэтым старэйшае пакаленне пісьменнікаў прымае за норму і дэкаратыўнасць беларушчыны. Тут варта прывесці ў прыклад фантастычную кнігу Р. Баравіковай «Казкі астранаўта: Касмічныя падарожжы беларусаў». У беларускай літаратуры ўжо былі спробы нацыянальнай фантастыкі (падобна, што гэта ўсё-ткі аксюмаран), найперш у творчасці А. Паўлухіна. У гэтым рэчышчы разгортваюцца і сюжэты «Казак астранаўта»: падкрэслена беларускі экіпаж з базай пад Раўбічамі паслядоўна нагадвае маленькаму чытачу пра радзіму, што цудоўным чынам упісваецца ў працэсы патрыятычнага выхавання. Але ў некалькіх эпізодах была пяройдзена мяжа: на далёкай (!) планеце за ўратаванне мясцовай жыхаркі галоўнага героя ўшаноўваюць медалём з выявай Кастуся Каліноўскага, згадваецца там і выява Ефрасінні Полацкай. Увесь патрыятычны пафас знішчаецца камічным эфектам. Падобныя эстэтычныя працэсы адбываюцца і ў аповесці «Прыгоды бульбінкі Адрэты»: дзве старонкі думак бульбінкі Адрэты і бульбінкі Скарб, здабытыя з дапамогай фіксатара думак, моцнае выпрабаванне для пачуцця гумару дарослага чытача (тым больш, што Адрэта была выведзена ў ГДР). Выданне пазіцыянуецца як кніга экалагічнага выхавання, але спробу пасадзіць бульбу на чужой планеце можна трактаваць хутчэй як экалагічную агрэсію.

У ідэале ў кнізе мог бы быць беларускі экіпаж астранаўтаў з Раўбіцкай базы, але для нацыянальнага выхавання было б цалкам дастаткова проста добрай і цікавай кнігі на беларускай мове. Бо збыткоўная апеляцыя да беларускай культуры, да яе вонкавых складнікаў дэвальвуе саму з'яву. Рамантычнае стаўленне да беларушчыны больш уласціва старэйшым пакаленням пісьменнікаў, якія заспелі поспех рамантычнай парадыгмы ў літаратуры (напрыклад, У. Караткевіча). У пакаленняў 20–35-гадовых пісьменнікаў непрыхаванае замілаванне дэкаратыўнай беларушчынай, у якую часам запісваюць і традыцыйную беларушчыну, выклікае адмаўленне (што таксама можа быць хібай, і пра гэта выказваліся ўсе бакі і ў дыскусіі, запачаткаванай Л. Сіньковай, і ў пазнейшых інтэрнэт-спрэчках пра класікаў). Урэшце, можна паспрабаваць прадказаць, што класікай стане тэкст пра норму, а не маргінальнасць ці дэкаратыўнасць.

Сучасныя пісьменнікі доўгі час не маглі выкіраваць на цэльнага героя-сучасніка, які ў выніку атрымаўся маргінальным, слабым, рэфлексіўным. Адрозніваючца стратэгіі аўтараў, яны па-рознаму працуюць з маргінальнасцю персанажаў: А. Федарэнку яна засмучае, А. Глобус падае яе як пазіцыю назіральніка (= свядомае падвышэнне статусу), А. Бахарэвіч прымае яе саму і не прымае спадарожнае ёй адчуванне нявольніцтва, супраць якога героі ціха паўстаюць у форме здрады. Змены ў статусе пісьменніка выклікалі звужэнне яго кола кантактаў, многія з іх, як звычайна кажуць у такіх выпадках, не разумелі жыцця і, калі мы гаворым пра рэалізм, не маглі адлюстроўваць яго. Брак сюжэтаў з цягам часу прыводзіў да фіксацыі на ўласным жыцці (мы памятаем пра нятоеснасць аўтара і героя, але мусім канстатаваць надзвычайнае падабенства амаль усіх герояў А. Федарэнкі, А. Глобуса ці А. Бахарэвіча). Калі пісьменнік не можа «вучыць жыццю», значыць, будуць дамінаваць іншыя функцыі: А. Глобус сыходзіць у аўтабіяграфічныя мініяцюры-фацэцыі і «казкі», А. Федарэнка засяроджваецца на аўтабіяграфічных тэкстах («Сечка», «Мяжа»), А. Бахарэвіч займаецца перакладамі («Халоднае сэрца» В. Гаўфа), магчымы і іншыя пісьменніцкія стратэгіі – часовае ці сталае канцэнтраванне зацікаўленняў пісьменніка на дзіцячай літаратуры (А. Федарэнка, Р. Баравікова, Л. Рублеўская, П. Васючэнка, А. Бадак), на фантастыцы, фэнтэзі, фантасмагорыях (С. Мінскевіч, А. Казлоў, Ю. Станкевіч), на эсэістыцы (У. Арлоў).

Літаратура

1. Барысенка, В. У. Беларускі рыцарскі раман: гісторыя і сучаснасць / В. У. Барысенка // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета. Ч. 5. – Минск, 2007. – С. 5–7.

2. Бязлепкіна, А. Гульні кантэкстаў / А. Бязлепкіна. – ЛіМ. – 2009. – 10 красавіка. – С. 6.

3. Бязлепкіна, А. Дыскусія / А. Бязлепкіна [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://euga.livejournal.com/tag/Дыскусія. – Дата доступу: 15.10.2010.

4. Глобус, А. [Без назвы] / А. Глобус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://adam-hlobus.livejournal.com/935772.html. – Дата доступу: 26.10.2010.

5. Давыдоўская, Н. Асаблівасці інтэрпрэтацыі традыцыйнага вобраза музыкі ў беларускай прозе к. ХХ – пач. ХХІ ст. / Н. Давыдоўская // Мова і літаратура ў ХХІ ст.: актуальныя аспекты даследавання. – Мінск, 2010. – С. 123–127.

6. Жук, І. Нявольнік лёсу: спроба рэабілітацыі літаратурнай традыцыі / І. Жук // Сустрэчны рух / І. Жук. – Гродна, 1998. – С. 15–27.

7. Каралёва, А. А. Вялікая драма чалавека разумнага (тэма маральнасці ў п’есе Ю. Станкевіча «Шэры-брэндзі, ангел мой…») / А. А. Каралёва // Сучасная беларуская літаратура і працэсы славянскага культурна-цывілізацыйнага ўзаемадзеяння. – Мінск, 2008. – С. 252–256.

8. Кузьміч, Н. Час выбару / Н. Кузьміч // Полымя. – 1999. – № 10. – С. 205–214.

9. Куммер, Ф. О смене литературных поколений и литературных кумиров / Ф. Куммер. – М. : Современные проблемы, 1910. – 19 с.

10. Лысова, Н. Б. Цяжкія пошукі шчасця герояў А. Бахарэвіча, або Новыя суб’екты сучасных твораў / Н. Б. Лысова // Выяўленча-мастацкія, арганізацыйныя і ідэалагічныя праблемы сучаснай беларускай літаратуры ў яе сувязях з грамадскімі практыкамі. – Мінск, 2009. – С. 305–309.

11. Мартысевіч, М. Цела ўлады / М. Мартысевіч [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://origin.svaboda.org/content/transcript/1511561.html. – Дата доступу: 25.10.2010.

12. Масарэнка, Ю. Духоўны свет героя як суб’екта ў сучаснай маладой беларускай прозе / Ю. Масарэнка // Сучасны гісторыка-культурны працэс: самавызначэнне і самарэалізацыя суб’екта. – Мінск, 2006. – С. 232–235.

13. Сінькова, Л. Старая маргінальная беларушчына ў тэкстах А. Бахарэвіча, М. Мартысевіч і Е. Вежнавец / Л. Сінькова // Беларускае літаратуразнаўства: навук.-метад. зборнік / рэдкал.: Л. Д. Сінькова [і інш.]. – Мінск : Паркус плюс, 2009. – Вып. 7. – С. 68–75.

Михаил Вальковский
Белорусский государственный университет

ЖАНРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

К основным и наиболее однозначным типологическим параметрам прессы относятся регион распространения и периодичность выхода, а также контент, т. е. объем и соотношения публикуемой тематики. Этот показатель достаточно информативен, именно по объему тематики выделяют такие виды прессы, как универсальная, специализированная, узкоспециализированная, профессиональная и «точечная» [15]. Особенность данного параметра в том, что «типологическая принадлежность периодики прямо или косвенно проецируется на ее структурно-содержательные характеристики» [1, с.16].

Российские исследователи по такому типологическому признаку, как аудитория медиа, выделяют следующие типы изданий: «национальные (общероссийские), к ним относятся: массовые издания, <…> универсальные <…> по функциям и тематике; их аудитория включает значительную часть населения, проживающего на всей территории страны» [14, с. 36].

В Республике Беларусь к данному типу медиа (общенациональная массовая газета с универсальной тематикой, которую читает значительная часть населения страны) относятся «СБ. Беларусь сегодня», «Рэспубліка», «Народная газета», «Звязда». Сегодня эти издания активно освещают различные аспекты экономической жизни страны, во многом определяющие их проблематику, в том числе – внешнеэкономическое взаимодействие со странами – стратегическими партнерами. Этот аспект международного экономического дискурса находится среди приоритетов проводимой государством внешнеэкономической политики, и, учитывая его бесспорную важность, именно он будет в фокусе нашего исследования.

В связи с этим изучение особенностей международного экономического дискурса и его места в проблемно-тематической модели общенациональных медиа, а также основных трендов жанровой реализации представляет значительный интерес и актуальность.

Для того, чтобы достичь поставленных целей исследования, прежде всего необходимо рассмотреть сложившиеся подходы как к жанрам, так и к самому понятию международного экономического дис-

курса. Под ним в данной статье мы понимаем достаточно узкий его аспект: проблематику экономического сотрудничества Беларуси с ее стратегическими партнерами в контексте происходящих в этой сфере глобальных процессов.

Сегодняшняя журналистика глобального информационного сообщества потребует новых подходов в работе с контентом, со способами подачи информации, с жанровой палитрой. Прежде всего необходимо отметить, что в современной журналистике понятие «жанр» значительно потеснено понятием «текст». Сегодня ситуация такова, что некоторые жанры утратили однозначное деление на информационные и аналитические. Так что споры ученых (Б. В. Стрельцов, Л. Е. Кройчик, В. В. Ворошилов, А. А. Тертычный) о том, какие жанры относятся к группе информационных, а какие – аналитических, и классические концепции жанрообразования можно считать во многом теряющими актуальность [11; 8; 2; 12].

На наш взгляд, в современных печатных медиа одновременно происходят два разнонаправленных процесса: относительная унификация жанров и расширение палитры изобразительных элементов медиатекстов. Остановимся на данных моментах подробнее.

Многие исследователи подчеркивают, что взаимопроникновение (диффузия) изобразительных элементов разных жанров стало отчетливо наметившейся современной тенденцией в печатных медиа. Так, российская исследовательница В. Антонова отмечает, что «все более заметные трансформации в настоящий момент претерпевает структурная (морфологическая) определенность отдельных журналистских жанров, стремящаяся к синтетическим вариантам творческого проявления» [1, с. 27]. Под структурой публикации исследовательница понимает композиционные особенности журналистского текста, а под ее содержанием – проблемно-тематическое наполнение формы. К числу основных изменений жанрообразования В. Антонова относит явления коннотации и синкретизации. Под коннотативностью жанрообразования («коннотация» с латинского – «добавочное значение») подразумевается проявление дополнительных черт, оттенков, содержательно-морфологических характеристик в медиатекстах. В свою очередь синкретичность жанрообразования («синкретизм» с греческого – «соединение», «объединение») подразумевает результат слияния элементов отдельных жанров в единую систематизированную конструкцию, характеризующуюся слитностью (нерасчлененностью) формы.

Однозначного мнения по поводу результатов подобных трансформаций нет. Одни авторы считают, что в результате жанровая палитра медиа обогащается новыми, современными конструктами, в которых реализован синтез многих жанров (корреспонденция с элементами отчета, интервью, репортажа, отчет с включением репортажных моментов и т. д.). При этом процесс синкретизации не нивелирует традиционные характеристики жанровых форм, а, наоборот, высвечивает их функциональную суть во всей полноте, придает новое, современное звучание.

Другие исследователи, не отрицая положительных моментов конвергенции, акцентируют внимание на набирающих все большую динамику процессах унификации и стандартизации жанров, а также пытаются объяснить причины и природу данных явлений, определить их пределы и предсказать последствия для журналистики.

Один из крупнейших специалистов в данной сфере А. Тертычный видит причину в некритичном заимствовании российской (советской) журналистикой более ограниченной и шаблонизированной жанровой палитры, присущей англо-саксонской журналистике, которая происходит как через «клоны» западных бизнес-моделей медиа, так и через школы журналистики и учебные пособия для них. Он предостерегает об опасности вырабатывания стереотипов информационных ожиданий аудитории, когда возникают соответствующие стереотипы восприятия информации у читателей [13].

По мнению Л. Кройчика, все тексты, попав в медиапространство, «…приобретают не только технологическое сходство – они сближаются и функционально», прежде всего, характером своих отношений с аудиторией [9, с. 7].

Как полагает главный редактор российской «Независимой газеты» В. Третьяков, происходит это потому, что в жестком ежедневном и почасовом ритме работы редакции «только и возможны стандартные формы подачи материалов… удобные в производстве и полезные в потреблении формы журналистских текстов и видеосюжетов». Но, продолжает он, за всеми этими вроде бы формальными причинами стандартизации журналистского труда стоят сущностные аспекты журналистики, ее неразрывная связь с жизнью [16, с. 281–182].

В свою очередь, В. Антонова обращает внимание на то обстоятельство, что «жанрообразующие признаки в медиатекстах региональной периодики все заметнее субъективируются – доминантная роль

в оформлении жанра публикации сегодня принадлежит автору, а именно: его творческому замыслу, сквозной идее, сознательной (интуитивной) концентрации на характере объекта отображения, изменении методов познания и отображения действительности, собственной интерпретации фактологического "сырья", добытого эмпирическим путем» [1, с. 35].

О ведущей роли журналиста в определении жанра медиатекста говорит и Л. Кройчик: «содержание текста (любого жанра) зависит от задач, решаемых публицистом, уровня познания действительности, от его индивидуально-психологических особенностей восприятия окружающего мира. В общем виде содержание текста – это соединение объективно существующего факта с субъективной его оценкой» [9, с. 9]. Однако необходимо отметить, что, по нашему мнению, степень выраженности субъективного отношения автора к информации, излагаемой во внешнеэкономических медиатекстах, существенно ниже, чем, например, во внешнеполитических. Данное обстоятельство, как представляется, обусловлено прецизионным характером самой внешнеэкономической информации.

Изучив структурно-содержательные характеристики белорусских общенациональных ежедневных медиа, можно утверждать, что из жанров как структурно-композиционных способов оформления их содержания чаще встречаются заметка, корреспонденция, комментарий, реже – статья.

Не все из названных жанров имеют одинаковую значимость, и, вследствие этого, одинаковую популярность. Что касается таких жанров, как заметка и корреспонденция, они, при малом объеме текста, имеют большую информационную насыщенность; им свойственно нейтральное представление, как правило, оперативной информации.

Авторский экономический комментарий – один из наиболее популярных современных типов медиатекста – представлен во всех рассмотренных нами медиа. Он обладает достаточно устоявшимся прототипическим структурно-семантическим строением: заголовок, подзаголовочный комплекс (лид), состоящий, как правило, из одного-двух предложений, во введении раскрываются общие тезисы комментария. Далее следует раскрытие непосредственно тем, вынесенных в лид, и выводы. Одним из элементов экономического комментария является в том числе и наличие в нем экспертного мнения.

Традиционно в печатных медиа востребован жанр статьи, которому присущи масштабность авторского взгляда и четкость авторской концепции, глубина обобщения всей задействованной совокупности актов, наглядная связь ситуации с социально-экономическими проблемами. «Статья – жанр, отражающий действительность в ее сущностных проявлениях. В качестве “новости” предлагается авторская концепция того, как автор увидел и оценил состояние проблемы. Факты становятся поводом для того, чтобы поставить важную общественную проблему и проанализировать тенденции общественного развития. Статья требует широты охвата действительности, анализа множественности систематизируемых фактов, масштабности обобщения и выводов», – отмечает российская исследовательница А. Кетова [7].

Вместе с тем написание статьи требует значительных затрат времени на сбор и осмысление фактов, серьезной подготовки и высокого интеллектуального уровня автора. В силу этого в исследуемых нами медиа данный жанр встречается относительно редко.

Одним из важнейших компонентов макроструктуры любого медийного текста, и статья не является исключением, выступает заголовок. Он – первое, на что читатель обращает внимание, когда начинает просматривать газету. Из заголовка становится ясно, о чем пойдет речь в той или иной публикации. В статьях, опубликованных в изучаемых медиа, наряду с заголовком выделяются такие основные содержательные компоненты, как лид (объем которого больше, чем у комментария), собственно текст статьи – изложение и анализ событий, фактов, мнений, цитат, а также прогноз последствий.

В настоящее время при верстке текстов в белорусских ежедневных общенациональных медиа широко применяется так называемая фоновая информация: цитаты и справочные данные, которые могут быть представлены в виде инфографики, таблиц, выносок и врезок, зачастую набранных конкурентным кеглем на цветной подложке. Благодаря этому материал визуально воспринимается лаконичнее, а текст звучит достовернее, а дизайн не только превратился в инструмент организации и визуализации контента, навигации по полосам издания, но и стал частью единого целого – медиатекста.

Эти подходы лежат в русле мировых тенденций, они распространены широко и повсеместно в печатных медиа. Так, в медиа Татарстана, как отмечает Л. Сабирова, «…традиционный набор жанров пополняется за счет обновления “жанровой палитры”. Например, та-

кие аналитические и информационные жанры, как статья и заметка, в газете сопровождаются добавочными формами персонификации информации – монологической и диалогической: “цитата дня”, “прямая речь”, сопровождающие заметку» [10, с. 358].

Все жанры, представленные в конкретных формах медиатекстов, объединяет информационное начало, являющееся сущностной характеристикой журналистского творчества. Информация, выражающаяся в жанрах журналистики, в медиатекстах, – это совокупность сведений (вербально и невербально зафиксированных), которую несет автор аудитории. Следует отметить, что она не всегда может быть воспринята полностью, без искажений и адекватно оценена аудиторией. Во-первых, особенности построения и восприятия текста во многом детерминированы и ограничены нормами культуры и языка, рамками жанров. Во-вторых, как уже говорилось выше, на него заметно влияет субъективный фактор – индивидуальные особенности журналиста, которые проявляются на всех этапах работы с внешнеэкономической информацией: от творческого замысла до выбора формы ее отображения. Далее накладывается субъективность восприятия: читатель воспринимает не саму реальность, не полную и беспристрастную информацию о ней, а отображенную журналистом в медиатексте ее репрезентацию. Следовательно, редко какой текст может быть полностью понят адекватно замыслу автора. На этот процесс влияют социальные, экономические, политические, культурологические, идеологические и многие другие характеристики медиааудитории.

Таким образом, полагает Е. Зимина, «вне поля зрения исследователей остаются прагмалингвистические особенности газетных текстов, т. е. их способность влиять на общественное мнение, давать оценку тому или иному социальному явлению» [4]. Как следует из приведенной выше цитаты, все чаще исследователи ведут речь не о жанре: данные подходы к анализу текста более характерны для рассмотрения дискурса.

Вместе с тем Т. Сурикова считает, что «текст отражает важнейшие черты и дискурса (политического, развлекательного и пр.), и автора, и адресата, и функционального стиля, и жанра. Жанровая система современных СМИ – в периоде становления. Важнейшая языковая характеристика стиля СМИ – концептуальная лексика СМИ, т. е. общественно-политическая и экономическая терминология» [6, с. 166].

Следует отметить, что четкого и общепризнанного определения «дискурс» не существует. Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. В соответствии с определением Эмиля Бенвениста, который впервые ввел этот термин, под дискурсом понимаются определенные принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени. Дискурс в 60–70-х гг. XX века понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов. В таком толковании он может трактоваться как близкий понятию текст. Но уже в конце 80-х гг. XX века под дискурсом начинают понимать сложное коммуникативное явление, сложную систему иерархии знаний, включающую, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата и др.), необходимые для понимания текста. Кроме того, существуют также и другие традиции определения дискурса, в частности традиция, идущая от М. Фуко, связанная с включением в контекст рассмотрения дискурса властных отношений и идеологии, в поле которых дискурс приобретает то или иное социальное значение [3].

Исследование дискурса на рубеже XX–XXI веков проводили как белорусские (В. Ивченков), так и российские авторы [5].

Часто термин «дискурс» используется для обозначения динамического характера исследуемых текстов. Медиатексты всегда динамичны, современны и событийны, они воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Одна из основных характеристик текстовых событий – это функция событий как эпизодов дискурса. Любое событие занимает свое место в целом ряде других эпизодов одного дискурса. Важным направлением при изучении общенациональных ежедневных медиа страны является анализ не только общих способов подачи информации, но и частных особенностей, характерных для каждого из изучаемых изданий, которые могут иметь свои отличительные, «фирменные» способы подачи международного экономического дискурса, жанровые предпочтения при его реализации в проблемно-тематической структурной модели медиа.

Можно согласиться с А. Кетовой и принять определение, предложенное В. Е. Чернявской: «под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психоло-

гическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом, обусловливающим особую упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [17, с. 65]. Таким образом, экономический дискурс, по мнению А. Кетовой, «представляет собой систему текстов, объединенных тематикой и возникающих в процессе коммуникации в сфере экономики под влиянием экстралингвистических, прагматических, социокультурных и других факторов» [7].

Наше исследование не ограничивается рамками собственно лингвистического анализа медиатекстов общенациональных ежедневных медиа, так как экономический текст, в особенности текст международной экономической тематики, является результатом журналистской деятельности в определенном социальном контексте и характеризуется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими переменными. Следует обратить внимание и на терминологическую насыщенность внешнеэкономического дискурса: для него характерно широкое присутствие экономической лексики, сложных слов и акронимов, заимствованных терминов-словосочетаний, транслитерации, калькирования, преимущественно с английского языка, порой излишней аббревиарности, увлечение различными индексами, что также не упрощает задачу донесения информации до аудитории.

К экстралингвистическим (прагмалингвистическим, социолингвистическим, психолингвистическим и т. п.) факторам необходимо отнести тематический контекст (соседство других медиатекстов), политико-экономический вектор как конкретного медиатекста, так и направленность издания в целом. Далее следует принимать во внимание контингент его читателей, взаимоотношения данного печатного органа с учредителями, другими медиа, т. е. позицию и роль издания в общественно-политической жизни страны. Также следует учитывать корреляцию темы, раскрытой или затронутой в медиатексте, с современными экономическими и социально-политическими реалиями общества. И, наконец, необходимо принимать во внимание личность автора статьи, его биографию и уровень профессиональной подготовки, религиозные и политические взгляды, все те моменты, которые оказывают заметное влияние на содержание и жанровую реализацию медиатекстов международной экономической проблематики.

Литература

1. Антонова, В. И. Трансформации типологической и жанровой систем в современной журналистике (по материалам печатных изданий Поволжского региона) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.10 / В. И. Антонова. – Казань, 2006. – 34 с.

2. Ворошилов, В. В. Журналистика : учебник для вузов / В. В. Ворошилов. – СПб. : 2006. – 336 с.

3. Дискурс. 2011. [Электронный ресурс] Сайт Википедия. Режим доступа: http:// <ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс> Дата доступа: 12.12.2011.

4. Зимина, Е. А. Оценочные стратегии информационных статей и комментариев в немецкоязычном газетном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 179 с.

5. Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.

6. Исследования СМИ: методология, подходы, методы : учеб.-метод. пособие. Материалы лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. – 236 с.

7. Кетова, А. Ю. Жанр аналитической статьи на экономическую тему в дискурсивном аспекте. 2011. [Электронный ресурс] Сайт журнала Медиаскоп. Режим доступа: http://<www.mediascope.ru/taxonomy/term/7> Дата доступа: 10.08.2011.

8. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров. Основы творческой деятельности журналиста / Л. К. Кройчик; ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание : СПб. : ИВЭСЭП, 2000. – 272 с.

9. Кройчик, Л. По существу ли эти споры? По существу! («МТ», «ВЖТ», «ВПТ»… Далее – что?) / Л. Е. Кройчик. – Новое в массовой коммуникации : альманах. – Воронеж, 2006. Вып. 3–4 (58–59). – С. 6–11.

10. Сабирова, Л. Р. Трансформация системы жанров в татарской журналистике / Л. Р. Сабирова // Информационное поле современной России: практики и эффекты : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 20–22 октября 2011 г. / под ред. В. З. Гарифуллина, Р. П. Баканова. – Казань : Казан. ун-т., 2011. – 628 с.

11. Стрельцов, Б. В. Основы публицистики. Жанры : учеб. пособие / Б. В. Стрельцов. – Минск : Университетское, 1990. – 239 с.

12. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 319 с.

13. Тертычный А. А. Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ. 2010. [Электронный ресурс] Сайт журнала Медиаскоп. Режим доступа: http://<mediascope.ru/node/675> Дата доступа: 5.01.2012.

14. Типология периодической печати / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. – М., 2007. – 46 с.

15. Типологические исследования в РФ: методологические подходы и способы. 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://<www.mediaspb.pu.ru/upload/files/doc_1231665048.doc> Дата доступа: 10.08.2011.

16. Третьяков, В. Т. Как стать знаменитым журналистом : курс лекций по теории и практике современной русской журналистики / В. Т. Третьяков. – М. : Ладомир, 2004. – 632 с.

17. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 155 с.

Сергей Венидиктов

Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ СМИ: МЕДИАПРОЕКТЫ УНИВЕРСИТЕТА ФРАНКЛИН ПИРС (США)

Современные средства массовой информации способны в корне менять содержание социального взаимодействия, оказывать влияние на поведенческие установки и ценностные ориентации граждан, обеспечивая устойчивость общества в целом и политической системы в частности. На общественную эффективность деятельности медиа напрямую влияют степень свободы и независимости СМИ, количество каналов коммуникации, конкуренция между различными СМИ, разнообразие их наполнения и величина аудитории, готовой к рецепции социальных, экономических, политических и культурных реалий. Наиболее перспективную позицию в современной медиасистеме занимают региональные СМИ, способные удовлетворять потребности локальной аудитории. К их числу правомерно отнести и медиаструктуры, существующие в высших учебных заведениях, при условии их активного взаимодействия с местным сообществом.

В 2011 г. в рамках Международной программы академического обмена имени сенатора Фулбрайта (США) нами был реализован проект «Система студенческого телевидения США и возможности ее адаптации к медиасфере Республики Беларусь». Объектом исследования выступили средства массовой информации университета Франклин Пирс. Содержание проведенного анализа предопределила гипотеза о доминирующей роли американских студенческих медиа в отраже-

нии потребностей локальных сообществ США (университетские городки и их окрестности), стимулировании гражданской активности аудитории и развитии политической культуры молодежи.

Университет Франклин Пирс представляет собой несколько подразделений-колледжей, расположенных в штатах Нью-Хэмпшир, Аризона и Массачусетс, в которых обучаются студенты из 30 штатов США и 15 стран мира. Франклин Пирс входит в Ассоциацию колледжей Новой Англии, агентством «Forbes» включен в перечень 600 лучших учебных заведений США. Одним из основных учебных подразделений университета является Центр массовой коммуникации имени Марлина Фитцвотера (Marlin Fitzwater Center for Mass Communication), основанный в 2002 г. в университетском городке Риндж (Нью-Хэмпшир) и названный именем бывшего пресс-секретаря Белого дома. Помимо обеспечения деятельности факультета массовой коммуникации центр занимается исследованием отношений президентской власти и прессы и представляет собой во многом «первичное» гражданское медиаобразование, удовлетворяя запросы локального сообщества.

Деятельность центра определяется, в первую очередь, наличием собственных медиаструктур: радиостанции студенческого городка «The Talon – WFPC-LP 105,3 FM», студенческой телестудии «FPTV–25» с собственным каналом вещания на территории университета, газеты «Pierce Arrow» с ее интернет-версией www.PierceArrowNews.com, общественного новостного интернет-ресурса. Все студенческие медиа университета объединены в составе «Медиагруппы Пирс» («The Pierce Media Group»), также включающей в себя подразделение спортивного вещания «Ravens Sports Network», отдел рекламы «Four Corners Marketing» и отдел интернет-вещания «The Fitz Online». Традиционно в работе «Медиагруппы Пирс» задействовано около 110 студентов, которые осваивают творческую и техническую стороны различных профессий в современных средствах массовой информации. Особое внимание уделяется медиаобразованию – совокупности компетенций, позволяющих студентам самостоятельно оценивать содержание контента СМИ, мыслить критично, анализировать культурные последствия общественного потребления медиапродукта. При этом акцент делается на роли журналистики в поддержании жизнеспособности американской демократии, а также на развитии политической культуры студентов.

Студенческие средства массовой информации в университете Франклин Пирс, с одной стороны, предлагают исчерпывающую информацию об университете, чем способствуют социализации обучаемых и оптимизации общественной жизни в кампусе. С другой стороны – и это крайне важно для университета, для демократического общества, для будущей карьеры выпускников – такие СМИ способствуют открытому обсуждению общих проблем (например, принципов образовательной политики, важных решений руководства учреждения), формированию общественного мнения. Вести гражданский диалог через студенческие медиа в США означает не просто «говорить о наболевшем», а тщательно взвешивать последствия возможных решений и действий, принимая во внимание позиции других.

Благоприятный общественный фон для деятельности студенческих СМИ формирует также традиционно насыщенная событиями жизнь штата Нью-Хэмпшир. Центр массовой коммуникации имени Марлина Фитцвотера служит академической лабораторией для изучения отношений между государственной властью и прессой, на региональном и национальном уровнях реализуя несколько значимых проектов. Основной вклад центра связан с политическими мероприятиями, в первую очередь, – президентскими выборами. Небольшие размеры учебного заведения создают оптимальные условия для усвоения студентами политических практик, максимально сокращая дистанцию между студентами и представителями политической сферы: кандидатами в президенты, сенаторами, общественными деятелями.

С 2008 г. студенты университета задействованы в освещении предвыборных дебатов кандидатов в президенты. В 2011 г. Центр массовой коммуникации был привлечен к информационному обеспечению дебатов, проходивших в соседнем городе Манчестер, в начале 2012 г. – предварительных выборов (т. н. праймерис) в штате Нью-Хэмпшир. Допуск к освещению политического события такого высокого уровня подтверждается лично кандидатами в президенты и их избирательными штабами (аккредитация гарантирует студентам свободный доступ на все события и возможность записи интервью с политиками), ведущими СМИ страны (студенты задействованы в их работе в качестве репортеров и технического персонала), а также интернет-СМИ, включая YouTube (в сети размещается видео,

предоставляемое студенческими творческими группами). Университет Франклин Пирс – единственный в штате Нью-Хэмпшир и один из немногих в США, который обеспечивает столь широкое участие своих студентов в политических мероприятиях национального масштаба.

В течение академического года, предшествующего праймерис, студенты следят за актуальными тенденциями в политической сфере США, участвуют в опросах общественного мнения и освещают деятельность групп поддержки кандидатов по штату Нью-Хэмпшир. Также молодежь участвует в освещении дебатов и получает возможность задавать «неудобные» вопросы кандидатам во время посещения последними университетского городка. Эта деятельность сопровождается многочасовыми видеосъемками, подготовкой разножанровых материалов для местной прессы, а также укреплением связей с участниками предвыборной кампании и местными СМИ.

Непосредственно во время проведения праймерис в 2008 и в 2012 гг. в одном из корпусов университета была оборудована новостная студия, из которой студенты выходили в телевизионный эфир каждые 15 минут. Здесь же располагалось оборудование для видеомонтажа, выгородка для оперативной записи интервью, студенческий координационный центр.

Во время праймерис 2008 г., когда Нью-Хэмпшир превратился в центральный пункт избирательных программ всех кандидатов и привлек внимание национальных средств массовой информации США, активность университетских медиа дала ощутимые результаты. Франклин Пирс был избран Общественным телевидением Нью-Хэмпшира для освещения предвыборных кампаний трех кандидатов в президенты. Студенты были задействованы в качестве корреспондентов и операторов при подготовке видеосюжетов для YouTube-страницы телеканала «WMUR–TV» – филиала телекомпании «ABC». Также студенты участвовали в работе экзитпулов в Бостоне, предоставляя результаты опросов национальным СМИ и политическим блогерам. YouTube–канал Франклин Пирс, который гарантировал общественный доступ к интервью с кандидатами в президенты, в день праймерис вошел в число ста наиболее востребованных каналов YouTube.

В июне 2011 г. медиагруппа Центра массовой коммуникации имени Марлина Фитцвотера вместе с представителями нескольких

сотен американских СМИ принимала участие в открытии серии предвыборных дебатов. Накануне выборов университет пригласил кандидатов в президенты выступить перед студентами; серия выступлений началась осенью и продолжалась вплоть до праймерис в Нью-Хэмпшире (начало 2012 г.). В организации встреч с кандидатами принимали участие все желающие студенты и преподаватели. Аудитория интернет-вещания также могла размещать свои вопросы на сайте мероприятия и получать ответы в интерактивном режиме.

Сориентироваться в сложных политических явлениях, правильно собрать данные, подвергнуть их затем беспристрастному анализу, наладить контакты с национальными СМИ, т. е. создавать качественный медиапродукт политической направленности студентам помогает известный в США политолог Р. Келли Майерс, с которым университет Франклин Пирс наладил тесное сотрудничество.

Таким образом, университет в полной мере использует уникальный образовательный потенциал предвыборных кампаний и самих выборов в развитии гражданской культуры студентов, максимально вовлекая последних в политический процесс.

С 2002 г. реализуется наиболее важный имиджевый проект Центра массовой коммуникации – «Брифинги по вторникам» («Tuesday Briefings»). Мероприятие представляет собой открытую для публичного посещения часовую телевизионную пресс-конференцию, на которой обсуждаются актуальные для американского социума вопросы. Выступить перед аудиторией имеет право абсолютно каждый, однако преимущественно в брифингах принимают участие известные ученые, политики, общественные деятели, журналисты, артисты. Аудиторию составляют студенты и преподаватели университета, а также представители местной общины, которые могут задавать выступающим любые вопросы. Студенты Центра массовой коммуникации работают в качестве модераторов мероприятия, они же отвечают за функционирование всего студийного оборудования (видеокамеры, свет, звук и т. д.). Брифинги в прямом эфире транслируются из учебной телестудии по локальному студенческому кабельному телеканалу «FPTV-25», также осуществляется интернет-вещание.

Проведение подобных открытых слушаний в университете Франклин Пирс основано на опыте Марлина Фитцвотера, который, будучи пресс-секретарем Белого Дома, регулярно по вторникам проводил утренние брифинги для прессы. Задачей брифингов в Центре

массовой коммуникации является налаживание связей с общественностью, привлечение студентов к обсуждению и решению проблем, имеющих национальное значение. Например, в первом брифинге 2011/12 учебного года принял участие Том Паукен, бывший глава республиканской партии Техаса, нынешний глава Техасской рабочей комиссии, который представил свою новую книгу «Как Америка потеряла свой путь и как на него вернуться». Тема второго брифинга была определена как «Взгляд на американскую экономику из-за рубежа». В преддверии проведения праймерис в штате Нью-Хэмпшир перед университетской аудиторией выступил Колин Ван Остерн – кандидат от демократической партии, работавший на нескольких избирательных кампаниях.

К числу наиболее масштабных образовательных программ политической направленности относится проект «Президентская власть и пресса», в рамках которого Центр массовой коммуникации ежегодно организует Национальную конференцию для школьных средств массовой информации. Среди задач мероприятия – развитие здорового и открытого диалога как важнейшего фактора укрепления национальной демократии. Целевой группой конференции являются руководители и сотрудники школьных СМИ из различных штатов. В течение пяти дней наиболее активной части американской молодежи предлагается ознакомиться с закономерностями современного политического процесса, ролью СМИ в его развитии, а также со сложными взаимоотношениями представителей власти и журналистов. Различные презентации, экскурсии, интервью, панельные дискуссии и иные мероприятия направлены на развитие в молодежной среде навыков, необходимых для сознательного участия в президентских выборах и иных политических событиях.

Во время конференции школьники работают в печатных и электронных СМИ университета в качестве репортеров, продюсеров, блогеров, фотографов, видеооператоров. В их задачу входит написание статей, подготовка и проведение интервью, верстка новостей под руководством студентов. Работы школьников размещаются в онлайн-газете и демонстрируются по университетскому телевидению. Посредством интернет-ресурса www.Fitzcast.com из любой точки мира можно увидеть итоговые программы «Президентская власть и пресса: недельное обозрение» («The Presidency and The Press: The Week Review»).

Совместно с Вартбургским колледжем (г. Уайверлай, штат Айова) Центр массовой коммуникации реализует политический проект «Первые в стране», в рамках которого молодежи предлагаются различные варианты участия в предвыборной кампании. Программа включает новые образовательные курсы, обмен студентами между учебными заведениями, что позволяет глубже понять специфику политического процесса в различных штатах.

Общенациональную известность получил проект «Награда имени Фитцвотера» – ежегодная премия, которая присуждается за достижения в области общественной коммуникации. Среди лауреатов в разные годы были Виктория Кларк – помощник государственного секретаря США по связям с общественностью, сенатор Чак Хэгель, Кеннет Уолш – корреспондент издания «U.S. New & World Report» в Белом доме, Стив Калли – директор политических проектов медиацентра «C-SPAN» и президент Ассоциации журналистов Белого дома и др.

В рамках «Программы экспертных визитов» аккредитованные для работы в Белом доме корреспонденты на базе университетского городка в Риндже в течение двух дней проводят встречи со студентами, во время которых обсуждают актуальные политические вопросы и делятся профессиональным опытом.

Кроме того, университетские СМИ приобретают особое значение во время общенационального празднования в США Дня конституции (15 сентября). Ежегодно в этот день «Медиагруппа Пирс» готовит специальный выпуск газеты «Стрела Пирс», посвященный конституции США и содержащий ее полный текст. Также информационная поддержка оказывается Национальному дню студента (6 октября), который направлен на развитие социальной ответственности молодежи на всей территории Северной Америки. В связи с этой датой студенческие СМИ публикуют материалы, посвященные волонтерскому движению, работе в приютах для бездомных и другим способам общественного участия.

Таким образом, медиаобразование в Центре массовой коммуникации университета Франклин Пирс имеет очевидную политическую направленность, что, на наш взгляд, обусловлено тремя основными факторами.

Во-первых, с момента своего основания Центр титульно связан с именем Марлина Фитцвотера – одной из наиболее авторитетных фигур в американской политической журналистике, пресс-секрета-

ря президентов США Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Естественно, что в университете не ограничились использованием только имени Фитцвотера: его активное участие и личная заинтересованность в развитии системы образования помогли привлечь к участию в академическом процессе авторитетных политиков, общественных деятелей, представителей национальных средств массовой информации США. В этом мы усматриваем пример реализации маркетинговой стратегии в образовании, успешный опыт брендирования, которое изначально предопределило положительный имидж учреждения.

Во-вторых, нельзя не учитывать географическое положение университета: Франклин Пирс расположен в штате Нью-Хэмпшир, регион Новая Англия. Эта территория, с которой началось формирование современного политического облика США, традиционно известна высоким уровнем развития политической культуры, гражданской активностью населения, востребованностью различных форм общественного диалога. Центр массовой коммуникации поддержал данную тенденцию: направленность его академических программ отвечает запросам общества, удовлетворяет его историческую потребность в гражданском образовании.

В-третьих, свяжем деятельность факультета массовой коммуникации с общими тенденциями развития медиа в США: политическая журналистика представляет собой одну из наиболее сложных и востребованных областей деятельности СМИ. Поэтому, реализуя политические проекты и фокусируя внимание на гражданском образовании студентов, университет гарантирует последним получение квалификации, актуальной на рынке труда.

Таким образом, политическая направленность образовательных программ, реализуемых университетскими СМИ Франклин Пирс, способствует формированию коммуникативной и личностной компетентности студентов, усвоению образцов поведения в развитом гражданском обществе США. Фактически, модель распространения массовой информации в американском социуме воплощается в рамках отдельного медиацентра. При этом функционирование студенческих СМИ университета Франклин Пирс характеризуется следующими особенностями: а) структурное и организационное соответствие принятой в США модели массовой информации; б) максимальная интеграция теоретической подготовки и практической деятельности сту-

дентов; в) следование основным тенденциям развития современных СМИ в техническом плане, что делает практический опыт выпускников актуальным и востребованным; г) предоставление студентам возможности определять в процессе обучения преимущества каждой из медиаспециализаций.

На наш взгляд, для системы высшего образования Республики Беларусь перспективным является возможное использование американского опыта в следующих направлениях: а) моделирование взаимодействия студенческих СМИ с региональными и национальными СМИ; б) участие университетских СМИ в жизни локального сообщества (интеграция в общественную жизнь региона); в) максимальная открытость и доступность деятельности медиаструктур; г) включение студентов в систему управления структурами медиацентров; д) широкая специализация при обучении; е) опыт использования «титульного партнера», что расширяет возможности сотрудничества со СМИ, представителями политической власти, гражданских объединений и создает положительный имидж учебного заведения. Как показывает опыт университета Франклин Пирс, политический потенциал образовательных средств массовой информации может быть реализован исключительно при непосредственном участии студенческих медиаструктур в политической жизни региона и государства.

Таццяна Выскварка
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка

ПРЫМЕТНІКІ-КАМПАЗІТЫ Ў ДРАМАТЫЧНЫХ, КРЫТЫЧНЫХ І ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫХ ТВОРАХ МІХАСЯ ЗАРЭЦКАГА

Міхась Зарэцкі, выдатны прадстаўнік беларускай літаратуры 20–30-х гг. XX ст., найперш выявіўся творамі-водгукамі на вострыя, супярэчлівыя падзеі тагачаснай рэчаіснасці. Аднак такая падпарадкаваная часу скіраванасць не паўплывала на самабытна-рамантычны стыль пісьменніка. Пранікнёны, заглыблены, удумлівы ўнутраны голас Міхася Зарэцкага знайшоў сваё адлюстраванне ў мастацкіх тэкстах праз шматлікія моўныя сродкі, сярод якіх вядучае месца займаюць прыметнікі-кампазіты.

Складаныя прыметнікі атрымалі асаблівае пашырэнне ў мастацкай прозе Міхася Зарэцкага (981 адзінка з 1066, або 92 %). З мэтай акцэнтавання ўвагі на складаных прыметніках як эмацыянальных стымулятарах у мастацкіх тэкстах мы разгледзелі кадыфікаваныя і некадыфікаваныя прыметнікі-кампазіты. Так, кадыфікаваныя складаныя прыметнікі складаюць 10,9 % ад агульнай колькасці ўжытых пісьменнікам складаных ад'ектыўных слоў і ў першую чаргу выконваюць намінатыўную функцыю. Абсалютная большасць (89,1 %) названых вытворных адзінак прадстаўлена некадыфікаванымі прыметнікамі-кампазітамі, прызначанымі надаць рэальным аб'ектам характарыстыку з адценнем ірэальнасці.

У драматычных творах пісьменніка зафіксаваны адзінкавыя выпадкі звароту аўтара да прыметнікаў-кампазітаў. Так, у драматычнай аповесці «Сымон Карызна» ўжыты толькі два кадыфікаваныя складаныя прыметнікі (*малапісьменны* [3, с. 327], *уласнаручны* [3, с. 333]), а ў п'есе «Віхор на балоце» – 7 кадыфікаваных складаных ад'ектыўных лексем (*даўганосы* [4, с. 169], *доўгавалосы* [4, с. 184], *дробнабуржуазны* [4, с. 186], *жыватворчы* [4, с. 206], *самаўпэўнены* [4, с. 199], *тупагаловы* [4, с. 184], *чарнасотніцкі* [4, с. 184]) і адна некадыфікаваная, што выяўлена ў маналогу, які прадстаўляе сабой повязь думак, разваг гераіні, народжаных нервовай узбуджанасцю, трывожнасцю, запалёнай свядомасцю: *Там, дзе праносіцца гэты віхор, там астаюцца ахвяры. Часам бязвінныя, **трагічна-выпадковыя**, але неабходныя… Гэта немінуча…* [4, с. 206]. У п'есе «Белыя ружы» сустракаецца толькі адзін складаны прыметнік (ён жа – індывідуальна-аўтарскі), але не ў «жывым» маўленні персанажаў, а ў аўтарскай рэмарцы: *Ён становіцца на калені перад кветкамі, гаворыць дрыжачым, **урачыста-напружаным** голасам* [4, с. 271]. Аналагічная сітуацыя назіраецца і ў п'есе «Ная»: *Туды ж з **урачыста-важным** выглядам ідуць некалькі калгаснікаў* [4, с. 277]. Такое «размеркаванне» складаных ад'ектыўных лексем можна растлумачыць як асаблівасцямі мовы драматычнага твора (дыялагічная насычанасць і напружнасць, гутарковы стыль, вуснае маўленне, для якіх, як правіла, не характэрны няўласна-простая мова, філасафічнасць думкі і г. д.), так і асаблівасцямі канфліктаў, накіраваных, перш за ўсё, на сацыяльна-палітычныя праблемы.

У крытычных і публіцыстычных творах Міхася Зарэцкага зафіксавана 85 складаных прыметнікаў (8 % ад агульнай колькасці),

38 (44,7 %) з якіх – індывідуальна-аўтарскія. Гэтыя творы характарызуюцца праніклівым, гарачым імпэтам, імгненным водгукам на зменлівую тагачасную рэчаіснасць, ілюструюць відавочнае размеркаванне кадыфікаваных і некадыфікаваных складаных прыметнікаў па функцыях. Так, пры звароце да актуальных на той час сацыяльна-культурных праблем і звязаных з імі рэалій Міхась Зарэцкі ўжывае кадыфікаваныя складаныя ад'ектыўныя лексемы, якія намінатыўна «самавыяўляюцца»: *...Мне зноў чуваць, выяўна чуваць магутны, цвёрда размераны рытм вялікага будаўніцтва, смелага поступу на вяршыну **агульналюдскога** шчасця* [4, с. 355]; *Побач з удалымі, патрэбнымі словамі ён часта запазычвае і словы рэдкія, **малавядомыя**...* [4, с. 372]; *Пяройдзем цяпер да другой часткі **сацыяльна-бытавых** тэм, што будуць будавацца на матэрыяле вёскі* [4, с. 339]. Калі ж актывізуецца аўтарская ўзрушанасць і неабыякавасць, а мастацкі стыль заяўляе пра сябе ў межах публіцыстычнага на ўсю моц, побач з кадыфікаванымі складанымі прыметнікамі сустракаюцца некадыфікаваныя: *Але ж якая гэта яскравая ілюстрацыя да таго **няўхільна-магутнага** культурнага поступу, які ахапіў усю Савецкую Украіну!* [4, с. 345]; *...Трэба прызнаць, што гэта – **нязмерна-грандыёзная**, шырокая кампанія* [4, с. 345].

У крытычнай і публіцыстычнай спадчыне Міхася Зарэцкага сустракаюцца прыметнікі-кампазіты, якія, на наш погляд, займаюць прамежкавае становішча паміж некадыфікаванымі і кадыфікаванымі адзінкамі з ухілам у бок апошніх: *Ад гэтага можа зменшыцца значэнне данага твора, як **гістарычна-ілюстрацыйнага** дакумента, але мастацка-выхаваўчай значнасці твора гэта не пашкодзіць* [4, с. 332]; *Гэта, як і сказана ў плане, – **навукова-палітычная** фантастыка* [4, с. 340]; *Мэта гэтых заставак – даць агульны, што праходзіць праз усю кніжку, тон альманаха, звязаць яго адным настроем і часам адным аспектам успрымання тых вобразаў, якія даюць у сваіх творах пісьменнікі і паэты «Інтэрмедыі», заключаюць у сабе або каментарыі, або зусім вольныя **філасофска-лірычныя** разважанні...* [4, с. 351]. Вышэйпрыведзеныя пакуль некадыфікаваныя словы абазначаюць рэаліі найперш сацыяльнага і культурнага планаў у адрозненне ад «чыстых» некадыфікаваных прыметнікаў-кампазітаў, якія ў большасці сваёй ствараюцца пісьменнікам з мэтай паказаць унутраны свет асобнага чалавека ці «ачалавечаны» стан прыроды.

Такім чынам, суадноснасць кадыфікаваных і некадыфікаваных прыметнікаў-кампазітаў у драматычных, крытычных і публіцыстычных творах Міхася Зарэцкага складае 55,3 / 44,7 (у %), што абумоўлена скіраванасцю гэтых твораў пераважна на вострыя сацыяльна-палітычныя праблемы, неабходнасцю ўздзеяння на чытача-грамадзяніна, абагульненасцю вобразаў і г. д. Менавіта шматаспектны, усебаковы падыход да даследавання творчасці Міхася Зарэцкага дае магчымасць не толькі выявіць і апісаць моўна-стылёвыя пошукі і знаходкі пісьменніка, але і вытлумачыць іх.

Літаратура

1. Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ. – Т. 1. – 1989. – 526 с.

2. Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ. – Т. 2. – 1990. – 414 с.

3. Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ. – Т. 3. – 1991. – 375 с.

4. Зарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ. – Т. 4. – 1992. – 414 с.

Вольга Галай, Валянціна Трайкоўская
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

СЭНСАВЫЯ АНАЛОГІІ Ў ФРАЗЕАЛОГІІ НЯМЕЦКАЙ І СЛАВЯНСКІХ МОЎ

Фразеалагічны склад мовы з’яўляецца непасрэдным кампанентам культуры, крытэрыем духоўнасці народа. Існаванне трапных выразаў сведчыць пра шматвяковую творчасць народа, яго культуру і светапогляд. У іх адлюстравана фізічная карціна свету, сацыяльнае і побытавае жыццё чалавека, сам чалавек з яго эмоцыямі, унутраным светам. Як вядома, у фразеалогіі рэалізуюцца катэгорыі вобразнасці, метафарычны код мовы.

Вялікую цікавасць для лінгвістычнага даследавання ўяўляюць малавывучаныя фразеалагізмы з метэакампанентам, г. зн. уваходжанне ў склад фразем пэўных метэаралагічных адзінак. Лексіка нямецкай, беларускай, польскай і рускай моў мае шмат слоў, якія абазначаюць надвор’е, прыродныя з’явы. У спалучэнні з указанымі лексемамі ўтвараюцца некаторыя ўстойлівыя вобразы або фразеала-

гізмы. Іх з'яўленне ў мове сведчыць пра шматвекавую творчасць народа. Такія фразеалагізмы адлюстроўваюць не толькі фізічную карціну свету, але і розныя характарыстыкі самога чалавека, яго адносіны да іншых людзей і да навакольнага жыцця. Адзначым пры гэтым, што ў адпаведных устойлівых спалучэннях разглядаемых моў усе падобныя найменні фактычна губляюць сваё прамое значэнне, але тым не менш ускосна ўздзейнічаюць на агульную семантыку фразеалагізмаў, матывуюць яе, спрыяюць выдзяленню акрэсленых тэм іх ужывання.

Каб больш выразна ахарактарызаваць сабраны беларускі фразеалагічны матэрыял, мэтазгодна параўнаць яго з адпаведным матэрыялам польскай, рускай і нямецкай моў. Для параўнальнага аналізу фразеалагізмаў мы абралі наступныя слоўнікі:

Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. I–II. – Мінск : БелЭн, 1993; Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991; Гюлумянц, Кира. Польско-русский фразеологический словарь. Т. I–II. – Минск : Экономпресс, 2004; Немецко-русский фразеологический словарь. – М. : Изд-во «Русский язык», 1975; Фразеологический словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1986.

Сярод адабраных намі шляхам суцэльнай выбаркі фразеалагізмаў з метэакампанентамі ў беларускай мове адзначана 140 адзінак, рускай – 100, польскай – 110, нямецкай мове – 80 адзінак. Перавага беларускага матэрыялу тлумачыцца большай ужывальнасцю ў складзе фразеалагізмаў такіх слоў, як *вада*, *вецер, дождж, зорка, мароз, лёд, паветра, сонца* і інш. (у нямецкай мове абмежавана колькасць фразеалагізмаў з такімі лексемамі, як *мароз, дождж*).

Па сваім кампанентным складзе фразеалагічныя адзінкі розныя. Большая іх частка складаецца з трох кампанентаў у беларускай, рускай і польскай мовах: *ісці з ветрам; ад ветру валіцца; висеть в воздухе; сжигать свои мосты; yak po lodzie; pod otwartym niebem*.

Крыху менш фразеалагізмаў маюць у сваім складзе два кампаненты: *зорная гадзіна; напускаць туману; цыганскае сонца; тучи сгущаются; лёд тронулся; yak lody; pogoda ducha*. Трэба адзначыць, што ў польскай мове значна больш, чым у беларускай, фразеалагізмаў з двума кампанентамі. Гэтыя колькасныя разыходжанні, з аднаго боку, тлумачацца тым, што ў складзе польскіх фразеалагізмаў аўтары перакладных слоўнікаў уключаюць даволі шмат тэрміналагічных

двухкампанентных словазлучэнняў (параўн. *biały mróz, cęzka woda, punkt rosy* і інш.). З другога боку, укладальнік фразеалагічнага слоўніка І. Я. Лепешаў далучае да фразеалагізмаў некаторыя парэміі, якія звычайна маюць шматкампанентны склад (параўн. *па гары хадзіць і сонца не бачыць*).

У беларускай мове часцей сустракаюцца шматкампанентныя фразеалагізмы: *біцца як рыба аб лёд; як гром сярод яснага неба; макавай расінкі ў роце не было; каля студні хадзіць і вады прасіць*. Што ж датычыцца нямецкай мовы, то тут таксама назіраюцца часцей за ўсё шматкампанентныя фразеалагізмы: *sich den Wind um die Nase wehen lassen* 'набірацца вопыту'; *das Wasser läuft (lief) jemandem im Mund zusammen* 'у кагосьці пабеглі слюнкі'.

Словы, якія ўваходзяць у склад фразеалагізма, называюць «будаўнічым матэрыялам», які можна размеркаваць па лексіка-граматычных разрадах – часцінах мовы. Сярод іх найбольш значную групу ўтвараюць назоўнікі. Гэта сведчыць пра тое, што пэўная частка фразеалагізмаў матывуецца найменнямі рэчаў, прадметаў, рэчываў, фактаў, падзей і з'яў.

У залежнасці ад функцыі, якую яны выконваюць у сказе, усе назоўнікі размяркоўваюцца па склонах. Найбольшая колькасць ужываецца ў назоўным і вінавальным склонах; прычым назоўны склон выражае суб'ектыўнае значэнне, а вінавальны – аб'ектыўнае і акалічнаснае. Напрыклад: *лёд крануўся; на вецер гаварыць; знать цену; золотая середина; co zeszloroczny snieg; to woda na jego mlyn; jemanden auf Eis führen (locken); ein stilles Wasser* і інш.

Па колькасці адзінак дзеясловы займаюць другое месца, што і зразумела, бо большасць з адзначаных вышэй назоўнікаў таксама звязаны з выражэннем дзеяння (параўн. *вецер, бура, дождж* і інш.).

У залежнасці ад адносін працэсу да суб'екта ці аб'екта адзначаныя дзеясловы можна падзяліць на наступныя групы: дзеясловы перамяшчэння *(вецер у галаве гуляе; der Wind hat sich gedreht 'становішча памянялася'; ветер свистит в карманах)*; дзеясловы ператвараючага дзеяння *(з ветру вяроўкі віць; строить воздушные замки; (auf) gut Wetter machen 'паляпшаць настрой')*; дзеясловы са значэннем руху і значэннем зменнага стану *(мароз па скуры прабягае; ехать с ветерком; gegen den Wind segeln (schiffen)* 'ісці супраць ветру*;* плыць супраць цячэння'); дзеясловы працяглага нязменнага стану *(цягнуць як цэмент ваду; висеть в воздухе; in der Luft (noch) schweben).*

У пераважнай большасці выпадкаў у разглядаемых фразеалагізмах дзеясловы ўжываюцца ў форме інфінітыва: *хапаць зоркі з неба; туманы пускаць; воду возить; auf Eis legen (stellen)* 'часова адкласці што-небудзь (замарозіць)'.

Адзначаем адносна невялікую долю кампанентаў-прымет у складзе сабраных фразеалагізмаў, якія самі па сабе змяшчаюць і характарыстыку адпаведнай з'явы: *цыганскае сонца; звёздный час; ein(mein) guter Stern; unter einem glücklichen Stern geboren sein; gegen Wind und Wetter).*

З улікам значэнняў, зафіксаваных для адабраных фразеалагізмаў у слоўніках, усе ўстойлівыя словазлучэнні з метэакампанентамі нямецкай і славянскай моў дапускаюць сваё размеркаванне па аднолькавых семантычных сферах, або тэматычных групах, межы якіх, аднак, не заўсёды з'яўляюцца выразнымі і акрэсленымі. Тым не менш выдзеленыя тэматычныя групы даюць пэўнае ўяўленне пра найбольш абагульненыя семантычныя характарыстыкі фразеалагізмаў, матываваныя метэакампанентамі ў разглядаемых мовах.

Найбольшую семантычную разнастайнасць маюць фраземы з кампанентамі *вецер, вада, сонца, паветра, лёд, дождж,* напрыклад: *пляваць супраць ветру* 'рабіць што-небудзь сабе на шкоду'; *на сямі вятрах* 'самотна і на водшыбе'; *падбіты ветрам* 'несур'ёзны, легкадумны, пусты'; *куды вецер дзьме* 'без цвёрдых перакананняў і прынцыпаў', *ісці/пайсці/з ветрам* 'цярпець няўдачу; канчаткова разбурацца', *вецер у свірне гуляе* 'пустыя засекі, бедны хто-небудзь'.

У польскай і нямецкай мовах са словам *вецер* на нашым матэрыяле адзначана амаль у два разы менш фразеалагізмаў, аднак істотных рангавых адрозненняў пры іх размеркаванні па тэматычных групах не назіраецца: *вецер у галаве (сінонім: як у полі вецер) – ветер в голове – ma wiatr w głowie – jemand hat Flasen im Kopf* 'дурь в голове'; *трымае нос па ветры* 'беспрынцыпова мяняючы свае паводзіны, прыстасоўвацца да абставін, падладжвацца да каго-небудзь, чаго-небудзь' – *держать нос по ветру – den Mantel (die Fahne) nach dem Wind drehen (hängen)* даслоўна: 'паліто (сцяг) варочаць (вывешваць) па ветры'.

Самая вялікая група разгледжаных фразеалагічных адзінак (каля 30 % ад агульнай колькасці) выкарыстоўваецца ў нямецкай, беларускай, рускай і польскай мовах для адмоўнай, негатыўнай ацэнкі чалавека, яго паводзін, рыс характару, разумовых здольнас-

цей і да т. п. (параўн. *Stille Wasser sind tief* даслоўна: 'ціхая вада глыбокая' – *в тихом омуте черти водятся – у ціхім балоце чэрці растуць (яшчэ: хто ціха ходзіць, той густа месіць, ціхая свіння глыбока рые, ціхая вада грэблю рве) – cicha woda brzegi rwie; sieht aus wie 3 (7, 14) Tage Regenwetter – чернее тучи – хмара хмарай – jak chmura gradowa; ein Herz aus Eis – каменнае сэрца – каменное сердце – kamienne serce* і інш.).

У супрацьлегласць прыведзенай групе фразеалагізмаў значная частка ўстойлівых словазлучэнняў (прыблізна 11 %), хаця і меншая за папярэднюю колькасць, ужываецца ў даследуемых мовах для характарыстыкі дадатных, станоўчых уласцівасцей чалавека (параўн.: у беларускай мове *ў агні не гарыць і ў вадзе не тоне* 'нідзе не прападзе, выбіраецца з любых абставін'; у рускай – *в огне не горит и в воде не тонет*; у польскай – *czystej wody* 'сапраўдны, высокай якасці'; *зорка першай велічыні – звезда первой величины – gwiazda pierwszej wielkości – ein Stern erster Größe* і інш.).

Каля 15 % засведчаных фразеалагізмаў з метэакампанентамі нямецкай і славянскіх моў выкарыстоўваюцца для выражэння непасрэдных пачуццяў чалавека, яго фізіялагічных патрэб і да т. п. (параўн.: у беларускай мове *мароз па скуры прабягае* 'у каго-небудзь узнікае непрыемнае адчуванне ад раптоўнага страху, хвалявання'; у польскай – *mróz przechodzi po kościach*; у рускай – *мороз по коже (спине) дерет (идет)*; у нямецкай мове *esmit der Angst (zu tun) bekommen).*

На прыведзеныя фразеалагізмы трох разгледжаных тэматычных груп прыпадае ў мовах звыш палавіны ўсіх устойлівых словазлучэнняў з метэакампанентамі. Гэта значыць, што як мінімум кожны другі падобны фразеалагізм мае антрапацэнтрычнае значэнне, ужываецца для характарыстыкі чалавека, яго ўнутраных якасцей.

Самі прыродныя з'явы маюць такую прыдатную ім уласцівасць, як зменлівасць, рухомасць, непастаянства. Падобная ўласцівасць не можа не матываваць і агульнае значэнне адпаведных фразеалагізмаў з метэакампанентамі. Прыблізна шостая частка зазначаных намі ўстойлівых словазлучэнняў непасрэдна выражае менавіта рух або разнастайныя змены той ці іншай сітуацыі (параўн.: у беларускай мове *якая бура нясе* 'чаму, з якой мэтай ідзе, едзе хто-небудзь, куды-небудзь', 'хто-небудзь бясследна, імгненна знік, схаваўся' і інш.; у польскай – *przepędzić na cztery wiatry* 'ісці абы-куды, куды захо-

чацца’; у нямецкай – *Wo hat dich der Wind hergedreht? Aus welchem Loch pfeift der Wind* даслоўна: *‘з якой дзіркі вецер свішча’*; у рускай мове *каким ветром тебя сюда занесло?* і інш.).

Найменнямі прыродных з’яў, што здольныя праяўляцца з вялікай інтэнсіўнасцю, можа характарызавацца і суадноснае з такой інтэнсіўнасцю фразеалагічнае значэнне пэўных устойлівых выразаў. Максімальнае выражэнне той або іншай якасці, прыметы тэрміналагізавана ў сучасных даследаваннях па семантыцы лацінскім словам Magn і фіксуецца ў значнай частцы занатаваных фразеалагізмаў з метэакампанентамі (параўн.: *небу горача было* ‘пра самую высокую ступень інтэнсіўнасці якога-небудзь дзеяння або дзейнасці’ – *jak lodu* ‘вельмі шмат’ – wie Sand im Meer ‘як пяску марскога’).

Яшчэ адно тыповае значэнне вылучаецца ў разгледжаных устойлівых выразах і звязана з выражэннем нечага няпэўнага, ірацыянальнага, малавядомага (параўн.: *чакаць з мора пагоды* ‘заставацца ў пасіўным, вымушаным, няпэўна-доўгім чаканні каго-небудзь, чагонебудзь’ – *chodzic po chmurach* ‘марыць пра нерэальнае’ – *ждать у моря погоды* і інш.).

Вылучаныя семантычныя сферы, па якіх размяркоўваюцца фразеалагічныя значэнні ўстойлівых выразаў нямецкай і славянскіх моў, з’яўляюцца аднолькавымі, але запаўняюцца рознай колькасцю зарэгістраваных фразеалагізмаў з метэакампанентамі. Так, у беларускай мове значна часцей, чым у польскай, гэтыя фразеалагізмы ўжываюцца для адмоўнай і дадатнай характарыстыкі людзей (адпаведна 34 і 12 % ад агульнай колькасці фразеалагізмаў у беларускай мове супраць 24 і 8 % у польскай).

Такім чынам, агульнае ў семантыцы разгледжаных фразеалагізмаў палягае ў іх размеркаванні па аднолькавых тэматычных групах, у выражэнні адных і тых жа абагульненых значэнняў. Спецыфіка плана зместу фразеалагізмаў з метэакампанентамі ў нямецкай і славянскіх мовах заключаецца ў тым, што выдзеленыя тэматычныя групы запаўняюцца ўстойлівымі выразамі моў па-рознаму, як правіла, неаднолькавай колькасцю занатаваных фразеалагічных адзінак.

Галіна Гваздовіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ТЭРМІН ЯК НЕАД’ЕМНАЯ АДЗІНКА ТЭКСТАЎ НАВУКОВАГА СТЫЛЮ (на матэрыяле металінгвістыкі)

Мова як знакавая сістэма складвалася на працягу многіх стагоддзяў, яе развіццё і ўдасканальванне працягваецца і сёння. Э. Бенвеніст, вядомы французскі даследчык, трапна заўважае: «Мова – гэта тое, што аб’ядноўвае людзей у адзінае цэлае, гэта аснова ўсіх тых зносін, якія, у сваю чаргу, ляжаць у аснове грамадства» [1, с. 86]. Паколькі мова – з’ява сацыяльная, нельга не звярнуць увагу на логіка-філасофскую аснову мовы, непасрэдна звязаную з мысленнем у тым сэнсе, па словах Л. Вітгенштэйна, што «мова пераапранае думкі» [3, с. 18]. І адбываецца гэта «пераапрананне» ў адпаведнасці з тым, у якіх умовах адбываюцца зносіны, з якой мэтай, кім (якім аўтарам) і да якой слухацкай (чытацкай) аўдыторыі накіраваны тыя ці іншыя выказванні ў шырокім сэнсе гэтага тэрміна. Экстра- і інтралінгвістычныя фактары з часам садзейнічалі выпрацоўцы пэўных стыляў мовы і маўлення.

На сёння ў навуковай літаратуры няма агульнапрынятага разумення тэрміна *стыль*, адсутнічаюць і адзіныя крытэрыі выдзялення функцыянальных стыляў. Стыль (лац. stylus – стрыжань для пісьма) – слова мнагазначнае і нават аманімічнае: «1. Сукупнасць характэрных рыс, блізкасць выразных мастацкіх прыёмаў і сродкаў, што абумоўліваюць сабой адзінства якога-н. напрамку ў творчасці… 2. Метад, сукупнасць прыёмаў якой-н. работы, дзейнасці, паводзін… 3. Сукупнасць прыёмаў выкарыстання моўных сродкаў для выказвання тых ці іншых ідэй, думак у розных умовах маўленчай практыкі… Стыль... Спосаб летазлічэння... *Стары* с.» [12, с. 633]. Акадэмік В. У. Вінаградаў называе стылем «сукупнасць прыёмаў ужывання, адбору і спалучэння моўных сродкаў, якія залежаць ад сферы дзейнасці – экстралінгвістычнай утваральнай базы стылю» [2, с. 129].

Моўны стыль рэалізуецца ў маўленні ў пэўных формах тэксту. Тэрмін *тэкст* (лац. textus – тканіна, сувязь, спляценне) шырока выкарыстоўваецца ў многіх гуманітарных навуках: лінгвістыцы, літаратуразнаўстве, культуралогіі, семіётыцы, эстэтыцы і інш. І гэта не выпадкова. Як заўважае Ю. М. Лотман, *тэкст* – гэта, «бясспрэчна,

адзін з самых ужывальных тэрмінаў у навуках гуманітарнага цыкла. Развіццё навукі ў розныя моманты выкідвае на паверхню такія словы; лавінападобны рост іх частотнасці ў навуковых тэкстах суправаджаецца стратай неабходнай адназначнасці. Яны не столькі тэрміналагічна дакладна абазначаюць навуковае паняцце, колькі сігналізуюць аб актуальнасці праблемы, указваюць на галіну, у якой нараджаюцца новыя навуковыя ідэі» [7, с. 148]. У лінгвістыцы *тэкст* – «напісанае, надрукаванае (выказванне, абзац, раздзел твора і г. д.) або выказанае вусна паведамленне, якое характарызуецца сэнсавай і структурнай завершанасцю, яго можна ўзнавіць, паўтарыць у тым самым выглядзе. Т. з'яўляецца аб'ектам спецыяльнага вывучэння ў лінгвістыцы тэксту» [10, с. 152]. Такім чынам, тэкст уяўляе сабой фіксацыю маўленчага выказвання пры дапамозе моўных знакаў, ён з'яўляецца асноўным аб'ектам усіх відаў філалагічнага аналізу. Ужо сталі аксіяматычнымі сцвярджэнні, што тэксту ўласціва цэласнасць, што яго ўнутраная структура характарызуецца пэўнай сістэмай сувязей і адносін не толькі паміж словамі, але і на ўзроўні словазлучэнняў, сказаў, абзацаў і г. д. Вылучаюць тэксты розных стыляў: кніжныя і гутарковыя. Першыя, у сваю чаргу, падзяляюцца (з некаторай варыянтнасцю тэрміналагічных абазначэнняў) на афіцыйны, публіцыстычны, навуковы, мастацкі, якія рэпрэзентуюцца ў пэўных жанравых тыпах і г. д. Апісанне асаблівасцей усіх стылявых формаў і жанраў можна знайсці ў шматлікіх публікацыях. У сувязі з гэтым слушным падаецца выказванне ван Дэйка, падтрыманае І. Р. Гальперыным, аб тым, што «навука выйграла б, каб, замест вывучэння асаблівасцей усіх магчымых літаратурных тэкстаў, абмежавалася б даследаваннем якога-небудзь пэўнага тыпу тэксту, з тым каб надалей інтэграваць атрыманыя даныя ў "ідэальнай" універсальнай тэорыі (літаратурнага) тэксту» [4, с. 18].

Звернемся да навуковага стылю, адной з важнейшых крыніц і своеасаблівага рэтранслятара спецыяльных ведаў. Прынята лічыць, што «асноўная форма яго рэалізацыі – пісьмовая. Нават у выпадку, калі навуковы стыль рэалізуецца вусна (лекцыя, даклад, паведамленне на канферэнцыі), то ў аснове такога выступлення, як правіла, ляжаць тыя ці іншыя папярэднія запісы» [8, с. 130–131]. Тэксты навуковага стылю не з'яўляюцца аднатыпнымі, даследчыкамі яны падзяляюцца на ўласна навуковыя, навукова-папулярныя, навукова-

гуманітарныя, тэксты дакладных навук, прыродазнаўча-навуковыя. Да таго ж, вызначаецца і пэўная колькасць жанраў: дысертацыя, артыкул, манаграфія, нарыс, рэцэнзія, падручнік, дапаможнік, курс лекцый, даклад, рэферат, тэзісы. Патрэбна адзначыць, што пералічанымі падстылямі і жанрамі рэалізацыя тэкстаў навуковага стылю не абмяжоўваецца, у іх структуры можна вылучыць пэўныя падвіды. Усе яны характарызуюцца адметнасцю канструктыўных прынцыпаў і лінгвістычнымі асаблівасцямі. Аб'яднальнымі рысамі для ўсіх навуковых падстыляў і жанраў з'яўляецца дакладнасць, аб'ектыўнасць, доказнасць, лагічнасць, абстрактнасць, амаль поўная адсутнасць эмацыянальнасці, апісальны характар падачы інфармацыі, прысутнасць аўтарскага «я» пры аналізе канкрэтнага матэрыялу і інш.

Асноўная лінгвістычная сутнасць навуковага стылю ў розных яго праявах – насычанасць тэрміналагічнымі адзінкамі. Што да нашай тэмы, то вядома: метамова лінгвістыкі складвалася на працягу многіх стагоддзяў, таму нельга пераацаніць ролю тэрмінаў у структуры навуковых зносін у розныя перыяды жыцця народа. Да таго ж, лінгвістычныя тэрміны ўтвараюць ядро металінгвістыкі, у іх унутраным змесце знаходзіцца код інфармацыйнага характару. Развіццё мовазнаўчых метатэкстаў і ўласна тэрміналогіі цесна звязана з равіццём навукі аб мове. У лінгвістычных тэрмінах адлюстраваны не толькі тэарэтычная і канцэптуальная базы ведаў па лінгвістыцы, гістарычныя этапы яе станаўлення, шляхі і напрамкі развіцця навуковай думкі, але і ўвогуле ўзровень культуры і цывілізацыі. Таму і ў гісторыі мовазнаўства, і на сучасным этапе даследчыкамі асаблівая ўвага надаецца вывучэнню спосабаў перадачы навуковых ведаў, функцыянавання тэрмінаў у метатэкстах як асноўнага сродку навуковай камунікацыі.

У сувязі з тым, што тэрмін – адзінка неардынарная, многія вучоныя робяць спробы даць яму азначэнне, аднак, як мяркуе В. М. Лейчык [6, с. 135], агульнапрынятага азначэння паняццю *тэрмін* па сёння няма, і прычын гэтаму мноства: навуковая дысцыпліна можа быць у аснове сваёй не складзенай; тэрмін – гэта і прыналежнасць, і аб'ект шэрагу навук, а кожная з іх імкнецца вылучыць у тэрміне асаблівыя рысы, істотныя менавіта для гэтай навукі; спроба аб'яднаць рознахарактарныя прыметы тэрміна і інш. Таму, напрыклад, лінгвістычнае азначэнне паняцця *тэрмін* павінна адрозніваецца ад філасофскага ці лагічнага. «Агульным ва ўсіх азначэннях павінна быць

указанне на радавое паняцце. У дадзеным выпадку – гэта ўказанне на тое, што тэрмін уяўляе сабою слова ці словазлучэнне» [6, с. 135]. І з гэтым нельга не пагадзіцца. У той жа час выклікае пэўныя сумненні сцвярджэнне, што тэрмін – гэта «ўмярцвёнае слова, пазбаўленае адценняў, паху, смаку, пазбаўленае выразнасці і моцы, прыдатнае толькі для эсперанта» [11, с. 17]. Канешне, у некаторай ступені гэта так, калі параўноўваць навуковы стыль з мастацкім. Як падаецца, у тэрміна маюцца пералічаныя вышэй якасці, у якіх яму адмаўляецца, аднак праяўляюцца яны па-іншаму і ў значна меншай ступені. На тое ён і тэрмін.

Тэрмін – гэта матэрыяльнае выражэнне згустку думкі, ён акумулюе ў сабе цэлыя выказванні аб выніках навуковага пазнання рэчаіснасці. І ў той жа час фармальна – гэта лексема (ці спалучэнне лексем) з усімі граматычнымі асаблівасцямі, уласцівымі таму парадыгматычнаму класу слоў, да якога ён адносіцца. Такім чынам, пад тэрмінам разумеецца графічна (фанетычна) і арфаграфічна аформлены комплекс, за якім замацаваны канцэптуальны змест мысліцельнай дзейнасці ў залежнасці ад характару ўнутранай будовы і магчымасцей канкрэтнай мовы. Для высвятлення граматычнай спецыфікі той ці іншай мовы неабходна ведаць, якімі парадыгматычнымі класамі слоў прадстаўлены тэрміналагічны корпус. В. П. Даніленка ў гэтай сувязі заўважае, што такія веды неабходны пры ўкладанні тэрміналагічных слоўнікаў, у практычнай рабоце над шматлікімі стандартамі, а таксама «ў асобных даследаваннях і дысертацыях, прысвечаных тэрміналагічнай праблематыцы» [5, с. 321].

Сярод тэрмінолагаў распаўсюджанай з'яўляецца думка, што ў якасці самастойных адзінак у навуковую тэрміналогію патрэбна ўключаць усе знамянальныя часціны мовы, аднак перавага аддаецца назоўніку. Асабліва выразна гэта тэндэнцыя праяўляецца ў спецыяльных лінгвістычных слоўніках. Так, «Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў» П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкага, Л. А. Антанюк уключае звыш 2000 тэрмінаў, з іх назоўнікаў – больш за 600, прыметнікаў і дзеепрыметнікавых формаў – каля 50 і амаль 1500 словазлучэнняў, у якасці галоўнага кампанента ў якіх, як правіла, выступаюць назоўнікі. У кадыфікаванай мове не прадстаўлены дзеясловы, прыслоўі, лічэбнікі і займеннікі. На ўзроўні лінгвістычнага тэксту мы можам назіраць практычна поўны спектр парадыгматычных класаў слоў, аднак колькасны паказчык усё роўна будзе на карысць назоўнікаў і прыметнікаў.

У метамове лінгвістыкі, асобнай форме мовы, якую мы выкарыстоўваем, калі гаворым пра мову ў якасці аб'екта, часцей за ўсё ўзнікае неабходнасць у называнні выяўленых у мове аб'ектаў, вынікаў даследавання і адметных якасных характарыстык, якія знаходзяць выражэнне ў анталагічнай катэгорыі «прадметнасці» і «прадмета», што ў некаторай ступені паказвае на граматычнае разуменне «назоўнікавасці». «У якасці слоў, якія выражаюць значэнне прадметнасці, разглядаюцца не толькі назоўнікі, што абазначаюць цэласныя матэрыяльныя аб'екты (да якіх у паўсядзённым ужыванні звычайна і дадаецца слова “прадмет”), але і абстрактныя назоўнікі, гэта значыць абазначэнне ўласцівасцей, дзеянняў, адносін» [9, с. 29–30]. Такім чынам, у беларускай мове катэгорыя назоўніка дазваляе чалавеку мысліць прадметна, дае назву не толькі матэрыяльна існуючым прадметам і з'явам, але і абстрактным паняццям якасці і дзеяння, што вельмі актуальна для разглядаемай тэрміналагічнай сістэмы. Таксама важным з'яўляецца тое, што ў беларускай мове маюцца шырокія магчымасці для ўтварэння ад дзеяслоўных асноў і асноў прыметнікаў назоўнікаў-тэрмінаў: *скланенне*, *спражэнне*, *утварэнне*; *бессуб'ектнасць*, *бінарнасць*, *адушаўлёнасць* і г. д. Такім чынам, у лінгвістычнай сістэме беларускай мовы часцей за ўсё тэрмініруюцца назоўнікі на падставе таго, што для вывучэння мовы патрабуюцца ў асноўным спецыяльныя граматычныя катэгорыі, здольныя называць «прадметы» і «апрадмечваць» розныя абстрактныя паняцці і з'явы, характэрныя для мовы. Гэтымі якасцямі ў большай ступені валодаюць менавіта назоўнікі.

У працэсе вывучэння мовы ўзнікае неабходнасць у вызначэнні якасных характарыстык «прадметаў», якія граматычна часцей за ўсё знаходзяць выражэнне ў прыметніках. Назоўнік па сваёй прыродзе імкнецца да прыметніка як да катэгорыі, здольнай, не выціскаючы за межы падсістэмы, дыферэнцаваць «прадмет» паводле якаснага паказчыка. Напрыклад, лінгвістычнае паняцце *склон* прадугледжвае наяўнасць шасці катэгорый, якія размяжоўваюцца дзякуючы прыметнікам: *назоўны*, *родны*, *давальны*, *вінавальны*, *творны*, *месны*. У падобных выпадках для тэрмініравання лінгвістычнага паняцця выкарыстоўваецца словазлучэнне, у якім граматычным апорным кампанентам з'яўляецца слова з разраду назоўнікаў.

Як правіла, лексічныя адзінкі, якія граматычна належаць да класа прыметнікаў, у ролі самастойнай тэрміналагічнай адзінкі не ўжы-

ваюцца: па сутнасці, з'яўляючыся тэрмінам і знаходзячы адлюстраванне ў кадыфікаванай метамове ў якасці самастойнай адзінкі, у навуковых тэкстах такія тэрміны рэалізуюцца ў складзе свабодных тэрміназлучэнняў: *дадзены сказ*, *семантычны крытэрый*, *эксперыментальная фанетыка* і інш. Самастойнае ўжыванне ў лінгвістычных тэкстах тэрмінаў-прыметнікаў суправаджаецца іх пераходам у разрад назоўнікаў: *галосны*, *зычны*, *губны* і інш.

Нярэдка ў тэрміналагічнай сістэме ў ролі азначэння галоўнага кампанента-назоўніка выступае форма назоўніка: *катэгорыя асобы*, *дзеясловы руху*, *сістэма спражэння* і г. д., на падставе чаго яшчэ шырэй распаўсюджваецца функцыянаванне назоўнікаў у сістэме лінгвістычных тэрмінаў.

Вышэй мы адзначалі, што ў лінгвістычных слоўніках не зафіксавана ніводнага дзеяслова як самастойнага тэрміна, не назіраюцца яны і ў структуры тэрміназлучэнняў. Што да тэкстаў – сферы функцыянавання, то тут іх нямала: без дзеяслоўных тэрміналагічных прэдыкатаў цяжка пабудаваць выказванне. Праўда, выкарыстоўваюцца ў лінгвістычных тэкстах, як правіла, дзеясловы з агульнанавуковым тэрміналагічным значэннем: *разгледзець, уяўляць, быць, з'яўляцца, выступаць, узаемадзейнічаць, абумоўліваць, утвараць, фарміраваць, адлюстроўваць* і г. д., аднак сустракаюцца і непасрэдна лінгвістычныя: *скланяць, спрагаць, адасабляць* і некаторыя іншыя. Як уяўляецца, малаўжывальнасць тэрмінаў-дзеясловаў у лінгвістычнай метамове абумоўлена спецыфікай самой навукі аб мове, якая апелюе ў сваёй сутнасці да паняццяў і працэсаў, дзеля абазначэння якіх найлепей падыходзіць клас назоўнікаў. Да таго ж, ад асноў дзеясловаў, як ужо гаварылі вышэй, утвараюцца назоўнікі, якія выражаюць не проста назву дзеяння, а працэсуальную прымету.

Лексемы, якія належаць да такіх часцін мовы, як прыслоўе, займеннік, лічэбнік, у сілу сваёй катэгарыяльнай спецыфікі ў якасці лінгвістычнага тэрміна слоўнікамі не адлюстроўваюцца, у тэкстах яны прысутнічаюць, але, як правіла, вялікай спецыяльнай сэнсавай нагрузкі не нясуць.

Спецыфіка метамовы лінгвістыкі, высокая абстрактнасць тэрмінаў, неабходнасць адлюстравання імі важнейшых паняццяў як анталагічнага і граматычнага «прадмета», шырокія магчымасці назоўнікаў утварацца ад асноў дзеясловаў і прыметнікаў, здольнасць

лексем субстантываваецца даюць падставы на пераважнае выкарыстанне назоўнікаў у якасці тэрміналагічных адзінак – асноўнага складніка навуковых тэкстаў розных падстыляў і жанраў.

Літаратура

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 248 с.

2. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1963. – 328 с.

3. Витгенштейн, Л. Философские работы : в 2 ч. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 402 с.

4. Гальперин, И. Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста / И. Р. Гальперин // Текст как целое и компоненты текста. – М. : Наука, 1982. – С. 18–29.

5. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В. П. Даниленко // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения : в 3 т. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований : Очерк и хрестоматия. – М. : Моск. лицей, 1995. – 334 с.

6. Лейчик, В. М. Термин и его определение / В. М. Лейчик // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток : ДВО АН СССР, 1987. – С. 135–145.

7. Лотман, Ю. М. Избранные статьи в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Т. 1. – Таллин : Александра, 1993. – 208 с.

8. Мурашов, А. А. Культура речи : Практикум / А. А. Мурашов, В. Ф. Русецкий. – Москва – Воронеж, 2004. – 272 с.

9. Руденко, Д. И. Имя в парадигме «философии языка» / Д. И. Руденко. – Харьков : Основа, 1990. – 299 с.

10. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мінск : Вышэйш. шк., 1990. – 222 с.

11. Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова. – М. : Наука, 2001. – 177 с.

12. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

Вольга Горбач
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

РЭКЛАМНЫЯ ТЭКСТЫ Ў СІСТЭМЕ ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫХ СТЫЛЯЎ (да пастаноўкі праблемы)

Сёння рэкламная інфармацыя заняла сваё трывалае месца ў масавай камунікацыі. Цяжка ўявіць сучасныя СМІ без рэкламы. У рэкламе закладзена шмат маніпулюючых тактаў: у інтэрнэце, на вуліцы, у транспарце, у пад'ездзе размешчана інфармацыя, якая разлічана на пэўнага спажыўца. Дзейнасць рэкламы ўплывае на розум, свядомае і падсвядомае кожнага індывідуума, «псіхалагічнае ўздзеянне рэкламнай інфармацыі праяўляецца ў працэсах перапрацоўкі рэкламных паведамленняў – эмоцыях, думках, магчымых рашэннях, што абумоўлівае канкрэтныя акты паводзін пакупніка. Так ці інакш у рэкламны працэс уцягнуты феномены перапрацоўкі інфармацыі – пачуцці, успрыманні, увага, памяць і г. д.» [2, с. 25].

Масавая ўключанасць рэкламы ў працэс камунікатыўных зносін розных сфер грамадства наводзіць на развагі пра тое, што рэклама ўсё больш набывае спецыфічныя стылістычныя рысы, якія абумоўлены суіснаваннем вядомых функцыянальных стыляў, пераплеценых на розных маўленчых узроўнях або ў жанравай палітры рэкламных тэкстаў. Паўстае пытанне: да якога функцыянальнага стылю належаць рэкламныя тэксты?

Сучасныя даследчыкі ставяцца да выбару стылю рэкламы неаднозначна. У прыватнасці, Л. У. Лебедзева не суадносіць мову рэкламы з адным функцыянальным стылем, паколькі ў рэкламе назіраецца функцыянальна-стылёвае адзінства з мэтай ўздзеяння на чытачоў аб'ектам інфармацыі. У межах асобнай падсістэмы публіцыстычнага стылю разглядае мову рэкламы Т. М. Ліўшыц, абапіраючыся на адзінства функцый інфармавання і ўздзеяння, сістэмнасць апісання рэкламнага падстылю. Як гібрыдны від мовы сучаснай масавай камунікацыі тлумачыць рэкламу А. С. Кара-Мурза. Сярод жанраў навуковага стылю асобна вылучае прамысловую рэкламу Н. Г. Валеява, якая ўключае ў навуковую рэкламу «тэксты рэкламных праспектаў, рэкламных лісткоў ці брашур з апісаннем і выявай вырабу, з называннем месца і ўмовы яго набыцця, рэкламныя каталогі на прамысловае абсталяванне, стэндавыя лісткі» [1, с. 36].

Сярод беларускіх даследчыкаў Н. Г. Швец пры разглядзе паняцця рэкламная аб’ява вылучае характарыстыкі аб’явы ў межах «рэкламнага стылю» [4, с. 3].

Паспрабуем вызначыць стылістычную прыналежнасць рэкламных тэкстаў на падставе азначэння лінгвістычнага паняцця «функцыянальны стыль мовы», прапанаванага вядомым стылістам М. Я. Цікоцкім: «Функцыянальны стыль мовы – гэта грамадска ўсвядомленая, унутрана аб’яднаная спецыфічная сістэма моўных сродкаў, якая абумоўлена мэтамі і прынцыпамі адбору гэтых сродкаў у той ці іншай сферы грамадскай дзейнасці (навуковай, справавой, публіцыстычнай, эстэтычнай і г. д.) і найлепшым чынам абслугоўвае зносіны ў гэтай сферы» [3, с. 159]. Немагчыма не пагадзіцца з тым, што «функцыянальныя стылі знаходзяцца ў жывых узаемаадносінах, яны ўзаемадзейнічаюць і ўзаемапранікаюць. Нельга ўявіць, напрыклад, што пэўныя лексічныя, граматычныя і фанетычныя сродкі належаць толькі да аднаго стылю. Нават самыя спецыфічныя для якога-небудзь стылю моўныя сродкі могуць ужывацца ў іншых стылях, праўда, пры гэтым, як правіла, змяняецца іх функцыянальная роля» [тамсама, с. 160]. Гэтае меркаванне цалкам адпавядае аналізу рэкламных тэкстаў, дзе спалучаюцца элементы навуковага, афіцыйнага, публіцыстычнага, размоўнага, мастацкага стыляў у розных жанрах.

На нашу думку, рэкламныя тэксты паводле мэтавых і дэйксічных установак падзяляюцца на групы: 1) уласна рэкламныя тэксты (напрыклад, кансультацыі, аб’явы, афішы, рэцэпты) і 2) тэксты кантамінавання сродкамі іншых функцыянальных стыляў (напрыклад, рэцэнзіі, артыкулы, інтэрв’ю, апавяданні, анекдоты, казкі). Гэтыя дзве групы інтэгруюць агульныя, адкрытыя для папаўнення моўна-стылёвыя рысы, якія характарызуюцца паводле наступных складнікаў: функцый, мэт і задач рэкламадаўцаў, адраснасці аўдыторыі, структурнай арганізацыі тэкстаў. Галоўная задача любога рэкламнага тэксту – прыцягнуць увагу мэтавай аўдыторыі (напрыклад, прамыслоўцаў, моладзі, хатніх гаспадынь) праз выбар вербальных і невербальных адзінак. Структурная арганізацыя большасці рэкламных (друкаваных, аўдыявізуальных і інш.) тэкстаў вызначаецца ўключэннем у іх: загалоўка, слогана, асноўнай і даведачнай інфармацыі, фотаздымкаў, малюнкаў, адпаведнага колеру, шрыфту. Да моўна-стылёвых сродкаў рэкламных тэкстаў належаць: тэрміны,

словы з абстрактным ці канкрэтным значэннем, запазычаныя словы, прастамоўі, жарганізмы; аддзеяслоўныя назоўнікі, займеннікі і дзеясловы ў 1-й і 2-й асобах; мадальныя, клічныя і пытальныя сказы, апісальныя і апавядальныя канструкцыі. Тэксты павінны быць лагічна пабудаваныя, мець пэўную ацэначнасць, вобразнасць, эмацыянальнасць і экспрэсіўнасць.

Названыя характарыстыкі рэкламных тэкстаў даюць падставы меркаваць, што ў наш час фарміруецца новы функцыянальны стыль – рэкламны, які з'яўляецца ў выніку частотных узаемапранікненняў ужо вядомых стыляў. Новы рэкламны стыль знаходзіцца яшчэ на стадыі станаўлення, з выпрацоўкай своеасаблівага стылістычнага рэгістра.

Літаратура

1. Валеева, Н. Г. Жанрово-стилистическая характеристика научных текстов / Н. Г. Валеева // Введение в переводоведение. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 251 с.

2. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы : учеб. пособие / Р. И. Мокшанцев. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 230 с.

3. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка тэксту : вучэб. дапам. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў філал. профілю / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 223 с.

4. Швец, Н. Г. Формализация взаимосвязи вербальных и невербальных составляющих рекламного объявления : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. Швец. – Минск, 2007. – 18 с.

Александр Градюшко

Белорусский государственный университет

НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНТЕНТА В ИНТЕРНЕТ-СМИ

Для успеха в жесткой конкуренции с социальными медиа издателям и редакторам газет нужно экспериментировать с **новыми платформами и типами контента**. Это одна из важнейших тенденций рынка интернет-СМИ. Почти 15 лет мы живем в эпоху Интернета, а публикуем материалы все так же, как и 100 лет назад. Просто копируем их в онлайн. Наблюдается колоссальный недостаток воображения в использовании онлайновых платформ. Для обогащения своего портфолио и охвата новой аудитории ведущие мировые медиакомпа-

нии развивают **кросс-медийные решения** и инновационные формы представления контента. Поговорим об этом подробнее.

Позавчера мы узнавали о событии тогда, когда нам сообщали о нем СМИ, и так, как они нам сообщали. Вчера новости вначале появлялись в онлайн-СМИ, а лишь затем про них сообщали радио, телевидение, газеты. Сегодня о событии в Интернете нам рассказывают очевидцы. Площадкой оперативного доступа к этим сообщениям являются **социальные сети**. Сообщения в блогах и социальных сетях представляют собой сырье для интернет-изданий и информационных агентств. Завтра мы будем знать о событии практически одновременно с ним, сами сможем собирать «немодерированные» мнения и анализировать их. Мир уже научился информировать себя сам.

Постепенно молодая аудитория уходит за информацией в социальные сети. В Интернете возникает принципиально другая картина реальности. Это совершенно иная информационная система. Интернет развивается как **интерактивная социальная среда**. Если раньше мы искали информацию на тех или иных сайтах интернет-СМИ, то сегодня все чаще узнаем ее из социальных сетей. Для нас представляет интерес та информация, которой с нами хотят поделиться друзья в социальных медиа.

Принципы отбора информации и генерирования новостных поводов в интернет-СМИ отличаются от того, что мы видим в традиционной журналистике. Изменились понятия **форматов и жанров**. Новые медиа требуют принципиально нового контента. Перед журналистами сегодня встает задача научиться «дотягиваться» до пользователя и быть удобным ему везде, в том числе в социальных сетях. Идея нового витка отношений СМИ и читателя состоит в том, что традиционные медиа приходят в ближний круг пользователя и пытаются сохранять его интерес и доверие.

Принципиально важным и совершенно новым видом деятельности для СМИ в Интернете является работа с **сообществом читателей** в режиме реального времени, интерактивное взаимодействие с аудиторией. Успех в Интернете также обеспечивает качественный **уникальный контент**, ориентированный на запросы посетителей. Без этих компонентов все остальные технологические инновации не имеют значения. Традиционные способы продвижения СМИ уходят на второй план.

Перемены в отрасли требуют находить способы привлекать читателей, привыкших к мгновенности Интернета, а также сочетать

качественную журналистику с новыми технологиями. Изменился **баланс власти**, и у читателей теперь больше влияния. Новые платформы предусматривают иной способ подачи контента, требуют не повторять то, что было в газете. Необходимо учить журналистов писать хорошие краткие материалы, которые можно объединять с визуальными элементами.

Представление контента в интернет-СМИ имеет свою специфику. Не каждая новость, которая есть в газете, должна появиться на сайте, а тем более в социальных сетях. Парадоксально, но факт: чем больше люди хотят знать, тем меньше они хотят читать. Поэтому заголовки должны быть короткими, в них необходимо использовать понятные контекстные фразы, ключевые слова. Текст нужно писать в **новостном формате**. То есть все должно быть четко структурировано. Больше глаголов и существительных, меньше прилагательных и образных выражений [1].

Пользователи Интернета не задерживаются на веб-странице подолгу и бегло просматривают контент, не прочитывая его слово за словом. Вместо того чтобы читать каждое слово, читатели **«сканируют»** страницы в поисках информации, отыскивая ключевые слова, фразы и зрительные ориентиры. Необходимо научиться писать статьи, которые легко просматривать. При этом важны такие элементы, как заголовок с ключевыми словами, подзаголовки внутри публикации, форматирование текста, выделение цитат, короткие абзацы и др.

Принципы написания **заголовков** для интернет-СМИ были обозначены нами в предыдущих работах [3]. Напомним, что заголовки крайне важны. Так как именно по ним читатель определяет, будет ли он знакомиться с материалом или нет. Наиболее распространенными в интернет-СМИ являются констатирующие заголовки, в которые должны войти ключевые слова, совпадающие с поисковыми запросами аудитории. Заголовки должны быть короткими, простыми, с глаголом в активном залоге.

Поисковая оптимизация сайта – еще один немаловажный момент, так как значительная часть читателей приходит с поисковых систем. Поисковый запрос пользователя должен быть в полной мере удовлетворен. Вот почему так важны оптимальные ключевые слова и их достаточное количество. Существует много факторов, влияющих на место, на котором поисковая система расположит страницу с ма-

териалом. Однако одним из наиболее действенных способов продвижения являются слова, используемые в заголовке страницы.

Проиллюстрируем важность новых форм представления контента на конкретном примере. В ноябре 2011 г. в веб-лаборатории Института журналистики БГУ был создан новый сайт газеты **«Браслаўская звязда».** Предыдущая версия, разработанная два года назад, не пользовалась популярностью. Среднее количество посетителей не превышало 20–30 человек в день. После запуска нового сайта http://www.braslav-star.by/ его посещаемость увеличилась за месяц до 140–250 пользователей в сутки. Во многом этому способствовало продвижение как в поисковых системах, так и в социальных сетях.

Публикации газеты, предназначенные для размещения на сайте, переводятся с белорусского на русский язык. Делается это намеренно, для лучшей видимости сайта в поисковых системах. Процент пользователей, которые что-то ищут в Google или Яндекс на белорусском языке, чрезвычайно мал по сравнению с русским. По данным **статистики ключевых слов Яндекса** http://wordstat.yandex.ru/, за последний месяц слово «Браслав» вводили в строку поиска 6475 человек, в то время как «Браслаў» искали всего 17 человек, или в 380 раз меньше.

Профессор Нина Мечковская в этой связи совершенно верно отмечает, что «в силу коммерциализации производства контента для каналов массовой коммуникации (Интернет, СМИ, кинопрокат и др.) в условиях галопирующего прогресса и распространения информационных технологий функциональная полнота и самодостаточность национальных языков в сферах массовой коммуникации ослабевает – подобно тому, как суверенитет отдельного государства в силу глобализации становится все более ограниченным» [5].

Продвижение сайта газеты «Браслаўская звязда» в поисковых системах принесло ощутимый результат: по запросу «Браслав» сайт газеты находится на восьмом месте в Яндексе и на двенадцатом в Google, что обеспечивает стабильный приток посетителей из поисковых систем. Для сайта характерны такие **заголовки**, как «В Браславе на Новый год соревновались сильнейшие баскетболисты», «Браславский католический приход поставил новую пьесу», «Ватикан профинансирует реконструкцию браславского туберкулезного санатория». В каждом из них содержатся ключевые слова и глаголы.

Для продвижения сайта браславской районной газеты также активно используются **социальные медиа**. По статистике, группа

газеты «Браслаўская звязда» в социальной сети «В Контакте» в начале 2012 г. насчитывала 815 человек, в «Одноклассниках» – более 1380 человек [2]. Ленты новостей в Twitter и на Facebook, которые дублируются с сайта, к сожалению, пока не очень популярны, так как жители района хуже знакомы с ними, чем с вышеназванными российскими аналогами. Но это дело времени. Также у газеты есть свой видеоканал на Youtube, который она собирается развивать.

Появление социальных медиа обострило конкуренцию между ними и СМИ, но в то же время конкурент оказался партнером. Современное средство массовой информации должно использовать в своей работе все «плюсы» социальных медиа и взаимодействия с ними. Социальные медиа являются не только новым каналом распространения информации для СМИ, но и средством построения более сложных коммуникативных процессов с аудиторией, установления с ней непрерывного диалога. При желании социальные сети можно с успехом использовать для **сплочения аудитории** вокруг бренда газеты.

По информации статистического сервиса Socialbakers, в крупнейшей в мире социальной сети Facebook в январе 2012 г. было зарегистрировано 355 240 белорусских интернет-пользователей, а наиболее популярной социальной сетью в Беларуси считается российский ресурс **«В Контакте»** (более 1 млн белорусских аккаунтов). По разным оценкам, в нашей стране насчитывается более 30 тыс. учетных записей Twitter. Популярен и «Живой Журнал», в котором зарегистрировано порядка 80 тыс. интернет-пользователей из Беларуси.

Данные статистики говорят о том, что количество переходов на сайты СМИ с социальных сетей обычно не превышает 5–7 % от общего количества посетителей. В отдельных случаях эта цифра может быть значительно выше, достигая 40–50 % и более. Пользователям социальных сетей удобнее всего искать новости не на сайтах газет, а непосредственно в **социальных сообществах**. Прочитав анонс новости в социальной сети, для ознакомления с полной версией материала пользователи переходят по ссылке на сайт издания.

По мнению экспертов РИА «Новости», присутствие СМИ в соцсетях имеет ряд **преимуществ**: предпочтение бренду; прямые переходы на страницы сайта; регулярное посещение страницы, группы, сообщества СМИ в социальных сетях; активные обсуждения, которые, в свою очередь, могут быть проанализированы редакцией СМИ

и использованы как мнения и цитаты в новом контенте; использование сообщества групп как поставщика читательского контента; возможность иметь моментальную реакцию [7].

Деятельность российского **РИА «Новости»** в социальных медиа заслуживает внимания. В минувшем году РИА «Новости» открыло около 60 каналов в социальных сетях. Общее количество читателей аккаунтов РИА «Новости» в соцсетях по состоянию на декабрь 2011 г. составило более 800 тысяч. Из них: 390 тысяч – в Facebook, 112 – в Twitter, 279 – в «В Контакте», 14 тысяч – в «Одноклассниках», 1700 – в Google+.

Примечательно, что РИА «Новости» первым использовало на своем сайте новый **виджет** социальной сети «В Контакте», предназначенный для демонстрации наиболее популярных среди участников соцсети онлайн-публикаций СМИ. В специальном окне отображаются заголовки статей, которые чаще всего рекомендуют друг другу пользователи социальной сети, нажимая на кнопку «Мне нравится». Кроме того, виджет отображает информацию о том, сколько пользователей порекомендовали ссылку.

По схожей схеме с недавнего времени успешно работает и агентство **БелТА**, которое завело аккаунты в таких социальных медиа, как «В Контакте», «Одноклассники», Twitter, LiveJournal, Facebook. Правда, интерес пользователей пока невелик: на Facebook новости БелТА читает чуть больше ста человек, зато в Twitter агентство имеет около 700 подписчиков. Представлено это агентство и на Youtube: за один год в аккаунт добавлено более 400 видеосюжетов.

Деятельность российского РИА «Новости» интересна по многим направлениям. В настоящее время оно, пожалуй, является единственным по-настоящему **мультимедийным информационным агентством** в России. Эта лидирующая российская медиакомпания показывает нам вектор развития традиционных СМИ. В РИА «Новости» был создан один из первых конвергентных ньюсрумов. Также агентство зарекомендовало себя как ведущий разработчик информационных приложений для различных медиаканалов.

К основным мультимедийным достижениям «РИА Новости» в 2011 г. можно отнести выход в трехмерное пространство, открытие десятков новых спецпроектов, выпуск ряда приложений для мобильных устройств и браузеров, успешное освоение новых форм и форматов информационного вещания, запуск около 60 каналов в социаль-

ных сетях. В частности, в июне агентство запустило каталог материалов в **формате 3D**. Технология 3D позволяет увидеть изображение в объеме. Пользователям в этом разделе представлены специальные подборки материалов – фото, аудиослайдшоу и инфографика.

Принципиально новый формат подачи новостей – музыкальные видеоклипы в стиле рэп. Проект **RapInfo** – результат совместной работы ресурса «Ты – репортер» и рэперов Dino MC 47 и ST. Материалы RapInfo, ориентированные на молодую аудиторию, набрали более 8 млн просмотров в Интернете, 30 000 подписчиков канала проекта на видеохостинге Youtube и 50 000 участников группы в социальной сети «В Контакте». Новости в таком стиле пользуются популярностью среди молодежи 15–20 лет.

Проект RapInfo был запущен 3 июня 2011 г. Девиз проекта – «новости в речитативе о России и о мире, какими вы их еще не видели». После успеха первого выпуска (на каналах рэперов и сторонних сайтах его посмотрело более 200 тысяч человек) РИА «Новости» решило делать его постоянно. Первый выпуск RapInfo был показан **Дмитрию Медведеву** во время его визита в РИА «Новости» в честь 70-летия агентства. Президенту России понравилась идея знакомить аудиторию с последними событиями в стиле рэп, он даже в шутку пообещал подумать над тем, какое из своих выступлений записать в таком формате.

Проект RapInfo выходит каждую пятницу и освещает 3–4 новости. Премьеры выпусков проходят на сайте «Ты – репортер». Также у проекта есть официальные каналы в Youtube и «В Контакте». Представители теле-, радио- и музыкальной индустрии уверены, что подобная подача новостей создаст **новый информационный формат**. Популярный блогер drugoi (Рустем Адагамов) уверен в больших перспективах рэп-истории. «Rap Info – острые тексты и отлично подобранный видеоряд. Я думаю, что ребята нашли один из тех форматов подачи актуальной информации, который может быть интересен тем, кто уже давно не смотрит телевизор и не читает газет – я про нашу молодежь», – сказал он [6].

Представлять контент в интернет-СМИ можно также с помощью различных **спецпроектов**. Например, в октябре РИА «Новости» предложило посетителям своего сайта мультимедийный спецпроект «Титаник». К годовщине катастрофы в апреле 2012 г. первые публикации об истории корабля, версиях крушения будут дополнены

полностью воссозданной картиной произошедшего. У пользователей появится возможность в онлайн-режиме проследить путь лайнера и узнать подробности жизни пассажиров. Отметим, что с первых публикаций спецпроект пользуется большим успехом читателей. Так, в первые два месяца количество посетителей спецпроекта достигло 250 тысяч.

Дальнейшее развитие интернет-СМИ привело и к модификации **жанровой структуры**. Наряду с классическими, появились новые жанры. Интернет внес в работу СМИ инновационные формы представления контента. Появились принципиально новые способы донесения информации до аудитории, которых не существовало ни на телевидении, ни на радио, ни в прессе.

Довольно часто в интернет-СМИ используется **онлайновый репортаж**. В его основе всегда находится определенное событие в его динамике. Интернет означает публикацию в реальном времени, почти без задержки. Например, во время футбольного матча или судебного процесса издание может на отдельной странице сообщать об их ходе.

Появился такой новый жанр, как **интернет-конференция**. Многие издания практикуют веб-конференции с известными людьми, в том числе с использованием средств мгновенного обмена сообщениями. В таком интервью может поучаствовать любой желающий. Пользователь при этом может сразу вступить в контакт с журналистом, участниками конференции и другими читателями, выразить свое мнение или сообщить новую информацию.

Новое развитие получил и жанр статьи, преобразовавшись в **мультимедийную статью**. Онлайн-текст может быть дополнен звуком, видео, графикой. Он живет многообразием медийных средств. Тема раскрывается с помощью текста, фото, видео, инфографики, интерактивного видео, аудиослайд-шоу.

Популярен **авторский блог**, нашедший свое место и на страницах медийных сайтов. Привлекательность этого жанра заключается в том, что он позволяет обратиться к читателю напрямую. В блогах распространены такие явления, как собственные мнения, неформальный тон, живой язык. Это позволяет вовлечь читателя в разговор, заставить его почувствовать себя включенным в дискуссию. К разновидностям авторских колонок можно отнести видеоблоги.

Поставщиками информации для журналистов в последнее время все чаще становятся сами **читатели**. Именно они предоставляют са-

мые ценные кадры с места событий, пишут на форумах оперативные сообщения, размещают в Интернете видео и аудио, делятся подробностями важных историй. Гражданские журналисты уже готовы работать оперативно и умеют выбирать темы не хуже профессионалов. С другой стороны, в отличие от СМИ, они не несут ответственности за сказанное. Поэтому задачей журналистов становится проверка новостей, поступивших от пользователей.

Приведем пример такого взаимодействия. Журналисты портала **auto.onliner.by** ежедневно собирают сообщения очевидцев аварий на улицах Минска, используют фотографии с форума «Дороги. Аварии. Происшествия» forum.onliner.by, а также видео, оперативно загруженное пользователями форума на YouTube. В результате на основе читательского контента создается полноценный журналистский материал, который активно комментируют посетители сайта.

Подхватывать новостные поводы непосредственно от участников тех или иных событий можно также через **Twitter**. Миллионы событий фиксируются ежедневно на камеры телефонов. Миллионы людей размещают информацию о том, что происходит вокруг, в блогах и социальных сетях. Журналист уже никогда не будет на месте события первым. Если раньше задача СМИ состояла в том, чтобы найти новость и сообщить ее аудитории, то сегодня журналистам остается лишь отфильтровать контент, проверить информацию, выделить главное, объяснить и рассказать хорошим языком, предложив оптимальный сценарий потребления.

Принципиально новый вид деятельности СМИ в современном информационном пространстве – создание **контента для мобильных устройств**. Деловая газета «Ведомости», например, в 2011 г. представила приложение для телефонов с платформой Android. Оно включает в себя наиболее популярные разделы сайта и газеты и позволяет читать свежий номер газеты и круглосуточно обновляемую ленту новостей. «Мы следуем за нашим читателем везде, где бы он ни находился. В отпуске, в автомобильной пробке или самолете. Мы знаем, что самое ценное для делового человека – это свежие “Ведомости”, которые всегда под рукой», – говорит Виктор Саксон, руководитель отдела интернет-технологий газеты «Ведомости» [4].

Примеру ведомостей последовали «Труд», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Комсомолькая правда», «Московские новости»… **Приложения** для Android, iPhone, iPad, различные виджеты

для просмотра новостей на рабочем столе компьютера и планшета собирают дополнительную аудиторию. Помимо текстового контента, приложения Интернета предоставляют читателям видео- и аудио-ролики, инфографику, фотоленты дня, интерактивные сервисы, виртуальные туры, флэш-игры. Новые мобильные устройства меняют модель потребления информации, которая требует от редакций изменения способов ее подачи.

Проведенное исследование показывает, что в интернет-СМИ в последние годы появились новые способы представления контента. Для повышения влияния сайтов на общественное мнение, увеличения их посещаемости и цитируемости необходимо, чтобы их сопровождением занимались высококвалифицированные **интернет-журналисты** и специалисты по онлайн-коммуникациям, обладающие системными знаниями в области творческой деятельности веб-журналиста, оптимизации текстов для поисковых систем, продвижения сайтов, интернет-маркетинга.

Продвижение контента по всем возможным направлениям и каналам, доступным современному человеку, можно отнести к важнейшим способам повышения эффективности онлайн-СМИ. Пока что многие белорусские издания, к большому сожалению, воспринимают интернет-сайт всего лишь как «клон» своей печатной версии и упускают время, тогда как зарубежные издательские дома активно работают в интернет-пространстве и все чаще реализуют стратегию **«360 градусов»**, нацеленную на охват всех возможных медийных носителей.

Приходится констатировать, что в течение последних десяти лет в журналистике произошли **существенные перемены**. Изменился цикл производства информации. Претерпела изменения структура источников. Поменялись понятия форматов и жанров. Освещение события происходит параллельно с событием. Требования к навыкам журналиста стали принципиально другими. Полагаем, что в этом многообразии медийных платформ в век мгновенных сообщений, когда каждый хочет быть первым, один элемент должен остаться неизменным. Это классическая качественная журналистика. Журналистика завтрашнего дня.

Литература

1. Амзин, А. А. Новостная интернет-журналистика : учебное пособие для вузов / А. А. Амзин. – М. : Аспект Пресс. – 2011. – 142 с.

2. «Браслаўская звязда» ўзялася развіваць інтэрнэт-версію [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://westki.info/artykuly/12557/braslauskaia-zviazda-uzialasia-razvivac-internet-viersiiu. – Дата доступа: 13.01.2012.

3. Градюшко, А. А. Принципы написания текстов для интернет-СМИ // Слова ў кантэксце часу : зб. навук. прац да 80-годдзя доктара філал. навук, праф. Аркадзя Іосіфавіча Наркевіча, пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава. – Мінск, 2009. – С. 126–135.

4. Деловая газета «Ведомости» запустила приложение для Android [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/corp_news/2011/04/01/206. – Дата доступа: 13.01.2012.

5. Мечковская, Н. Б. Постсоветские языки в условиях государственного суверенитета и расцвета информационных технологий / Н. Б. Мечковская // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. — Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2011. – № 2. – С. 75.

6. Проект RapInfo «заработал» первый миллион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/ria70_news/20110715/402314927.html – Дата доступа: 13.01.2012.

7. Участники ФЕАМ-2011 обсудили будущее СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/mf_news/20111121/494265299.html. – Дата доступа: 13.01.2012.

Алена Губкіна
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ДА ПЫТАННЯ АБ ПРЫЧЫНАХ ЛЕКСІЧНЫХ ПАМЫЛАК ПРЫ ПЕРАКЛАДЗЕ

Кожная мова – гэта своеасаблівы код, г. зн. адвольнае абазначэнне прадметаў і з’яў рэчаіснасці пры дапамозе ўмоўных знакаў. Пераклад, такім чынам, можна разумець як перакадзіраванне, паколькі кожны ўмоўны знак адной знакавай сістэмы (мовы) замяняецца знакам іншай знакавай сістэмы (іншай мовы). У навуковай літаратуры пераклад вызначаецца як перавыражэнне, перакадзіраванне тэксту, створанага на адной мове, у тэкст на іншай мове. Якасны пераклад можа ажыццявіць спецыяліст, які творча падбірае варыянт, трапны адпаведнік у залежнасці ад рэсурсаў мовы, тыпу і задач перакладу, асаблівасцей тэксту і свайго досведу і густу. Пераклад – гэта і вынік дзейнасці перакладчыка [1, с. 149].

Любы моўны знак мае план выражэння і план зместу. Розныя мовы ў пэўнай ступені супадаюць у плане зместу, але істотна ад-

розніваюцца планам выражэння. Разыходжанні ў плане выражэння найбольшыя паміж генетычна аддаленымі мовамі і найменшыя паміж мовамі роднаснымі. Але гэта зусім не спрашчае работу тых, хто займаецца перакладам на блізкароднасныя мовы. Бо, як вядома, узровень інтэрферэнцыі (адпаведна і колькасць, і ўстойлівасць інтэрферэнцыйных памылак) тым большы, чым большая ступень роднаснасці паміж мовамі, якія знаходзяцца ў паралельным выкарыстанні. Такім чынам, білінгвізм як перадумова інтэрферэнцыі з'яўляецца ў пэўнай ступені небяспечным фактарам узнікнення і ўкаранення маўленчых памылак на розных моўных узроўнях.

Дзяржаўны статус беларускай і рускай моў у нашай краіне накладае на людзей, чыя прафесійная дзейнасць звязана з мовай, абавязак дасканала валодаць абедзвюма мовамі. Афармленне дакументаў на беларускай і рускай мовах, стварэнне рознамоўных версій сайтаў, тэкставай інфармацыі для перыядычных выданняў, тэле- і радыёперадач, якія «выходзяць» і па-руску, і па-беларуску, нярэдка звязана з перакладам тэксту, створанага на адной мове, на іншую мову. Пераклад з блізкіх, роднасных моў можа памылкова здавацца нескладанай працай. Але ж кожная мова валодае шэрагам лексічных і граматычных асаблівасцей, без добрага ведання якіх якасны пераклад наўрад ці магчымы. Паміж беларускай і рускай мовамі існуюць шматлікія істотныя разыходжанні і несупадзенні на ўсіх моўных узроўнях. У прыватнасці, беларуская мова адрозніваецца ад рускай націскам у асобных суадносных словах (*а́рышт – аре́ст, арэндава́ны – арендо́ванный, укамплектава́ны – укомплекто́ванный, забеспячэ́нне – обеспе́чение* і інш.), родам падобных па напісанні і гучанні слоў (*надпіс, перапіс, запіс, подпіс, продаж* і інш.), групамі адзіночналікавых і множналікавых назоўнікаў (напрыклад, бел. *крупы, паводзіны* (толькі мн. л.) – рус. *крупа, поведение* (толькі адз. л.), бел. *клопат* (толькі адз. л.) – рус. *хлопоты* (толькі мн. л.), бел. *дзверы* (толькі мн. л.) – рус. *дверь* (адз. і мн. л.) і інш.), афармленнем адмаўленняў (напрыклад, бел. *бясконцы* – рус. *нескончаемый*, бел. *міжволі* – рус. *непроизвольно*, бел. *небяспека* – рус. *опасность*, бел. *незлічоны* – рус. *бесчисленный* і інш.). Існуюць выразныя разыходжанні паміж беларускай і рускай мовамі і на сінтаксічным узроўні, звязаныя найперш з дзеяслоўным кіраваннем, выкарыстаннем дзеепрыметнікавых зваротаў, рознай будовай параўнальных канструкцый і асобных словазлучэнняў, значэннем і выкарыстаннем пры-

назоўнікаў і г. д. Тут да месца прыгадаць меркаванне пра тое, што душа мовы – сінтаксіс; якраз тут выяўляецца адметнасць спосабу і сродкаў перадачы думкі і пачуцця. Глыбока засвоіць мову нельга без спасціжэння яе сінтаксічнага ладу. Пры павярхоўным засваенні найбольшая колькасць памылак сустракаецца менавіта ў сінтаксісе – пабудове фразы [8, с. 85]. На жаль, інтэрферэнцыйныя памылкі на фанетычным, словаўтваральным, марфалагічным і сінтаксічным узроўнях маюць найбольшыя шанцы на замацаванне ў маўленні, паколькі, як правіла, істотна не ўплываюць на працэс разумення, амаль не перашкаджаюць перадачы сэнсу выказвання і таму нярэдка ігнаруюцца. Іншая справа памылкі лексічныя, якія больш заўважныя ў маўленні, паколькі памылковае словаўжыванне ці няправільна падабраны пры перакладзе адпаведнік скажаюць сэнс выказвання, робяць яго двухсэнсоўным або ўвогуле незразумелым. Найчасцей прычынамі лексічных памылак з’яўляюцца наступныя: неразуменне (няведанне) значэння слова, парушэнне лексічнай спалучальнасці, няправільнае выкарыстанне мнагазначных слоў і слоў-амонімаў, зблытванне міжмоўных паронімаў і амонімаў, маўленчая збыткоўнасць (плеаназмы і таўталогія), фармальны пераклад (калькаванне). Не ўсе названыя прычыны ў роўнай ступені маюць дачыненне да лексічных памылак, якія ўзнікаюць пры перакладзе з рускай мовы на беларускую. Тут так званымі лідарамі з’яўляюцца найперш няправільны пераклад слоў, якія маюць неаднолькавы аб’ём лексічнага значэння ў розных мовах, недакладны (памылковы) выбар адпаведніка з сінанімічнага рада і парушэнне лексічнай спалучальнасці. Па названых прычынах з’явіліся наступныя недарэчныя выразы ў студэнцкіх работах: *эканамічныя правапарушэнні, якія* ***вабяць*** *канфіскацыю маёмасці* (з рускага *экономические правонарушения, которые* ***влекут*** *конфискацию имущества*); *некаторыя пытанні* ***ўжывання*** *Указаў Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь* (з рускага *некоторые вопросы* ***применения*** *Указов Президента Республики Беларусь*); *са* ***становішчаў*** *часткі другой Пастановы* ***варта****, што правапарушальнікамі могуць з’яўляцца…* (з рускага *из* ***положений*** *части второй Постановления* ***следует****, что правонарушителями могут являться…*); ***дадзенае*** *пытанне* ***ставіцца*** *да кампетэнцыі Міністэрства фінансаў* (з рускага ***данный*** *вопрос* ***относится*** *к компетенции Министерства финансов*); ***усталяваныя*** *тэрміны* (з рускага ***установленные*** *сроки*); *за* ***ра-***

хунак *уласных сродкаў* (з рускага *за* ***счет*** *собственных средств*); *канферэнцыя праводзілася на* ***аснове*** *філалагічнага факультэта* (з рускага *конференция проводилась на* ***базе*** *филологического факультета*); ***сапраўдны*** *мемарандум* (з рускага ***настоящий*** *меморандум); **грамадства** з абмежаванай адказнасцю* (з рускага ***общество*** *с ограниченной ответственностью*); *арганізацыя выступіла са* ***сказам*** (з рускага *организация выступила с* ***предложением***) і інш. На жаль, памылковае словаўжыванне мае месца і ў маўленні журналістаў-прафесіяналаў. Напрыклад, аўтар фразы *…меры для* ***ўсталявання*** *гаспадара машыны…* (Першы канал беларускага радыё, эфір 26.04.11), відаць, зблытаў словы ***ўсталяванне*** 'змяшчэнне куды-небудзь, устаноўка належным чынам; прывядзенне ў пэўны парадак' і ***ўстанаўленне*** 'вызначэнне, выяўленне'. Гаспадар машыны, натуральна, можа быць устаноўлены (гэта значыць, ***вызначаны, выяўлены, знойдзены ці адшуканы***). Памылка магла ўзнікнуць па прычыне няўважлівасці да перакладу слова ***установление***, якое ў рускай мове выкарыстоўваецца ў розных значэннях *(установление личности, установление памятника, установление власти, установление наблюдения).* У выразе *…калі вадзіцель будзе* ***грэбаваць*** *гэтым правілам…* (Першы канал беларускага радыё, эфір 24.03.11) дзеяслоў ***грэбаваць*** варта замяніць (напрыклад*,* ***ігнараваць*** ці ***не заўважаць*** *гэта правіла,* ***ставіцца без належнай ўвагі*** *да гэтага правіла, не надаваць значэння правілу* і пад.). Верагодная прычына памылкі ў неразмежаванні значэнняў слоў ***грэбаваць*** 'быць грэблівым (гідліва адносіцца да неахайнасці і ўсюды яе падазраваць) у адносінах да каго-, чаго-небудзь' і ***ігнараваць*** 'не заўважаць, не рэагаваць, не адказваць на што-небудзь) (рус. *брезговать* і *пренебрегать*). У выразе *…выбіраць рэжым руху,* ***адэкватны*** *ўмовам…* (Першы канал беларускага радыё, эфір 16.01.12) слова ***адэкватны***, якое мае значэнне 'такі, які поўнасцю супадае, роўны чаму-небудзь' мусіць быць заменена на ***адпаведны***, г. зн. 'які падыходзіць да пэўнага выпадку, адпавядае чаму-небудзь, вынікае з чаго-небудзь', а лепш выкарыстаць аднакаранёвы дзеяслоў: *…выбіраць рэжым руху, які* ***адпавядае*** *ўмовам…*

На нашу думку, зусім не па-беларуску, ненатуральна гучаць і выразы ***водпуск*** *па догляду за дзіцём, як не* ***згубіць*** *здароўе,* ***водпуск*** *без рэцэптаў некаторых прэпаратаў, праблемы (са здароўем)* ***з-за*** *самалячэння* (Першы канал беларускага радыё, эфір 14.01.12), нягледзячы на тое, што слоўнікі легалізуюць такія ўжыванні. Пытан-

не пэўнага недаверу ад асобнай інфармацыі, змешчанай у слоўніках, неаднаразова ўзнімалася рознымі даследчыкамі. Пішучы пра недасканаласць слоўнікаў, В. Вінаградаў адзначаў, што «ў кожным тлумачальным слоўніку прапускаюцца сотні, калі не тысячы жывых значэнняў і выдумваецца мноства значэнняў, якіх не існуе» [2, с. 169]. Мы згодныя з Д. Паўлаўцом, які лічыць, што часам «памылковае» выкарыстанне падмацоўваецца аўтарытэтам РБС, ТСБМ, і давесці памылковасць у такіх выпадках вельмі цяжка» [6, с. 36]. На думку П. Сцяцко, «у цяперашніх літаратурных слоўніках лексічнае багацце нацыянальнай беларускай мовы не знайшло свайго дастатковага адлюстравання» [7, с. 219]. Меркаванне пра тое, што аўтарытэтнасць любой лексікаграфічнай крыніцы не абсалютная, сустракаецца і ў іншых працах [гл., напр., 3; 4; 5; 9 і інш.]. Асабліва «скампраметаванымі» аказаліся слоўнікі, выдадзеныя пасля 1930 года, у якія пад уплывам тагачаснай моўнай палітыкі не ўключаліся многія адметныя, самабытныя беларускія словы, а ўводзіліся словы рускай мовы. Сумна і горка чытаць развагі Максіма Танка: «Узяўся гартаць слоўнікі. Бясконцая і бяздумная запазычанасць чужых слоў, як у нас, не можа не пагражаць дэградацыяй самой мове» [8, с. 7]. І таму лічыць слоўнік гарантыяй удалага і якаснага перакладу не выпадае. Зварот да перакладнога слоўніка ўсяго толькі спрашчае працу па перакладзе, але ж спадзявацца толькі на слоўнік рызыкоўна. Без тонкага адчування мовы, без глыбокага спасціжэння яе багацця і паўнаты, а таксама без маўленчай практыкі пераклад можа ператварыцца ў сухую і механічную пераробку тэксту. На жаль, такія выпадкі не ўнікальныя і не неверагодныя. У цяперашняй сітуацыі, калі беларуская мова не з’яўляецца рэальным сродкам зносін нацыі, у выніку чаго амаль не працуе механізм моўнай самарэгуляцыі, мы нярэдка бачым каструбаватыя і ненатуральныя беларускія выразы. Дарэчы, яны не абавязкова павінны быць перакладзенымі з рускай мовы, іншымі словамі, мець першасны, зыходны рускамоўны варыянт (як, напрыклад, тыя радыёматэрыялы, урыўкі з якіх прыведзены вышэй). Справа ў тым (дазволім сабе такую гіпотэзу), што вялікая колькасць журналістаў (і не толькі) з’яўляецца толькі карыстальнікамі беларускай мовы, а не яе носьбітамі. Чалавек, які думае па-руску, карыстаецца рускай мовай у паўсядзённым жыцці, не заўсёды можа прыгожа і беспамылкова выказацца па-беларуску. Адсюль і многія праблемы культуры беларускага маўлення. У такой сітуацыі ніякі слоўнік не засцеражэ ад памылак пры стварэнні і пе-

ракладзе тэксту. Да таго ж слоўнікам яшчэ трэба ўмець карыстацца. Тут прыгадваецца анекдатычны выпадак, калі фраза *этот вопрос является очень* ***важным*** была перакладзена так: *гэта пытанне з'яўляецца вельмі* ***вільготным***. Было б смешна, калі б не было так сумна: студэнтка ў рэестры рускіх слоў адшукала (безумоўна, выпадкова адгарнуўшы не тую старонку) ***не важный***, а ***влажный***. Але пры гэтым нават не збянтэжылася, пішучы бязглуздзіцу! Так што не кожнаму перакладны слоўнік можа дапамагчы. Некаторым ён толькі ўскладніць задачу і нават заблытае.

Падсумоўваючы сказанае, хочацца адзначыць, што, нягледзячы на розныя механізмы ўзнікнення лексічных памылак, перадумова іх адна – недастатковая ўвага да мовы, неўсведамленне таго, што кожная мова – унікальны і самадастатковы свет. Ствараючы ці перакладаючы тэкст, варта памятаць пра спецыфічныя рысы і характэрныя рысы мовы, а пры выбары слова кіравацца найперш мэтазгоднасцю.

Літаратура

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М., 2004. – 352 с.
2. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избр. труды. – М. : Наука, 1977. – С. 162 –191.
3. Губкіна, А. В. Хто нас лечыць? / А. В. Губкіна // Роднае слова. – 2006. – № 7. – С. 31–33.
4. Каўрус, А. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Каўрус // Полымя. – 1969. – № 8. – С. 200–207.
5. Красоўскі, В. Колькі разваг пра мову / В. Красоўскі // Полымя. – 1970. – № 1. – С. 223–229.
6. Паўлавец, Д. Да паняцця нармалізацыі ў лексіцы / Д. Паўлавец // Перспектывы развіцця і функцыянавання нарматыўнай лексікі : арт. і матэрыялы Міжнар. навук.-метад. канф. / Гомел. дзярж. універсітэт імя Ф. Скарыны, 22–23 мая. – Гомель, 1998. – С. 33–37.
7. Сцяцко, П. У. З пашанай да роднай мовы / П. У. Сцяцко // Полымя. – 1990. – № 4. – С. 219–222.
8. Сцяцко, П. У. Культура мовы / П. У. Сцяцко. – Мінск : Тэхналогія, 2002. – 444 с.
9. Шчэрбін, В. К. Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі / В. К. Шчэрбін. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1996. – 140 с.

Вольга Губская
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

НАРАТЫЎНАЯ СТРУКТУРА РАМАНА М. ГАРЭЦКАГА «ВІЛЕНСКІЯ КАМУНАРЫ» (1931–1932)

Вывучэнне вобраза аўтара ў структуры мастацкага тэксту з’яўляецца адным з найбольш актуальных пытанняў нараталогіі. Ці можна карыстацца метадалагічнымі прыёмамі нараталогіі пры аналізе тэкстаў беларускай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя? Праілюструем адказ на гэта пытанне на прыкладзе рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» (1931–1932).

Як сцвярджае В. Шмід, згодна з класічнай тэорыяй «да наратыўнага ці апавядальнага разраду творы залічваліся па прыкмеце камунікатыўнай структуры. Аповед, які супрацьпастаўляўся непасрэднаму драматычнаму выкананню, звязваўся з наяўнасцю ў тэксце голасу апасродкаванай інстанцыі, якую называлі апавядальнікам ці наратарам. У класічнай тэорыі аповеду асноўнай прыкметай апавядальнага твора з’яўляецца прысутнасць такога пасрэдніка паміж аўтарам і апісаным светам. Сутнасць апавядання зводзілася да пераламлення рэчаіснасці твора праз прызму ўспрымання наратара» [3, с. 11]. Згодна з канцэпцыяй структуралісцкай нараталогіі «вырашальным ў аповедзе з’яўляецца не столькі прыкмета структуры камунікацыі, колькі прыкмета структуры самога аповеду. Тэрмін «наратыўны», які супрацьпастаўляецца тэрміну «дыскрыптыўны», ці «апісальны», указвае не на прысутнасць апаспродкаванай інстанцыі выкладання, а на пэўную структуру выкладзенага матэрыялу» [3, с. 12]. Прыхільнікі структуралісцкай нараталогіі маюць на ўвазе наступнае: наратыўныя тэксты змяшчаюць у сабе пэўную гісторыю, пад якой разумеецца наяўнасць падзеі. Падзея, у сваю чаргу, – гэта змена зыходнай сітуацыі: ці знешняй (у гісторыі аповеду), ці ўнутранай сітуацыі персанажа (ментальная падзея). Такім чынам, наратыўнымі, з пункту гледжання структуралістаў, з’яўляюцца творы, у якіх адлюстроўваецца падзея, знешняя ці ментальная. Пры гэтым падзейнасць разглядаецца як ўласцівасць, што належыць градацыі па наступных крытэрыях: рэлевантнасць змены, непрадказальнасць (у падзеі ўтрымліваецца пэўная парадаксальнасць), кансекутыўнасць (змена поглядаў героя павінна адбіцца на яго жыцці), незваротнасць (прасвятленне героя робіць немагчымым

вяртанне да старого погляду на жыццё), непаўторанасць (змены не павінны паўтарацца, бо адбудзецца збліжэнне нарацыі з апісаннем) [3, с. 17–19].

Апавядальная (наратыўная) структура рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» – прыклад рэалістычнай нарацыі, у якой складана будзе разгледзець пяць вышэйзгаданых крытэрыяў падзейнасці, больш арыентаваных на літаратуру пострэалізму. Падзея ў М. Гарэцкага, калі браць пад улік тэорыю структуралістаў, хутчэй заключаецца ва ўнутранай, ментальнай перамене галоўнага героя рамана Мацея Мышкі, якая ўвасоблена ў пазнавальнай, маральнай змене. Ад «неразумення», месцамі наіўнага «захаплення», праз «крытычнае стаўленне» Мацей Мышка прыходзіць да набыцця ўласнага погляду на жыццё. Аднак праз гэтае «мастацкае сталенне» героя і яго нарацыю можна прагледзець яшчэ адну падзею, больш значную для разумення сутнасці рамана і яго ролі ў кантэксце беларускай літаратуры. Гэтая падзея – водгаласак жыцця і жыццёвага вопыту самога пісьменніка М. Гарэцкага, тая прыхаваная праўда, тое глыбокае разуменне рэчаіснасці, якое было немагчыма выказаць адкрыта. Таму пры аналізе наратыўнай структуры рамана «Віленскія камунары» апраўданым будзе зварот да класічнай трактоўкі наратыўнасці, распрацаванай такімі вучонымі 1920-х гадоў, як М. Бахцін, У. Проп.

Сярод дастатковай колькасці трактовак гэтага паняцця выдзяляецца трактоўка М. Бахціна: «Перад намі дзве падзеі: падзея, пра якую апавядаецца ў творы, і падзея самога аповеду (у гэтым апошнім мы і самі ўдзельнічаем як слухачы-чытачы); падзеі гэтыя адбываюцца ў розныя часы (розныя і па працягласці) і ў розных месцах, і ў той жа час яны непарыўна аб’яднаны ў адзінай, але складанай падзеі, якую мы можам пазначыць як твор у яго падзейнай паўнаце. <…> Мы ўспрымаем гэтую паўнату ў яе цэласнасці і непадзельнасці, але адначасова разумеем і ўсю розніцу момантаў, якія яе складаюць» [1, с. 403–404].

Пытанне «двайной падзейнасці» ў мастацкім творы выцякае з праблемы, якую М. Бахцін вызначае як праблему «асабістага аўтарства». На яго думку, «пазіцыя аўтара рамана ў дачыненні да адлюстраванай рэчаіснасці вельмі складаная і праблематычная ў параўнанні з эпасам, з драмаю, з лірыкай. Агульная праблема «асабістага аўтарства» тут ускладняецца неабходнасцю мець нейкую істотную нявыдуманую маску, што вызначае як пазіцыю аўтара (як і адкуль ён – прыватны чалавек – бачыць і раскрывае гэта прыват-

нае жыццё), так і яго пазіцыю ў дачыненні да чытачоў, да публікі (у якасці каго ён выступае з «выкрыццём» жыцця – у якасці суддзі, следчага, «сакратара-пратакаліста», палітыка, прапаведніка, блазна і г. д.)» [1, с. 310].

Усведамленне прысутнасці гэтай праблемы (праблемы асабістага аўтарства) у рамане «Віленскія камунары» дазваляе выказаць меркаванне, што вобраз Мацея Мышкі – гэта і ёсць тая «істотная, нявыдуманая» маска, якая дапамагае зразумець, адкуль сам пісьменнік «бачыць і раскрывае гэта прыватнае жыццё». А бачыць ён яго з самай глыбіні народа, з таго асяроддзя, што было блізкім і зразумелым яму – сялянскаму сыну, які разам з усімі абяздоленымі верыў абяцанням пра знішчэнне несправядлівасці жыцця. Іншая рэч – пазіцыя аўтара-творцы, якую ён прымае ў дачыненні да чытача, і тая мэта, якой ён жадае дасягнуць. Тут трэба нагадаць, што ад рэвалюцыі 1917 года да напісання рамана «Віленскія камунары» прайшло 15 год. За гэты час пісьменнік меў магчымасць пераасэнсаваць гэту значную гістарычную падзею, супаставіць спадзяванні з вынікамі, абяцанні з рэальна дасягнутым, а самае галоўнае, усвядоміць усё гэта праз уласны лёс, які быў не надта літасцівы да яго (за 15 год пісьменнік быў двойчы арыштаваны: першы раз белапалякамі за пракамуністычную дзейнасць, другі раз камуністамі па падазрэнні ў антысавецкай дзейнасці). Такая школа жыцця ўнесла сур'ёзныя карэктывы ў разуменне М. Гарэцкім сутнасці рэвалюцыйных падзей, і дзеля таго, каб паказаць сапраўдную рэвалюцыю, а не глянцавае гістарычнае апісанне, аўтару-творцу і спатрэбіўся вобраз Мацея Мышкі, чалавека, які прадстае перад чытачом часам дзіваком, часам прайдзісветам, а часам нават і героем. Гэта ўдалая знаходка пісьменніка-прафесіянала, бо, па словах М. Бахціна, «раманіст мае патрэбу ў нейкай істотнай фармальна-жанравай масцы, якая вызначыла б як яго пазіцыю, так і пазіцыю для апублікавання жыцця. Тут якраз маскі блазна і дурня, канечне, розным чынам трансфармаваныя, і прыходзяць раманістам на дапамогу... Вельмі важны момант пры гэтым – непрамое, пераноснае значэнне вобраза чалавека, суцэльная іншасказальнасць яго» [1, с. 311].

Безумоўна, мы не можам лічыць Мышку ні цалкам блазнам, ні дурнем, але пэўная шматграннасць вобраза (бо, на самой справе дзеянням Мышкі складана даць адназначную ацэнку) падводзіць чытача да разумення, што пісьменнік уступае з ім у пэўнае сумоўе, стварае нейкую сваю «падзею», якая ў дастатковай ступені адрозніваецца ад

хрэстаматыйнага апісання рэвалюцыі гісторыкамі. Уменне ўбачыць наяўнасць гэтай другой «падзеі», усведамленне «непрамога» значэння вобраза галоўнага героя, разуменне таго, што аўтар і чытач знаходзяцца ў розных часе і прасторы ў дачыненні да твора, і з'яўляецца ключом да правільнага разумення стылю М. Гарэцкага ў «Віленскіх камунарах».

У рамане «Віленскія камунары» ўзнікае шматузроўневасць тэксту, так званая дваякая падзейнасць апавядальнай структуры, дзе паралельна з гісторыяй (сюжэтам) самога рамана падтэкстава, завуалявана, паказваецца гісторыя сапраўдная. Такім чынам мы можам сачыць за дзвюма падзеямі: падзеямі рамана і падзеямі-фактамі гісторыі. Менавіта такое супастаўленне і выводзіць нас да разумення аўтарскай канцэпцыі.

Маўленне героя выглядае маналагічным толькі фармальна. Чытач увесь час адчувае аўтарскую пазіцыю, чуе інтанацыю М. Гарэцкага, які «даручае» персанажу расказаць пра ўласна перажытае і асэнсаванае. М. Гарэцкі фактычна стварае дзве рэальнасці, два планы, дзве падзеі – «ідавочнае» і «рэальнае». Першае – пастка для шэраговага чытача, другое – тое балючае, нацыянальна-адраджэнцкае, што хацеў акцэнтаваць М. Гарэцкі.

Калі задацца пытаннем аб мэце аўтара пры выкарыстанні падобнай стылістыкі, можна прыйсці да наступнага тлумачэння: Мышка – асоба, якая знаходзілася ў эпіцэнтры нацыянальных і рэвалюцыйных падзей, чалавек, які не пераасэнсоўвае, а дзейнічае ў экстрэмальных абставінах (яму няма часу думаць, што добра, а што дрэнна, што карэктна, а што не, бо для яго стаіць адна задача – выжыць). Ён апавядае, як усё адбывалася, з пазіцыі звычайнага бедняка, што некалі «паехаў у пралетарыі»; голас М. Гарэцкага ж (яго свядомасць) прыводзіць нас да разумення таго, якім коштам здабывалася пралетарыямі доўгачаканая свабода і роўнасць; з улікам набытага жыццёвага і гістарычнага вопыту ён быццам бы ўступае ў сумоўе з чытачом і гаворыць: паглядзіце, а яны ж, гэтыя маладыя і шчырыя рэвалюцыянеры, не ведалі, што рабілася ў кулуарах вялікіх палітыкаў. Можна сказаць, што голас М. Гарэцкага – гэта голас недалёкай паслярэвалюцыйнай гісторыі, голас Мышкі – голас рэальнага «маленькага чалавека» таго часу.

Такім чынам, прысутнасць аўтара, або «другой свядомасці» ў рамане ідавочная. З аднаго боку, мы бачым мастацкі твор з яго па-

дзейнай напоўненасцю, з другога – разумеем тую рознасць, якая існуе паміж мастацкім творам і рэальным фактам. Атрымліваецца, што падзеі ўвабралі ў сябе не толькі атмасферу рэвалюцыйнай эпохі, але і жыццёвы вопыт пісьменніка больш позніх часоў. Гэта дае падставу сцвярджаць: «падзея самога аповеду» больш шырокая, чым «падзея, пра якую апавядаецца».

І менавіта гэты кантраст прыводзіць да адчування ў рамане двух удзельнікаў, двух герояў, дзвюх «свядомасцей» – наратара Мышкі і пісьменніка М. Гарэцкага. Важна падкрэсліць, што без супастаўлення гісторый жыцця аўтара і героя немагчыма правільнае прачытанне твора.

М. Гарэцкі стварае такую літаратурную прастору, якая дае нам магчымасць не толькі быць удзельнікамі складанай літаратурнай падзеі пад назвай «твор», але і прыводзіць да разумення таго, што неабходна схіліцца да аналізу не толькі падзей унутры сюжэта, але і вынесці гэтыя падзеі за межы твора ў гістарычны кантэкст.

Спрыяе такой «двайной падзейнасці» незвычайны, сінкрэтычны, «рухомы» жанр рамана «Віленскія камунары», у якім спалучаюцца рысы пісьма паслядоўна-хранікальнага, апісальнага, своеасаблівай сямейнай сагі, а таксама авантурна-прыгодніцкага, плутаўскога, і разам з тым рэалістычнага, з тыповымі вобразамі і сітуацыямі, з сацыяльнай дэтэрмінаванасцю і гістарызмам.

Наяўнасць гэтых асаблівасцей, «двайная падзейнасць» апавядальнай структуры рамана і стылёвая паліфанія робяць раман М. Гарэцкага «Віленскія камунары» ўнікальным, што яшчэ раз пацвярджае меркаванне М. Бахціна: «аўтар гаворыць не толькі ад свайго імя, але і прымушае розныя моўныя выказванні ўзаемадзейнічаць адно з адным. Раманнае выказванне, такім чынам, шматлікае па сваёй сутнасці» [2, с. 65]. А гэта наводзіць на думку, што раман М. Гарэцкага «Віленскія камунары» можа быць удалым прыкладам для выкарыстання канцэпцыі інтэртэкстуальнасці пры яго аналізе.

Літаратура

1. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.

2. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред и вступ. ст. Г. Косикова; пер. с фр. – М. : Издат. ЛКИ, 2008. – 240 с.

3. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Тацццяна Дасаева
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

«ЧУЕ НА ГУК І НА ВОБМАЦАК РОДНАЕ СЛОВА…» (Галіна Гарэцкая: лёс і творчасць)

Галіна Гарэцкая ўвайшла ў гісторыю нацыянальнай культуры не толькі як дачка класіка беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага, але і як аўтар успамінаў «Наша сям'я», літаратурных артыкулаў, нарысаў, тэксталагічных каментарыяў. Лёс Галіны Гарэцкай драматычны, напоўнены суровымі выпрабаваннямі. Яна рана стала дарослай. Галі не споўнілася яшчэ і года, калі ў Вільні, дзе жыла сям'я Гарэцкіх, з 19 на 20 студзеня 1922 г. польскімі ўладамі быў упершыню арыштаваны яе бацька. Памятаць пра гэта яна не магла. Пазней пачула ад матулі, прачытала ў бацькавым творы «Камароўская хроніка». Наступныя арышты бацькі ўрэзаліся ў памяць назаўсёды. Галі было 9 гадоў, калі ў Мінску (сюды пераехала сям'я Гарэцкіх у канцы кастрычніка 1923 г.) з 18 на 19 ліпеня 1930 г. Максіма Гарэцкага зноў арыштавалі. Фактычна тады і скончылася яе дзяцінства. Па сфабрыкаваным абвінавачванні Максіма Гарэцкага асудзілі на пяць гадоў і выслалі ў Вятку. Жыццё сям'і рэпрэсаванага было складаным як у маральным, так і ў матэрыяльным плане.

Ужо з той пары Галя Гарэцкая адчула цяжар выпрабаванняў, якія выпалі на долю горача любімых ёю бацькоў і малодшага брата, і стала першай памочніцай маці. Так было ўсё жыццё, пакуль яны былі разам. У лістах, звяртаючыся да дачкі, Максім Гарэцкі пісаў: «Маладзец, што ты пасабляеш маці і насіла заказную бандэроль» (з ліста ад 4.01.1932 г.) [4, с. 432]. Пяшчотай прасякнуты і наступныя радкі: «Галінка, дачушка мая любая! Што ж гэта ў цябе плечкі няроўныя? Можа, мы вінаваты, а можа, ты сядзіш у школе няправільна. Старайся сядзець, пішучы і чытаючы, роўненька. Але нічога, не клапаці. У мяне правае плячо ніжэйшае – жыву. Што ты зробіш… І ты, Лёня, галубок, старайся сядзець роўненька. Сумна мне, падумаўшы, што не магу памагчы вам нічым» (з ліста ад 26.02.1932 г.) [4, с. 440].

«Бацька адмаўляў сабе ва ўсім і пасылаў з Вяткі грошы нам і бацькам у вёску, хоць мама і прасіла не трывожыцца за нас… Колькі сілы мела маці! Хадзіла на працу, пісала апавяданні, нарысы, пераклады. А дома дзеці. Трэба накарміць, дагледзець. Калодзеж не блізка, дроў мала, прадуктаў не хапае… І ўсё ж спяваць любіла,

толькі песні сумныя пяяліся» [3, с. 38], – напісала праз многа гадоў у сваіх успамінах «Наша сям'я» Галіна Максімаўна, захапляючыся мужнасцю бацькоў.

Менавіта ў гэтым дакументальна-мастацкім творы Галіна Максімаўна расказала пра перажытае сям'ёй Гарэцкіх. Трагічнае светаадчуванне выявілася ў яе вельмі рана, таму такой абвостранай была яе памяць, якая захавала да драбніц усё тое няўлоўнае для староннняга вока і дарагое для яе, звязанае з бацькам, якога гвалтоўна адарвалі ад сям'і, творчай працы; і маці, якая раздзяліла з мужам усе выпрабаванні, паехала да яго разам з дзецьмі летам 1932 г. у месца высылкі, каб не быў ён адзінокім, каб дзеціраслі і выхоўваліся ў поўнай сям'і, адчуваючы любоў і клопат бацькоў. За ўсё гэта Галіна Максімаўна была ўдзячная ім абодвум.

Нягледзячы на голад, неўладкаванасць побыту, там, у Вятцы, яны былі шчаслівымі, бо былі разам, адчувалі ўзаемную падтрымку, вялікую любоў адзін да аднаго. Лаканічна і стрымана, іншы раз нават з гумарам, пісала Галіна Максімаўна пра цяжкасці. Затое вельмі падрабязна, з цеплынёй і пяшчотай, апавядала пра хвіліны, калі побач быў бацька. Успаміны пра гэтыя імгненні саграваюць яе ўсё жыццё. Бацька вадзіў Галю і Лёню на прагулкі, любіў фантазіраваць, напрыклад, расказваў цікавыя гісторыі пра марсіян, аднойчы прыдумаў з Лёнем марсіянскую песню, а потым спявалі яе ўдвух; іграў на скрыпцы, балалайцы, зімнімі марознымі вечарамі паказваў дзецям сузор'і і зоркі, вучыў знаходзіць найбольш вядомыя. Максім Гарэцкі прывучаў дзяцей да самастойнасці, падтрымліваў іх творчыя здольнасці: развіваў схільнасць Лёні да канструявання, малявання, спорту; Галі раіў пісаць невялікія сачыненні, настойліва прасіў весці дзённік. Леаніла Усцінаўна і Максім Гарэцкі цешыліся, што іх дзеці добра вучацца, удзельнічаюць у грамадскім жыцці. «Як я цяпер разумею, – заўважыла Галіна Максімаўна, – радавала бацькоў маіх, што лёс, які выпаў сям'і нашай, не перашкодзіў належнаму выхаванню дзяцей, не адбіўся на ім» [3, с. 44].

Пасля адбыцця пяцігадовага тэрміну пакарання Максім Гарэцкі не вярнуўся з сям'ёй на Беларусь, застаўся у Расіі. Жылі ў пасёлку Пясочня Кіраўскай вобласці. Аднак выпрабаванні на гэтым не скончыліся. З 3 на 4 лістапада 1937 г. Максіма Гарэцкага зноў арыштоўваюць. 16 гадоў было тады Галі, Лёню – 15. Дзеці бачылі свайго бацьку апошні раз. Леаніла Усцінаўна пабачыла мужа

яшчэ 21 снежня 1937 г., калі Максіма Гарэцкага разам з іншымі арыштаванымі перавозілі з Кірава-Пясочні ў Вязьму. 8 студзеня 1938 г. яна прыехала ў Вязьму, каб атрымаць дазвол на перадачу мужу. Дазвол атрымала, перадала бялізну, цукар, махорку. У адказ Максім Гарэцкі даслаў апошнюю кароценькую запіску (яе захавала Галіна Максімаўна).

У лютым 1938 г. Леаніла Усцінаўна вярнулася ў горад Кіраў (былую Вятку). Крыху пазней, у гэтым жа годзе, Галя і Лёня паехалі ў Ленінград, паступілі на вучобу: Галя ў Ленінградскі педінстытут імя А. І. Герцана, дзе «вучылася ў мансійскай групе паўночнага аддзялення» [3, с. 58], Лёня – у Ленінградскі архітэктурна-будаўнічы тэхнікум.

Толькі 1 лістапада 1939 г. на шматлікія запыты Леанілы Усцінаўны пра лёс мужа ёй далі вусны адказ, што ён памёр 20 сакавіка 1939 г. у пасёлку Важаэль Комі АССР.

Вялікую Айчынную вайну Галіна Гарэцкая сустрэла ў 20-гадовым узросце. «Мне цяжка вайна далася. Летам 1941 г. прабыла на акопах пад Ленінградам, а ў канцы 1943 – пачатку 1944 г. працавала (у школе) блізка ад лініі фронта (пад Вялікімі Лукамі). Многа чаго наглядзелася, нацярпелася», – прызналася Галіна Максімаўна ў адрасаваным мне лісце ад 13.07.1997 г. 19-гадовага Лёню летам 1941 г. мабілізавалі ў армію. У 1944 г. ён загінуў пры прарыве блакады Ленінграда. Аб смерці брата Галіна Гарэцкая даведалася з ліста Леанілы Усцінаўны ад 21.04.1944 г. «Галя, забіты наш Лёня! Адна ты ў мяне засталася. Беражы сябе. Потым напішу падрабязней. Ён забіты 18 лютага, любы мой сыночак. Цалую і абдымаю моцна. Не можам мы і паплакаць разам» [1, с. 222]. Гарэцкія ўмелі падтрымліваць, супакоіць адзін аднаго ў цяжкія перыяды жыцця, а калі адбывалася непапраўнае, мужна пераносіць страты. Можна сказаць, што цяпер у сям'і Гарэцкіх Галіна стала галоўнай. Было ёй тады толькі 23 гады. У пасляваенны перыяд яна «была настаўніцай, а пасля цяжкай аперацыі працавала рэгістратарам у паліклініцы» [3, с. 58]. У 1947 г. Леаніла Усцінаўна пераедзе да дачкі ў Ленінград.

3 студзеня 1957 г. Галіна Максімаўна паслала заяву ў Пракуратуру СССР з просьбай аб пасмяротнай рэабілітацыі Максіма Гарэцкага. Яна робіць спробу даведацца пра месца і прычыну смерці бацькі. На афіцыйны запыт у пасёлак Важаэль атрымлівае паведамленне, што ў спісах зняволеных Максіма Гарэцкага няма. У 1958 г.

у Ленінградзе ёй уручылі пасведчанне аб смерці ад 2 ліпеня, дзе паведамлялася, што Максім Гарэцкі памёр 20 сакавіка 1939 г. ад кровазліцця ў мозг [5, с. 98–99].

Пасля незваротных страт (смерці бацькі і брата) галоўнай справай жыцця Галіны Максімаўны стала ўпарадкаванне і падрыхтоўка да выдання творчай спадчыны Максіма Гарэцкага. Спачатку яна займалася гэтым разам з маці. Яны прынялі рашэнне перадаць на захаванне матэрыялы сямейнага архіва Максіма Гарэцкага ў аддзел рукапісаў і рэдкай кнігі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа АН БССР (фонд 7). 26 верасня 1976 г. Леаніла Усцінаўна Чарняўская, восем гадоў прыкутая да ложка, памерла. Галіна Максімаўна засталася адна.

Калі на пачатку 80-х г. XX ст. на дзяржаўным узроўні было прынята афіцыйнае рашэнне аб выданні творчай спадчыны Максіма Гарэцкага, Галіна Максімаўна пачала актыўна супрацоўнічаць з Інстытутам літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР, дзе група тэкстолагаў прыступіла да вывучэння архіўных матэрыялаў Максіма Гарэцкага. У складзе гэтай групы пашчасціла быць і мне. Я рыхтавала да выдання «Летапіс жыцця і творчасці Максіма Гарэцкага». Вось тады я ўпершыню сустрэлася з Галінай Максімаўнай. Яна стала для мяне блізкім і дарагім чалавекам. Галіна Максімаўна была цікавым і ўважлівым суразмоўцам. Усё, пра што яна апавядала, захапляла, бо было напоўнена яркімі дэталямі, вызначалася змястоўнасцю і глыбінёй. Ад яе я шмат даведалася, многаму навучылася. Пачаліся сустрэчы і перапіска.

Галіна Максімаўна прыязджала ў Мінск. Мы гадзінамі сядзелі над тэкстам «Летапісу», удакладнялі ўсё да драбніц. Праца наша працягвалася і падчас перапіскі. Іншы раз у лістах Галіны Максімаўны было толькі пару абзацаў, адрасаваных непасрэдна мне. Усё астатняе тычылася «Летапісу». Як лейтматыў гучалі словы ўдзячнасці за зробленую працу і пажаданне-просьба ўнесці праўкі ў падрыхтаваны тэкст. «Прагледзела я «Летапіс» у 4-м томе. Шчыра дзякую Вам за ўсё, што Вы зрабілі і яшчэ зробіце, каб быў ён поўным, цікавым і дакументальна бездакорным», – пісала яна ў лісце ад 26.11.1987 г. Далей ішлі праўкі, удакладненні і новыя факты. Усё гэта я потым уключала ў «Летапіс», пастаянна папаўняла яго. Я многаму навучылася ў Галіны Максімаўны, але дасягнуць той дасканаласці ў тэксталагічнай працы, якой валодала яна, было проста немагчыма.

Па волі лёсу мы сталі сведкамі знамянальнай падзеі. Дзякуючы працэсам дэмакратызацыі, якія адбываліся ў грамадстве, пляменнік пісьменніка Радзім Гаўрылавіч Гарэцкі атрымаў магчымасць азнаёміцца са справай № 13036, якая была заведзена на Максіма Гарэцкага ў сувязі з яго апошнім арыштам у г. Кіраве. У пасведчанні аб смерці, выдадзеным у 1992 г., пазначана, што Гарэцкі М. І. памёр 10 лютага 1938 г. Прычына смерці – «расстраляны». Месца смерці – «невядомае» [5, с. 41]. На падставе архіўных дакументаў Радзім Гаўрылавіч напіша і апублікуе ў газеце «Літаратура і мастацтва» (1992, 9, 16 кастрычніка) артыкул «Расстрэл Гарэцкага». Як бачым, сапраўдная дата смерці Максіма Гарэцкага стала вядомай толькі праз 54 гады пасля таго, як ён пайшоў з жыцця. Дачцэ пісьменніка яшчэ раз давядзецца перажыць смерць бацькі, даведацца пра падрабязнасці апошняга арышту, допытаў, жахлівага прысуду. Душэўнае ўзрушэнне, боль ад перажытага былі настолькі моцнымі, што па стану здароўя Галіна Максімаўна не змагла прыехаць з Ленінграда на святкаванне 100-годдзя з дня нараджэння Максіма Гарэцкага, якое адбылося ў Горках у лютым 1993 г.

Як найвялікшую каштоўнасць захоўваю лісты Галіны Максімаўны. Люблю перачытваць іх. Мне здаецца, што ў лістах яна адкрылася мне найбольш поўна. Сустрэчы з Галінай Максімаўнай былі не такія частыя, як нам хацелася, а ў лістах адлюстроўвалася тое, што жыло ў нашых душах.

За ўважлівыя адносіны да творчай спадчыны Максіма Гарэцкага, да роду Гарэцкіх Галіна Максімаўна не стамлялася выказваць удзячнасць, як, напрыклад, у наступных фрагментах з лістоў да мяне: «Найвялікшы Вам дзякуй за «Летапіс…» і цікавы, сардэчны, падрабязны ліст ад 3.03.93 г. А яшчэ – за ўдзел у Гарэцкіх чытаннях, за ўніверсітэцкія лекцыі пра Максіма Гарэцкага і арганізацыю прагляду кінафільма “Максім Гарэцкі”» (з ліста 30.03.1993 г.). «Вельмі ўдзячная, што слухалі Вы па радыё перадачу пра кнігу «Народныя песні з мелодыямі», пра бабулю маю Ефрасінню Міхайлаўну. Шкада, што не задалося нам больш пагаварыць, што не пачула я Ваш болей падрабязны расказ пра гэтую перадачу. А не напішы Вы, я нічога пра яе і не ведала б. Колькі Вы мне радасці прынеслі, суцяшэння!» (з ліста ад 18.03.1998 г.).

Яна ўмела суперажываць. Вельмі спачувала, калі ў 1995 г. я страціла свайго тату, хораша адзывалася пра зборнік яго вершаў «Ля

падножжа маіх святынь», хваліла мяне за тое, што я пачала парадкаваць літаратурны архіў свайго бацькі. У лісце ад 12.05.1996 г. Галіна Максімаўна напісала: «Дарагая Таня! Хачу яшчэ раз падзякаваць Вам за дарагі мне падарунак – кнігу Міколы Жука, бацькі Вашага, «Ля падножжа маіх святынь». Кожны верш знайшоў у душы маёй водгук, дайшоў да самага сэрца. Так хочацца, каб было надрукавана ўсё, што пакінуў нам Мікалай Андрэевіч. Высакародны, таленавіты, ён стаў духоўна блізкім мне чалавекам. Ды, вядома ж, не толькі мне».

Нерэалізаванасць асабістага жыцця, адсутнасць уласнай сям'і, дзяцей не зрабілі яе чэрствай, абыякавай. У ёй жылі нерастрачаныя мацярынскія пачуцці, якія мы, хто быў з Галінай Максімаўнай, адчувалі на сабе. Яна радавалася нашым поспехам, любавалася нашай маладосцю.

Мне здаецца, што Галіна Максімаўна ўспрымала нас як сваіх дзяцей, а нашых дзяцей – як сваіх унукаў, а інакш адкуль такая цеплыня, шчырасць, замілаванасць, пяшчота... Хочацца верыць, што і яе саграваці нашыя любоў, сардэчнасць, адкрытасць, моцная прывязанасць да яе, давер. Спадзяюся, што было гэта для Галіны Максімаўны важным (адчула па яе лістах), бо яна, такая мужная, моцная, была адначасна безабароннай, адзінокай, ранімай.

Іншы раз Галіна Максімаўна выказвала свой смутак, спавядалася: «IV-я Гарэцкія чытанні прайшлі, на мой погляд, добра. Уражанняў, вядома, многа. Многа і ўдзячнасці да іх арганізатараў і да ўсіх, хто прыняў удзел у гэтых чытаннях. Некаторы смутак у маёй душы ўсё ж узнік і трымаецца. Можа таму, што пабывала я ў мясцінах, дзе многае напомніла мне маё дзяцінства (Горкі, М. Багацькаўка), напомніла блізкіх, дарагіх мне людзей, якіх ужо няма. Сумна, што вельмі ж знямоглай стала стрыечная бацькаўская сястра Клаўдзя, што і сама я ўжо не такая, якой была нават год таму назад, на III-іх чытаннях» [ліст ад 13.07.1997 г.].

Асабліва дарагім з'яўляецца для мяне ліст ад 13.07.1997 г., у якім Галіна Максімаўна пад уражаннем ад прачытаных вершаў майго бацькі, Мікалая Андрэевіча Жука, успамінала пра брата Лёню, які загінуў на вайне, пра матулю: «Учора быў у мяне дзень успамінаў. Чытала «Ля падножжа маіх святынь», адчула моцную ўдзячнасць да паэта за тое, што ўсё жыццё помніў ён загінуўшых на вайне, стараўся ўшанаваць іх памяць: «Загінулі ў бітвах суровых, а з думак маіх не ідуць».

А як добра разумеў Мікалай Андрэевіч гора матак, якія згубілі сыноў сваіх на вайне: «Даўно ў магілах спяць салдаты, а маткі іх жывымі сняць…».

Я помню, як незадоўга перад смерцю мама трохі задрамала пад вечар, а як прачнулася, сказала мне з прасветленым тварам: «Бачыла ў ва сне цябе і Лёню, маладымі, у шэранькіх джэмпярочках. Рада была хоць так, у ва сне, пабачыць забітага на вайне сына».

Галіна Максімаўна вяла аскетычны лад жыцця: строгае адзенне някідкіх колераў (галоўнае, каб было зручным, практычным); простая стрыжка (звычайна хадзіла з грабенчыкам у валасах); харчаванне як неабходнасць (не да прысмакаў было). На ўсіх этапах свайго жыцця Галіна Максімаўна ведала, што такое нястача, нават голад, абмежаванасць матэрыяльных сродкаў, таму жыла сціпла, эканомна, мела толькі самое неабходнае. Пра матэрыяльныя цяжкасці ўласнага побыту гаварыць не любіла.

На пытанне, хто ёй дапамагае, адказала так: «Дапамога мне пакуль што не патрэбна. Жыву дружна з нашчадкамі дзядзькі майго – Івана Гарэцкага, а таксама з сяброўкамі маімі старымі. Ёсць з кім падзяліцца, сустрэцца. Спраўляем дні нараджэння, праведваем блізкіх сваіх на могілках, сустракаемся на святы, часам і ў буднія дні. На вялікі жаль, наш дружны калектыў пачаў радзець: у апошнія гады некалькі чалавек памерлі ад розных хвароб» (ліст ад 10.10.1995 г.).

У выяўленні пачуццяў Галіна Максімаўна была стрыманай, а калі адкрывалася – колькі ў ёй было маладога тэмпераменту, рамантычных усплёскаў эмоцый! Стрыманасць зыходзіла ад яе самой. Яна нібыта рабіла ўстаноўку: немагчыма быць шчаслівай, калі столькі пакут выпала на долю яе родных і блізкіх. За стрыманасцю хавала несціханы боль. Адкрывалася не кожнаму, а толькі тым, да каго адчувала давер, прыязнасць.

Дабрыня, спагадлівасць спалучаліся ў Галіны Максімаўны з прынцыповасцю, бескампраміснасцю. Першае выяўлялася ў адносінах да людзей, якіх яна добра ведала, якім давярала, якіх любіла. Другое – да тых, з кім разыходзілася ў поглядах на жыццё, творчасць, маральныя нормы. З апошнімі не хацела мець ніякіх стасункаў. У гэтым бачыцца спадчынная рыса Гарэцкіх. Па словах Галіны Максімаўны, Максім Гарэцкі, «з тымі нямногімі, хто не падабаўся яму, ніякіх адносін не меў. Да апошніх гадоў гэтай рысе свайго характа-

ру не здрадзіў. Людзей шанаваў, добра адносіўся да ўсіх, з кім прыходзілася жыць, працаваць, сустракацца» [3, с. 33].

Літаратурны талент Галіны Максімаўны адзначалі ўсе, хто яе ведаў. Ён выявіўся ў яе ўспамінах, артыкулах, нарысах, тэксталагічных каментарыях, нарэшце, у яе лістах. Гэта была таксама спадчынная рыса па бацькоўскай і мацярынскай лініях. Як трапна заўважыў Максім Лужанін, Галіна Максімаўна «чуе на гук і на вобмацак роднае слова, і так яго падае, што возьмеш скупыя радкі ўспамінаў і не адарвешся» [6].

У калейдаскопе жыццёвых малюнкаў, адлюстраваных ва ўспамінах «Наша сям'я», Галіна Максімаўна вылучае постаці бацькі, маці, брата. Асабліва бацькі. Дакладнымі, выразнымі мазкамі стварае яна партрэт Максіма Гарэцкага, раскрывае яго духоўны свет. Кожнае яе слова напоўнена пяшчотай, замілаваннем. Напрыклад, у эпізодзе, дзе згадваецца, як Максім Гарэцкі з дачкой ехаў у Багацькаўку: «Раніцай прыехалі ў Смаленск. Пайшлі ў горад… Насустрач групкамі і па адным чырвонаармейцы. Некаторыя мне падмігваюць: «Гэй, курносая!» Глянула сарамліва на бацьку, а ён ідзе справа побач, стройны, дужы і ўсміхаецца. У сінім шавіётавым касцюме, белай летняй фуражцы. Вышэй сярэдняга росту быў, вочы карыя, даволі вялікія, хоць і глыбокія. Усмешка прыгожая, добрая. Сорак тры гады было яму, а мне пятнаццаць» [3, с. 50]. І яшчэ пра адно наведванне Багацькаўкі: «З канца саду ішоў да мяне бацька, энергічны, любы мне» [3, с. 57].

Вялікая любоў да бацькі дазваляла Галіне Максімаўне адчуваць яго настрой, прадугадваць душэўны стан. Увасобленая ў мастацкім слове, гэтая пранікнёнасць, заглыбленасць асабліва ўражвае. «Помню заўважаны мною, дзяўчынкаю, міг усхваляванасці ў бацькі. Цвіў у Вятцы бэз, і выдаўся цёплы сонечны вечар. Я прынесла аднекуль пышны букет фіялетавага бэзу. Тата ўсё падыходзіў да яго, не гаварыў нічога, а быў неяк радасна ўсхваляваны. Можа ўспомніў што ці проста вясну адчуў» [3, с. 45], – пісала Галіна Максімаўна.

Менавіта дзякуючы ўспамінам Галіны Максімаўны, разам з успамінамі іншых людзей, постаць Максіма Гарэцкага паўстае ва ўсёй шматграннасці. І самыя тонкія грані, і глыбінныя рысы характару раскрыла менавіта дачка пісьменніка. Тое ж можна сказаць і ў дачыненні да паказу духоўнага свету Леанілы Усцінаўны Чарняўскай, Гаўрылы Іванавіча Гарэцкага, брата Лёні.

У дакументальна-мастацкай прозе Галіны Гарэцкай праступаюць і адметныя рысы самой аўтаркі: паэтычнасць натуры, здольнасць адчуваць навакольны свет ва ўсім багацці фарбаў, адценняў, гукаў, як, напрыклад, у фрагменце ўспамінаў, дзе Галіна Максімаўна перадае дзіцячыя ўражанні, што засталіся ад Горак. Там сям'я Гарэцкіх пражыла два шчаслівыя гады: «Запомніліся Горкі мноствам кветак. Адзін раз хадзілі з бацькам туды, дзе іх было цэлае мора, чырвонабарвовае… Каля дома нашага, як выйсці, ад ганка справа і злева за дом – вялікі кветнік быў. Луг насупраць дома бываў ружовы ад маргарытак, і ў летні ясны ранак я ўлоўлівала ў паветры над імі ледзь чутную дзівосную музыку» [3, с. 38]. Адчуванне хараства прыроды, паэтычнасць у самыя цяжкія хвіліны жыцця вярталі Галіне Максімаўне душэўную раўнавагу, надавалі моц яе характару.

Стылю літаратурных твораў Галіны Максімаўны ўласцівы лаканізм, дакладнасць, яркасць мастацкай дэталі, ёмістасць слова, лексічнае багацце, адметны сінтаксіс. Сама Галіна Максімаўна адмяжоўвала сябе ад паняццяў «літаратурны талент», «творчасць», «літаратуразнаўчая праца», тым больш ад прызнання яе заслуг. А яна ж была бібліёграфам, тэкстолагам, літаратуразнаўцам, мовазнаўцам, фалькларыстам, празаікам у адной асобе. Галіна Максімаўна катэгарычна адмовілася ад прапановы ўступіць у Саюз пісьменнікаў Беларусі. У гэтым выявіліся яе неверагодная сціпласць, вялікая патрабавальнасць да сябе – спадчынныя рысы роду Гарэцкіх.

Яна была вельмі далікатнай і разам з тым магла сказаць у вочы не вельмі прыемныя, але справядлівыя словы, выказаць сваё меркаванне публічна ў друку. Абурэнне Галіны Максімаўны выклікалі, напрыклад, публікацыі, якія тычыліся яе бацькоў, дзе былі дапушчаны недакладнасці, памылкі, скажэнне фактаў. Аднойчы яна напісала мне: «Радзім прыслаў 2-гі том «Энцыклапедыі Беларусі», дык там маці мая прадстаўлена як мужчына. У артыкуле пра Бягомльскі музей народнай славы (с. 159) сказана: «Сярод экспанатаў музея матэрыялы пра беларускіх пісьменнікаў П. Панчанку, Ю. Свірку, А. Ставера, Л. Чарняўскага….». У пачатку 70-х гадоў мы паслалі, па просьбе загадчыка музея, некаторыя матэрыялы для экспазіцыі. Спадзяюся, што ператварэнне Л. Чарняўскай у Л. Чарняўскага адбылося толькі ў энцыклапедыі» [ліст ад 10.10.1995 г.].

Права на такую крытыку Галіна Максімаўна заслужыла дакладнасцю, выверанасцю ўласных матэрыялаў, падрыхтаваных ёю для

апублікавання. Разважаючы пра спадчынныя рысы роду Гарэцкіх, Галіна Максімаўна найперш успамінала бацькаву маці, «любую бабу багацькаўскую» [3, с. 24]. «Бацька лічыў, – пісала яна, – што моц духоўную ў цяжкім жыцці прыдавала Ефрасінні Міхайлаўне не вера ў Бога, а паэтычнасць яе душы, веданне стольхіх песень, народных абрадаў, здольнасць адчуваць хараство іх, і хараство прыроды» [3, с. 27]. Паэтычнасць натуры ўласцівая ўсім Гарэцкім. Іх аб'ядноўвае любоў да народнай творчасці, мастацтва, адчуванне хараства прыроды. Гэта не толькі аснова іх духоўнай і фізічнай моцы, але і выдатных прафесійных дасягненняў, літаратурнага таленту.

Галіна Максімаўна ганарылася прыналежнасцю да роду Гарэцкіх, падтрымлівала цесныя сувязі з роднымі. Асабліва любіла бацькавага брата Гаўрылу Іванавіча і яго сям'ю. Гаўрыла Іванавіч таксама прайшоў праз рэпрэсіі (цудам застаўся ў жывых), а яго сям'я зведала цяжкія выпрабаванні. Сем'і братоў Гарэцкіх сябравалі, падтрымлівалі адна адну. Пасля смерці Максіма Гарэцкага Гаўрыла Іванавіч, па-сутнасці, быў для яго дзяцей Галі і Лёні як родны бацька. Варта толькі прачытаць лісты Лёні Гарэцкага з фронта да дзядзькі, і ўсё адразу становіцца відавочным.

Галіна Максімаўна прысвяціла Гаўрылу Іванавічу Гарэцкаму – акадэміку АН БССР, сусветна вядомаму вучонаму ў галіне геалогіі – твор «Дзядзька Гурык», у якім раскрыла сваю любоў да дзядзькі і любоў Максіма Гарэцкага да брата. Кожнае слова тут прасякнута любоўю да роднага чалавека. Чаго варты адзін толькі сказ: «Імя Гурык так і засталося за ім для блізкіх яго на ўсё жыццё. Каму – дзядзька Гурык, каму быў проста Гурык, а найбліжэйшыя і цяпер скажуць – Гурэечка» [2].

Галіна Максімаўна апавядала, як у 1951 г. разам з матуляй «выправілася з Ленінграда ў Растоў-на-Доне, далей плылі двое сутак на параходзе» [2], каб трапіць у станіцу Раманаўскую пагасцяваць у сям'і дзядзькі. Відаць, Гаўрыла Іванавіч хацеў, каб вандроўка хоць на пэўны час адцягнула ўвагу дарагіх яго сэрцу людзей ад перажытага, якое балела і яму. Па словах Галіны Максімаўны, «кіраваў ён тут інжынерна-геалагічнымі вышукваннямі, што папярэднічалі будаўніцтву Цымлянскага гідравузла, а таксама стварэнню Цымлянскага вадасховішча» [2]. Падчас той вандроўкі Галіне было толькі 30 гадоў. Маладая, прыгожая, разумная дзяўчына, за плячыма якой столькі гора і роспачы. Але трэба было стрымліваць пачуцці,

каб ненарокам не патрывожыць матулю, засцерагаць яе ад цяжкіх успамінаў.

У творы «Дзядзька Гурык» ёсць невялічкая пейзажная замалёўка, напоўненая глыбокім падтэкстам. Яна не толькі перадае душэўны стан Галіны Гарэцкай, але і вытлумачвае «загадку» духоўнай моцы Гарэцкіх. «Хмурным днём выйшлі ўпершыню ў данскі стэп, і раптам я пабегла. Расхінула пахучае травамі паветра, пакуль не здаволілася. Адчула стэпавы прастор. Цудоўнае было паветра, гаючае. Можа і яно прыдавала дзядзьку Гурыку нястомныя сілы» [2], – пісала Галіна Максімаўна. Новыя мясціны, бязмежнасць стэпу, уражанні ад незвычайнай, поўнай рамантыкі і таямнічасці, працы дзядзькі Гурыка, які здабываў «скарбы зямлі» – усё гэта вярнула Галіне Гарэцкай душэўную раўнавагу, надало фізічнай моцы, абудзіла новыя пачуцці. Яна наблізілася да дзядзькі Гурыка: глыбей спасцігла яго чалавечую сутнасць, пранікласся яго працай, адчула яго трывалую сувязь з «родным карэннем» (гэта рыса ўласцівая ўсім Гарэцкім).

Галіна Максімаўна раскрыла багаты духоўны свет Гаўрылы Іванавіча: «Я чула, што дзядзька Гурык дае паэтычныя, як кажуць, былінныя назвы некаторым прарокам. Вось і скажу пра любоў яго да народных спеваў, у прыватнасці, да беларускіх. Будзе слухаць песні па радыё, на канцэртах, будзе сачыць за ўсімі беларускімі фальклорнымі зборнікамі, і таму яшчэ, што неабыякавы да творчасці народнай, і таму, што амаль у кожным з іх ёсць песні, запісаныя калісьці ад яго маці – Ахрасінні Міхайлаўны» [2]. Вось яны, вечныя крыніцы творчасці, – матуля, родная зямля, духоўныя скарбы народа. І ўсе Гарэцкія стаялі ля вытокаў гэтых крыніц.

Апавядаючы пра геалагічныя экспедыцыі Гаўрылы Іванавіча, Галіна Максімаўна з захапленнем адзначала: «Колькі чарговых адпачынкаў выкарыстоўваў дзядзька Гурык для ўсё новых і новых геалагічных пошукаў. Міжволі ў гэтым параўноўваю яго з бацькам маім. Так жа і бацька мой ездзіў, шукаў, ахвяруючы для навукі, для сваёй творчасці кожную часіну. І, мусіць, такая апантанасць, як у іншых, падобных ім, самаадданых сваёй справе людзей, толькі ўзмацняе духоўныя і фізічныя сілы» [2]. Шматграннасць асобы Гаўрылы Іванавіча Галіна Максімаўна дапоўніла яшчэ адным істотным штрыхом: «Ён не ўяўляў сабе паўнацэннага творчага жыцця ў галіне навукі без жывейшай цікавасці ў пытаннях літаратуры і мастацтва» [2].

Саму Галіну Гарэцкую падчас незабыўнай вандроўкі ўразілі ўнікальныя знаходкі геолагаў: «Адзін жаночы бранзалет здзівіў. Варажылі, на чыёй жа такой тонкай руцэ быў ён? З найцікавейшых знаходак – багатая, з унікальнымі каштоўнасцямі, магіла качэўнай жанчыны-воіна, пахаванай разам з канём» [2]. Такая рэакцыя на ўбачанае яшчэ раз засведчыла паэтычнасць натуры Галіны Гарэцкай.

Галіна Максімаўна – яркая прадстаўніца двух радоў: Гарэцкіх і Чарняўскіх. Асабліва выразна выявіліся ў ёй спадчынныя рысы Гарэцкіх, найперш духоўная моц, адданасць свайму роду, высокая чалавечая годнасць, любоў да Бацькаўшчыны, роднай мовы, народнай творчасці, глыбокая ўнутраная культура, літаратурны талент, вытанчанасць пачуццяў, паэтычнасць натуры, мужнасць, прынцыповасць, стрыманасць, любоў да людзей.

Успаміны «Наша сям'я», якія пабачылі свет у 1984 г., завяршаюцца наступнымі словамі Галіны Максімаўны: «Літаратурная спадчына бацькоў маіх засталася жыць. Франтавыя лісты брата былі апублікаваны ў часопісе «Маладосць» № 9 за 1974 год і «Юность» № 4 за 1975 год» [5, с. 58]. Колькі за гэтымі словамі перажытага, выпакутаванага. Колькі падзвіжніцкай працы і вялікай радасці, шчасця ад пачуцця выкананага абавязку.

Творчая спадчына самой Галіны Максімаўны Гарэцкай – неад'емная частка гарэцказнаўства. Выданне яе эпісталярнай спадчыны істотна дапоўніць і ўзбагаціць яго.

Літаратура

1. Адамовіч, Алесь. Браму скарбаў сваіх адчыняю… / Алесь Адамовіч. – Мінск : Выд. БДУ, 1980. – 224 с.

2. Гарэцкая, Галіна. Дзядзька Гурык / Галіна Гарэцкая // ЛіМ. – 1988. – 2 снежня.

3. Гарэцкая, Галіна. Наша сям'я / Галіна Гарэцкая // Максім Гарэцкі : Успаміны, артыкулы, дакументы. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 366 с.

4. Гарэцкі, М. Творы / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 629 с.

5. Гарэцкі, Р. Ахвярую сваім «я» … (Максім і Гаўрыла Гарэцкія) / Р. Гарэцкі. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 287 с.

6. Лужанін, Максім. Духоўная апантанасць (Лёс Максіма Гарэцкага і яго роду) / Максім Лужанін // ЛіМ. – 1991. – 17 мая.

Ксения Дементьева
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Функционирование средств массовой информации в «новых условиях» поменяло медиасистему, по-другому распределив первенство между ее видами – по силе влияния стали лидировать телевидение и Интернет. Но и в сегодняшней России именно газеты остаются необходимым посредником между человеком и мировым и региональным сообществами. По данным ВЦИОМ, две трети россиян думают, что всегда найдутся люди, согласные оплачивать качество и аналитику хороших газет и журналов (66 %).

Газетная периодика – одна из древнейших классических форм средств массовой информации. Сейчас она обладает немалыми самобытными ресурсами быстро, беспристрастно, адекватно или искаженно отражать реальную действительность. Несомненно, важное значение имеет доверие к печатному слову, ставшее традицией. Газета в регионе «служит традиционным, а значит и вызывающим высокий уровень доверия, средством массовой информации» [2, с. 3]. Печатные СМИ имеют достаточно устойчивые позиции, прежде всего потому, что интеграция различных видов информации в одном телевизионном или компьютерном виде не заменяет текста. Также во время советской власти общество всецело доверяло печати, и до сих пор пресса имеет достаточно сильное воздействие на сегодняшнее массовое сознание России, организуя его и моделируя его внешнее отражение в виде общественного мнения.

Пресса владеет «огромной силой, не только зеркально отражая общественное мнение, но и формируя его. И еще им манипулируя» [1]. Умение читателя понимать политические вопросы формируется благодаря публичности тех сведений, которые за небольшую цену представляются масс-медиа [9, с. 176]. «Пресса равна общественному состоянию и общественному строению. Они как сообщающиеся сосуды: если идет падение гражданских желаний и реформистских стремлений из-за неоправдавшихся надежд, это один к одному сказывается на прессе» [13, с. 337]. Современное российское общество демонстрирует достаточно широкий спектр разных возможностей для управления и манипулирования общественным мнением по-

средством печатных средств массовой информации. В России пресса выражает разные мнения и нацелена на различные социальные слои. Кроме того, по заключению Ю. А. Левады, «именно в газете настоящая аналитика и может быть. Только газета способна давать обоснованную, аргументированную точку зрения» [11, с. 335]. Н. Луман отмечал относительно этого: «потребители информации рано или поздно понимают, что масс-медиа – экономические субъекты и регулируются прибылью, т. е. продают не истину или объективную реальность, а товар. Но противоречие заключается в том, что других способов познать реальность, с которой непосредственно познакомиться ты не можешь, у человека, как правило, нет. Следовательно, у любого думающего субъекта появляется необходимость потребления качественного, на его взгляд, товара. И первым показателем качества информационного товара для большинства является аналитичность» [10, с. 184].

Рассмотрим русскоязычные и национальные издания Республики Мордовия. Региональная пресса пользуется неизменным спросом у своей аудитории. Тиражи периодических изданий в Мордовии, несмотря на экономически нестабильную ситуацию в стране, остаются на прежнем уровне. Кроме того, именно российские регионы проявляются как субъекты развития, тогда как федеральная власть лишь регулирует региональные программы.

Роль региональной прессы значительна в создании культуры у населения республики, в получении умений самореализации в условиях современного состояния России. Эффективность влияния региональной прессы на развитие различных областей общественной жизни, по нашему мнению, будет повышаться. Это, в первую очередь, обусловлено задачами, поставленными перед населением республики по налаживанию комфортной жизни. Речь идет, прежде всего, о социально-политических задачах, о продуктивном воздействии механизма информационного управления общественными процессами, формирующегося в регионе, умеющего, при условиях поддержки и неугасающего внимания к нему, разрешить проблемы, связанные с консолидацией мнений населения. Явственна и такая склонность, уже полностью проявившаяся в демократических странах запада, как подчиненность средств массовой информации финансовым возможностям их учредителей и спонсоров. Нужно отметить и многообразие функциональных ресурсов региональной прессы, которые во

многом объясняются особенностями зоны распространения. Печать действует на всей территории региона, динамично формируя общественное мнение, адресуя свою продукцию различным слоям населения. Разнообразный выбор региональных периодических изданий позволяет целеустремленно формировать вполне конкретное отношение населения к политике властей, склонное, однако, к ее полному одобрению, нежели затрагиванию вопросов неприятия данной политики. В центре работы сегодняшних региональных, а тем более районных газет, находится рядовой человек. Информация, излагаемая печатными изданиями, должна расширять его кругозор, уважать его интересы, отображать плюралистическую направленность гражданского общества, склоняться к объективности. С этой целью региональной общественности и печати нужно активно взаимодействовать. Информация, проходящая через местную прессу, должна способствовать согласию в региональном обществе, его развитию и равновесию.

Региональная пресса во всем ее многообразии отражает различные события культурной и политической жизни общества, расширяя свою аудиторию и, следовательно, сферу воздействия того или иного события, интерпретируемого печатными изданиями. Опыт истории показывает, что печать способна служить разным, а иногда и полярным целям: просвещению людей, развитию у них чувства собственного достоинства, потребности в свободе самовыражения, способствованию взвешенному принятию решений, максимальному обогащению личности, но также склонна и «духовно порабощать, дезинформировать и запугивать население, разжигать массовую ненависть и сеять недоверие и страх» [3, с. 45].

Трансляция мнения населения через печатные издания может выражаться в отображении прессой общественного мнения. Это предоставляет возможность расширить поле действия, доводить целевую информацию до разных социальных групп. Использование такого способа выражения оценок народных масс закрепляет в журналистском дискурсе категорию «общественное мнение», делая возможным характеристику и исследование истинного интереса средств массовой информации к суждениям населения. На основании изучения средств массовой информации можно судить об их обращении к мнению населения, ориентируясь на различные текстуальные выражения понятия «общественное мнение». Оно может принимать

такие формы, как «мнение граждан», «мнение населения города», «массовое мнение» (категория 1), может не содержать слово «мнение» вообще – «население считает, что...», «жители Мордовии возражают против...» (категория 2).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что в лексиконе журналистов и, следовательно, в общественном сознании, категория «общественное мнение» пока закреплена несущественно. Доля статей в газетах, упоминающих данную категорию, не превышает 13 %. Однако можно заметить, что во всех проанализированных изданиях количество материалов, употребляющих выражения категории 1, интенсифицируется к 2010 году. Все чаще встречаются тексты, в которых говорится об изучении общественного мнения в рамках региона. Например, следующие: «Принятию закона предшествовала огромнейшая работа по изучению опыта других регионов. Также мы выясняли общественное мнение представителей нашей республики, слушали педагогов, родителей, самих подростков, поэтому закон проработан досконально, с учетом всех мнений» [4]; «Успешное социально-экономическое развитие, движение вперед возможно лишь тогда, когда решения, принимаемые властью, основаны на мониторинге общественного мнения, когда они вызревают в недрах самого общества и учитывают интересы разных слоев населения» [4]; «Центральная детская библиотека Мордовии подвела итоги социологического исследования «Мы – финно-угры! Наши корни едины!», целью которого являлся мониторинг читательских мнений о межэтнической толерантности» [7]. По нашим наблюдениям, газета «Известия Мордовии» чаще всего апеллирует к категории «общественное мнение».Этот оборот регулярно появляется в высказываниях представителей власти, к нему обращаются и сами журналисты. Также газета (при поддержке городских властей) проводит акции по изучению мнения горожан по поводу определенных вопросов, например, таких как выбор цвета Кафедрального Собора, обсуждение Послания Федеральному Собранию Президента РФ или голосование за проекты Единой архитектурно-градостроительной концепции Саранска к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства [4].

В других проанализированных изданиях категория «общественное мнение» употребляется реже, но чаще встречаются такие выра-

жения, как «жители полагают, что…», «горожане выражают протест», «многие надеются, что…» и др. Например, корреспонденты газеты «Столица С» нередко употребляют в своих статьях вышеназванные выражения: «Судя по настроениям жителей республики, чемпионат мира они ждут как сказку. Этой мечтой живут все, начиная от простых граждан и заканчивая руководством региона. «Нет гостиниц. Ну и что? Построим, – говорят горожане. – … Стадион же построить можно, как и всю инфраструктуру. Были бы деньги и желание работать!» [7] Однако очень редко подобные конструкции подкрепляются данными о проведенных опросах жителей города (например, «Пока леди Гага шокирует общественность своим платьем из свежей говядины, жители Саранска назвали свои самые любимые мясные продукты. Маркетинговое исследование провел агрохолдинг «Талина» [7]). Данный факт не позволяет полностью доверять материалам, использующим подобные категории «общественного мнения». Мы полагаем, что часть публикаций рассчитана на доверие читателей и содержит скорее лишь предположение о том, что «думают горожане», мнение отдельных людей, а возможно, даже личный взгляд автора статьи. В 2010 году статей, содержащих такие выражения, как «жители полагают, что…», «горожане выражают протест», «многие надеются, что…» и др. было также больше во всех проанализированных изданиях. В газете «Известия Мордовии» насчитывается 11 % от общего количества публикаций за год, в «Столице С» – 10 %, в газете «Маяк» – 13 %.

В национальной печати ссылки на общественное мнение встречаются редко, но обращение к мнению общества проявляется в подтексте, когда журналисты пытаются в своих публикациях объединить всех эрзян, мокшан или татар, поднимая национальное самосознание народа. Например, это наблюдаем в материалах: «Эрзянь культурась – питневдеяк питнев сюпавчи» («Культура эрзян – ценность»): «…Хорошо, когда народ любит культуру, бережет ее, свой язык, старинные обряды и традиции… Когда люди вносят вклад в сохранение всего того богатства, которое передали нам наши предки…» [8]; «Марятама инксост гордость» [6] («Чувствуем за них гордость»): статья про победу О. Каниськиной и В. Борчина на чемпионате мира в Берлине в 2009 году.

Согласно классическому исследованию П. Лазарсфельда, представители масс-медиа могут оцениваться как лидеры мнений, обе-

спечивающие двухступенчатый поток коммуникаций от населения во власть и обратно [14, p. 64]. Взаимодействие граждан и средств массовой информации в современном обществе нельзя оценить однозначно. С одной стороны, декларируемая представителями масс-медиа приверженность открытости, независимости, идеалам демократии и гласности привлекает значительную часть населения, с другой — требования рыночной экономики вынуждают прессу ориентироваться в первую очередь на возможную прибыль, экономическую выгоду, что позволяет судить о журналистах как ангажированных, необъективных трансляторах интересов определенных экономических и политических групп. Однако, несмотря на признание значительной частью российского общества отсутствия независимости масс-медиа, уровень доверия данному социальному институту в сравнении с прочими в нашей стране остается высоким. Так, согласно данным статистического опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в августе 2010 года, 21 % россиян чаще всего узнает новости, читая печатную прессу.

Еще одно противоречие восприятия масс-медиа, наблюдаемое в современном российском обществе, во многом обусловлено двойственностью отношения прессы к общественному мнению. Одновременно формируя и выражая мнение населения, печать не может быть оценена однозначно субъектом мнения – большинство социологических опросов показывает, что газета характеризуется одновременно и как выразитель общественных интересов, и как манипулятор массовым сознанием. Однако, несмотря на неоднозначность отношения населения к масс-медиа, последние все же могут восприниматься как канал выражения общественного мнения, а журналисты характеризоваться как выразители мнения масс.

Трансляция мнения населения через прессу может осуществляться тремя основными способами. Первый заключается в публикации писем читателей на страницах газет. Данный способ обеспечивает наименее искаженное представление суждений населения, поскольку не предполагает журналистской цензуры. Ближе всего к читателю в этом плане оказалась районная газета. Например, в подрубрике «Свежая почта “Маяка”» опубликованы сразу несколько писем читателей газеты с просьбами: «Житейские заботы маленькой Олевки», «Вода – это святое», «Лестницу-спасительницу ломают!». В последнем письме жители пер. Луначарского обращаются к молоде-

жи с просьбой не ломать лестницу, соединяющую улицу с центром: «… не безобразничайте, уважайте труд других, любите свой город!» [5] Особенностью такого канала выражения общественного мнения является то, что через письма в прессу люди открыто выражают свое мнение по поводу того или иного предмета, не опасаясь какой-либо негативной реакции со стороны кого бы то ни было, т. к. написание письма предоставляет автору выбор – подписываться или нет своим именем, что не дает возможности установить личность писавшего.

Обращения жителей региона в редакции газет, порядок рассмотрения которых не регулируется каким-либо федеральным или региональным законом (в том числе и законом «О средствах массовой информации»), являются действенным каналом выражения общественного мнения, существующим в нашей стране довольно давно. В советское время направление писем в газеты считалось продуктивным способом актуализации некой проблемы, а также давало надежду на то, что спорный вопрос решится, при этом усилилась бесспорная политическая ангажированность всех средств массовой информации, а также вера в их обладание реальной властью. Однако с начала 1990-х гг. поток писем граждан в газеты сократился. Это связано со значительным уменьшением читательской аудитории периодических изданий, а также утратой населением веры в возможность влияния на принимаемые решения через обращения в СМИ. И. Д. Фомичева отметила, что печать, к сожалению, принимает активное участие в процессе социальной иммобилизации. «Контакт журналистов с обществом почти утерян: с письмами в редакциях практически не работают, собкоровская сеть распалась, выездные бригады, встречи с читателями стали редкостью. Журналисты все больше работают в кабинетах, ориентируются на пресс-службы организаций и предприятий, которым темы и проблемы… заданы сверху» [12].

В настоящее время редакции республиканских газет получают немного писем от читателей. Их заменили телефонные звонки, форум в Интернете. Большую часть обращений в различные региональные издания составляют письма и телефонные звонки людей среднего и пожилого возраста. Большинство писем по своему характеру представляют жалобы и касаются жилищно-коммунальных проблем, вопросов благоустройства территории, качества медицинского обслуживания. Также читатели присылают просьбы опубликовать

поздравления к юбилею, репортаж о заслуженном в какой-либо области человеке, в районной прессе нередко появляются и стихи самих читателей.

В районной прессе ситуацию с обращением читателей в газету можно оценить неоднозначно. Обращаются в те газеты, которые популярны у аудитории, имеют высокий тираж и активно работают со своим читателем, публикуя материалы, письма, просьбы, поднимая острые социальные проблемы, устраивая акции. Газета «Маяк» кроме всего вышеперечисленного также устраивает выезды к читателям (для подробного ознакомления с указанной в обращении проблемой), проводит конкурсы по предложениям аудитории. Имеют место повторные обращения читателей по одному и тому же вопросу, когда материал на какую-либо тематику уже появился в газете, и население обращается с просьбой рассказать о подобной же проблеме. Кроме того, люди обращаются в редакцию газеты лично. В каждом номере появляются материалы, направленные на то, чтобы помочь читателям разобраться в какой-либо теме. Чаще всего это вопросы, касающиеся благоустройства жилья, дороги, улицы, и другие социальные проблемы. Например, в корреспонденции «На кого упадет тополь?» журналист проводит расследование: «У нашего дома № 113 по ул. Ленинской пос. Тургенево растет старый тополь, который вот-вот упадет. Кто может его спилить, или пусть падает? – звонок с таким вопросом раздался в редакции. И… вылился в мини-расследование о том, кто же должен убирать с улиц аварийные деревья» [5].

Второй способ заключается в том, что журналисты пишут статьи на темы, актуальные, по мнению большинства граждан. Этот способ наименее контролируем и наиболее субъективен, поскольку здесь журналист становится одновременно и субъектом формирования общественного мнения. Он часто задает спрос, но не реагирует. Если журналист выбирает тему интересную для большинства читателей, то тем самым способствует повышению тиража своего издания. Газета, которая правильно угадывает информационные предпочтения своей аудитории, может существовать в рыночных условиях на основе самофинансирования. Поэтому столь важно проследить зависимость изданий от властных структур, особенно в финансовом плане, так как чем больше средств редакция получает в качестве государственной поддержки или финансовой помощи от отдельных лиц либо организаций, тем более коллектив редакции в выборе тем

ориентируется на интересы своих спонсоров, не учитывая при этом взгляды и предпочтения своей аудитории. Среди рассмотренных изданий газета «Столица С» имеет наибольший тираж и наименьшее финансирование со стороны государственных структур, следовательно, данное издание лучше всего угадывает информационные предпочтения аудитории.

Третий способ, на наш взгляд, лучше всего позволяет судить об особенностях выражения мнения населения через печатные издания. Он заключается в описании журналистами каких-либо локальных актов выражения общественного мнения, что позволяет расширить воздействие данных мнений – доводить их до различных социальных групп, информировать о них властные структуры. Газета «Известия Мордовии» регулярно публикует статьи о различных актах выражения общественного мнения. В основном это собрания горожан, посвященные праздникам 1 мая, Дню Победы, Дню города и др. Также издание информирует общественность о митингах коммунистов и граждан с различными требованиями к органам исполнительной и законодательной власти. Государственная газета, как правило, публикует очень краткие, в несколько строк, заметки, сухие по стилю и языку, лишь сообщающие о событии и перечисляющие основные итоги собраний (например, информация «17 тысяч жителей Саранска подписались под требованием повысить зарплаты и пенсии до прожиточного минимума» [4]).

Таким образом, та роль, которую играет пресса в региональном сообществе, дает возможность назвать печать «четвертой властью», что условно ставит ее в один ряд с первыми тремя ветвями власти. Следовательно, благодаря периодической печати новое слово закрепляется за конкретными областями употребления, создается традиция и последующая адаптация к необычному или непривычному выражению. Таким образом, периодика искусственно закрепляет в сознании читателя языковые модели и клише. Общество воспринимает идеи, распространяемые газетами, посредством своего мировоззренческого и социально-психологического, а также душевного состояния. Журналисты осознанно формируют внутреннее стремление человека понять какой-либо объект или эпизод реальной жизни вполне определенным образом, изменяя и сознание людей, и психологические свойства, характеристики, состояния аудитории, на которую было нацелено влияние.

Литература

1. Аграновский, В. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике [Электронный ресурс] / В. Аграновский. – М. : Вагриус, 1999. – Режим доступа : http://journalism.narod.ru /liter/agran_1.html. – Загл. с экрана.

2. Валеева, Е. С. Формы и методы воздействия на общественное мнение в региональной медиасистеме : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. С. Валеева. – Казань : Издательский центр КГУ, 2009. – 18 с.

3. Вольфсон, И. В. Язык политики. Политика языка / И. В. Вольфсон. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. – 2003. – 128 с.

4. Газета «Известия Мордовии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://izvmor.ru/. – Загл. с экрана.

5. Газета «Маяк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mayak-ardatov.narod.ru/. – Загл. с экрана.

6. Газета «Мокшень правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mokshen-pr.ru/fotoreport.html. – Загл. с экрана.

7. Газета «Столица С» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://stolica-s.su/. – Загл. с экрана.

8. Газета «Эрзянь правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.erziapr.ru/ – Загл. с экрана.

9. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 208 с.

10. Луман, Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.

11. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / под ред. А. Волкова, М. Пугачева, С. Ярмолюк. – М. : Издательство Московской школы политических исследований, 2000. – С. 355.

12. Тулупов, В. В. Региональные СМИ как фактор демократизации российского общества [Электронный ресурс] / В. В. Тулупов. – Режим доступа : http://www.relga.rsu.ru/n66/jur66_1.htm. – Загл. с экрана.

13. Яковлев, Е. В. «Пресса равна общественному состоянию» / Е. В. Яковлев // Пресса в обществе: оценки журналистов и социологов. Документы. – М. : Московская школа политических исследований, 2000. – 614 с.

14. Lazartfeld, P. The People's Choice / P. Lazartfeld, B. Beretson, H. Gaudet. – N. Y. : Columbia University Press, 1948. – 187 p.

Ольга Десюкевич
Белорусский государственный университет

КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРА РЕЦЕНЗИИ

Жанр рецензии привлекает все большее исследовательское внимание. Рецензию определяют как речевой жанр оценочно-критического типа текстов (Т. И. Синдеева) или как разновидность оценочного дискурса (Н. Н. Миронова), которая относится одновременно к информативным (дескриптивным) и эвалюативным (оценочным) типам текстов [4, с. 67]. Т. Г. Добросклонская относит рецензию к информационной аналитике. Следует, однако, принять во внимание, что авторская интенция рецензента заключается не только в том, чтобы интерпретировать и оценить произведение искусства, но и побудить потенциального читателя/зрителя к действию (читать или не читать, смотреть или не смотреть). Таким образом, этот жанр сближается с другим типом медиатекстов – рекламой.

Известны результаты дискурсивного анализа рецензии на англоязычном (Н. Н. Мошникова, Д. Д. Бициган, С. М. Яворская) и немецкоязычном материале (Н. Н. Миронова). В данных исследованиях выделены следующие характеристики жанра: краткость (объем рецензии составляет от 2 до 6 тысяч знаков), оперативность и вторичность. Последний признак мотивируется тем, что рецензия представляет собой текст, оценивающий другой текст и тем самым позволяющий автору высказываться о мире посредством интерпретации рецензируемого произведения. Анализ структурно-семантического построения текстов рецензий позволяет характеризовать этот жанр как текст средней степени структурной мотивированности, что обусловлено соотношением достаточно жесткой структурной схемы и достаточно гибкого динамического содержания [1]. Данные выводы, прежде всего в отношении структурно-семантического построения, были получены в результате моделирования жанра, под которым понимается построение инвариантной модели, реализующейся в своих вариантах.

Из текстов оценочно-критического типа наиболее ясно моделируется жанр собственно рецензии, в отличие от смежных жанров рецензии-обзора, эссе и критической статьи. В англоязычной журналистике существует четкое разграничение на чистую критику (pure

criticism) и прикладную (applied criticism), первая ставит целью подробно рассмотреть, проанализировать произведение, предложить его доказательную интерпретацию, для чего существует жанровая форма критической статьи (critical essay), вторая более прагматична, она направлена не столько на глубокий анализ произведения, сколько на то, чтобы сориентировать зрителей, стоит ли смотреть фильм. Газетные и журнальные рецензии (review) принадлежат прикладной критике.

Для дискурсивного анализа рецензии и смежных с нею жанров важно, по мнению Н. Н. Мироновой, разграничивать монологическую и диалогическую критику. Последняя направлена на диалог с читателем, воздействие на его мнение, в то время как монологическая, будучи явлением постмодернистской литературы, в большей степени сосредоточена на выражении интерпретации произведения. «Монологические» тексты часто представляют собой импровизированные высказывания, которые возникают у автора под влиянием рецензируемого произведения или какого-то его эпизода и порой имеют с ним далеко опосредованную связь. Собственно рецензия, безусловно, относится к диалогической критике.

Рассмотрим опыт моделирования жанра рецензии Т. И. Синдеевой. Любой речевой жанр предстает, по мнению этого исследователя, как интегральный конструкт, имеющий горизонтальную и вертикальную структуру. Под последней понимаются основные способы изложения, используемые для реализации основных коммуникативных целеустановок и передачи основных типов информации; модель линейного развертывания жанра составляет его горизонтальную структуру. Доминирующая целеустановка (оценить произведение) и ей сопутствующие (информировать о новом произведении, обосновать оценку и воздействовать на читателя/зрителя) задают коммуникативную перспективу текста и определяют его вертикальную структуру, состоящую из двух блоков – информационного и оценочного, а линейное распределение этих блоков по четырем частям (заголовку, введению, основной части и заключению) реализуют его горизонтальную структуру. Наблюдение за конкретными реализациями модели приводят автора к выделению видов каждой линейной части (заключение простое и развернутое, основная часть в четко выделяемой информационной части и без четко выделяемой информационной части и т. д.) и, самое главное, позволяют описать

речевые формы, в которых реализуются чаще всего информационный и оценочный блоки. Так, для информационного блока характерны речевые формы «сообщение», «повествование» и «описание», для оценочного – «оценочное описание» и «оценочное рассуждение», причем оценка может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Выделяются следующие семантические способы выражения оценки: через узуальное оценочное значение, коннотативное оценочное значение, окказионализмы или интертекстуальные связи. Оценочный блок, в описании Н. Н. Мироновой, состоит из общей оценки произведения, оценки критики произведения (в том числе оценки других рецензентов и читателей), выделенного фокуса оценки, под которым понимается сосредоточение оценки в заголовке, вступлении, заключении или основной части, и частной критики (сравнения с другими авторами, критики деталей текста, его объема и т. д.). Сложность и вместе в тем характернейшее свойство рецензии состоит в том, что блоки совмещаются порой внутри ограниченного объема текста, что мотивируется «краткостью, сжатостью изложения, стремлением включить как можно больше разнохарактерной информации в одно предложение» [6, с. 5].

Как нетрудно заметить, моделирование жанра во многом основывается на методе дискурсивного анализа Т. ван Дейка. При моделировании рецензии, таким образом, учитываются ее композиционный (горизонтальная структура) и дискурсивный (вертикальная структура) аспекты, выделяются макроструктуры: дескриптивный и оценочный блоки, а также реализуемые в них авторские стратегии воздействия на адресата. Так, в интродуктивном блоке (заголовке и вступлении) рецензент, во-первых, кратко вспоминает предыдущие работы автора, высказывает по отношению к ним свою или транслирует общую оценку критиков и тем самым актуализирует их в памяти читателя/зрителя, а во-вторых, сообщает о появлении нового произведения, которому собственно и посвящена рецензия, о дате премьеры, участии произведения в каком-либо форуме и т. д., причем сообщает это в оценочной перспективе, например, как о давно ожидаемом событии, тем самым управляя вниманием читателя. В основной части рецензент представляет текст таким образом, чтобы сформировать читательские/зрительские ожидания, вызвать интерес к произведению, убедить в том, что он заслуживает (или не заслуживает) внимания. В этой части дескриптивный и оценочный

блоки должны быть уравнены: основные топики – описание сюжета, поступков персонажей, в отношении кинофильма работа сценариста, оператора, звукорежиссера и т. д. – сопровождаются оценками, посредством которых автор рецензии раскрывает свое видение произведения. В заключении следует общая оценка произведения, а также часто предлагается авторское видение перспектив создателя произведения. Собственно рецензия содержит столько информации о произведении, чтобы вызвать к нему интерес у читателей, оценочная часть незначительно превалирует в количественном отношении.

Рассмотрим рецензии на фильм Андрея Звягинцева «Елена». Начнем с текста, наиболее приближенного к прототипу. В рецензии Виктора Матизена, озаглавленной «Мать» (http://www.cinematheque.ru), нет определенно выраженного вступления. Автор актуализирует пресуппозиции (знания о предыдущих картинах) в оценочном ключе, подчеркивает удачу рецензируемого фильма на фоне предшествующих, менее ясных работ режиссера, ценность простоты подкрепляет феноменом творческой эволюции Пастернака: «*Третий полнометражный фильм Андрея Звягинцева настолько отличается от «Возвращения» и особенно от «Изгнания» своей ясностью и отсутствием отсылок к Библии, что вспоминается Пастернак, начавший с зауми, а в старости, по собственному признанию, впавший «как в ересь, в неслыханную простоту» – причем вовсе не ту, что хуже воровства. Столь же приятно отметить, что у Звягинцева эволюция заняла меньше времени*». За общей положительной оценкой следует усложнение авторского отношения, что выражено уже в основной части: «*Другое дело, что картина имеет недостатки, являющиеся продолжением ее же достоинств – режиссер порой тратит слишком много пленки, дабы показать то, что уже понятно… Но это вполне простительные погрешности, тем более, что дальше Звягинцев обнаруживает редкое умение без лишних слов и движений создавать на экране характеры персонажей*».

Дескриптивный блок сосредоточен в третьем и четвертом абзацах, в нем коротко воспроизводится сюжет, как всегда в таком жанре, с вкраплениями частных оценок, например, действий персонажей, их характеров, а также работы актеров: «*Сын Елены в мягком и точном исполнении Андрея Розина – безработный лентяй с женой и двумя детьми (старший из них такой же раздолбай, как и его отец, но еще и агрессивный), который считает естественным вы-*

прашивать подачки у матери, тоже полагающей нормальным содержать взрослого отпрыска и его семью на деньги мужа». Оценка может касаться также отдельных эпизодов: «*Эпизод приезда матери в квартиру сына, раскрывающий эти обстоятельства, – высший класс кинорежиссуры, хоть в антологию вноси».* Оценка, как видим, выражена эксплицитно как в этой части, так и в целом в этой рецензии, за исключением заголовка: единственная лексема, его составляющая, нагружена богатым, но в рамках анализируемого фильма не однозначным коннотативным фоном.

В целом данную рецензию по сравнению с другими изученными нами оценочно-критическими текстами о фильме Звягинцева отличают наиболее полное описание сюжета и наиболее ясная его интерпретация, которая, по всей видимости, и выполняет функцию фокуса оценки. В. Матизен формулирует суть конфликта так, как он его видит: «… *в картине сталкиваются две непримиримые жизненные позиции – захребетничества и опоры на себя»*, и завершает общей оценкой фильма, способ выражения которой не оставляет сомнений у читателя в том, что фильм заслуживает внимания: «*Коллизия, как и в предыдущих картинах Звягинцева, весьма значимая и универсальная, но относить «Елену» к категории «социальных фильмов» не стоит, ибо в первую очередь это фильм о женщине, которая из любви к родным совершает страшное преступление против близкого человека, а во вторую – произведение настоящего искусства».*

Рецензию, опубликованную в журнале «Коммерсантъ Weekend» (№ 38, 07.10.2011), от прототипной модели отличает, во-первых, объемное вступление. Для автора исключительно важен контекст, в котором следует воспринимать новую картину А. Звягинцева, формированию его он посвящает практически половину текста. Прежде чем приступить к рецензии «Елены», автор подробно характеризует предыдущие картины режиссера и сложившиеся благодаря критике стереотипные представления о нем, лестные для автора, но во многом ошибочные, по мнению рецензента: *«Елена» выходит в прокат в ореоле неординарной судьбы и картины, и ее автора… И все равно при всей востребованности это кино остается недопонятым или понятым неправильно. Русские критики, которые теперь, после успеха «Елены», печатают заискивающие интервью со Звягинцевым, в свое время сильно постарались, чтобы навязать режиссеру имидж эпигона Тарковского, ответственного за «тупиковую ветвь» наше-*

го кинематографического древа, дающую высокодуховные, но малосъедобные плоды». Ироническая оценка мнения критиков в данном фрагменте выражена посредством развернутой метафоры. Не менее двусмысленна и завершающая вступление номинация режиссера – *носитель «неактуальной русской духовности».*

Переходя к собственно рецензии фильма, автор еще раз подчеркивает значимость фона и дает фильму общую оценку: «*Все это надо иметь в виду, чтобы оценить классическую простоту и художественную элегантность «Елены».* Описанию сюжета автор уделяет минимум места, каждый фрагмент осложняя оценкой. Центральный персонаж в его интерпретации предстает как посредник между двумя мирами, отношения которых воспринимаются сквозь призму античной трагедии и одновременно в свете концептуальной метафоры жизнь как война: «*Елена» – своего рода троянский конь в стане одной из воюющих сторон: ведь это фильм о происходящей на наших глазах и с нашим участием классовой войне – самом драматичном из его фронтов, который проходит внутри семьи».* Во вступлении оценка была направлена на разрушение стереотипного образа режиссера, в основной части автор отказывается от иронии и становится предельно ясен, формулируя достоинства фильма: «*Емкость, аскетизм, минимализм: им подчинены и музыкальное решение, и работа оператора Михаила Кричмана – подлинного соавтора всех картин Звягинцева. Каждая бытовая мелочь работает на идею расколотого мира – прорисовался пейзаж общества, в котором духовность и мораль уже не играют никакой роли, никакие институты не работают, и даже религия не в силах ни отпустить грехи, ни хотя бы облегчить душу героини».* Прагматическая задача данной рецензии, на наш взгляд, заключается не столько в том, чтобы убедить потенциального читателя в целесообразности просмотра фильма, сколько предупредить его о том, что его прежние представления о режиссере могут помешать ему, поэтому он, разрушая стереотипный образ Звягинцева как нового Тарковского, в финале пытается заменить его другим: «*... он в итоге снял столь же трезвый, как «Декалог» Кшиштофа Кесьлевского, тихий русский апокалипсис без заглавных букв и без всяких следов духовной истерики».*

Рецензия одного из самых цитируемых критиков Андрея Плахова под заголовком «Новая русская трагедия» (Quality. № 8, 14.10.2011) также имеет развернутое вступление. В нем актуализируются ми-

ровой успех первого фильма режиссера, а также его роль продолжателя Тарковского в русском кинематографе. А. Плахов умело управляет мнением читателя/зрителя, возвращает его к уже виденным фильмам как к чему-то неразгаданному, стимулируя тем самым интерес к новому проекту, и делает это, предлагая возможные интерпретации феномена успешности Звягинцева, сформулированные в виде вопросов: «*Хотелось получить ответ на вопрос: феномен «Возвращения», явление режиссера Звягинцева – что это? Случайный успех «выскочки», невесть откуда залетевшего в нормированную клановую киноиндустрию, где каждому определено и указано его место? Массовый гипноз сознания, прежде всего западного? Умелое приспособление клише русской духовности «а-ля Тарковский» к формату современного кино? Или действительно самостоятельный творческий акт, открытие нового индивидуального мира, обладающего мощью и магией?*» Второй фильм, не получивший такого широкого признания, как «Возвращение», оценивается рецензентом очень сдержанно, возможность его адекватного восприятия ставится рецензентом в зависимость от способности зрителя «впитывать прямую религиозность». Заканчивая вступление, автор говорит, что «Изгнание» «*не только не разрешило вопросов, возникших после «Возвращения», но их умножило»,* и переходит к основной части: *«Ответы, причем весьма убедительные, дала «Елена».* Всего в нескольких предложениях автор передает сюжет картины, щедро разбавляя его эксплицитными оценками персонажей и интерпретацией конфликта: «*Именно из-за него, непутевого пофигиста, героиня в итоге оказывается перед почти античной дилеммой».* Сводя дескриптивный блок текста к минимуму, автор делает очевидным, что его прагматическая задача состоит не в том, чтобы рассказать о фильме, привлечь внимание к новому проекту, возможно, предубежденного зрителя. Текст определенно написан для адресата, уже видевшего фильм. В нем предлагается ясная интерпретация произведения режиссера: «*Это глубокое рассуждение о деградации человеческой природы, оказавшейся пленницей материализма, о генетической связи родителей и детей, о болезненных попытках и невозможности порвать эти связи».* Хотя в заключении автор отказывается от ясности, представляя читателю, зрителю возможность самостоятельно решать, *«кто же тогда Елена – мстительный ангел истребления, преступница или жертва*?»

Значительно больше места автор отдает полемике с другими критиками – отсылки к чужим мнениям, оценкам то и дело появляются в тексте, например: «*кто-то уже зачислил Звягинцева по ведомству абстрактного метафизического кино*». Важным топиком его текста оказывается фестивальная судьба фильма, причем тот факт, что фильм не был включен в главный конкурс Каннского кинофестиваля, а получил приз программы «Особый взгляд» только подтверждает тезис о недооцененности режиссера кинособществом. Исключая Звягинцева из во многом навязанной ему роли продолжателя Тарковского, рецензент находит для него иное «зеркало» – Михаэля Ханеке, которого представляет как «самого значительного европейского режиссера наших дней». «Елена» рассматривается рецензентом как часть творчества Звягинцева, причем как ретроспективном, так и в проспективном плане: *«Елена» – очень важный шаг для режиссера. Он расконсервировал собственный стиль – а это удается только очень талантливым людям… Каков будет следующий шаг? Зная о больших проектах Звягинцева из древнерусской и даже древнегреческой истории, можно только с огромным любопытством заглядывать в будущее»*. Если принять созданную модель рецензии за прототип, то данный текст, в котором дескриптивный блок сведен к минимуму, а оценка фильма «растворена» в общей оценке эволюции Звягинцева как художника и его места в мировом кинематографе, находится на периферии категории, возможно, приближается к модели критической статьи. Еще одним основанием к такому суждению служит во многом монологический характер текста: автор пишет для зрителя, уже видевшего картину, потому сосредоточен на доказательстве собственной интерпретации.

Примером монологического оценочно-критического текста может служить рецензия Евгения Васильева, озаглавленная «Собачье сердце» (http://www.ruskino.ru). На наш взгляд, в этом тексте сильно выражено эссеистическое начало. Основанием для подобного жанрового определения, несмотря на то что автор называет свой текст рецензией, являются свойственные эссе черты: во-первых, более значительный по сравнению с рецензией объем, во-вторых, выбор в качестве текстовой стратегии аналогии, в которой сопоставляются, с одной стороны, художественные тексты – «Елена» Звягинцева и «Собачье сердце» Булгакова, с другой – социальная ситуации в России 20-х годов XX века и нынешняя. Наконец, этому тексту, как классическому эссе, свойствен открытый финал, поскольку авторская

мысль, развиваясь в рамках заданной аналогии, пытаясь охватить все общие для исходных семантических пространств мотивы, осознает невозможность такого охвата, итог такого рассуждения в принципе не ясен, что соответствует авторскому замыслу. И, что важнее всего перечисленного, здесь автор открыт и равен самому себе, не ограничивается ролью «критика-профессионала», искренне анализирует свой человеческий опыт: *«Ругая плебс, автор этих строчек должен с горечью признать, что Сережа – это и он сам в значительной степени. Малогабаритная квартира, четверо детей, инфантилизм, иждивенчество, лежание на диване, сидение у компьютера, пиво «Балтика № 9» по вечерам, утрам и дням, сосание денег у родителей – это все про меня. Я ненавижу в себе Сережу Шарикова. Мне кажется, я другой, совсем другой. Мне кажется. Я очень в это верю.»* Для эссе, как известно, важно близкое, насколько это возможно, сопоставление образа, понятия и фрагмента действительности, составляющее эссему, – в данном случае это образ Сережи из фильма, образ Шарикова из повести Булгакова, феномен иждивенчества как таковой и личностная несостоятельность современных подростков и части людей среднего возраста. Текст имеет широкий интертекстуальный фон, что может быть свойственно, в принципе, и эссе и рецензии. Показательно, однако, что наряду с «кинематографическим» интертекстом (Герман, Муратова, Тарковский, Кесьлевский, Михалков) и литературным (Булгаков), имеет место философский (О. Шпенглер, Аристотель, М. Хайдеггер) и широкий социальный контекст современной России. Элементами рецензии, выдержанными в этом тексте, остаются анализ работы актеров, оператора, звукового ряда фильма, оценка мнений других критиков, попытка дать интерпретацию фильма, хотя и она очень обобщенная для собственно рецензии: «*Фокус в том, что в глубине «Елены» таится фундаментальная онтология, идущая от греков к Мартину Хайдеггеру. А на фундаменте онтологии строится здание геройства, доблести и чести, по сути, дворянской, аристократической этики. Счастье, любовь и даже достаток, по Звягинцеву, должны стоить ОЧЕНЬ дорого. Автор приходит к мысли, что Звягинцев намекает, но не диктует. Творчество его сопротивляется истолкованию, сопротивление же стимулирует новые и новые интерпретации»*. Таким образом, расширение контекста, причем в равной степени социального (область действительного) и вторичного семиотического (область поэтического в широком смысле), а также «обнажение» авторского «я», отказ огра-

ничиваться образом автора – профессионального критика влекут за собой жанровую трансформацию, которую предлагается именовать рецензия-эссе.

Рассмотренные тексты по-разному соотносятся с моделью рецензии. Наиболее приближенной к прототипу является рецензия В. Матизена, в которой дескриптивный и оценочный блоки равноценны, а авторская стратегия направлена на привлечение внимания зрителя. На периферии категории находятся рецензии, в которых оценка превалирует над описанием фильма, а монологическое начало над диалогическим. Общим свойством рассмотренных рецензий является авторская стратегия разрушения стереотипа Звягинцева как продолжателя Тарковского и стремление в завершении рецензии создать его новый образ через соотнесение с другими режиссерами (Кесьлевским, Ханеке). Рецензия-эссе Е. Васильева принадлежит монологической критике: опираясь на богатый интертекст, в который включается и фильм А. Звягинцева, выстраивая композицию на основе аналогии, автор не столько оценивает картину, сколько использует ее интерпретацию для осмысления собственной жизненной позиции и социальной ситуации современной России.

Литература

1. Бициган, Д. Д. Цитация в англоязычной рецензии / Д. Д. Бициган // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 2. – С. 7–13.

2. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.

3. Добросклонская, Т. Г. Язык средств массовой информации : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М., 2008. – 116 с.

4. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики : учеб. пособие / Н. Н. Миронова. – М., 1997. – 158 с.

5. Мошникова, Н. Н. Лингво-когнитивный аспект исследования дискурса театральной рецензии : на материале современных англоязычных печатных СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук, 10.02.04 – германские языки / Н. Н. Мошникова. – М., 2006.

6. Синдеева, Т. И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук, 10.02.04 – германские языки / Т. И. Синдеева. – М., 1984.

7. Яворская, С. М. Рецензия как тип текста (на материале англоязычной рецензии) : автореф. дис. … канд. филол. наук, 10.02.04 – германские языки / С. М. Яворская. – М., 2000.

Дзмітрый Дзятко
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ЛІНГВАСТЫЛІСТЫКА: СТАН, КІРУНКІ ДАСЛЕДАВАННЯЎ, АСНОЎНЫЯ ДАСЯГНЕННІ

Нягледзячы на тое, што мовазнаўства мае амаль трохтысячагадовую гісторыю, найбольш інтэнсіўнае яго развіццё прыпадае на XX ст. За гэты перыяд у лінгвістыцы змяніліся тры навуковыя парадыгмы: параўнальна-гістарычная (генетычная), сістэмна-структурная (таксанамічная) і камунікатыўна-функцыянальная. Вынікам названых метадалагічных пераваротаў стала заўважная гуманізацыя лінгвістычнай навукі.

Адным з кірункаў, што найбольш дынамічна развіваюцца ў межах камунікатыўна-функцыянальнай парадыгмы, з'яўляецца лінгвастылістыка, якая вывучае выкарыстанне мовы ў працэсе маўленчай камунікацыі, а таксама даследуе функцыянаванне моўных адзінак і катэгорый літаратурнай мовы ў адпаведнасці з яе функцыянальнай дыферэнцыяцыяй у розных сферах маўленчых зносін [4, с. 539–540].

Першыя публікацыі па культуры беларускага маўлення і стылістыцы з'явіліся ў 1920-я гг. у часопісах «Полымя», «Узвышша», «Маладняк» (П. Бузук, К. Вашына, Т. Глыбоцкі, У. Дубоўка, Я. Колас, Я. Лёсік, К. Чорны і інш.).

Асноўныя дасягненні нацыянальнай лінгвастылістыкі другой паловы XX ст. звязаны з імёнамі М. Я. Цікоцкага, які фактычна з'яўляецца заснавальнікам стылістыкі як самастойнага навуковага кірунку ў беларускім мовазнаўстве, а таксама М. В. Абабуркі, А. А. Каўруса, І. Я. Лепешава, П. У. Сцяцко, Т. І. Тамашэвіча, Т. М. Трыпуцінай, А. К. Юрэвіч, Ф. М. Янкоўскага і інш.

У апошнія дзесяцігоддзі праблемы стылістыкі нярэдка вырашаюцца не толькі ў асобных артыкулах, але і ў доктарскіх і кандыдацкіх дысертацыях, што сведчыць пра іх відавочную актуальнасць для беларускага мовазнаўства.

Мэта нашай публікацыі – сістэматызаваць сучасныя манаграфічныя (кваліфікацыйныя) даследаванні ў галіне беларускай лінгвастылістыкі.

У навуковым даведніку «Беларускае мовазнаўства: дысертацыі па беларускай мове, абароненыя ў Рэспубліцы Беларусь (1990–2011 гг.)» зафіксавана звыш 20 кваліфікацыйных работ, у якіх у той

або іншай ступені даследуюцца праблемы лінгвастылістыкі [10]. Асноўнымі навуковымі цэнтрамі па вывучэнні стылістыкі сталі некаторыя профільныя кафедры вышэйшых навучальных устаноў (стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі БДУ, беларускага мовазнаўства БДПУ, сучаснай беларускай мовы БДУ, беларускай мовы ГДУ, МагДУ і інш.).

У сучасным мовазнаўстве склалася разгалінаваная сістэма падраздзелаў стылістыкі, якія адрозніваюцца паміж сабой мэтай аналізу, канкрэтным аб’ектам вывучэння і агульнымі метадалагічнымі ўстаноўкамі. У прыватнасці, адрозніваюцца два асноўныя раздзелы – *сінхранічная* і *дыяхранічная стылістыка*, у кожным з якіх могуць праводзіцца *структурныя* і *функцыянальныя* даследаванні. Акрамя таго, паколькі стылістычныя з’явы можна вывучаць не толькі на матэрыяле адной мовы, але і ў параўнанні з іншымі мовамі, вылучаюць таксама *супастаўляльную стылістыку*.

1. *Структурная*, або *аналітычная*, *стылістыка* ў сінхронным плане займаецца вывучэннем і апісаннем стылістычна значных рэсурсаў мовы; «гэта найбольш традыцыйная галіна стылістыкі, аб’ектам якой з’яўляецца склад стылістычна афарбаваных моўных сродкаў, іх выяўленчыя магчымасці і семантыка-функцыянальныя адценні, а таксама сродкі слоўнай вобразнасці (тропы)» [17, с. 421]. У сучасным беларускім мовазнаўстве кваліфікацыйныя работы, выкананыя ў традыцыях структурнай стылістыкі, адносна нешматлікія. Прычына ў жаданні многіх аўтараў «выйсці» за межы чыста эмпірычнага аналізу і звярнуцца да апісання функцыянальных асаблівасцей моўных адзінак, а таксама ў неабходнасці прыцягнення для навуковага аналізу тэкстаў розных стыляў і розных аўтараў.

Наяўныя даследаванні закранаюць фаналагічны і лексічны ўзроўні мовы. Так, у кандыдацкай рабоце Т. Л. Дзергачовай ахарактарызаваны фанастылістычныя адзінкі ў розных тыпах камунікацыі: апісаны самі фанастылемы, вылучаны іх тыпы і варыянты, паказана іх узаемасувязь і ўзаемаабумоўленасць. Акрамя таго, у аспекце фанастылістыкі прааналізавана мова сучасных электронных сродкаў масавай камунікацыі, вызначаны асаблівасці розных фанастыляў і іх падстыляў, крыніцы і прычыны адхіленняў ад літаратурнага вымаўлення [8].

У рабоце У. С. Дзянісава разгледжаны тыповыя і нетыповыя формы выражэння эпітэтаў, вызначаны спосабы актуалізацыі імплі-

цытнага значэння эпітэтаў, матывацыя і стылістычныя функцыі эпітэтаў у беларускай мастацкай літаратуры (на матэрыяле тэкстаў К. Чорнага, М. Лынькова, І. Шамякіна, В. Быкава) [9].

2. Да *функцыянальнай стылістыкі* адносяцца работы, у якіх вывучаюцца заканамернасці функцыянавання мовы ў залежнасці ад камунікатыўных задач у розных сферах зносін і дзейнасці. Прадметам функцыянальных даследаванняў з’яўляюцца не канкрэтныя моўныя адзінкі, а агульныя заканамернасці іх выкарыстання ў маўленні [17].

Кваліфікацыйныя даследаванні ў галіне функцыянальнай стылістыкі, падрыхтаваныя на працягу апошніх дзесяцігоддзяў, можна ўмоўна падзяліць на дзве групы: у першай вывучаецца ўнутрыструктурная арганізацыя сістэмы функцыянальных разнавіднасцей беларускай літаратурнай мовы (Н. А. Барысенка, А. С. Васілеўская, В. І. Іўчанкаў, В. І. Рагаўцоў, А. М. Шубадзёрава і інш.), у другой увага акцэнтуецца на кампазіцыйна-маўленчых асаблівасцях тэкстаў канкрэтных аўтараў (В. Я. Барысенка, У. А. Бобрык, П. П. Жаўняровіч, Л. С. Кныш, М. І. Свістунова, Р. У. Серыкаў, Т. Я. Старасценка, В. А. Торра, Ф. С. Шумчык і інш.).

2.1. На матэрыяле беларускай мастацкай прозы А. С. Васілеўская выявіла і прааналізавала функцыі вобразных сродкаў (метафар і эпітэтаў) у мікра- і макракантэксце, даследавала ўжыванне прыслоўных метафар, прасачыла праяўленне эстэтычнай функцыі мовы мастацкага твора праз індывідуальна-аўтарскае ўжыванне лексічных вобразных сродкаў [6].

У рабоце Н. А. Барысенка даследаваны лексічныя сродкі стварэння каларыту даўніны ў мастацкіх творах гістарычнага жанру апошніх дзесяцігоддзяў XX ст., вызначана паходжанне гістарызмаў і архаізмаў, іх семантыка, функцыянаванне ў творах старажытнай пісьменнасці і сучаснай лексічнай сістэме, раскрыты дэрывацыйныя, сінанімічныя магчымасці асобных намінацый, выяўлена мэтазгоднасць увядзення ў змест апавядання той або іншай лексемы ў дачыненні да пэўнага гістарычнага перыяду [3].

Вывучэннем асобных аспектаў арганізацыі драматургічных тэкстаў займаюцца В. І. Рагаўцоў і А. М. Шубадзёрава. У даследаванні А. М. Шубадзёравай удакладнены асноўныя прыметы і азначэнне каламбура, тэарэтычна абгрунтаваны прынцыпы разгляду розных тыпаў каламбураў, прааналізаваны спосабы і прыёмы ўтварэння ка-

ламбураў, паказана адметнасць ужывання і стылістычныя функцыі каламбураў у творах беларускіх драматургаў [25].

Манаграфія В. І. Рагаўцова прысвечана сістэмнаму апісанню вербальных сродкаў стварэння камічнага эфекту ў драматургічных творах. Аўтарам вызначаны актуалізатары і класіфікатары камічнай экспрэсіі, разгледжаны сінкрэтызм у маўленчым выражэнні камічнага, выяўлена роля ўзуальных і аказіянальных сродкаў у стварэнні камічнага эфекту, устаноўлена адметнасць выкарыстання сродкаў у камічнай функцыі на розных этапах развіцця беларускай драматургіі, а таксама адзначаны асаблівасці эвалюцыі сродкаў маўленчага выражэння камічнага ў творах беларускай драматургіі [20].

У беларускім мовазнаўстве дастаткова распрацаванай падаецца стылістычная праблематыка, звязаная з асаблівасцямі маўленчай структуры публіцыстычных тэкстаў.

У прыватнасці, А. М. Ермакова даследавала мову публіцыстыкі ў яе прагматычнай функцыі. Аўтар раскрыла ролю катэгорыі ацэнкі ў стварэнні поля суб'ектыўнай мадальнасці, акрэсліла асноўныя фактары, што ўплываюць на фарміраванне ацэначнай структуры (ролю суб'екта ацэнкі, ацэначнага стэрэатыпу, суадносін рацыянальнага і эмацыянальнага), прааналізавала моўныя спосабы суб'ектывізацыі аўтарскага маўлення (экспрэсіўнасць і эматыўнасць выкладу), разгледзела шляхі фарміравання поля суб'ектыўнай мадальнасці лексічнымі, марфалагічнымі і сінтаксічнымі сродкамі [11].

Безумоўную цікавасць сваёй прыкладной скіраванасцю ўяўляе работа А. В. Пачкоўскай, у якой праведзена лінгвапрагматычнае даследаванне механізму рэалізацыі рэкламнага ўплыву на спажывецкія масы, вызначаны фанетычныя, лексічныя, граматычныя і пунктуацыйныя асаблівасці, уласцівыя вербальна выражанаму кампаненту рэкламных зваротаў, пастаўлена пытанне пра мэтазгоднасць вылучэння стылю рэкламных тэкстаў як асобага функцыянальнага стылю [19].

Значным укладам у развіццё не толькі беларускага, але і ў цэлым усходнеславянскага мовазнаўства сталі навуковыя даследаванні В. І. Іўчанкава. Так, у манаграфіі «Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту» была прапанавана арыгінальная канцэпцыя, а таксама вызначаны кагнітыўныя параметры даследавання дыскурса беларускіх СМІ (прызначанасць для масавай аўдыторыі, аператыўнасць, перыядычнасць і рэгуляр-

насць, дубліраванне і вар'іраванне, калектыўная творчасць, інтэртэкстуальнасць, камунікатыўная і прагматычная зададзенасць), акрэслены лінгвістычныя прыёмы і сродкі маніпулятыўных інфармацыйных тэхналогій, якія забяспечваюць камунікатыўную і прагматычную скіраванасць публіцыстычнага тэксту, вызначана камунікатыўна-інфармацыйная дамінанта дыскурса, праведзены мэтанакіраваны адбор вербальных сродкаў, вызначаны «рэпертуар» тэм і канцэптаў, якія іх увасабляюць [12].

Вынікам далейшай распрацоўкі праблем, акрэсленых у названым даследаванні (а таксама ў шэрагу іншых работ аўтара [13]) стала фарміраванне на Беларусі навуковай школы па вывучэнні лінгвістыкі публіцыстычнага тэксту. У прыватнасці, у рабоце П. П. Жаўняровіча супастаўлены лексічныя сістэмы публіцыстыкі і мастацкай прозы У. Караткевіча з лексікай, зафіксаванай у частотных слоўніках, вылучаны найбольш характэрныя для эсэістычнага дыскурсу У. Караткевіча моўныя факты і адзначана іх уздзеянне на выяўленне жанру, апісаны асаблівасці семантычнай кагезіі публіцыстычнага тэксту У. Караткевіча [14].

2.2. Дастаткова шырока ў навуковай літаратуры канца XX – пачатку XXI ст. вывучаюцца асаблівасці (фаналагічныя, лексічныя, словаўтваральныя) стылістычнай арганізацыі канкрэтных мастацкіх тэкстаў.

Так, В. А. Торра ахарактарызавала выразна-выяўленчыя магчымасці эўфанічнага ладу паэтычных твораў Р. Барадуліна. Аўтарам была праведзена класіфікацыя эўфанічных сродкаў, вызначана іх функцыянальная разнастайнасць, сістэматызаваны і класіфікаваны асноўныя элементы гукавой структуры паэтычных твораў Р. Барадуліна і прааналізаваны іх стылістычныя магчымасці. Гэта дазволіла ахарактарызаваць ролю асобных лексічных сродкаў (паранімічнай атракцыі, аманіміі) у эўфанізацыі паэтычнага кантэксту, паказаць змястоўнасць гукаў у паэтычным кантэксце і іх сэнсаўтваральную функцыю [24].

На матэрыяле твораў Алеся Разанава Т. Я. Старасценка прааналізавала лексіка-стылістычныя сродкі рэалізацыі кантрасту: аўтар ахарактарызавала антонімы і тыпалагічныя разнавіднасці кантэкстуальных супрацьпастаўленняў, вызначыла сутнасць заснаваных на іх стылістычных фігур, апісала ўзроўні функцыянавання аксюмарана, прадметна-тэматычныя групы антытэзы. Акрамя таго, быў

створаны «Слоўнік антанімічных і кантэкстуальных апазіцый Алеся Разанава», які з'яўляецца першым у сучаснай філалогіі лексікаграфічным даведнікам, дзе апісваюцца кантрасныя моўныя адзінкі аднаго пісьменніка [23].

На функцыянальна-стылістычным узроўні Р. У. Серыкаў ахарактарызаваў ролю так званых паэтызмаў і набліжаных да іх наватвораў у мове тэкстаў Янкі Купалы, выявіў семантыка-стылістычныя асаблівасці засваення запазычанняў на фоне іх ужывання ў розных функцыянальных стылях, вызначыў характар выкарыстання Купалам лексем нерэгулярнага ўжытку ў арыгінальных і перакладных мастацкіх творах, устанавіў лексіка-семантычныя спосабы актывізацыі мыслення адрасата ў творах публіцыстыкі, прыватнай перапісцы паэта, вывучыў дадатковыя сэнсавыя кампаненты прадметна-паняційнага зместу лексем [22].

Традыцыйна прыцягальнымі для даследчыкаў застаюцца праблемы вывучэння асаблівасцей вобразных сродкаў у тэкстах розных беларускіх пісьменнікаў – параўнанняў, метафар, эпітэтаў і інш. [2; 26].

Наватворы ў мове Янкі Купалы даследаваў У. А. Бобрык. Вучоны прапанаваў поўны пералік наватвораў, выяўленых у «Зборы твораў» Янкі Купалы (у 7 т.), устанавіў спосабы ўтварэння новых слоў, іх семантычны аб'ём і частотнасць выкарыстання, прааналізаваў стылістычныя функцыі семантычных наватвораў, выявіў заканамернасці ўзбагачэння і папаўнення выяўленчых сродкаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы шляхам індывідуальнай словатворчасці [5].

Шэраг даследчыкаў звярнуліся да поліаспектнага вывучэння стылістычных параметраў канкрэтных мастацкіх тэкстаў.

У рабоце М. І. Свістуновай праведзены аналіз фанетыка-арфаграфічных асаблівасцей «Апокрысіса» Х. Філалета (апісана сістэма графічных сродкаў помніка з адначасовым правядзеннем класіфікацыі галосных і зычных гукаў на падставе «гук – марфема», высветлены асаблівасці іх ужывання, выяўлены фанетычныя працэсы ў сістэме кансанантызму і вакалізму), устаноўлена ступень рэалізацыі марфалагічна-этымалагічнага і фанетычнага прынцыпаў арфаграфіі, даследаваны марфалагічны лад твора (апісаны парадыгмы назоўніка, займенніка, прыметніка, лічэбніка, дзеяслова і яго формаў, выяўлены характэрныя асаблівасці функцыянавання часцін мовы ў тэксце), устаноўлена ступень рэалізацыі ў

старабеларускім тэксце рыс жывой народнай гаворкі і ступень уплыву іншых моў (стараславянскай, польскай) на мову старабеларускага варыянта твора [21].

В. А. Ляшчынская комплексна даследавала асаблівасці ідыястылю Янкі Купалы праз характарыстыку ўласцівых яму прыёмаў паэтычнага выкарыстання слова ў разнастайных эстэтычных функцыях (трапеізацыя, стылістычны сінтаксіс, лексіка-семантычныя групоўкі, семантычнае вар'іраванне, вобразныя трансфармацыі, фраза- і тэкстаўтварэнне), устанавіла заканамернасці фарміравання нормаў беларускай літаратурнай мовы ў цеснай сувязі з нарматворчай дзейнасцю Янкі Купалы, выявіла адрозненні паміж нормамі літаратурнай мовы і нормамі паэтычнай мовы, заканамернасці семантыка-прагматычнай трансфармацыі і стылістычнай мадыфікацыі лексікі беларускай мовы ў працэсе мастацкай творчасці. Акрамя таго, былі апісаны спосабы і прыёмы паэтычнай трансфармацыі агульнамоўных сродкаў (актывізацыя паэтычных тропаў – метафары і гіпербалы, актуалізацыя пэўных сем, марфем, выкарыстанне капулятыўных лексіка-сінтаксічных адзінак) [18].

Ролю элементаў гутарковай камунікацыі ў рэпрэзентацыі індывідуальна-аўтарскай карціны свету, а таксама асноўныя спосабы і прыёмы стылізацыі жывога натуральнага маўлення ў мастацкай прозе М. Гарэцкага вывучала Л. С. Кныш. Аўтар разгледзела фанетыка-графічныя, словаўтваральныя, лексічныя гутарковыя адзінкі і элементы, а таксама сінтаксічныя канструкцыі, акрэсліла іх матываванасць і стылістычныя функцыі, прааналізавала сутнасць гутарковага маўлення ў яго сацыяльна-дыферэнцыйных варыянтах, вылучыла адметныя тэрытарыяльныя асаблівасці гутарковай камунікацыі ў мастацкай прозе М. Гарэцкага [16].

3. У межах *гістарычнай стылістыкі* вывучаюцца працэсы станаўлення стылістычных рэсурсаў мовы, яе стылістычнай сістэмы і сродкаў выразнасці, а таксама дынаміка фарміравання функцыянальных стыляў. У гэтым кірунку падрыхтавана даследаванне М. В. Абабуркі, у якім вызначаны тыпы ўзаемадзеяння вусна-гутарковага маўлення і кніжна-пісьмовай традыцыі як асноўнай характарыстыкі фарміравання і развіцця мовы беларускай мастацкай літаратуры на працягу ўсёй яе гісторыі, выяўлены супрацьлеглыя тэндэнцыі ў развіцці старабеларускай і новай беларускай літаратурнай моў, параўнальна ўстаноўлена індывідуальна-вобразная

сістэма сродкаў мовы беларускіх пісьменнікаў, а таксама распрацавана методыка аналізу аўтарскага маўлення і маўлення дзейных асоб [1].

4. Адным з найбольш складаных і маладаследаваных напрамкаў сучаснага мовазнаўства застаецца *супастаўляльная стылістыка*, прадстаўленая адзінкавымі работамі.

Пад навуковым кіраўніцтвам прафесара М. Я. Цікоцкага ў 1990 г. была падрыхтавана кандыдацкая дысертацыя М. П. Карповіч, дзе праведзены супастаўляльны аналіз словаўтварэння як сістэмнай крыніцы стылістычнага ўзбагачэння рускай і беларускай моў, прасочаны характар адносін паміж канататыўнай семантыкай вытворнай адзінкі і яе функцыянальна-стылістычным значэннем, акрэслена ступень міжмоўнай стылістычнай адэкватнасці вытворных субстантываў [15].

Лексіка-стылістычную эквівалентнасць беларускіх перакладаў рускай прозы (на матэрыяле рускага савецкага апавядання) вывучала І. В. Галубенка. Даследчыца вызначыла ўмовы, найбольш прадуктыўныя шляхі яе дасягнення і напрамкі рэалізацыі, вылучыла і апісала віды эквівалентаў у дачыненні да перакладаў літаратурна-мастацкіх тэкстаў з рускай мовы на беларускую, прааналізавала сутнасныя заканамернасці зрухаў пры перакладзе як падставы для вывучэння лексіка-стылістычнай эквівалентнасці, вызначыла ролю стылістычна маркіраваных лексем у аўтарскіх літаратурна-мастацкіх тэкстах з пункту гледжання іх сувязі з рознымі аспектамі культурнага кампанента і асаблівасцямі аўтарскага стылю, вылучыла тыпы і падтыпы перакладчыцкіх трансфармацый [7].

Заканамерным вынікам прааналізаваных навуковых даследаванняў стала падрыхтоўка і выданне цэлага шэрагу дапаможнікаў па лінгвастылістыцы, запатрабаваных у сферы вышэйшай адукацыі (М. Я. Цікоцкага, Т. Я. Старасценкі, Ф. С. Шумчыка, В. А. Кузьміч і В. В. Шахаб, Г. К. Семяньковай і А. М. Пісарэнкі і інш.).

Літаратура

1. Абабурка, М. В. Станаўленне і развіццё мовы беларускай мастацкай літаратуры / М. В. Абабурка. – Магілёў : МагДУ, 2000. – 204 с.; Абабурка, М. В. Станаўленне і развіццё мовы беларускай мастацкай літаратуры : аўтарэф. дыс. … д-ра філал. навук : 10.02.01 / М. В. Абабурка ; БДУ. – Мінск, 2001. – 40 с.

2. Барысенка, В. Я. Моўна-выяўленчыя сродкі ў паэзіі Васіля Віткі : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В. Я. Барысенка; ГДУ. – Гомель, 2002. – 20 с.

3. Барысенка, Н. А. Устарэлая лексіка ў сучаснай беларускай гістарычнай прозе : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / Н. А. Барысенка; ГДУ. – Гомель, 2004. – 19 с.

4. Бельчиков, Ю. А. Стилистика / Ю. А. Бельчиков // Русский язык: энциклопедия. – 2-е изд., перераб. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 539–541.

5. Бобрик, В. А. Новообразования в языке Янки Купалы : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / В. А. Бобрик; ИЯ АН Беларуси. – Мінск, 1992. – 28 с.

6. Васілеўская, А. С. Функцыянальна-стылістычнае выкарыстанне лексічных вобразных сродкаў у мастацкай прозе : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук: 10.02.01 / А. С. Васілеўская; БДПУ. – Мінск, 2000. – 19 с.

7. Галубенка, І. В. Лексіка-стылістычная эквівалентнасць беларускіх перакладаў рускай прозы (на матэрыяле рускага савецкага апавядання) : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01; 10.02.02 / І. В. Галубенка; БДУ. – Мінск, 2002. – 21 с.

8. Дзергачова, Т. Л. Фонастылістыка сучаснай беларускай мовы: парадыгматыка і сінтагматыка : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук: 10.02.01 / Т. Л. Дзергачова; БДУ. – Мінск, 2003. – 21 с.

9. Дзянісаў, У. С. Эпітэт як моўна-стылістычны сродак у беларускай мастацкай прозе (марфалагічнае выражэнне і стылістычныя функцыі) : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / У. С. Дзянісаў; ГДУ. – Гомель, 1998. – 19 с.

10. Дзятко, Д. В. Беларускае мовазнаўства: дысертацыі па беларускай мове, абароненыя ў Рэспубліцы Беларусь (1990–2011 гг.) : навуковы даведнік / Д. В. Дзятко, С. У. Шахоўская. – Мінск : БДПУ, 2011. – 400 с.

11. Ермакова, А. М. Катэгорыя суб’ектыўнай мадальнасці ў сучаснай беларускай публіцыстыцы : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / А. М. Ермакова; ГДУ. – Гомель, 1999. – 21 с.

12. Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.; Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту : аўтарэф. дыс. … д-ра філал. навук: 10.02.01 / В. І. Іўчанкаў; БДУ. – Мінск, 2003. – 41 с.

13. Ивченков, В. И. Лингвистическая организация текста: в творческой лаборатории Владимира Короткевича / В. И. Ивченков. – Минск : БГУ, 2002. – 211 с.; Ивченков, В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова / В. И. Ивченков. – Минск : Пачатковая школа, 2002. – 112 с.; Іўчанкаў, В. І.

Медыярыторыка : рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.

14. Жаўняровіч, П. П. Публіцыстыка Уладзіміра Караткевіча: моўны факт у вызначэнні жанру : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.01.10 / П. П. Жаўняровіч; БДУ. – Мінск, 2006. – 21 с.; Жаўняровіч, П. П. Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча / П. П. Жаўняровіч. – Мінск : РІВШ, 2011. – 244 с.

15. Карпович, М. П. Сопоставительно-стилистический аспект русского и белорусского словообразования (на материале личных номинаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.02 / М. П. Карпович; МГПИ. – Минск, 1990. – 17 с.

16. Кныш, Л. С. Гутарковая камунікацыя ў мастацкай прозе Максіма Гарэцкага : спосабы стылізацыі : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / Л. С. Кныш; ІМ НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – 20 с.

17. Кожина, М. Н. Стилистика / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта: Наука, 2006. – С. 408–414.

18. Ляшчынская, В. А. Метафара ў паэзіі Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская. – Гомель : Выд-ва ГДУ, 2003. – 160 с.; Ляшчынская, В. А. Слова ў паэзіі Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 272 с.; Ляшчынская, В. А. Мова паэзіі Янкі Купалы : аўтарэф. дыс. … д-ра філал. навук: 10.02.01 / В. А. Ляшчынская; ІМ НАН Беларусі. – Мінск, 2004. – 42 с.

19. Пачкоўская, А. В. Прагматыка і стыль рэкламных тэкстаў : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / А. В. Пачкоўская; ГДУ. – Гомель, 2004. – 20 с.

20. Рагаўцоў, В. І. Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі / В. І. Рагаўцоў. – Магілёў : МагДУ, 2002. – 304 с.; Рагаўцоў, В. І. Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі : аўтарэф. дыс. … д-ра філал. навук : 10.02.01 / В. І. Рагаўцоў; ІМ НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 39 с.

21. Свістунова, М. І. Моўныя і стылёвыя асаблівасці «Апокрысіса» Хрыстафора Філалета : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / М. І. Свістунова; БДУ. – Мінск, 2000. – 20 с.

22. Серыкаў, Р. У. Лексічная стылістыка Янкі Купалы (функцыянаванне сінанімічных лексем нерэгулярнага і рэгулярнага ўжытку) : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / Р. У. Серыкаў; ГДУ. – Гомель, 1998. – 20 с.

23. Старасценка, Т. Я. Лексіка-стылістычныя сродкі рэалізацыі кантрасту (на матэрыяле твораў Алеся Разанава) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Т. Я. Старасценка; БДПУ. – Мінск, 2001. – 16 с.

24. Торра, В. А. Эўфанічныя сродкі моўнай выразнасці ў паэзіі Рыгора Барадуліна : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / В. А. Торра; ГДУ. – Гомель, 2006. – 20 с.

25. Шубадзёрава, А. М. Каламбур у мове беларускай драматургіі : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / А. М. Шубадзёрава; ГДУ. – Гомель, 1998. – 20 с.

26. Шумчык, Ф. С. Вобразныя сродкі мовы ў мастацкіх творах В. Адамчыка (параўнанне і метафара: структура, лексіка, ужыванне) : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / Ф. С. Шумчык; ІМ НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – 20 с.

Дмитрий Дроздов
Белорусский государственный университет

МЕНЕДЖМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Типология основных видов человеческой деятельности традиционно базируется на разделении такого фундаментального явления, как культура, на материальную, духовную и физическую. Среди прочих составляющих феномена культуры основополагающее значение, безусловно, имеет процесс создания, производства ценностей, обеспечивающий поступательное развитие индивида и социума. До определенного времени было принято отождествлять общественное производство только лишь с материальным, поэтому закономерности функционирования сферы материального производства во всем многообразии их проявлений давно и основательно изучаются исследователями, начиная с А. Смита и заканчивая современными учеными-экономистами.

Впервые выделил сферу духовного производства как особое подразделение общественного производства и употребил само понятие «духовное производство» русский экономист и историк Андрей Шторх. К. Маркс в работе «Теория прибавочной стоимости» признал эту заслугу А. Шторха, но критиковал его за непонимание неразрывной естественной связи материального и духовного производств. Именно К. Маркс и Ф. Энгельс ввели в широкий научный оборот понятие «духовное производство», под которым они понимали производство специализированными группами людей умственного тру-

да общественного сознания, а конкретнее – идей, теорий, образов, духовных ценностей, духовных связей членов общества, духовности отдельного человека.

Постепенно в научных кругах сложилось понимание того, что определенному историческому способу материального производства всегда сопутствует соответствующий способ производства общественного сознания. С целью удовлетворения потребностей, формирующихся объективно и(или) правящей элитой, в обществе происходит выработка и распространение системы идей, представлений, ценностей, приемов и методов освоения окружающего мира, воздействия на общественную жизнь. Для успешного выполнения этих задач необходимо наличие целого комплекса взаимодействующих между собой отраслей духовной деятельности.

Исторически сложившимися формами духовного производства стали религия, мораль, искусство, наука, образование, философия, право, политическая идеология, средства массовой информации и др. Причем возникали они в различные периоды развития, являясь ответом на необходимость удовлетворения соответствующих важных духовных потребностей общества. Достаточно вспомнить то революционное значение, которое имело изобретение книгопечатания, когда массовое тиражирование духовного продукта – книг – стало первым в истории человечества случаем массового производства товаров.

Еще более эта конвергентная тенденция усилилась в XX веке, когда широкое распространение получила массовая культура в контексте пропагандируемой североамериканской модели общества массового потребления. Ярким примером в данном случае может быть творчество известного художника Энди Уорхала, который изображал на своих картинах банки с мясной тушенкой, рисовал («тиражировал») одни и те же портреты в количестве нескольких десятков и даже сотен.

В современную эпоху к средствам духовного производства и распространения его продуктов и услуг добавились компьютеры, информационные сети, информационные и мобильные технологии. В результате была создана и постоянно развивается мощная техническая и социальная инфраструктура производства и распространения информации. Очевидно, что в дальнейшем именно информационное производство станет основной и экономически наиболее прибыльной сферой деятельности передовых стран мира.

По мнению многих современных исследователей и практиков, ведущую роль в современном обществе все больше играет система средств массовой информации в качестве особой отрасли духовной деятельности, оперирующая как на специфическом информационном, так и на смежных – финансовом, рекламном и других рынках. Возможность получения прибыли тем или иным СМИ становится одним из главных показателей эффективности его функционирования, что в некоторых случаях (изменение контента материалов в угоду невзыскательной аудитории) может расцениваться как негативная тенденция «падения духовности». Эта и другие тенденции, вызванные рыночными отношениями, порождают большое количество новых социальных проблем.

Вообще журналистику можно определить как социальный институт, вид социального познания действительности и способ духовного производства. Специфика журналистики как общественного феномена определяет ее особенности и в качестве особого типа духовного производства, главной задачей которого является производство социально значимой массовой информации, содержащей не только максимально возможное объективное отражение существующей, прошлой и будущей действительности, но и валюативный анализ актуальных событий с точки зрения их влияния на достижение общественного блага.

Следует отметить естественную корреляцию журналистики со всеми без исключения сферами общественной жизни. Она органично включена в политические, экономические, культурные и другие процессы, использует научные методы анализа действительности, а также разнообразные художественные формы, приемы и методы отображения окружающего мира. Главными участниками процесса духовного производства в данном случае следует назвать журналистов и коллективы СМИ, продуктом деятельности которых является массовая информация, в разных формах и на различных носителях распространяемая по телекоммуникационным каналам, в качестве же потребителя информационного продукта выступает аудитория масс-медиа.

Очевидно, что складывающийся в итоге такой деятельности рынок информации функционирует не только и не столько по экономическим законам. Идеологическая, нравственная, эстетическая, воспитательная и другие составляющие контента информационного продукта объективно вызывают необходимость материальной, пра-

вовой и организационной поддержки и регулирования отдельных СМИ и национального информационного пространства со стороны государства, юридических и физических лиц. В условиях развития индустрии развлечений сегодня невозможно представить себе развитие массовой культуры без телевидения, которое, по нашему мнению, само уже стало ее неотъемлемой частью.

Таким образом, функционирование сферы массовой коммуникации как специфической отрасли духовного производства представляет собой сложный процесс, в котором задача получения прибыли сочетается с созданием духовных ценностей, удовлетворением духовных потребностей общества и человека, созданием в итоге специфического духовного мира, в котором присутствуют самые различные образы, идеалы и нормы. В самом деле, для журналистики характерны все функции духовного производства: направленность на совершенствование всех остальных сфер жизни общества, производство и распространение новых идей и знаний, другими словами, производство общественного мнения.

С 1980-х в мировой журналистике все больше внимания уделяется теоретическому осмыслению и практической реализации трансляции положений и концепций различных школ и подходов менеджмента материального производства на сферу массовой коммуникации. Именно с этого времени средства массовой информации стали рассматриваться как полноценные рыночные предприятия, а результаты журналистского труда в качестве специфического информационного продукта. Обострение конкурентной борьбы за аудиторию и рекламодателей в связи с увеличением предложения на рынке СМИ, появление новых телекоммуникационных технологий объективно потребовали внедрения научных систем управления в сферу массовой коммуникации.

Главную цель менеджмента можно определить как достижение наивысшей эффективности материального и духовного производства, повышение качества продукции и услуг при постоянном расширении и обновлении их перечня. Традиционно называют следующие сферы управления в организации: материально-вещественная (продукция, оборудование и др.), информационная (документы, проекты, программы и пр.) и человеческая – личностная. Очевидно, что для редакции СМИ именно вторая и третья сферы являются важнейшими, тогда как выпуск материальных продуктов может

рассматриваться и на практике является только вспомогательным средством.

Современный менеджмент ставит перед сотрудниками редакции целый комплекс конкретных задач. Прежде всего необходимо оптимизировать размеры, состав и структуру коллектива редакции или медиакомпании. Вторая задача состоит в оптимизации кадрового состава, в эффективном управлении коллективом и четкой организации его работы. Третья по порядку, но не по значению задача – улучшение качества и постоянное обновление перечня выпускаемых информационных продуктов и услуг. Решение этих задач менеджмент связывает с оптимизацией работы каждого сотрудника редакции и с выполнением всех операций производства СМИ на возможно более высоком профессиональном уровне, своевременно, с использованием наименьших ресурсов – человеческих, финансовых и материальных. Таким образом, менеджмент в журналистике – это творческое производственное управление процессами подготовки и выпуска в свет качественных и востребованных аудиторией информационных продуктов, а также оказание определенных услуг.

Другой вид управленческой деятельности в СМИ – собственно экономический, прежде всего финансовый менеджмент, выработка оптимальной финансовой, тиражной и ценовой политики. Он обеспечивает формирование и укрепление финансовой базы редакции, контролирует процесс разработки редакционного бюджета и следит за достижением его положительного баланса. Финансовый менеджмент направлен на достижение превышения доходов над расходами, получение максимальной прибыли и напрямую связан с маркетингом – изучением конъюнктуры информационного рынка, реальной и потенциальной аудитории, приемов и методов конкурентов, умении позиционировать СМИ и выгодно продать свои информационные продукты и услуги. Можно утверждать, что маркетинг средств массовой информации, как и их менеджмент, сегодня уже институировался в самостоятельный социально значимый вид деятельности.

Кадровый менеджмент в журналистике должен быть направлен на установление взаимопонимания и сотрудничества между работниками редакции, предотвращение трудовых и межличностных конфликтов, стабилизацию состава и морально-психологического климата в коллективе. Менеджеры СМИ различных уровней обязаны профессионально управлять персоналом, давать ему материальную

и моральную мотивации, развивать творческую и деловую инициативу, направлять их на достижение общередакционных тактических и стратегических целей.

Очевидно, что в связи со всем вышесказанным резко возрастают требования к профессиональной компетентности руководителей современных СМИ. Одновременное сохранение административно-распределительных методов управления сферой журналистики с дотационным бюджетным финансированием и все более широкое внедрение экономических приемов хозяйствования редакций на практике кардинально меняют требования к профессионализму менеджера в сфере массовой коммуникации. Если раньше требовалось прежде всего соблюдение идеологической лояльности к властным элитам и практиковались административно-командные методы, то теперь необходимо быть экономически и юридически грамотным специалистом-организатором, управленцем, психологом, необходимы знания, умения и навыки практического применения технологий менеджмента и маркетинга в коммерческой и творческой деятельности.

Современная социально-экономическая ситуация вообще и на информационном рынке в частности объективно предъявляет к менеджерам СМИ всех уровней требования овладеть финансово-экономическим, информационно-творческим, рекламно-информационным, культурно-просветительским видами деятельности, научиться профессионально решать этические и правовые проблемы, разрабатывать новые проекты, а также овладеть навыками организации продаж на медиарынке и т. д. Новым направлением в современном менеджменте журналистики стало создание, поддержание и развитие в редакционных коллективах корпоративной культуры. Она необходима для осознания сотрудниками себя и своего места в редакции, налаживания эффективных вертикальных и горизонтальных коммуникационных потоков, позитивных взаимоотношений между коллегами, выработки объединяющих корпоративных ценностей и норм, наиболее полного развития и самореализации работников, других условий успешного функционирования СМИ.

Очевидно, что менеджмент журналистики во многом зависит от вида СМИ, в котором он осуществляется. Организация и управление процессом выпуска информационных продуктов и услуг в газетах, журналах, радиовещании, телевидении, глобальной сети имеют свою специфику. Но можно однозначно утверждать, что важнейшей

тенденцией развития системы современных средств массовой информации является их конвергенция, создание медиахолдингов, активное использование традиционными СМИ новейших коммуникационных технологий. Экономический аспект в данном контексте является основным. Билл Гейтс был во многом прав, когда заявил: «В будущем на рынке останется два вида компаний: те, кто в Интернете, и те, кто вышел из бизнеса». Интернет-экономика включает в себя индустрию создания и использования информационных технологий и продуктов, что само по себе очень близко самой сути журналистики. Экономическая деятельность редакций в глобальной сети со временем будет приобретать для них все большее значение, что обусловлено мировыми тенденциями развития этой новой коммуникационной среды.

Современная журналистика представляет собой сложную систему, которая постоянно трансформируется, изменяется, приобретая новые качества и свойства. В информационном обществе роль и значение системы СМИ будут постоянно возрастать, поэтому теоретики и практики массовой коммуникации должны постоянно анализировать последние тенденции развития в данной сфере для того, чтобы вырабатывать объективные и своевременные рекомендации для органов государственного управления, менеджеров, общественности с целью достижения максимальной эффективности ее функционирования.

Литература

1. Андреев, С. Н. Маркетинг некоммерческих субъектов / С. Н. Андреев. – М. : Финпресс, 2002. – 312 с.

2. Духовное производство: социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. – М. : Наука, 1981. – 100 с.

3. Маркс, К. Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Т. 26. – Ч. 1. – С. 278–282.

4. Морозова, Е. Я. Экономика и организация предприятий социально-культурной сферы / Е. Я. Морозова. – СПб. : Михайлов, 2002. – 317 с.

5. Новаторов, В. Е. Маркетинг в социально-культурной сфере / В. Е. Новаторов. – Омск : Омич, 2000. – 288 с.

6. Тульчинский, Г. Л. Менеджмент в сфере культуры / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : Лань, 2001. – 384 с.

7. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн. – СПб. : Питер, 2002. – 120 с.

Сяргей Дубовік
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

МЕДЫЙНАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ І ВЫКЛІКІ ЧАСУ

Структурныя і субстантыўныя змены ў беларускіх СМІ прынята звязваць з канцэпцыяй пераходнай мадэлі краіны. Аднак за час, які прайшоў з пары распаду СССР, істотна змяніліся ўмовы існавання СМІ не толькі на Беларусі, у Расіі, іншых постсавецкіх краінах, але і ў глабальным вымярэнні. Вось чаму развіццё сродкаў камунікацыі ў постсавецкіх грамадствах, у тым ліку і беларускім, трэба разглядаць у глабальным і нацыянальным кантэкстах, а таксама ў цеснай сувязі з тэхналагічнымі працэсамі ў інфармацыйна-камунікатыўным асяроддзі, з эканамічнымі і фінансавымі фактарамі, з развіццём рынкаў культуры.

Пераход ад адміністрацыйна-каманднай сістэмы да рыначнай эканомікі і дэмакратызацыі выявіў перш за ўсё палітычныя складнікі гэтага працэсу і патрабуе ўважлівага вывучэння асаблівасцей трансфармацыі грамадскіх адносін у нашай краіне, у тым ліку і СМІ. Назапашаны за гады незалежнасці вопыт дае багаты матэрыял для аналізу працэсаў, якія адбываюцца ў нацыянальнай інфармацыйна-камунікатыўнай сферы. Можна адзначыць галоўнае:

1. Масава-інфармацыйныя працэсы цесна звязаны з кантэкстам грамадска-палітычнай сітуацыі. Беларуская прэса праходзіць, як і ўся краіна, тры найбольш акрэсленыя фазы: асэнсаванне і пераацэнку былых каштоўнасных сістэм; пошук палітычнага і эканамічнага выбару; канструктыўную эвалюцыю адносна ранейшага вопыту.

З пачаткам дэмакратызацыі грамадства і прыняццем у 1995 г. Закона Рэспублікі Беларусь «Аб друку і іншых сродках масавай інфармацыі», які забяспечыў шырокія правы рэдакцыям і журналістам, сітуацыя ў друку змянілася: адбыліся істотныя структурныя і тэматычныя змены і ідэалагічная пераарыентацыя газет, а таксама іншымі сталі ўмовы іх функцыянавання. Новым стымулам для развіцця нацыянальных СМІ было прыняцце ў 2008 г. новай рэдакцыі Закона «Аб сродках масавай інфармацыі». Суадносіны паміж дзяржаўнымі і альтэрнатыўнымі друкаванымі выданнямі сведчаць аб тым, што ў Беларусі будуецца дэмакратычнае грамадства.

2. Дзяржаўная інфармацыйная палітыка ў такой ступені павінна абараняць інтарэсы дзяржавы і ўлады, у якой дзяржава рэалізуе

і абараняе інтарэсы дэмакратычнага грамадства і кожнай асобы, – гэта і ёсць найважнейшы, фундаментальны прынцып ажыццяўлення дзяржаўнай інфармацыйнай палітыкі.

Аб’ектыўна неабходна, каб пры ўсім плюралізме пазіцый альтэрнатыўных СМІ ў іх быў агульны канструктыўны вектар для абароны нацыянальных інтарэсаў Беларусі, асобы, дэмакратычнага грамадства, народа і канструктыўнае ўзаемадзеянне з дзяржаўнымі органамі.

3. Аналіз дзейнасці беларускіх СМІ сведчыць, што ў цяперашні час паўстае праблема змянення (карэкцыі) дзейнасці сродкаў інфармацыі на парадыгмальным узроўні, асабліва ў частцы іх узаемадзеяння з грамадствам у мэтах адстойвання інтарэсаў дзяржавы. Важна ўлічваць сацыяльна-псіхалагічныя наступствы інфармацыйнага ўплыву на грамадзян. Таму не варта крытыкаваць дзяржаўнае кіраванне інфармацыйнымі працэсамі: кожная развітая дэмакратычная дзяржава прама або ўскосна ажыццяўляе гэту функцыю, асабліва ў мэтах абароны сваіх нацыянальных інтарэсаў, маральных і патрыятычных традыцый людзей. Наша грамадства зацікаўлена ў ідэйнай, патрыятычнай скіраванасці СМІ як суб’екта інфармацыйна-псіхалагічнага ўздзеяння і ў той жа час у захаванні прынцыпаў аб’ектывізму, праўдзівасці ў падачы матэрыялаў, павышэнні кваліфікацыі журналістаў, авалоданні новымі інфармацыйнымі тэхналогіямі ўплыву на масавую свядомасць. Масаваінфармацыйная дзейнасць беларускіх СМІ павінна быць сарыентавана на фарміраванне грамадскай думкі на аснове канкрэтных фактаў, аб’ектыўнай і сацыяльна адказнай інфармацыі, з дапамогай якой людзі змогуць лепш убачыць і ацаніць рэчаіснасць.

4. Паляпшэнню арганізацыі дзейнасці нацыянальных СМІ і павелічэнню іх канструктыўнага ўплыву на людзей ва ўмовах трансфармацыі грамадства спрыяюць:

- удасканаленне прававой базы сродкаў інфармацыі;
- стварэнне аналітычных службаў на радыё, тэлебачанні і ў рэдакцыях перыядычных выданняў з мэтай аператыўнага аналізу ўплыву іх дзейнасці на грамадскую думку;
- павышэнне ўзроўню палітычнай і сацыяльна-псіхалагічнай падрыхтоўкі журналістаў;
- павышэнне ўзроўню прававой і маральнай адказнасці кіраўнікоў СМІ за аб’ектыўнасць і праўдзівасць інфармацыі, а так-

сама за аб'ектыўнасць і навуковасць сацыяльных апытанняў, што праводзяцца і распаўсюджваюцца выданнямі, тэле- і радыёканаламі;
– удасканаленне механізмаў аператыўнай зваротнай сувязі паміж СМІ і грамадскай думкай, а таксама выпрацоўка каналаў давядзення праблем сучаснасці і настрою ў грамадстве да ўсіх інстытутаў дзяржавы.

5. Рэгуляванне тэлебачання ў большасці краін свету развіваецца ў кірунку змяншэння або рэструктурызацыі ўдзелу дзяржавы ў фінансаванні і вытворчай дзейнасці, у кірунку канкурэнцыі дзяржаўных інстытутаў з іншымі распаўсюджвальнікамі відэапраграм – прыватнымі вяшчальнымі арганізацыямі, кабельнымі або спадарожнікавымі сістэмамі і ў кірунку перагляду ролі дзяржавы ў кантролі над тэлебачаннем. Па гэтым шляху развіваецца і айчыннае тэлебачанне.

6. Развіццё айчыннага радыёвяшчання як найбольш таннага і эфектыўнага электроннага СМІ праходзіць у напрамках лакалізацыі станцый і сегментацыі іх аўдыторый. Беларускае дзяржаўнае радыё арыентуецца на ўсебаковае асвятленне рэчаіснасці, задавальненне патрабаванняў розных груп аўдыторыі і выкананне не толькі інфармацыйных і забаўляльных функцый, але і адукацыйных, культурных, выхаваўчых і г. д. Нацыянальнае радыё не адмовілася ад традыцыйных праграм з выкарыстаннем усяго набору жанраў радыёжурналістыкі, не скацілася на пазіцыі кампрамісу паміж інфармацыяй і музыкай, трывала ўтрымлівае сваю нішу на айчынным рынку інфармацыі. Яно не толькі інфармуе насельніцтва Беларусі, але і фарміруе новую эканамічную і палітычную культуру, прапагандуе каштоўнасці духоўнага і культурнага адзінства, гуманізму, талерантнасці. У шырокім сэнсе слова дзяржаўныя радыёканалы былі і застаюцца асноўным сродкам фарміравання сацыяльнай актыўнасці грамадскай супольнасці Рэспублікі Беларусь.

Канкурэнцыя за аўдыторыю радыёслухачоў істотна ўзбагаціла беларускае радыёвяшчанне. Паводле звестак на 1 студзеня 2012 г. на тэрыторыі краіны вяшчанне ў FM-дыяпазоне ажыццяўляюць 30 радыёстанцый, у асноўным музычнага і спецыялізаванага фарматаў. Яны ўнеслі новае ў вяшчальную палітыку: паставілі пад сумненне радыёпраграмы, заснаваныя на слове, і амаль поўнасцю замянілі эфірную мову, што пакладзена ў аснову традыцыйнага радыёвяшчання, на музыку і забаўляльныя радыёжанры.

Сёння на айчыннае радыёвяшчанне ўскладваюцца найважнейшыя задачы пераасэнсавання мінулага і ўзважанай ацэнкі цяперашняга, а таксама фарміравання новых каштоўнасна-нарматыўных установак на будучае. Тэндэнцыя работы камерцыйных радыёстанцый, якія клапоцяцца ў асноўным пра фінансавую выгаду, пакідаючы па-за ўвагай спадчыну, азначае абмежаванне прасторы, соцыуму, паказ жыцця ў межах вузкага, пазбаўленага гістарычнага сэнсу быцця.

7. Інтэрнэт як сродак інфармацыі забяспечвае большую, чым радыё, празрыстасць палітыкі і ў значнай ступені ўмацоўвае дэмакратычныя структуры.

Медыя беларускага інтэрнэту садзейнічаюць збалансаванаму ўстойліваму развіццю грамадства, утрымліваюць вялікі патэнцыял у плане яго далейшай дэмакратызацыі. Як грамадскі форум людзей і як сродак, што забяспечвае большую празрыстасць палітычнай сферы, СМІ ўмацоўваюць асновы дэмакратычнай сістэмы кіравання, гэта значыць неабходныя ўмовы эканамічнага росту. Новая інфармацыйна-насычаная эканоміка патрабуе больш адкрытых палітычных сістэм, якія, у сваю чаргу, запатрабуюць больш свабоднага патоку інфармацыі.

8. На тэрыторыі нашай краіны расійскія СМІ захоўваюць высокія тыражы, невялікі кошт на сваю друкаваную прадукцыю, а разам з тым і аўдыторыю чытачоў, рэалізуюць новыя праекты, актыўна пашыраюць сістэму дадаткаў, удасканальваюць службу распаўсюджвання.

9. Інфармацыйнае забеспячэнне стварэння Саюзнай дзяржавы адначасова з іншымі відамі арганізацыйнай дзейнасці – прававой, фінансава-эканамічнай, матэрыяльна-тэхнічнай – з’яўляецца стратэгічным напрамкам дзейнасці інтэграцыйных структур. Мана аб Беларусі часта выкарыстоўваецца апанентамі Саюза Беларусі і Расіі. Аднак нельга не прызнаць, што і бюджэтныя саюзныя СМІ, калі яны з-за перасцярогі пазбягаюць любой крытыкі, у тым ліку і справядлівай, наўрад ці будуць здольныя аб’ектыўна адлюстроўваць рэаліі, а таму непазбежна ператворацца ў своеасаблівыя «ведамасныя шматтыражкі», яны не спрыяюць, а, наадварот, шкодзяць інтэграцыйным працэсам.

Змест саюзных СМІ павінны вызначаць матэрыялы, якія здольны, з аднаго боку, адлюстраваць шырокі спектр поглядаў і пазіцый палітычных партый і рухаў на новым этапе развіцця Саюза, а з другога – праз дыскусію і абмен поглядамі, каментарый і аналіз уплы-

ваць на зрухі вектара грамадскай думкі на карысць інтэграцыі Расіі і Беларусі.

Аднак, трэба канстатаваць, што існуючыя саюзныя СМІ, за рэдкім выключэннем, у лепшым выпадку займаюцца інфармаваннем, а часцей – «інфармацыйным суправаджэннем».

Сёння ў нашай рэспубліцы на СМІ як адзін з апорных пунктаў грамадства і дзяржавы ўскладваецца гістарычная адказнасць. Палітычная кан'юнктура, сітуацыйныя абставіны штодзённасці заўсёды дыктуюць тэмы прафесійнаму журналісту. Хваляваца толькі аб імгненным на шкоду памяці пра мінулае і думак пра будучыню азначае абмяжоўваць прастору соцыуму, уціскаць жыццё ў рамкі вузкага, пазбаўленага гістарычнага сэнсу факта. Сучасная беларуская журналістыка не інфантыльная, каб выбраць такі шлях, яна павінна стаць паўнапраўным сааўтарам нашага часу, пашырыць гарызонты гістарычнага ўсведамлення мінулага, цяперашняга, будучыні – гісторыя вывучаецца не толькі па падручніках, але і па падшыўках газет, архівах тэле- і радыёперадач.

Аляксандр Дуброўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

РЭДАКТАРСКІ АНАЛІЗ ВЕРШАВАНАГА ТЭКСТУ: СІСТЭМЫ ВЕРШАВАННЯ

Рэдактарскі аналіз вершаванай формы паэтычнага твора пачынаецца з усведамлення таго, у якой сістэме вершавання ён напісаны. Гэта звязана з тым, што сістэма вершавання – самая агульная катэгорыя, якая апісвае рытмічную арганізацыю верша. Метр, памер, рытм – катэгорыі, якія канкрэтызуюць (менавіта ў такой паслядоўнасці) рытмічную структуру твора. У пэўных сістэмах вершавання некаторыя са звёнаў гэтага ланцужка будуць супадаць (напрыклад, метр і памер у сілабічнай сістэме), а ў іншых сістэмах традыцыйна выкарыстоўваюцца замест некаторых з названых катэгорый іншыя (напрыклад, «віды танічнага верша» ў танічнай сістэме займаюць тую пазіцыю ў гэтым ланцужку, якую ў сілаба-тоніцы займае метр).

Задача аксіяматычнага апісання ўсіх магчымых сістэм вершавання ў дачыненні да рускай мовы была вырашана Б. Ф. Ягоравым [9].

Нішто не можа перашкодзіць прыняць гэтае апісанне і для беларускамоўнага матэрыялу. Рэдактар, які працуе з вершаванымі тэкстамі, павінен добра ведаць усе тыя сістэмы вершавання, з якімі ён можа сутыкнуцца, разумець, што з’яўляецца дапушчальным і недапушчальным у кожнай з іх, умець ацэньваць матываванасць выкарыстання тых ці іншых сістэм вершавання.

У абсалютнай большасці выпадкаў, рэдагуючы сучасныя вершаваныя творы на беларускай і рускай мовах, мы сутыкаемся з сілаба-танічнай, танічнай сістэмамі і верлібрам. Але, як гэта ні дзіўна, разуменне такіх архаічных сістэм вершавання, як сілабічная, дасілабічная, метрычная (антычная), застаецца актуальным пры рэдагаванні літаратурных вершаў і сёння. На гэтым мы зараз і спынімся.

Здавалася б, антычная сістэма вершавання не павінна ўвогуле цікавіць сучаснага рэдактара, калі ён не працуе з выданнем антычных твораў. Але гэта не так. І справа не толькі ў тым, што менавіта антычная сістэма непасрэдна паўплывала на станаўленне найбольш распаўсюджанай у нас цяпер сілаба-танічнай сістэмы вершавання. З метрычным вершаваннем мы можам сутыкнуцца і значна больш непасрэдна. Па-першае, гэта эквірытмічныя пераклады антычных твораў. Бясспрэчна, ва ўсходнеславянскіх мовах працягласць гучання галосных не мае самастойнага фаналагічнага значэння. У нас гэтая працягласць непасрэдна звязана з націскам. А, напрыклад, у лацінскай мове доўгі склад і націскны склад не былі тоеснымі паняццямі, і антычнае вершаванне было заснавана менавіта на ўпарадкаваным чарграванні доўгіх і кароткіх складоў. Такім чынам, эквірытмічным перакладам з класічных моў на ўсходнеславянскія трэба лічыць такі пераклад, у якім памер арыгінала імітуецца сродкамі мэтавай мовы. І спосаб такой імітацыі добра вядомы: доўгім складам арыгінала павінны адпавядаць націскныя склады перакладу. Перад намі ўрывак з эквірытмічнага перакладу оды Гарацыя «Да Мельпамэны» («Exegi monumentum…»), зроблены М. Багдановічам (твор вядомы пад назваю «Памятнік»):

Лепшы медзі сабе памятнік справіў я,
Болей ўсіх пірамід царскіх падняўся ён;
Не зруйнуе яго сівер, ні едкі дождж,
Ні гадоў чарада, вечнага часу рух [2, с. 376].

Гэта імітацыя асклепіядава верша. Вось яго схема: | – | – – | // | – – | – |.

Але імітацыі антычнага верша сустракаюцца не толькі ў перакладах. Звернем увагу, напрыклад, на «Пентаметры» М. Багдановіча:

Чыстыя слёзы з вачэй пакаціліся нізкай парванай,
Але, упаўшы у пыл, брудам зрабіліся там [2, с. 135].

Гэта элегічны двуверш, утвораны спалучэннем гекзаметра, прычым лацінскага – з цэзурай пасля першага склада трэцяй стапы (першы радок), і пентаметра (другі радок). Схема элегічнага двуверша наступная:

| – – | – – | // – – | – – | – – | –
| – – | – – | // | – – | – – |.

У абодвух прыкладах цікава тое, што тут назіраецца ўплыў рытмічных законаў сілаба-тонікі: М. Багдановіч дапускае пропускі схемных націскаў на месцы доўгіх складоў (гаворка ідзе пра службовыя часціны мовы – часціцы *не* і *ні* ў перакладзе оды Гарацыя і злучнік *але* ў «Пентаметрах»). І гэта абсалютна заканамерна і дапушчальна: і сам паэт, і мы, сучасныя чытачы, успрымаем гэтыя імітацыі антычнага верша менавіта праз прызму сілаба-тонікі, таму падобныя сілаба-танічныя прыёмы гучаць для нас натуральна.

Вось больш складаны прыклад імітацыі метрычнай сістэмы вершавання ў арыгінальным творы М. Валошына:

Седым и низким облаком дол повит…
Чернильно-сини кручи лиловых гор.
Горелый, ржавый, бурый цвет трав.
Полосы йода и пятна желчи [5, с. 59].

Гэта алкеева страфа, чацвёрты радок якой і ўяўляе сабою алкееў верш – спалучэнне двух дактыляў і двух харэяў.

Нарэшце, трэба сказаць і пра тое, чым жа з’яўляюцца такія імітацыі з пункту гледжання ўсходнеславянскага вершазнаўства, бо, зразумела, сама метрычная сістэма як такая немагчымая ва ўсходнеславянскіх мовах. Адказ відавочны: гэта стопныя лагаэды [10, с. 219], што з’яўляюцца пераходнай формай паміж сілаба-тонікай і тонікай [8, с. 51].

Сфармулюем, у чым заключаецца складанасць і небяспека для рэдактара пры сустрэчы з імітацыямі антычнага верша. **Па-першае**,

рэдактар можа проста не распазнаць такую імітацыю, калі не будзе знаёмы з антычным вершаваннем і з самой магчымасцю такіх імітацый. Калі ён не распазнае гэтай з'явы, то зробіць памылковую выснову аб тым, што такі тэкст мае нейкую незразумелую, немагчымую, недапушчальную метрыка-рытмічную арганізацыю і проста не можа быць апублікаваны. **Па-другое**, нават дасведчаны ў нашай тэме рэдактар павінен ацэньваць дарэчнасць, эстэтычную матываванасць выкарыстання такіх вершаваных форм. Прымяняць тут трэба семантычны крытэрый: антычныя формы асацыіруюцца з антычнымі матывамі. Таму іх ужыванне магчымае ў перакладах твораў антычнай літаратуры (у сучаснай практыцы перакладу гэта нават абавязковае патрабаванне, бо гэта самы арганічны спосаб дасягнуць эквірытмічнасці), а таксама ў творах, у якіх выкарыстоўваюцца вобразы, што могуць быць суаднесены з антычнай тэматыкай, у тым ліку ў перайманнях. Напрыклад, згаданую вышэй алкееву страфу мы знаходзім і ў творы В. Брусава «Перайманне Гарацыя». Што ж датычыцца працытаванага верша М. Валошына, то ён уваходзіць у нізку «Кімерыйская вясна». Кімерыяй М. Валошын называў усходні Крым, гісторыя якога сапраўды шчыльна звязана з антычнай цывілізацыяй. Таму М. Валошына дакараць няма за што. А вось змястоўна не матываваныя спробы выкарыстоўваць імітацыі антычных форм павінны ацэньвацца рэдактарам адмоўна. Як паказаў М. Л. Гаспараў, вершаваны метр сапраўды мае культурную памяць [6], што нельга ігнараваць. **Па-трэцяе**, непасрэдна ў працэсе рэдагавання твора рэдактар павінен сачыць за тым, каб не разбурыць метрычную структуру верша. Звернем увагу на тое, што ў працытаваным перакладзе М. Багдановіча напісанне *ў нескладовага* падпарадкоўваецца менавіта метрычнай схеме. Рэдактар, які па недасведчанасці ўспрыняў бы падобныя тэксты як танічную форму, мог бы захацець прывесці напісанне *ў нескладовага* ў адпаведнасць з правіламі арфаграфіі. Іншая справа, што сучасныя аўтары, на наш погляд, і самі павінны адыходзіць ад практыкі, якая раней дазваляла ў гэтым пункце парушаць арфаграфічныя правілы.

Такая сітуацыя з антычнымі формамі ва ўсходнеславянскай паэзіі. Яшчэ дзве з названых намі архаічных сістэм вершавання – сілабічная і дасілабічная – маюць іншы статус у нашых літаратурах. У адрозненне ад антычнай сістэмы, яны сапраўды выкарыстоўваліся ў паэзіі на нацыянальных мовах усходніх славян. Гэта значыць,

што рэдактары сутыкаюцца з адпаведнымі формамі, калі працуюць над выданнем айчыннай паэзіі мінулых эпох. І калі для рускай літаратуры гэта перыяд да рэформы Традзьякоўскага – Ламаносава, то для беларускай – нават XIX стагоддзе: Я. Чачот, Я. Баршчэўскі, А. Рыпінскі, В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч і іншыя паэты, якія карысталіся сілабікай [10, с. 259]. Наш літаратурны верш узнік як верш дасілабічны – «з адвольнай колькасцю складоў у радку і рэгулярнай рыфмай у суседніх радках» [4, с. 375]. Менавіта гэтым тэрмінам трэба называць тэксты накшталт эпіграмы Ф. Скарыны да кнігі «Іоў» (В. П. Рагойша гэты верш адносіць да сілабічнай сістэмы [10, с. 257]):

Богу въ Троици единому ко чти и ко славе,
Матери Его пречистой Марии к похвале,
Всем небесным силам и святым Его к веселию,
Людем посполитым к доброму научению [1, с. 338].

Колькасць складоў у радках тут 15 – 14 – 15 – 14, не захоўваецца пастаяннае месца цэзуры.

Цікава, што прынцыпы сілабічнай паэзіі не так даўно актуалізаваліся ў сучаснай літаратуры. Можна прывесці два прыклады. Першы мы знаходзім у М. Л. Гаспарава: «Есть один случай, где русский автор бежит впереди даже западного прогресса: западный верлибр, устав от полной свободы, начинал было организовываться в сложные силлабические строфы – и вот в русском верлибре, еще не освоившем полной свободы, то же делает еще малоизвестная поэтесса Л. Березовчук (в «Новом литературном обозрении») – то ли начитавшись М. Мур и Д. Томаса, то ли просмотрев нужный параграф в книжке «История западноевропейского стиха» [7, с. 308].

Другі прыклад – зварот беларускіх паэтаў у канцы XX – пачатку XXI ст. да японскіх форм верша – хоку і танка, бо гэтыя формы, сапраўды, ствараюцца на прынцыпах сілабікі. Асабліва палюбіліся беларусам хоку. Гэтыя вершы складаюцца з трох радкоў; у першым і трэцім – пяць складоў, у другім – сем. Цікава, што сустракаюцца тэксты, у якіх гэтае патрабаванне не вытрымліваецца, але яны чамусьці называюцца хоку. У апошнім выпадку рэдактар павінен зняць жанравае абазначэнне, але сам твор можа быць апублікаваны. У якасці жартаў ці эксперыментаў узнікалі творы, у якіх хоку выкарыстоўваліся ў якасці страфы ў раўнастрофным творы (А. Глобус і інш.), хаця вядома, што хоку – гэта манастрафа.

Дасілабічная і сілабічная (квазісілабічная) сістэмы вершавання – гэта, як ні дзіўна, менавіта тое, што часам можна сустрэць у творах людзей, якія пачынаюць пісаць вершы, але якім не хапае рытмічнага слыху, каб інтуітыўна засвоіць сілаба-тоніку або тоніку, у той час як з тэорыяй вершавання яны не знаёмыя. У лепшым выпадку яны пачынаюць лічыць склады ў радках (чаго рабіць не трэба), і атрымліваецца квазісілабічная сістэма вершавання («квазі» – таму што не вытрымліваюцца астатнія патрабаванні гэтай сістэмы). У горшым выпадку (хаця «горш» ці «лепш» тут катэгорыі вельмі ўмоўныя) не вытрымліваецца нават аднолькавая колькасць складоў. У выніку – дасілабічныя вершы. Але часта ўзнікае наступная сітуацыя. Сілаба-танічны кантэкст, які пануе ў нашай культуры, аказвае пэўны ўплыў на пачаткоўцаў, у выніку нейкія сілаба-танічныя «кавалкі» ў бессістэмнай паслядоўнасці трапляюцца ў тым рытмічным хаосе, што ствараюць гэтыя аўтары.

Мы вымушаны працытаваць адзін верш, які быў знойдзены ў інтэрнэце, але спачатку звернем увагу на каментарый, які быў там жа: «Особую пикантность стихотворению придает то, что это не Стихи.Ру и даже не самиздат. Это было напечатано в самарской газете «Молния», № 4 (2003), изрядным тиражом» [11]. А вось і ўрывак з верша (пунктуацыя аўтарская):

Прощай, неверная подруга!
Я тихо ушла из жизни твоей
И дверь я прикрыла без стука.
Не миновать теперь из прошлого теней,
Но веришь, мне легка с тобой разлука.
Я просто фотоальбом беру,
Листаю в поисках мыслей.
Различные воспоминания я только нахожу,
Что было со мной и с тобой вспоминаю [11].

Першы радок – чатырохстопны ямб, другі – чатырохстопны амфібрахій са сцяжэннем, трэці – трохстопны амфібрахій, чацвёрты і пяты – шасцістопны ямб, шосты і сёмы могуць быць кваліфікаваны як танічны верш, восьмы радок – васьмістопны ямб, дзявяты – чатырохстопны амфібрахій.

Якім чынам рэдактар мог прапусціць такі тэкст?.. Яго змест здаўся рэдактару прымальным?.. Студэнты задавалі нам пытанне:

«Ці можа быць прымальным змест паэтычнага твора ў выпадку непрымальнасці яго формы?» Наш адказ катэгарычны: гэтага не можа быць ніколі. Гэта супярэчыла б усім нармальным уяўленням пра паэтыку і эстэтыку мастацтва слова. У паэзіі форма і змест яшчэ мацней спаяны, чым у прозе. Нейкія прыватныя фармальныя агрэхі могуць сустракацца, і менавіта іх заклікананы выправіць рэдактар. Але калі форма з'яўляецца адным суцэльным і катастрафічным агрэхам, то няма сэнсу штосьці шукаць у змесце, бо ў гэтым выпадку перад намі будзе проста *нейкі тэкст*, але не *мастацкі твор*. У прыведзеным прыкладзе работа рэдактара з тэкстам павінна і пачынацца, і заканчвацца аналізам сістэмы вершавання. Такі тэкст не падлягае рэдактарскай праўцы і не падлягае публікацыі.

Пяройдзем да тых сістэм вершавання, якія пануюць у сучасных усходнеславянскіх літаратурах.

Сілаба-танічная сістэма не стварае праблем для рэдактара (гаворка ідзе зараз пра ацэнку выкарыстання самой сістэмы вершавання, а не пра канкрэтныя метры, памеры, рытмічныя прыёмы, бо тут складанасцей ёсць нямала). Трэба толькі заўважыць, што рэдактар павінен адэкватна рэагаваць на радковыя лагаэды [10, с. 219] і паліметрычныя вершы. Такія з'явы абсалютна нармальныя ў нашай паэзіі (хоць і не частыя) і не павінны выклікаць ніякіх нараканняў. А вось астатнія дзве сістэмы вершавання ствараюць больш праблем для рэдактарскага аналізу з прычыны іх меншай распаўсюджанасці і прывычнасці. Гаворка ідзе пра танічную сістэму вершавання і верлібр. Тыя праблемы, якія могуць напаткаць рэдактара, маюць дваістую прыроду: па-першае, гэта праблемы псіхалагічныя, па-другое – структурныя. Псіхалагічныя праблемы зводзяцца да таго, што рэдактар, як і любы чытач, прывыкае да тых вершаваных форм, якія найчасцей сустракае. А гэта азначае, што найбольш рэдкія ў нашай паэзіі тактавікі і акцэнтныя вершы могуць нявопытнаму рэдактару здавацца і «непрыгожымі», і «няправільнымі». Практыка паказвае, што, нягледзячы на школьнае вывучэнне паэзіі У. Маякоўскага, многія чытачы так і не развіталіся з псіхалагічным непрыманнем акцэнтнага верша. Але для рэдактара такія псіхалагічныя рэакцыі абсалютна недапушчальныя.

Верлібр зараз папулярны: яго ўяўная простасць вабіць многіх паэтаў, у тым ліку маладых. І мала хто разумее, што за гэтай структурнай простасцю хаваецца змястоўная складанасць: выкарыстоўваючы гэтую сістэму вершавання, паэт заўсёды рызыкуе стварыць пусты

тэкст. Стандартнае патрабаванне да верлібра – філасофская заглыбленасць. А патрабаванне гэтае не заўсёды выконваецца аўтарамі.

Структурныя (на ўзроўні рытмікі) праблемы чакаюць рэдактара пры сутыкненні з любымі відамі танічнага верша (а вось верлібр менавіта такіх праблем рэдактару не прынясе). Але трэба сказаць, што танічны верш у параўнанні з сілаба-танічным сапраўды мае больш разняволеную рытмічную арганізацыю, таму часцей за ўсё рэдактару трэба не столькі выпраўляць нешта, колькі ўстрымлівацца ад неапраўданых правак. Спынімся на гэтым і звернем увагу на просты, але паказальны прыклад.

Савецкі час прывучыў чытача да вельмі строгага, вельмі ўпарадкаванага дольніка [7, с. 291]. Гэта дольнік, які набліжаецца да трохскладовых сілаба-танічных памераў з пастаяннай анакрузай. На фоне гэтай чытацкай прывычкі павінны выглядаць «няправільнымі» нават класічныя творы А. Блока.

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад [3, с. 168].

У другім радку – двухскладовая анакруза на фоне аднаскладовых. Звернем увагу і на тое, што ў першым, другім і чацвёртым радках аднаскладовыя інтэрвалы знаходзяцца на першай між’іктнай пазіцыі; гэтая рытмічная варыяцыя 3-іктнага дольніка, характэрная для творчасці А. Блока, пазней выцясняецца больш прывычнай нам цяпер – з аднаскладовым інтэрвалам на другой пазіцыі (як у трэцім радку) [7, с. 244].

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет [3, с. 170].

У першым і чацвёртым радку анакрузы аднаскладовыя, у другім – анакруза двухскладовая, у трэцім – нулявая. У другім радку – два аднаскладовыя інтэрвалы паміж націскамі («прывычным» для нас зараз з’яўляецца толькі адзін аднаскладовы інтэрвал у радку, тым больш у 3-іктным дольніку).

Гэтыя прыклады паказваюць, што рытм дольнікаў, які стаў нам прывычным дзякуючы савецкай паэтычнай традыцыі, зусім не

з'яўляецца адзіна магчымым. І калі рэдактар сустрэне «незвычайныя», непрывычныя рытмічныя варыяцыі, ён павінен гэта толькі вітаць і ні ў якім разе не спрабаваць выправіць.

Вось такія складанасці могуць напаткаць рэдактара нават у адносна прывычным дольніку, а што гаварыць пра тактавік і акцэнтны верш! Але падкрэслім, што, як было паказана, гэтыя складанасці не з'яўляюцца рытмічнымі недахопамі, таму іх не трэба выпраўляць, нягледзячы на ўсю «непрывычнасць» такіх версіфікацыйных форм. Тым больш рэдактар дапусціць грубую памылку, калі «забракуе» верш на падставе выкарыстання гэтых форм аўтарам. Такім чынам, мы прыходзім да высновы, што важныя ўмовы прафесійнага выканання рэдактарам сваіх абавязкаў пры рабоце з вершаванымі тэкстамі – начытанасць і веданне тэорыі вершавання.

Літаратура

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 1015 с.

2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – Т. 1 : Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 752 с.

3. Блок, А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Блок. – М. : Изд-во «Правда», 1971. – Т. 1. – 478 с.

4. Введение в литературоведение : учебник / Н. Л. Вершинина [и др.]; под общ. ред. Л. М. Крупчанова. – М. : Оникс, 2005. – 416 с.

5. Волошин, М. Избранное : стихотворения, воспоминания, переписка / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко. – Минск : Маст. літ., 1993. – 479 с.

6. Гаспаров, М. Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти / М. Л. Гаспаров. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 289 с.

7. Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. – 2-е изд., доп. – М. : Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.

8. Дуброўскі, А. У. Паэтыка Рыгора Барадуліна: рытмічная арганізацыя верша / А. У. Дуброўскі. – Мінск : Рэйплац, 2006. – 128 с.

9. Егоров, Б. Ф. Аксиоматическое описание русских систем стихосложения / Б. Ф. Егоров // Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания / Б. Ф. Егоров. – Томск : Изд-во «Водолей», 2001. – 512 с.

10. Рагойша, В. П. Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 576 с.

11. Сообщество bad_poetry_ru [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://bad-poetry-ru.livejournal.com/171058.html. – Дата доступа : 23.11.2011.

Лилия Дускаева, Наталья Цветова
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА: ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ

Ключевая особенность ситуации, сложившейся сегодня в русской медиалингвистике, – нацеленность на выявление эффективных, соответствующих современному состоянию объекта исследования и дидактически продуктивных и оправданных подходов к анализу медиатекста. Одно из первых научных направлений, обратившихся к медиатексту, была функциональная стилистика. Думается, что сегодня медиалингвистика вплотную подошла к новому этапу исследований – интенциональной стилистике (термин Л. Р. Дускаевой), когда, наряду с проявлением инвариантных, свойственных медийной сфере речевых свойств, становится необходимым анализировать вариантные, свойственные классу медиатекстов. Интенция и интенциональность – это тот экстралингвистический фактор, который, будучи феноменом ментального характера, значим для исследования не только семантико-смысловой, но и речевой структуры медийной речи в очень разнообразных ее проявлениях.

Интенциональность считают фактором осознанности речевого поведения. Понятно, что осознанность – важная характеристика речепорождения в институционально организованной медийной речи. Речевой профессионализм в медиасфере включает владение навыками коммуникативно целесообразного употребления языковых средств. Вот почему понятие интенциональности значимо и в медиастилистическом исследовании, поскольку такой поворот ставит во главу угла речевое поведение субъекта в определенных коммуникативных условиях. Исключительная актуальность и прикладное значение такого аналитического подхода определяется непосредственной его связью с размышлениями о профессионализме журналиста, пиар-мена и рекламиста, следовательно, с разработкой содержания

и методики преподавания речеведческих дисциплин на факультетах журналистики и массовой коммуникации.

Мы полагаем, что формирующееся направление имеет научную перспективу. Оно опирается на методологические принципы функционально-стилистических исследований: единства лингвистической и экстралингвистической сторон речи; связи функционального стиля с соответствующими формой общественного сознания и сферой общения; деятельностной трактовки функционального стиля речи и целеполагания в нем как детерминанты речевого своеобразия конкретного текста и группы текстов; системного подхода к анализу речевого материала. Такой подход был намечен в трудах отечественных и чешских лингвистов 20–30 гг. XX столетия – М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. П. Якубинского, членов Пражского лингвистического кружка и продолжен в работах отечественных ученых 70-80 гг.: М. Н. Кожиной, Г. Я. Солганика, А. Н. Васильевой, И. П. Лысаковой, Т. В. Матвеевой, Л. Г. Кайды.

Интенциональный подход дает возможность увидеть не только общие речевые свойства медиатекста как текстотипа определенной сферы общения, но и свойства, обусловленные разнообразием коммуникативных ситуаций, рождаемых в медийной среде. Исследуя, как протекают сложнейшие процессы формирования целей, мотивов речевого общения в тех или иных условиях функционирования медиасферы, становится возможным проанализировать механизмы реализации интенциональности в речевом поведении субъекта речи. Для нас значимо, что интенциональность в масс-медиа представляет собой системное образование – интенциональность, детерминируемую традициями употребления в той или иной профессиональной сфере общения, а также в тех или иных условиях протекания «медиалайф» (термин С. Г. Корконосенко), и интенциональность, определяемую творцом, находящимся в конкретных коммуникативных условиях. Эта двусторонность ключевого для современной медиастилистики явления обусловлена сочетанием стереотипного и творческого в конкретном творческом акте.

При определении интенциональности в медийной сфере мы опираемся на общие признаки коммуникативной интенции, выделяемые разными авторами: 1. В речевом общении интенция – один из важнейших экстралингвистических «текстообразующих факторов, организующих звено в многослойной содержательной структуре про-

изведения» [6, с. 101]. 2. Даже отдельная интенция рассматривается как системный феномен, в связи с чем устанавливаются ее элементы и особенности взаимосвязи этих элементов. Системность указывает на то, что компоненты системы имеют свойства, присущие всей системе, но, кроме того, способны вырабатывать, продуцировать собственные, присущие только им качества. Эти признаки системности влияют и на структуру интенции. Исходя из наиболее общего понимания интенции как «установки на смысл будущего высказывания» или как «своеобразного сплава потребности, мотива и цели» [5, с. 53], устанавливаются структурные различия интенций, которые управляют речеобразованием в той или иной сфере. 3. В конкретной ситуации общения значимые звенья выстраиваются в последовательность, а интенция звена вступает во взаимосвязь с другими, образуя интенциональность. Интенция, будучи системным объектом, может рассматриваться в свою очередь частью системы более высокого порядка – интенциональности коммуникации той или иной сферы, звеном в сложной иерархии интенций.

В определении структуры типовой интенции исходной для нас стала идея об интенции как «сплаве потребности, мотива и цели», высказанная, напомним, в работе Г. В. Колшанского [5, с. 53]. По Колшанскому, цель – это результат, стремясь к которому субъект осуществляет свою деятельность. Характер этой деятельности определяется мотивом и потребностью, как следствие, в структуре типовой интенции медиатекстов имеются как минимум две составляющие – мотивационный и содержательно-смысловой аспекты. Мотивационный аспект указывает на направление предвосхищаемого процесса воздействия, потребность – на характер предполагаемых изменений в смысловом поле адресата. Направление коммуникации задается характером гипотетического читательского запроса, который в свою очередь детерминируется традициями информационной деятельности СМИ. Так, осведомительная интенция возникает в ответ на запрос о фактах, оценочная – в ответ на запрос о мнениях, побудительная – в ответ на запрос о предписаниях.

Важно подчеркнуть, что в реальной текстопорождающей практике, призванной воздействовать и убеждать, все виды информирования тесно переплетаются – такова закономерность воздействия в медийной сфере, осуществляемого в диалоге автора и читательской аудитории. Можно говорить лишь о степени проявления их в каждом

типе текстов. Однако при анализе приходится прибегать к условному расчленению объекта.

Для характеристики интенциональности медийного общения немаловажно, что в ней выделяются интенции *прямого, системного* назначения, типизированные, обусловленные институциональной предназначенностью СМИ. В журналистской речи происходит наложение «оси конвенции» на «ось интенции» (термины Г. Г. Хазагерова), профессиональная (институциональная) интенциональность упорядочивает и организует многовекторность *индивидуальных интенциональных* устремлений субъекта речи.

Обращаем внимание и на еще одно обстоятельство: интенциональность в профессиональной речевой среде принципиально диалогична, ответна, поскольку мотивационный и содержательно-смысловой аспекты интенциональности формируются как *ответ* на ожидаемые, прогнозируемые информационные запросы адресата и в свою очередь стимулируют рождение нового текстового сообщения, которое и в речевой структуре стремится соответствовать информационным интересам читателя (более подробно см. работы Л. Р. Дускаевой).

Интенциональность медийной речи усложняется в силу влияния и многих факторов – технологических, культурно-исторических, познавательно-творческих. В частности, из-за возможности трансляции информации по различным каналам формируется *макро-* и *сверхтекстовая* интенциональность (реализуемая радио- и телепрограммами, печатными и сетевыми периодическими изданиями). Интенциональность информационной политики изданий и программ конкретизируются в интенциональности совокупного текста – текстов *отдельных номеров печатных и сетевых периодических изданий, отдельных выпусков* радио- и телепрограмм). Интенциональность медийной речи «выстраивается» как *сверхтекстовая*, если реализуется в тематической совокупности медиатекстов.

Мотивационный и содержательно-предметный аспекты интенциональности предопределяют смысловую структуру медиатекста, индивидуальная конфигурация которой в каждом отдельном тексте (сверхтексте, макротексте) насыщает типизированные композиционно-речевые формы индивидуальными проявлениями стилистического рисунка в тексте.

Наше представление о полиинтенциональной системности журналистского текста как одной из разновидностей медиатекста может быть представлено в виде следующей схемы.

Схема. Полиинтенциональность журналистского текста

<table>
<tr><td colspan="6">Содержательно-смысловая интенциональная основа</td></tr>
<tr><td colspan="6">1 слой Типовые (системные) интенции</td></tr>
<tr><td colspan="3">Социально-ориентирующие</td><td colspan="3">Развлекательные</td></tr>
<tr><td colspan="6">2 слой Индивидуальные интенции</td></tr>
<tr><td colspan="3">Прямые</td><td colspan="3">Косвенные</td></tr>
<tr><td colspan="6">Содержательно-структурные наслоения интенциональности</td></tr>
<tr><td colspan="2">Интенциональность макротекста (типа издания, программы, сетевого издания)</td><td colspan="2">Интенциональность совокупного текста номера/выпуска</td><td colspan="2">Интенциональность сверхтекста (как тематического единства)</td></tr>
</table>

В последние годы стала очевидной необходимость деятельностного подхода к речи, требующей изучения в тексте динамики речепорождения, свойственной той иной типовой модели общения в данной сфере, которая и формирует интенциональный стиль – своеобразный сплав инвариантных черт, свойственных медиасреде, и вариативных, свойственных более частной модели общения. В частности, такой подход был реализован при создании диалогической генологической концепции медиатекста [3]. Изучение собственно динамики жанрообразования в журналистике показало, что развертывание медиажанра происходит во взаимодействии по той или иной типовой модели смысловых позиций автора и гипотезы адресата.

При интенциональном подходе к изучению стилистики медиатекста, предполагающем деятельностное понимание речеобразования, важнейшим компонентом речевой деятельности становится субъект речи со своей коммуникативной интенцией. Для глубокого понимания процессов, происходящих в медийной сфере, системного их описания такой подход является едва ли не единственно возможным, потому что в медиа речевая интенциональность выступает основой речевого поведения и определяет содержание коммуникации, речевую организацию, силу и тип высказывания. Именно поэтому интенция субъекта речи в том или ином аспекте, варианте, в той или иной

форме воплощения находится в сфере внимания практически всех современных направлений медиалингвистики.

Автор высказывания /произведения/ текста – со времен Сократа один из наиболее значимых объектов гуманитарной науки. Базовая терминологическая единица классической филологической теории автора («образ автора») появилась в 20-е годы прошлого века при попытке выявления законов изменения структуры художественного произведения – «литературы вымысла». Хотя интерес к автору появился уже в начале эпохи формирования устойчивой тысячелетней традиции рукописной передачи текста. А впервые Ф. Петрарка отметил разницу между Цицероном – философом и мудрецом, автором моральных диалогов, и живым, частным человеком со сложным политическим поведением.

В русской филологии В. В. Виноградовым было осуществлено четкое разграничение «образа автора» и автора как биографической личности и предсказана «историко-семантическая трансформация» «образа автора» в новых типах и системах словесного творчества [2, с. 151]. И осуществить это разграничение удалось только потому, что В. В. Виноградов, его современники и единомышленники (А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, В. Б. Шкловский, Р. Якобсон, Б. М. Эйхенбаум, М. М. Бахтин) говорили не о конкретном авторе конкретного художественного произведения. Для них «образ автора» – абстрактный текстовый компонент, без осознания существования, без описания которого никогда не возникла бы категория автора как фундаментальная категория текстовой реальности, имеющая многоуровневые и многофункциональные проявления.

По Виноградову, образ автора – уникальная семантико-стилевая категория, центр художественно-речевого мира, с которым связан целый комплекс «авторских» проблем: автор как организующее начало смыслового пространства текста; автор как действующее лицо; автор как элемент стиля и т. д.

Сегодня *образ автора* опять один из самых изучаемых объектов в филологии, медиастилистики в том числе. И если суммировать все дефиниции данного терминологического словосочетания, то можно сделать следующий вывод: образ автора – это художественная персонификация автора-творца, наиболее ярким воплощением которой можно считать образ рассказчика/повествователя – «условного носителя авторской речи» [2, с. 101], по определению Е. А. Реферовской,

выражающему представления коммуникативной грамматики, – «вторичный изображающий субъект».

В функциональной стилистике при анализе медиатекста как целенаправленного социального действия, как «способа передачи сообщения, являющегося отражением речемыслительного процесса» [4, с. 56–57], уже произошло возвращение в поле научного поиска процесса текстопорождения, что спровоцировало обостренное внимание к автору – субъекту, в диалогическом взаимодействии с гипотезой адресата творящих или продуцирующих текст, что вынесло вопрос о приложимости данной общефилологической категории к медиатексту. Методологической основой для такого переноса является давнее высказывание В. В. Виноградова о возможности существования различных вариантов «образа автора», о возможности трансформации его «в разных типах словесного творчества» [2, с. 151]. И филология 1970-х годов (школа Б. И. Кормана), анализируя изменения в практике создания художественного и публицистического текстов, на наш взгляд, абсолютно справедливо, оправданно вводит термин «категория автора» для обозначения автора-носителя концепции всего произведения (Б. И. Корман), активной индивидуальности видения и оформления, видимой и оформленной индивидуальности (Н. Д. Тамарченко). Это свидетельствует о том, что русская филология одновременно с западной гуманитарной наукой (см.: Эко У. Поэтика открытого) готовилась к включению категории автора в систему категорий текстопорождающих, напрямую определяющих, формирующих интенциональное поле текста, к исследованию не только текстовых, но и пред-, подтекстовых ее проявлений. Эта тенденция является определяющей и для медиастилистики, изучающей текст, в котором категория автора, как и в тексте художественном, является ключевой, но более сложной по содержанию. Что явилось тормозом для реализации этой готовности, для соотнесения теоретических наработок, сделанных при анализе художественных текстов с медийным материалом, который до сих пор находится в состоянии ожидания соответствующих его природе аналитических методик? Прежде всего принципиальная, сущностная новизна субъекта речи, продуцирующего (не создающего!) «социальный» (Г. Я. Солганик) по характеру подхода к освоению действительности, «коллегиальный» (Е. П. Прохоров) по способу производства медийный текст.

Соединение этих двух обстоятельств, напрямую связанных с автономным исследованием уникальной бесконечности текстовых ма-

нифестаций категории автора в современном медийном тексте, и задает ощущение неопределенности аналитических подходов и, как следствие, терминологическое «смятение» при исследовании категории автора в медиатексте:

– в одних случаях исследуется авторское (субъектное начало) медиатекста – речевая манифестация авторского видения изображаемого фрагмента картины мира (ключевые проявления авторского начала – авторская модальность, оценочность, номинации, контактоустанавливающие средства, ритмически-интонационная структура текста и т. д.), каталогизирует речевые средства выражения «авторского я» (Г. Я. Солганик, Л. М. Майданова, Л. Г. Кайда и др.);

– в других случаях – с оглядкой на диалогическую природу текста – изучаются формы и способы развертывания автором текста в диалогическом взаимодействии с гипотезой адресата, разными ее аспектами [3] и т. д.

В сложившейся ситуации нет противоречий, потому что, повторяем, внимание к той или иной текстовой манифестации категории автора зависит от типа и жанра текста (например, анализируя художественно-публицистические жанры, придется говорить в некоторых случаях об «образе автора», при разговоре о жанрах аналитических более правомерен разговор об авторском начале, речевая структура идеологических текстов во многом определяется авторской позицией); категория автора в медиатексте имеет двухуровневое содержание, которое может исследоваться с применением разных аналитических подходов и методик.

Первый, внешний уровень (речевой системности) – вариативное взаимодействие на текстовой плоскости прямых и косвенных манифестаций данной категории, формирующих речевую системность (стилистику) типа и жанра текста, а общность заключается в сходстве, родстве эмпирического обеспечения. (Так, набор речевых средств выражения авторского начала мало отличается от средств выражения авторской позиции.)

Второй уровень – экстралингвистический (глубинный) – смысловая структура типа, жанра медиатекста, которая определяется авторской интенциональностью: сверхтекстовой (ориентированной на создание определенного фрагмента медиакартины мира); межтекстовой (ориентированной на создание концепции издания); текстовой (ориентированной на создание отдельной публикации).

Следует заметить, что при формировании представления об авторской интенциональности в некоторых типах медиатекста и медиажанрах необходимо учитывать разную степень выраженности авторской самоманифестации. В некоторых типах субъекта нет индивидуально созданной интенциональности (у субъекта, формирующего тип издания, сетевое СМИ, в глянцевых изданиях и т. п.), но, например, есть детские издания, в которых текстовой манифестацией категории автора может стать его образная персонификация.

И первый, и второй уровни содержания категории автора в медиатексте, несмотря на специфику авторства, в ряде случаев все-таки не утрачивают окончательно индивидуального начала, коллективное авторство не отменяет полностью волю адресанта, влияние его речевой компетентности, языкового вкуса, профессионализма на речевую форму тезиса; на отбор материала; на определение композиционных особенностей текста; на формирование его стилевого облика; на создание эффективной системы воздействующих средств и приемов.

Менее очевидно, хотя и не бесспорно, влияние индивидуальных личностных качеств производителя текста на экстралингвистическую составляющую категории автора. Определяющих это влияние факторов несколько: объем общих, фоновых знаний, представления о контексте; личностные качества, которые определяют тип, алгоритм взаимодействия с «соавторами»; отношение к национально детерминированным принципам, конвенциям, стратегиям и правилам общения; ценностные ориентации автора – своеобразная «ось сознания» (определение С. Л. Рубинштейна) творческой личности.

Таким образом, анализируя задачи, возникающие перед коммуникативными направлениями медиалингвистики сегодня, и подходы, наметившиеся для их решения, мы приходим к выводу: в настоящее время в недрах функциональной стилистики оформляется интенционально-стилистическое направление. Предметом его изучения является стилистико-речевая системность разных типов и жанров текстов, функционирующих в медиасреде. Их смысловая структура детерминируется интенциональностью, которая формируется под влиянием целей и мотивов, рождающихся в соответствии с потребностями медиасреды. Формальная структура медиатекстов определяется как вербальными, так и невербальными компонентами, не только внутритекстовыми, но и межтекстовыми факторами, сознательно и несознательно отбираемыми субъектом речи. Медиа-

текст при этом рассматривается как образ той или иной модели профессиональной, поисково-речевой деятельности коммуникатора в медиасфере. Благодаря такому исследовательскому подходу выясняется, как выражаются в концептосфере и в композиционно-речевых особенностях медиатекста механизмы информационного воздействия, в каких речевых формах осуществляется профессиональная деятельность журналиста, рекламиста, пиар-мена. Тем самым указанное направление имеет ярко выраженный праксиологический характер.

Интенциональная стилистика, опираясь прежде всего на методологию функциональной стилистики, изучает речь в единстве с другими сущностными свойствами человека – его деятельностью и сознанием. В связи с этим направление развивается в тесной связи с гносеологическими, деонтологическими, политологическими, социологическими, психологическими, праксиологическими, культурологическими исследованиями деятельности средств массовой информации, позволяющими выявить особенности интенциональности того или иного типа текста.

Литература

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова – СПб. : Паритет, 2006. – 315 с.

2. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 652 с.

3. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во ПермГУ, 2004. – 268 с.

4. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта, 2010. – 464 с.

5. Колшанский, Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 51–62.

6. Сусов, И. П. О двух путях исследования содержания текста / И. П. Сусов // Значение и смысл речевых образований. – Калинин : Изд-во Калининского ун-та, 1979. – С. 90–103.

Пятро Жаўняровіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ТЭАТРАЗНАЎЧЫ ДЫСКУРС ЖАНЫ ЛАШКЕВІЧ

Сярод спецыялізаваных выданняў для інтэлектуальна падрыхтаванага чытача, зацікаўленага мець уяўленне пра літаратурна-мастацкі працэс, безумоўна, першае месца ў беларускай друкаванай перыёдыцы належыць газеце «Літаратура і мастацтва». Пэўная частка матэрыялаў газеты падстаўна закранае стан і развіццё беларускага драматычнага тэатра, акрэслівае яго перспектывы, аналізуе адметнасці айчыннага драматычнага мастацтва ў кантэксце еўрапейскай тэатральнай супольнасці. Аўтарства большасці падобных матэрыялаў належыць вядомаму тэатральнаму крытыку і журналісту Жане Лашкевіч, якая апошнія некалькі гадоў з'яўляецца загадчыцай літаратурнай часткі Беларускага рэспубліканскага тэатра юнага гледача. Выпускніца рускага аддзялення філалагічнага факультэта БДУ, якая бліскуча арыентуецца ў гісторыі драматургіі, перакладчыца на беларускую мову заходнееўрапейскіх п'ес, Жана Лашкевіч сваімі тэатразнаўчымі матэрыяламі заваявала заслужаную пашану чытача і заканамерную зацікаўленасць рэдакцыі газеты ў супрацоўніцтве з ёю як аўтарам.

У творчай скарбонцы Жаны Лашкевіч тэатразнаўчыя матэрыялы разнастайных жанраў – ад нататак, аглядаў, юбілейных і палемічных артыкулаў да разгорнутых рэцэнзій, змешчаных у некалькіх нумарах «ЛіМа». Пры стварэнні тэкстаў для гэтага выдання адрасант (аўтар) найперш улічвае чытацкі адрас – мэтавую аўдыторыю, якая збольшага арыентуецца ў сучасным тэатральным працэсе, мае ўяўленне пра гісторыю развіцця сусветнага тэатра і досвед у найноўшых тэатральных плынях (гэтага вымагае ў асноўным гуманітарная, вышэйшая, адукацыя чытача). Названыя характарыстыкі адрасата прадвызначаюць шырокія магчымасці размаітасці схематызаванага каркаса тэатразнаўчых тэкстаў, у якіх у адным выпадку не варта засяроджвацца на змесце драматургічнага твора (ён належыць класіку), у другім – патрабуецца акрэсліць сюжэтную канву (калі спектаклем прэзентуецца зусім новы твор), у трэцім – адзначыць адыход рэжысёра ад звыклага погляду на даўно знаёмую пастаноўку, у чацвёртым – выявіць умельства сцэнарыста і магчымыя наступствы для глядацкага ўспрымання вымушанага

скарачэння празаічнага твора, у пятым – паказаць станоўчыя альбо адмоўныя бакі акцёрскай гульні, мастака спектакля і да т. п. Аўтар праз эмацыйную вербалізацыю вобразаў і ўражанняў ад тэатральнай пастаноўкі, сканструяваную дзеля выканання камунікатыўных задач, стварае свой асобны свет, сваю тэатразнаўчую прастору, якая можа быць намінавана *тэатразнаўчым дыскурсам* – складнікам публіцыстычнага дыскурсу. Абгрунтаванасць такога падыходу пацвярджаецца наяўнасцю ў тэксце інфармацыі пра асноўных удзельнікаў камунікацыі – звестак пра самога аўтара (пераважна тэатральнага крытыка) і чытача, а таксама выбарам адрасантам камунікатыўных стратэгій актыўнага дыялогу, мадальнасці, эстэтычных прыёмаў пісьма і інш.

Вызначальная роля ў стварэнні тэатразнаўчага дыскурсу належыць аўтару, у нашым выпадку Жане Лашкевіч. На падставе аналізу публікацый у «ЛіМе» за 2011 год можна канстатаваць, што ў дыскурсе адкрыта не выяўляюцца функцыі ілакутыўнага акта, найперш рэкамендацыі, г. зн. прапановы «свайму абазнанаму чытачу» глядзець / не глядзець пэўны спектакль, згаджацца / не згаджацца з аўтарскай ацэнкай рэжысёрскага падыходу да драматычнага твора і інш. Магчыма, для рэцэнзіі ў масавай газеце мала падрыхтаванай публіцы гэта і важна адчуць, аднак для «ЛіМа» сітуацыя змяняецца: аўтар такім чынам як бы прапануе чытачу наведаць тэатр і самому скласці ўражанне пасля прагляду, магчыма, супаставіць яго з прапанаваным рэцэнзентам меркаваннем, імпліцытна прымушае разважаць, аналізаваць, вынікаваць...

Экстралінгвістычныя стратэгіі тэатразнаўчага дыскурсу выяўляюцца ў выказваннях Жаны Лашкевіч, варыятыўна паўтораных у публікацыях аднаго года, і таму, відаць, канцэптуальных: «Спектакль мусіць расцвеліць боль сённяшні» (18 лют.), «...Тэатр заўсёды распавядае пра дзень сённяшні» (2 вер.). Такі падыход прадвызначае погляд на спектакль з пазіцыі актыўнага грамадзяніна, кадзіруе пэўныя ўражанні і прымушае чытача расшыфроўваць схаваныя коды ў адпаведнасці са сваёй ментальнасцю. Гэтая стратэгія ўзмацняецца інфармацыйнай (дата, месца і інш.) і візуальнай (фотаздымкі эпізодаў спектакля і інш.). Інфармацыйная стратэгія ў тэатразнаўчым дыскурсе значна страчвае сваё значэнне ў параўнанні з дыскурсам навін, бо для крытыка галоўным становіцца не інфармаванне пра падзею, а экспрэсія і эмацыйнасць; ацэнка падзеі прэвалюе над інфармацыйнасцю.

Асноўнымі ў тэатразнаўчым дыскурсе Жаны Лашкевіч з'яўляюцца ўсё ж лінгвістычныя стратэгіі, якія выяўляюцца пры аналізе кожнага тэксту і суправаджаюць кожны з іх. Праз канструяванне вербальнага масіву з улікам чытацкага адраса гэтыя стратэгіі дапамагаюць аўтару дасягаць максімальнага перлакутыўнага эфекту і заклікаюць да ўспрымання тэксту з выяўленнем пазіцыі адрасата.

Стратэгія актыўнага дыялогу частотна падтрымліваецца шматстайнымі пытальнымі канструкцыямі, у тым ліку рытарычнымі. Напрыклад, у «Палемічных старонках наўздагон падзеі» з загалоўкам «Прэміяльная драма» (2 снеж.), прысвечаных падвынікаванню першай Нацыянальнай тэатральнай прэміі, канцэптуальным стрыжнем тэксту становіцца пытальная канструкцыя «Што гэта было?» Ужо ў лідзе аўтар называе колькасць (дванаццаць) намінаваных на прэмію спектакляў (вядома, найлепшых). Аднак ужо чацвёртая макраструктура тэксту пра лялечны спектакль з Гродна завяршаецца пытаннем «Што гэта было?» і цэлым абзацам (каскадам!) магчымых адказаў (зноў жа з пытальнікамі): «Недарэчнасць? Чужыя сцены пляцоўкі? Брак часу на падрыхтоўку? Час, калі тэатральны арганізм настроены на адпачынак (спектаклі іграліся а 15-й і 16-й гадзінах)? Крывое вока?» Гэты прыём выкарыстаны і на завяршэнне пятай і шостай макраструктур (пра пастаноўку Драматычнага тэатра Беларускай Арміі п'есы Лопэ дэ Вэгі «Сабака на сене» і пра спектакль Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя М. Горкага «Эсфір» паводле Л. Уліцкай): «Што гэта было?» нават вынесена ў асобныя абзацы. Пасля такіх камунікатыўных стратэгій аўтара «старонак» у чытача само па сабе фармулюецца новае пытанне: «Калі прэзентаваныя спектаклі ну ніяк не дацягваюць да “найлепшасці”, то што можна глядзець у гэтых тэатрах?» Заканамерна Жана Лашкевіч у сёмай макраструктуры, аналізуючы дэтэктыўную камедыю «№ 13» Рэя Куні ў пастаноўцы Тэатра-студыі кінаакцёра, канстатуе падвышэнне «камедыйнага градуса» ў сучасным тэатры («...з каго гэта народ так смяецца?») і з выразным задавальненнем «выдыхае»... зноў жа пытанні, але сканструяваныя пытальна-рытарычнымі сказамі: «А калі б не аваладанне Нацыянальным тэатрам оперы і балета ўсімі сучаснымі тэхналогіямі ў справе пастаноўкі “Набука”? А калі б не Алесь Адамовіч і купалаўская традыцыя сапраўднага акадэмічнага тэатра?», чым як бы згаджаецца з вызначэннем найлепшых спектакляў года. Аўтар завяршае свой твор, вяртаючы адрасанта

да ліда, дзе сказана, што «сто дванаццаць чалавек працавала ў журы – у якасці Беларускай тэатральнай акадэміі»: «...Але няўжо для таго, каб гэта выснаваць, спатрэбілася аж сто дванаццаць тэатральных адмыслоўцаў?» Такім чынам, тэкст, азагалоўлены як «драма» і «палемічныя старонкі», усвядомлена пабудаваны на стварэнні актыўнага дыялогу і на імавернаснасці аўтарскага меркавання.

Актыўна карыстаецца Жана Лашкевіч і дыялагічнымі магчымасцямі сінтаксісу, асабліва парцэляванымі канструкцыямі. Яны найбольш стасуюцца якраз з тэатразнаўчым дыскурсам, з яго ацэначнай функцыяй. У прыватнасці, станоўчая кантэкстуальная характарыстыка гульні Марыны Карцавай у спектаклі «Наташчына мара» Чалябінскага акадэмічнага тэатра паказана наступным чынам: «...Пакуль збіраюцца гледачы, актрыса сядзіць на крэсле, апусціўшы галаву. Нібыта ўслухоўваецца ў настрой залы. Падымаецца раптоўна. Хавае рукі ў доўгія рукавы расцягнутага старога швэдара. Пачынае гаварыць. Збочвае. Збіваецца. Ізноў пачынае. Апраўдваецца. Гадзіну дзеяння не кранаецца з месца і толькі адзін раз агаляе рукі да локцяў. Дый гаворыць пра нейкія глупствы...» (8 крас.), а адмоўная – ва ўзаемадзеянні на сцэне ў спектаклі па п’есе Р. Харвуда «Квартэт» акцёраў Беларускага нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа: «Музыка не схібіла і апынулася на першых ролях, бо квартэт знаных коласаўцаў увесь час раскідаўся. Збіваўся. Пераважна на рэчытатыў» (2 снеж.).

Асабліва арганічныя парцэляваныя канструкцыі ў рэцэнзіі «Класічны свінтус» (14 студз.), прысвечанай, як можна здагадацца, пастаноўцы хрэстаматыйнай камедыі К. Крапівы «Хто смяецца апошнім» пад назвай «Свінтус Грандыёзус» у Мінскім абласным драматычным тэатры з Маладзечна. Ужо пасля ліда зачынавая структура рэцэнзіі ўтрымлівае парцэляцыю, якая дазваляе пазнаёміць і з тымі, хто спрычыніўся да пастаноўкі, і з падыходам да класічнага тэксту, і з музычным афармленнем: «Свінтус грандыёзус... Яго трывалы сюррэалістычны вобраз дасціпна распрацаваны і ўжо на сцэне сабраны па каліве рэжысёрам Уладзімірам Савіцкім і мастаком Віктарам Цімафеевым. З хрэстаматыйнага тэксту, скарочанага і пададзенага па-за прыкметамі часу. З нязмушанага акцёрскага існавання (стыль тэатра прадстаўлення). З вясёленькага музычнага падбору Паўла Захаранкі. Нарэшце, з... *костак* (натуральна, бутафорскіх)». Менавіта *косткі* становяцца канцэптуальным стрыжнем тэксту,

ствараюць яго семантычную кагезію, выяўляюць рэцэнзійнае ўяўленне ад спектакля. Таму не дзіўна, што ў сярэдзіннай макраструктуры зноў з'яўляецца парцэляцыя: «Рухомыя скрыні – адзнака перасоўнага, лёгкага на пад'ём чалавецтва, якое цягае за сабой... гісторыю свайго... э-э... зямнога асталявання: мамантавыя *косткі*. Разабраныя. Палічаныя. Пазначаныя», а напрыканцы яшчэ больш узмоцненая, кагнітыўная: «Рэжысёра цікавіць чалавечая прырода, якой механізм замінае як... *костка* ў горле. Выродзіць яе. Мяняе».

У сучасным тэатразнаўчым дыскурсе амаль ніколі не абыходзяцца без эстэтычных прыёмаў пісьма (моўнай гульні і іроніі). Іх праявы залежаць ад асобы аўтара, які такім чынам імкнецца «аказаць дадатковае эмацыйнае ўздзеянне на чытача, зацікавіць яго, справакаваць пэўныя эмоцыі і рэакцыю на пастаноўку, пераканаць чытача ў сваім пункце гледжання» [4]. Напрыклад: «Містыка й метафары імпрэзы біліся на аскепкі, фіналы і часавыя прасторы сыходзілі сцэнічным дымам, рэплікі як быццам страчвалі сэнс, а лялькі адмаўлялі сваё сцэнічнае першынство» (2 снеж.), «Далей за гэтыя падрабязнасці спектакль не сягаў – у глыбіню не зазіраў, на вышыню не падымаўся, павярхоўна спавядаючы выразнасць і каларыт, каларыт і выразнасць» (Тамсама).

Нізка матэрыялаў «Нататкі з Міжнароднага маладзёжнага форуму "М.@rt. кантакт"» пад агульным загалоўкам «М.@rt. КАНТРАСТы» друкавалася ў трох нумарах са сваімі рубрыкацыйнымі найменнямі: «Кантраст першы: казачны» (1 крас.), «Кантраст другі: класічны» (8 крас.), «Кантраст трэці: прафесійны» (15 крас.). Гэта дапамагло Жане Лашкевіч, скарыстаўшыся моўнай гульнёй, схіліць увагу чытача на назву форуму, а супастаўленнем *кантакт – кантраст* – на неадназначнасць прэзентаваных на ім спектакляў, якія часам «ператваралі класіку ў смецце». Яскравы прыклад ланцужка ацэначных аўтарскіх уражанняў уяўляе сабой пачатковы абзац першай макраструктуры з часткі «Кантраст трэці: прафесійны»: «Рэжысёр Сяргей Паўлюк з Херсонскага музычна-драматычнага тэатра (акадэмічнага!) мерыўся ўпрэгчы ў адны калёсы Аляксандра Сяргеевіча Пушкіна і Леаніда Філатава: спалучыць маленькую трагедыю "Моцарт і Сальеры" з аднайменным паэтычным жартам... магчыма, для капусніка (праўда, Філатаў пісаў яго падчас непрыемнасцей у тэатры). Канфлікт генія і пасрэднасці прасякнуў спектакль "Жаба" на іншым узроўні: абодвух драматургаў (з кампазітарамі) і рэжысёра, які,

ужо як сцэнограф, выставіў на сцэну мноства слоікаў з вадою і нейкімі земнаводнымі істотамі; літаральна змусіў акцёра ў ролі Сальеры даставаць адтуль гукі, агаляцца, мерзнуць, квэцаць твар у бруд, захлынацца ад пафасу і кпінаў. А калі вадою са слоікаў акцёр пачаў пырскаць у публіку, закарцела выклікаць санітарны кантроль. Каб за адным разам наскардзіцца на ўсё, што так шчодра лезла ў вочы са сцэны: на цыгарэтны дым і пудру, на сцэнічныя строі кампазітараў (расцягнутыя спартыўныя нагавіцы) і канфлікты, высмактаныя з языка, але жабай-зайздрасцю пушчаныя на распыл: пасля таго, як у маналогу з Пушкіна акцёр прапусціў праверку алгебрай гармоніі, класічны тэкст, загнаны ў казіны рог, распрастаўся і балюча сцебануў выканаўцу. Проста па зубах... » (15 крас.). Імкненне крытыка ў наступным абзацы вышукаць у спектаклі штосьці станоўчае, акрамя музыкі, завяршаецца запрашальным да роздуму пытальна-клічным сказам: «А калі б рэжысёр музычна-драматычнага тэатра кінуў сваю прафесійную жабу ў каляіне і рушыў ад музычнай драматургіі?!» (Тамсама). Скарыстаўшыся шырокім арсеналам моўных сродкаў, аўтар дамагаецца ў двухабзацавай макраструктуры нанесці скрышальны ўдар па недарэчных доследах рэжысёра, ушчэнт разбурыць нетрывалую канструкцыю яго задумы, адначасова пакінуўшы надзею на далейшае прафесійнае сталенне.

Ужо з прыведзеных прыкладаў вынікаюць выразныя стылістычныя стратэгіі тэатразнаўчага дыскурсу Жаны Лашкевіч. Да іх найперш трэба аднесці шырокую плынь гутарковасці як лексічнага, так і граматычнага, і сінтаксічнага кшталту, характэрнай для тэкстаў незалежна ад жанру. Яна – у афарыстычнасці, часам павышанай фразеалагічнасці, у самой структуры выказвання:

1) «Фарсавы закулісны народ для сваіх пупкіных гэтыя самыя *вочы* альбо *пазычыць*, альбо *залье*, альбо *свету за імі не ўбачыць*» (25 сак.);

2) «На персанажаў Кандрата Крапівы Савіцкі глядзіць з нашае "*цудоўнае далечы*" – і сцэнічнае жыццё інстытута геалогіі пасля скарачэння тэкстаў пра партыйны камітэт, НКУС і шкодніцтва распавядае пра *стан знаёмы*, *клопат тутэйшы*, *дзень сённяшні*. Жыццё найвялікшага цэлага *мізарнее* да нікчэмства малое часткі» (14 студз.): МІЗАРНЕЦЬ. 2. (разм.) [6, с. 345];

3) «Я. Ракіцкі ўсімі прыдатнымі сродкамі намагаўся сыграць Нерона – накрэсліць ролевы малюнак, *патрапіць* выявіць унутраныя

зрухі персанажа, *ягонае*... нецвярозае, п'янкое ад усёдазволенасці, паблытанай з усёмагутнасцю, унутранае існаванне – душы, напэўна, бо яна, паводле Я. Ракіцкага, у Нерона *ёсцека*» (18 лют.): ПАТРАПІЦЬ (разм.) [6, с. 452]; ЯГОНЫ (разм.) [5, с. 900]; ЁСЦЕКА знаходзіцца па-за межамі літаратурнай нормы, дыялектнае;

4) «Як навучальны дапаможнік па стварэнні гэтак званага аўтарскага спектакля, дзе «нялішняе і невыпадковае» на сцэне робіцца абавязковым дасціпным *складнічкам* твора, збіраецца, зліваецца і ўтварае адзінае і суцэльнае, можна скарыстоўваць спектакль Ніны Дзімітравай і Васіля Васілева-Зуекі «Тата заўжды мае рацыю» паводле Андэрсена» (1 крас.): СКЛАДНІЧАК ад *складнік*, якое дасюль не фіксуецца слоўнікамі беларускай мовы, у тым ліку «Слоўнікам новых слоў беларускай мовы» [7, с. 330]; як адпаведнік рускаму *составляющее* не адзін год выкарыстоўваецца ў навуковым, публіцыстычным і мастацкім стылях; паказчык гутарковасці – суфікс -ак;

5) «Выявы, тэксты і манеры *выдаюць на* кіч, сметнік, прымітыў... і ўвасабляюць мару пра шчасце *дзеўчынёхі* з дзіцячага дома» (8 крас.): ВЫДАВАЦЬ. **8.** *разг.* казаться [1, с. 539]; ДЗЕЎЧЫНЁХА не фіксуецца слоўнікамі; паказчык гутарковасці – суфікс -ёх.

Арганічнае спалучэнне гутарковай і кніжнай традыцыі ёсць станоўчай адзнакай тэатразнаўчага дыскурсу Жаны Лашкевіч. Гутарковая нітуе тэксты з натуральным народным гучаннем, калі, паводле Караткевіча, «колькі паветра набрана ў лёгкія, столькі і аддадзена, шчодра, да апошняга, нават з лішнімі словамі, каб мелодыя сказа была завершана» [3, с. 446]. Кніжная ж характарызуе прафесійныя здольнасці крытыка, набліжае тэксты да навуковай галіны – тэатразнаўства. З улікам слушнага сцвярджэння прафессара В. Іўчанкава, што «асноўным формаўтваральным фактарам беларускай літаратурнай мовы можна лічыць узвышэнне статусу народнай мовы да ўзроўню літаратурнай» [2, с. 221], тэксты Жаны Лашкевіч становяцца выразнікам імклівага пашырэння гэтай тэндэнцыі ў тэатразнаўчым (і публіцыстычным) дыскурсе.

Яшчэ адна заўважная асаблівасць тэатразнаўчага дыскурсу Жаны Лашкевіч – ашчадлівае стаўленне да беларускага слова, якое ў тэксце выступае незаменным элементам выказвання, тым, які, здаецца, і мусіць стаяць менавіта ў гэтым месцы. Словы з прысвечанага У. Савіцкаму юбілейнага артыкула «Трэба ўмець чытаць!»

прасвятляюць прыярытэты аўтаркі: «Мы з Савіцкім – раўналеткі. Правадырамі нашага дзяцінства, якое выпала на 1960-я гады, яго неаспрэчнымі аўтарытэтамі былі дзядулі і бабулі, якія вучылі *шанаваць тое, што маеш, сваё*» (2 вер.). Аналіз паказвае, што шанаваць сваё можна не толькі зберагаючы багаты арсенал народнай гаворкі, але і выкарыстоўваючы лексікаграфічныя працы папярэднікаў, засвойваючы набыткі І. Насовіча, В. Ластоўскага, Я. Станкевіча, М. Байкова, С. Некрашэвіча. Уяўляецца, што і напісанне імя *Жана* глыбока прадуманае крытыкам; прыгадаем таксама гераіню рамана М. Зарэцкага «Вязьмо» (1932 г.) – *Тацяну*. Менавіта актуалізаваныя сённяшнім часам прызабытыя лексічныя адзінкі і ўласная словатворчасць дапамагаюць Жане Лашкевіч (а значыць, і чытачу) не заблытацца ў слоўным гушчары з разнастайных тэатразнаўчых тэрмінаў, найменняў тэатраў, спектакляў, аўтараў п’ес, персанажаў, выканаўцаў-акцёраў... Уяўляецца, што такія элементы, малазвыклыя нават для падрыхтаванага «лімаўскага» чытача, прымушаюць на нейкі час запыніцца на іх уяўнай навізне, а потым упэўніцца ў іх натуральнасці і арганічнасці для адпаведнай макраструктуры або для тэксту цалкам.

На пачатку рэцэнзіі «Ні сябра, ні ворага» (18 лют.) аўтар знаёміць са сцэнаграфіяй спектакля «Нерон»: «Адметнай прапановай сцэнографа В. Навакоўскага сталася сцэнічная пабудова ў выглядзе лацінскай літары N чорна-белай расфарбоўкі і *сяродавік* літары – лесвіца. Літара ў якасці Неронавай *існавальні*, жытла-не жытла, палаца-не палаца, але месца, *гняздзілішча*, дзе можна паставіць парадны фаталь (трон?) і забыцца ў кароткім сне» (СЯРОДАВІК не фіксуецца слоўнікамі, выкарыстаны замест семантычна расплывістых *сарцавіна* і *асяродак*; ІСНАВАЛЬНЯ і ГНЯЗДЗІЛІШЧА – наватворы з выяўнай словаўтваральнай семантычнай базай, як найлепш падыходныя для кантэксту). Аўтарка мусіла знаёміць чытача з кароткай сюжэтнай лініяй спектакля (асноўны яго недахоп – слабая драматургія): «...Юны (малады?) Нерон толькі-толькі *ачомаўся* пасля забавы з Агрыпінаю, і яму, перапрашаю, сорамна. Маці ўхваляе *плоцевую налаўчонасць* сына і грэх кровазмяшэння бярэ на сябе. Гэта – экспазіцыя драмы. *Тутсама* (за сцяной) ляжыць імператар Клаўдзій, якому намешваецца пітво з атрутай» (дзве лексемы стылістычна маркіраваныя: *ачомацца* – разм. [5, с. 97], *плоцевы* – кніжн., уст. [5, с. 600], дзве – зразумелыя чытачу наватворы: *налаўчыцца* – разм.

[5, с. 415] – *налаўчоны – налаўчонасць*; *таксама*, *тамсама – тутсама*). Такія стылістычныя стратэгіі зусім падстаўна выклікаюць з'яўленне кагнітыўнай метафары, у якой выяўляецца аўтарская інтэнцыя: «Абдымкі, з якіх можна не вылузнуцца, прыязнасць, праз якую можна не падняцца, куды больш красамоўныя за *тэкставае пап'е-машэ*».

Вербальны масіў стракаціць шматстайнымі адметнымі моўнымі знаходкамі, якія прымушаюць чытача то глыбей зразумець іх суб'ектыўную ацэначнасць і аўтарскую задуму, то ўзрадавацца аднолькаваму або блізкаму погляду на спектакль, то пераканацца ў гнуткасці і невычэрпным багацці роднай мовы: «*Настальгаваць* і *гуморыцца* мусілі ў зале гарадскога Палаца культуры» (25 сак.), «*Ягоны* тэатр *карыстаў з* самых простых дэкарацый і пастановачных прыёмаў, але ўцягваў і ўражваў так, што *хоцькі-няхоцькі* ўся зала разумнела, прыгажэла і пачувала сябе годна» (15 крас.), «Раптоўная шчырасць гераіні – адначасова і *пераляк*, і боязь будучыні, і наіўнае здзіўленне з уласнага становішча» (8 крас.), «Гарлахвацкі – прафесійны звадыяш. Ён *кшталціць* сваё майстэрства да ўзроўню мастацтва» (14 студз.), «*За савецкім часам* тэатральныя мастакі часцяком збіралі *выразанкі* газет і часопісаў – адметныя касцюмы, будынкі, краявіды, цікавыя абліччы ды *фрызуры* сілкавалі ўяўленне» (28 студз.). У кантэксце семіятычнага падыходу Ю. Лотмана вылучаныя моўныя адзінкі ў тэатразнаўчым дыскурсе становяцца своеасаблівымі знакамі тэксту, якія сігналізуюць пра яго крэатыўнасць і ўнікальнасць.

Такім чынам, тэатразнаўчы дыскурс Жаны Лашкевіч выяўляе арганічнае суіснаванне гутарковасці і кніжнасці, мае выразныя дыскурсныя характарыстыкі, што ў многім грунтуюцца на неабмежаваных магчымасцях беларускага слова, якое можа забяспечыць камунікацыю ў любой сферы грамадскіх стасункаў. Трывалая сувязь з народнай гаворкай дазваляе аўтарцы вольна арыентавацца ў «сцэнічным тэксце» (самой п'есе, яе рэжысёрскім прачытанні, гукавым радзе, прасторавых адносінах, эмацыйным стане акцёраў і інш.), праз маўленчыя структуры адкрыта або імпліцытна выяўляць свае інтэнцыі і далучаць да сутворчасці чытача, прымушаючы яго задумвацца над вечнымі праблемамі быцця і сённяшнім станам беларускага грамадства.

Літаратура

1. Беларуска-рускі слоўнік: у 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2003. – Т. 1. – 1120 с.

2. Іўчанкаў, В. І. Ізамарфізм беларускага элемента ў рускамоўных тэкстах айчынных СМІ: дыглосія і інтэрферэнтны ўплыў / В. І. Іўчанкаў // Журналістыка-2011: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы XIII Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 8–9 сн. 2010 г. / рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 13. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 219–226.

3. Караткевіч, У. Зямля пад белымі крыламі: нарыс / У. Караткевіч. – Мінск : Беларусь, 1977. – 176 с.

4. Мошникова, Н. Н. Лингво-когнитивный аспект исследования дискурса театральной рецензии: на материале современных англоязычных печатных СМИ / Н. Н. Мошникова [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/lingvo-kognitivnyi-aspekt. – Дата доступа : 29.12.2011.

5. Слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, арфаэпія, акцэнтуацыя, словазмяненне / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад. рэд. М. В. Бірылы. – Мінск : БелСЭ, 1987. – 903 с.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : БелЭн, 2005. – 784 с.

7. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : Тетрасистемс, 2009. – 448 с.

Ольга Жизневская

Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

СТЕРЕОТИП СУПРУЖЕСТВА В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Институт семьи подвергается сегодня значительным изменениям, что находит отражение в том числе и в СМИ. По мнению социологов С. Н. Буровой и А. В. Демидовой, «в постсоветском обществе изменение сущности семьи происходит под остаточным влиянием советской идеологии, процессов трансформации общества, общеевропейских тенденций в сфере брачно-семейных отношений» [4, с. 110]. Ученые отмечают, что сегодня наиболее радикально трансформируются супружеские отношения, что, в свою очередь, влечет за собой преобразование родительских и родственных связей. Подтвержде-

нием тому могут служить языковые знаки, зафиксированные нами в дискурсе белорусских средств массовой информации, свидетельствующие о серьёзной трансформации стереотипа семьи (*офисная мама, горе-мать, нерадивая мать, мать-кукушка, выходной папа, папа-банкомат, отец-одиночка, горе-папаша, нерадивые родители, горе-родители, трудные родители, пробный брак, неудобные дети, кукушкины дети, снэк-брак, чайлд-фри, пробный шар (брак)* и др.).

Изучение и осмысление подобных преобразований невозможно без учёта представлений о брачных отношениях в традиционном обществе. Мы обратились к русскоязычным и белорусскоязычным паремиям как особому виду текста, позволяющему не только глубже раскрыть содержание стереотипов, но и выявить те пласты в их содержании, которые являются наиболее устоявшимися, закрепленными и сильнее всего автоматизированными. По мнению Е. Бартминского, пословицы кодифицируют общественное знание в его популярном варианте и моделируют коллективное поведение. Кроме того, в пословицах сформулированы обобщающие, категориальные суждения о предмете нашего исследования – стереотипе супружества. Уточним, что под стереотипом, вслед за Е. Бартминским, мы понимаем субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей [1, с. 190].

Стереотип *брачного союза* в ПКМ. В пословичной картине мира брачный союз (женитьба) противопоставлен одиночеству (по В. И. Далю) в рамках оппозиции «норма – отклонение от нормы». Это связано прежде всего с тем, что семья воспринималась как материальная и моральная основа общества (*Семейный горшок всегда кипит; Гуртовая копейка виднее; Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Дзе дружына, там хлеб; Тут і я, тут і жонка мая, тут і мае дзеці, люба паглядзеці*). Одинокий человек, у которого *ни роду, ни племени*, оценивался как неполноценный член социума (*Не женат – не человек; Холостой – полчеловека; Адзін, ды нелюдзін*), ему сочувствовали, жалели (*Живешь – не с кем покалякать; помрешь – некому поплакать; И в раю жить тошно одному; Адзін не жыхар, так, як гарох пры дарозе: хто ідзець, шчыпнець; Ні сена, ні аброку, ні бабы пры боку*).

Профиль *брака* можно представить следующим образом:

1) *брак* – начало семьи, необходимое и обязательное условие ее возникновения. Пословицы типа *Не то беда, что рано родила, а то беда, что поздно обвенчалась; У крапіве жаніліся; Шлюб пад плотам, а вяселле потым* имеют отрицательные коннотации и свидетельствуют о том, что близкие отношения до свадьбы были недопустимы и осуждались. Как отмечает М. В. Довнар-Запольский, при заключении брака у белорусов большое значение придавалось сохранению девственности невестой. «Девушку, утратившую ее еще до свадьбы, ожидало безвыборное супружество, когда она вынуждена была выйти замуж за вдовца или бедного сироту» [2, с. 325]. Стоит также отметить, что венчание в храме было обязательным актом и составной частью свадебного обряда. В то же время «брак с венчанием, но без свадьбы в народе не признавался» [2, с. 325].

2) *брак* – ключевое событие в жизни человека (*Трижды человек дивен бывает: родится, женится и умирает; Дай, Бог, раз жениться, раз креститься и раз умирать*);

3) *брак* предопределён свыше (*Смерть да жена – Богом суждена; Калі Бог судзіць, то і чорт не разгудзіць; Суджанага канём не аб'едзеш*);

4) *брак* может быть только один и на всю жизнь (*Дай Бог – с кем венчаться, с тем и кончаться; Хай будзе люб твой шлюб і каб да смерці без браку*);

5) *брак* – серьезный и ответственный шаг, который следовало совершать обдуманно (*Жениться – не лапоть надеть; Умирать – не в помирушки играть, а свенчаться – не сплясаться; Ажаніцца – не ўтапіцца*). В пословичной картине мира постоянно звучит мотив предостережения от возможной ошибки, от принятия поспешного решения (*Скорая женитьба – видимый рок; На резвом коне жениться не езди!; Женился на скорую руку да на долгую муку; Ажаніцца, як і паміраць, не спяшайся*);

6) *брак* должен основываться на любви и взаимном согласии (*Свадьбе быть можно, когда жених с невестою любятся не ложно; Совет да любовь – на этом свет стоит; Любо – так к венцу, не любо – к отцу; Невольная женитьба не делает веселья; Калі любіш – ажаніся, а не любіш – адкасніся*). Несмотря на определяющую роль экономических соображений при создании семьи в традиционном обществе, в паремиях о выборе спутника жизни звучит мотив предостережения от «брака по расчету» (*Через золото слезы льются;*

Не с богатством жить – с человеком; Не бери жену богатую, бери непочатую!). Особое предупреждение – мужчине, который решил жениться на девушке из богатой семьи (*Большое приданое мужа не сделает; Богатую взять – станет попрекать; Богатую невесту беручи, да думай о том, как семью кормить*);

7) *брак* – трудности, испытания (*Женишься раз, а плачешься век; В девках сижено – горе мыкано, замуж выдано – двое прибыло; Жаніцца – не мёду напіцца*). В большей мере это относится к женщине, на долю которой выпадают не только слезы и страдания, но и побои мужа (*В девках сижено – плакано, замуж хожено – выто; Замуж выйсці – трэба знаці: позна легчы, рана ўстаці*).

Стереотип *мужа* в ПКМ. В традиционной семье муж являлся главой, его власть была беспрекословной. Глава семьи нес моральную и материальную ответственность за всех ее членов. Со стороны домочадцев к нему предъявлялись определенные требования. «Основным из них было умелое ведение хозяйства, разумное распоряжение семейным имуществом, трудолюбие, справедливость. Ему не прощались пьянство и лень» [2, с. 337]. Именно общественной ролью мужчины, его функциями в семье обусловлено то, что лексема *муж* во многих устойчивых сочетаниях нередко заменяется языковыми знаками *хозяин* (рус.), *гаспадар* (бел.) (*Хозяин в дому, что Адам в раю; Гаспадар – галава ў хаце*).

В ПКМ стереотип *мужа* осмысляется в рамках оппозиций:

1. «Хороший – плохой». Данная оппозиция представлена как в русскоязычных, так и белорусскоязычных паремиях ассиметрично: выражений с критикой недостатков мужа относительно немного (*Плохо стужа да нужда, а все лучше худого мужа; У плохого мужа жена всегда дура; Хоць я не людзі, ну і Хама не чалавек; Сам мужычок з кулачок, а зла, як у казла*), в то время как пословиц с компонентом «хороший муж» значительно больше (*Нашто грошы, калі мужык харошы; Калі добры муж, то і жонка добрая; За добрым мужыком і гулінда жонка*). Наиболее характерными для пословичной картины мира являются паремии типа *Плохой муж умрет – добрая жена по дворам пойдет; С ним горе, а без него вдвое; Хоть лыками сшит, да муж; Худ мой Устим, да лучше с ним; Сякі-такі, а ўсё ж свой; Хоць які целяпей, але ўдваіх ляпей*, в которых заключена идея, точно сформулированная в пословице *Сякі-такі, абы быў, абы хлеба зарабіў.*

2. «Умный – глупый». Одним из главных достоинств мужчины в традиционной семье считался ум (*Мужа чтут за разум, жену по уму (т.е. за доброе поведение); У жонкі язык доўгі, а ў мужыка розум добры*). Умный муж всегда берёг свою жену, заботился о ней (*У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*). С умным даже глупая жена становилась умнее (*У умного мужа и глупая жена досужа*).

3. «Молодой – старый». В пословичной картине мира нашли отражение взгляды наших предков на то, какой должна быть разница в возрасте между мужем и женой. Пословица *Невеста родится, а жених на коня садится* свидетельствует об «идеальной» разнице в три – семь лет, так как на коня мальчика сажали именно в этом возрасте. Любые отклонения от этой нормы оцениваются народной мудростью, как правило, негативно, что отчётливо наблюдается при осмыслении языкового знака *старый муж* (*Старого мужа соломкою прикрою, молодого сама отогрею; Старый конь на убой, старый муж на смех; Старый муж и на руку колодой валится; З старым жыць – воўкам выць; З старым і грэх і смех; Муж стары, жонка малада, то агонь да вада; Старога кахаць – гараваць*). Отрицательные коннотации этого языкового знака во многих паремиях объясняются тем, что замужество за стариком вело к «размыванию» общественного и семейного статуса женщины (*Молодица у старика – ни девка, ни баба, ни вдова*), следовательно, было нежелательным (*От белого света отстану, а старого любить не стану*). Хотя, стоит отметить, есть единичные паремии, в которых замужество за стариком оценивается положительно (*Любит жена и старого мужа, коли не ревнив; Жыць за старым – быць у павазе, а за маладым – у знявазе*).

Профиль мужа в ПКМ можно представить так:

1) *муж* – глава семьи (*Муж – голова, жена – душа; Муж в дому, что глава (крест) на церкви; Муж – галава ў хаце; Сям'я без галавы – не сям'я*). Власть главы семьи была бесспорной (*Муж жене – закон*); жене предписывалось почитать, уважать своего мужа, быть послушной ему во всём (*Жена мужа почитай, как крест на главе, муж жену береги, как трубу на бане! Там і Бог раюе, дзе жонка мужыка шануе*). Использование во многих паремиях таких языковых знаков для характеристики мужа, как *крест на церкви, пастырь, Адам* и др. свидетельствует о сакрализации образа мужа в пословичной картине мира. Аномальным явлением в традиционной семье

считалось *давать жене волю, спускать жене*, о чем свидетельствуют пословицы *Худо тому мужу, у которого жена большая в дому; Дазволь жонцы пагуляць – паверх галавы пойдзе* и др.;

2) *муж* – главный добытчик и кормилец, на нём лежит ответственность за благосостояние семьи (*Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж; Муж – дому строитель, нищете отгонитель; Хоць кулаком б'е, але хлеб дае; Хлеба не стане – гаспадар дастане*);

3) *муж* – защита и опора для жены (*За мужнину жену есть кому вступиться; За мужыковай спіной, як за сцяной*). Такое отношение мужа возвышает и жену (*За хорошим мужиком и свинка господинка; Жена мужем красна; За сокалам і варона сакаліца*). Только имея мужа, женщина могла чувствовать себя в безопасности (*За мужа завалюсь, никого не боюсь*);

4) *муж* дисциплинирует жену. В традиционной семье мужу вменялось в обязанность бить свою жену, что, с одной стороны, расценивалось как проявление любви, с другой стороны, как учение, воспитание (*Любить жену – держать грозу; Кого люблю, того и бью; Бабу бі молатам, зробіш золатам*). Более малочисленной является группа пословиц, в которых предписывается относиться к жене ласково и с уважением (*Держи жену в ласке, дочку – в сохранности, ссоры не будет; Пей пиво, да не лей, а люби жену, да не бей; Почитай отца и мать – жену впятеро*);

5) *муж* несет ответственность за свою жену (*Родители берегут дочь да венца, а муж жену – до конца*);

6) *муж*, в отличие от жены, незаменим. Считалось, что жена без мужа – *всего хуже, всегда сирота.* Положение женщины, которая со смертью мужа лишалась единственной опоры в жизни, было особенно тяжелым и незавидным (*Вдову Бог бережет, а люди не берегут; Горькие похороны, когда жена мужа хоронит; С ним – горе, а без него – вдвое; Удава – бедная галава; Жыццё ўдавінае – савінае*).

Стереотип *жены* в ПКМ. В ПКМ стереотип *жены* осмысляется в рамках следующих оппозиций:

1. «Хорошая (добрая) – плохая (злая, худая)». В паремиологическом фонде как русского, так и белорусского языка эта оппозиция является наиболее многочисленной. *Хорошая жена* осмысляется как наивысшее благо, добро, счастье (*Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; Калі баба добра, то ўсё добра; Добрая жонка цяплей за валёнкі*);

злая, плохая жена – как зло, горе (*Всех злее злых злая жена; Злая жена сведет мужа с ума; Добрая жонка – вянец, а ліхая – канец*). *Хорошей жене* приписываются такие качества, как домоседство (*Доброй жене домоседство не мука*), бережливость (*Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет*), хозяйственность (*Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отлучает*), трудолюбие (*Мая жоначка божая пчолачка*) и др. *Плохая жена* определяется как блудница, *поборница греху* (*Злая жена – поборница греху; На злой жене одна только печь не побывает*); она бесхозяйственна и расточительна (*Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отлучает; Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом растрасе*), хитра и коварна (*Злая жена – та же змея; Перахітрыў бы жонку, ды сама з хітрай старонкі*) и т. д. В ПКМ *плохая жена* ассоциируется с нечистой силой (*Чорт і баба – адна рада; Кожная баба – ведзьма; Бог саздаў тры зла – чорта, бабу і казла*). При актуализации недостатков лексемы *женщина, жена* практически всегда заменяются языковым знаком с отрицательными коннотациями *баба*. Мотив перевоплощения робкой и застенчивой девушки в злую бабу звучит в таких пословицах как *Девицы – хороши, красные – хороши, откуда же худые жены берутся; Усе дзяўчаты, як цяляты, дык адкуль жа злыя бабы?*

2. «Красивая – умная». В пословичной картине мира женская *красота* осмысляется как что-то недолговечное, непостоянное (*Девичья красота да возрасту, молодичья до веку; Дзявочы век як макаў цвет*). Во многих паремиях ум ставится выше красоты (*Красота приглядится, а ум пригодится; Красота – до венца, а ум – до конца*). В русскоязычных пословицах типа *Хорошая (пригожая) жена – лишняя сухота; Жена-красавица – безочному (слепому) радость; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца* женская красота рассматривается как угроза семейной жизни, источник неприятностей; только слепой или недалекий человек может радоваться жене-красавице. В то же время в таких белорусскоязычных паремиях, как *Пакарай, Божа, таго, у каго грошай няма і жонка некрасіва; Рабая баба ўсё роўна, як жаба: ні людзям паказаць, ні сабе паглядзець* красота расценивается как важная характеристика жены.

3. «Здоровая – больная». Среди требований, предъявляемых женщине в традиционной семье, было хорошее здоровье (*кровь с молоком*). От этого во многом зависело семейное благополучие, так как

только здоровая жена могла успешно выполнять свои основные функции: вести домашнее хозяйство и рожать детей (*На что корова, была бы жена здорова; Адзенне добра новае, а жана здаровая*). В ПКМ запечатлено негативное отношение к бесплодной женщине, которая во многих паремиях описывается с помощью лексем со значением ‘пустой, пустая’ (*Женщина без детей – пустая бочка с тряпками; Детей нет – жена пустоцвет*). Состоянием здоровья женщины определялись и чувства мужчины к ней (*Больная жена мужу не мила; Сястра брату міла багата, а мужыку жонка здарова*).

Профиль *жены* в ПКМ можно представить следующим образом:

1) *жена* – подруга, помощница и советчица мужа (*Жена мужу – подруга, а не прислуга; Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери; Три друга: отец, да мать, да верная жена; Худое дело, коли жена не велела; Не заўсёды добра жонкі не паслухаць; Баба ніколі не скажа ў глум*);

2) *жена* – хозяйка в доме (*Баба да кошка – в избе, мужик да собака – во дворе; Хата гаспадыняю красна; Без гаспадынькі хата, што дзень без сонца; Якая гаспадыня, такі і парадак*). В домашних делах женщине принадлежит первенство (*Хозяйкою дом стоит; Хозяйка лежит – и все лежит, хозяйка с постели – и все на ногах*). Соответственно заботами о хозяйстве определяется и место женщины в доме (*Бабе там место, где месят тесто; Бабе дарога – ад печы да парога*). Стоит отметить, что в тех случаях, когда актуализируются такие положительные качества женщины, как трудолюбие, хозяйственность, бережливость, лексема *жена (жонка)* в некоторых пословицах заменяется лексемой *хозяйка (гаспадыня)*;

3) *жена* – хранительница семейного очага, от нее во многом зависит микроклимат в семье (*Женщина может и создать семью и разрушить ее; Мир в семье женой держится; Хорошая жена – юрт; Хто жонку добру мае, той гора не знае*);

4) *жена* полностью зависит от мужа, подчиняется ему (*Жена мужу пластырь, муж жене – пастырь; Жена – кабальный батрак; Мое дело – сторона, а мой муж прав*);

5) *жена*, в отличие от *мужа*, заменима (*Бог не обидит: бабу отнимет, девку даст; Не плач за жонкай: будзе другая; Жонку ў яму, а сам на другую гляну*). Несмотря на то, что положение мужчины-вдовца было достаточно печальным (*У кого жена не умирала, у того и горя не бывало*), он мог снова жениться (*Не будет галя, так будет другая).*

Как видим, в ПКМ стереотипы *мужа* и *жены* диаметрально противоположны, противопоставлены друг другу. Несмотря на это *муж* и *жена* в традиционной семье воспринимаются как единое целое (*Муж да жена – одна душа; Муж да жена – одна сатана; Жена да муж – змея да уж; Где муж, там и жена; У мужа и жены мысли одни; Мужык ды баба – адна рада; Антось ды Хвядора – што лапаць ды абора*). Совместным трудом обоих супругов держится всё хозяйство (*Иглой да бороной деревня стоит*). Муж и жена одинаково оберегают своё имущество (*Мужик да собака – всегда на дворе, баба да кошка – всегда в избе*), которое считается неделимым (*У мужа с женою животы нераздельны*). В паремиях постоянно звучит мотив предостережения от вмешательства в чью-либо семейную жизнь (*Не суди мужа с женой! Жену с мужем Бог разбирает; Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится; Дзе мужык з жонкаю сварыцца, то трэці не мяшайся*).

Ключевыми понятиями, определяющими совместную жизнь супругов, являются *семейное согласие, совет, мир, лад* (бел. *лад, згода*): *Семейное согласие всего дороже; Сам Бог рад, калі ў сям'і лад. Согласие* в ПКМ осмысляется как созидающее начало, *ссоры* и *раздор* – как разрушающее, деструктивное (*Згода будуе, нязгода руйнуе).*

В традиционной семье брак прекращался только со смертью или пострижением в монашество одного из супругов (*Повенчает поп, а развенчает гроб; От злой жены одна смерть спасает да пострижение*). Развод как способ прекращения брака не допускался (*Связала судьба по рукам – не развязать до веку; Женитьба есть, а разженитьбы нет*), что и объясняет отсутствие в пословичной картине мира лексемы *развод.*

Таким образом, реконструкция фрагмента пословичной картины мира, связанного с представлениями о брачных отношениях в традиционном обществе, позволяет выявить обобщающие, категориальные суждения о предмете нашего исследования – стереотипе супружества. Без учета представлений о брачных отношениях в традиционном обществе невозможно изучение и осмысление тех изменений, которым подвергается данный стереотип, а также стереотип семьи в целом, в современном обществе.

Литература

1. Бартминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польского. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.

2. Белорусы. – М. : Наука, 1998. – 503 с.

3. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі; прадм. Д. Я. Бугаёва.– Мінск : Бел. навука, 2004. – 494 с.

4. Бурова, С. Н. Состояние института семьи в условиях трансформации белорусского общества / С. Н. Бурова, А. В. Демидова // Социология : Научно-теоретический журнал. – 2008. – № 2. – С. 110–118.

5. Даль, В. И. Пословицы, поговорки и присловия русского народа / В. И. Даль; [предисловие В. Татаринова]. – М. : Эксмо, 2008. – 896 с.

6. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – М. : Современник, 1986. – 512 с.

7. Прыказкі і прымаўкі / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

8. Садоўская, А.С. Адлюстраванне гендэрных адносін у беларускай, рускай і сербскай парэміялогіі / А. С. Садоўская, Д. С. Суслаў // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. — Вып. 6; пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : РІВШ, 2007. – С. 116–121.

Борис Залесский
Белорусский государственный университет

ЕВРОПЕЙСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Объективная данность современной глобально-информационной эпохи и нынешних общественно-политических реалий заключается в том, что она предполагает сразу несколько уровней присутствия медиа в информационном пространстве: глобальном (общемировом), региональном (европейском, евразийском), национальном (белорусском), местном (областном, районном, городском). Каждый из этих уровней предъявляет свои специфические требования к осуществлению журналистами своих профессиональных функций.

Глобальный и региональный уровни по определению являются сферой профессиональных интересов международного сегмента национальной журналистики любой страны, который должен учитывать двоякий характер стремительно развивающегося информационного пространства. Ведь, с одной стороны, оно должно расширить возможности, позволяющие извлечь максимум выгод из развития мировой информационной инфраструктуры. А с другой, несет в себе угрозу снижения или даже потери конкурентоспособности отечественных информационных ресурсов и национального контента. Вот

почему сегодня перед белорусской международной журналистикой стоят актуальные задачи органичного вхождения в мировой информационный контекст для извлечения максимальной выгоды – творческой и коммерческой – из развития мировой информационной инфраструктуры и конструктивного интегрирования в региональные информационные пространства, в данном случае – европейского и евразийского, с учетом их специфических особенностей.

Расположение Республики Беларусь на стыке двух цивилизационных общностей – латинской германо-романской и византийской славяно-православной – объективно предполагает проведение белорусским государством многовекторного внешнеполитического курса, который подразумевает поддержание баланса между европейским и евразийским политическим и экономическим, а также информационным пространством. Для средств массовой информации страны этот тезис трансформируется в требование разработки согласованной системы приоритетов по развитию международных информационных обменов и сотрудничества с зарубежными информационными рынками. И если на евразийском направлении сделано, в том числе и белорусской журналистикой, уже немало по созданию информационного пространства Содружества Независимых Государств, где «взаимодействие средств массовой информации объективно имеет большой созидательный потенциал, <…> служит идеям созидания и нравственности, терпимости и сотрудничества, взаимопонимания и укрепления взаимоуважения между странами и людьми» [8, с. 253], то европейское направление в этом смысле представляет собою еще «неподнятую целину», где речь сегодня надо вести о поиске и нахождении реперных точек взаимодействия белорусских медиа с партнерами в Европе по формированию европейского информационного пространства и об оптимальных формах участия в нем. В самом общем виде модель взаимодействия здесь можно представить в виде следующей схемы: «взаимодействие цивилизаций – общее поле духовных проблем – общее поле ценностей – цивилизационный консенсус» [3, с. 336].

В силу того, что в мире сегодня происходит формирование новых региональных форматов взаимодействия, которые должны стать важным компонентом решения не только локальных задач двустороннего сотрудничества стран, относящихся к разным локальным цивилизациям, но и совместного реагирования на общие угрозы,

смягчения последствий кризисов, повышения устойчивости национальных экономик, именно средства массовой информации должны играть определяющую роль в продвижении диалоговой культуры в условиях расширяющегося межцивилизационного диалога как одного из средств создания совместного информационного пространства. Другое дело, насколько медиа Беларуси и Европы готовы к этой перспективной роли, которую за ними резервирует уже ближайшее будущее? Вопрос непростой.

Что касается Европы, то «создание единого европейского информационного пространства является одной из важнейших задач процесса европейской интеграции» [17, с. 279], в котором можно выделить две основные тенденции. В рамках одной из них Европа рассматривается как культурное целое, а поэтому создаваемое единое европейское информационное пространство должно стать инструментом укрепления европейского единства, способствовать усилению чувства европейской идентичности. С другой стороны, есть в ряде европейских стран и националистически-изоляционистские настроения, что говорит об определенной неоднородности европейских рядов и что не может не препятствовать процессу строительства единого европейского информационного пространства, которое должно интегрировать в себе все страны Европы, в том числе и те, которые не являются еще членами Европейского союза или Совета Европы. Для нас в Беларуси это актуально, так как тенденции развития медиа на европейском континенте показывают, что их роль в международных делах только возрастает и они становятся реальным цементирующим основанием идеи создания европейского информационного пространства и оказываются «не только важным техническим, технологическим или экономическим процессом, но и существенным социально-политическим явлением в странах Европы» [15].

Еще в апреле 1982 года Совет Европы назвал свободный поток и широкое распространение различного рода информации независимо от границ «важным фактором взаимопонимания в мире, объединения людей и взаимного обогащения культур» [6] и поставил перед средствами массовой информации цель – содействовать международному сотрудничеству и развивать инфраструктуру информационных потоков. В 1994 году IV Европейская конференция министров по политике в области средств массовой информации особо отметила, что «СМИ могут способствовать созданию атмосферы взаимопонима-

ния и толерантности между людьми, группами и странами, а также достижению целей демократического, социального и культурного сплочения» [14]. А в июне 2005 года Европейская Комиссия предложила стратегические рамки, задающие общие политические ориентиры формирования европейского информационного общества, одной из главных целей которых значилось «создание единого европейского информационного пространства, необходимого для успешного функционирования открытого и конкурентоспособного внутреннего рынка в сфере информационного общества и средств массовой информации» [9].

Для Республики Беларусь, которая небезосновательно позиционирует себя как географический центр Европы, идея создания общеевропейского информационного пространства весьма актуальна. Несмотря на попытки некоторых наших зарубежных оппонентов отодвинуть белорусское государство на «обочину» европейских информационных процессов, тем не менее будем полагать, что времена, когда информация и печать были практически центральной ареной идеологического противостояния, своеобразным «горячим оружием холодной войны», все-таки безвозвратно ушли в прошлое. И в нашей стране сегодня ставится задача равноправного участия белорусских медиа в мировых информационных отношениях, а также преобразования «информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики» [11].

Разумеется, для успешного осуществления этих целей специалистам отечественной медиасферы, в том числе и журналистам-международникам, необходимо основательно продумать, как поставить на рельсы реальности международный информационный обмен, международное сотрудничество в сфере средств массовой информации, чтобы переключить своих европейских оппонентов с бессмысленной политизированной конфронтации на продуктивный поиск решений многосторонних и двусторонних европейских и других международных проблем, развития сотрудничества, включая и информационную сферу, ибо построение европейского информационного пространства невозможно без создания и развития способности национальных медиа всех уровней к взаимодействию, к расширению «платформ, которые могут разговаривать друг с другом» [7]. Реальные выгоды от участия в европейском информационном пространстве получат те белорусские медиа, которые сумеют в нынешних непростых условиях

интегрироваться в него, внедрив новые медиатехнологии и инновационные подходы на всех этапах создания и сбыта информационного продукта, способного конкурировать на зарубежных информационных рынках.

Думается, что обширным неиспользуемым потенциалом в этом отношении обладает международный сегмент белорусской журналистики, представители которого должны исходить из того, что в современных условиях роль медиа в продвижении диалоговой культуры, идеи межцивилизационного диалога значительно возрастает, ибо саму установку на создание правил согласования восточнославянской и западной культур и ценностей надо еще настойчиво продвигать. «А для того, чтобы люди занялись согласованием своих ценностей, необходимо, чтобы сама мысль об этом проникла в их мозг. Именно здесь огромную роль должны сыграть СМИ как одно из средств развития и изменения культуры» [10]. По сути, мы приходим к пониманию того, что уже назрела необходимость превращения национальных медиа, и уж тем более их международного сегмента, в центры гуманитарного диалога культур, деятельность которых, в конечном итоге, может и должна перевести конфликт ценностей разных цивилизаций в разряд реально решаемых проблем на основе консенсуса. Для этого в данном случае надо определить «общее поле» нахождения консенсуса белорусских и европейских средств массовой информации, в рамках которого они могут вести заинтересованный диалог в поиске конструктивных решений, что может стать отправной точкой равноправного участия белорусских медиа в формировании европейского информационного пространства.

Здесь уместно напомнить, что целью внешней политики белорусского государства на европейском направлении является развитие взаимовыгодных и добрососедских отношений со всеми странами континента, снижение напряженности и недоверия, стирание разделительных линий, поэтому логичным выглядит требование «активно искать точки соприкосновения с европейскими партнерами» [12]. И многое в этом отношении уже сделано. «Современная Европа – это важнейший торговый партнер Беларуси, источник прихода крупных и предсказуемых инвестиций, современных технологий и высоких стандартов» [1]. Дополнительным мотивом для выстраивания конструктивных отношений с европейскими партнерами служат взаимные объективные интересы в сферах «трансграничного сотруд-

ничества, стратегического транзита, энергодиалога, регионального партнерства, борьбы с преступностью, экологического взаимодействия» [16].

Установив дипломатические отношения практически со всеми странами Европы, наша республика в 20-ти из них, опираясь на действующие там белорусские дипломатические и консульские представительства, проводит особенно активную работу по развитию полномасштабного сотрудничества в политической, торгово-экономической, инвестиционной и гуманитарной сферах, что должно находить адекватное отражение как в белорусских, так и в медиа стран-партнеров, которые в не меньшей степени заинтересованы в объективном освещении двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Разумеется, в отношениях Беларуси с каждой из европейских стран имеет место своя специфика. Так, для сотрудничества со странами-соседями – Латвией, Литвой, Польшей – характерна системная основа встреч на высоком уровне, интенсивные контакты в торгово-экономической, транспортной, природоохранной, пограничной, таможенной, культурной и образовательной сферах. Германия, Италия, Франция, Нидерланды, Великобритания – мощные партнеры в торгово-экономической и инвестиционной областях, а что касается Австрии, то она и вовсе второй после России крупнейший инвестор белорусской экономики. Тема развития и повышения эффективности товаропроводящей сети белорусских предприятий, помимо уже называвшихся стран, сегодня особенно актуальна для Болгарии, Венгрии, Чехии, Эстонии.

В целом сотрудничество с европейскими партнерами важно для нас в плане диверсификации белорусской внешней торговли, внедрения европейского опыта по модернизации и повышению конкурентоспособности национальной экономики, а также для гармонизации стандартов качества белорусской продукции с европейскими аналогами, без чего невозможен ее доступ на рынок Европы. Компетентный анализ этих вопросов должен постоянно находиться в фокусе внимания международного сегмента белорусской журналистики, как и тема привлечения европейских инвестиций в белорусскую экономику по таким приоритетным направлениям, как производство наукоемких и высокотехнологичных товаров, качественной сельскохозяйственной продукции, повышение энергоэффективности, использование альтернативных источников энергии, развитие

транзитного потенциала. Кстати, среди наиболее значимых инвестиционных проектов, реализация которых уже подкреплена юридически, назовем организацию производства горячекатаного листового проката на РУП «Белорусский металлургический завод» в Жлобине совместно с итальянской компанией «Даниэли энд Ко Оффигинэ Мекканикэ С.п.А», создание производства поездов на ОАО «Белкоммунмаш» для нужд Белорусской железной дороги совместно с польским холдингом «Рельсовый транспорт PESA Быдгощ», организацию австрийской компанией «Кроноспан» экспортоориентированного высокотехнологичного производства в области деревообработки на базе неиспользуемых площадей РУП «Сморгонский агрегатный завод».

Актуальна в данном случае и тема участия Беларуси в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве с Россией и Казахстаном, так как это создает принципиально новые возможности для вывода экономического сотрудничества с европейскими странами на качественно новый уровень в силу снятия внутренних таможенных барьеров на экономическом пространстве с населением более 170 миллионов человек. В этой связи в нашей республике сейчас предпринимаются весьма энергичные усилия по созданию современных таможенных и логистических центров и превращению Беларуси в стратегическую площадку для продвижения европейской продукции в азиатском направлении. И здесь большое значение будет иметь активизация сотрудничества регионов Беларуси и стран Европы.

Заметим, что в силу нарастания тенденций развития межрегиональных связей в мировом хозяйстве «можно считать, что XXI век станет эпохой регионального сотрудничества. В рамках сотрудничества регионов многих стран осуществляются активные связи между хозяйствующими субъектами, создаются межрегиональные рынки, решаются задачи повышения эффективности национальных экономик» [4]. Особое внимание уделяется при этом приграничному сотрудничеству как наиболее активной форме межрегиональных отношений. В том же Евросоюзе уже созданы специальные международные советы и комиссии по этим вопросам, проводятся международные конференции, семинары и симпозиумы по обобщению опыта и выработке рекомендаций по межрегиональному сотрудничеству. И вообще «многолетний опыт трансграничного сотрудничества позволил на практике реализовать тезис: Европа – это территория регионов» [2, с.194].

Для белорусских регионов и их медиа здесь открываются очень интересные перспективы международного сотрудничества уже хотя бы по той причине, что на территории Беларуси для развития экономических, торговых, культурных, образовательных, научно-технических и природоохранных региональных связей созданы пять еврорегионов, из которых четыре – «Буг», «Неман», «Озерный край» и «Беловежская пуща» – с участием стран Евросоюза, представляющие собой территориальные единицы, состоящие из приграничных административных территорий государств-соседей. Участие в еврорегионах позволяет более оперативно решать приграничные проблемы на местном уровне, создавать гибкие хозяйственные структуры с привлечением внешних инвестиций для строительства либо расширения приграничной и транспортной инфраструктуры, налаживать приграничную торговлю, туризм, расширять сотрудничество в культурной, социальной и других областях. И в этой связи для немалой части белорусской региональной прессы, а в названные еврорегионы входят Брестская и Гродненская области, Браславский, Миорский, Верхнедвинский, Глубокский, Поставский районы Витебской области, существует реальная возможность на собственных примерах показать, как эта очень популярная в Европе форма межрегионального взаимодействия содействует в конечном итоге гармоничной интеграции Беларуси в структуры современной Европы, так как в этих условиях значительно усиливается роль не только общественных объединений, национальных и региональных союзов промышленников и предпринимателей, торгово-промышленных и хозяйственных палат, ассоциаций поддержки малого и среднего бизнеса, региональных ассоциаций социально-экономического взаимодействия, но и средств массовой информации. Ведь именно «журналистика открывает путь к взаимопониманию народов. В условиях заметной активизации этнополитических и этнокультурных процессов неизмеримо возросло влияние печати на все сферы жизни общества, в том числе на межнациональные отношения и этнические процессы» [13, с. 47].

Особенности освещения международной тематики в региональных медиа Беларуси и стран Европы таковы, что должны позволять своим читателям лучше узнавать и самих себя, и своих соседей, знакомить с их культурой, религией, обычаями, традициями, не говоря уже о совместных проектах. Такой характер средств массовой информации заложен во многих европейских документах и только способ-

ствует сближению народов, лучшему их взаимопониманию. Правда, пока в чисто профессиональной стороне данного вопроса можно наблюдать зияющие пустоты, ибо очень трудно найти сегодня примеры достойной совместной работы журналистов-международников Беларуси и стран Европы над объединенными номерами газет, совместными подборками публикаций по конкретным вопросам регионального сотрудничества, которое по определению является прагматичным, рациональным, взаимовыгодным.

Приход новых информационных технологий существенно расширяет в этом смысле границы имеющихся возможностей международного информационно-медийного сотрудничества, к которым могут добавиться совместные интернет-ресурсы, представляющие из себя площадки коммуникации, где представители различных профессиональных групп и эксперты из разных стран могли бы общаться, создавая совместный информационный продукт, представляющий взаимный интерес. Эти и другие актуальные формы международного медийного сотрудничества могут стать реальностью при условии опережающего развития международного сегмента национальной журналистики и в Беларуси, и в европейских странах, представители которого должны прекрасно понимать, что «создание текстов, адресованных интернациональной аудитории, требует соблюдения правил и навыков, базирующихся на знании социальных, этических, лингвистических, семиотических, религиозных, культурологических, цивилизационных и других особенностей адресантов, а их несоблюдение может привести и уже приводит к возникновению весьма острых конфликтных ситуаций» [5, с. 64].

Понятно, что европейское информационное пространство должны развивать прежде всего средства массовой информации. Не секрет, что делать это они могут по-разному. Могут созидать его, а могут и разрушать. Цель белорусских медиа на европейском направлении одна – создание взаимовыгодных условий для взаимодействия по всем направлениям международного информационного сотрудничества и обмена. Предпосылки для такого диалога есть. Теперь важно их реализовать.

Литература

1. Беларусь и страны Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.mfa.gov.by/bilateral/europe. – Дата доступа : 04.01.2012.

2. Бойков, П. В. Еврорегионы как перспективная форма сотрудничества Беларуси со странами ЕС / П. В. Бойков // Проблемы управления. – 2007. – № 1. – С. 194–197.

3. Василенко, И. А. Политическая глобалистика / И. А. Василенко // М. : Логос, 2000. – 360 с.

4. Вашанов, В. А. Развитие межрегионального экономического сотрудничества в СНГ / В. А. Вашанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cis.minsk.by/page.php?id=714. – Дата доступа : 25.12.2011.

5. Дасаева, Т. Н. Журналистика глобального сообщества / Т. Н. Дасаева, Б. Л. Залесский // Веснік БДУ. Серыя 4. – 2011. – № 1. – С. 61–64.

6. Декларация о свободе выражения мнения и информации [Электронный ресурс]. – 1982. – Режим доступа : www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/decl-fr-expr.htm. – Дата доступа : 02.01.2012.

7. Дрожжинов, В. Новый этап развития европейского информационного общества / В. Дрожжинов [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=71280. – Дата доступа : 24.12.2011.

8. Залесский, Б. Л. Средства массовой информации и формирование единого информационного пространства Содружества Независимых Государств / Б. Л. Залесский // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 20–22 октября 2011 г. / под ред. В. З. Гарифуллина, Р. П. Баканова. – Казань : Казан. ун-т, 2011. – С. 251–258.

9. Инициатива i2010 [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : http://www.n-europe.eu/glossary/term/620. – Дата доступа : 24.12.2011.

10. Колесник, В. С. Конфликт ценностей в межцивилизационном диалоге / В. С. Колесник [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://dom-hors.ru/issue/fik/1-2011-1-2/kolesnik.pdf. – Дата доступа : 04.01.2012.

11. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.mod.mil.by/koncep.html. – Дата доступа : 02.01.2012.

12. Мы – единый народ. Послание Президента А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию: «Предприимчивость, инициатива и ответственность каждого – достойное будущее страны» // СБ. Беларусь сегодня. – 2011. – 24 апр.

13. Овсепян, Р. П. Многонациональная печать новой России (Некоторые аспекты функционирования) / Р. П. Овсепян // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2011. – № 3. – С. 39–51.

14. Политическая декларация о средствах массовой информации в демократическом обществе [Электронный ресурс] / 4-я Европейская конферен-

цыя министров по политике в области средств массовой информации Прага (Чешская Республика), 7–8 декабря 1994 г. – Режим доступа : http://www.data.minsk.by/books/ce_massmedia/7.html. – Дата доступа : 04.02.2012.

15. Поляков, Ю. А. Европейский процесс и средства массовой информации / Ю. А. Поляков [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа : http://www.medialaw.ru/article10/5/1.htm. – Дата доступа : 24.12.2011.

16. Приоритеты и направления внешнеполитической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.president.gov.bhy/press46194.html#doc. – Дата доступа : 06.01.2012.

17. Фрольцов, В. В. К проблеме формирования европейского информационного пространства на рубеже XX–XXI вв. / В. В. Фрольцов // Журналістыка-2003: матэрыялы 5-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 4–5 сн. 2003 г. / Бел. дзярж. ун-т; пад рэд. В. П. Вараб'ева [і інш.]. – Мінск, 2003. – С. 279–280.

Сяргей Зелянко
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПРАГНАЗАВАННЕ ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ ІНТЭРТЭКСТУ І МЕДЫЯТЭКСТУ

Апошнім этапам правядзення рэдактарска-канцэптуальнага аналізу ўключэння ў структуру публіцыстычнага твора інтэртэксту [6] з'яўляецца фармулёўка гіпотэзы верагоднаснага механізму ўзаемадзеяння інтэртэксту і медыятэксту і наступная, пры неабходнасці, карэкціроўка журналісцкага тэксту [7]. Працэдура засноўваецца на выніках аналізу арганічнасці/неарганічнасці карцін свету донара і рэцыпіента інфармацыі, на падставе чаго вызначаецца ступень адпаведнасці/неадпаведнасці інтэнцый журналіста пры выбары канкрэтных інтэртэкстуальных адзінак або адмове ад іх выкарыстання пэўным схемам, сцэнарыям, чаканням і патэнцыйным ведам рэцыпіента інфармацыі.

Асноўная функцыя СМІ – збор і распаўсюджванне інфармацыі на максімальна магчымую колькасць спажыўцоў [4, с. 139–140]. Пры гэтым, як адзначае прафесар Р. Салганік, «газетна-публіцыстычнае маўленне заклікана ўздзейнічаць на масы, заклікана максімальна ўлічваць інтарэсы і запыты аўдыторыі» [17, с. 15]. Гэта магчыма толькі пры камунікатыўнай роўнасці (агульнай маўленчай кампетэнтнасці) адрасата і адрасанта паведамлення, наяўнасці ў суб'ек-

таў камунікацыі агульнага кагнітыўнага фону маўлення, які апасродкуе правільную інтэрпрэтацыю зместу медыятэксту. На гэтую акалічнасць звяртае ўвагу прафесар М. Цікоцкі: «У тэорыі сродкаў масавай камунікацыі вылучаюць прынцып публічнасці, сутнасць якога ў тым, што змест, які перадаецца ў ходзе масавай камунікацыі, павінен быць даступным усім членам грамадства без якіх-небудзь абмежаванняў. Гэты прынцып у многім вызначае характар адбору моўных сродкаў. <...> Выключаюцца крайнасці – усё, што можа ўскладніць, абцяжарыць разуменне тэксту» [19, с. 267]. Прафесар В. Іўчанкаў сведчыць, што структурнай адзінкай медыятэксту, якая можа паўплываць на яго асэнсаванне і інтэрпрэтацыю адрасатам інфармацыі, з'яўляецца інтэртэкст [10].

Любы інтэртэкстуальны элемент, які ўключаны ў структуру медыятэксту, абавязкова карэлюе з ім, уступае ў складаныя палілагічныя змястоўна-сэнсавыя адносіны ўжо толькі з-за факта ўбудоўвання «чужога» тэксту ў журналісцкі твор, ператварэння прэтэксту або асобнай яго часткі ў структурна-кампазіцыйную адзінку іншага тэксту: «Тэкст суадносіцца з папярэднімі тэкстамі як з падставай і прэсупазіцыяй свайго ўзнікнення» [1, с. 267]. Каэфіцыент карэляцыі (умоўны паказальнік шчыльнасці ўзаемаадпаведнасці інтэртэксту і медыятэксту) пры гэтым можа быць як станоўчым, так і адмоўным.

Станоўчы каэфіцыент карэляцыі забяспечваецца інтэграцыяй журналісцкага тэксту і інтэртэксту, пры гэтым інтэртэкст праз рэалізацыю сэнсавага і эмацыянальна-вобразнага патэнцыялу ў публіцыстычным маўленні ўзбагачае сэнсавую сруктуру артыкула, дапамагае стваральніку тэксту не толькі рэпрэзентаваць аўдыторыі сваю канцэптуалізацыю рэчаіснасці, светапогляднае стаўленне да падзеі, суб'екта або аб'екта публікацыі, але і падштурхоўвае чытача да інтэлектуальнага развіцця за кошт стымулявання пашырэння інтэртэкстуальнага тэзаўруса. Падобны прыклад выкарыстання інтэртэкстуальнай адзінкі назіраем у артыкуле *«Почему соотечественники забыли “белорусского Теслу”»?* (Об., 05.11.2010), у якім распавядаецца пра жыццё і навуковую дзейнасць беларускага вучонага Якуба Наркевіча-Ёдкі. У загаловак артыкула ўключаецца антрапанімічная алюзія (прозвішча амерыканскага даследчыка Ніколы Тэсла), якая, бясспрэчна, павінна звярнуць на сябе ўвагу чытача з-за сваёй некагерэнтнасці. Па-першае, яна маркіравана двукоссем,

па-другое, прэцэдэнтнае імя дапаўняецца тапанімічным указальнікам-азначэннем «*белорусского*», які з прэцэдэнтным імем не мае адавочных сувязей, што апасродкуе яго анамальнасць у кантэксце артыкула і засяроджвае чытацкую ўвагу. Гэта інтэртэкстуальная адзінка выкарыстоўваецца зноў і ў самім артыкуле разам са згадваннем яшчэ аднаго прэцэдэнтнага імя – прозвішча амерыканскага вынаходцы Томаса Эдысана: «*Современники ставили Наркевича-Йодку на одну планку с Тесла и Эдисоном*». Падобныя апеляцыі да прэцэдэнтных феноменаў адразу ўключаюць адрасата інфармацыі ў інтэртэкстуальную гульню, падштурхоўваюць да пошуку культурна-гістарычных паралелей і адпаведнасцей паміж лёсамі героя публікацыі і азначаных у артыкуле навукоўцаў, верагодна, садзейнічаюць пашырэнню інтэртэкстуальнага тэзаўруса аўдыторыі (*пошук дадатковых звестак пра Эдысана, Тэсла і Наркевіча-Ёдку*), дапамагаюць журналісту ў станоўчай характарыстыцы героя матэрыялу, спараджаюць у чытача неабходныя для грунтоўнага і паўнавартаснага ўспрымання матэрыялу і звязаныя са згаданымі ў медыятэксце прэцэдэнтнымі імёнамі асацыяцыі – *слынныя вучоныя, сусветна вядомыя вынаходцы*, якія экстрапалююцца на асобу Я. Наркевіча-Ёдкі. З вялікай доляй упэўненасці можна меркаваць, што нават у непадрыхтаванага чытача (асобы, якая дакладна не ведае, у якіх галінах навукі працавалі Т. Эдысан і Н. Тэсла) прэцэдэнтныя імёны, згаданыя ў публікацыі, павінны б выклікаць асацыяцыю *знакаміты вучоны*, што ўжо дастаткова для агульнага разумення сэнсу артыкула. Тая ж частка аўдыторыі, канцэптуальная карціна свету якой мае пэўныя пункты судакранання з канцэптуальнай карцінай свету журналіста, павінна атрымаць адпаведную яго інтэнцыям і сваім верагоднасным уяўленням пра змест публікацыі інфармацыю. Іншымі словамі, у разгледжаным прыкладзе ілакутыўны акт (камунікатыўная мэта журналіста па інфармаванні аўдыторыі), які засноўваецца на апеляцыі да рэпрэзентатываў – *Эдысан, Тэсла*, безумоўна спараджае перлакутыўны эфект – станоўчую характарыстыку героя публікацыі.

Дэзынтэграцыя медыятэксту і інтэртэксту, калі апошні сэнсава, лагічна і сюжэтна-кампазіцыйна аддалены ад журналісцкага тэксту, абумоўлівае наяўнасць адмоўнага каэфіцыента іх карэляцыі, які назіраецца пры бяздумным і неабгрунтаваным стварэнні клішыраваных інтэртэкстуальных загалоўкаў да журналісцкіх тэк-

стаў; уключэнні ў структуру медыятэксту спасылак на прэцэдэнтныя феномены, якія з'яўляюцца канцэптуальна важнымі для разумення паведамлення, але пры гэтым могуць быць распазнаны невялікай колькасцю адрасатаў інфармацыі; пры выкарыстанні інтэртэкстуальных адзінак без уліку іх сэнсавага і эмацыянальнага патэнцыялу ўздзеяння на аўдыторыю; а таксама пры памылковым ужыванні пэўных інтэртэкстуальных сродкаў. Паколькі ў такім выпадку выкарыстання інтэртэкстуальных адзінак можа назірацца скасаванне міжтэкставых (міждыскурсных) сувязей паміж прэтэкставай крыніцай інтэртэкстуальнага запазычання (прэцэдэнтным тэкстам) і самой інтэртэкстуальнай адзінкай, якая з'яўляецца структурна-кампазіцыйным і сэнсавым элементам журналісцкага твора, можна казаць пра пераўтварэнне інтэртэкстаў у сімулякры, якія, паводле Ф. Джэймісана, з'яўляюцца «дакладнымі копіямі, арыгіналаў якіх ніколі не існавала» [3, с. 550]. Інтэртэкст-сімулякр пры сваім знешнім (фармальным) падабенстве да арыгінальнага першаснага тэксту не ўтрымлівае ў сабе яго ўнутраных змястоўна-сэнсавых характарыстык, у выніку чаго не здольны наладзіць з акаляючым кантэкстам (медыятэкстам, які яго прымае) унутрытэкставых і паза-тэкставых (міжтэкставых і міждыскурсных) сувязей і адпаведна перадаць рэцыпіенту (нават пры распазнаванні інтэртэкстуальнай адзінкі) імпліцытнага значэння прэтэксту. Падобную сітуацыю можна назіраць у артыкуле *«А и Б сидели на "трубе"»* (СБ, 16.12.2004), у загаловак якога выносіцца цытата з дзіцячага верша-загадкі. Лексема «*труба»* звяртае на сябе ўвагу за кошт маркёра-двукосся, які патрабуе ад чытача пераноснай інтэрпрэтацыі яе значэння – *«тэлефонная трубка»*, што пацвярджаецца і тэкстам артыкула пра выкарыстанне мабільных тэлефонаў вучнямі ў школе (чытач суадносіць літары «*А*» і «*Б*» з пазначэннем класаў). Праз пераасэнсаванне інтэртэксту, парадзіраванне і нейтралізацыю сэнсу прэцэдэнтнага выказвання журналіст спрабуе змястоўна ўзбагаціць публіцыстычны твор. Але ў новай кантэкстуальнай сітуацыі (у складзе інтэртэкстуальнай адзінкі) лексема «*сидели*» набывае адмоўную канатацыю, бо можа нагадаць пэўнай частцы чытацкай аўдыторыі даволі вядомы выраз «*сидеть на игле*» – *быць наркаманам* (параўн. «*подсесть – привыкать к чему-л., приобретать зависимость от чего-л.*») [5, с. 344]. У выніку падобнай мадыфікацыі цытата набывае статус сімулякра, таму што цалкам губляе сувязь з прэтэкстам, у чы-

тача пры рэцэпцыі журналісцкага тэксту могуць узнікнуць пачуцці незадаволенасці і раздражнёнасці (эфект падманутага чакання) з-за неразумення інтэнцый журналіста пры ўключэнні інтэртэкстуальнай адзінкі ў тэкст, якая можа быць успрынята як семантычна анамальная і недарэчная ў кантэксце журналісцкага паведамлення, як «камунікатыўны збой» [21, с. 265]. Падобныя выпадкі выкарыстання інтэртэкстуальных адзінак у адпаведнасці з методыкай рэдагавання тэкстаў СМІ ўказваюць на неабходнасць карэкціроўкі стылістычнага рэгістра медыятэксту на падставе высноў рэдактарска-канцэптуальнага аналізу ўключэння ў структуру публіцыстычнага тэксту інтэртэксту. Як справядліва пісаў прафесар К. Былінскі, «рэдактару, што апрацоўвае тэкст, у якім выкарыстоўваюцца цытаты і мастацкія вобразы з літаратурных твораў, неабходна ўлічваць, што злоўжыванне гэтымі прыёмамі прыводзіць да адваротнага выніку: чытач губляе ўсялякую цікавасць да тэксту як да твора, які не ўтрымлівае нічога арыгінальнага» [2, с. 262].

Яшчэ адным фактарам, які можа адмоўна паўплываць на асэнсаванне медыятэксту адрасатам інфармацыі, з'яўляецца няведанне апошнім тых прэцэдэнтных імёнаў, выказванняў, тэкстаў і сітуацый, да якіх апелюе журналіст. Так, расійскі лінгвіст Т. Чарнышова адзначае, што «для паспяховага ўзаемадзеяння аўтара і адрасата ў газетна-публіцыстычнай сферы недастаткова толькі «перакрыжавання» канцэптуальных сістэм рэцыпіента і тэксту, неабходна таксама «перакрыжаванне» канцэптуальных сістэм аўтара і адрасата праз тэкст» [20, с. 41]. Такім чынам, наяўнасць агульнага кагнітыўнага фону маўлення, блізкасць ментальных карцін свету – першарадная ўмова ўзаемапаразумення журналіста і адрасата інфармацыі.

Можна адзначыць, што на адэкватнае задуме журналіста (донар інфармацыі – D) чытачом, слухачом, гледачом (рэцыпіент інфармацыі – R) асэнсаванне медыяпаведамлення (паведамленне^{D}), што знайшло сваё адлюстраванне ў публіцыстычным тэксце, які быў створаны ў пэўных кантэкстуальных умовах (кантэкст^{D}) і ўтрымлівае інтэртэкстуальную(ыя) адзінку(і) (код^{D}), можна разлічваць толькі пры ўмове распазнавання і абавязковага дэкадзіравання інтэртэксту (код^{D} = код^{R}) у іншых кантэкстуальных абставінах (кантэкст^{R}), падчас чаго адбываецца інтэрпрэтацыя медыятэксту адрасатам інфармацыі, а ў яго свядомасці з'яўляецца новае паведамленне (паведамленне^{R}), сэнс (S) якога прыкладна роўны сэнсу паведамлення,

спароджанага СМІ ($S_{паведамленне}^{D} \approx S_{паведамленне}^{R}$). На гэты конт прафесар І. Ухванава-Шмыгава адзначае, што «чытач падвяргае знакавы матэрыял, у які ператварылася падзея, уласнай інтэрпрэтацыі. У выніку з'яўляецца не «сама падзея» і не «падзея аўтара», а «падзея чытача». Гэта значыць, можна казаць не толькі пра тое, што адна падзея спараджае мноства самых розных тэкстаў (кожны аўтар яе бачыць па-свойму), але і пра тое, што адзін і той жа тэкст адлюстроўвае мноства падзей (кожны чытач бачыць у ім сваю падзею)» [18 с. 187].

Як падкрэслівалася, нераспазнаванне адрасатам інтэртэкстуальнай адзінкі з-за няведання прэтэксту можа не адбіцца на разуменні агульнага зместу публіцыстычнага артыкула (маем на ўвазе прафаннае, лінейнае прачытванне медыятэксту, падчас якога адбываецца рэцэпцыя толькі экспліцытнай інфармацыі), але імпліцытная інфармацыя, якую журналіст, кіруючыся пэўнымі матывамі (напрыклад, выкарыстанне інтэртэксту ў якасці эўфемізму), намагаўся перадаць праз спасылку на «чужы» тэкст, апеляцыю да пэўнага прэцэдэнтнага феномену, застанецца па-за ўвагай рэцыпіента: «... недарэчнасць, неапраўданасць выбара (як і трансфармацыя) прэцэдэнтнага феномена абавязкова прывядзе да камунікатыўнай няўдачы» [8, с. 228]. У такім разе нельга казаць пра паўнавартасны дыялог паміж журналістам і аўдыторыяй: «без разумення прапанаванага чытачу аўтарскага тэксту камунікацыя не можа адбыцца» [12, с. 21]. Такім чынам, у постмадэрнісцкім дыскурсе, які рэгламентуе сёння і тэкстабудаванне і тэкстаўспрыманне, г. зн. і аўтарскую і чытацкую дзейнасць па стварэнні тэксту, вытворца (донар) інфармацыі павінен дакладна ацэньваць і суадносіць сродкі, якія ён выкарыстоўвае для перадачы інфармацыі, з ментальнымі ўласцівасцямі і магчымасцямі чытача: «індывід павінен мець ключ для апазнавання разнастайных груп сістэмных знакаў, таму што інакш ён будзе ўспрымаць іх як абсалютна бяссэнсавую з'яву і не здолее ўключыць механізм працэсу апазнавання» [13, с. 57]. У сваю чаргу, як падкрэслівае доктар філалогіі Н. П'еге-Гро, «інтэртэкстуальнасць у поўнай меры прадугледжвае актыўнага чытача; менавіта ён павінен не толькі распазнаць наяўнасць інтэртэксту, але і ідэнтыфікаваць яго, а затым і даць яму сваё вытлумачэнне» [14, с. 132]. Інакш навукоўцам прыйдзецца канстатаваць пасля «смерці аўтара» (тэрмін Р. Барта) і «смерць чытача» як раўнапраўнага ўдзельніка працэсу стварэння і вытлумачэння тэксту.

Несупадзенне моўных карцін свету журналіста і рэцыпіента інфармацыі таксама можа адмоўна паўплываць на карэляцыю медыятэксту і інтэртэксту, паколькі «тэкст валодае значэннем толькі ў адпаведнасці з умовамі яго вытворчасці, а таксама і ў адпаведнасці з умовамі яго тлумачэння» [15, с. 552]. Калі пагадзіцца з Ю. Караулавым, што моўная карціна свету – гэта вынік узаемадзеяння сістэмы каштоўнасцей пэўнай асобы з яе жыццёвымі мэтамі, матывамі паводзін, інтэнцыямі і ўстаноўкамі, якія праяўляюцца ў тэкстах, што стварае гэта асоба, а таксама ў асаблівасцях успрымання чужых тэкстаў [11, с. 207], то можна меркаваць, што ментальна-кагнітыўную канфрантацыю паміж суб'ектамі камунікацыі, якая перашкаджае дасягненню перлакутыўнага эфекту журналісцкай дзейнасці, здольна спарадзіць, напрыклад, густавае непрыняцце адрасатам інфармацыі манеры журналісцкага пісьма, яго стылістычнай танальнасці. В. Іўчанкаў слушна заўважае, што пры асістэмным уключэнні ў журналісцкі тэкст інтэртэкстуальных адзінак можа быць спароджана парадаксальная сітуацыя, калі «вынік журналісцкай дзейнасці – тэкст – не суадносіцца з пэўнымі густамі, нават разумовымі здольнасцямі рэцыпіента» [9, с. 95]. Напрыклад, артыкул *«Пришел невод с... “травкой”»* (ЗЮ, 19.11.2004) беспадстаўна, на наш погляд, перанасычаецца інтэрлексемамі (эмацыянальна афарбаваныя моўныя адзінкі абмежаванай сферы выкарыстання (жарганізмы, аргатызмы, ненарматыўна-лаянкавыя і субстандартна-абсцэнныя лексемы), якія ўжываюцца замест агульнапрынятых для адлюстравання ў медыятэксце пэўнай рэальнай сітуацыі) і інтэрстылёвымі ўкрапінамі (лексічныя адзінкі аднаго стылю, якія ўключаюцца ў медыятэкст з мэтамі стварэння пэўнага каларыту і спараджэння ў чытацкай аўдыторыі адпаведных спецыфіцы публікацыі асацыяцый): «*среди **потребителей зелья сбытчица** наркотиков*», «***сильнодействующая отрава афганского происхождения***», «*девушка продавала “**кайф**” за бесплатную “**дозу**”*», «*переключилась на героин, которого в столице **было хоть завались***», «***дури** было в избытке*», «*а тут **вдобавок** сотрудники УПНОНа буквально **озверели**: то и дело они перекрывали каналы поступления “**дури**”, один за одним **поставщики** оказывались **в местах не столь отдаленных***», «*в разговоре с “**коробейницей**” “**оптовик**” сказал, что готов купить крупную партию наркотиков **за солидные бабки***», «*убедившись, что покупатель “**чист**”,*

*он предложил “**упакованному**” **клиенту** 350 граммов героина*», «***дельцы** решили встретиться*», «*“**оценщик**” захотел убедиться*», «*торговалась **братва** долго*», «*сам же “**сделал ноги**”*», «*напоследок попытался **выпендриться***», «*остаток героина “**затырили менты**”*», «***окончательно загрустил** он уже в ходе следствия*», «*сотрудники милиции блокировали “Опель” с **азиатом***», «***опера** нашли еще 221,1 грамма героина*», «*“**белая смерть**” попала в силки*». Падобную маштабную апеляцыю да прыёму інтэрстылёвага таніравання можна кваліфікаваць як парушэнне норм чысціні маўлення. Прафесар В. Сірацініна, аналізуючы літаратурна-жаргонны тып маўленчай культуры, адзначае, што характарызуецца ён наўмыснай жарганізацыяй маўлення (выбарам з сінанімічнага раду не літаратурнага слова, а яго прастамоўнага, дыялектнага, лаянкавага сэнсавага адпаведніка) і «назіраецца ў журналістаў не самай высокай культуры» [16, с. 345]. Дастаткова сумніўным уяўляеца той факт, што журналісту для стварэння адпаведных тэме публікацыі кантэксту і стылістычнага каларыту, наладжвання з маладзёжнай аўдыторыяй кантакту за кошт выкарыстання «пануючай», як, напэўна, лічыць журналіст, у маладзёжным асяроддзі лексікі спатрэбілася такая значная колькасць маўленчых адзінак абмежаванай сферы выкарыстання. Прадэманстраваны прыклад з'яўляецца, на наш погляд, яскравым узорам прафесійнай недапрацоўкі аўтарам публікацыі, а таксама недастатковай кампетэнтнасці літаратурнага і стылістычнага рэдактараў канкрэтнага СМІ.

Такім чынам, аналіз маўленчых карцін свету журналіста і рэцыпіента інфармацыі, вызначэнне адпаведнасці намераў журналіста пры ўключэнні інтэртэксту ў медыятэкст (адмове ад яго выкарыстання) фрэймавай характарыстыцы аўдыторыі (ментальны партрэт гіпатэтычнага чытача) пры прагназаванні верагоднаснага ўзаемадзеяння журналісцкага тэксту і інтэртэксту дазваляюць як аўтару артыкула, так і рэдактару, які заклікаваны ўдасканаліць тэкст, папярэдзіць неабгрунтаваную інтэртэкстуалізацыю публіцыстычнага маўлення, якая ў пэўных выпадках можа прывесці да стварэння не закладзеных у тэксце сэнсавых структур і псеўдарэалій, перашкодзіць спажыўцу інфармацыі зразумець пададзены факт або падштурхнуць да памылковай інтэрпрэтацыі яго ці нават прафанацыі.

Літаратура

1. Бразговская, Е. Е. Текст культуры: от события – к событию (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий) / Е. Е. Бразговская. – Пермь : ПГПУ, 2004. – 284 с.

2. Былинский, К. И. Язык газеты / К. И. Былинский. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.

3. Грицанов, А. А. Симулякр / А. А. Грицанов // Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск : Современный литератор, 2007. – С. 550–553.

4. Дубовік, С. В. Даведнік журналіста / С. В. Дубовік. – Мінск : БДУ, 2006. – 222 с.

5. Елистратов, В. С. Словарь русского арго / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.

6. Зелянко, С. В. Рэдактарска-канцэптуальны аналіз інтэртэксту ў СМІ / С. В. Зелянко // Журналістыка-2010: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 12-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 8–9 снеж. 2010 г. / Бел. дзярж. ун-т; рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – Вып. 10. — С. 179–182.

7. Зеленко, С. В. Интертекст в публицистической речи: проблема корректировки стилистического регистра медиа-текста / С. В. Зеленко // II Кодуховские чтения : межвузовский сб. науч. и науч.-методических статей. – Ишим : ИГПИ им. П. П. Ершова, 2010. – С. 101–102.

8. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта, 2009. – 296 с.

9. Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 258 с.

10. Іўчанкаў, В. І. Інтэртэкстуальнасць у сучасным публіцыстычным маўленні / В. І. Іўчанкаў // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин : материалы III Междунар. науч. конф., Мозырь, 12–13 мая 2005 г. : в 2 ч. / Мозыр. гос. пед. ун-т.; редкол. : С. Б. Кураш [и др.]. – Мозырь : МГПУ, 2005. – Ч. 1. – С. 135–136.

11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 261 с.

12. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 56 с.

13. Мисонжников, Б. Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания) / Б. Я. Мисонжников. – СПб. : СПбГУ, 2001. – 490 с.

14. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро; пер. с фр. ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
15. Серио, П. Дискурс и интердискурс / П. Серио // Семиотика : антология. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 549–562.
16. Сиротинина, О. Б. Речевая культура / О. Б. Сиротинина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожиной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 343–347.
17. Солганик, Г. Я. Выразительные ресурсы лексики публицистики / Г. Я. Солганик // Поэтика публицистики : сб. науч. ст. – М. : МГУ, 1990. – С. 10–20.
18. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Газета – аудитория: типология речевого взаимодействия / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса : актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Минск : БГУ, 1998. — Вып. 1. – С. 186–200.
19. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка беларускай мовы / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 294 с.
20. Чернышова, Т. В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект) / Т. В. Чернышова. – Барнаул : Алтай. ун-т, 2003. – 178 с.
21. Шестерина, А. М. Прецедентные тексты в полемических публикациях современной российской прессы / А. М. Шестерина // Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – С. 264–272.

Елизавета Ивченкова
Белорусский государственный университет

ЯЗЫК ЖУРНАЛИСТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Проблема «языка и национальной культуры» имеет многоаспектный характер и представляет собой своеобразную дихотомию, выражающуюся в том, что язык – отражение национальной культуры – представлен в речемыслительной деятельности (логосфере) носителей языка. Язык как система знаков отражает мир во всем его многообразии и служит ярким презентантом речемыслительной деятельности общества.

Человек, язык и культура находятся в постоянной корреляции, образуя своеобразный «триумвират», интересующий гуманитарные науки: журналистику, лингвокультурологию, эстетику, философию. Язык является первоосновой культуры, которая представляет соци-

альный продукт. По мнению А. Е. Супруна, язык, «с одной стороны, является одним из важнейших достижений истории человеческой, он выступает и как слагаемое культуры и как ее орудие. Однако, с другой стороны, в самой материи языка, в ряде существенных характеристик языковой структуры отразилась биологическая природа человека» [11, с. 48]. Взаимозависимые понятия язык-культура дихотомичны, потому что продуцируются в новых явлениях и одновременно поддерживаются укладом всего сущего.

Язык – наиболее глубокая всеопределяющая структура во всякой национальной культуре. По утверждению Вильгельма фон Гумбольдта, «язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, это его внутренняя поэтическая энергия» [5, с. 18]. Известный исследователь Анна Вежбицкая приводит пример из области гастики: «В польском языке есть особые слова, обозначающие солянку из тушеной капусты (bigos), свекольный суп (barszcz) и особого рода сливовый джем (powidła). В английском языке таких слов нет. Но в нем есть, например, обозначение апельсинового джема – marmalade, а в японском – слово, означающее крепкий алкогольный напиток, приготовляемый из риса (sake)» [3, с. 15]. Белорусской культуре принадлежат слова *брыль, чыгунка, ваўкалак, знічка, неруш, здарожыцца, пасталець*. Перед нами так называемая безэквивалентная лексика, т. е. не имеющая переводных вариантов на другой язык. В работах И. Г. Шкрабы «Самабытнае слова» (1994) и в «Словаре белорусскоязычной безэквивалентной лексики (в русскоязычном отношении)» (2008) таких единиц приводится около 800 и около 2 000 соответственно. Именно эта лексика является аккумулятором обозначений специфических явлений национальной культуры.

По утверждению Н. Б. Мечковской, о доле безэквивалентной лексики в национальном словаре можно судить по следующим данным: русские безэквивалентные слова и обороты (*сельсовет, воскресник, гармошка, народоволец, бить челом, толстый журнал* и т. п.) составляют 6–7 % от общеупотребительной русской лексики. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Великобритания» (далеко не исчерпывающий явление семантической конденсации) толкует 9 500 подобных слов и словосочетаний (включая и некоторые известные топонимы).

Язык как звучащая речь, посредством которой происходит общение, – самый важный инструмент коммуникации, то есть получения,

хранения, дешифровки, интерпретации культурных кодов. В своем живом проявлении речь не может существовать без ее носителя – человека, пребывающего в социальной среде и в некоторой степени ограниченного рамками культуры. Под воздействием культуры язык меняется, что проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах. Это может сказываться в некоторой специфике лексики и грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка.

Воздействие культуры на язык ярко и цельно проявляется в том, в каких формах существования, семиотических системах он представлен. Так, существует язык вербальный и невербальный, язык искусства, язык математики и т. д. Ч. У. Моррис отмечает, что «термин «язык», как и большинство терминов, относящихся к знакам, неоднозначен, поскольку его признаки могут быть сформулированы в терминах различных измерений. Представитель формальной логики склонен рассматривать язык как любую аксиоматическую систему, независимо от того, обозначает ли эта система какие-нибудь объекты и использует ли ее реально какая-либо группа интерпретаторов; и, наконец, представитель прагматизма склонен рассматривать язык как тип коммуникативной деятельности, социальной по происхождению сущности, с помощью которой члены социальной группы более успешно удовлетворяют свои индивидуальные и общие нужды» [7, с. 45].

Язык универсален, необходим для человека, так как это форма коммуникации и познания. Его «знаковая структура является дискретным слепком и морфологическим результатом рефлексии взаимодействия человека и природного универсума, возникающей на основе становления субъектно-объектных отношений» [12, с. 176]. На современном этапе наблюдается отказ от «имманентной» лингвистики, язык «становится все более *человечным*: в поле его зрения оказываются многие ранее даже не поднимавшиеся вопросы – этнографии речи, язык социального статуса, культурная семантика, национальная специфика семантики языка» [6, с. 10]. В свете антропологической парадигмы изучение языка как знаковой системы, включающей многогранный комплекс взаимосвязей с бытом, сознанием народа, а также процессы кодирования и декодирования культурных реалий, является предметом пристального внимания философов, лингвистов, культурологов (Б. Кроче, К. Фосслер, Л. Шпитцер, Марсель Гране,

Клод Леви-Строс, Жан Пиаже, Шарль Балли, Альф Соммерфельт, М. Фуко, Н. Хомский, А. Вежбицкая и др.).

Возникающий вопрос о взаимодействии текстовых кодов в культуре и вербалике подчинен проблеме детерминизма дихотомии *язык – культура*. В современной лингвистике, как правило, не ставится вопрос о детерминизме языка и культуры. Обращаясь к проблеме «язык и культура», ученые не стремятся решать, «что первично и что вторично»: язык или культура. Вернее, искать те или иные корреляции между структурами языка и культуры. Язык как сущность двусторонняя, состоящая из формы (звуки, графические символы, линии, объемы) и внутреннего значения (эмоциональность, психические процессы, умственная деятельность), специфичен в отражении вещного мира. Именно значение, которое вкладывается в знаковые формы, и является определяющим для данной культуры, общества, «культура в словаре – только культура, а сам словарь как целое представляет эту культуру» [8, с. 38]. Культура записывает явления в виде знаковых систем, а затем транслирует их и передает посредством (кода) языка, чем реализуется фатическая и коммуникативная функции в речемыслительной деятельности.

Человек неотделим от природы, и язык также подчинен ее власти. Возникает постоянное стремление человека к мимезису, поэтому, порождая культурные коды, он опирается на «дом» и «я». Это проявляется на различных уровнях языка, в частности, на фонетическом: «Во всех языках мира количество гласных и согласных и преобладание звуковых цепей с чередованием гласных и согласных обусловлено не культурой, а природой. Человек не в состоянии ни произносить, ни воспринимать речь из одних гласных или согласных» [11, с. 48], синтаксическом, семантическом: ограниченный объем оперативной памяти человека определяет среднюю длину предложения, размеры лексико-семантических групп, длину синонимического ряда и т. д.

Истоки изучения культурных кодов выросли из научных изысканий древности. Герменевтические исследования, толкования религиозных текстов (Веды, Коран) приводят к экспликации, обрисовке национального компонента определенной культуры, составлению «языкового портрета» народа. Так, основными нуминозными концептами древнеиндийских Вед являются *гора* и *вода*, которые очень четко указывают на ценностные установки индийской культуры. Гора – «устремление ввысь, избавление от бренного тела», вода означает растворенность человека как имманация бытия.

С. Рыжакова в статье «Индийские боги живут на деревьях» упоминает о том, что «горы и реки в индийской культуре, два символа вечности, образуют ландшафт Гархвала и становятся прообразом традиционного индуистского храма – с возвышающейся башней-виманой, похожей на горный пик, и струящейся внизу водой для омовений» [7]. В Коране представлены «следующие концепты: «Бог и человек, мир, путь (стезя, прямой путь), благо, истина. Нами были выделены и концепты: знание (книга, писание, перо, знать, ясный, знамение, откровение, тайное-явное, ясный и т. п.), количество (числа: 40 ночей, 12 источников, 4 птицы, 6 дней, пары, удвоить, умножить и т. п.). Особое место занимает концепт время. Во всех переводах Корана лексемы *день и час* имеют сакральное значение, обозначая срок (несомненный, неотвратимый)» [1, с. 3].

Из вышеизложенного следует, что менталитет нации закодирован в языке. Например, категория темпоральности относительна в разных культурах. Индуисты относятся ко времени терпимо, как к трансцендентной сущности, корни которой уходят в небытие, вечность, для арабов же время более «материально», более точно и определимо.

Вопрос о корреляции «язык и национальная культура» также имеет глубокие корни. Так, древнегреческий мыслитель Гераклит Эффеский уделял большое внимание взаимосвязи культуры и языка. Философ ввел в научный обиход термин *логос* в значении ‘смысл, понятие, слово’. Логос представляет собой общий закон, смысл всего сущего, способ передачи мудрости от учителя к ученику. Логос вечен и отражает действительное знание вещей. Внутреннее наполнение постоянно обновляется, отодвигая свои пределы. В этом контексте употреблена знаменитая фраза Гераклита «Как в одну реку ты не вступишь дважды, так и пределов души ты не отыщешь, столь обширен ее логос». По мнению Гераклита, душа отражается в слове, понятии. Это дает возможность предположить, что древнегреческий мыслитель говорит о дуалистическом единстве язык-речь, а логос является ключом к познанию. Подобные суждения носили рудиментарный характер и не достигли окончательного развития.

Более строго и прямолинейно, ригористически и более основательно проблему онтологической природы языка осветил Вильгельм фон Гумбольдт. Он выдвинул деятельностно-энергетическую концепцию языка. Его труд «О различии строения человеческих языков и его

влияние на духовное развитие человечества» произвел переворот в языкознании. Ученый утверждает, что человек воспринимает предмет так, как преподносит его язык. «Каждый язык описывает вокруг народа круг, откуда ему не дано выйти постольку, поскольку он попадает в круг иного языка». В его научных работах отражается проблема языковых картин мира. «Понимая язык как орган, образующий мысль, Гумбольдт подчеркивает зависимость языка от мышления и обусловленность его каждым конкретным языком, заключающим в себе свою национальную самобытную классификационную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира. Говоря о том, что, овладевая другими языками, человек расширяет «диапазон человеческого существования», Гумбольдт имел в виду именно постижение при помощи языка – через «языковое мировидение» – картины мира другого народа» [2, с. 78]. По мнению В. фон Гумбольдта, язык – важный компонент культуры, хотя он менее всего осознаваем. В свою очередь, в языке нельзя видеть намеренное произведение народа, так как язык – доставшийся народу дар, при помощи которого человек становится деятельностным.

Последователи В. фон Гумбольдта занимались также изучением языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа. Эрнст Кассирер, яркий представитель неогумбольдтианской школы, занимался вопросом роли языка в культуротворчестве. Человек живет в мире знаков, знание о мире корреспондируется посредством символики речи. Исходя из взаимообусловленности существа человека и культуры, Кассирер во «Введении в философию культуры» анализирует основные из существовавших в истории концепций человека и приходит к выводу, что «символ — ключ к природе человека».

Для описания мировоззрения и эмоциональной стороны человека, фиксированных в языке, используется термин концепт, который ввел С. А. Аскольдов, а развили учение о нем Д. С. Лихачев и Ю. С. Степанов. Д. С. Лихачев понимал концепт как отклики на предшествующий языковой опыт, то есть многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [6, с. 35]. Концепт замещает слово схематично. Он ввел понятие концептосферы национального языка – сжатое алгебраическое выражение всей культуры нации.

В работах Ю. С. Степанова концепт представлен как единица культуры, способ ее отражения в сознании. Он утверждает, что «пронизование» человека культурой структурировано и осуществляется через ментальные образования, концепты – сгустки культуры в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, заключаясь в языковые формы [10, с. 40]. То есть культура мыслится как нечто отдельное от человека, но вместе тем тесно связанное, «человек – не «творец культурных ценностей», а сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [11, с. 40].

Анна Вежбицкая говорит о «сплетении» языка-культуры посредством концептов, семантический анализ которых «должны по возможности дать полное знание о понятиях, существующих в сознании носителей культуры» [3, с. 289]. При помощи концептуального анализа можно исследовать культуру и язык. В своей работе «Семантические универсалии и описание языков» А. Вежбицкая подробно описывает все валентности слов и указывает на то, как они могут заполняться, а также раскрывает их роль в культуре.

Через языковые концепты можно представить определенные коммуникативные установки, характеризующие полномасштабно их производителя. Так, в газете «СБ. Беларусь сегодня» превалируют соматизмы *глаза* и *рот*, что можно квалифицировать на паравербальном уровне как факт «смотрения» и «говорения», т. е. синхронного описания происходящего, фиксирования медиасобытия (глаза), оповещения, интерпретации происходящего (рот). В философском преломлении реализуется формула «смотрю и говорю», которая может вывести на раскодирование информационных сегментов самого издания.

Соматическое наполнение кода газеты «Звязда» можно охарактеризовать концептами «глаза», «руки», что свидетельствует о формульной установке «видения» и «возделывания»: «смотрю» и «делаю».

«Gazeta Wyborcza» имплицирует себя в соматизмах *руки* и *сердце*, что напрямую связано с общественным и государственным укладом жизни поляков, и, в первую очередь, с глубокой религиозностью: «делаю, что чувствую».

Тексты рассматриваемых изданий кодированы в силу своей культуроспецифичности: в каждой культуре поведение людей регулируется стереотипами. В их возникновении и культивировании огромную роль играют СМИ – фундамент социального опыта и ментального мира носителей конкретного языка.

Литература

1. Аминова, А. А. Концепты мусульманского мира в языке разновременных переводов Корана на русский язык / А. А. Аминова // Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: материалы итоговой научной конференции. – Казань, 2002.

2. Андрющенко, Н. А. Проблема языка и картины мира в философии культуры XX века / Н. А. Андрющенко // Философия культуры. Становление и развитие. – СПб., 1998. – С. 78.

3. Вежбицкая, А. Понимание культур и описание языков / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков; под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1999. – С. 15.

4. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1983. – С. 55–68.

5. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М., 2007.

6. Красавкий, Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. Красавкий. – М. 2008. – С. 10.

7. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика; под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 19–22.

8. Рождественский, Ю. В. Философия языка и учебный предмет / Ю. В. Рождественский. – М., 2006. – С. 38.

9. Сайфи, Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках : автореф. ... канд. филол. наук / Л. А. Сайфи. – Уфа, 2008.

10. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – С. 40.

11. Супрун, А. Е. Общее языкознание / А. Е. Супрун. – Минск, 1983. – С. 48.

12. Яковенко, И. Г. Культура как система / И. Г. Яковенко, А. А. Пелипенко. – М., 1998. – С. 176.

Віктар Іўчанкаў
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

МЕДЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ СУЧАСНАСЦІ: РЫЗЫКІ НЕВЕРБАЛЬНАГА ДЗЕЯННЯ Ў ПРАЕКЦЫІ НА РЫТАРЫЧНЫ ІДЭАЛ САКРАТА–ПЛАТОНА

Журналіст – камунікатыўны лідар, таму ўменне прачытваць маўленчую сітуацыю, прадбачыць працэс яе разгортвання, разумець суразмоўцу і прагназаваць вынікі кантактавання не менш важнае, чым, «аддзяляючы зерне ад жыцікаў, публікаваць жыцікі» [3, с.17].

Функцыянальная стратыфікацыя публіцыстыкі паводле сваіх разнавіднасцей (страт) характарызуецца асаблівай сістэмай арганізацыі, дзе вербальныя стратэгіі, тактыкі і разумова-маўленчая дзейнасць грамадства (лагасфера) выражаюцца найбольш наглядна, вызніваюцца асаблівым перлакутыўным эфектам.

Умець скарэктаваць маўленчую падзею, знаходзячы ісціну, ёсць вызначальная якасць прафесіі журналіста. Толькі раўнапраўны, суб’ект-суб’ектны дыялог з чытачом уганаруецца поспехам, калі homo eloquens бачыць свайго суразмоўцу такім, як ён сам, – жывым, дзейсным, актыўным суб’ектам, а не чыстым лістом, які трэба спісаць, пустым сасудам, які трэба запоўніць. Шукай ісціну ў дыялогу! Сакрат даў нам вялікае адкрыццё: ён паглядзеў на чалавека, з якім размаўляў, абсалютна інакш, як гэта было да яго, у сафістаў. Ён убачыў у іншым сябе самога, ці ўбачыў сябе самога як іншага, і ператварыў гэтага іншага ў суразмоўцу. Гэта стала пачаткам сапраўднага дыялогу, перададзенага нам, нашчадкам, у якім погляд на чалавека быў новым, напоўненым гармоніяй і пошукам ісціны, а аўдыторыя пераставала быць пасіўным аб’ектам, падпарадкаваным маніпулятыўнай сіле маўленчага дзеяння. Сіла ўздзеяння інфармацыі, маштаб уплыву на грамадскую думку вымушае журналістыку быць павелічальным шкельцам пры выражэнні непазбежных сацыяльных эмоцый і меркаванняў, нават калі ацэначнасць пільна маскіруецца пад аб’ектыўнасць. Бо маўленчая дзейнасць журналіста ў цесным звязку з актуалізаванымі сацыяльнымі дзеяннямі грамадства вызначае асноўныя прыярытэты развіцця і адлюстроўвае механізм уладкавання маўленчых зносін суб’ектаў камунікацыі – СМІ і чалавека.

У сучаснай вербалістыцы вылучаюцца два тыпы рытарычнага маўлення – сафістычны (амерыканізаваны, сёння ўзяты на ўзбраенне медыямі) і Сакрата–Платона (еўрапейскі, славянскі, усходнеславянскі, айчынны). Такая тыпалогія бярэ пачатак з антычнай Грэцыі, калі ў час сафістаў і Сакрата паралельна існавалі ў напружанай барацьбе адно з адным два ідэалы прамовы. Паводле Сакрата, такая прамова ісцінная, карысная для грамадства, строга ўпарадкаваная ў сэнсавым і фармальным планах. Ідэал сафістаў зусім іншы. Прамова павінна быць «падпарадкавальнай», маніпулюючай сілай. Другім патрабаваннем з’яўлялася фармальная, слоўная прыгажосць і элегантнасць, трэцім – лагічная вытанчанасць і трафарэтна-лагічная правільнасць. Усё гэта прыводзіла да галоўнага, якое не выстаўлялася напаказ, – давала магчымасць самавыражэння ў прамове. Выдатная прамова для сафіста – гэта перш за ўсё пэўная самарэклама, самасцвярджэнне.

Сафістычны ідэал сфарміраваўся з вучэння, якое мела цягу да рэлятывізму і прапаведвалася філосафамі-асветнікамі. Яны лічыліся першымі прафесійнымі настаўнікамі аратарскага майстэрства. Сафіст (sophistes – мудрэц), настаўнік мудрасці вучыў: як у вольнай дзяржаве чалавек мае права меркаваць аб дзяржаўных справах і патрабаваць, каб з ім лічыліся, так і пра любы прадмет усякі чалавек мае права мець сваё меркаванне, і яно мае столькі ж правоў на існаванне, як і любое іншае. Аб’ектыўнай ісціны няма, ёсць толькі суб’ектыўнае меркаванне пра яе: чалавек ёсць мера ўсіх рэчаў. Адсюль робіцца выснова: нельга гаварыць, што адна думка больш сапраўдная, чым другая; можна толькі гаварыць, што адна думка больш пераканальная, чым іншая. Навучыць пераконваць, «слабае меркаванне быць моцным» – асноўная задача сафістаў-настаўнікаў. Да іх мог звярнуцца кожны, хто хацеў спасцігнуць веды. Яны прапаноўвалі навучыць любога жадаючага даступным ведам і гэтым зрабіць яго дасканалым. У распараджэнні сафістаў было два сродкі: дыялектыка (майстэрства разважаць) і рыторыка (майстэрства гаварыць). Першая была накіравана на розум слухача, другая – на пачуцці. Калі чалавек валодае гэтымі двума майстэрствамі – перамога яму забяспечана. Тады і рэалізуецца катонаўскі запавет: «Vir bonus dicendi peritus» (годны муж – майстар у слове).

Спачатку сафісты вучылі вынайдзеным імі ж лагічным прыёмам доказу і абвяржэння, яны адкрылі шэраг правіл лагічнага мыслен-

ня, аднак у хуткім часе адышлі ад прынцыпаў яго арганізацыі і сканцэнтраваліся на распрацоўцы ўловак, хітрыкаў, заснаваных на знешнім падабенстве з'яў, на тым, што канкрэтная сітуцыя вынікае з агульных месцаў (loci communes), падзея зыходзіць з агульнай сувязі падзей, на полісеміі, на падмене паняццяў, і г. д. сафісты Пратагор, Горгій, Гіпій, Продзік, Антыфонт усе ісціны выставілі сумніўнымі, аб'явілі іх адноснымі, што прыводзіць да абвяржэння аб'ектыўнай ісціны. «Малодшыя» сафісты Фразімах, Крыцій, Алкідам, Лікфрон, Палемон, Гіпадам бяруць на ўзбраенне жангліраванне словамі, фальшывыя прыёмы доказу ісціны і падману адначасова. З гэтага пачынаецца ідэйнае раздваенне сафістыкі. Нездарма ўжо ў антычнасці да сафіста ставіліся двуяка: як да настаўніка мудрасці і як да рытара-краснабая, які «ўмее гаварыць пра ўсё, не ведаючы нічога». У выніку ўзнікаюць сафізмы – наўмыснае прымяненне ў спрэчцы і доказах падманлівых аргументаў, заснаваных на свядомым парушэнні лагічных правіл. Менавіта гэта адрознівае іх ад паралагізмаў і апорый, якія могуць утрымліваць у сабе ненаўмысную памылку або ўвогуле не мець лагічных памылак, але прыводзіць да яўна няправільнага вываду.

Сафістычнае красамоўства стала базай для стварэння арсеналу хітрык і ўловак у спрэчцы, якія з поспехам прымяняем і па сёння, не задумваючыся пра іх маніпулятыўную сілу. Такіх прыёмаў налічваецца сотні: ад самых банальных, незаўважных, да вытанчаных. Напрыклад, чуем: «Вы, канечне, чыталі гэтую кнігу…», «Канечне, вы ведаеце гэтага рэжысёра…», «Не сумняваюся, што вы, такі разумны і інтэлігентны, не дазволіце…», «Вы, як будучы журналіст, павінны ведаць…». Гэтыя прыёмы часам называюць «стаўкай на падманлівы сорам». Пры такім звароце да суразмоўцы хаваецца небяспечная сіла ўплыву. Як жа прызнацца, што ты не чытаў твора ці не ведаеш рэжысёра, і ты пачынаеш губляць свае пазіцыі, падпарадкоўвацца, табой пачынаюць маніпуляваць. Банальная сітуацыя, калі ў спрэчцы са студэнтам у запале не вытрымлівае выкладчыца: «Я трыццаць гадоў выкладаю, а вы мне будзеце даказваць…», прыструньвае шэф свайго падначаленага: «Калі будзеце на маім месцы, то і загадаеце…», выступоўца, не называючы кагосьці канкрэтна, прыбягае да надуманага аўтарытэту: «Як сцвярджаюць амерыканскія даследчыкі…» і шмат інш. Калі так звяртаюцца, то гэта азначае толькі адно: у апанента няма аргументаў.

Росквіт сафістыкі быў даволі бурным, але нядоўгім. Узнёсшыся разам з уздымам афінскай дэмакратыі, яна заняпала з ёю. Ідэал грамадскага жыцця распадаецца на два ўзаемавыключальныя паняцці: жыццё дзейснае, ідэалам якога быў палітык і рытар («Vir bonus dicendi peritus»), і жыццё сузіральнае, ідэалам якога быў філосаф, тэарэтык і мысліцель. Антычная культура раздвойваецца на два полюсы – рыторыку і філасофію, паводле якіх сфарміраваліся культурныя ідэалы; паміж імі часам вялася жорсткая барацьба, калі намячалася перамір'е, але барацьба ніколі не заканчвалася перамогай аднаго над другім, а перамір'е не ператваралася ў зліццё абодвух.

Першым супраць вучэння аб адноснасці ісціны і сафістычнага рытарычнага ідэалу катэгарычна выступіў Сакрат. Абсалютная ісціна існуе, яна Божая, вышэйшая за чалавечыя меркаванні, і яна з'яўляецца мерай усіх рэчаў. Рытар сам павінен ведаць, што праўдзівае, а што падманлівае, што ёсць справядлівасць і несправядлівасць. Не валодаючы такімі ведамі, рытар-сафіст, які імкнецца да поспеху, будзе ісці за публікай, патакаючы ёй, прыносячы гэтым не карысць, а шкоду. Узгадаем заключны фрагмент «Апалогіі Сакрата» – прамову пасля вынясення яму смяротнага прысуду: «Быць можа, вы думаеце, афіняне, што я асуджаны таму, што ў мяне не хапіла такіх доказаў, якімі я б мог схіліць вас на свой бок, калі б не лічыў бы рабіць і гаварыць усё, каб пазбегнуць прысуду. Зусім не. У мяне, праўда што, не хапіла, толькі не доказаў, а дзёрзкасці і бессаромнасці і жадання гаварыць вам тое, што вам прыемней за ўсё было б слухаць: каб я аплакваў сябе, бедаваў, словам, рабіў і гаварыў многае, што вы прызвычаіліся чуць ад іншых, але што недастойна мяне, як я сцвярджаю» [Цыт па кн.: Михальская А. К., с. 19]. Наступным момантам найвышэйшага абвастрэння барацьбы двух рытарычных ідэалаў сталі дыялогі Платона «Федр» і «Горгій».

Пасля заваяванняў Аляксандра Македонскага фарміруецца новая плынь, якую сучаснікі назавуць «азіянствам». Перайманне стыляў і прамоўніцкіх манер Лісія, Платона і Дэмасфена былі ўганараваны імем атыцызму, а традыцыі эліністычнай школы заклеймаваны кплівай мянушкай «азіянства». Развіццё класікі падмянялася яе дагматызацыяй. Замест жывога слова асновай творчасці стала педантычная вучонасць, творы аднаўляліся паводле класікаў таго часу, інтэрпрэтаваліся паводле густаў тэарэтызуючых эстэтаў. Атыцызм стаў модай, даступнай толькі вузкаму колу знаўцаў тако-

га мастацтва. З заняпадам рабаўладальнай дэмакратыі рыторыка ператвараецца ў нарматыўна-каталагізатарскую дысцыпліну і ратвараецца ў стылістыцы, якая і да апошняга часу ўтрымлівае ў сабе вялікі арсенал сродкаў, прыёмаў, фігур, тропаў, так бы мовіць, гатовых формул для пабудовы мастацка адзначанага маўлення, для ўпрыгожвання яго.

Паводле звестак розных энцыклапедый, наменклатура тропаў у антычнасці налічвала каля дзвюхсот адзінак. Найбольш вядомыя сучасніку віды тропаў – метафара, увасабленне, персаніфікацыя, эпітэт, аксюмаран, антанамазія, метанімія, сінекдаха, літота, гіпербала і інш. – толькі часцінка гэтай наменклатуры. Безумоўна, *і інш.* зусім не пазначае, што працэс іх стварэння вычарпаны. І справа не столькі ў розных падыходах даследчыкаў да гэтай з'явы, а ў самім працэсе трапеічнасці, у арбіту якой можа быць зацягнуты любы семантычны перанос, вар'іруючы мільённымі выпадкамі спалучальнасці слова са словам. Як бачым, нават на класіфікацыйным узроўні працэс стварэння тропаў (семантычнага пераносу па аналогіі, супастаўленні, падабенстве) бясконцы. «Мастацкія тропы ўяўляюць сабой з'яву, якая па сваёй прыродзе супадае са з'явай стварэння новых слоў у самой мове. Розніца заключаецца толькі ў тым, што новае значэнне, якое ўзнікла ў мове, становіцца абавязковым і агульнараспаўсюджаным, у той час як тропы маюць спецыяльныя выразныя функцыі і ўвогуле не захоўваюць за сабой часавых значэнняў, што ўзнікаюць у адпаведным кантэксце» [3, с. 227].

Перад тым як стаць набыткам сучаснікаў, формулы тропаў павінны былі быць вынайдзены. І часцей за ўсё гэта рабілася на антычных народных форумах, калі трэба было запаліць сэрцы людзей, звярнуць іх розум да пераканання, вобразнасцю ўзмацніць аргумент.

Публіцыстычны тэкст мае выразныя адметнасці функцыянавання, сутнасць якіх можна звесці да вядомага пастулата: хто валодае інфармацыяй – той валодае светам. Калі паспрабаваць знайсці асноўны адменнік існавання публіцыстычнага маўлення ад іншых дзейнасных у жыцці чалавека сфер, то можна звесці суму адрознівальных уласцівасцей тэксту СМІ да анталагічнага па сваёй прыродзе феномену – утрымліванне ў сабе актуальнай інфармацыі. Публіцыстычны тэкст ёсць складнік жыцця любога цывілізаванага грамадства, у ім маніфестуецца вобраз, лад жыцця народа, выразна

адбіваецца этна-псіхалагічны склад, у выявах аўтарскага «я» журналіста праглядаецца аблічча часу, месца і вымярэння людской далучанасці да працэсаў пазнання навакольнага свету.

Творчасць СМІ выступае ў ролі прадвесніка, а далей і выразніка ўзнікнення пэўных маўленчых тэндэнцый, замацавання заканамернасцей развіцця мовы. Мова СМІ вылучаецца сацыяльнай ацэначнасцю, у аснову якой кладзецца прынцып пеяратыўнасці пры маніпуляванні фактамі, што адчужаюцца ад каштоўнасцей пабудаванага грамадства, і прынцып пеяратыўнасці пры ўхваленні «сваіх» вартасцей. Вынікам агульнай тэндэнцыі слоўнай ацэначнасці стала завострана экспрэсіўная, стылістычна вульгарызаваная лексіка, накіраваная на выкрыццё «чужароднасці», адпаведная камунікатыўным установкам адрасата. Суб'ектыўная мадальнасць медыямаўлення паказвае на знешне схаваную, імпліцытную пазіцыю журналіста, які не жадае праяўляць сваю рэакцыю на рэчаіснасць адкрыта, але на гэта паказваюць мадыфікатары асноўнай мадальнай кваліфікацыі, ствараючы ў мадальнай іерархіі выказвання кваліфікацыю «апошняй інстанцыі» – непрымірaльнай пазіцыі, як таго патрабуе карпаратыўны інтарэс выдання. У такім выпадку на перыферыі выказвання ўзнікае імітацыя дадатковага семантычнага ядра, што стварае эфект паліпрэдыкатыўнасці паведамлення. Гэта якраз і адлюстроўвае складаныя ўзаемадзеянні паміж чатырма фактарамі камунікацыі: гаворачым (адрасантам), суразмоўцам (адрасатам), зместам выказвання і рэчаіснасцю.

Сукупнасць мадальных і аўтарызаваных канструкцый у дачыненні да мэтавых установак матэрыялу спараджае патрэбу змяніць афармленне і размеркаванне традыцыйных жанраў газетных публікацый, абвастрае пытанне аб змяшчэнні межаў паміж імі. Адсюль узрастае доля ўвагі да розных спосабаў аўтарызацыі газетнага тэксту. Напрыклад, перадавы артыкул мінулага быў прадуктам рэдакцыі, меў калектыўнае аўтарства, быў агітатарам і прапагандыстам. З канца 90-х гадоў XX стагоддзя ён выдаляецца з першай паласы газеты. Што прыйшло на змену аналітычнаму жанру? Першыя паласы газет мінулага і сённяшнія даюць наглядны адказ на пытанне. Святое месца пустым не бывае, на змену першапалоснай перадавіцы прыйшлі новыя сродкі падачы інфармацыі ў выглядзе паведамленняў, фотакалажаў і інш. Гэта кардынальным чынам памяняла грамадства, якое перастала быць аб'ектам павучання, чыстым лістом

(tabula rasa), маніпуляцыі, а становіцца раўнапраўным суб'ектам, які паводле прачытанай, праслуханай, прагледжанай інфармацыі мае права выбару, альтэрнатывы, роздуму.

У апошняе дзесяцігоддзе актыўнымі замяняльнікамі перадавіцы сталі калонкі рэдактара, думкі, меркаванні і блогі, у якіх падаецца персаніфіцыраваны погляд, аналітычны агляд падзей, разлічаныя на актыўнае супрацоўніцтва з чытачом, на рэалізацыю суб'ект-суб'ектных вербальных адносін.

Такім чынам, медыйная вербалістыка сучаснасці, вызваленая ад рытуальнай зададзенасці, апелюе да такіх якасцей, як іранічнасць, самаіронія, скепсіс і крытычнасць ва ўспрыманні і супастаўленні інфармацыі, здольнасць адзначаць эстэтычнае афармленне маўлення, нецярпімасць да катэгарычнай ацэначнасці.

Журналісцкі тэкст можа адпавядаць ці не адпавядаць пэўным правілам пабудовы, сістэмнасці паводзін моўнага факта ў складаным цэлым, але ён заўсёды павінен мець арсенал ключавых камунікатыўных кампазітаў, скіроўваючых яго на існасць, прызначанасць свайго існавання. Такімі камунікатыўнымі кампазітамі з'яўляюцца знешнелінгвістычныя фактары функцыянальнай накіраванасці СМІ. Будуецца даволі складаная іерархія пераўтварэння індывідуальнага духоўнага прадукта, прапанаванага праз СМІ канкрэтнымі людзьмі, у прадукт грамадскі, калектыўны. Публіцыстычныя тэксты адрозніваюцца незвычайнай шырынёй тэматыкі, яны могуць датычыць любой тэмы, якая патрапіла ў цэнтр грамадскай увагі. Гэта натуральным чынам уплывае на журналісцкае маўленне: узнікае неабходнасць уключаць спецыяльную лексіку, якая патрабуе тлумачэнняў, а калі і разгорнутых каментарыеў. З другога боку, шэраг тэм пастаянна знаходзіцца ў полі зроку грамадскай увагі, і лексіка, якая адносіцца да гэтых тэм, набывае публіцыстычную афарбоўку. Фарміруецца пласт маўленчых адзінак, характэрных для публіцыстычнага тэксту, камунікатыўная прызначанасць якога спрыяе канструяванню своеасаблівага тэзаўруса. Апошні вызначаецца не жанрава і не функцыянальна, а сацыяльнай абумоўленасцю камунікацыі, якая становіцца важным механізмам станаўлення індывіда як сацыяльнай асобы, праваднікам установак пэўнага соцыуму, фарміруючых, у сваю чаргу, індывідуальныя і групавыя ўстаноўкі. Індывідуальныя матывацыі і формы паводзін могуць быць прыняты соцыумам, калі яны ўяўляюць сабой варыяцыі ў

азначанах межах. Выразным прыкладам апошняга можа стаць праекцыя на грамадскае ўладкаванне манеры паводзін і ладу жыцця палітыкаў.

Сёння даволі моднымі сталі рознага тыпу тэлевізійныя дыялогі, ток-шоу, якія даволі часта сталі перарастаць у вербальныя і невербальныя канфлікты. На якім фоне грамадскага жыцця яны праходзяць? З жалем можам канстатаваць: на фоне маўленчай агрэсіі. Падчас вывады аб праваце ці неправаце ўдзельнікаў канфлікту зрабіць нельга, і тады ілюструецца пераход вербальных агрэсіўных дзеянняў у невербальныя, у фізічную канфрантацыю.

Камунікатыўнасць медыятэксту з'яўляецца інструментам карэкцыі асацыяльных паводзін чалавека або групы людзей. Можна сказаць, што ў ролі сацыяльнага працэсара журналісцкі тэкст служыць фарміраванню грамадства ў цэлым, адыгрываючы сувязную ролю ў жыцці камунікантаў. Публіцыстычны тэкст выражае карэляцыі ўласна паводзін аб'екта інфармацыі і артэфактаў, г. зн. апрацаванага рэдактарам або аператарам і рэдактарам друкаванага тэксту або відэатэксту. Артэфакт даступны адрасату – грамадству. Тое, што стаіць за такой апрацоўкай, застаецца для яго невядомым. Маўленчы імідж палітыка складаецца менавіта з артэфактаў, тады калі зыходная маўленчая падзея і іх першапачатковая фіксацыя часта не бярэцца пад увагу. Што застаецца для журналіста, які вядзе такога кшталту перадачы? Пасіўная роля наглядатая, разагравальніка канфлікту да невербальнага дзеяння. Так, у 1995 годзе на тэледэбатах «Адзін на адзін» распачалася гонка за такімі сенсацыямі, калі Уладзімір Жырыноўскі сказаў свайму апаненту Барысу Нямцову, што яго губернія лідзіруе ў краіне па колькасці венерычных захворванняў. Губернатар параіў суразмоўцу прайсці курс лячэння ад венерычнай заклапочанасці і паказаў яму часопіс «Плэйбой» з інтэрв'ю, у якім Жырыноўскі сцвярджаў факт інтымных сувязей з 200 жанчынамі.

«"Мы вас вылечим!" – съязвил Немцов.

Жириновский: Да, не надо лечить-то!

Немцов: У нас два укола, и всё» [1].

Медыявербалістыка выплюхнутай шклянкі, прымітыўнай бойкі ў студыі – пазнака нашага часу, калі даволі часта не хапае розуму давесці сваю думку, не стае аргументаў, такту, элементарнай культуры. І яно – бескультур'е, мардабой тыражуецца на мільённыя

аўдыторыі. Праграма мела велізарны рынкавы поспех. На наступны дзень яе пазапланава паўтарылі, яна ўзняла рэйтынг перадачы.

Якая камунікатыўная роля належыць у такіх сітуацыях журналісту? Узгадаем:

Жириновский: Это подонок, прямо скажем, что это подонок!

Ведущий: Господа, я прошу прощения...

Жириновский: Я хочу плеснуть ему в лицо!

Ведущий: Ой, что вы делаете! Ну что же вы делаете! Мы вынуждены прервать нашу программу, будьте с нами через неделю [1].

Кінутым Аляксандрам Любімавым «Ой, что вы делаете! Ну что же вы делаете!» журналіст распісаўся ў бездапаможнасці, у сваёй разгубленасці. Перадача дала імпульс для невербальнай разбэшчанасці аднаго з удзельнікаў. Чытаем сведчанні: «В том же 1995 году, только тремя месяцами позже, Жириновский стал участником массовой драки уже в стенах парламента. К слову сказать, зачинщиком тогда выступил не он. Все началось с того, что депутат Николай Лысенко обвинил своего коллегу, Глеба Якунина, в том, что тот не имеет права носить облачения священника, и сорвал с него крест. Жириновский поддержал господина Лысенко словами: «Коля, бей его!» Депутат Евгения Тишковская пыталась вмешаться, но лидер ЛДПР оттащил ее за волосы и начал душить. В марте 2005 года Владимир Жириновский подрался с депутатом Андреем Савельевым. Тогда члены фракции ЛДПР выразили свое недовольство результатами выборов в Ямало-Ненецком автономном округе. В итоге, словесная перепалка между Жириновским и Савельевым перешла в массовую драку с участием 20 парламентариев. Одним из последних ярких столкновений лидера ЛДПР можно назвать драку, произошедшую в феврале 2008 года во время записи предвыборных дебатов на телеканале «Звезда». Тогда, недовольный ходом дискуссии Владимир Жириновский ударил доверенное лицо кандидата в президенты Андрея Богданова – Николая Гацу» [1].

Носьбіт мовы валодае важнай здольнасцю вызначаць і рэзюмаваць даволі дакладна складаныя інфармацыйныя стратэгіі паведамлення, актывізаваць мадэль рэальнай сітуацыі, якая фарміруецца з элементаў сацыяльнага вопыту, іншых інфармацыйных крыніц, вывесці агульную тэматычную структуру з нейкай канкрэтнай сітуацыйнай мадэлі; улічваючы існуючую сістэму вартасцей публіцыстычнага тэксту, нормы журналісцкай практыкі, зададзеныя во-

пытам стэрэатыпы і эстэтычныя арыенціры, накшталт навізны паведамлення, запраграмаванае негатыўнае стаўленне, вырашыць, якія з галоўных тэм найбольш рэлевантныя і значныя.

У працэсе апрацоўкі медыятэксту выяўляецца шэраг прыёмаў, якія кіруюць дзеяннямі і ўстаноўкамі аўтара. У сукупнасці гэтыя фактары вызначаюць структуру рэлевантнасці паведамлення – у інтэрпрэтацыі рэпрадуцэнта і перцэптыцы рэцыпіента. Веды, перакананні, устаноўкі, валоданне сітуацыяй, усе іншыя тыпы агульнай інфармацыі набываюцца, выкарыстоўваюцца і змяняюцца ў розных сацыяльных кантэкстах. Журналіст як сацыяльны суб’ект пастаянна выражае гэтыя веды, правярае і супастаўляе іх з ведамі іншых людзей.

Кагнітыўны аспект апрацоўкі дыскурса заснаваны на ўзаемадзеянні паміж рэпрэзентацыямі і сацыяльным вопытам, аперацыямі ў памяці. Стэрэатыпныя, характэрныя для пэўнага грамадства сацыяльныя і прагматычныя сітуацыі могуць утрымлівацца ў памяці ў форме сцэнарыяў такім чынам, што носьбіты мовы маюць магчымасць узаемадзейнічаць не толькі на вербальным узроўні, але і на сацыяльна адзначаным, паравербальным, падзейным. Любы слоўны акт выступае ў такім разе як сацыяльнае (а таксама як кагнітыўнае, прагматычнае, ментальнае) дзеянне. Фенаменальнасцю нашага часу становіцца лёгкае пасмейванне, абсмоктванне факцікаў пераўтварэння вербальнага дзеяння ў невербальнае накшталт высвятлення адносін Лебедзева і Палонскага ў студыі энтэбэшнікаў, што сведчыць пра адсутнасць у такіх жа студыях доказнай базы, аргументацыі, заснаванай на прыметах айчыннага рытарычнага ідэалу: дыялагічнага па змесце і па форме, анталагічнага, гарманізуючага, які з антычнасці супрацьпастаўлены ідэалу сафістычнаму: маналагічнаму і па змесце і па форме, рэлятывісцкаму, аганальнаму.

Літаратура

1. Википедия. – Рэжым доступу : http://ru.wikipedia.org/wiki.

2. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Издательский центр «Academia», 1996.

3. Томашевский, Б. В. Стилистика / Б. В. Томашевский. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1983.

4. Фихтелиус, Э. Десять заповедей журналистики / Э. Фихтелиус. – Вэрнамо : Fälths Tryckeri, 1999.

Арцём Кавалеўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ТРАНСФАРМАЦЫЯ МЕТАДАЛАГІЧНАЙ ПАРАДЫГМЫ Ў СУЧАСНАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ КРЫТЫЦЫ

Сітуацыя, якая склалася сёння ў гуманітарных дысцыплінах вакол аналізу і прынцыпаў вывучэння феномена мастацкага (паэтычнага) тэксту, характарызуецца шматаспектнасцю, надзвычайнай складанасцю і неадназначнасцю ў выбары метадаў і прыёмаў даследавання, што звязана, у першую чаргу, з трансфармацыяй, зрушэннем метадалагічнай парадыгмы ў галіне гуманітарных і сацыякультурных даследчых плоскасцей.

Спецыфіка сучаснага гуманітарнага пазнання заключаецца ў тым, што даследчык вольны не толькі ў актуалізацыі пэўнага аспекту абранай тэмы, але і ў выбары прадмета, аб'екта даследавання, арганізацыі даследчага поля. Пры гэтым вызначальную ролю адыгрывае не столькі актуальнасць тэмы, колькі здольнасць аўтара сфармуляваць, вызначыць, актуалізаваць у сваёй рабоце новы вектар абранай праблемы.

Улічваючы насычанасць або нават перанасычанасць і дынаміку працэсаў стварэння сучаснай навукі, у тым ліку і гуманітарнай, даволі складана настойваць на ўнікальнасці і эксклюзіўнасці выбару тэматыкі даследавання, а тым больш прэтэндаваць на яе выключнасць і наватарства. Характарызуючы сучасную філалагічную навуку, неабходна адзначыць, што ў поле даследчыцкіх інтарэсаў філолагаў трапляюць амаль усе аспекты гуманітарных ведаў. А гэта, у сваю чаргу, непазбежна прыводзіць да выкарыстання метадаў і прыёмаў з самых разнастайных сумежных галін ведаў і стварае новыя міждысцыплінарныя плоскасці даследавання.

Мастацкі (паэтычны) тэкст (твор) у самым шырокім сэнсе на сёння з'яўляецца засвоеным, адаптаваным «сюжэтам» адначасова для некалькіх сумежных субдысцыплін, якія ўзніклі ў выніку аб'яднання намаганняў лінгвістаў, літаратуразнаўцаў, гісторыкаў літаратуры, крытыкаў, культуролагаў, філосафаў, мастацтвазнаўцаў. Сам міждысцыплінарны характар сучаснай гуманітарыстыкі схіляе даследчыка да непазбежных запазычанняў і трансляцый адных і тых жа «сюжэтаў» з адной дысцыпліны ў іншую. Аднак гэта не азначае, што адбываецца толькі прырост колькасці даследаванняў па дадзенай праблематыцы.

У святле сучаснай гуманітарнай думкі выпрацоўваюцца новыя падыходы да аналізу і вывучэння мастацкага (паэтычнага) тэксту, трансфармуюцца метадалагічныя прынцыпы яго даследавання, рэканструююцца асноватворныя мадэлі крытычнай інтэрпрэтацыі твора. Развіццё герменеўтыкі, семіётыкі, структурнай лінгвістыкі, лінгвістыкі тэксту і іншых сумежных напрамкаў даследаванняў дыктуе прынцыпова новае разуменне мастацкага (паэтычнага) тэксту (твора) і яго вытлумачэнне. Разам з тым, множнасць і варыятыўнасць тэксталагічных падыходаў да літаратурнага твора ў сучаснай гуманітарыстыцы стварае значныя перашкоды, у першую чаргу, для практычнага вытлумачэння літаратурнага твора на старонках спецыялізаваных перыядычных выданняў.

Вядома, што пытанні, адказы на якія дае мастацкі твор, – гэта не заўсёды тыя пытанні, якія ўзнікаюць перад чытачом у момант прачытання і адаптацыі тэксту. Паэтычнае мысленне, маналагічнае па сваёй прыродзе, валодае тонкай алегарычнай арганізацыяй, тэхніка асацыіравання адыгрывае тут вельмі важную ролю як у плане выказвання, так і ў плане ўспрымання. Засваенне прасторы тэксту праз адказы на пастаўленыя чытачом пытанні можа сутыкацца з пэўнымі цяжкасцямі, бо часам аўтар сам не ведае дакладнага адказу, ён толькі набліжаецца да яго: пытанне (у яго глабальным сэнсе) можа быць самамэтаю. Але калі паэт усё ж дае адказ на пастаўленыя ім пытанні ва ўласным творы, а рэцыпіент адшуквае іх, асэнсоўвае, параўноўвае з уласнымі, факт інтэрпрэтацыі перацякае ў кантэкст агульнакультуралагічны, а гэта ўжо новая, «аб’ектыўная» сфера жыцця тэксту, якая ў значнай ступені пераадольвае выключна індывідуалізаванае яго разуменне.

Імкнучыся праінтэрпрэтаваць паэтычны тэкст, крытык ставіць перад сабою пытанне аб механізме самой інтэрпрэтацыі, якая можа ісці, з аднаго боку, у культуралагічным рэчышчы, калі апрыорная полісемантычнасць твора разглядаецца як трансфармацыя сэнсаў у розных культурных сістэмах і практыках, з другога – у рэчышчы ўласна лінгвістычным (больш звязаным з літаратуразнаўствам), калі апісваюцца і тлумачацца спосабы дасягнення мастацкай вобразнасці праз моўна-выяўленчую экспрэсію. Гэтыя механізмы могуць спалучацца і ўзаемадапаўняцца, што ў прынцыпе цалкам абумоўлена спецыфікай паэтычнага тэксту, унутры- і знешнеэстэтычныя элементы якога складаюць гарманічна арганізаванае адзінства. Ад-

нак перад тым як перайсці да чыста тэксталагічнай праблематыкі, крытыку неабходна засяродзіцца на ўласным стане ўспрымання твора, зафіксаваць яго асноўныя моманты – такім чынам ажыццяўляецца інтраспектыўны спосаб перажывання, характэрны для чытацкай практыкі, што прадугледжвае пастаноўку пэўных пытанняў, на якія мы спадзяёмся атрымаць адказ ў творы.

Па сутнасці, кожны чытач шукае (а значыць, і прачытвае) у мастацкім тэксце тое, што яго найбольш цікавіць, аднак пошукі *свайго* заўсёды звязаны з *пытаннем*, паколькі цікавасць да новага твора – гэта выяўленне таго, што нам пакуль незразумела або зразумела інтуітыўна, і мы жадаем пацвердзіць уласнае меркаванне. Ствараючы сістэму пытанняў, адказ на якія павінен даць твор, крытык абавязаны памятаць і пра іх выключную індывідуальнасць у дачыненні да кожнага чытача.

Вывучэнне верша як мовы паэзіі і вывучэнне вершаванай мовы канкрэтнага паэтычнага твора – гэтыя даследчыя задачы адначасова адрозніваюцца па зместу, патрабуюць рознага метадалагічнага падыходу, і ў той жа час яны не могуць быць проста падзеленыя паміж рознымі навукамі, бо цесна звязаныя паміж сабой у адзінстве і сукупнасці гуманітарных, філалагічных ведаў. Гэтая складанасць патрабуе ад даследчыка сістэмы ўсвядомленых метадалагічных пераходаў у працэсе гуманітарнага пазнання, у працэсе руху ад міжіндывідуальнай супольнасці вершаванай мовы да ўзнікнення на гэтай аснове паэтычнай індывідуальнасці, у якой неабходна ўбачыць не толькі варыяцыі і камбінацыі ў ажыццяўленні і парушэнні законаў, нормаў і правілаў, але і новы рэалізаваны закон. Тут асабліва неабходным робіцца сапраўднае філалагічнае супрацоўніцтва спецыялістаў у галіне літаратуразнаўства, лінгвістыкі, эстэтыкі, культуралогіі, крытыкі.

Разнастайнасць падыходаў да вывучэння мастацкага тэксту прапануе даследчыку не толькі неабсяжную прастору ў выбары сродкаў аналізу, але і новыя цяжкасці пры ацэнцы асаблівасцей літаратурнага твора, адна з якіх – пошук дакладнага крытэрыя для інтэрпрэтацыі таго ці іншага элемента тэксту ў пэўнай зададзенасці, такой, напрыклад, як сімвал, знак, мастацкі прыём, міфалагічны падтэкст, пазалітаратурны дыскурс і г. д. Узнікае ўражанне бясконцай магчымасці бясконцага вытлумачэння любога тэксту. І ў той жа час сярод такой неабсяжнай множнасці звяртаюць на сябе ўвагу дзве выраз-

ныя тэндэнцыі: па-першае, імкненне расшыфраваць тэкст, знайсці ў ім нешта накшталт схаванага сэнсу (падтэксту) і ацаніць яго менавіта з гэтых пазіцый; па-другое, даць адваротную папярэдняй ацэнку тэксту як увасабленню (ілюстрацыі) пэўнага прынцыпу, ідэі, праблемы, аўтарскай задумы. Пры ўяўнай дыхатаміі дадзеных спосабаў даследавання ў іх прысутнічае выразная бінарнасць: тэкст паўстае як *канструкт аўтарскай персаніфікацыі* і *чытацкага ўспрымання* адначасова.

Вытлумачэнне паэтычнага твора, на думку некаторых даследчыкаў, з’яўляецца сярэдняй, прамежкавай галіной літаратуразнаўства і літаратурнай крытыкі, якая не супадае непасрэдна з фармальна-тэарэтычным вывучэннем паэтычнага тэксту як сістэмы. Інтэрпрэтацыя ў нашым разуменні – паняцце больш шырокае, чым вытлумачэнне, яно цесна звязана, у першую чаргу, са спасціжэннем зместу твора, у аснове якога ляжыць той змест, які аб’ектыўна прысутнічае ў паэтычнай структуры. Гэты сэнс суб’ектыўна ўкладзены ў твор паэтам і суб’ектыўна ўспрымаецца, адаптуецца чытачом. Кожны кампанент складана арганізаванай славесна-мастацкай аўтарскай сістэмы ў рэшце рэшт разлічаны на чытацкае ўспрыманне сістэмы вобразнай. Нават калі ўявіць практычную адсутнасць чытача як асноўнага рэцыпіента, то яго месца абавязкова зойме сам аўтар, аднак тады інтэрпрэтацыя страчвае сваю актуальнасць, бо не выходзіць за межы аўтарскай аперцэпцыі.

Прачытанне крытыкам твора ці комплексная ацэнка творчасці пісьменніка тычацца не толькі аўтарскіх твора або творчасці, але таксама і іншых крытычных тэкстаў, прысвечаных дадзеным аб’ектам даследавання. Такім чынам, літаратурны твор, крытычна асэнсаваны і суаднесены са шматлікімі рэплікамі-меркаваннямі пра яго, ператвараецца ў *літаратурны факт*, г. зн. у дыялог паміж творцам і публікай. Прычым меркаванне крытыка, увасобленае ў створаным ім тэксце, з’яўляецца важным і неад’емным элементам гэтага літаратурнага факта. Гэтае паняцце – неабходнае ў працэсе разважання над месцам твора ў гісторыка-літаратурным працэсе – уяўляе сабой у самым абагульненым выглядзе адзінства, якое складаецца з літаратурнага твора і яго *інтэрпрэтацыйнай мадэлі* ў канкрэтных сацыяльна-літаратурных абставінах. У найбольш абагульненай форме літаратурны факт паўстае як двухэлементная сістэма: твор і пасіўнае меркаванне аб ім таго ці іншага чытацкага асяроддзя.

Такая спрошчаная сістэма аказваецца пазбаўленай дынамікі, якую здольна прыўнесці толькі крытычнае выказванне.

Варта адзначыць, што з пункту гледжання засваення чытачом прасторы літаратурна-крытычнага твора, ён з'яўляецца актуалізацыяй «звышусведамлення» аўтарскага тэксту або асобы аўтара; крытык мае права і нават павінен уявіць некаторыя перадумовы з'яўлення мастацкага тэксту, спецыфіку аўтарскіх вымыслу і задумы, вербалізаваць уяўнае становішча так званага ідэальнага аўтара, які добра ўсведамляе межы свайго твора і здольнасць толькі частковай рэалізацыі яго патэнцыяльна-універсальных магчымасцей (мастацкіх, ідэйных, маральных, сацыяльных і інш.).

З'яўленне новага літаратурнага твора заўсёды прадугледжвае амаль адначасовую магчымасць з'яўлення крытычных меркаванняў аб ім, якія выступаюць у якасці інфарматыўных «адказаў» і забяспечваюць уключэнне канкрэтнага твора ў сістэму бягучага літаратурнага працэсу. Новы мастацкі твор здольны актывізаваць прастору свайго прачытання і пазнейшых вытлумачэнняў, якія – калі гэта вытлумачэнні крытычныя – самі з'яўляюцца тэкстамі і існуюць у якасці аўтарскай персаніфікацыі крытыка праз спасціжэнне прасторы мастацкага тэксту.

У дыскусіях апошніх дзесяцігоддзяў, прысвечаных праблеме ўзаемадзеяння (і ўзаемаадасаблення) літаратурнай крытыкі і літаратуразнаўства, адрозненню іх аб'екта і спосабаў яго даследавання, традыцыйна праводзіцца строгі падзел, паводле якога пазнавальная праца над сістэмным даследаваннем літаратурнага твора замацоўваецца выключна за навукоўцамі, а крытыкам адводзіцца дапаможная, другасная роля «вольных інтэрпрэтатараў», якая абапіраецца на такія адносна-абстрактныя паняцці, як «уражанне», «імпрэсія», «суб'ектывізм», «ацэначнасць» і ім падобныя. Але ўсё ж цяжка не пагадзіцца з меркаваннем пра спецыфічную прыроду крытычнага выказвання.

На сучасным этапе літаратурная крытыка апынулася ў надзвычай складанай сітуацыі і пэўнай разгубленасці. Доўгі час лічылася, што пісьменніцкае мастацтва мае шэраг строга ўласцівых яму правіл, прынцыпаў і прадпісанняў, якія ствараюць адзін з найважнейшых крытэрыяў ацэнкі творчасці мастака слова. Апошнія дзесяцігоддзі адзначаны спробамі выпрацоўкі новых, амаль рэвалюцыйных канцэпцый і мадэлей аналізавання літаратуры і мастацтва ў

цэлым. З прычыны недахопу ўласна літаратурных крытэрыяў сучасная крытычная думка актыўна шукае новыя пазалітаратурныя крытэры эстэтычнай ацэнкі. Менавіта таму на працягу апошніх гадоў у спецыялізаванай перыёдыцы друкаваліся матэрыялы, якія трактавалі літаратурныя з'явы з самых розных пунктаў гледжання: сацыялагічных, гістарычных, эканамічных, псіхалагічных і нават псіхіятрычных, але, на жаль, не літаратурных. У гэтым выявіўся крызіс літаратурна-мастацкай крытыкі, падрыхтаваны гадамі панавання ў ёй строгіх дырэктыў і падуладнасці афіцыйным ідэалагічным дактрынам.

Адначасова з пераглядам традыцыйных крытэрыяў эстэтычнай ацэнкі назіраецца заканамернае звужэнне грамадскай функцыі крытыкі, якая доўгі час лічылася найбольш важнай і вызначальнай. Папулярызацыя прынцыпу «мастацтва дзеля мастацтва» дыскрэдытавала ў вачах чытача наіўнае ўяўленне пра надзвычайную грамадскую ролю крытыкі як камертона ў бягучым літаратурным працэсе. Менавіта адсюль вынікае з'ява, якую можна акрэсліць як *«расплывістасць (амбівалентнасць) меркаванняў»*, што з'явілася сёння не толькі перад рэцэнзентамі, але і літаратуразнаўцамі.

Нарэшце, хоць і вельмі павольна, крытыка пачынае згадваць, што яна – далёка не другасны, дапаможны вектар у сферы абслугоўвання літаратуры ці ідэалогіі, а перш за ўсё паўнавартасны *тэкст*, спецыфічным аб'ектам якога з'яўляецца не столькі свет і рэчаіснасць, як у выпадку з паэзіяй ці прозай, колькі *слова* пра гэты свет, сказанае іншым. Спецыфіка крытыкі заключаецца ў тым, што яе слова – гэта *слова пра слова* ці *«з нагоды» слова*. Нельга сказаць, што працэс уласнага пераасэнсавання крытыкай свайго статусу адбываецца без страт і пралікаў. У імкненні крытыкі адмовіцца ад сябе ўчарашняй часам назіраецца паспешлівая непаслядоўнасць і нервовасць, а самі крытыкі перажываюць відавочную разгубленасць ад усведамлення таго, на множнасці якіх філасофскіх тэорый і канцэпцый можа грунтавацца і развівацца іх прафесійная дзейнасць. Метадалагічнае багацце і разнастайнасць, якія пагражаюць эклектызмам і непаслядоўнасцю, не толькі крытыка ставяць перад праблемай выбару, але заводзяць у тупік нават самых знакамітых майстроў. Цытацыя і некрытычнае перайманне чаго і каго заўгодна з сучаснага агульнагуманітарнага мыслення ў творах некаторых аўтараў з інсітным адчуваннем сучаснай эстэтыкі, выключна інтуі-

тыўным (а таму і ўяўна пераканаўчым) поглядам на сучасны літаратурны працэс, імкненне ўвасобіць свае пазалітаратурныя прыхільнасці ў слоўнай творчасці часам падаюцца вельмі штучнымі і няпэўнымі, што ўрэшце вядзе да разгляду «новай» літаратуры па-за ўласна літаратурным дыскурсам.

Што тычыцца літаратурнага рэцэнзавання, то яго належыць разглядаць як асобны, спецыфічны род літаратурна-даследчай дзейнасці, які не можа існаваць асобна (у адрозненне ад публіцыстычных тэкстаў як самастойных літаратурных жанраў) ад канкрэтнага мастацкага твора. Тым не менш, рэцэнзаванне, якое абапіраецца на метадалагічную базу навуковых падыходаў, а таксама прымае ўмову свабоды творчага пачатку крытыка, здольнае ўсё ж прэтэндаваць на пэўную аўтаномію, бо, зрэшты, найвыдатнейшыя прыклады рэцэнзій можна па праву залічыць у шэраг арыгінальных твораў, якія маюць не толькі даследчую (тэарэтычную) каштоўнасць (пры ўмове інтэрпрэтацыйных уласцівасцей), але і ўласна мастацкую вартасць, што робіць рэцэнзаванне адным з найбольш універсальных, а таму і складаных, жанраў літаратурнай крытыкі.

Мы мяркуем, што задача і значэнне сучаснай літаратурнай крытыкі заключаецца менавіта ў выпрацоўцы адзінства ва ўяўленнях пра інтэрпрэтацыю твора для розных гуманітарных дысцыплін, у ліквідацыі ўяўнай дыспрапорцыі, супярэчнасці паміж выключна навуковым і «ацэначным» рэцэнзаваннем, у імкненні да канцэптуалізацыі і сінтэзу асноўных крытычных жанраў, у іх адпаведнасці навейшым тэндэнцыям бягучага літаратурнага працэсу. Праблема рэцэнзавання, як і праблема агульнага стану сучаснай літаратурнай крытыкі ва ўмовах радыкальнага перагляду вартасных арыенціраў і крытэрыяў эстэтычнай ацэнкі мастацкіх твораў, не павінна заставацца па-за ўвагай даследчыцкай дзейнасці. Неабходным з'яўляецца тэарэтычнае асэнсаванне як гістарычнага вопыту, так і тых вызначальных тэндэнцый і напрамкаў, якія ўплываюць на існаванне сучаснай крытычнай думкі, а таксама ўтвараюць прастору для яе прымянення; вызначэнне сістэмы, метадаў і прынцыпаў, якія б садзейнічалі як літаратурнакрытычнаму, так і міждысцыплінарнаму падыходу пры разглядзе мастацкага (паэтычнага) тэксту (твора). Гэта прадугледжвае перш за ўсё выяўленне і выпрацоўку тыпалогіі інтэрпрэтацыйных мадэлей мастацкага твора ў сістэме літаратурнага факта, што дапаможа вылучыць і сістэматызаваць як агульныя рысы, так і спецыфічныя характарыстыкі разнастайных

тэксталагічных канцэпцый у айчынным вершазнаўстве. Сістэмнае даследаванне падыходаў да комплекснага аналізу сучаснай паэзіі дазваляе стварыць цэласную карціну сумежнага тэарэтычнага поля класічнага літаратуразнаўства і сучаснай літаратурнай крытыкі і на аснове гэтай карціны разгледзець мастацкі тэкст як складаную шматузроўневую з'яву, у якой кожнаму элементу адведзена важная роля ў стварэнні гарманічна ўпарадкаванага мастацкага адзінства.

Марина Калинина
Рязанский институт (филиал) Московского государственного открытого университета (Россия)

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ И С. ЕСЕНИН: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ

Романист «белых» ночей Петербурга и певец берез и полей Рязанщины… По выражению Ю. Мамлеева, «самый великий русский урбанист» и «самый великий русский деревенщик» [13]. Сопоставление их дискурсов в настоящее время все больше привлекает внимание филологов [3, 4, 10]. В настоящей работе анализ произведений Достоевского «Бедные люди» и «Белые ночи» и дискурса Есенина проводится в зеркале концепта **тоска**, который выделяется А. Вежбицкой [2] в качестве одного из русских национальных (о наших принципах концептуального анализа художественного текста см., например, [16, 17]).

Под термином **концепт** мы вслед за А. Вежбицкой [1] понимаем результат когнитивной деятельности человека, отмечая культурно-смысловую наполненность этой единицы (Ю. Степанов [12]) и способность к категоризации мира (Е. Кубрякова [8]).

Анализ предикатов, эпитетов к концепту, фразеологических единиц с концептом **тоска**, а также данные свободного ассоциативного эксперимента позволили реконструировать ряд метафор (МФ), характеризующих этот концепт в русской языковой картине мира (РЯКМ) как:

1) неодушевленный предмет/стихию: МФ тоска – огонь (*жгучая*), холод (*холодная*), твердый материал (*давит*), жидкость (*безбрежная*), атмосфера (*нагоняется*), вместилище (*глубокая*);

2) ощущение/состояние: болезнь/боль (*щемящая, тосковать – обл. болеть, ныть; Тоскуша – имя лихорадки в народных заговорах);*

3) живое существо: враг (*необоримая*), волк/пес/змея/вурдалак (*сосет сердце, завыть с тоски*).

Как видим, можно говорить о внутренней энантиосемии концепта в РЯКМ. О его семантической емкости свидетельствует также текст Синодального перевода Библии, где ряду не родственных между собой греческих лексем соответствует **тоска/тосковать**. Роль объединяющего фактора играет их контекстуальная связь со *смертью* (2 Цар. 1, 9; Притч. 12, 25; Ис. 38, 14; Мф. 26, 37; Мк. 14, 33).

Состояние **тоски** в РЯКМ противоположно веселью, общению, покою, радости, творчеству, труду, сопряжено с гордостью, мятежом, нервным возбуждением, страхом, печалью/грустью, одиночеством, унынием, болезнью, смертью, холодом, непогодой, алкогольным опьянением, инфернальностью, водой.

Звуки, с которыми связана **тоска** в РЯКМ, напоминают крики животных: *завыть с тоски;* В. Даль отмечает орл., калуж. *тоскунья* – ворон-крятун; в Синодальном переводе Библии – *тосковал, как голубь.* Невозможность выражения в речи состояния **тоски** *(безмолвная, неизъяснимая)* и безотчетность *(беспричинная, неясная)* приводят к ограничению пространства вокруг Я и к «смерти» Другого (родств. лат. tesqua «глушь», «степь», «пустыня»). В духовном пространстве тоски как основная акцентируется сема «лишенности» *(безнадежная, безрадостная* и мн. др.), происходящая из этимологической мотивировки «пустота».

Пространство тоски противопоставлено всему остальному пространству *(вгонять, вводить* в тоску; тоска *сжимает).* При «погружении» в тоску это состояние переносится на окружающий мир *(беспредельная, вселенская* тоска). МФ **тоска** – твердый материал, болезнь/боль, предикаты *находит, нападает,* фразеологизм *впасть в тоску* свидетельствуют о перемещении человека в **тоске** вниз, что является отражением в языке ненормальности этого состояния.

В целом, в РЯКМ выражено негативное отношение к **тоске**. Эпитеты *темная, черная,* лексема **тоска** в Синодальном переводе в соответствии с греч. σκοτος «мрак, неясное» позволяют говорить о принадлежности тоски в оппозиции «свет – тьма» мраку. Хронотоп исследуемого концепта *(вводить, впасть* в тоску) сближает его с понятиями греха, искушения, что подчеркивает МФ тоска – змея. МФ тоска – волк, пес, холод, эпитеты *адская, мертвая, смертельная,* дериват *тоскунья* «ворон», движение человека в тоске вниз свидетельствуют о принадлежности тоски в оппозиции «жизнь – смерть» смерти и связи с инферналъны-

ми силами. Замкнутость пространства тоски, обреченность на неудачу действий против нее (*необоримая, неистребимая* и др.) предполагает выход в небытие *(пропасть, удавиться, умереть* с тоски) или в состояние опьянения (ср. в словаре В. Даля: *Пей – тоска пройдет)* (подробнее о концепте **тоска** в РЯКМ см. наши работы [7, 15 и др.]).

Интересно, что старец Амвросий Оптинский считал **тоску** единственной причиной греха винопития; по его мнению, ее вызывают скудость веры в промысел Божий и надежды на его милосердие в стеснительных обстоятельствах, а также оскорбленное самолюбие и тщеславие, когда что-то препятствует исполнению мнимоблагих желаний. Безотчетная **тоска** наводится врагом людей, и ее следует терпеть как крест духовный. Решительные действия в этом случае – сердечная молитва, поскольку человек сам не в состоянии выйти из **тоски** (ср. в соответствующих эпизодах Библии тоска побеждается молитвой, а ветхозаветный богоотступник Саул не видит иного выхода, кроме самоубийства). Представлению о **тоске** в РЯКМ соответствует один из выходов из нее – в состояние опьянения – у героя романа Достоевского «Бедные люди» Макара Девушкина и у лирического героя Есенина. Последний видит «выход» из **тоски** в стремлении к Богу (Небу, Дому в сакрализованном смысле, молитве за лирического героя, творчестве), Другому (к *родной*, к сестре, природе, детям), но чаще **тоска** навевает суицидальные мысли: *«на рукаве своем повешусь»* – предельно концентрированное поэтическое сжатие пространства вокруг человека в тоске. («Устал я жить в родном краю…»).

Этимологическая сема «лишенности», присутствующая и в основном значении русского слова **тоска** («тревога», «беспокойство»), способствует развитию семы «стремление» (ср. родст. *тще, тщательный*), и глагол **тосковать** принимает управление по + Д/П. Кроме того, реализуя потенциальную сему «мысленно воссоздавать образ, к которому стремится субъект», глагол **тосковать** принимает делиберативный объект (*о + П*), переходя в поле глаголов речи и интеллектуальной деятельности (о теории вертикальных синтаксических полей глаголов см. [9]). А. Вежбицкая, отметив способность русских эмоциональных глаголов подчинять себе, как и глаголы мысли, объект с предлогом *о*, доказывает этим их активный характер, их связь с чувством «через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс» [2].

Показательно, что в ранних романах Достоевского нет употребления тосковать по+Д/П, в отличие от дискурса Есенина, в котором глагол реализуется на всех уровнях.

В зеркале концепта **тоска** в индивидуально-авторских концептах Достоевского «бедные люди» и «мечтатель» выделяются семы «лишенности», «стремления к власти над к./ч.-л.», «близости интеллектуальной деятельности тоске», «отсутствия устремленности к к./ч.-л.» (нет употребления тосковать по+Д/П). В этих концептах происходит разделение по гендерному признаку (персонификация **тоски** Девушкиным – **тоска** как состояние у Вареньки (роман «Бедные люди»); свойственность **тоски** Мечтателю – отсутствие **тоски** в дискурсе Настеньки («Белые ночи»)). Для Мечтателя характерно семантическое «продолжение» метафоры русской языковой картины мира «**тоска**-удушливая атмосфера» в виде «**тоска**-облако», сжимающее сердце и заслоняющее солнце (Бога?). Это одна из реализаций известной концептуальной МФ Достоевского человек-Вселенная.

В дискурсе Есенина, кроме *лирического героя*, тоскуют *девушка/любимая, бунтовщики-мятежники* («Песнь о великом походе», «Пугачев»), *Русь, все люди, живущие на земле*, а также *пашни, облака, ветлы, хата, конопляник, куры*. Единство состояний лирического героя и природы подчеркнуто местоимением *мы* по отношению к герою и волне: «*Мы тоскуем*». Для Есенина **тоска** – неотъемлемая часть Руси, без любви к ней невозможно понять русского человека.

«Русский дух» Достоевского и Есенина, их следование РЯКМ в концептуализации **тоски** проявляется в неагентивности, выделении в концепте **тоска** как основной этимологической семы «лишенности»; связи **тоски** со смертью, мраком/непогодой; в персонификации, инфернальности, неконтролируемости **тоски**, невыразимости ее в слове, замкнутости пространства **тоски**, МФ «**тоска**-болезнь»; в способности глагола *тосковать* переходить в поле глаголов интеллектуальной деятельности. Представлению о **тоске** в РЯКМ соответствует один из выходов из нее – в состояние опьянения – у «бедного человека» Девушкина и лирического героя Есенина. Коннотационные акценты в концепте **тоска** в дискурсе Достоевского расставлены в соответствии с РЯКМ и православным осмыслением мира (как грех, искушение). Есенин вступает в «диалог» с этими представлениями.

В дискурсе Есенина есть отчетливый «вертикальный контекст» (термин И. Софроновой [11]) на концептуальную картину мира Достоевского: МФ «человек-цветок», сопряженность **тоски** с дорогой,

бунтом; необъективность видения мира («неузнанность» Христа) в **тоске**, насмешки окружающих как одна из причин **тоски**; один из выходов из **тоски** – творчество. Есенинская связь **тоски** с тюрьмой и самоубийством коррелирует с образами позднего Достоевского (Раскольников, Свидригайлов, Ставрогин и др.). «Полюбить **тоску**» у Есенина – эвфемизм смерти через повешение (наказание за убийство, неизбежно совершенное лирическим героем, несмотря на его мечту о «чистоте сердца»). Мечтатель Достоевского, таким образом, – одна из интертекстуальных ипостасей Есенина, недаром стихотворение «Кто я, что я? Только лишь мечтатель…» содержит на вертикальном контексте полемику с романом Достоевского «Белые ночи».

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле…
(*«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель…»,* <Вариант 1925 г.>*)* [6].

Вопрос «Кто я?» направлен на выяснение внутренней сущности личности, выделение ее из мира живой природы. Следующее за этим вопросительное местоимение ***что*** переносит акцент с индивидуальности на типологическую принадлежность, указывает на возможность отнесения к определенному типу характера. В таком плане показан Мечтатель у Достоевского:

– Послушайте, Вы хотите знать, кто я таков?.. Извольте, я – тип.

– Тип, тип! Какой тип? – закричала девушка, захохотав так, как будто ей целый год не удавалось смеяться. – … что это такое тип?

– Тип?…Это такой характер. Слушайте, знаете Вы, ***что такое*** (здесь и далее выделено нами. – М. К.) мечтатель? [5, с. 17–18].

В стихотворении С. Есенина два маркера ограничительности показывают некоторую «недо-человечность» Мечтателя («…***только лишь мечтатель»***), что является еще одним сигналом вертикального контекста на роман Ф. Достоевского: «Мечтатель – если нужно его подробное определение – не человек, а знаете, ***какое-то существо среднего рода. Селится*** он большею частию где-нибудь в неприступном углу…» [5, с. 19]. Близость животному (т. е. в картине мира Достоевского – недуховному) миру заявлена глаголом ***селиться***, а далее эксплицируется в сравнениях Мечтателя с улиткой, черепахой, котенком.

Упоенность мечтами приводит к притупленности восприятия и чувств как откликов на реальную действительность: у Достоевско-

го – «Он ничего не желает, потому что он выше желаний, потому что с ним все, потому что он пресыщен…», «я никогда не способен начать жить настоящею жизнию…, я потерял всякий такт, всякое чутье в настоящем, действительном» [5, с. 24–25, 28], и у Есенина – «Оттого душе моей не жестко // Не желать, не требовать огня», «Я тебя нисколько не ревную, я тебя нисколько не кляну», «И тебя любил я только кстати, // Заодно с другими на земле».

Мечтателю «Белых ночей» свойственно совершать многие действия «автоматически», без участия сознания: «с удивлением вспомнил, что он уже совсем пообедал, решительно проглядев, как это сделалось» [5, с. 23]; «уже совсем успел, по своему обыкновению, забыть, где я» [5, с. 8] и мн. др. У Есенина эта неосознанность также присутствует («И с тобой целуюсь ***по привычке***, // Потому что многих целовал») и в поэтически-концентрированном виде выражается словом-понятием ***кстати***: «Эту жизнь прожил я словно ***кстати***, // ***Заодно*** с другими на земле». Этимологическая сема этого слова «заодно с к./чем-либо», как видим, эксплицируется в тексте. При этом имеется в виду не со-вместность, а рядо-положенность, одинаковость, невозможность обнаружить различия в череде лиц. Указанный признак для поэта – один из основных типологических признаков характера Мечтателя: ***кстати*** создает перекрестную рифму с ***Мечтатель***, употребляется в первой строфе и последней (т. е. сильных позициях текста), с вариацией: «И тебя любил я только кстати, // Заодно с другими на земле». Находящееся в конце произведения – абсолютно сильной позиции текста – и первой строфе слово ***земля*** указывает на принадлежность Мечтателя в оппозиции профанное – сакральное профанному. Есенин ощущает даже некоторую его «инфернальность»:

«Синь	синий/голубой в христианской традиции – цвет Богоматери
очей	сема «визуальности» основная в этимологии концепта **мечта** – от и.-е. *meik- «мерцать, блестеть, мелькать» [14]
утративший	действительное, а не страдательное, причастие подчеркивает агентивность, наличие акта самосознания и признание своей ответственности за случившееся
во мгле»	эвфемизм Ада, нередко встречающийся и в дискурсе Есенина; кроме того, слово ***мгла*** акцентирует в концепте **Мечтатель** сему «неясности»

«Духовное зрение» Мечтателя Есенина замутнено. Согласно христианскому миропониманию, причина неспособности различить доб-

ро и зло, истину и ложь кроется в греховном, «страстном» состоянии человека. Такая концептуализация близка и поэту: «Если тронуть страсти в человеке, // То, конечно, правды не найдешь». Сравним и номинации в романе Достоевского: Мечтатель – ***сладострастный ленивец***, мечта – ***прием сладострастного яда*** (своего рода самоубийство).

В романе «Белые ночи» подчеркивается насильственный и болезненный характер мечтаний: «какое-то ***темное*** ощущение, от которого слегка ***заныла***…грудь его, какое-то новое желание ***соблазнительно щекочет*** и раздражает его фантазию» [5, с. 23], «***утомленный***, ***измученный***, засыпает в ***замираниях*** от восторга своего ***болезненно***-потрясенного духа и с такою ***томительно***-сладкою ***болью*** в сердце» [5, с. 25]. «Инфернальность» мечты и Мечтателя в дискурсе Достоевского выражена более эксплицитно, нежели у Есенина, и в большей степени осознается героем: «уже давно приготовил я над самим собой приговор», «я проклинал сам себя», «куда ты схоронил свое лучшее время», «я…сделал преступление и грех в моей жизни, потому что такая жизнь есть преступление и грех» [5, с. 26–29]. В фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1847 г.) Достоевский употребляет по отношению к Мечтателю номинацию «олицетворенный грех». Грех Мечтателя подобен греху Денницы-Сатаны, который поставил себя на место Бога («он сам художник своей жизни и творит ее себе каждый час по новому произволу» [5, с. 25]) и с этой мнимой высоты осуждал все сущее («На его подкупленный взгляд мы… живем так лениво, медленно, вяло;… так ***томимся*** нашею жизнию», «он думает, что это бедная, жалкая жизнь» [5, с. 24]).

Событие реальной – а не воображенной в мечтаниях – жизни (встреча с Настенькой и возникшая влюбленность) ощущается героем «Белых ночей» как сакральный момент, способствующий прозрению: «…я даром потерял все свои лучшие годы! Теперь я это знаю и чувствую больнее от такого сознания, потому что ***сам Бог послал мне вас, моего доброго ангела***, чтоб сказать мне это и доказать» [5, с. 27]. И в конце романа: «***Боже*** мой! Целая минута ***блаженства***! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..» [5, с. 59]. Слово ***блаженство*** в таком сакральном контексте отсылает к Библейским «заповедям блаженств», где среди других – «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». ***Белые ночи*** заканчиваются ***утром***; духовное прозрение концептуализируется Достоевским как «выздо-

ровление» (Настенька говорит Мечтателю: «Вы выздоравливаете, вы, право, совсем другой человек, чем как вы себя описали» [5, с. 46]). Герой романа осознает свое прежнее существование (пребывание в мире мечтаний) как преступление и грех падшего Ангела: «***богиня*** фантазии» [5, с. 22], кажущаяся «***неистощимой***», впоследствии начинает восприниматься Мечтателем как «***раба*** тени, идеи, ***раба*** первого облака», которая «***истощается*** в вечном напряжении» [5, с. 28]. Видению и осознанию действия Промысла Божьего в жизни человека, пониманию обманного характера мечтаний («какой обман!», «обман воображения») способствует реальное чувство любви.

Мечтатель Есенина также стремится найти выход именно в этом чувстве («всегда ***ища*** себе ***родную***»), однако описываемая им женщина в оппозиции «свой-чужой» отнесена к «чужим» («заодно с ***другими***»), и испытываемое в данный момент чувство не концептуализируется им как любовное: «И, как будто зажигая спички, // Говорю любовные слова // …А в душе всегда одно и то ж», «Оттого душе моей не жестко // Не желать, не требовать огня, // Ты, моя ходячая березка, // ***Создана для многих и меня***». Последняя строчка – полемика на «вертикальном контексте» с эпиграфом к роману «Белые ночи»: «Иль был он ***создан*** для того, // Чтобы побыть хотя мгновенье // ***В соседстве*** сердца ***твоего***?..» [5, с. 5] и знак существования сакрального мира с Создателем-Богом в центре (если есть создание – есть и создатель). Номинация ***ходячая березка*** (в одном из вариантов стихотворения Есенин вводил, кроме этой, номинацию «***ландыш мой***») подчеркивает концептуальное различие с «выздоровевшим» Мечтателем Достоевского, который не хочет ревностью и горьким упреком «измять хоть один из этих нежных ***цветков***» [5, с. 59], вплетенных Настенькой в ее венчальный венок. Сравнение девушки (и самого Мечтателя) с цветком у Достоевского «закольцовано» последними (цитированными выше) строками романа и эпиграфом (слегка измененным) из стихотворения И. С. Тургенева «***Цветок***». У Есенина «закольцованность» стихотворения выстроена на понятии «кстати», и встреча с описываемой женщиной не воспринимается как действие Божественного Промысла. Потому ему и чужда идея благодарности девушке и Богу, так пронзительно «выписанная» Достоевским: «Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастия, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!» [5, с. 59].

Мечтатель Есенина, таким образом, находится в процессе поиска, на этапе «томления в плену» (ср. «Но, всегда ища себе родную // И ***томясь*** в неласковом плену» у Есенина – и «***утомленный***, ***измученный***, засыпает в ***замираниях*** от восторга своего ***болезненно***-потрясенного духа и с такою ***томительно***-сладкою ***болью*** в сердце» [о Мечтателе **до** появления в его жизни Настеньки] у Достоевского), однако направление, интенция поиска в сторону сакрального (как у Достоевского) в стихотворении намечена: присутствует осознание некоторой инфернальности («синь очей утративший во мгле»), недочеловечности («только лишь мечтатель») Мечтателя, проекция на происходящее с позиции сакрального мира («ты…создана»).

В зеркале концепта **тоска**, таким образом, выявляется большой семантический пласт, важный для интерпретации произведений Достоевского и Есенина. Необъяснимый «русский дух» при КА получает свое «материальное» выражение и измерение.

Литература

1. Вежбицкая, А. Судьба и предопределение // Путь: Международный философский журнал. – 1994. — № 5. – С. 82–150.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.,1996. – 411с.
3. Воронова, О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань, 2002. – С. 459.
4. Грицай, Л. «Красота спасающая» и «красота бунтующая» в творчестве С. А. Есенина и Ф. М. Достоевского // Современное есениноведение. – 2008. — № 8. – С. 149–160.
5. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 1956. – Т. 2. – С. 5–59.
6. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. – М., 2004. – Т. 4. – С. 242.
7. Калинина (Широкова), М. А. Мечта, тоска, гармония как фрагменты русской языковой картины мира // Философско-педагогические и религиозные основания образования России: история и современность. Шестые Международные Покровские образовательные чтения, 23–25 октября 2007 г. – Рязань, 2008. – С. 57–61.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М, 1997.
9. Прохорова, С. М. Еще раз о языковой непрерывности. – Минск, 1999. – С. 62.
10. Самоделова, Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: авторский жизнетекст на перекрестье культурных традиций. – М., 2006. – С. 785.

11. Софронова, И. Н. Вертикальный контекст как категория художественного текста и средства его создания : автореф дис. … канд. филол. наук : 10.02.02. – Минск, 1990. – 99 с.
12. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
13. Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. – М., 1997. – С. 30.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986.
15. Широкова, М. А. Концепт ТОСКА в русском языке и в дискурсе Ф. М. Достоевского // Антропоцентрический подход в исследовании языка : материалы VII Международных Карских чтений, Нежин, 13–14 мая 1998 г. / НДПИ, ГрГУ. – Нежин – Гродно, 1998. – С. 238–240.
16. Широкова, М. А. Концептуально-лингвистический анализ произведений Ф. М. Достоевского и их переводов на белорусский язык : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.014 10.02.02. – Минск, 2001. – 153 с.
17. Широкова, М. А. О принципах концептуального анализа художественного текста // Личность – слово – социум : материалы 2-й науч.-практ. конф., 17–19 апреля 2002 г. – Минск, 2002. – С. 92–96.

Галіна Канцавая
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

МОЎНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ІНТЭРНЭТ-ПУБЛІЦЫСТЫКІ

Мова публіцыстыкі за апошнія дзесяцігоддзі істотна змянілася. Адна з прычын гэтага – з'яўленне інтэрнэта, які налажыў свой адбітак і на мову публіцыстыкі ў цэлым, і асабліва – на мову інтэрнэт-публіцыстыкі.

Мова СМІ знаходзіцца ў цэнтры стылістычнай сістэмы сучаснай літаратурнай мовы. Многія словы ўзнікаюць і апрабіруюцца менавіта ў мове СМІ, прычым найбольшая колькасць моўных нованаўвядзенняў у нашы дні ўзнікае ў інтэрнэт-журналістыцы, і асабліва – у публіцыстычных жанрах, якія заўсёды былі больш чуйнымі да ўсяго новага і найбольш змяняліся на лінгвістычным і стылістычным узроўнях.

Змены публіцыстычнай мовы ў інтэрнэт-асяроддзі выкліканы як знешнімі, так і ўнутранымі прычынамі.

Знешнімі прычынамі відазмянення публіцыстычнай мовы ў інтэрнэт-асяроддзі з'яўляюцца: 1) лёгкасць публікацыі матэрыялу. Сёння стварыць свой сайт і публікаваць на ім матэрыялы сацыяльна знач-

най накіраванасці не ўяўляе вялікай складанасці. Сярод аўтараў можна сустрэць непрафесіянальных журналістаў, літаратараў-аматараў і г. д., у электронных публікацыях якіх назіраюцца такія з'явы, як: а) незахаванне літаратурных нормаў (наяўнасць у матэрыялах ненарматыўнай лексікі, арфаграфічных і пунктуацыйных памылак, парушэнне правіл спалучальнасці слоў, стылю і г. д.); б) змацненне дыялагічнасці і інтэрактыўнасці, у тым ліку і за кошт публікацыі каментарыяў да аўтарскіх матэрыялаў; в) узмацненне экспрэсіўнасці маўлення, якое выражаецца ў пранікненні ў мову сучаснай публіцыстыкі жарганізмаў, прастамоўных слоў і г. д.; 2) адсутнасць прафесійнай апрацоўкі тэксту, у выніку чаго ў інтэрнэт-публікацыях арфаграфічныя, пунктуацыйныя, граматычныя, маўленчыя памылкі і памылкі друку сустракаюцца значна часцей нават у прафесійных журналістаў. Асноўнымі прычынамі гэтага, на нашу думку, з'яўляюцца паспешнасць, нязручнасць чытання тэксту з экрана, звычка звяртаць увагу толькі на словы, падкрэсленыя тэкставым рэдактарам.

Унутранымі прычынамі пераўтварэння публіцыстычнай мовы ў інтэрнэт-асяроддзі тлумачыцца: 1) адлюстраванне ў лексіцы інтэрнэт-публіцыстыкі ўласна мовы інтэрнэту, нярэдка знарок скажонай; 2) павелічэнне колькасці англіцызмаў; 3) узмацненне інтэртэкстуальнасці за кошт уплыву на структуру тэксту гіперспасылак; 4) змяненне структуры публіцыстычнага тэксту па прычыне таго, што многія аўтары сталі ўлічваць псіхалагічныя фактары ўспрымання інфармацыі з экрана (напрыклад, фактар распаўсюджвання так званага праглядавага, курсорнага чытання); 5) эканомія часу, затрачанага на падрыхтоўку матэрыялу.

Унутранымі прычынамі відазмянення публіцыстычнага тэксту ў інтэрнэт-асяроддзі выклікана выкарыстанне невербальных знакаў (эматыконаў) у якасці словазаменнікаў, якія абазначаюць шырокі спектр эмацыянальнага стану аўтара, падкрэсліваюць яго адносіны да напісанага (смайлікі, разнастайныя канфігурацыі пунктуацыйных знакаў – дужак, двукосся, кропкі з коскаю і г. д., а таксама выкарыстанне змешаных літарна-знакавых спалучэнняў, якія замяняюць смайлікі, напрыклад, *lol:* (ад англійскага акроніма *lol – laughing out loud, 'гучна ўслых смеючыся'). І хоць невербальныя сімвалы адносяцца не столькі да лінгвістычных асаблівасцей інтэрнэт-тэкстаў, колькі да графічных, тым не менш, яны значна ўплываюць на мову інтэрнэт-публіцыстыкі ў цэлым.*

Сёння істотна змяніліся не толькі адносіны да моўных нормаў, але і самі моўныя нормы. У сувязі з тым, што інтэрнэт-публіцыстыка адлюстроўвае актуальныя праблемы жыцця сучаснага грамадства і арыентавана на масавую аўдыторыю, яе мова максімальна падстройваецца пад існуючае гутарковае маўленне з разлікам на найлепшае ўспрыманне публіцыстычных матэрыялаў рознымі сацыяльнымі групамі.

Для публіцыстычнага стылю ўласцівы такія функцыі, як: 1) інфармацыйная (у аснову публіцыстычнага паведамлення пакладзены якія-небудзь сацыяльна значымыя факты, падзеі і з'явы); 2) функцыя ўздзеяння на аўдыторыю; 3) камунікатыўная (зварот да чытача і чаканне яго рэакцыі на публікацыю, запрашэнне да дыялогу). Яны рэалізуюцца пераважна з дапамогай лексікі, якая выкарыстоўваецца ў мове інтэрнэт-публіцыстыкі.

Сярод асноўных моўных асаблівасцей сённяшняй інтэрнэт-публіцыстыкі адзначым наступныя: 1) укараненне ў лексіку сеткавай публіцыстыкі значнай колькасці англіцызмаў, калькаванне англійскіх слоў, асабліва з мовы інтэрнэта (*сайт, блогер, хакер, пост, анлайн* і інш.), а таксама вытворных ад іх (*анлайнавы, хакерскі, блогерскі* і г. д.); 2) з'яўленне значнай колькасці скарачэнняў ад слоў, шырока ўжывальных у інтэрнэт-асяроддзі, а таксама вытворных ад гэтых слоў (*комп, камент, дыз* (ад дызайн), *боты* (ад 'робаты пошукавых сістэм' і г. д.); 3) пашырэнне семантычнага значэння шэрагу слоў *(кантэкст, пост, паставы);* 4) шырокае распаўсюджанне інтэрнэт-жарганізмаў (*мыла* – ад англ. *e-mail* і г. д.); 5) наяўнасць знарок скажонай арфаграфіі, выкарыстанне слоў з т. зв. маргінальных моў інтэрнэту; 6) наўмыснае зліццё асобных словазлучэнняў у складаныя словы (*іржунемагу*); 7) наяўнасць значнай колькасці размоўнай і прастамоўнай лексікі (*кідала* і інш.); 8) выкарыстанне ненарматыўнай лексікі; 9) узмацненне гульнёвых элементаў у мове і інтэнсіўнае ўтварэнне неалагізмаў (*слава блогу, блогіка*); 10) выкарыстанне графічных элементаў, якія выражаюць эмоцыі аўтара: смайлікаў, камбінацый дужак ці іх заменанікаў**.**

Мова сучаснай інтэрнэт-публіцыстыкі пастаянна папаўняецца неалагізмамі абрэвіятурнага характару і вытворнымі ад іх: *аська* (праграма імгненнага абмену паведамленнямі ICQ), а таксама неалагізмамі на ўзроўні ўстойлівых словазлучэнняў: *выкласці на сайце* 'апублікаваць', *перапост* 'публікацыя чужога матэрыялу без змен' і г. д.

Такім чынам, за апошнія дзесяцігоддзі ў мове публіцыстыкі адбыліся істотныя змены. Найбольш яскрава яны выражаюцца ў інтэрнэт-публіцыстыцы.

Марыя Карповіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ВЫБАР МОЎНЫХ СРОДКАЎ У ПУБЛІЧНАЙ КАМУНІКАЦЫІ (з навуковага досведу знакамітых вучоных)

Міхась Яўгенавіч Цікоцкі. Навукоўцы, пісьменнікі, мастакі да свайго юбілею імкнуцца, як правіла, прымеркаваць новы, свежы твор. Наш паважаны, уганараваны намі юбіляр Міхась Яўгенавіч Цікоцкі, доктар філалагічных навук, прафесар, былы загадчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання факультэта журналістыкі БДУ, паклапаціўся пра свой найшаноўнейшы юбілей крыху загадзя і выдаў кнігу «Урокі моўнага майстэрства» (2009) [5]. «Урокі…», якія не ведаюць тэрміну даўніны і не зведаюць, пакуль будзе існаваць публічная камунікацыя – навуковая, мастацкая, масава-інфармацыйная, кіно і інш. І гэта нягледзячы на тое, што ўрокі моўнага майстэрства ў аднайменнай кнізе грунтуюцца толькі на мастацкай літаратуры, на творчасці беларускіх класікаў Янкі Купалы і Якуба Коласа. Зноў жа юбіляраў, якім у гэтым годзе споўніцца 130 гадоў. Варта чытачу-студэнту, журналісту, выкладчыку, якім адрасуецца кніга М. Цікоцкага, разгарнуць яе, прабегчыся па некалькіх старонках, каб пераканацца, што сапраўдная класіка заўжды сучасная, заўжды своечасовая і што аўтар для сваіх «Урокаў…» выбраў такі трывалы грунт свядома. Што датычыць выбару моўных сродкаў у публічнай камунікацыі – тэмы маёй нататкі, дык яна прадыктавана канцэпцыяй культуры маўлення ў наступным гучанні: «культура маўлення – гэта *такі выбар* і *такая арганізацыя* моўных сродкаў, якія ў пэўнай сітуацыі зносінаў пры захаванні сучасных моўных нормаў і этыкі зносінаў дазваляюць забяспечыць найвялікшы эфект у дасягненні пастаўленых камунікатыўных мэтаў» [2, с. 13].

У прыведзенай канцэпцыі побач з нарматыўным аспектам паўстае камунікатыўны аспект – гэта значыць, што «мова дае магчымасць выбару і рознай арганізацыі сваіх сродкаў дзеля дасягнення пастаўленых у зносінах мэтаў» [Тамсама]. Эфектыўную камунікацыю нельга забяспечыць толькі правільным, **нарматыўным**, маў-

леннем. Хаця наяўнасць у мовах нарматыўных варыянтаў таксама дае носьбіту мовы права выбару. Але гэта выбар іншы.

«Урокі моўнага майстэрства» Міхася Цікоцкага і ёсць, у першую чаргу, *узоры менавіта выбару моўных сродкаў майстрамі слова* – сродкаў лексічных, граматычных, стылістычных. Пры ўсім гэтым вучоны не пакідае ніводнага прыведзенага ім мастацкага тэксту без навуковага каментару, без тлумачэння функцый моўных адзінак у тэксце – сюжэтна-кампазіцыйных, вобразна-стылістычных, партрэтных і інш.

Працытую некалькі прыкладаў з кнігі М. Я. Цікоцкага – узораў для выбару моўных сродкаў публіцыстычнага гучання ў вершах Янкі Купалы.

«У вершы “Вы кажаце…” Купала піша:

Вы кажаце: надта пяю я нявесела,
Пацехаў ніякіх не бачу ў людзей…
Пакіньце смяяцца! Вас праўда не ўсцешыла,
Няпраўды ж не знаю ў душы я сваёй.
Як пеў я дагэтуль, так пець не цураюся,
Жальбою маркоцячы песню сваю;
Я ў долю народа свайго ўзіраюся
І толькі аб гэтым для вас я пяю.

Пра сваю цяжкую працу «на запусцелым дзірване» беларускага мастацкага слова Купала піша ў вершы «Я не для вас, паны…»:

Я не для вас, паны, о не,
Падняць скібіну слова рвуся
На запусцелым дзірване
Сваёй старонкі Беларусі» [5, с. 10].

Паказальным прыкладам для журналістаў у выбары моўных сродкаў можа быць прыведзены даследчыкам М. Цікоцкім верш Купалы «З летніх малюнкаў», пабудаваны на паўтарэнні ключавых слоў. Даследчык, ухваляючы гэты мастацкі прыём, заўважае: «Такі характэрны паўтор ключавых слоў мы знаходзім у многіх вершах паэта («Я бачыў», «Над Свіслаччу» і інш.)» [5, с. 11].

Верш «З летніх малюнкаў»:

Коціцца, уецца далінай крыніца,
Б’ецца, *плюскоча* ў каменнях вадзіца,
Далей плыве і *плюскоча*.
Белымі грудкамі лёгшы на траўцы,

Хоча дзяўчынка к вадзіцы дастацца.
Губкамі чэрпнуць *хоча*.
Вольха ліісткамі ёй шыю ласкоча,
Плюскатам рэчка смяецца ў вочы,
Сонейка ўсіх абнімае.
Сонейка, рэчка, вольха, *дзяўчына*
Думцы ўсміхаюцца соладка, дзіўна,
Думка іх шчыра вітае (курсіў мой. – *М. К.*).

Урокі моўнага майстэрства – навука складаная. Спасцігаць гэтую навуку мне пашчасціла поруч з Міхасём Яўгенавічам Цікоцкім, прафесарам Цікоцкім. Небеспадстаўна адзначу, што Міхась Яўгенавіч ніколі не нагадваў нам пра сваё навуковае званне. Мы ж ніколі не забывалі гэтага. Ён, прафесар, можа спакойна запытаць у мяне, непрафесара:

– Дык як, Марыя, будзем пісаць: аповед ці пакінем апавяданне?

– Аповед болей набліжаны да рускага «повествования». Але будзем пісаць, як Вы скажаце.

– Хай будзе аповед.

Падобныя дыялогі за час нашай амаль 30-гадовай сумеснай працы былі не адзінкавымі. Яны ўзнікаюць нават сёння…

Ілля Уладзіміравіч Талстой. Прафесар факультэта журналістыкі МДУ імя М. В. Ламаносава І. Талстой да свайго 70-гадовага юбілею падрыхтаваў навуковы твор «Не могу молчать»: семантико-стилистический анализ статьи Л. Н. Толстого». Твор цалкам заняў плошчу выдання «Журналистика и культура русской речи» [4]. Прафесар для свайго навуковага даследавання таксама абраў класіку. Не мастацкую, а публіцыстычную. Аўтар даследавання паведамляе: «Не могу молчать» – одна из высочайших вершин публицистического творчества Льва Николаевича Толстого. Написана была в 1908 году.

Пятьдесят лет тема насильственной смерти мучила и тревожила Льва Николаевича Толстого… Каждый раз, узнавая о новых казнях, а продолжалось это, по словам Толстого, “не неделю, не месяц, не год, а годы” [37, 83][1], он испытывал неимоверные страдания. Он стра-

[1] Усе спасылкі на Л. М. Талстога аўтарам даследавання падаюцца па Юбілейным выданні збору твораў пісьменніка ў 90 тамах. М., 1928–1958 (першая лічба – том, другая – старонка).

дал и как человек, обостренно чувствовавший чужую боль, и как философ-моралист, придерживающийся одной из главных заповедей Христа «не убий» – основы толстовской морально-этической системы, и как гражданин России, который “гордился … когда-то перед европейцами”, что в его стране “до последнего времени по закону не было смертной казни”» [37, 183].

Пра неадназначную рэакцыю на артыкул «Не могу молчать» з боку ўладаў, нелегальных тыпаграфій, замежнага друку і інш. цікава прачытаць у даследаванні І. Талстога [4, с. 8–10]. (Вось яна, класіка. Дагэтуль своечасовая.)

Хачу звярнуць увагу на матэрыял вучонага датычна артыкула «Не могу молчать» пад загалоўкам «Лексическая система и особенности словоупотребления как отражение мировоззрения Л. Н. Толстого», сугучны з тэмай маёй нататкі. Прафесар І. Талстой дае нам свае ўрокі моўнага майстэрства праз глыбокі аналіз выкарыстання лексічных адзінак пісьменнікам Талстым, у прыватнасці такіх слоў, як *народ* (ключавое паняцце ў артыкуле «Не могу молчать» выкарыстоўваецца звыш 20 разоў з тонкай дыферэнцыяцыяй значэнняў, абумоўленай выразным і адназначным разуменнем пісьменнікам «социального расслоения общества в России»: «Народ» – «не-народ» («мы»), *обман, ложь, совесть, развращение* і вялікі шэраг іншых).

Даследчыкі не раз адзначалі, паведамляе І. Талстой, як адну з характэрных асаблівасцей мовы і стылю Талстога шырокае выкарыстанне ім паўтораў. «Повторы у Толстого функционально разнородны: они служат и организации текста, и целям усиления эмоционального и экспрессивного воздействия, несут большую семантико-стилистическую и синтаксическую нагрузку. В каждом конкретном произведении и в каждой части целого *при внимательном чтении* (вылучана мною. – М. К.) можно обнаружить те задачи, которые решал Толстой, прибегая к приему повторения» [4, с. 57].

«Слова «развращение», «развращать», «развращённый» намеренно повторяются Толстым в близких по содержанию контекстах, повторяются многократно, будто Толстой не доверяет проницательности читателя, боится, что читатель пройдет мимо столь важной для автора мысли. Ср.: «Придумано то, чтобы *разыскивать* самых развращённых и несчастных людей…» [37, 84] и: «Используют же дело несчастные, обманутые, развращённые, презираемые» [37, 84]. «Распространяется же это *развращение* особенно быстро среди простого, рабочего народа»

[37, 86] и: «Распространяется это *развращение* с необычайной быстротой» [37, 86]. С другой стороны, Толстой будто бы опасается также того, что для читателя это понятие остается слишком отвлеченным, а значит, может оставить его равнодушным к тому, что волнует автора. Чтобы избежать этого, он обращается к жизненным фактам, иллюстрирующим его мысль» [4, с. 21]. (Нашыя рэдактары даўно б ужо наклеілі ў аўтарскі тэкст слоў «оно», «они» і г.д., нягледзячы на ўсе моўныя перасцярогі хай сабе і класіка. Менавіта таму я акцэнтую сваю ўвагу на паўторах. І не толькі я. «Стилистический прием повторений» – загаловак тэксту ў І. Талстога [4, с. 57].

Павучальным (ці навучальным) урокам выбару моўных сродкаў у публічнай камунікацыі будзе наступны творчы прыём класіка не толькі рускай, але і сусветнай літаратуры Льва Мікалаевіча Талстога, адзначаны даследчыкам І. Талстым. «Лев Толстой в своих обличительных статьях редко прибегает к прямой оценке «ругательным» словом. Только в черновиках и дневниковых записях мы можем встретить откровенные выпады. Например: «Какой-нибудь – не могу удержаться – негодяй, называемый императором, или подлец, называемый министром...» [37, 368]. Еще пример: «... те несчастные (имеются в виду царь Николай II и премьер-министр Петр Столыпин – И. Т.), чтобы не сказать мерзавцы...» [37, 396]. Толстой публично считал, что откровенная брань в публицистическом произведении уменьшает силу его воздействия, поэтому вопреки своему темпераменту и привычке называть вещи своими именами в частных беседах он избегал слишком сильных выражений в статьях и других предупреждал против подобного столь заманчивого, но поверхностного способа создавать у читателя нужное автору отношение к объекту. Характерен в этом отношении отзыв Л. Н. Толстого о предисловии В. Г. Черткова к брошюре «Финский разгром».

Лев Николаевич писал Владимиру Григорьевичу: «предисловие к Финл[яндиам] мне не нравится. Опять тот же нехороший, грубый, вызывающий тон с резкими эпитетами, которые ничего не только не прибавляют к вескости доводов, но ослабевают их. Совсем нехорошо» [88, 197] [4, с. 13].

Прыведзены тэкст, без сумніву, можа быць сапраўдным **урокам** выбару моўнага сродку для сучасных публічных асоб найвышэйшага рангу. Так, напрыклад, зусім нядаўна карэспандэнт тэлеканала «РТР» Сяргей Брылёў папрасіў прэм'ера сваёй краіны «патлумачыць

стылістыку» ўжытых ім выразаў «Бараны – вперед!», «контрацептивы», на думку супрацоўнікаў канала, не да месца. Прэм'ер патлумачыў, але, як мне падалося, журналіст застаўся незадаволеным (РТР. Вести. 17.12.2011: 20.45).

Высокадзяржаўным прамоўцам не заўжды ўдаецца, насуперак свайму тэмпераменту, пазбегнуць, падобна Л. Талстому, «слишком сильных выражений». Але ж гэта неабходна, асабліва з улікам сітуацыі міжкультурных зносінаў, калі тэксты прамоўцаў перакладаюцца на мовы розных краін. Прывяду прыклад выкарыстання недыпламатычнага фразеалагізма расійскім прэзідэнтам у тэлеэфіры падчас знаходжання ў Бразіліі. «Сильное выражение» адрасавалася тым, каму, на думку прэзідэнта, не даспадобы яго паспяховыя інвестыцыйныя дамоўленасці з гэтай краінай. «Но нам на это наплевать», – выказаўся прэзідэнт у эфіры, стоячы поруч з жанчынай, якая неўзабаве стала прэзідэнтам Бразіліі. Па праўдзе кажучы, пачуты выраз агаротшыў. І ужо назаўтра на занятках са студэнтамі спецыяльнасці «Журналістыка міжнародная» мы абмеркавалі гэты маўленчы выпадак, знайшлі сэнсава адэкватныя стылістычна нейтральныя замены грубаму фразеалагізму. Назаўтра, у ранішнім выпуску навінаў быў паказаны сюжэт, у якім прэзідэнт Расіі абышоў ужо сваё непрыстойнае выказванне.

Як маглі ўжо заўважыць, урокі моўнага майстэрства ад беларускага прафесара-юбіляра і ад прафесара-юбіляра расійскага, выспеўшыя на класічным творчым грунце, шмат у чым сугучныя, а галоўнае – своечасовыя.

***

Варта адзначыць той факт, што юбілеі прыўносяць у навуку шмат новага. У адным з артыкулаў чытаю: «Когда отмечалось восьмидесятилетие Дитмара Эльяшевича Розенталя, много лет возглавлявшего кафедру стилистики русского языка факультета журналистики Московского университета, юбиляра приветствовали дикторы радио. Они пели шуточные куплеты на мотив цыганского романса. В них были такие строки: *«Ты подарил фольгу́ нам и отменил раку́рс»*. На падставе гэтага аўтар артыкула слушна разважае пра тое, «што Разенталь дазволіў дыктарам вымаўляць гэтыя словы так, як іх вымаўляюць усе нармальныя людзі». Норму Разенталь не памяняў. Яна памянялася стыхійна. Свядома ж была абноўлена кадыфікацыя

нормы літаратурнай мовы. Менавіта яна, кадыфікацыя, і павінна служыць захаванню культурнай спадчыны нацыі. Падобныя выпадкі ў мовах на кожным кроку: толькі праз сваё папярэдняе функцыянаванне норма можа дамагчыся кадыфікацыі. (У нашай жа традыцыі рэдактары будуць гадамі крэсліць аўтару нарматыўную форму слова *шэраг* у родным склоне з канчаткам *-у* «для шэрагу выданняў», выпраўляць на *шэрага!*)

Фёдар Міхайлавіч Янкоўскі. Некалькі слоў пра выбар арфаграфічнай нормы. Вучонага ўжо даўно няма, але яго беларуская навука жыве. Жыве і цудоўная кніжачка «Само слова гаворыць». Што яно, гэтае гаваркое слова, нам скажа наконт выбару арфаграфічнага моўнага сродку, вакол якога няма адзінай думкі. Чытаем у Ф. М. Янкоўскага: «Атрымаў з Полацка кніжку, але ў той дзень не паспеў пагартаць, нават прабегчы вачыма прадмову. Спяшаўся. Трэба было трапіць на нараду: будзе абмяркоўвацца, як быць са скланеннем два і дзве… *Двух* сталоў і *дзвюх* дошак, *двух* братоў і *дзвюх* гадзін. Усё і ўсім, нават блытанікам, зразумелае. Свой *род*, свая *форма*: два сталы – двух сталоў, а дзве дошкі – дзвюх дошак. А далей? Пытанне: дзвюх ліній, а як «двухлінейная»? Дзвюх гадзін, але двухгадзінная?

Тое самае становіцца ўжо нібы *не тым самым*. Спрачацца тут як бы няма чаго, няма за што. Сама элементарная логіка магла спыніць спрэчку» [6, с. 194]. Кніга выдадзена ў 1986 г., а значыць ужо тады не ставала вучоным «элементарнай логікі»?

На жаль, чытаю новае правіла: «У складаных словах, утвораных ад лічэбніка ў форме роднага склону і іншага слова, першая частка пішацца так, як яна пішацца ў родным склоне лічэбніка» [3, с. 8]. Сярод шэрагу (не шэрага!) прыкладаў ёсць слова *саракапяцітонны*, г. зн. можа быць і *пяцітонны* і *пяцітонка*, дзе другая частка паходзіць ад назоўніка жаночага роду *тона*, а першая частка – родны склон лічэбніка. Вывад: р. скл. лічэбніка – дзвюх + іншае слова тонны, тонка) – дзвюхтонны, як і пяцітонны. «Элементарная логіка», але некаторыя вучоныя моўчкі абыходзяць яе. Альбо запішуць у выключэнні, толькі невядома, з якога правіла. Шкада, што нашыя студэнты не надта сябруюць з названай кнігай вучонага-класіка ў галіне беларускай мовы. (Таму замест слова *галіна* і выбіраюць слова *вобласць.*)

Не першы раз даводзіцца мне рэзюмаваць сутнасць сваіх даследчых намаганняў словамі настаўніка творчай моладзі, пісьменніка,

журналіста, рэдактара М. Горкага: «Я ведаю, што гэта незасвоенае». Можа, настаў ужо час аб'яднаць нам свае намаганні менавіта на карысць нацыянальнай культуры, з аднаго боку, і на карысць свайго ўласнага «лінгвістычнага капіталу» – з другога.

Літаратура

1. Гессен, Д. Большой польско-русский словарь / Д. Гессен, Р. Стыпула. – Москва – Варшава: Изд-во «Советская энциклопедия», государственное издательство «Везда Повшехна», 1967. – 1344 с.

2. Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – 441 с.

3. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі: зацверджаны Законам Рэспублікі Беларусь ад 23 ліпеня 2008 г. № 420–3. – Мінск: Дыкта, 2009. – 159 с.

4. Толстой, И. В. Не могу молчать: семантико-стилистический анализ статьи Л. Н. Толстого / И. В. Толстой; под ред. С. В. Светана-Толстой // Журналистика и культура русской речи. Вып. 10. К 70-летию проф. И. В. Толстого / гл. редактор С. В. Светана-Толстая. – М., 2000. – 74 с.

5. Цікоцкі, М. Я. Урокі моўнага майстэрства: стылістычныя назіранні над паэзіяй і мастацкай прозай Янкі Купалы і Якуба Коласа: дапаможнік / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 88 с.

6. Янкоўскі, Ф. Само слова гаворыць: філал. эцюды, абразкі, артыкулы / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1986. – 318 с.

Уладзімір Касько
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

НАРОДНЫЯ МУДРАСЛОЎІ
(да пытання вывучэння беларускай парэміялогіі)

Беларусы ўсе факты, усе выпадковасці чалавечага жыцця, усе учынкі: як добрыя, так і кепскія, падводзяць пад мерку сваіх прыказак. Старыя прыказкамі навучаюць дамачадцаў быць паважлівымі да старэйшых, быць беражлівымі, ахайнымі, працалюбівымі і паблажлівымі да блізкіх. Прыказкамі... выпраўляюць недахопы, суцяшаюць у смутку, смяшаць і нават у тых, хто плача, выклікаюць усмешку. Насмешлівых і жартоўна-сатырычных прыказак ёсць вельмі многа ў беларускай мове.

І. І. Насовіч

У фальклоры выгадна вылучаюцца прыказкі і прымаўкі. Яны ярка і шматгранна адлюстроўваюць багаты працоўны і жыццёвы вопыт народа, яго псіхалогію, маральна-этычныя і эстэтычныя ідэалы. Першыя ўпамінанні пра беларускія прыказкі і прымаўкі сустракаюцца ў помніках XII ст., у прыватнасці ў Пачатковым рускім летапісе і асабліва ў помніках XVI–XVII стст. Умела выкарыстоўваў залацінкі народнай мудрасці беларускі грамадскі дзеяч, асветнік, аршанскі стараста Філон Кміта-Чарнабыльскі ў вядомых «Допісах» (1573–1574). Сустракаюцца яны ў помніках беларускай палітычнай сатыры XVII ст.: «Прамове Івана Мялешкі, кашталяна смаленскага», а таксама ў «Лісце да Абуховіча».

У 1618 г. ураджэнец Беларусі С. Рысінскі надрукаваў у мястэчку Любча на Нёмане (цяпер Навагрудскі раён) зборнік «Польскія прыказкі», куды ўвайшлі звыш 1800 тэкстаў. Быў сярод іх і беларускі матэрыял.

І ўсё ж прынята лічыць, што першыя публікацыі беларускіх прыказак належаць А. Рыпінскаму – беларускаму эмігранту, які жыў у Францыі. У 1840 г. ён надрукаваў кнігу «Беларусь», дзе змясціў 50 прыказак, што захаваліся ў яго памяці. У рускім друку беларускія прыказкі і прымаўкі ўпершыню з'явіліся ў 1844–1845 гг. В. Васільеў апублікаваў на старонках пецярбургскага часопіса «Маяк» (т. XV, XII, XXIII) 75 тэкстаў.

Збіралі і друкавалі парэміялагічныя творы таксама Я. Чачот, Я. Тышкевіч, П. Шпілеўскі, А. Кіркор. Цікавая дэталь – збіральнікі фальклорных залацінак вывучалі народную творчасць большасці рэгіёнаў Беларусі. Да Шпілеўскага, які збіраў матэрыялы па ўсёй яе тэрыторыі, далучыўся М. Анімеле. Ён сабраў у Віцебскай губерні каля 100 прыказак і прымавак, якія былі выдадзены Рускім геаграфічным таварыствам. Звыш 150 прыказак, сабраных навучэнцамі Маладзечанскай настаўніцкай семінарыі, надрукаваў у сваім зборніку П. Гільтэбрант, каля 70 тэкстаў запісаў у Пружанскім павеце Гродзеншчыны Ф. Варажбіцкі.

Высока ацаніла навуковая грамадскасць «Сборник белорусских пословиц» І. І. Насовіча, які ўбачыў свет у 1874 г. Ён уключаў у сябе 3715 запісаў, зробленых у розных кутках Беларусі, адрозніваўся ад многіх іншых колькасцю матэрыялаў, дакладнасцю рэгіянальнага вымаўлення прыказак, чаму садзейнічалі неабходныя надрадковыя знакі. Аўтар паслядоўна раскрыў змест кожнай прыказкі, падрыхтаваў да кнігі тлумачальны слоўнік незразумелых слоў і выразаў.

У 1880–1890-я гг. з’явіліся новыя публікацыі прыказак і прымавак, якія хаця і ўступалі па колькасці зборніку Насовіча, але былі не менш каштоўнымі па змесце і мастацкіх вартасцях. Сярод іх вылучаюцца зборнік прыказак, прымавак і загадак Я. Ляцкага, запісы В. Дыбоўскага з Навагрудскага павета (звыш 700 тэкстаў) і З. Радчанкі з Гомельшчыны (83 тэксты).

Па колькасці сабраных і апублікаваных прыказак і прымавак пальма першынства па праву належыць М. Федароўскаму, які запісаў каля 28 000 тэкстаў. У чацвёртым томе яго фундаментальнай працы «Люд беларускі» змешчана каля 10 000 прыказак і іншых матэрыялаў.

Звыш 3000 прыказак, прымавак і блізкіх да іх устойлівых выразаў утрымлівае трэцяя частка «Смоленского этнографического сборника» У. М. Дабравольскага (Санкт-Пецярбург, 1894).

Не абыйшоў увагай парэміялагічную спадчыну народа і Е. Р. Раманаў. У яго знакамітым «Беларускім зборніку» (Кіеў, 1886) пад рубрыкай «Прыказкі, прымаўкі, апісальныя выразы» надрукаваны больш за 700 тэкстаў гэтага жанру. Сустракаюцца прыказкі і ў іншых яго працах. Ведалі цану жамчужынам народнай мудрасці, ахвотна запісвалі і друкавалі іх П. В. Шэйн, Д. Г. Булгакоўскі, М. Я. Нікіфароўскі.

Важны ўклад у парэміялагічную скарбонку ўнёс А. К. Сержпутоўскі. На працягу многіх гадоў Аляксандр Казіміравіч збіраў і запісваў народную фразеалогію, у тым ліку прыказкі, прымаўкі, выслоўі і г. д. Падрыхтаваная ім машынапісная праца «Прыказкі і прымаўкі беларусаў (Матэрыялы да вывучэння творчасці беларусаў і іх мовы)» утрымлівала 10 000 тэкстаў і па колькасці запісаў пераўзыходзіла самыя буйныя дарэвалюцыйныя парэміялагічныя зборнікі.

«У літаратуры маецца ўжо цэлы шэраг добрых зборнікаў беларускіх прымавак, – гаварыў ён. – Зборы Дабравольскага, Шпілеўскага, Ляцкага, Насовіча, калектыўныя зборнікі, надрукаваныя ў працах Шэйна і Гільтэбранта, а таксама шэраг старажытных, маладаступных зараз зборнікаў Чачота, Дзмітрыева, Мальчэўскага і іншых. Зборнік Сержпутоўскага пераўзыходзіць усе гэтыя зборнікі багаццем матэрыялу, сістэмна сабранага ў адной пэўнай мясцовасці і запісанага з захаваннем фанетычных асаблівасцей мясцовых гаворак», – пісаў у сваёй рэцэнзіі на зборнік акадэмік Д. К. Зяленін (Отзыв д. чл. Д. К. Зеленина о трудах А. К. Сержпутовского. Очет Имп.

Рус. Георг. О-ва за 1908 г. Санкт-Петербург, 1909. Приложение к отчету, л. 19).

Увесь фактычны матэрыял у зборніку быў размешчаны ў алфавітным парадку паводле пачатковай літары першага слова. Зяленін аднёс гэта да недахопаў навуковай працы. Улічваючы той факт, што беларуская лексікалогія ўяўляла сабой амаль некрануты пласт, з якім зусім была незнаёма навуковая грамадскасць Расіі і Еўропы, вучоны раіў Сержпутоўскаму істотна пашырыць слоўнік, пазнаёміць чытача з прыгожай сакавітай народнай мовай, указаць канкрэтны адрас (вёску, прыход, павет), дзе запісаны пэўны твор, распрацаваць сучасную класіфікацыю прыказак і прымавак. На думку Зяленіна, варта было не толькі ўказаць на запазычанасць асобных слоў, выразаў, але і падкрэсліць, што пэўнае слова, прыказка, прымаўка бытуюць толькі ў гэтым рэгіёне.

Высока ацаніў Зяленін і дадатак да слоўніка аб'ёмам у 158 старонак машынапіснага тэксту, які тлумачыў спіс і значэнне асобных слоў і выразаў многіх прыказак і прымавак. Акадэмік выказаўся за тое, каб пасля дапрацоўкі зборнік Сержпутоўскага быў надрукаваны на сродкі Рускага геаграфічнага таварыства ў адным з навуковых выдавецтваў Пецярбурга або ў «Виленском временщике». Па яго прапанове аддзяленне этнаграфіі РГТ прысудзіла А. К. Сержпутоўскаму малы залаты медаль.

У 1926 г. Інбелкульт меў намер выдаць зборнік, аднак па невядомай прычыне ён не быў апублікаваны. Машынапісны экзэмпляр зборніка аказаўся ў архіве секцыі этнаграфіі і фальклору Інстытута гісторыі АН БССР. У час вайны рукапіс разам з акадэмічным архівам быў вывезены нямецка-фашысцкімі акупантамі ў Германію.

У 1946 г. сярод матэрыялаў радыёкамітэта, вернутых на радзіму, была знойдзена і частка зборніка Сержпутоўскага. Захаваліся машынапісныя старонкі 1–99 і 127–186, якія ўтрымліваюць каля 5 200 прыказак, прымавак, выслоўяў. Уцалелі таксама тытульны ліст з указаннем назвы працы «Прыказкі і прымаўкі беларусаў» і прадмова «Ад збіральніка». На першай старонцы рукапісу стаіць афіцыйны штамп з указаннем друкаваць работу тыражом 500 экзэмпляраў.

У прадмове Сержпутоўскі піша, што ў зборнік трапілі прыказкі і прымаўкі, запісаныя ім у канцы XIX ст. у Беларускім Палессі – паўднёвай частцы Слуцкага павета і паўночнай частцы Мазырскага павета Мінскай губерні. У большасці сваёй інфарматарамі былі пажылыя жыхары вёсак Чудзін, Будча, Колкі, Дзяніскавічы, Гаўрыль-

чыцы, Вялікі Рожан, Малы Рожан, Мазалі, Папоўцы, Люнговічы, Старчыцы, Бучацін Слуцкага павета і Камаровічы, Бобрык, Лучыцы, Навасёлкі, Убібацька, Гарадзячыцы Мазырскага павета. Пры гэтым асаблівая ўвага ў час запісаў удзялялася дакладнай перадачы тэкстаў, вымаўленню асобных гукаў. Навуковай каштоўнасці працы садзейнічаў фанетычны спосаб пісьма.

Былыя супрацоўнікі А. К. Сержпутоўскага сцвярджалі, што ў справаздачах аб навуковай дзейнасці вучоны ўказваў далёка не ўсе напісаныя ім працы. Так, А. С. Бяжковіч расказаў аўтару гэтых радкоў, што на рабочым стале Аляксандра Казіміравіча бачыў невялікі зборнік прыказак і прымавак, запісаных рукой Сержпутоўскага. Жонка А. Супінскага, які працаваў разам з Сержпутоўскім у беларускім аддзеле Дзяржаўнага музея этнаграфіі народаў СССР, успамінала, што Аляксандр Казіміравіч не раз чытаў у іх кватэры ўласныя запісы песень, прыводзіў па памяці мноства арыгінальных прыказак, выслоўяў, загадак, якія, па яго словах, павінны былі неўзабаве ўбачыць свет. Усё гэта наводзіла на думку, што недзе могуць захоўвацца яшчэ невядомыя працы Сержпутоўскага. І сапраўды, знаёмячыся з асабістым архівам Я. А. Ляцкага ў Інстытуце рускай літаратуры (Пушкінскі дом) у Санкт-Пецярбургу, аўтар гэтых радкоў звярнуў увагу на сшытак з надпісам: “Сержпутовский А. Белорусские пословицы и поговорки, записанные в Мозырском уезде”.

У сшытку рукой А. К. Сержпутоўскага ў алфавітным парадку запісаны 493 прыказкі і прымаўкі з захаваннем асаблівасцей мясцовай гаворкі. Спачатку падумалася, што знойдзены сшытак з’яўляецца часткай зборніка «Прыказкі і прымаўкі беларусаў». Пасля супастаўлення тэкстаў высветлілася, што перад намі самастойная праца: супадалі толькі 58 тэкстаў.

Незразумела, чым выклікана складанне асобнага невялікага зборніка прыказак і прымавак, запісаных у Мазырскім павеце, і чаму яны не былі ўключаны ў агульны зборнік, падрыхтаваны да друку. Меркаванні, што да друку былі адабраны найбольш яркія тэксты, беспадстаўныя. Прыказкі і прымаўкі, запісаныя ў мазырскім сшытку, па сваіх ідэйна-мастацкіх якасцях не толькі не ўступаюць адабраным для апублікавання, а ў некаторай ступені нават пераўзыходзяць іх. Думаецца, што ўключыць у зборнік новыя матэрыялы не дазволіў аб’ём рукапісу, вызначаны выдавецтвам.

Як сведчыць перапіска А. К. Сержпутоўскага з кіраўніцтвам Інбелкульта адносна выдання яго прац, яму неаднаразова даводзілася

скарачаць свае матэрыялы. Магчыма і такое: мазырскі сшытак Сержпутоўскі збіраўся выдаць невялікім лакальным зборнікам.

Характар матэрыялаў, змешчаных у абодвух зборніках А. К. Сержпутоўскага, прыналежнасць іх да аднаго і таго ж палескага рэгіёна даюць падставы прымяняць агульны падыход да аналізу прыказак, прымавак, іншых афарыстычных твораў. Пры гэтым адзначым цікавую дэталь: у разглядаемым машынапісным варыянце яны згрупаваны па тэматычных рубрыках, пададзеных у алфавітным парадку: «Абавязак», «Абмаўленне», «Абяцанне», «Адзінота» і г. д. Асобныя словы, паняцці маюць тлумачэнні, якія даюцца пасля слоў у дужках. У прадмове пералічаны назвы населеных пунктаў, дзе вучоны рабіў свае запісы.

Прынцып класіфікацыі парэміялагічнага матэрыялу па асноўных паняццях і тэмах варта лічыць больш дасканалым, чым прынцып Адальберга і Федароўскага, якія сістэматызавалі матэрыял па апорным слове тэксту. Прыказкі Сержпутоўскага давалі шырокае ўяўленне аб шматлікіх баках вясковага жыцця, аб норавах, звычаях, маралі, занятках беларусаў-палешукоў. У рубрыцы «Земляробства», напрыклад, многа прыказак-прыкмет, абагульняючых шматвекавы гаспадарчы вопыт земляроба: *«Без догляду зямля – круглая сірата», «У сошкі залатыя рожкі».*

Прыказкі і прымаўкі пад рубрыкай «Бяда» малююць гаротны стан сялян, якія жылі ў голадзе і жабрацтве: *«Бяда бы дуда: пачне дуць, аж слёзы бягуць», «То не бяда, што ў жыце лебяда, няма горшай бяды, як ні жыта, ні лебяды», «Бяда ўсюды знойдзе», «Адкуль толькі тое ліха бярэцца, калі кепска жывецца».*

Класіфікацыя прыказак і прымавак, прапанаваная Сержпутоўскім, хаця і мела шэраг пераваг перад алфавітным размяшчэннем матэрыялу, у той жа час таксама не магла лічыцца дасканалай. Матэрыялы многіх рубрык былі падобнымі па тэмах, змесце, не вытрымлівалася гістарычная паслядоўнасць у развіцці прыказак і прымавак і функцыянальнае значэнне іх асобных катэгорый. На нашу думку, мэтазгодна карыстацца класіфікацыяй па асноўных сферах жыцця і быту народа, з якімі творы гэтага жанру непасрэдна звязаны.

Значнае месца ў абодвух зборніках займаюць прыказкі пра зямлю-карміцельку: *«Хто поле троіць, той хлеб кроіць», «Без догляду зямля – круглая сірата», «Не зважай на ўраджай, а жыта сей»,*

«Уміраць збірайся, а поле пашы». Яны цесна звязаны з народнай метэаралогіяй і народным календаром: *«Дзе валошка, там хлеба крошка», «Рэпу ды гарох не сей каля дарог», «Мокры май – жыта як гай», «Без прыкмет не будзе хлеба на абед»*.

Аднак селянін разумеў, што лёс ураджаю перш за ўсё залежыць ад яго працы, адсюль прыказкі, якія праслаўлялі працавітага чалавека: *«Дзе гаспадар ходзіць, там жыта родзіць», «Хто ў дождж косіць, той у пагоду награбе», «Работа хлеб салодзіць»*, *«Работа чалавека лечыць»,* і, наадварот, прыказкі, якія асуджалі ленасць, гультайства: *«Не за сваё дзела не бярыся»*, *«Менш гавары, ды больш рабі»*.

Многія прыказкі прысвечаны народным рамёствам: *«Навучыўся сам – навучы іншых», «Што ўмець – за плячыма не насіць»*.

З асаблівай павагай адносіўся беларускі селянін да прафесій швачкі, каваля: *«Не ўмееш шыць золатам, дык куй молатам»*, «*У каваля рукі па локці ў золаце»*. Адносіны да працы вызначалі, на думку народа, маральнае аблічча чалавека. Працавітасць, павага да прафесіі выступаюць у прыказках і прымаўках як катэгорыі прыгожага, узвышанага.

Сярод прыказак і прымавак, аднесеных да раздзела «Грамадскае жыццё», асаблівай вастрынёй вылучаюцца творы, накіраваныя супраць царскага самадзяржаўя, памешчыкаў, рэлігіі: *«Надзеў ярмо, ды не скінеш»*, *«Ярмо лёгкае, а цяжка»*. Пад ярмом падразумяваўся сацыяльны прыгнёт.

Прыказка, як чуйны барометр, адзывалася на ўсе з'явы палітычнага жыцця. Свае адносіны да зямельных рэформ, ад якіх выйгрывалі памешчыкі і буйныя землеўладальнікі, народ трапна выказаў у прыказках: *«Кося, кося, каб толькі злавіць удалося»*, *«Кося, кося, у аглоблю, дам аброку, а там другою па боку»*.

Насуперак сцвярджэнням асобных рэакцыйных дэмографаў аб тым, што беларускі народ, як ніякі іншы, верыў у добрага цара, народная мудрасць гаварыла: *«Горшага пекла няма, як тут»*, *«Брадзяга – усяму свету знявага, а сволач – цару помач»*.

Спецыфікай беларускага парэміялагічнага матэрыялу можна растлумачыць і наяўнасць у зборніках Сержпутоўскага прыказак і прымавак, якія высмейвалі паноў і памешчыкаў. Аналагічная рубрыка не сустракаецца нават у фундаментальных зборніках рускіх прыказак.

Вострая сатыра на паноў праяўляецца ў самых, на першы погляд, нечаканых словазлучэннях: *«Свіння ў балоце, як пан у злоце», «Пан*

багаты – яму добра, сабака калматы – яму цёпла». Параўноўваючы ганарлівых паноў з сабакам і свіннёй, у прыказцы падкрэслівалася нянавісць сялян да сваіх прыгнятальнікаў, жаданне высмеяць іх. Створаныя ў перыяд прыгоннага права і паслярэформенны час, многія прыказкі і прымаўкі сведчаць пра жорсткасць і бесчалавечнасць памешчыкаў і паноў, заклікаюць не верыць у іх дабрыню: *«Пан мякка сцеле, ды спаць колка», «У пана ласка па парог».* У некаторых прыказках утрымліваецца прамы заклік да непадначалення ўладам: *«Знойдзем дубінку і на панскую спінку», «Хто гнецца, таго і гнуць».*

«Магчыма, ні ў адной з форм моўнай творчасці народа з такой сілай і так шматгранна не праяўляецца яго розум, так крышталёва не адкладваецца яго нацыянальная гісторыя, грамадскі лад, быт, светапогляд, як у прыказках», – пісаў М. Шолахаў. Гэтыя словы адносяцца і да беларускіх прыказак і прымавак зборнікаў А. Сержпутоўскага.

Жыццёвую мудрасць, вопыт утрымліваюць прыказкі і прымаўкі, у якіх размова ідзе пра чалавечую этыку, выхаванне дзяцей: *«Які палец ні ўкусі, аднолькава баліць», «Без дзяцей ціха, ды на старасці ліха», «Вінавата хата, што спесціла Ігната», «Палажы госцю ячную лусту, а не пшанічнае слова».*

Прыказкі і прымаўкі са зборнікаў Сержпутоўскага вызначаюцца незвычайнай дасканаласцю мастацкай формы. Сярод шматлікіх выяўленча-выразных сродкаў даследчыкі вылучаюць параўнанні, якія маюць самыя разнастайныя формы выражэння. Самымі распаўсюджанымі з іх з'яўляюцца злучнікі *як, каб, што, быццам, то, але, бы* і г. д.: *«Тады хіба перастане, як сарока белай стане», «Трэба быць без галавы, каб гэта зрабіць», «Варочаецца, бы мядзведзь».* Але сустракаюцца і бяззлучнікавыя канструкцыі: *«Гразь не сала – пацёр дык і адстала», «Хто маўчыць – трох навучыць», «Як ні круці – трэба ўмярці».*

Часта параўнанні выражаюцца ў форме сінтаксічных паралеляў: *«У старцы пугаю не выганіш, а са старцаў мёдам не вымaніш».*

У прымаўках параўнанні сустракаюцца яшчэ часцей, чым у прыказках. І вось чаму. Калі ў прыказках заўсёды робяцца нейкія абагульненні, вывады, сустракаюцца павучанні, то роля прымавак іншая. Іх прызначэнне – упрыгожыць мову, зрабіць яе яркай, вобразнай, запамінальнай. Яны лагічна ўпісваюцца ў канву літаратур-

ных твораў, становяцца іх часткай: *«Зімой Бог мосціць, а ўлетку высыхае, той бродзік можна перайсці», «Зямля такая, што пасадзі дзіця, дык і тое вырасце».*

Прымаўка бліжэй да жыцця, людзей. Калі прыказкі маюць абагульняльны, універсальны характар, то прымаўкі падкрэсліваюць наяўнасць нейкай падзеі, указваюць на аб'ект – чалавека, жывёлу, хаця прысутнасць апошніх не заўважаецца: *«Не па Сеньку шапка», «Пусціўся Мікіта на валакіту», «На бязлюддзі і Саўка чалавек».*

Параўнанні ў прымаўках носяць лакалізаваны характар, дапаўняюць характарыстыкі мясцовасцей, персанажаў, даюць ім ацэнкі: *«Свіслач – рэчка невялічка», «Крукам носа не дастанеш».*

Прымаўка малюе партрэт чалавека, перадае яго псіхалагічны стан: *«Ловіць слова на ляту», «На печы ляжыць і не думае тужыць», «На той час і розум адняло», «Няма да каго прыгарнуцца, прыхіліцца»*, дае ацэнку яго дзеянням, учынкам: *«Харошы чалавек – адразу відаць», «Сам анёл з неба», «Ён гэтым сабе голаў скруціць», «Рукам волю не давай».*

Параўнанні ў прымаўках выражаюць сацыяльны аспект праз абагульненні: *«Не дзівіся: сёння давялося мне, заўтра – табе», «З голага няма чаго ўзяць», «Сірата сіраце жаліцца ў бядзе».* Дзякуючы гэтай функцыі, яны па свайму зместу набліжаюцца да прыказак.

Вялікая роля ў прыказках і прымаўках належыць рыфме, якая спрыяе вобразнасці, запамінальнасці твора: *«На Іллю наллю перапеч поўну печ», «Любіш спаць – любі і слаць».*

Шырокае ўжыванне рыфмы ў парэміялагічных творах, на думку А. К. Сержпутоўскага, тлумачыцца танічнай уласцівасцю беларускай мовы, дзякуючы чаму націск у словах не мае пастаяннага месца, як гэта назіраецца ў французскай мове. Акрамя таго, нескладовыя *ў,* якія стаяць пасля галосных гукаў, даюць магчымасць размяшчаць словы так, каб атрымліваўся вершаваны размер. Адсюль – напеўнасць, меладычнасць, прыгажосць беларускай мовы.

У той жа час вучоны сцвярджае, што толькі таленавіты апавядальнік можа з усімі адценнямі, на якія здатна народная мова, данесці да слухача той ці іншы вусна-паэтычны твор, дадаючы ад сябе розныя падрабязнасці, упрыгожваючы іх рыфмамі, рознымі тропамі і фігурамі.

У зборніках акрамя прыказак і прымавак ёсць гумарэскі, каламбуры і іншыя кароткія, часцей гумарыстычныя і сатырычныя творы.

У іх адлюстраваны розныя бакі жыцця і быту беларускага селяніна: *«Сёння паабедаем, а як заўтра – не ведаем»*, *«Мае бацькі добра жылі, а я лепш: у іх хлеб ёсць, а солі няма, соль ёсць, то хлеба няма, а ў мяне ні хлеба, ні солі»*.

Большасць прыказак і прымавак у кнігах А. К. Сержпутоўскага маюць эстэтычную грамадзянскую каштоўнасць, уносяць значны ўклад у беларускую і сусветную фалькларыстыку. Заслуга вучонага ў тым, што ён захаваў для нашчадкаў скарбы народнай мудрасці беларусаў.

Наталья Клушина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

НЕПРЯМОЕ ИНФОРМИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Современная российская медиакоммуникация не является однородной. Сегодня она представлена тремя основными типами дискурсов: информационным, публицистическим и развлекательным, различающимися своей интенциональностью, коммуникативными стратегиями и тактиками порождения текстов, а также перлокутивным эффектом, направленным на адресата. Журналистская практика рассчитана на самые широкие слои населения, на массового адресата. Тем не менее массовость не означает однородность аудитории. Адресант медиадискурса создает свои произведения с четкой ориентацией на «своего» адресата – вдумчивого, анализирующего (адресат качественных СМИ) или, наоборот, «легкого» читателя желтой прессы. Поэтому для реализации своей интенции в каждом из обозначенных типов дискурса (интенции информирования, убеждения или развлечения) адресант использует различные коммуникативные стратегии воздействия.

Возникшая в перестройку тенденция критического отношения лингвистов к СМИ как средству манипуляции общественным сознанием, открытого обмана, подавления чужого мнения сегодня неправомерна. В постперестроечной массовой коммуникации сформировался сектор качественных изданий различной идеологической направленности («Новая газета», «Московские новости», «Российская газета», «Новые известия», «Коммерсантъ» и др.). Эти издания де-

монстрируют уважительное отношение к своему адресату, предоставляя ему качественную информацию и аналитику без эпатажа и девиантности в использовании языковых средств. Поэтому экстраполяция на весь современный медиадискурс негативных черт, свойственных только желтой прессе (например, выделение в качестве доминирующих стратегий гедонизма, секуляризации, манипуляции и других негативных явлений), приводит к неоправданной демонизации СМИ в ущерб объективности научного исследования. Напротив, сегодня рассчитанные на различную аудиторию СМИ демонстрируют специфический набор стратегий и тактик в современной медиакоммуникации. И наиболее характерной особенностью языка качественных СМИ становится его интеллектуализация, в первую очередь за счет использования косвенных речевых актов, то есть непрямой коммуникации, предполагающей активное участие адресата в декодировании послания адресанта.

В лингвистической прагматике под косвенным речевым актом понимают такой тип высказывания, при котором воздействие на слушателя осуществляется опосредованно.

Современные российские лингвисты рассматривают косвенные речевые акты как составляющие теории речевых актов (родоначальниками которой являются Дж. Л. Остин и Дж. Р. Серл). И. П. Сусов определяет *косвенный / небуквальный речевой акт* как «речевой акт, в котором друг другу противостоят иллокутивная сила, присущая произносимому предложению и независимая от контекста использования, и иллокутивная сила, которую говорящий вкладывает в это высказывание, намереваясь побудить адресата принять и понять его действительное коммуникативное намерение. На контекстуально независимую иллокуцию ориентирована экспликатура. А привлечение контекста, знание конститутивных правил и прагматических принципов (прежде всего, принципа кооперации) позволяет вычислить импликатуру» [3, с. 238].

Развивая теорию непрямой коммуникации, В. В. Дементьев вводит понятие *косвенный речевой жанр*: «Предлагаемый нами термин-понятие «косвенный речевой жанр», с одной стороны, очевидным образом пересекается с термином-понятием «косвенный речевой акт», что дает возможность жанроведам эффективно использовать достижения теории речевых актов. С другой стороны, данные понятия значительно расходятся. Косвенные речевые акты всегда соотноси-

мы с «прямыми» речевыми актами, обычно высококонвенциональны (последняя стадия развития для косвенных речевых актов – грамматикализация) и воплощают скорее семиотическое, чем семантическое начало в языке (в терминологии Э. Бенвениста). Единственная возможность множественной интерпретации в косвенных речевых актах имеет по сути формальный характер и является скорее теоретической, чем реализуемой на практике» [1, с. 260].

Отталкиваясь от основных идей теории речевых актов, В. В. Дементьев пытается разграничить косвенный речевой акт и косвенный речевой жанр: «1) Речевой акт – действие, речевой жанр – имеет количественно и качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом; 2) в центре внимания теории речевых актов – грамматика языка (предложение), теории речевых жанров – речевая коммуникация и функциональный стиль; 3) теория речевых актов по своей сути монологична. Теория речевых жанров диалогична (социологична)» [1, с. 260].

В. В. Дементьев предлагает к косвенным речевым жанрам относить флирт, шутку, светскую беседу, колкость, розыгрыш и др. При таком подходе речевой жанр оказывается шире понятия «речевой акт», но в то же время речевой жанр и традиционный жанр как способ реализации конкретного стиля также не совпадают.

Еще шире косвенность понимает И. М. Кобозева: «В широком смысле косвенным можно назвать всякий коммуникативный акт, как речевой, так и невербальный, действительная цель которого не выражена явно. При такой трактовке вставание одного из собеседников из-за стола можно рассматривать как косвенный коммуникативный акт информирования адресата о том, что разговор окончен» [2].

Несмотря на несовпадение понятий *косвенный речевой акт – косвенный речевой жанр – косвенный коммуникативный акт*, тем не менее основой каждого из них является небуквальное выражение смысла.

Непрямая коммуникация в СМИ имеет *двойственную* природу. К косвенным речевым актам относят *метафору*, *иронию, эвфемизм, намек* и т. п., то есть любой лингвистический способ непрямого информирования. С одной стороны, подобные косвенные речевые акты являются риторико-стилистическими приемами оформления мысли, то есть «техническими» средствами создания текста, и закономерно относятся к области риторики и стилистики. С другой стороны, кос-

венные речевые акты составляют суть прагматического воздействия на адресата и служат не *оформлению* мысли, а ее *выражению*. И с этой точки зрения непрямая коммуникация в СМИ – это особый способ «сотрудничества» с адресатом, так как непрямая коммуникация требует определенных усилий от адресата, декодирующего скрытый смысл послания адресанта.

Интенция побуждения адресата к определенным действиям (в том числе и речемыслительным) в косвенном речевом акте имплицитна. Адресат при декодировании высказывания не всегда может распознать заданный адресантом «правильный смысл». Именно поэтому косвенные речевые акты *нетипичны* для масс-медийного дискурса, в котором детерминируется однозначная интерпретация предложенного массовому читателю сообщения.

Тем не менее современный российский медиадискурс дает примеры косвенной коммуникации. Косвенные речевые акты как особый способ прагматического воздействия на адресата, по нашим наблюдениям, наиболее востребованы в печатных СМИ. Современные исследователи говорят о двухуровневой организации медийного текста (Т. В. Кузнецова, А. А. Негрышев и др.), при которой журналистский текст является структурной единицей макротекста (включающего, помимо собственно текста, такие структурные единицы, как заголовок, лид, врезка, фотография). Небуквальное выражение авторской интенции часто «прячется» в семантическом «зазоре» между структурными компонентами медиатекста. Например, авторская негативная интенция в рецензии Юлии Бедеровой на постановку в Большом театре оперетты Иоганна Штрауса «Летучая мышь» (Время новостей, 2010, № 42) раскрывается только в сопоставлении текста рецензии, оформленном в подчеркнуто нейтральной стилистической тональности, с цитатным заголовком «**За что, за что, о боже мой!** *В Большом театре ставят оперетту*»: «В среду в главном театре страны начинается премьерная серия показов новой постановки оперетты Иоганна Штрауса. Постановочная команда во главе с молодым режиссером Василием Бархатовым (в активе – несколько названий в Мариинском театре) объяснила на презентации, что «Летучая мышь» сегодня входит в репертуар самых известных оперных театров и фестивалей, а также в сферу интересов самых амбициозных и авторитетных режиссеров…».

Еще одним примером использования непрямого информирования может послужить рецензия Алены Солнцевой на фильм «Али-

са в стране чудес» (Время новостей, 2010, № 33): «**Ужель та самая Алиса?** *Фильм Тима Бертона выходит на экраны*)», где в заголовке с помощью контаминации прецедентного выражения и прецедентного имени, включенных в вопросительную конструкцию (которая сама по себе является частотной формой выражения небуквального смысла), спрятана основная информация, эксплицированная затем автором в самом тексте: «Совсем скоро, 4 марта, долгожданный фильм Тима Бертона «Алиса в стране чудес» выходит у нас в прокат. Фильм сделан в модном формате 3D, но если честно, то смотреть его в таком виде совершенно необязательно, разве что вы уж очень любите именно трехмерное кино. <…> И еще одно. Несмотря на поставленные в титрах на месте авторов сценария две фамилии – Льюиса Кэрролла и Линды Вулвертон, поклонники знаменитой сказки должны быть готовы к тому, что фильм снят, что называется, по мотивам. В нем известные по книге персонажи – Чеширский кот, Тру-ля-ля и Тра-ля-ля, Шляпник, Кролик и Гусеница, но история, в фильме рассказанная, не имеет отношения ни к философии Кэрролла, ни даже к сюжету его произведений…».

Прагматический эффект непрямой коммуникации в печатных СМИ, на наш взгляд, заключается прежде всего в том, что косвенные речевые акты способствуют усложнению, *интеллектуализации* медийного дискурса, поскольку ориентированы на умного, эрудированного адресата, распознающего скрытый смысл сказанного, поддерживающего интеллектуальную игру (очень часто основанную на прецедентности и апеллирующую к базовым культурным ценностям адресата), предложенную адресантом: «**Мойдодыр. Или твой?** *В суде идет сражение за права персонажа Чуковского».* Предыстория вопроса такова. В 1997 году компания P&G пришла на российский рынок и решила провести ребрендинг порошка «Миф». В качестве бренда выбрали Мойдодыра. Был подписан договор с наследницей Корнея Чуковского, по которому к P&G перешел довольно расширенный объем прав – и на персонаж, и на отрывки из произведения, и на сюжетные ходы. В 2007-м срок договора истек. И уже год продукт творческого труда Корнея Чуковского используется бесплатно…» (Новая газета, 2008, № 52).

Интеллектуализация языка современной качественной прессы, наряду с его визуализацией, способна, как нам кажется, обеспечить конкурентоспособность печати (по сравнению с электронными СМИ)

на рынке информационных услуг. Интеллектуализация современного печатного медиатекста рассчитана на серьезного, вдумчивого читателя, который предпочтет «медленное чтение» скороговорке звучащей речи.

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
2. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ / И. М. Кобозева. – Режим доступа : http://evartist.narod.ru/ text12/08.htm.
3. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница : Нова Кныга, 2009. – 272 с.

Елена Кононова

Белорусский государственный университет

КРОСС-МЕДИА – ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Понижение количественных величин при формировании тиражей газет абсолютно верно доказывает, что в последнее время интерес читателя к печатной продукции ощутимо падает. Это заметно не только на отечественном медиарынке, такая же тенденция характерна для западной модели информационной деятельности. Поэтому коллективы редакций многих принтных изданий разумно торопятся погрузиться в сетевое виртуальное пространство, помимо бумажных версий создавая веб-сайты.

Как успешно взаимодействовать этим изданиям между собой, не создавая друг другу конкуренции; какими навыками должен обладать мультимедийный журналист, чтобы оставаться интересным читателю; как сделать интернет-ресурс популярным, не в ущерб бумажной версии, и наоборот? Все эти вопросы волнуют непосредственно журналистов, а также издателей, владельцев и руководителей информационных ресурсов.

С развитием технического прогресса западная мультимедийная журналистика становится объектом анализа и одновременно направлением, стратегией развития для современных СМИ. В свою очередь, она порождает все новые тактические решения и модели,

предлагает воспользоваться профессиональными открытиями и принять участие в поисках инноваций.

Кросс-медийные технологии.

В последние годы в основном западные газетные компании могли наблюдать, как все больше и больше людей начинали сами создавать локальное содержание – через блоги, социальные сети, видео и другие онлайн-ресурсы. Многие издатели видят большие возможности в предоставлении локального содержания и направленном предложении продуктов и услуг местных бизнесов своим аудиториям с одновременным укреплением своей роли как сердца местных сообществ.

Всемирная газетная и информационно-издательская ассоциация (WAN-IFRA) учредила Премию WAN-IFRA «Кросс-медиа» [1], которой собирается награждать газеты с лучшими локальными кросс-медийными проектами. В 2012 году уже шестой раз премия будет присуждаться газетным компаниям, преуспевшим в распространении уникального содержания и рекламы на всех издательских платформах. Премия WAN-IFRA «Кросс-медиа» открыта для всех проектов: как обслуживающих рынки с населением больше миллиона, так и тех, что работают на рынках с населением меньше тысячи человек. Этот факт отражает появление одного из направлений кросс-медиа, когда медиахолдинги демонстрируют работу интегрированных редакций, где все отделы делают информацию для всех медиа. Это характеризует кросс-медийные технологии, сочетающие массовый охват с индивидуальным подходом к каждому адресату.

Технология кросс-медийных компаний базируется, с одной стороны, на передаче клиенту информации одновременно по нескольким коммуникационным каналам. С другой стороны, созданное при помощи современного программного обеспечения персонализированное сообщение позволяет человеку чувствовать себя в центре внимания. Более того – технология кросс-медийных компаний подразумевает создание индивидуального сайта для каждого клиента с оригинальным контентом.

Четыре кита кросс-медийной компании.

Анализ ряда методических рекомендаций по разработке кросс-медийных компаний, представленных зарубежными агентствами, позволяет сделать заключение, что эта работа включает четыре этапа. Начинается все, естественно, с постановки задачи, определения

аудитории потребителя, которой будет адресована продукция и реакции которой в результате компания намерена добиться.

Второй этап – создание **базы данных**. Если таковая уже сформирована, вполне возможно, что она нуждается в актуализации. С другой стороны, отсутствие собственной базы не является негативным фактором. Существует масса программ – дисконтных, призовых и прочих, уже позволивших аналитическим агентствам собрать добровольно предоставленную информацию по сотням тысяч потенциальных клиентов. Главное в этом вопросе – обратиться к специалистам с четко поставленной задачей.

Гораздо более серьезную работу подразумевает **креатив** и концепция компании в целом, вытекающие из нее наполнение персональных сайтов и контентное содержание. Именно креатив, разработанный в соответствии с целевой аудиторией и задачами проекта, отвечает за то, насколько эффективной будет компания.

Наконец, финальный этап – собственно **реализация** кросс-медийной компании. Эта стадия работ требует специализированного програмного обеспечения и компьютерных мощностей, способных оперативно обрабатывать большое количество информации.

Система кросс-медиа и журналистика.

Мультимедийная журналистика стала основой в реализации новой системы информирования выбранной аудитории посредством кросс-медиа технологий. Это не новые жанры и не новые компьютерные возможности, это новая организация труда. Различают несколько уровней кросс-медиа. Понятие «медиаплатформы» для газет было уже знакомым, и смысл его оставался прежним – информационные носители: печатная газета, веб-сайт, телевидение, радио.

Примером, иллюстрирующим систему реализации кросс-медиа в журналистике, может быть норвежская газета «Budstikka» [2], которая выходит еженедельно в городе Вест-Огдер как одно из 273 изданий самой рейтинговой по обеспечению СМИ стран Европы. Примечательно, что газету, которая делает информацию для района с 160 тысячами населения, читает почти половина жителей. В издании очень хорошо налажена интерактивная связь с читателями, есть отдельная секция, где люди могут разместить собственные репортажи, фотографии. В планах «Budstikka» раздать своим подписчикам электронные книги, чтобы люди могли иметь постоянный доступ к интернет-сайту газеты. Логисты считают эти планы вполне продуктивными, способными окупить затраты.

Прежде всего, успешную работу редакции определяет высокая культура труда, когда каждый думает о том, чтобы коллеги не мешали друг другу. Во-вторых, эффективная организация работы. Если коллеги решили провести тематическое совещание, это можно сделать в комнате для заседаний, их несколько и они разного размера. Если у журналиста ожидается долгий телефонный разговор, то он может перейти в специальную комнату, где имеются компьютер, телефон. Есть еще комнаты для переговоров, когда к вам приходят собеседники. В редакции все двери и перегородки стеклянные, все на виду друг у друга. Но главное не в помещениях и оборудовании.

Издатели газеты предпринимают различные подходы для того, чтобы настроить творческий коллектив на солидарную работу, учитывая специфику обязанностей журналистов. Журналисты должны быть мотивированы на конкретную деятельность в создании и реализации контентного содержания информационного продукта. Хотя не всегда это получается. Прежняя психология разделения газетных журналистов от веб-журналистов, радийщиков, от телевизионщиков не преодолена, каждый из цехов может припрятать информацию от коллег (не отдать на сайт, беспокоясь о газетной новизне) или переключиться на другую платформу. С этим борются, проводят учебы, тренинги. В трудовых контрактах стали предусматривать такую взаимосвязь, закладывая в функциональные обязанности журналистов многоплановость. Для поощрения коллективизма формулируются общие рабочие задачи для всего коллектива. Используется обычная для западных журналистов практика, когда один текст готовится несколькими репортерами, или сразу они ведут какое-то общее расследование, или по мере развития сюжета расширяется число авторов.

Работа над формированием коллектива единомышленников идет постоянно. Делается все аккуратно, осторожно, и не только в силу консервативности человеческой психики, а с целью сохранения в рабочем состоянии всех информационных платформ. Активное перетекание творческой энергии на одну из сторон «медиакорабля» финансово небезопасно для доходности предприятий. Наибольший интерес у читателей сегодня к веб-сайтам, но основные доходы медиахолдингам, как и прежде, приносит печатная продукция (газеты), потому нужно все время искать золотую середину.

Организаторы газетного дела сейчас озабочены тем, как, с одной стороны, сохранить читателей, а с другой, – минимизировать за-

траты на издание (дорогая бумага, очень дорогое распространение, особенно для общенациональных газет). Одни специалисты, преимущественно интернет-журналисты, уверяют, что газеты должны умереть. Другие думают не о смерти газет, а о гибели носителей, то есть именно о бумажных газетах. Уже сейчас в скандинавских странах пытаются прививать культуру чтения газетных публикаций на электронных носителях.

Применение кросс-медиа.

Ответить на вопрос, возможно ли применить скандинавский опыт на практике у нас, и сложно и просто одновременно. По мнению аналитиков, использовать можно все, были бы для этого средства и желание. Многое же использовать нельзя только по причине различий в менталитете владельцев СМИ. Отечественный бизнесмен, вкладывая деньги в содержание веб-сайта или газеты, пытается затем вернуть затраченное, используя свой информационный инструмент для решения собственных коммерческих задач. В Норвегии пытаются создавать предприятие, производящее информационную продукцию в первую очередь для общества, и зарабатывать на продаже информации и рекламных площадей.

Недостаточность медиахолдингов в Беларуси также влияет на беспрепятственное продвижение кросс-медиа в СМИ.

Существуют несхожести в менталитете и на уровне потребителя. Интернет-журналистика в скандинавских странах более ориентирована на событийность и краткость. Интернет-редакторы не без оснований считают, что люди не хотят читать в Интернете длинные, аналитические статьи. У нас несколько иная ситуация, когда и от интернет-СМИ люди ожидают глубокого погружения в тему.

Журналистами, творческими работниками должна быть хорошо осознана дилемма, что идея разъединения печатного продукта и интернет-сайта может быть нежизнеспособной, когда в каждом из этих отделов работают свои журналисты и свои редакторы. А вот идея интеграции, когда журналисты пишут и на сайт, и в газету, и на радио, вполне применима.

Скандинавские коллеги ощущают себя профессиональным цехом, со своими корпоративными интересами, а не сотрудниками только отдельно взятых редакций. Журналист – это хорошо зарабатывающий человек, обеспеченный в редакции массой социальных льгот. В Норвегии каждый журналист имеет право ежегодно повышать за

счет редакции свое образование. В некоторых изданиях в коллективных договорах специально фиксируется обязанность журналиста учиться. Существует много спецкурсов по освоению новых информационных технологий. Желающие писать на международные темы могут пойти на языковые курсы.

Используются другие возможности: в некоторых редакциях идут внутренние обучающие курсы. Это когда старшие опытные коллеги объявляют набор на изучение какой-то определенной темы, все желающие погрузиться в нее записываются на спецкурс и добросовестно посещают его: лекции, практические занятия, зачеты. И преподаватели работают бесплатно, и слушатели учатся бесплатно. Выгоду находят в другом: у одних совершенствуются профессиональные знания и навыки, а значит, растет индивидуальная ценность конкретного журналиста, и он это понимает, в редакции же в целом формируется более творческая атмосфера. В целом, это поощряет развитие личности, раскрепощает сознание творческого человека.

Журналисты в скандинавских странах, характеризуя свои издания, первым делом говорят об ответственности перед читателями, а не перед собственниками изданий. Это показывает довольно высокий уровень гражданской ответственности журналистов и редакторов, независимости журналистики. Конечно же, СМИ нередко раздражают министров, мэров, губернаторов, но воспринимается такая самостоятельная журналистика как необходимый груз на весах общественно-государственного согласия.

---

[1] Подробную информацию о премии, спонсируемой компанией «DPA Infocom», можно найти по адресу: http://www.wan-ifra.org/xma.

[2] На медиажурналистику наступает кросс-медиа реальность. – Режим доступа : http://www.journalist-karelia.ru/index.php.

Михаил Концевой

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (Беларусь)

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЖУРНАЛИСТСКАЯ ИНФОГРАФИКА: ФЕНОМЕН, ТЕНДЕНЦИИ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Устойчивой и набирающей силу тенденцией в современных СМИ стало возрастание роли и значения инфографики, позволяющей в условиях информационной перенасыщенности максимально лако-

нично и быстро донести до пользователя большой массив данных. Феномен инфографики требует не только оперативного практического освоения журналистами, но и теоретического осмысления. Последнее особенно важно в связи с тем, что феномен инфографики фактически является суперпозицией ключевых трансформаций информационной среды, социальных и психологических перемен в целевой аудитории СМИ и, соответственно, итоговым воплощением всех основных тенденций развития современной журналистики.

Журналистская инфографика является конечным ответом на то, что современный адресат медиа:

- иначе смотрит и видит в привычной для него ситуации перенасыщенности наглядными визуальными образами;
- иначе читает, с трудом удерживая внимание в пределах однородного информационного ряда, но легко и привычно переключая его; как никогда, становится способным к многозадачности и гештальту;
- динамичен, мобилен, технологически оснащен и, располагая мощными информационно-поисковыми инструментами, в условиях открытости информационной среды легко преодолевает зависимость от конкретных СМИ в удовлетворении своих информационных потребностей (новостных, аналитических, литературно-художественных);
- отнюдь не испытывает информационного голода, наоборот, живет в условиях информационной избыточности, что при постоянном дефиците времени делает его внимание важнейшим ограниченным и невосполнимым ресурсом, за который идет решительная борьба между многочисленными СМИ;
- более не является пассивным потребителем профессионального контента, обретает свой голос в медиа и возможность сформировать и высказать свое, пусть даже некомпетентное мнение и т. д.

Широко распространено противопоставление инфографики как графического способа подачи информации данных и знаний тексту, что может иметь место в технических рабочих определениях. Но для понимания сути феномена такое противопоставление неприемлемо и непродуктивно, так как, например, игнорирует существование типографической инфографики, когда только информация передается визуальным образом, представленным исключительно словами, но с

использованием визуальных возможностей шрифта (цвет, кегль, начертание) и композиции. Онлайновый сервис Wordle [1] – это инструмент по созданию «карт текста». Wordle анализирует предложенный пользователем текст, формирует его частотный словарь и отображает наиболее весомые лексемы в виде типографической инфографики по принципу «чем больше частотность слова, тем больше кегль шрифта, которым оно изображено». Результатом является наглядное красочное изображение, которое позволяет одним взглядом оценить семантику текста.

Вместе с тем, ошибочное противопоставление инфографики тексту ценно тем, что позволяет идентифицировать причину ошибки, а именно: лингвистический подход к осмыслению феномена инфографики, когда текст понимается только как последовательность вербальных (словесных) знаков. При таком подходе мы в связи с решаемыми задачами абстрагируемся от изобразительной ипостаси письменного текста, и шрифтовая графика становится для лингвиста самым невидимым из искусств (хороший шрифт тот, который незаметен сам, но эффективно позволяет читателю воспринимать семантическую часть информационного сообщения). Для журналистской инфографики, развивающейся в контексте конвергенции различных технологий и знаковых систем, требуется более широкий, семиотический подход к ее описанию. Именно семиотическое понимание текста (как связной и цельной последовательности знаковых единиц произвольной природы) открывает возможности для адекватного изучения и оценки феномена инфографики. С другой стороны, семиотическая парадигма позволяет сохранить для инфографики значимость лингвистических наработок, делает востребованным потенциал лингвистической науки и ее исследовательский инструментарий, преодолевая попытки к их отторжению и умалению в перспективе становления некой «визуальной культуры».

Инфографика символизирует собой не отказ от вербального текста, но интеграцию его в более сложные гетерогенные знаковые системы. Каждый компонент таких систем находится в сложном взаимодействии со всеми остальными. Таким образом, вербальный текст не только не утрачивает своей роли, но обретает множество новых ролей в формировании становящегося изобразительного языка. И все, что относится к искусству владения словом (на уровне стилистики, риторики, прагматики, семантики), в инфографике не просто оста-

ется востребованным, а обретает дополнительные значения и ценность. Не случайно то, что в истоке современной инфографики лежит созданный Отто Нойратом (Otto Neurath) язык Isotype (International System of Typographic Picture Education). Что же касается становления «визуальной культуры», которая будто бы приходит на смену культуре Слова, что знаменуется исчезновением Homo Legens (человека читающего), то очевидно, что такая перемена действительно происходит, но не имеет всеобщего характера и затрагивает только отдельные, пусть и широкие, социальные слои. Возможно, что культура языка, письма, слова, чтения вновь станет элитарной культурой для немногих, но серьезно говорить о вытеснении ее чем-либо другим в культурной матрице современной цивилизации можно только на основании очень наивных представлений о ней. Роль фундаментальной языковой подготовки в квалификационных характеристиках журналиста только возрастает.

Качество инфографики СМИ определяется многими факторами, среди которых существенную роль играют знания, талант и труд ее создателей. Однако коэффициент полезного действия конвертации труда, таланта и знаний в простоту и наглядность инфографического решения в значительной степени определяется уровнем современной информационно-технологической оснащенности и компетентности журналиста, особенно в том случае, если предметом его рассмотрения и анализа является сложное, многоплановое и развивающееся явление.

Современная информационная реальность стремительно усложняется и расширяется. По данным IDC (International Data Corporation – аналитическая компания, исследующая рынки информационных технологий), в 2011 г. общий размер информации, хранящейся на электронных носителях, достиг 1,8 зеттабайт (миллиарда терабайт), что в 30 миллионов раз больше объема информации, содержащейся в книгах, написанных за весь период существования человечества. В цифровой вселенной к началу 2012 года насчитывалось более 500 квадриллионов файлов [2]. Это, разумеется, исключительно технические характеристики информационных объемов, а вовсе не семантического разнообразия информации, ведь, по различным оценкам, более 90 % новостей в интернет-СМИ является копипастом. Вместе с тем, переход на цифровые носители и технологии явно коррелирует с непосредственно семантическим аспектом информации,

в очередной раз подтверждая тезис М. Маклюэна о том, что медиа и есть сообщение [3]. В рассматриваемом контексте эта корреляция выражается в том, что в современных журналистских материалах фактологическое изложение начинает все более доминировать над оценочными суждениями и рефлексией. Наиболее ярким проявление этой тенденции стало бурное развитие Database journalism (журналистики баз данных) [4], в которой центральная роль отводится высокотехнологичной исследовательской работе, когда после обработки больших массивов структурированной информации делаются выводы, серьёзно влияющие на понимание широкой аудиторией экономических и социальных процессов и явлений. Подобные исследования определяют тенденцию расширения использования в журналистской инфографике целого арсенала специализированных инфографических и аналитических программных средств (Business intelligence, Data Mining), позволяющих находить, собирать, фильтровать данные и соответствующим образом анализировать и обрабатывать их. Перспективы развития «журналистики баз данных» видятся уже не столько в создании законченных информационных продуктов, сколько в организации предоставления читателям особой информационной среды, в которой они без специальных навыков смогут формировать информационный продукт и выбирать для него ту форму представления, которую сочтут нужным.

Развитие мультимедийных технологий позволяет журналисту на качественно новом уровне адаптировать конечный информационный продукт под потребности, возможности и ожидания целевой аудитории. Тенденция вытеснения традиционных печатных СМИ электронными сопровождается переходом от статичной и константной инфографики к инфографике мультимедийной, динамической, интерактивной, что также требует использования специального программного инструментария.

Онлайновые издания позволяют предложить своим читателям качественно новый уровень представления информации, когда:

- структурированная в системах баз данных информация скрыта от пользователя на стороне сервера;
- на основе технологии mashup (веб-технология объединения данных нескольких источников в один интегрированный инструмент) на одной странице сводятся данные разного типа и из разных источников с возможностью для пользователя выбора

формы их представления (текстовая, списочная, табличная, графическая, гетерогенная);
– пользователю представляется простой в восприятии, но обогащенный (интерактивными картами, видеоматериалами и т. п.) репортаж с возможностью ведения поиска, получения дополнительных справочных данных, фильтрации контента и выражения собственного мнения через голосование, отзывы, комментарии, рекомендации.

Здесь речь идет уже об интеграции собственно журналистской инфографики и UI (user interface, пользовательский интерфейс) новыми интерфейсами доступа к информации. Удачным примером увлекательной подачи финансовой информации с возможностью интуитивного обеспечения пользовательской интерактивности является Mint.com [5].

В журналистике важнейшее значение имеет актуальность темы и оперативность ее освещения непосредственным свидетелем или участником, что вступает в явное противоречие с необходимостью использовать сложный программно-аппаратный инструментарий в длительном многоэтапном процессе создания эффективной инфографики. Выход из данного противоречия найден в использовании SaaS (software as a service, программное обеспечение как услуга) – модели доступа к программному обеспечению, при которой поставщик разрабатывает веб-приложение, предоставляющее заказчикам возможность использовать программное обеспечение через Интернет. Решения SaaS включают готовые профессиональные разработки инфографических шаблонов, которые не только делают доступным необходимый инструментарий создания интерактивной графики для мобильного журналиста в любом месте и в любое время (при наличии доступа к Интернету), но, в ряде случаев, позволяют ему осуществлять визуализацию данных в реальном времени.

Для журналистского освещения событий, происходящих непосредственно в Интернете, открываются дополнительные возможности отслеживать процессы, происходящие в данное время, и получать актуальную социальную аналитику (непосредственная динамика социального присутствия в социальных сетях, популярные в на сегодня обсуждения и др.).

Современная интерактивная мультимедийная инфографика может быть создана с помощью ряда специализированных сетевых сервисов. Популярны бесплатные онлайн-сервисы для создания инфо-

графики: StatPlanet [6], Creately [7], Many Eyes [8], Google public data explorer [9] и др. Все они имеют достаточно богатый функционал и возможности использования собственных данных для подстановки в готовые шаблоны с целью мгновенного получения профессиональной инфографики. Стандартный функционал дает возможность визуально исследовать экономику, образование, окружающую среду, здравоохранение и т.д. Данные сервисы используются для создания интерактивных карт и диаграмм многими ведущими организациями и компаниями мира, в том числе ЮНЕСКО, ПРООН, Global 500, NASA, Dell, Siemens, Samsung и др.

Стандартные правила использования рассмотрим на примере ManyEyes. Для начала полноценной работы с сервисом необходимо зарегистроваться, указав e-mail (на который придет письмо со ссылкой для подтверждения), и ввести капчу. Перейдя по ссылке в письме, нужно задать пароль. Первый шаг в работе с ManyEyes – загрузка неформатированных табличных данных, сразу же появляющихся в обработанной таблице, для которой нужно указать, какие данные являются текстом, а какие – числами. Затем указывается название, описание и теги для созданной базы данных, но можно ограничиться только одним названием (обязательно на английском). Для визуализации данных нужно воспользоваться инструментами меню Visualize. Например, инструмент Word Cloud Generator создает нужное «облако из слов». Регулируя настройки, можно изменять внешний вид графиков и диаграмм – цвет, положение слов, шрифт и пр. Сервис ManyEyes позволяет создавать следующие типы визуализации данных: взаимосвязь и корреляция, позиционное сравнение, временное, количественные данные на картах, карты мира и разных стран (включая Беларусь), инструменты для анализа текста (дерево слов, облако тегов, сеть из фраз, облако слов).

Важно отметить, что многие сервисы имеют ограничения в области поддержки различных языков и кодировок, что существенно затрудняет использование белорусского языка в инфографических материалах.

В контексте развития web-журналистики для мобильных пользователей утрачивает значение интерактивная инфографика, построенная на флеш-технологиях, которая доминировала до настоящего времени. Именно она позволила журналистам, разработчикам и дизайнерам визуализировать многочисленные слои данных в едином интерфейсе, а пользователям – взаимодействовать с данными. Одна-

ко широкое распространение мобильных устройств доступа в Интернет послужило толчком к развитию онлайнового инструментария, позволяющего разрабатывать адаптированную к их возможностям интерактивную инфографику. Наиболее перспективными технологиями являются HTML5, CSS3 и XML.

Примером мультимедийной интерактивной инфографики, построенной на HTML5, является визуализированная история развития технологий и программ для просмотра веб-страниц [10]. Эта инфографика разработана к третьей годовщине браузера Chrome компанией Google с участием компаний Hyperakt, Vizzuality, mgmt design и GOOD. В ней в хронологическом порядке отражены основные версии, внешний вид и функционал популярных браузеров, Chrome OS, ключевые языки программирования, методы и программные решения. Характерно, что, хотя Google Chrome и Chrome OS – самые молодые продукты из показанных в инфографике, виток развития браузера Google Chrome содержит наибольшую концентрацию событий, чем инфографика ненавязчиво подсказывает нам об их перспективности.

Данный пример наглядно демонстрирует, что высокотехнологичная интерактивная инфографика воплощает глобальную тенденцию замещения функции отражения функцией формирования реальности. Инфографика не просто сохраняет способность журналистики в актуализации заданных мировоззренческих констант социальных групп средствами подбора фактов и обработки данных, но и позволяет делать это латентно, без явных оценок и комментариев, при условии реальной пользовательской активности в работе с информационным ресурсом. Все это свидетельствует о новых возможностях манипулирования целевой аудиторией со стороны цифровых СМИ и актуализирует проблематику информационной безопасности в контексте современного инфографического инструментария. Не только читатель (зритель) определенного информационного продукта попадает под воздействие предварительно заданных в нем (отбором данных, их структуризацией и способом оформления) интенций и оценок, но и пользующийся внешним инфографическим сервисом журналист может стать невольным заложником скрытого семантического послания. Такое послание может быть организовано не только на уровне фактического материала или коннотаций, но и на основе самой тематизации информационного сообщения. В современной информационной среде в условиях дефицита внимания выдвижение

на первый план той или иной тематики журналистского сообщения является сильнейшим средством манипуляции целевой аудиторией. Конкретные позиции читателя (зрителя) по отношению к поднимаемым в определенной теме вопросам часто имеют совершенно незначительное значение в сравнении с самим фактом обращенности аудитории именно к данной теме и, соответственно, игнорирования в данный момент любой другой. Именно поэтому ведущие мировые СМИ и агентства новостей стремятся создать собственные онлайновые инфографические сервисы.

В условиях, когда отказ от использования интерактивной журналистской инфографики может означать утрату целевой аудитории, риск оказаться в заложниках чужой тематизации, быть вовлеченным в обсуждение специально подобранных тем является важным основанием для развития отечественных инфографических сервисов и практического освоения их журналистским сообществом. Это тем более верно, когда есть понимание правоты слов, что «журналистика – профессия государственная» [11].

Проблематика и программный инструментарий интерактивной журналистской инфографики изучается в Брестском университете имени А. С. Пушкина в рамках курса «Программное обеспечение мультимедиа-технологий» для студентов специальности «Журналистика. Печатные СМИ».

Литература

1. Wordle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wordle.net// – Дата доступа : 12.01.2012.

2. The Year in Numbers (A look back at 2011 biggest technology stories, by the numbers) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.technologyreview.com/computing/39387/ – Дата доступа : 27.12.2011.

3. The medium is the message [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/The_medium_is_the_message – Дата доступа : 12.01.2012.

4. Holovaty, A. A fundamental way newspaper sites need to change [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.holovaty.com/writing/fundamental-change/ – Дата доступа : 12.01.2012.

5. Mint.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.mint.com – Дата доступа : 12.01.2012.

6. StatPlanet [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sacmeq.org/interactive-maps/statplanet/ – Дата доступа : 12.01.2012.

7. Creately [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://creately.com/ – Дата доступа : 12.01.2012.

8. Many Eyes [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www-958.ibm.com/software/data/cognos/manyeyes/ – Дата доступа : 12.01.2012.

9. Google public data explorer [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.google.com/publicdata/directory?hl=en&dl=en#hl=ru&dl=ru – Дата доступа : 12.01.2012.

10. Эволюция веба [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://evolutionofweb.appspot.com/ – Дата доступа : 12.01.2012.

11. Пролесковский, О. Понятие ответственности должно быть ключевым [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/person/interview/Oleg-Proleskovskij_i_0000512732.html – Дата доступа : 09.01.2012.

Татьяна Конюшкевич, Лариса Саченко
Белорусский государственный университет

ОБУЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Способность языка отражать, фиксировать и сохранять в языковых единицах экстралингвистическую информацию явилось основой для лингвострановедческого подхода в преподавании русского языка как иностранного. И эта кумулятивная функция языка прочно утвердилась в современной методике обучения РКИ. Процесс обмена устной и письменной информацией, суждениями, знаниями, мнениями, т. е. адекватная коммуникация, невозможен без лингвострановедческих знаний и умений.

«Лексические ошибки в русской речи иностранца могут быть обусловлены незнанием или слабым усвоением русского лингвострановедческого материала, в частности фоновых знаний, приблизительным, неточным знанием русской коннотативной (в лингвострановедческом понимании) и безэквивалентной лексики, отсутствием страноведческих сведений или ограниченным знакомством с ними, а также (как следствие перечисленного) транспозицией навыков и обычаев национального речевого поведения, обозначений бытовых, политических и прочих реалий и понятий, принятых в стране учащегося, но не соответствующих ситуации и номинации ... русского лингвострановедческого ареала» [1, 130].

Изучение языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии является основополагающим при обучении в социально-культурной

сфере общения, предполагающей разнообразные источники информации: учебные тексты в их содержательном плане, произведения художественной литературы, фильмы и спектакли как средства зрительной наглядности, экскурсии в музеи, встречи с журналистами, в том числе зарубежными.

В системе умений творческого характера, направленной на решение коммуникативных задач в зависимости от ситуации общения, т. е. речевой деятельности, выделяют четыре основных вида умений: аудирование, говорение, чтение и письмо. И в социально-культурной сфере целесообразно определить следующие задачи:

в аудировании – в качестве цели рассматривается анализ и синтез разноуровневых языковых единиц: фонем, морфем слов, предложений, помогающих развивать у студентов-иностранцев навыки и умения, необходимые для понимания русской речи на социально-культурные темы;

области говорения – мотивируя устную форму общения, развивать умения и навыки диалогической и монологической речи, а также продуцирование собственного высказывания в соответствии с темой;

области чтения – обучение направлено на восприятие и понимание произведений художественной литературы, газетных материалов, текстов по специальности и т. п.;

области письма – обучение проводится в зависимости от целей, которые определяются коммуникативными потребностями: диктанты, изложения, сочинения, конспекты, резюме, аннотации, рефераты и т. п.

Для достижения конечной цели обучения – выхода в акт реальной коммуникации в социально-культурной сфере – на занятиях предусматривается выполнение различных упражнений и лексико-грамматических заданий.

Обучение типам речи в социально-культурной сфере проводится в некоторой последовательности: монолог – повествование, диалог – беседа, монолог – описание, монолог – рассуждение, диалог – дискуссия. Например, студенты-иностранцы, работая над текстом «Белорусский государственный университет», выполняют задания, направленные на совершенствование видов речевой деятельности в социально-культурной сфере:

– рассказать об истории и структуре БГУ;

– написать небольшой рассказ о студенческой группе, в которой вы учитесь;
– составить монолог-повествование о своих планах на будущее, используя опорные слова и словосочетания;
– принять участие в беседе о будущей профессии и причинах ее выбора, высказать свое мнение.

В качестве материала для развития речевых навыков и умений в социально-культурной сфере используются стихотворения таких поэтов, как Е. Евтушенко («Людей неинтересных в мире нет…»), А. С. Пушкин («К А. П. Керн»), Р. Рождественский («Эхо любви»), Якуб Колас, Янка Купала (в переводе на русский язык).

В учебных целях студенты-иностранцы приобщаются к русской песенной культуре («Я люблю тебя, жизнь!» – Э. Колмановский, К. Ваншенкин; «Катюша» – М. Исаковский, М. Блантер и др.). Это обогащает лексический запас и помогает овладеть навыками правильного русского произношения.

Известно, что русский язык богат фразеологизмами, которые в своей семантике содержат национально-культурный компонент и способны сыграть ознакомительно-познавательную роль в практике преподавания РКИ, а также помогают студентам использовать в речи лексические и синтаксические синонимы. Учитывая это, иностранным студентам предлагаются небольшие тексты, отражающие этимологию фразеологизма. Например, «утка», «хитрая как лиса», «эзоповский (эзопов) язык», «альфа и омега», «птичье молоко», «красная строка», «красная нить», «восьмое чудо света» и т. д.

Правильность восприятия прочитанного проверяется с помощью различных заданий (составить план текста, выделить ключевые слова и словосочетания для последующего пересказа по ним, изложить содержание с предварительной постановкой вопросов и т. п.).

Обучение речевой деятельности иностранных студентов в социально-культурной сфере способствует накоплению лексики, повышению коммуникативной активности и компетенции.

Литература

1. Бельчиков, Ю. А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения / Ю. А. Бельчиков. – М. : Рус. яз., 1998. – 157 с.

Мария Конюшкевич
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

КТО КЕМ ПРАВИТ:
ЧЕЛОВЕК ЯЗЫКОМ ИЛИ ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКОМ?
(Размышления над языком современных СМИ)

Высокая технологичность глобальной коммуникации, преодолевающая расстояния, государственные границы, межъязыковые барьеры, различия в финансовом, социальном, возрастном, территориальном, гендерном, национальном, религиозном и других статусах коммуникантов привели к серьезным языковым изменениям не только в речи, но и в языковой системе.

Исследователи постоянно фиксируют эти изменения, отмечая инновации в каждой из подсистем языка и дискутируя на предмет нормативности / ненормативности каждого нового явления. Суть и пафос многочисленных публикаций (литература необозрима) о сегодняшнем состоянии языка СМИ и языка в целом, независимо от его национальной оболочки, можно свести к ряду положений.

1. Язык СМИ сегодня фактически представляет собой весь язык – в любых видах планетарной коммуникации, в любых жанрово-стилистических формах дискурса.

2. Активная речевая деятельность СМИ и пользователей Интернета привела к расшатыванию норм языка и разрушила его функционально-стилистические границы.

3. Изменилось отношение к норме не только носителей языка, но и самих нормализаторов языка: на место понимания нормы как запрета пришло понимание нормы как выбора. Ю. Д. Апресян создал шестизначную экспериментальную шкалу для измерения языковой неправильности: а) правильно: (+); б) допустимо: (–); в) сомнительно: (?); г) очень сомнительно: (??); д) неправильно: (*); е) грубо неправильно: (**) [1, с. 48].

4. Доступность и анонимность общения, отсутствие (или ослабление) речевой цензуры открыло шлюзы для широкого потока внелитературных элементов речи, вплоть до обсценных слов и выражений, что в целом привело к криминализации и загрязнению языка.

5. Языковые изменения носят настолько динамичный характер, что едва ли можно говорить об изменениях на уровне языковой системы; в лучшем случае эти изменения касаются лексики и ее меха-

низма – словообразования. Грамматика же, будучи консервативной подсистемой языка, слабо поддается изменениям, а потому изучение языка СМИ фактически мало что дает в собственно языковом отношении, поскольку касается экстралингвистических условий порождения медиаречи.

6. В силу динамичности коммуникационных потоков и связанных с ними языковых изменений, в силу анонимности и бесконтрольности сетевой коммуникации возникает впечатление бессилия общества в возможности влиять на создавшуюся языковую ситуацию в мире. Имеется множество прогнозов – от мнения об ассимиляции языков в единый планетарный язык до предположений об исчезновении языка вообще, ибо последний благодаря миниатюризации и диверсификации информационных каналов уступит место иным семиотическим системам.

Нам представляется, что на всем протяжении существования языка и его носителя формат отношений «мир – человек – язык» не менялся. Менялось наполнение каждой из составляющих этих отношений.

Мир стал терять материальные формы и приобретать виртуальные (виртуальные деньги, виртуальные знакомства, виртуальные браки), значит, на мир стало возможным больше влиять силой слова. В своем стремлении познавать и означивать мир, влиять на другого человека в этом мире носитель языка ведет себя не только как пользователь орудия мысли и общения, но и как творец этого орудия: он в постоянном поиске еще большей мощи этого орудия. Отсюда и возвращение к знакомым феноменам (интертекстуальность), и девиации (нарушение – сознательное и несознательное – нормы), и введение иностилевых элементов (стилевая проницаемость), и языковое творчество (создание новых слов и выражений, языковая игра, использование паралингвистических средств, игра с формой и содержанием и т. д.).

Любой носитель языка, независимо от его филологической подготовки, усвоив родной язык, является его творцом, даже если это творчество ограничено просторечием или девиациями, поскольку и последние свидетельствуют о сигналах системы. По этому поводу известный лингвист М. В. Всеволодова говорит: «Какой бы неправильной ни была речь носителя языка, выскочить за систему языка он не может». Иначе говоря, какие бы изыски и девиации в своей речи не

допускал носитель языка, как бы он ни «изголялся» в своем дискурсе, эти его деяния позволяет язык.

Не случайно в своей знаменитой нобелевской речи Иосиф Бродский обращал внимание на удивительность отношений «поэт – язык»: «То, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка… не язык является его аргументом, а он – средством языка». Бродский говорил об особом носителе языка – поэте, но, думается, его слова применимы к любому говорящему, который стремится как можно точнее передать то, что творится в его душе и сознании, когда он вербализует свою интенцию собеседнику.

Современная научная парадигма обязывает исследователя фиксировать каждый новый речевой факт, каждое новое изменение, выходящее за пределы не только известного, но и нормативного. Здесь уместно повторить не раз слышанный нами убедительный аргумент М. В. Всеволодовой на упреки по поводу приводимых ею примеров системных отклонений от нормативной речи: «Я так не говорю и не буду говорить, но изучать данное явление – святая обязанность лингвиста».

Исследователям современного языка ничего не остается, как только удивляться неутомимости и неутолимости человеческого разума в создании новых слов и выражений (вспоминается пушкинское: «Язык неистощим в соединении слов»), восхищаться креативностью, которую проявляет гомо сапиенс в языкотворчестве, и постоянно изучать все, что льется из его уст. Более того, при повышенном внимании сегодня к личностному началу, приоритету личностной уникальности перед идеей коллективизма, предметом исследования может быть и иметь научную ценность речь и лексикон даже отдельно взятой языковой личности, и результаты подобного исследования могут занять не один том монографии. Причем такая личность не обязательно должна быть выдающейся.

Наши размышления касаются такого распространенного, особенно в языке СМИ и Интернета, явления, как расширение сочетаемости слова. В основном мы будем опираться на примеры из газеты «СБ. Беларусь сегодня» (далее – «СБ»).

Как известно, семантическая валентность слова предполагает наличие при нем в высказывании определенного количества обязательных синтаксических (актантных) позиций. К примеру, глагол *написать* имеет 4-местную валентность: ***кто*** *написал?* ***что? чем?***

на ***чем?***). Поскольку написанный текст имеет определенную жанровую принадлежность, то жанр письма предполагает, что письмо пошлют адресату. Отсюда в предложение вводится позиция *кому?*: *Внучка написала* ***бабушке*** *письмо*. Но эта позиция открылась не у слова, а у предложения, т. е. имеет место уже не словарная (семантическая) валентность, а предложенческая, которая, с одной стороны, диктуется фреймом ситуации, а с другой – экономией речевых усилий говорящего, которому следовало бы актант *бабушке* соотнести с валентностью слова *послать,* а потому сказать так: *Внучка написала письмо и послала его бабушке*. Но нет необходимости вербализовать полностью то, что уже знакомо членам языкового коллектива из пресуппозиции фрейма.

Именно фреймом обусловлена дополнительная, предложенческая, валентность слов в медиадискурсе, причем отметим, что описываемое событие – это событие, сконструированное автором, которое полностью не может совпадать с произошедшим в реальности. Автор сам определяет фрейм этого события, добавляя к элементам ситуации те или иные признаки (разумеется, в своем описании автор опирается все-таки на типичное, узнаваемое). Отсюда и расширение сочетаемости, которая, в отличие от валентности, обусловлена коммуникативными задачами (в высказывании), а не семантической структурой слова (в дефиниции словаря).

Несколько примеров такой сочетаемости только в одной статье П. Якубовича «Ах, пане-панове» в номере «СБ» от 10.01.12 (даем в необходимых и достаточных для понимания контекстах): *на протяжении столетий белорусско-польские отношения отличались* ***угрюмым постоянством****, если под этими словами понимать* ***иррациональную уверенность*** *Варшавы в каких-то особых правах на* ***«воспитание» Минска****; по мысли* ***архитекторов этой политики****, «польский характер» необходимо было проявить прежде всего в* ***проблемных Киеве и Минске****; премьер Туск дошел до того, что вслух пообещал белорусскому руководству… «грант на 9 млрд долларов». Эта* ***изысканная взятка*** *предназначалась в обмен на хорошее поведение; песни местных и заезжих сирен о благостном «восточноевропейском сотрудничестве» и прочих* ***неосязаемых****, но красивых* ***материях****; И совсем уж* ***карикатурную точку*** *в истории варшавской политики вызвал в Минске пьяный дебош высокопоставленного польского дипломата, кстати,* ***одного из «про-***

рабов» теоретической линии Сикорского*; именно эта вредная* ***ментальная привычка*** *сыграла в прошлом году с некоторыми польскими политиками злую шутку; но Минск лишь снисходительно наблюдал за темпераментной* ***мазуркой вприсядку****.*

Невозможно без насилия над языковым сознанием воспринять выделенные сочетания, если выдернуть их из контекста: *угрюмое постоянство, ментальная привычка, архитектор политики, иррациональная уверенность, проблемный Минск, карикатурная точка, неосязаемые материи, мазурка вприсядку* – настолько не сочетаемы в них слова. Но зато как красноречивы и содержательно емки они в контекстах! Здесь уместно напомнить один из основополагающих тезисов уважаемого юбиляра, профессора М. Е. Тикоцкого, который тридцать лет назад обращал внимание на смысловой потенциал слова в контексте художественного целого (считаем более этичным оставить цитату на языке оригинала): «У складзе цэласнай семантычнай еднасці, якой уяўляецца мастацкі твор, словы і выразы атрымліваюць новыя змястоўныя і экспрэсіўныя адценні, іх сэнсавая структура ўскладняецца водгуллем думак, пачуццяў, вобразаў, якімі насычаны і жыве паўнакроўны арганізм мастацкага цэлага. Майстэрства пісьменніка заключаецца ў тым, каб адчуць і выявіць кантэкстуальныя магчымасці слова, накіраваць іх у пэўным стылявым кірунку...” [2, с. 41]. Михаил Евгеньевич писал здесь о творческой лаборатории мастера художественного слова, но его слова вполне приложимы и к мастерству журналиста, влияние творчества которого на читательскую аудиторию сегодня сравнимо с силой художественного слова.

М. Е. Тикоцкий обращал внимание на то, что специфика языка художественной литературы состоит в его эстетической функции: те же самые языковые единицы в поэтическом языке выступают как элементы совершенно другой системы, которая обусловлена образным содержанием, стилем художественного текста [2, с. 30–31]. В развитие этой мысли следует сказать, что многие нововведения как писателя или поэта, так и журналиста (и в целом СМИ) становятся сначала достоянием читательских масс (сначала в виде цитаты, затем прецедентного феномена, далее клише), а потом могут войти и в систему языка в виде устойчивого сочетания, фразеологизма или просто слова с новыми значениями. От употребления через смысловое приращение в контексте к значению – фактически таков путь формирования значений слова в языке в целом.

И если присмотреться внимательнее к приведенным выше необычным сочетаниям у П. Якубовича, то вполне может быть вскрыта и закономерность их образования. Например, в языке СМИ десятилетиями стойко держится метафора строительства (*строить жизнь с кого* у В. В. Маяковского, *строители коммунизма* у КПСС, *прораб перестройки* у М. С. Горбачева). Эту метафору из медиадискурса никто не устранит в силу ее когнитивной основы: вся жизнь человека связана со строительством, начиная от собственного крова до собственной судьбы. Метафора должна обрастать новыми элементами – с каждым новым текстом, с каждым витком жизни. Здесь в качестве нового взято слово *архитектор*, ибо политику тоже *строят*.

Объяснимо и сочетание *неосязаемые материи*. Но тут работают принцип сходства и закон аналогии. В речи и памяти носителей языка закрепилось устойчивое сочетание *высокие материи*. Автор подобрал синоним к цельному сочетанию (*высокие материи* – это нечто *неосязаемое*, далекое от материального, даже трудно представляемое), но этот синоним он ввел внутрь сочетания в качестве его компонента. В результате появился оксюморон, в котором слово *материи* проявило свое первоначальное значение.

Анализ любого авторского нововведения в речи приводит к пониманию того, что в таких процессах задействованы несколько языковых механизмов, т. е. работает вся языковая система, причем новую сочетаемость диктует журналисту сама жизнь. Вся прелесть нововведений в СМИ – в их злободневности, в острой актуальности, причем никто не может предвидеть, как сложится судьба такой новации: войдет она в систему языка или ее забудут через неделю, подхватят ее со всеми приращениями или запомнится только ее главный смысл. К примеру, главный смысл метафоры на основе сочетания слова *дипломатия* с номинацией какого-нибудь оружия *(дипломатия оружия, дипломатия автоматов, дипломатия пушек*) подхвачен П. Якубовичем сочетанием *дипломатия «канонерок»* в статье «Чувствительные люди» о «дипломатии» США с позиций диктата всему миру и в том числе Беларуси. Еще более усиливает эту метафору контекст: *нафталиновый дух дипломатии «канонерок» давно пора сдать в архив*. Выстраивается хроносинонимический ряд: *нафталин, канонерка, архив*, который усиливает впечатление от устаревших форм политики США.

Один из постулатов когнитивизма гласит, что свободной сочетаемости в языке нет. В то же время она и не идиоматична. Именно

на этом пограничье свободы и несвободы рождается необычная сочетаемость. Как правило, она обусловлена рядом языковых процессов. Одним из таких процессов является компрессия формы и/или содержания. Механизмом компрессии является словообразование, с помощью которого объемная изосемическая конструкция укладывается в емкую однословную неизосемическую форму, причем такую, что все члены языкового коллектива, не зная и даже не подозревая о том, какие процессы задействованы, точно понимают значение такого новообразования и адекватно на него реагируют. Например, сочетание-неологизм *многоскандальная посуда* порождает однозначное представление о посуде из какого-то небьющегося материала, которую любительница семейных скандалов может с силой бросать неоднократно на пол.

Еще пример: казалось бы, слово *компания* предполагает совокупность обязательно живых существ и притом обязательно лиц: *компания парней, компания студентов, компания игроков* и т. д. Едва ли возможны *компания зайцев, компания коней, компания акул,* а тем более *компания стульев, компания дорожек, компания слов.* Но вот читаем в Интернете: *Зубр и изюбрь как животные – не родственники. Зубр – это вроде быка, а изюбрь – вроде оленя, кажется. А как слова – явно родственники. Но как в эту **компанию** попало слово «зубрить»? А «зубровка»?*

Мы можем допустить и существование сочетания *музыкальный свитер*, называющего свитер, на котором вышиты ноты на нотной линейке (реальный пример из языка одной семьи).

На одном из форумов русистов профессор Б. Ю. Норман приводил примеры расширения сочетаемости глагола *дружить*: *дружит кто* не только *с кем*, но и *против кого, за сколько, на какой срок.* В Интернете мы нашли и другие контексты с этим глаголом, который, обратим внимание, имеет двустороннюю валентность: *кто дружит с кем.* Но в высказывании этот глагол может «потерять» релянтов (***Дружить*** *или не* ***дружить****?*), приобрести характеризующий сирконстант (***Как*** *я* ***дружил*** *в социальной сети;* ***Как правильно*** *дружить*), открыть позицию адресата (*Ветерок* ***дружит нам*** *попутный*). Мы уж не говорим о ставших привычными *дружить домами / семьями / клубами…* И даже такое: ***В губы*** *давай* ***дружить.***

Создание текста-события, особенно с повышенной модальностью, которой характеризуются обычно художественно-публицистические

и отчасти аналитические жанры, как правило, сопряжено с расширением сочетаемости, которая, в свою очередь, связана, с одной стороны, с семантической валентностью слова, с другой – с фреймом реальной ситуации. Поэтому в свете кривотолков о смерти Усамы бен Ладена вполне объяснимы такие сочетания, как ***отпраздновать** смерть; не так чтобы очень **цивилизованная** смерть* («СБ», 13.05.2011).

Некоторые слова особенно любимы средствами массовой информации. Лет десять назад в СМИ нещадно эксплуатировалось сочетание *белый и пушистый.* Сегодня мы видим повышенное внимание к слову *вечнозеленый.* С легкой руки Фаины Раневской, воскликнувшей свое знаменитое *страна непуганых идиотов и вечнозеленых помидоров,* это прилагательное было подхвачено всем русскоговорящим миром. Интернет изобилует контекстами с этим словом, причем в некоторых из них расширительная сочетаемость прилагательного еще опирается на аллюзию к зеленому цвету или имени собственному: ***Вечнозеленая партия*** [в шахматы] *известна так же как и неувядаемая партия... Такое название получила партия, игранная в Берлине в 1852 между 34-летним Адольфом Андерсеном и его учеником Ж. Дюфренем. Стейниц назвал эту партию неувядаемой в лавровом венке великих немецких мастеров*; *Ваша **вечнозеленая дача;** Клуб **Вечнозелёных поклонников** Селигера*; ***Вечнозеленая** Рина **Зеленая***; ***"вечнозеленая" актриса***. Но большинство контекстов строится на основе метафорической семы этого слова 'ортодоксальное постоянство': ***Тема** коррупции, как выразился президент Медведев, "**вечнозеленая** и актуальная"*; «*История **вечнозеленой жизни***» (название книги); ***Вечнозеленая теория** заговоров*; *Хиллари Клинтон, бывшая первая леди, также имеет охрану и псевдоним "**Вечнозеленая**"*; ***вечнозеленая** музыка*; ***вечнозеленая** тоска*; *Сколково (в народе уже прозвали "Скольково") – **«вечнозеленый помидорный» бренд** с идеологией «непуганых идиотов»*; *"Скольково" еще **"вечнозеленых помидоров"** не окучено?* (два последних примера взяты из блога Георгия Янса).

Не отстают и белорусские журналисты: оксюморон у И. Плескачевской: *Нефть – тоже **"вечнозеленая"** (пусть и черным-черная) **новость:** сколько осталось, сколько выкачали, почем продали, кто обогатился*; насмешливый намек на принадлежность к партии зеленых специалистов по России и Восточной Европе в парламенте ЕС Марии Луизы Бек у П. Якубовича: *Уверен, что если бы в настоя-*

щее время министр Василий Иванович Жарко предложил соотечественникам мыть руки перед едой, то и это кардинально разделило бы политический класс. Объявились бы борцы, философы и литераторы, готовые лечь под троллейбус за священное право ходить с немытыми руками. И самое чудесное – в Варшаве бы их горячо поддержал пан Сикорский, а в Берлине – темпераментная и ***“вечнозеленая” фрау*** *Марилюиза Бек.*

По большому счету, и саму тему о языке СМИ можно считать «вечнозеленой».

Язык, подобно материалу в руках скульптора, податлив в устах говорящих, гибок, обладает высокой приспособляемостью благодаря своей полевой структуре, имеющей на периферии этой структуры множество различных вариантов – сначала, казалось бы, почти дублетов, затем все более отдаляющихся друг от друга в семантике, стилистике, жанре, прагматике. Аттракция как особое свойство поля, т. е. способность втягивать в свое пространство единицы, системно очень далекие, с неясными связями, позволяет носителю языка необыкновенную легкость в новообразованиях, но эта легкость возможна только на прочном фундаменте фрейма – структурированного знания о мире, описываемой ситуации.

Но вместе с тем язык обладает и жесткостью, он подсказывает своему носителю путь в поисках нужной формы и выражения, а если таковых не находится, то и путь к созданию новой единицы, поскольку центр его полевой структуры базируется на категориях, которые обеспечивают языку стабильность, живучесть во взаимодействии с иными средами – с социумом и его институтами, с человеческими отношениями, с другим(и) языком(ами).

Именно эта ось координат – жесткая вертикаль категорий и континуумная горизонталь поля – обеспечивает языку стойкий иммунитет ко всякого рода внешним влияниям и катаклизмам, включая и те, которые сотрясают сегодня мир, при этом существенно задевая и язык.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2.

2. Цікоцкі, М. Я. Сугучнасць слоў жывых …: нататкі па стылістыцы маст. літ. / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. – 191 с.

Оксана Корчагина
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

ПУБЛИКАЦИИ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ (ЛУГАНСКОЙ) ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война это не только вооруженное противоборство государств, а еще и противопоставление идеологий. Одним из основных способов борьбы становятся средства пропаганды, дезинформации, запугивания и т. п. «Во всякой войне, – подчеркивал Ленин, – победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле боя проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их преодолевать немыслимые трудности» [5, с. 110–111]. Именно поэтому военный теоретик, один из специалистов психологической войны англичанин П. Уорбертон, указал на то, что: «основной задачей в войне является не уничтожение вооруженных сил противника, как это было раньше, а подрыв морального состояния населения вражеской страны в целом и к такому уровню, чтобы оно заставило свое правительство пойти на мир» [6, с. 36].

В трудный и трагический период Великой Отечественной войны Ворошиловградская (Луганская) область находилась в немецкой оккупации долгих четырнадцать месяцев. С окончательным освобождением от оккупации Ворошиловградской области в сентябре 1943 года возобновили свои выпуски 9 районных газет: «За стахановские темпы» (г. Свердловск), «Колгоспне життя» (г. Старобельск), «Колгоспне слово» (пос. Марковка), «Ленінська перемога» (пос. Мостки), «Лисичанський робітник» (г. Лисичанск), «Під прапором Леніна» (пос. Меловое), «Перемога» (пос. Ново-Айдар), «Прапор Леніна» (пос. Белокуракино), «Сталинский путь» (г. Попасная). Всего 37,5 % периодических районных изданий (в довоенный период в области издавались 24 районные газеты) смогли возобновить свою деятельность. Немалый опыт редакционной работы позволил этим газетам стать незаменимым звеном между населением районов Ворошиловградской области и государством. Среди изданий, которые возобновили свою деятельность, были и русскоязычные газеты «За стахановские темпы» (г. Свердловск) и «Сталинский путь» (г. Попас-

ная). Однако, несмотря на важность периода для истории развития прессы Ворошиловградской области, названные издания остаются не изученными, что предопределяет актуальность и новизну исследования.

Направление и задачи прессы в годы войны были отражены в ряде партийных документов. «Основная задача районных газет, – говорилось в письме Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) от 3 марта 1942 г. «О работе районных газет», – воспитывать у трудящихся пламенную ненависть к немецко-фашистским мерзавцам, которые посягают на жизнь и свободу нашей Родины, вдохновлять наш народ на великую отечественную, освободительную войну, мобилизовывать трудящихся на выполнение конкретных задач, стоящих перед районом в деле активной поддержки фронта» [5, с. 491]. В этом письме далее указывалось, какой должна быть тематика газет: «Систематические сообщения о ходе военных действий, рассказ о всенародной помощи фронту. Газеты строят свои материалы на живых, конкретных примерах, тем самым поднимают советский народ на новые боевые и трудовые подвиги» [5, с. 491].

Целью нашей статьи стало исследование системы публикаций районных русскоязычных газет Ворошиловградской (Луганской) области «За стахановские темпы» и «Сталинский путь», возобновивших свою деятельность после периода немецкой оккупации в 1943 году, а задачами – описание типов текстовых публикаций и определение наибольшей группы среди них.

Районные газеты «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» смогли возобновить работу благодаря таким факторам: наличие полиграфической базы, запасы бумаги, квалифицированные специалисты, в том числе и журналисты. Зачастую газеты были единственным источником официальной государственной информации на освобожденных территориях.

С началом войны стало ясно, что только социалистических ценностей в борьбе с врагом будет недостаточно. Одним из важнейших средств пропаганды стал советский патриотизм, который играл на протяжении войны огромную роль: с его помощью народ был мобилизован на борьбу с врагом. В силу этого призыв к населению не повиноваться вражескому нашествию и оккупации Родины вызвал более обоснованную поддержку в массовом сознании, чем привычные политико-идеологические лозунги. Но все усилия советской про-

паганды и агитации оставались бы малоэффективными, если бы они не подтверждались реальными событиями на фронтах.

Свердловский район был освобожден от немецкой оккупации в числе первых в феврале 1943 года. Газета «За стахановские темпы» возобновила свою деятельность уже в феврале. На протяжении 1943 года вышел из печати 61 номер газеты. Периодическое издание выходило один, изредка два раза в неделю. Формат газеты был близкий к современному формату А4.

Попаснянский район был освобожден от немецкой оккупации в сентябре 1943 года. Следует отметить, что оккупационный режим издавал на территории Ворошиловградской (Луганской) области две газеты, одна из которых – «Der Morgen» («Ранок») выходила в городе Попасная. Поэтому работа редакции газеты «Сталинский путь» возобновилась в более полном объеме. Газета «Сталинский путь» в 1943 году выходила 28 раз с периодичностью два раза в неделю по средам и субботам. Формат газеты был непостоянен, варьировался от формата А5 до формата А4.

В 1943 г. газеты «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» выходили на двух полосах. Цветовое исполнение – черно-белое. В газетах были размещены исключительно текстовые публикации, отсутствовали иллюстрационные материалы.

Элементы системы публикаций различаются по признакам: источник информации, средства и методы отображения действительности, назначение. «Публикации номера периодического издания образует систему, все элементы которой взаимозависимы и дополняют друг друга» [2, с. 170]. В зависимости от источника вся информация, которая включается в номер, делится на две части. «Одна ее часть создается в самой редакции, ее журналистами. Это редакционная журналистская информация. Другая часть – внередакционная информация – создается государственными и общественными органами и организациями, информационными агентствами, а также внештатными авторами» [3]. Так, в № 52 от 17 ноября в газете «За стахановские темпы» среди 5 публикаций – 3 редакционных материала. В № 6 от 29 сентября газеты «Сталинский путь» из 10 публикаций – 7 редакционных материалов.

Среди публикаций районных газет «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» в 1943 году часть составляли материалы, подготовленные за пределами редакций газет. Все опубликованные вне-

редакционные материалы разделим на четыре группы: информация от агентств ТАСС и СОВИНФОРМБЮРО; сообщения партийных организаций и органов; публикации из центральных газет; письма.

Так, сообщения информационных агентств ТАСС и СОВИНФОРМБЮРО содержатся в каждом номере газет «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» за 1943 год. Из таких сообщений состоят постоянные рубрики «От Советского информбюро» и «За рубежом», которые присутствовали в анализируемых изданиях. Наибольшее количество публикаций (около 5 в каждом выпуске газеты) размещалось в рубрике «От Советского информбюро». «Хроникальные сообщения печатаются без заголовков под определенными рубриками» [3, с. 166]. Например, в № 53 газеты «За стахановские темпы» от 27 ноября 1943 года из рубрики «От Советского информбюро» узнаем о следующем: «В течение 22 ноября наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 182 немецких танка. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 67 самолетов противника». Второе место среди внередакционных материалов занимают публикации, которые информируют о работе Президиума Верховного Совета СССР, официальные документы. К ним относятся указы и постановления, которые являются обязательными для выполнения на всей территории страны. В № 16 от 17 ноября в газете «Сталинский путь» и в № 52 также от 17 ноября газеты «За стахановские темпы» опубликован Приказ Верховного Главнокомандующего № 309. В № 32 от 27 июля газеты «За стахановские темпы» помещен Приказ Верховного Главнокомандующего Генералу армии тов. Рокоссовскому, Генералу армии тов. Ватутину, Генерал-полковнику тов. Попову.

На страницах районных газет Ворошиловградской области «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» в 1943 году было отведено место и письмам. Они также принадлежали к внередакционной информации. По утверждению теоретика журналистики В. Здоровеги, «это тот вид аналитики, который никем не планируется, никакой теорией не регламентируется и, по обыкновению, никем не заказывается… И все же люди пишут о том, что болит…» [3, с. 203]. Подтверждение этой мысли находим и в работе Б. Варецького «Шелест страниц, как шелест знамен», где говорится, что именно рабочая струя в партийной печати получила самое широкое и мощное движение, а мысль о том, что лишь литераторы и журналисты-профессионалы способны делать печатные издания, считалась неприемлемой [1, с. 62].

Фронтовые письма – бесценное свидетельство «живой» социальной истории. Приведем наиболее употребительные эмоционально окрашенные выражения, содержащиеся в опубликованных текстах писем военных: «бьем врага», «я буду бить проклятых немцев за надругательство и грабеж, ... до последней капли буду драться», «буду бить врага и отомщу за свое разрушенное село», «мы рассчитаемся с проклятыми за все» и т. д. Эти примеры – народное перефразирование официальной риторики. То есть, в письмах фронтовиков зафиксированы свидетельства единения целей власти и надежд советских людей в годы войны, а также колоритно, стилизовано под героический эпос, показан образ защитника. За жанровой разновидностью газетный эпистолярий военного времени можно сгруппировать так: личные письма воинов с фронта, открытые коллективные письма, письма-обращения.

Анализ писем участников боевых действий показывает, что отомстить врагу стало одним из ведущих мотивов в их общественном поведении. В свою очередь, в официальной идеологии истребление врага считалось священным долгом каждого воина. Свидетельством тому является письмо-обращение бойцов одной из частей к рабочим своего родного города: «И пусть фашистская мерзость знает, что советские бойцы не опустят оружия до тех пор, пока не уничтожат немецко-фашистских мерзавцев всех до единого ... Да будет проклят тот из нас, кто, увидев немца, не убьет его!» [4].

Также среди внередакционных материалов на страницах газет «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» в 1943 году помещены публикации из центральной газеты «Правда». Чаще всего такие статьи занимали место передовой статьи. В них освещались боевые действия Советской Армии, неразрывно связанные с темой героизма и мужества советских людей на фронте и в тылу врага.

Публикации, из которых состоят выпуски районных газет «за стахановские темпы» и «Сталинский путь», различаются по средствам отображения действительности. Это «напечатанное слово – вербальная информация и иллюстрации – визуальная информация» [3, с. 171]. В зависимости от этого все публикации делятся на текстовые и иллюстративные. В анализируемых газетах за 1943 год подавляющее большинство публикаций представляет вербальная информация. Отметим, что фотоиллюстраций нет ни в одном из 61 выпуска газеты «За стахановские темпы». А в газете «Сталинский

путь» фотоиллюстрации были напечатаны трижды: в № 8 от 16 октября, № 14 от 10 ноября и в № 20 от 1 декабря.

Газетная пресса в годы Советской власти функционировала в условиях идеологизации всех сторон жизни общества. В газетах «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» центральное место принадлежит публицистическим материалам: хроникам, заметкам, репортажам, письмам. Используя специфику и возможности каждого жанра, освещались факты и события, которые имели значение для жизни людей, поднимались актуальные вопросы и проблемы политики, промышленности, сельского хозяйства, экономики и других важнейших общественных сфер. Проанализировав номер газеты «Сталинский путь» № 20 за 1 декабря 1943 года, определили, что из 12 материалов 11 относятся к информационным и аналитическим жанрам публицистики. Все эти публикации представляют основное содержание газеты «Сталинский путь» как в целом за 1943 год, так и каждого отдельного номера. Эти тексты дают читателю разнообразную и непрерывную панораму событий на фронтах Великой Отечественной войны, в мире, в стране, области или районе.

Информация, которая содержится в публицистических материалах, подкрепляется сообщениями, которые содержатся в публикациях других типов. Важное место среди них занимают документальные и официальные материалы. Они не присутствуют в каждом номере, а печатаются по мере их появления и необходимости обнародования. Расположены они всегда на первых страницах изданий.

На страницах районных газет «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» были размещены и справочные материалы: объявления и предложения относительно трудоустройства. Справочные материалы печатались по мере их поступления в редакции и размещались на последней странице. На второй странице газеты «За стахановские темпы» № 54 за 27 ноября размещено объявление Правления союза охотников: «… с 20 ноября по 1 декабря в помещении райсовета производится перерегистрация охотничьих ружей и выдача билетов на право охоты на сезон 1943–1944 гг.». В газете «Сталинский путь» трижды за анализируемый период печаталось объявление Попаснянского стеклозавода о приеме на работу квалифицированных рабочих.

Таким образом, газеты «За стахановские темпы» и «Сталинский путь» на протяжении 1943 года продолжили традиции региональной

прессы. Усилилось значение районной периодической печати, которая стала индикатором всех происходящих процессов: пресса отражала ход военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, восстановление объектов промышленного и сельского хозяйства на освобожденных от немецких оккупантов территориях, каждый день оперативно освещались процессы жизни района. Такой редакционный подход обеспечивал созидательную активность общественных сил в сложный и трагический период истории Ворошиловградской (Луганской) области.

Литература

1. Варецкий, Б. И. Шелест страниц, как шелест знамен. Пресса Розсити в трех политических режимах. – М. : «РеСК», «Информ Форте», 2001.
2. Гуревич, С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра : учеб. пособие для вузов / С. М. Гуревич. – М. : Аспект Пресс, 2004.
3. Здоровега, В. Й. Теорія і методика журналістської творчості: Підручник. – 2-ге вид., перероб. і допов. / В. Й. Здоровега. – Львів : ПАІС, 2004.
4. Листи громадян // Державний архів Луганської області – Ф. 326. – Оп. 1. – Спр. 1896. – Арк. 71.
5. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. – М., 1972. – 548 с.
6. Соломонов, Ю. Ю. Региональная пресса Франции. История и секреты успеха ежедневных газет. Серия «Практическая журналистика» / Ю. Ю. Соломонов. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 134 с.

Наталья Кошкарова

Южно-Уральский государственный университет (Россия)

КОНФЛИКТНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В последнее время внимание психологов и лингвистов все чаще обращается на такую форму межличностного общения, как конфликтное взаимодействие. Специфика конфликтного взаимодействия состоит в том, что речевое поведение его участников отражает эмоционально негативное отношение коммуникантов друг к другу, ситуации и факторам, ее порождающим. В речевой деятельности участников конфликта проявляются черты, характерные для такого типа

речевого общения: оценочность, эмоциональность, угроза «лицу» коммуникантов, агрессия.

При рассмотрении конфликта с лингвистической точки зрения в аспекте межкультурной коммуникации важно выделить те факторы, которые могут вызвать затруднения в процессе коммуникации и приводят к сбоям и проблемам в общении. Э. А. Орлова, Л. Б. Филонов [7] отмечают, что среди множества вопросов, возникающих при обсуждении проблем конфликта, одним из наименее ясных является вопрос о факторах, имеющих значение для его возникновения и протекания. Мы полагаем, что только четкое определение причин конфликта может позволить в дальнейшем оптимизировать общение и исключить из процесса коммуникации деструктивные факторы.

Тот факт, что конфликт стал объектом изучения различных дисциплин, является причиной того, что механизмы и причины, его порождающие, в работах разных специалистов описаны или с учетом интересов и специфики только той или иной науки, или недостаточно полно. Сущность современного подхода к рассмотрению описываемых явлений требует объективности и по возможности более интегрированного и универсального взгляда на изучаемые феномены.

Суммируя выводы различных специалистов по вопросу классификации причин конфликтов, в том числе речевого, мы предлагаем разделить всю совокупность разнообразных факторов, порождающих конфликтное коммуникативное поведение человека, на следующие группы:

1. Собственно психологические причины.
2. Прагматические причины.
3. Физиологические причины.
4. Социальные причины.

А. С. Кармин [6] выделяет следующие основные **собственно психологические причины** конфликтов: 1. Ограниченность ресурсов – их качественная и количественная сторона. 2. Различные аспекты взаимозависимости (полномочия, власть, задания и другие ресурсы). 3. Различия в целях. 4. Различия в представлениях и ценностях. 5. Различия в манере поведения и жизненном опыте. 6. Неудовлетворительные коммуникации. 7. Личностные особенности участников столкновений.

Как видно из приведенной классификации, выделенные причины конфликтов нельзя назвать чисто психологическими в том смысле, что общение, например, является объектом изучения нескольких

наук, в том числе психологии и лингвистики, что еще раз подчеркивает научность и востребованность актуального на сегодня междисциплинарного подхода к изучению явлений.

К **прагматическим причинам** конфликтов В. С. Третьякова [9] относит: 1. Различие тезаурусов говорящего и слушающего, различие ассоциативно-вербальной сети говорящего и слушающего, разнообразие средств референции [5, с. 9]. 2. Игнорирование одним из собеседников прагматического компонента в семантике слова, нарушение стереотипных связей между категориями смыслов, наличие стереотипов поведения и мышления [4]. 3. Несовершенство владения языковыми знаками обоими участниками коммуникативного акта, различные уровни чувственных оценок каждого из участников коммуникации [9].

К прагматическим причинам, на наш взгляд, можно отнести и оценочность (эмоциональность) в речи одного из собеседников, что делает проявление речевой агрессии косвенным и имплицитным. Так, например, в интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро» (13 сентября 2008 г.) на вопрос журналиста о покушении на свободу слова в России интервьюируемый прежде всего выразил удивление по поводу вопросов такого содержания: *«Вы знаете, меня все больше и больше удивляют вопросы, связанные со свободой слова в России, со свободой прессы».* Далее В. В. Путин вспомнил интервью американской компании «Фокс Ньюс» с маленькой девочкой 12 лет и ее тетей, которые были свидетелями нападения грузинских войск на Южную Осетию. Примечательна реакция интервьюируемого на поведение американских журналистов (правда о событиях в Южной Осетии так и не была произнесена в эфире – Н. К.): *«Ну знаете, это уже просто даже неинтересно».* В данном примере мы не находим случаев реализации тактик и стратегий, непосредственно характеризующих коммуникативный конфликт. Однако стилистическое оформление предложения, различное его восприятие представителями держав с противоположными взглядами на мировые события делают эту часть диалога уязвимой в плане возникновения противоречий, столкновений, появления разногласий между коммуникантами, коммуникантами и аудиторией.

Еще один пример, когда высказывание журналиста делает общение с интервьюируемым конфликтогенным. В интервью В. В. Пути-

на французской газете «Ле Монд» (31 мая 2008 г.) журналист при оценке существующего строя в современной России приводит в качестве «авторитетного» (использование кавычек продиктовано уязвимостью вопроса с точки зрения конфлиткности. – Н. К.) мнение наблюдателей и самих россиян: *«Некоторые наблюдатели и даже сами россияне часто с трудом пытаются дать определение Российской Федерации. Что это: диктатура, тоталитаризм, демократия? А Вы, у Вас есть ощущение, что Вы сами какую-то систему придумали и какова эта система должна быть?»* Таким образом, не обвиняя напрямую Председателя Правительства России в недостатках существующей в стране системы, автор высказывания провоцирует собеседника на высказывания более жесткого характера, как бы «бросая камень в его огород», при этом ссылаясь на информацию «третьих лиц».

Помехи в общении создаются и **психофизиологическими особенностями** личности, такими, как манера общения, индивидуальная невербалика, темп речи, тембровые особенности, громкость, артикуляционная нечеткость, акцент. Физиологические причины конфликтов в нашем понимании тождественны личностным причинам, выделенным А. Я. Анцуповым, С. В. Баклановским [1]. По мнению авторов, личностные причины связаны с индивидуально-психологическими особенностями участников конфликта. Они обусловлены спецификой процессов, происходящих в психике человека в ходе его взаимодействия с окружающими. К таким причинам можно отнести следующие:

– оценка поведения другого как недопустимого. Характер поведения человека зависит от его индивидуально-психологических особенностей, отношения к конкретному партнеру по взаимодействию, особенностей актуальной ситуации взаимодействия. Если реальное поведение партнера укладывается в рамки желательного или допустимого, то взаимодействие продолжается бесконфликтно;
– низкий уровень социально-психологической компетентности. Конфликтная ситуация – это трудная ситуация социального взаимодействия. К конфликту приводит неподготовленность человека к эффективным действиям в подобных ситуациях;
– недостаточная психологическая устойчивость к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов социального

взаимодействия. Важнейшим направлением профилактики разрешения межличностных конфликтов является содержательная и психологическая подготовка людей к оптимальным действиям в предконфликтных и конфликтных ситуациях;
– плохо развитая способность человека к эмпатии, то есть пониманию эмоционального состояния другого человека, сопереживанию и сочувствию. Недостаточность эмпатийных личностных качеств приводит к тому, что человек ведет себя в ситуации социального взаимодействия не так, как ожидают партнеры по общению, или не понимает чувств партнера по взаимодействию;
– завышенный или заниженный уровень притязаний также способствует возникновению межличностных и внутриличностных конфликтов. Завышенная самооценка обычно вызывает негативную реакцию со стороны окружающих. Заниженная оценка имеет следствием повышенную тревожность, неуверенность в своих силах, тенденцию избегать ответственности и т. д.;
– холерический тип темперамента также может приводить к разрешению противоречивых ситуаций конфликтным способом. Одной из наиболее часто встречающихся личностных причин конфликтов являются различные акцентуации характера. Они проявляются в чрезмерной выраженности отдельных черт характера или их сочетаний у конкретного человека и представляют крайние варианты нормы, граничащие с психопатиями.

Как видно из приведенной характеристики личностных причин конфликтов, они являются в большей степени психологическими факторами деструктивного взаимодействия. Таким образом, личностные причины конфликтов тождественны или являются одним из видов социально-психологических факторов, приводящих к сбоям в функционировании общества и в общении. Так, например, психологическая несовместимость как одна из социально-психологических причин конфликтов рассматривается на четырех уровнях: психофизиологическом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом и социальном [1]. Индивидуально-психологическая несовместимость проявляется в неудачном сочетании темпераментов и характеров взаимодействующих людей. При социально-психологической несовместимости фиксируется противоречие в жизненных

ценностях и идеалах, мотивах, целях деятельности. Такая характеристика психологической несовместимости еще раз подчеркивает общность социально-психологических и личностных причин конфликтов.

При рассмотрении причин речевого конфликта необходимо учитывать и **социальные факторы**, а вернее социокультурные обстоятельства, определяющие поведение того или иного индивида в обществе. В этом случае, как отмечает Е. В. Харченко [10], межличностный конфликт выводится на уровень столкновения двух разных культур, двух разных мировосприятий, а следовательно, систем норм и ценностей. Д. Гудков [2], говоря о коммуникативных неудачах при общении представителей разных культур, в числе прочих выделяет дискурсивные ошибки, которые вызваны не незнанием системы языка, а неверным использованием этой системы. Это обусловливается невладением того, что автор называет «инофоном» системы культурных норм и ценностей того общества, на языке которого ведется общение. Е. В. Харченко [10] такие причины возникновения проблем и конфликтов при межкультурной коммуникации называет несовпадением языковых сознаний коммуникантов.

З. И. Гурьева [3] придерживается сходной позиции по вопросу выделения причин возникновения конфликтов во время общения представителей разных культур. Эти трудности автор объясняет следующим образом. Контактируя с чужой культурой, реципиент видит ее через призму своей локальной культуры, чем, в основном, и предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры. В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т. п. как единственно возможных и, главное, единственно приемлемых. Только выйдя за рамки своей культуры, то есть столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением, человек может понять специфику своего собственного сознания, может увидеть различия или конфликт культур. Именно специфичность этих особенностей чужой культуры, по утверждению З. И. Гурьевой [3], может стать причиной их неадекватной интерпретации реципиентом, либо их непониманием, либо полным игнорированием. З. И. Гурьева [3] отмечает, что столкновение с чужой культурой носит двойственный характер. С одной стороны, она вызывает у реципиента ощущение чего-то странного, непривычного, малопонятного, поэтому естественно чувство не-

доверия, некоторой настороженности по отношению к ней. С другой стороны, она вызывает чувство удивления и интереса (и, может быть, симпатии).

В контексте исследования причин и путей преодоления коммуникативного конфликта именно социальные (социокультурные) факторы являются теми экстралингвистическими показателями, которые влияют на процесс коммуникации, особенно в случае общения представителей двух разных лингвокультур. Не отрицая роли и важности собственно языковых условий порождения коммуникативного конфликта, необходимо признать, что специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи. Специфические характеристики поведения в той или иной национальной общности с наибольшей силой проявляются, когда в контакт вступают представители разных культур, что приводит к сбоям, нарушениям и даже невозможности общения.

На наш взгляд, ареной проявления коммуникативного конфликта являются тексты интервью членов российского эшелона власти представителям зарубежных СМИ, которые (интервью) предоставляют отличную возможность собеседникам не только выразить свое мнение по тем или иным вопросам, но и продемонстрировать то качество, которое мы определяем как *конфликтологическая компетенция коммуникантов*. Именно владение конфликтологической компетенцией может стать механизмом урегулирования (предотвращения) деструктивных форм общения. По нашему мнению, конфликтологическую компетенцию необходимо анализировать в качестве одной из ключевых при формировании компетентности журналиста и политика в обсуждении тех или иных сложных мировых задач.

В лингвистическом плане, с нашей точки зрения, конфликтологическая компетенция собеседников реализуется в таком феномене, как коммуникативная толерантность. На наш взгляд, толерантность как коммуникативная категория находит свое выражение в текстах интервью, где как интервьюер, так и интервьюируемый находят наиболее приемлемый стиль поведения в сложившейся ситуации, выбирают речевые стратегии и тактики для выражения терпимого отношения к собеседнику, регулируют тональность своих высказываний в зависимости от позиции оппонента. СМИ могут стать ментальным основанием формирования (ин)толерантной речевой коммуника-

ции, а также (ин)толерантной коммуникативной личности. Понятие *толерантная коммуникативная личность* введено И. И. Просвиркиной [8]. Таковым определяется участник толерантного коммуникативного акта, реально действующий, способный применить во время речевого общения вербальные и невербальные средства, позволяющие достичь взаимопонимания участников данного акта. Толерантная коммуникативная личность должна: 1) обладать определенными качествами (образ говорящего); 2) знать предмет речи; 3) понимать силу слова; 4) точно излагать свои мысли; 5) бережно относиться к тому, с кем вступает в общение; 6) уметь слушать и слышать собеседника; 7) учитывать толерантный опыт общения.

На наш взгляд, этот список качеств толерантной коммуникативной личности можно было бы дополнить следующими качествами, исходя из действий первой в конфликтном типе дискурса:

1) владеть психологическими механизмами действий в конфликтной речевой ситуации;

2) знать лингвистические механизмы функционирования речевой агрессии в конфликте;

3) адекватно использовать коммуникативные стратегии и тактики при возникновении конфликтного диалога (ссоры).

Таким образом, при рассмотрении конфликта с точки зрения межкультурной коммуникации необходимо изучить этот деструктивный феномен с лингвистической точки зрения, что невозможно без обращения к другим отраслям знания. Конфликтное коммуникативное поведение в случае общения представителей как разных культур, так и одной национальности, порождается четырьмя группами причин: собственно психологические; прагматические; физиологические и социальные причины. В процессе интеракции представителей двух разных лингвокультур особая роль отводится экстралингвистическим факторам. Владение конфликтологической компетенцией может стать одним из путей сокращения (элиминации) конфликтного коммуникативного поведения. В лингвистическом плане конфликтологическая компетенция собеседников реализуется в таком феномене, как коммуникативная толерантность.

Литература

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский. – СПб. : Питер, 2005. – 228 с.

2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 286 с.

3. Гурьева, З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на русском и английском языках) : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / З. И. Гурьева. – Краснодар, 2003. – 446 с.

4. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / О. П. Ермакова, Е. А. Земская. – М. : Наука, 1993. – С. 30–64.

5. Ильенко, С. Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии / С. Г. Ильенко. – СПб., 1996. – С. 23–45.

6. Кармин, А. С. Конфликтология / А. С. Кармин. – СПб. : Лань, 1999. – 442 с.

7. Орлова, Э. А. Взаимодействие в конфликтной ситуации. Некоторые факторы, определяющие ход взаимодействия // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Э. А. Орлова, Л. Б. Филонов. – М. : Наука, 1976. – С. 319–342.

8. Просвиркина, И. И. Лингводидактический аспект толерантной речевой коммуникации / И. И. Просвиркина. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 247 с.

9. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. С. Третьякова. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.

10. Харченко, Е. В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах : дис. … доктора филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Харченко. – Москва, 2004. – 470 с.

Елена Красовская
Белорусский государственный университет

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

В настоящее время одним из наиболее актуальных направлений гуманитарных исследований является изучение текста как «комплексного явления человеческой деятельности, коммуникации и познания» [5, с. 154–155]. Иными словами, в современном научном дискурсе текст понимается как сложный многомерный объект. Такое отношение распространяется и на текст средств массовой информации, о чем свидетельствует ряд работ, объединивших усилия лингвистов, политологов, социологов, психологов, историков и культуро-

логов разных стран [12, с. 13]. Однако для того, чтобы в рамках науки о журналистике синтезировать результаты этих исследований, необходим новый подход. Это обусловлено таким важным фактором, как трансформация культурно-символического пространства в условиях возросшей плотности информационных потоков [14, с. 402] и как следствие – исчерпанностью структурно-функциональной методологии при анализе таких изменений. Не случайно профессор В. И. Ивченков отмечает, что изучение текста в рамках журналистики и языкознания теперь основывается на распознавании системного взаимодействия вербального знака с иными знаками, а также выявлении природы такого взаимодействия [5, с. 154].

Стоит подчеркнуть, что трансформация культурно-символического пространства оказала влияние на весь комплекс социально-гуманитарных дисциплин. Так, в работах по политологии и регионалистике происходит переосмысление некоторых понятий. В частности, ученые отмечают, что, по сравнению с государством, современный регион представляет собой неравновесную структуру, основными характеристиками бытия которого выступают «изменение» и «движение» [6, с. 40], что указывает на возможность «когнитивного смещения образа» регионов [4, с. 146], их «ментального дрейфа» [6, с. 36]. Исходя из этого, пространство региона теперь определяют как «организованные потоки объектов: живых организмов, а также материальных и нематериальных символов» [6, с. 40]. Таким образом, трансформация культурно-символического пространства обусловила внимание исследователей к новой, знаковой составляющей различных объектов действительности.

В сложившейся ситуации текст региональной прессы представляет особый интерес. Являясь по своей сути сложным вербальным знаком, закрепленным на материальном носителе, он постоянно взаимодействует со знаками, наполняющими собой культурно-символическое пространство конкретного региона, и либо «укореняет» образ региона в сознании его жителей, либо способствует его «ментальному дрейфу». Следовательно, изучение текста региональных периодических изданий с учетом их сложности и многослойности позволяет выявить элементы, которые не задаются непосредственно производителем, но воздействуют на восприятие аудитории. Выражаясь словами У. Эко, их можно назвать своего рода «отсутствующими структурами» [18], которые заполняются знаками из окружаю-

щего данный текст культурно-символического пространства. Особые отношения, складывающиеся в этом случае между конкретным текстом и его знаковым окружением, могут способствовать эффективности взаимодействия с аудиторией, а могут ему препятствовать. Применительно к современной региональной периодике такое амбивалентное положение текста требует отдельного рассмотрения. В этой связи целесообразным представляется подход к изучению текста с позиции современной науки, опирающейся на такие фундаментальные категории, как пространство и время.

Исследователи, представляющие разные области научного знания, отмечают, что восприятие времени и пространства у каждого человека строго индивидуально [20, с. 69, 74; 8, с. 235; 7, с. 622]. Различия при восприятии времени объясняются самой его природой: с одной стороны, время невозможно обнаружить опытным путем, а с другой – каждый ощущает на себе его влияние. Академик В. Вернадский писал, что «время проявляется не в виде четвертой координаты, а в виде смены поколений» [1, с. 201], чем и обусловлена неоднозначность и противоречивость представлений о нем. К тому же один и тот же отрезок физического времени в зависимости от ситуации и настроения может казаться быстротечным или длительным. Все это и объясняет тот факт, что «каждый человек живет как бы в наиболее подходящем для него времени, по-своему оценивая и организуя его» [20, с. 74]. В отношении пространства складывается несколько иная ситуация: его трактовка определяется постнеклассической философской традицией, согласно которой пространство – это специфические отношения между объектами, исходя из чего «в мире нет какого-то всеобщего пространства, а есть бесконечное множество индивидуальных пространств» [20, с. 69].

И все же, при всей несхожести восприятия людьми пространственных и временных характеристик Универсума, именно текст региональной периодики позволяет зафиксировать закономерности восприятия пространства и времени, свойственные жителям того или иного региона. Немаловажно, что эти закономерности антропологически обусловлены. Так, ряд исследователей подчеркивает, что современный человек, как и в доисторические времена, все еще делит пространство по принципу бинарных оппозиций на «свое» и «чужое» [9, 175; 19, с. 149; 15, с. 48], при этом «свое» (в данном случае – региональное пространство) характеризуется как «положительное», а все, что находится за его пределами – как «отрицательное» [20, с. 70–71].

В свою очередь, бинарная оппозиция «свое» – «чужое», используемая по отношению к территории проживания людей и ее окружению, привносит в понятие границы дополнительные коннотации: с одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет, выполняя, по образному выражению Ю. Лотмана, функцию фильтрующей мембраны [9, с. 183]. Граница, таким образом, преобразует «внешнее» во «внутреннее», тем самым создавая уникальные характеристики региона.

Стоит отметить, что население региона руководствуется еще одной оппозицией – «прошлое – будущее». Данный факт объясняется тем, что, несмотря на повсеместное распространение динамической концепции времени, постулирующей три основных его состояния, бытие настоящего настолько неуловимо – всего лишь «точка времени, где прошлое переходит в будущее» [20, с. 73], что ведущая роль при восприятии времени принадлежит именно этой бинарной оппозиции.

Особенность восприятия жителями региона пространства и времени позволяет выявить особенность текста региональных печатных СМИ. Она состоит в том, что, по сравнению с текстом республиканской периодической печати, текст региональной позволяет зафиксировать антропологически обусловленные закономерности восприятия пространства и времени, свойственные жителям региона. В частности, российский исследователь Л. Майданова пишет, что уже сам тип газеты (областная, районная, городская и т. д.) осуществляет «привязку» к конкретному региону [11, с. 56], что позволяет трактовать его не иначе как «свою», «положительную» территорию. Автор выделяет еще один важный аспект восприятия газетного текста: «содержательная связь публикации с указанной географической точкой для читателя несомненна и имеет большое значение при создании впечатления достоверности, точности, документальности изложения» [11, с. 56].

По поводу восприятия времени Л. Майданова, ссылаясь на мысль академика Д. Лихачева, пишет: «Время газетных текстов – открытое время, оно включено в более широкий поток времени, развивается на фоне точно определенной исторической эпохи» [11, с. 54], что позволяет утверждать: каждая региональная газета конструирует свое собственное время, сообразуясь с тем ритмом, в котором живет конкретный регион. В свою очередь, это сконструированное региональной прессой время вливается в более широкий поток республи-

канского и еще шире – исторического времени. Исследователь также обращает внимание на особое строение текстового времени, «связанного с датой номера, что впрямую обусловлено требованиями актуальности и документального характера газетных публикаций» [11, с. 56]. Именно это особое строение текстового времени позволяет осуществлять связь времени реального – прошлого и будущего, – представляя неуловимое настоящее во всем его многообразии.

Таким образом, абстрактные категории пространства и времени получают свое материальное воплощение в тексте региональных печатных СМИ, что дает возможность свести воедино множество индивидуальных представлений о пространственных и временных характеристиках Универсума. Кроме того, антропологически обусловленные закономерности восприятия пространства и времени, свойственные жителям того или иного региона, отображаются в тексте региональной периодики и, транслируясь на региональную аудиторию, формируют целостную картину регионального мира.

С понятиями пространства и времени непосредственно связана категория континуума. Термин «континуум» обозначает непрерывное образование чего-либо, нерасчлененный поток движения во времени и пространстве [3, с. 87]. Необходимо отметить, что этот термин все чаще встречается в работах лингвистов, посвященных изучению текста. Так, российский исследователь И. Гальперин пишет: «Континуум как категорию текста можно в самых общих чертах представить себе как определенную последовательность фактов, событий, явлений, развертывающихся во времени и пространстве…» [3, с. 87].

Категория континуума, рассматриваемая таким образом, позволяет представить факты, события и явления, развертывающиеся в региональном времени и пространстве, в качестве текста региональной периодики. Но поскольку в самом тексте (словесном сообщении) реализуются преимущественно временные характеристики, а в иллюстрации (визуальном сообщении) – пространственные, то текст региональных печатных СМИ необходимо понимать как смысловое единство текста и иллюстрации.

Обоснованность такого подхода подтверждает сама этимология понятия «текст»: латинское «textum» определяется как «ткань», «связь», «соединение», «строение»; «textus» – «сплетение», «структура», «связное изложение»; «texo» – «ткань», «сплетать», «сочинять», «переплетать», «сочетать» [15, с. 418]. А тот факт, что современные

печатные медиа работают с информацией во всех ее проявлениях – «от фиксации факта до его чувственного отображения» [16, с. 90], подтверждает целесообразность такого понимания, позволяя представить текст региональной периодики как смысловое единство текста и иллюстрации. При этом, по словам белорусского исследователя Н. Фрольцовой, сказанным в отношении аудиовизуальных СМИ, но сохраняющих свою актуальность при названном подходе, в тексте, рассматриваемом как смысловое единство собственно текста и иллюстрации, происходит «соединение логической силы слова с выразительными особенностями изображения» [17, с. 6].

Текст региональных периодических изданий, понимаемый таким образом, имеет свои специфические черты. Наиболее четко они выявляются при использовании подхода, разработанного семиотической школой Ю. Лотмана, который базируется на «презумпции создателя и аудитории». Согласно ему, текст трактуется как пересечение точек зрения автора текста и аудитории. Третьим компонентом является наличие определенных структурных признаков, воспринимаемых как сигналы текста [10, с. 103]. В случае региональных печатных СМИ к такого рода сигналам относятся используемые в тексте диалекты, экспрессивно окрашенные лексические единицы, связанные с историческими, географическими, социальными и другими особенностями конкретного региона, а также топонимы. Именно эти компоненты текста региональной прессы придают ему уникальность и помогают выделиться не только на фоне текста республиканской, но и текста иных типов медиа.

Ю. Лотман отмечает, что пересечение трех элементов – точки зрения создателя текста, аудитории и сигналов самого текста – «создает оптимальные условия для восприятия объекта в качестве текста» [10, с. 103]. Но особенность текста региональной периодической печати еще и в том, что ему присуща не только собственно текстовая, но и дополнительная, сопутствующая, по терминологии У. Эко – референтивная составляющая [18, с. 179]. В соответствии с распространенным в отечественной науке о журналистике структурно-функциональным подходом эта референтивная составляющая именуется функциональными ресурсами региональной прессы. При этом под функциональными ресурсами понимаются «потенциально присущие типологические возможности, которыми располагает определенный тип газет в выполнении своих функций» [2, с. 17]. К функциональ-

ным ресурсам региональной периодической печати относятся: узнаваемость предлагаемой информации, стимулирующая личностный смысл; обращенность к конкретной читательской аудитории; близость газеты с читателями и авторами, обеспечивающая их взаимодействие; тесная и оперативная обратная связь, благоприятно влияющая на учет конкретной ситуации; обеспеченность доверительностью, личностным фактором информационно-публицистического и организационно-массового процессов [2, с. 25–26].

Таким образом, текст региональной прессы обладает значительным ресурсным потенциалом, компоненты которого существуют на двух структурных уровнях: эксплицитном и имплицитном. К первому из них относятся лексические составляющие (диалекты, топонимы, экспрессивно окрашенные единицы, раскрывающие особенности конкретного региона), ко второму – функциональные. При этом особенно важно, чтобы в региональных газетах компоненты обоих структурных уровней были задействованы по максимуму. Для этого автор текста должен овладеть особой техникой работы, то есть осознанно использовать компоненты как эксплицитного, так и имплицитного уровней, а свою аргументацию основывать на ментальных ценностях, имеющих первостепенное значение для жителей данного региона. Если творческие сотрудники региональных газет освоят эту методику, белорусская региональная пресса сможет осуществить переход от стихийного формирования образа региона, так называемого «ментального дрейфа», которое наблюдается в настоящее время, к целенаправленному формированию и позиционированию его образа, что способствует привлечению иностранных инвестиций в конкретный регион и в страну в целом. Кроме того, поскольку тексты региональной периодической печати опираются на ментальные ценности жителей региона, это позволяет имплицитно делать акцент на те из них, которые способствуют позитивной трансформации ментальности, что, в свою очередь, ускоряет процесс модернизации жизни белорусского общества.

Литература

1. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М., 1965. – 374 с.

2. Газета + радио. В помощь редакторам региональных СМИ / В. В. Русакевич [и др.] – Минск, 2004. – 155 с.

3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.

4. Замятин, Д. Н. АТР и северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI в. / Д. Н. Замятин // Восток. – 2004. – № 1. – С. 142–153.

5. Іўчанкаў, В. І. Сумежжа журналістыкі і лінгвістыкі: перспектывы інтэграцыі / В. І. Іўчанкаў // Журналістыка-2004 : матэрыялы 6-й Міжнар. навук.-практ. канф. ; рэдкал. : В. П. Вараб'ёў (адк. рэд.) і інш. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 154–157.

6. Каримова, А. Б. Регионы в современном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ecsocman.edu.ru/data/183/675/1216/Sotsis_5_06_p32-41.pdf. – Дата доступа : 24.10.2010.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 709 с.

8. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 2-е изд., доп. – Л. : Худож. лит., 1971. – 414 с.

9. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

10. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб., 2000. – 704 с.

11. Майданова, Л. М. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма / Л. М. Майданова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 180 с.

12. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ. – 272 с.

13. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

14. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К. : Ваклер, 2000. – С. 768 с.

15. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аграф, 2009. – 544 с.

16. Социология журналистики: учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Блохин [и др.]; под ред. С. Г. Корконосенко. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 318 с.

17. Фрольцова, Н. Т. Типология творческой деятельности в аудиовизуальной коммуникации / Н. Т. Фрольцова. – Минск: БГУ, 2003. – 217 с.

18. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Петрополис, 1998. – 432 с.
19. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко. – М. : Эксмо, 2007. – 592 с.
20. Яскевич, Я. С. Философия и методология науки. Вопросы и ответы: полный курс подготовки к кандидатскому экзамену / Я. С. Яскевич. – Минск : Выш. шк., 2007. – 656 с.

Глеб Кудряшов
Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко (Украина)

БЕЛОРУССКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ УКРАИНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «СВІТЛО»

Первый украинский педагогический журнал для семьи и школы «Світло» (1910–1914), несколько номеров которого хранится в фондах научной библиотеки Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко, – это библиотечная коллекция, унаследованная от Просветительского союза «Украинская культура», существовавшего в Полтаве в начале XX века (об этом свидетельствуют экслибрисы на титульных страницах всех экземпляров издания). Замысел издавать журнал появился у педагога, журналиста и просветителя Григория Шерстюка еще в 1907 году, когда в Полтаве он начинал заниматься издательской деятельностью. Но нехватка финансовых средств, необходимого количества сотрудников, которые смогли бы работать над изданием просветительского журнала, воспрепятствовали реализации издательского проекта. Но Г. Шерстюка не остановили ни тяжелые материальные условия, ни понимание того, что там, где нет еще украинской национальной школы, существование украинского педагогического журнала будет почти невозможным [4, с. 6]. Идею об издании журнала Г. Шерстюк вынашивал до 1910 года, когда вместе со своими сторонниками начал издавать в Киеве журнал «Світло», выходивший в свет раз в месяц в созданном и возглавляемом Г. Шерстюком издательстве «Український Учитель».

Во вступительной статье издания за март 1912 г. редакция отметила, что «много занимательности, разнообразия и оживления дают журналам искусно составленные и содержательные сообщения с мест: они, как те рисунки в книге, иллюстрируют сухую, времена-

ми мудреную, теоретическую часть журнала» [5, с. 3]. В частности, на страницах украинского педагогического журнала для семьи и школы «Світло» находим несколько любопытных материалов, касающихся развития образования и книгоиздания в Беларуси, а также различных вопросов украинско-белорусских гуманитарных связей.

В январском выпуске журнала за 1912 г. в рубрике «Критика и библиография» была опубликована рецензия украинского педагога и общественного деятеля, соредактора журнала Софии Русовой на «Беларускі Календар» [3]. Статья стала частью богатой библиографии С. Русовой, которая на протяжении 1910–1914 гг. опубликовала на страницах журнала «Світло» более сотни разножанровых материалов. Издание вышло в свет в Вильно в 1912 г. в редакции газеты «Наша Ніва». Как известно, в Беларуси с 1906 г. стали издаваться первые легальные газеты «Наша Доля» и «Наша Ніва». Последней принадлежит особая роль в развитии белорусской культуры. Кроме публикации на своих страницах произведений белорусских писателей-классиков, редакция «Нашай Нівы» начиная с 1910 года стала издавать «Беларускі Календар». Издание было отмечено серебряной медалью на Быховской сельскохозяйственной выставке в 1911 году. Потенциальный читатель должен был заплатить за календарь 15 копеек.

С. Русова отмечает наличие в сборнике разнообразных общестатистических и сельскохозяйственных материалов, а также многочисленных статей этнографической тематики. Например, о праздновании Пасхи, Рождества, а также других народных праздников: «Купалле», «Зажынкі», «Дажынкі» и «Дзяды». В Беларуси Рождество известно и под старинным названием «Каляды», которое, по мнению С. Русовой, «дышит далекой увлекательной стариной» [3, с. 67].

Вместе с тем «Беларускі Календар» интересен и хорошо подобранным литературным материалом, состоящим из народных сказок и небольших рассказов, перепечатанных преимущественно из «Нашай Нівы». «Сколько в них печальных картин тяжелой жизни белорусского люда, сколько в них искреннего, глубокого чувства любви к своему бедному краю», – пишет в своем очерке С. Русова. Но о родном крае заботятся истинные патриоты. Наряду с уже известными белорусскими поэтами Янкой Купалой и Якубом Коласом появляются новые имена, и крепнет белорусское литературное слово. С. Русова в своей рецензии призывает и украинцев последовать совету белорусского

публициста, прозаика и литературоведа, одного из основателей белорусской профессиональной критики Сергея Полуяна, который на вопрос «Что делать для сознательного уважения своего, родного?» отвечает на страницах «Календара» так: «Необходимо, чтобы шло на село как можно больше белорусских книг и белорусских газет. Пусть каждый наш читатель <…> своим родным и знакомым рассказывает о них <…>. Чем шире круг наших читателей, тем большее значение имеет каждое наше слово, ибо гурт людей к нему прислушивается, пользуется им из пока еще небольшой сокровищницы нашей культуры. Каждый белорус должен распространять печатное слово на родном языке. Пусть он знает, что его труд не пропадет даром, что он положит кирпич в огромный дом культурного благополучия его народа. Каждый из нас должен приближать светлый день для своего народа. Нет лучше долга, как труд во имя приближения правды и света. Это святой долг» [1, с. 79].

С. Русова отмечает небезынтересные статьи о белорусском языке и его положении в Беларуси в прошлом. В общем, и литературный, и сельскохозяйственный, и кооперативный разделы «Календара» отличаются наличием полезного просветительского материала, который, по мнению С. Русовой, предрасположит белорусских крестьян к родному языку. Хотя автор обращает наше внимание на один «дефект» «Календара» – несколько грубое содержание раздела «Жарты», который представлен в первой части издания.

В рубрике «З біжучого життя» своими размышлениями о роли родного языка в развитии национальной школы поделился на страницах журнала С. Титко, озаглавив так свою статью: «Білоруси про рідну школу» [6]. Автор обращает внимание читателя на то, что главным настоянием каждого национального движения является требование родной школы – той почвы, на которой может развиться полноценная национальная жизнь народа, ибо она несет истинное образование народу в понятной и близкой ему форме и воспитывает сознательных граждан. По мнению С. Титко, это хорошо понимали и деятели еще молодого белорусского национального возрождения, которое приобрело значительные масштабы. Белорусские просветители при помощи печатного слова распространяли среди интеллигенции и крестьянства мысль о том, что только школа с родным языком дает подлинное образование белорусу. В единственном белорусском еженедельнике «Наша Ніва» (в апреле 1912 г. в Вильно на

белорусском языке стал выходить сельскохозяйственный ежемесячник «Соха», который считается вторым белорусским журналом) часто появлялись статьи о белорусской школе. С. Титко в своем материале рецензирует две статьи на школьную тематику из «Нашай Нівы» (№ 11, 1912) – «Як вучыць рэлігіі?» и «Думкі аб школьнай справе». По мнению автора, эти материалы полезны и украинцам, поскольку родная школа – одно из чаяний украинского народа. Кратко ознакомив читателя с содержанием двух заинтересовавших его статей, С. Титко соглашается с автором последней, который, обращаясь к учителям-белорусам, признает, что лишь национальная школа может выполнить важнейшее задание – высвободить народ из тьмы. Школа не должна насаждать чужую культуру, как думают почти все, кто учит белорусов на русском или польском языках. Школа, которая обращается к ученику на чужом, непонятном для него языке, не может развить душу, сердце и мысли ребенка. Настоящая школа развивает «свое, не чужое», все то, что запечатлелось в детской голове с первых дней жизни как наследие прошлых поколений – дедов и прадедов, которые жили этим культурным достоянием, преумножали его и передавали детям и внукам [6, с. 49]. Несмотря на то, что народная школа дает немного знаний. «От этого культурным не станешь», – считает С. Титко. Национальная школа на родном языке не даст разрушить фундамент, заложенный в душу природой, «присудившей ей родиться и быть белорусом». Поэтому для белорусов обучение детей родному, материнскому языку имеет такое огромное значение. Эта и другие мысли о школе, напечатанные на страницах «Нашай Нівы», по мнению С. Титко, не теряли значения и для украинцев. Несмотря на то, что уже много написано о необходимости родной украинской школы, «еще довольно много придется говорить об этом, напоминать о себе, добиваться удовлетворения наших насущных нужд на ниве воспитания и школьного образования» [6, с. 50].

Мартовский выпуск журнала «Світло» сообщил об учреждении нового Издательства имени выдающегося педагога, видного деятеля народного просвещения Сергея Федоровича Грушевского [2]. С целью удовлетворения потребности широких масс в популярной литературе и в связи с ее острой нехваткой наследниками С. Ф. Грушевского, читаем на страницах педагогического журнала, дабы исполнить последнюю волю покойного, было решено издать ряд книг по мировой географии. Был объявлен конкурс, который заинтересо-

вал бы в первую очередь читателей журнала «Світло». Серия должна была состоять из книг с иллюстрациями по 16 страниц каждая, популярно и просто написанных, посвященных «краям, представляющим этнографическую целостность» [2, с. 53], со сведениями об истории заселения, культуре, этнографии, экономике, общественно-политическом устройстве. Сопредельным же землям можно было посвятить отдельное издание. В контексте изучения материалов белорусской тематики на страницах украинского педагогического журнала «Світло» это сообщение интересно тем, что в ориентировочном плане Издательства имени С. Ф. Грушевского на первой позиции – книга о Беларуси и Литве. К сожалению, невзирая на обещания выплаты гонорара за рукопись потенциальным авторам (20 рублей за 16 страниц (приблизительно 25 тыс. букв)) и представительное жюри в составе известных украинских писателей, издателей и общественных деятелей Александра Кандыбы (псевдоним – Олесь), Спиридона Черкасенко, Евгения Чикаленко, Юрия Тищенко (псевдоним – Сирый), серия не была выпущена. По нашему мнению, реализации планов вновь созданного издательства помешали произошедшие в скором времени революционные события. Однако, учитывая тот факт, что планировалось издать 35 томов описанной выше серии, такой приоритет Беларуси в очередности выпуска книг о странах мира объясняется многовековыми культурными и политическими связями между Украиной и Белой Русью. Подтверждением этого тезиса служат и опубликованные статьи на белорусскую тематику в украинском педагогическом журнале «Світло».

Литература

1. Беларускі Календар. – Вільня : выд. «Нашай Нівы», 1912.
2. Видавництво імені С. Ф. Грушевського // Світло. – 1912. – Березень. – Кн. 7. – С. 52–54.
3. Русова, С. Беларускі Календар / С. Русова // Світло. – 1912. – Січень. – Кн. 5. – С. 67–68.
4. Світло. – 1911. – Жовтень. – Кн. 2.
5. Світло. – 1912. – Березень. – Кн. 7.
6. Титко, С. Білоруси про рідну школу / С. Титко // Світло. – 1912. – Квітень. – Кн. 8. – С. 47–50.

Ганна Кулеш
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

УСКЛАДНЯЛЬНЫЯ ДЗЕЕПРЫМЕТНІКАВЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў МОВЕ ЗАКАНАДАЎСТВА

Выразнай сінтаксічнай адметнасцю заканадаўчых тэкстаў з'яўляецца даволі значнае выкарыстанне ў іх ўскладненых сказаў. Гэта стылістычная асаблівасць прадыктавана імкненнем складальнікаў дакументаў выкласці ўсе неабходныя акалічнасці ў адным сказе [5, с. 13]. У якасці ўскладняльных канструкцый, акрамя шматлікіх радоў аднародных членаў, дзеепрыслоўных зваротаў, нярэдка выкарыстоўваюцца дзеепрыметнікавыя звароты. У даследаваннях па стылістыцы адзначаецца іх пашыранасць і ў навуковым і публіцыстычным стылях. Паводле літаратурных звестак, частотнасць ужывання дзеепрыметнікаў у кніжных стылях рускай мовы складае 6 %, у той час як у размоўным – усяго толькі 0,1 % [6, с. 259].

Пашырэнне дзеепрыметнікавых канструкцый у якасці ўскладняльнага кампанента сказа у афіцыйна-справаводчых тэкстах тлумачаць, з аднаго боку, неабходнасцю дэталізацыі выкладу, што патрабуе шматлікіх агаворак [6, с. 322], з другога – праяўленнем фундаментальнай тэндэнцыі мовы да эканоміі, да фарміравання і выкарыстання больш кароткіх (у параўнанні з суадноснымі сінанімічнымі) формаў выказвання думкі [10].

Існуе меркаванне, што лінгвістычныя асаблівасці заканадаўчага тэксту, на якой мове ён ні быў бы напісаны, зводзяцца да пэўнага, прыблізна аднолькавага, іх набору [1]. Аднак нельга не заўважыць, што інтэнсіўнасць праяўлення спецыфічных стылёвых рысаў, ступень іх пашыранасці, месца ў іерархіі стылеўтваральных сродкаў у разнамоўных (нават блізкамоўных) тэкстах можа не супадаць, прычым значна. І гэта мае сваё тлумачэнне. Мова юрыдычных дакументаў, з'яўляючыся прадуктам развіцця агульнаўжывальнай мовы, зведвае на сабе ўплыў усіх тых фактараў, якія абумоўліваюць яе нацыянальную спецыфіку [3].

Цесная сувязь станаўлення і развіцця юрыдычнай мовы з заканамернасцямі фарміравання нацыянальнай мовы выразна прасочваецца пры супастаўленні лінгвістычных асаблівасцей разнамоўных паралельных тэкстаў. Калі параўнаць колькасць дзеепрыметнікавых зваротаў у ролі канкрэтызуючых кампанентаў у рускім тэксце

закона і ў перакладзеным на беларускую мову, то атрыманыя лічбы будуць выразна адрозніваецца. Так, на 100 сказаў УК-61 прыпадае ў сярэднім[1] 92 ужыванні, на такую ж колькасць сказаў КК-61 – толькі 48, у КоАП-85 і КаАП-85 – 102 і 34, а ў ИК-00 і ВК-00 – 75 і 14 адпаведна. Калі вызначыць сярэднюю колькасць ужыванняў дзеепрыметнікавых зваротаў у названых беларускамоўных тэкстах, то яна складзе ўсяго каля 35 % ад колькасці ў рускамоўных.

У якасці паказчыка мы бралі колькасць менавіта ўскладняльных дзеепрыметнікавых канструкцый, а не ўскладненых сказаў, паколькі ў заканадаўчых тэкстах з прычыны значных памераў сказаў (нават простых) з-за наяўнасці шматлікіх пералічэнняў нярэдка адзін сказ можа ўскладняцца некалькімі дзеепрыметнікавымі зваротамі. Так, першы сказ артыкула 54 Крымінальнага кодэкса БССР рэдакцыі 1961 г. уключае ў сябе восем аднародных ускладняльных канструкцый, кожная з якіх у сваю чаргу мае дзеепрыметнікавы зварот.

Дзеепрыметнікі, акрамя выкарыстання ва ўскладняльных канструкцыях, выконваюць як мінімум яшчэ тры функцыі: ролю выказніка або ўваходзяць у яго склад (*Злачынства прызнаецца ўчыненым па неасцярожнасці*), ужываюцца ў тэрміналагічных словазлучэннях (*пацярпелая асоба*), служаць асновай для ўтварэння тэрмінаў-субстантываў (*асуджаны*). Калі прыняць пад увагу згаданыя вышэй 6 % і ўлічыць вызначаную колькасную суадноснасць дзеепрыметнікаў у беларускіх і рускіх тэкстах, можна сказаць, што частотнасць іх у складзе зваротаў у кніжных стылях беларускай мовы складае не больш за 2 % ад усіх словаўжыванняў.

Колькасць ускладняльных зваротаў з галоўнымі кампанентамі, выражанымі дзеепрыметнікамі, у беларускамоўных тэкстах законаў у параўнанні з паралельнымі рускамоўнымі становіцца значна меншай у выніку замены іх неўласцівых і ненарматыўных формаў – незалежнага і залежнага стану цяперашняга часу, незалежнага стану прошлага часу (акрамя ўтварэнняў з суфіксам -*л*-), зваротных формаў.

Традыцыя замяняць неспецыфічныя формы дзеепрыметнікаў на іншыя граматычныя сродкі бярэ свой пачатак у старажытнасці. Спосабы замены на адэкватныя сродкі з арсеналу жывой беларускай мовы, якія «параўнальна дакладна перадавалі сэнс кніжна-

[1] Для дасягнення найбольшай дакладнасці пры вызначэнні колькасных паказчыкаў з тэксту кожнага закона выбіралі па 100 сказаў тры разы з розных раздзелаў.

славянскіх дзеепрыметнікаў», выкарыстаныя паслядоўнікам Скарыны і сучаснікам Буднага Васілём Цяпінскім пры перакладзе Новага Запавету (каля 1580 г.), апісаў вядомы гісторык мовы А. І. Жураўскі [4, с. 210–213]. Старaславянскія дзеепрыметнікі незалежнага стану цяперашняга часу перакладчык перадаваў праз дзеепрыслоўі (*аще кто имреть не имыи чядъ – есьли хто имреть не маючи детеи*), назоўнікі (*се приближися предаи мя – ото приближилъсе выдавца мои*), прыметнікі (*боуди оувещеваяся съ соперникомъ своимъ – будь згодливыи съ спротївникомъ своим*). Адзначана і перадача такіх формаў дзеепрыметнікаў праз дадзены азначальны сказ (*тои есть илия хотяи приити – тотъ естъ илья которыи мелъ приити*). Аднак такі спосаб перакладу ў Евангеллі адзінкавы. Жураўскі тлумачыць гэту акалічнасць тым, што Цяпінскі, перакладаючы рэлігійны тэкст, «не хацеў аддаляцца ад сінтаксічных канструкцый кніжнаславянскай мовы, імкнучыся захаваць знешнюю форму помніка» [4, с. 212]. У пэўных выпадках Цяпінскі «абеларушваў» старaславянскія дзеепрыметнікі незалежнага стану цяперашняга часу з кампанентам -*щ*-, ужываючы адпаведнікі з кампанентам -*ч*-. Аднак паколькі «ўвогуле дзеепрыметнікі не былі ўласцівы жывой беларускай мове часоў Цяпінскага», А. І. Жураўскі называе іх «штучнымі формамі ў беларускім фанетычным абліччы», якія пашырыліся пад уздзеяннем кніжнаславянскай мовы [4, с. 211].

У іншых старaславянскіх формах Цяпінскі таксама рабіў замену суфіксаў. Пры ўжыванні формаў прошлага часу незалежнага стану аддаваў перавагу беларускім адпаведнікам з суфіксам -*н*- або -*л*- (*спасти погибшаго – заховати згубленого*, *ко овцам погибшимъ – къ овцамъ погинулымъ*). Дзеепрыметнікі цяперашняга часу залежнага стану з суфіксамі -*ом*-, -*ем*-, -*ім*-, якія «зусім не былі ўласцівы старажытнай беларускай мове» [4, с. 212], замяняў на адпаведнікі з суфіксамі -*н*- або -*т*- (*древо иже не творитъ плода добра, посекаемо бываетъ и во огонь вметаемо – дерево, которое не чинит овощу доброго, вытято бываеть и до огня вкидывано*).

Такое ўжыванне дзеепрыметнікаў Васілём Цяпінскім А. І. Жураўскі разглядае як ускоснае сведчанне таго, што «дзеепрыметнікі як самастойная граматычная катэгорыя не былі ўласцівы жывой старажытнай беларускай мове» [4, с. 213].

Палічылі важным так падрабязна перадаць назіранні аўтарытэтнага даследчыка гісторыі мовы, паколькі ў некаторых публікацыях сустракаюцца выказванні, што «дзеепрыметнікі ўсіх форм

могуць быць кадыфікаваны для афіцыйна-дзелавога стылю, за выключэннем зваротных дзеепрыметнікаў» [2, с. 68]. Такое меркаванне абгрунтоўваецца глыбокімі гістарычнымі каранямі гэтай граматычнай катэгорыі. Але згаданае і іншыя даследаванні гісторыкаў мовы [8; 9] паказваюць: магчымасць ужывання дзеепрыметнікаў у кніжных стылях дапускалася з-за таго, што, з'яўляючыся прыналежнасцю выключна царкоўнаславянскай пісьмовай традыцыі, яны не мелі адпаведнікаў у беларускай мове. Што ж да канцылярска-юрыдычнага пісьменства, то ў яго граматычным ладзе нормы тагачаснай беларускай мовы «знаходзілі найбольш поўную рэалізацыю» [4, с. 262].

У 20-я гады XX ст., на пачатковым этапе складвання лінгвістычных сродкаў афіцыйна-справавога стылю, калі афіцыйныя, у тым ліку і заканадаўчыя тэксты, у пераважнай большасці перакладаліся з рускай мовы, а не складаліся па-беларуску, ужыванне ў іх дзеепрыметнікаў цяперашняга часу незалежнага стану і залежнага стану з суфіксамі *-ом-*, *-ем-*, *-ім-* «трэба аднесці цалкам за кошт уплыву рускай літаратурнай мовы, калі прыняць пад увагу, што народным гаворкам гэтая граматычная катэгорыя амаль невядома» [7, с. 232]. Разам з тым даследаванне тагачасных беларускіх заканадаўчых тэкстаў ілюструе імкненне іх складальнікаў знайсці адпаведнікі, найбольш адэкватныя граматычным асаблівасцям мовы.

Так, у першых 100 сказах УК-28 выяўлена 91 ускладняльная канструкцыя з рознымі формамі дзеепрыметнікаў. У гэтым жа фрагменце беларускамоўнага варыянта ўжыта толькі 49 дзеепрыметнікавых зваротаў, а 42 зваротам адпавядаюць даданыя азначальныя сказы.

На даданыя азначальныя заменены –

● канструкцыі са зваротнымі формамі дзеепрыметнікаў: *государству, **находящемуся** с Союзом ССР в состоянии войны* (УК-28, 65) – *дзяржаве, якая знаходзіцца ў стане вайны з Саюзам ССР* (КК-28, 65)[1]; *оказание помощи **находящимся** под влиянием этой буржуазии общественным группам* (УК-28, 66) – *дапамога тым грамадзкім групам, якія знаходзяцца пад уплывам гэтай буржуазіі* (КК-28, 66);

● канструкцыі з дзеепрыметнікамі цяперашняга часу незалежнага і залежнага стану: *не отвечает по долгам и обязательствам,*

[1] У ілюстрацыйным матэрыяле захоўваюцца моўныя асаблівасці арыгінала.

***падающим** на имущество* (УК-28, 44) – *не адказвае за даўгі і абавязанасьці, што прыпадаюць на маёмасьць* (КК-28, 44); *экономических сведений, не **составляющих** по своему содержанию специально **охраняемой** государственной тайны, но не **подлежащих** оглашению по прямому запрещению закона* (УК-28, 68б) – *зьвестак, якія не зьяўляюцца дзяржаўнаю тайнаю, што спэцыяльна ахоўваецца, але абвяшчэньне якіх забаронена законам* (КК-28, 68б);

● канструкцыі з дзеепрыметнікамі прошлага часу незалежнага стану: *по собственному побуждению лица, **совершавшего** или **подготовлявшего** его* (УК-28, 23) – *па волі асобы, якая ўчыняла альбо падрыхтоўвала яго* (КК-28, 23); *статья не распространяется на лиц, **совершивших** преступление в состоянии опьянения* (УК-28, 13 прим.) – *артыкул не пашыраецца на асоб, якія ўчынілі злачынства, будучы п'янымі* (КК-28, 13 ув.).

У некаторых выпадках на дадания сказы замяняліся і ўскладняльныя дзеепрыметнікавыя канструкцыі, што ўключалі формы залежнага стану прошлага часу. Падобныя трансфармацыі рабіліся з прычыны розных акалічнасцей:

● калі такія формы дзеепрыметнікаў ужываліся ў якасці аднародных з неўласцівымі або ненарматыўнымі формамі. У гэтым выпадку замена была прадыктавана неабходнасцю захаваць іх функцыю аднародных членаў сказа: *недонесение о **совершенном** или **готовящемся** преступлении преследуется* (УК-28, 26) – *непаведамленьне аб злачынстве, якое ўчынена альбо падрыхтоўваецца, прасьледуецца* (КК-28, 26);

● калі рускі дзеепрыметнікавы зварот суадносіўся з так званым «расшчэпленым» выказнікам, які ў беларускіх заканадаўчых тэкстах 20-х гадоў XX ст. часцей за ўсё перадаваўся дзеясловам, аднакаранёвым з аддзеяслоўным назоўнікам (*подвергнуть заключению – зняволіць*): *лицо, **подвергнутое** заключению до суда* (УК-28, 47) – *асоба, якая была зьняволена да суда* (КК-28, 47);

● калі ўжываліся дзеепрыметнікавыя звароты з паслядоўным падпарадкаваннем, якія мелі аднатыпныя формы дзеепрыметнікаў. Пераклад другога словазлучэння дададанай часткай рабіла выказванне больш выразным: *всякое действие или бездействие, **направленные** против основ советского строя или правопорядка, **установленных** рабоче-крестьянской властью* (УК-28, 4) – *усякае дзеяньне альбо бяздзеяньне, накіраваныя супроць асноў савецкага ладу альбо правапарадку, якія ўстаноўлены рабоча-сялянскаю ўладаю* (КК-28, 4).

У асобных выпадках рускія ўскладняльныя дзеепрыметнікавыя звароты трансфармаваліся ў даданыя уступкі. Такі спосаб замены быў прадыктаваны не толькі неўласцівасцю формы дзеепрыметніка, але і характарам іншых кампанентаў звароту, у прыватнасці наяўнасцю вылучальнай часціцы, суадноснай з уступальным злучнікам:

действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не ***входящее*** *в Союз ССР* (УК-28, 63) – *дзеяньні прызнаюцца контррэвалюцыйнымі і тады, калі яны накіраваны супроць усякай іншай дзяржавы працоўных, нават калі яна і не ўваходзіць у Саюз ССР* (КК-28, 63). Аднак варта адзначыць стылёвую некарэктнасць атрыманай у выніку перакладу фармулёўкі з-за паўтарэння злучніка *калі*.

На другім месцы ў колькасных адносінах знаходзіцца такая трансфармацыя ўскладняльных дзеепрыметнікавых зваротаў, як пропуск дзеепрыметніка. Гэты прыём адзначаны для 6 ужыванняў і быў прыменены пры перакладзе –

● канструкцый са зваротнымі формамі: *массовые беспорядки,* ***сопровождающиеся*** *погромами* (УК-28, 79а) – *масавыя непарадкі з пагромамі* (КК-28, 79а);

● канструкцый, у якіх дзеепрыметнік не мае вырашальнай сэнсавай нагрузкі, атрымаў пад уплывам кантэксту аслабленае лексічнае значэнне: *совершение террористических актов,* ***направленных*** *против представителей советской власти* (УК-28, 70) – *учыненьне тэрарыстычных актаў супроць прадстаўнікоў савецкай улады* (КК-28, 70);

● канструкцый, у якіх пры перакладзе можа ўзнікнуць таўталогія (*прысуду*, *які прысуджае*): *если при вынесении приговора,* ***присуждающего*** *к принудительным работам, окажется* (УК-28, 56) – *калі пры вынясеньні прысуду да прымусовых работ выявіцца* (КК-28, 56).

На наш погляд, з такой перакладчыцкай трансфармацыяй, даволі распаўсюджанай у мастацкім стылі, неабходна быць надзвычай акуратным пры перакладзе заканадаўчага тэксту, ад якога патрабуецца дакладнасць фармулёвак для дасягнення абсалютнай адэкватнасці іх разумення карыстальнікамі.

У КК-28 выяўлены таксама адзінкавыя выпадкі замены дзеепрыметнікавага звароту на

● прыметнікавы зварот: *суд не может применять расстрел к женщинам,* ***находящимся*** *во время вынесения приговора в состоя-*

нии беременности (УК-28 прим.) – *суд ня можа ўжываць расстрэлу да жанчын, цяжарных у час прысуду* (КК-28 ув.);

● прыметнік (*принадлежащего лично – асабістай*): *всего или точно определенного судом имущества*, ***принадлежащего*** *лично осужденному* (УК-28, 43) – *усяе альбо дакладна вызначанай судом асабістай маёмасьці асуджанага* (КК-28, 43).

Як бачым, у заканадаўчых тэкстах 20-х гадоў ужываліся даволі разнастайныя сродкі замены ўскладняльных канструкцый з неўласцівымі беларускай мове формамі дзеепрыметнікаў. Трансфармацыі былі абумоўлены, акрамя імкнення не ўжываць дзеепрыметнікі неўласцівых беларускай мове формаў, адметнымі граматычнымі асаблівасцямі тагачасных беларускіх заканадаўчых тэкстаў, якія выпрацоўваліся ў працэсе перакладу законаў, напісаных па-руску, і паступова набывалі рэгулярны характар.

Невыпадкова ў якасці асноўнай крыніцы лінгвістычнага матэрыялу намі выбраны менавіта Крымінальны кодэкс. Першая яго рэдакцыя была ўведзена ў дзеянне ў 1928 г., другая – у 1961 г. На жаль, трэцяя рэдакцыя (1999 г.) на беларускую мову ўвогуле не перакладалася. Да прыняцця другой рэдакцыі ў тэкст закона ўносіліся некаторыя папраўкі юрыдычнага характару. На працягу 30–50-х гг. Кодэкс з унесенымі папраўкамі перавыдаваўся, у тым ліку некалькі разоў і на беларускай мове. Наяўнасць тэкстаў розных гадоў выдання, у якіх пераважная большасць артыкулаў засталася без змен фармулёвак, дае выдатную магчымасць выявіць, ці ўносіліся (а калі ўносіліся, то якія) лінгвістычныя змены. У нашым выпадку – прасачыць эвалюцыю ўжывання ўскладняльных дзеепрыметнікавых зваротаў.

Як ужо адзначалася, найбольш частым спосабам перакладу на беларускую мову канструкцый з неўласцівымі формамі дзеепрыметнікаў у КК-28 было выкарыстанне даданых (пераважна азначальных) частак. Гэта тэндэнцыя захавалася і ў выданні 1940 г. А вось у Крымінальным кодэксе, выдадзеным у 1957 г., колькасць такіх замен істотна скарацілася – з 42 да 27. Прывядзём для параўнання некалькі прыкладаў:

дзеяньне, ***якое*** *фармальна падпадае пад прыметы таго ці іншага артыкулу гэтага Кодэксу* (КК-28, 12) – *дзеянне,* ***якое*** *фармальна падпадае пад прыметы таго ці іншага артыкула гэтага Кодэкса* (КК-40, 12) – *дзеянне, фармальна* ***падпадаючае*** *пад адзнакі таго ці іншага артыкула гэтага Кодэкса* (КК-57, 12);

камуністычнай сістэмы, ***што*** *прыходзіць на зьмену сістэмы капіталістычнай* (КК-28, 66) – *камуністычнай сістэмы,* ***што*** *прыходзіць на змену сістэмы капіталістычнай* (КК-40, 66) – *комуністычнай сістэмы,* ***прыходзячай*** *на змену капіталістычнай сістэме* (КК-57, 66).

Затое атрымалі пашырэнне звароты з дзеепрыметнікамі практычна ўсіх формаў: *маёмасці,* ***належачай*** *асабіста асуджанаму* (КК-57, 43); *суда,* ***вынесшага*** *прыгавор* (КК-57, 32), *тайны, спецыяльна* ***ахоўваемай*** (КК-57, 68б). Адзначаны нават выпадкі ўжывання канструкцый са зваротнай формай дзеепрыметніка на месцы даданай азначальнай часткі ў ранейшых выданнях: *аказанне дапамогі* ***знаходзячымся*** *пад уплывам гэтай буржуазіі грамадскім групам* (КК-57, 66); *неданясенне аб дакладна вядомым* ***рыхтуючымся*** *контррэволюцыйным злачынстве* (КК-57, 73).

Можна выказаць меркаванне, што пашырэннне такіх формаў дзеепрыметнікаў у названых беларускіх тэкстах было вынікам кардынальнай змены напрамку развіцця літаратурнай мовы. Нельга цалкам выключаць і суб’ектыўны фактар – недастатковую кваліфікаванасць перакладчыкаў.

Характэрна, што лінгвістычныя прыярытэты перакладчыкаў УК-57 не атрымалі падтрымкі пры перакладзе УК-61. У гэтай рэдакцыі Крымінальнага кодэкса БССР увогуле не сустракаюцца дзеепрыметнікавыя канструкцыі са зваротнымі формамі. Выразную колькасную перавагу маюць формы прошлага часу залежнага стану, што ілюструе наступная табліца:

№№ раздзелаў Кодэкса		I – III	IV – VI	XI – XV
колькасць дзеепрым. зваротаў на 100 сказаў		40	53	51
суфіксы	-ен-	12	16	22
	-ан-/-н-	22	30	9
	-т-	2	2	1
	-ем-/-ім-	2	2	6
	-уч-/-юч-	2	1	3
	-ач-/-яч-	–	–	1
	-ўш-/-ш-	–	2	9

Назіранні за ўжываннем ускладняльных дзеепрыметнікавых зваротаў у заканадаўчых тэкстах паказваюць, што яго стылістычная

актыўнасць у беларускамоўных заканадаўчых тэкстах амаль у тры разы ніжэйшая, чым у паралельных рускамоўных. Іх выкарыстанне або замяшчэнне сінанімічнымі сродкамі на працягу найноўшай гісторыі заканадаўчага стылю беларускай мовы было абумоўлена стаўленнем да граматычных характарыстык дзеепрыметніка.

Літаратура

1. Борисова, Л. А. Жанровая специфика британского законодательного текста / Л. А. Борисова // Первая интернет-конференция по юридической лингвистике «Право как дискурс, текст и слово» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://konference.siberia-expert.com/publ/borisova/1-1-0-44.

2. Вештарт, Г. Ф. Дзеепрыметнікі ў мове законаў / Г. Ф. Вештарт // Беларуская лінгвістыка. – 1988. – Вып. 34. – С. 65–68.

3. Давыдова, М. Л. К вопросу о стиле языка права / М. Л. Давыдова // Первая интернет-конференция по юридической лингвистике «Право как дискурс, текст и слово» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://konference.siberia-expert.com/publ/0-2.

4. Жураўскі, А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы/ А. І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – Т. 1. – 372 с.

5. Иссерлин, Е. М. Официально-деловой стиль: учеб. пособие по курсу «Стили русского языка» / Е. М. Иссерлин. – М. : Моск. полигр. ин-т, 1970. – 41 с.

6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 464 с.

7. Крамко, І. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. / І. І. Крамко, А. К. Юрэвіч, А. І. Яновіч. – Т. 2. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – 340 с.

8. Леонченко, Д. А. История причастий в белорусском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Леонченко. – Минск, 1957. – 18 с.

9. Муталимова, М. А. Причастия в Мариинском кодексе и их соответствия в Евангелии В. Тяпинского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Муталимова. – Минск, 1970. – 23 с.

10. Швец, А. Г. Формально-синтаксическое осложнение предложения (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Швец. – Саратов : Изд.-во Саратовского ун-та, 2006. – 19 с.

Скарачэнні

ВК-00 (ИК-00) – Выбарчы кодэкс Рэспублікі Беларусь. – Мінск : Беларусь, 2000. – 158 с.

КаАП-85 (КоАП-85) – Кодэкс Беларускай ССР аб адміністрацыйных правапарушэннях. – Мінск : Беларусь, 1985. – 238 с.

КК-28 (УК-28) – Крымінальны кодэкс Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Мінск : Выд-ва кіраўніцтва спраў СНК : Выд-ва экан. нарады БССР, 1928. – 163 с.
КК-40 – Крымінальны кодэкс БССР. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР. Рэд. паліт. літ., 1940. – 98 с.
КК-57 (УК-57) – Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1957. – 296 с.
КК-61 (УК-61) – Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1961. – 212 с.

Игорь Куляс
Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины

ОСОБЕННОСТИ ТРЕНИНГОВОЙ ПОДГОТОВКИ ОПЫТНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ АДАПТАЦИИ К МАССОВОМУ ЖУРНАЛИСТСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Цель этой статьи – на примерах из собственного опыта рассмотреть основные принципы тренинговой методики для практикующих журналистов и основные приемы проведения профессиональных тренингов; установить, каковы ключевые различия между тренингами по повышению квалификации журналистов-практиков и массовым высшим журналистским образованием; с точки зрения методологии предложить эффективные пути адаптации интерактивных тренинговых методик к массовому образованию журналистов, в частности, способы преодоления тех различий между тренингом и высшим учебным заведением, которые препятствуют этой адаптации или затрудняют ее.

Два слова об опыте автора. Начинал как практикующий журналист с 1988 года. До середины 2000-х работал как репортер, автор жанровых программ, выпускающий редактор, шеф-редактор в различных телекомпаниях Украины (в частности, УТ-1, «Студия 1+1», «Новый канал») преимущественно в информационных программах. Начиная с 2001 года работает ведущим тренером по информационной журналистике МОО «Интерньюс-Украина», а также консультантом по телепроизводству и кризисным менеджером. Кроме того, автор много лет является постоянным экспертом профессионального

издания «Телекритика», для которого проводит регулярный мониторинг профессионального качества украинских телевизионных новостей. Все эти разноплановые работы (практическая журналистская и менеджерская работа, тренировки журналистов и менеджеров, анализ информационного контента) в комплексе дают автору большой массив информации как для постоянного совершенствования каждого из направлений работы, так и для качественных выводов и обобщений.

1. Основные принципы построения тренингов по повышению квалификации журналистов.

Журналистика как ремесло является высокотехнологичным производством (особенно это касается электронных медиа), а вместе с тем и персонал-зависимым бизнесом, и творческой профессией, где качество результата – эфирного продукта (выпусков новостей или жанровых авторских программ) – в наибольшей степени зависит от профессионализма и творческой внутренней свободы журналистов. Автор изначально представлял себе назначение профессиональных тренингов в том, чтобы предложить их участникам способы более эффективного решения разнообразных, как шаблонных, так и незаурядных, ситуаций в повседневной журналистской работе, а также систематизировать те знания, которые у них уже есть, но имеют часто интуитивный, приблизительный характер, раскрепощать творческую фантазию журналистов, выводить их за рамки повседневной рутины.

Когда автор (вполне интуитивно, преимущественно руководствуясь собственным профессиональным опытом) только начинал выстраивать систему, которая сегодня имеет завершенный вид и объединяет в себе целый «сериал» тематических тренингов, он понимал, что для достижения поставленной цели недопустимы несколько подходов, активно предпринимающихся другими тренерами. Прежде всего это индуктивность (начитка лекций, диктовка, «зубрежка»), диктат собственной непогрешимости («только я говорю, как делать правильно») и теоретизирования в убыток практичности знаний. Отсюда легко и логично вытекают те основные принципы, которыми автор руководствуется при разработке и проведении любого своего тренинга.

Во-первых, «дедуктивность» (автор пользуется этим неуклюжим термином лишь в качестве определенного антонима индуктивнос-

ти). Этот принцип состоит в том, чтобы не давать участникам тренинга ничего в готовом виде. С точки зрения автора, и это постоянно подтверждает практика, лучшими являются знания, полностью осознанные участником тренинга. А лучший способ это осознать – достичь определенного вывода самостоятельно. Задача тренера здесь заключается в том, чтобы с помощью определенных задач побудить участников тренинга к самостоятельному поиску наилучшего, наиболее эффективного решения.

Второй принцип – интерактивность. Здесь самым первым и самым главным методом ведения тренинга является не констатация, а, наоборот, вопрос. Каждый мельчайший вывод по ходу тренинга эффективнее подавать не в качестве готовой сентенции, а в качестве вопроса к участникам. Они дают ответы, тренер фиксирует правильное решение, предложенное одним из участников. И только если участники такого решения не находят, тренер подсказывает его сам. Весь тренинг должен проходить в постоянном диалоге тренера с участниками или участников между собой.

Третий принцип – открытая дискуссионность. Призыв к дискуссии следует постоянно подчеркивать, ведь в группе могут быть участники, которые будут стесняться высказать вслух свое мнение, боясь ошибиться. Следует подчеркивать, что, во-первых, приветствуется любая конструктивная дискуссия, если участник не согласен с определенным выводом группы или тренера, а во-вторых, что на тренинге не следует бояться ошибок, поскольку здесь участники смогут приобрести новые знания и навыки, а в реальной жизни такая ошибка будет стоить журналисту дорого. Кроме того, призывая ко всему этому, тренер должен быть готов как к подчеркнутой толерантности (ведь не каждый участник и не каждая мысль могут ему нравиться), так и к тому, чтобы быстро и без ущерба для тренинга свернуть «дискуссию ради дискуссии» (часто участник тренинга может заводить бесплодную дискуссию только ради того, чтобы привлечь к себе внимание). Наконец, задача любой дискуссии на тренинге – максимальный обмен аргументами для проверки каждого заключения на «жизнеспособность».

Четвертый принцип – практичность. Любой вывод должен легко и очевидно «утилизироваться», то есть уже на тренинге журналист-участник должен понимать практическую ценность этого вывода для себя. Это означает, что тренер должен быть готов легко иллюстри-

ровать каждый вывод как смоделированными, так и конкретными примерами из жизни.

Пятый принцип – подчеркнутая реалистичность. В ходе тренинга должны приводиться в основном реальные примеры из жизни, из практики самого тренера или иных журналистов. Реальная история всегда интереснее вымышленной, всегда иллюстрирует жизнь во всей ее сложности. Моделированные примеры могут появляться преимущественно в ответ на сложный неожиданный вопрос участника. Кроме того, разрабатывая для тренинга практические задания или деловые игры, всегда лучше в их основу класть вполне реальные материалы или случаи из практики.

Шестой принцип – сочетание индивидуального и коллективного творчества. Это важно для электронных СМИ, поскольку лишь удачное сочетание командной работы и индивидуальных усилий дает качественный результат. Но подобный подход улучшает и качество самого тренинга. Поэтому в ходе тренинга следует постоянно сочетать различные задачи – индивидуальные и коллективные, а в коллективных давать участникам широкое поле для индивидуальных действий. Вместе с тем коллективная работа взаимно обогащает участников тренинга новыми идеями и знаниями.

Седьмой принцип – комплексность модулей тренинга. Каждый тренинговый модуль (практическое задание или упражнение, ролевая игра или мозговой штурм) должен быть комплексным, то есть содержать в себе достаточно материала для выводов в различных аспектах профессии журналиста. Каждый модуль тренинга не должен полностью посвящаться одному вопросу, в нем должны присутствовать и иллюстрации к ответам на другие вопросы тренинга.

Каждый тренинг в целом должен выстраиваться таким образом, чтобы все модули вместе давали неоднократно подтвержденный материал по каждому аспекту, то есть чтобы полезный материал по каждому ключевому выводу тренинга был «разбросан» по разным модулям. Все вместе эти модули должны дать участникам «перекрестно подтвержденные» выводы по всем аспектам, касающимся темы всего тренинга.

Восьмой принцип – яркость и наглядность. Для более быстрого и качественного эффекта на тренинге следует подбирать только яркие и наглядные примеры. Еще лучше даже, на первый взгляд, парадоксальные, т.е. направленные на ломку глубоко укоренившихся в сознании участников стереотипов.

Например, для того чтобы обосновать тезис о том, что журналистские и литературные штампы не только затрудняют восприятие информации, но могут даже нести в себе фактическую неточность или несоответствие, лучше привести яркий и парадоксальный пример. Один из любимых журналистских штампов: «Наш корреспондент находится в эпицентре событий». Вопрос к участникам: «В эпицентре – это где?» Далее «копаем вглубь», к первоначальному значению термина «эпицентр». И, разумеется, выясняем, что «центр землетрясения» находится глубоко под землей или «центр ядерного взрыва» может быть высоко в воздухе, а «эпицентр» – это лишь «проекция центра на земную поверхность». Следовательно, говорить, что «эпицентр взрыва был на 9-м этаже», – значит говорить заведомо неточно. А «корреспондент в эпицентре событий» означает, что «корреспондент вообще неизвестно где».

Наконец, девятый принцип – это постоянное совершенствование системы с помощью участников тренинга. Тренинг – процесс обмена информацией. Сколько бы ни знал тренер, участники (особенно опытные журналисты) имеют собственный богатый профессиональный опыт, следовательно, могут добавлять в систему новые яркие примеры, новые убедительные аргументы к определенным выводам. И даже могут собственными примерами или аргументами корректировать в лучшую сторону отдельные выводы, отдельные части системы. Следовательно, задача тренера – постоянно побуждать участников в каждом модуле делиться с группой достижениями из собственного опыта или, по крайней мере, примерами из него.

Все эти девять принципов во взаимодействии дают не только улучшение профессионального мастерства журналистов, но и создают качественную, доброжелательную и творческую атмосферу во время тренинга. А такая атмосфера, по опыту автора, является наиболее эффективной для приобретения участниками глубоко осознанных знаний.

2. Основные приемы проведения тренингов.

Первый прием – предлагать практические задачи. Имеется в виду неимитированная подготовка реальных сюжетов и выпусков новостей. В условиях обычного тренинга отличие от реальной работы заключается в том, что результат не получается в реальном эфире (эфир имитируется, т. е. участники тренинга делают все в режиме

прямого эфира). Хотя в свое время на Школе новостей «Интерньюс» тренерами организовывались ситуации и с реальным эфиром киевских (СТБ, «Тет») и сетевых каналов («5-й канал»), когда участники Школы новостей готовили вполне реальные эфирные выпуски новостей или итоговых еженедельников. Тренинговая составляющая этих практических задач заключается не только в тренинговых сессиях, которыми дополняется производство, но и достигается тщательным коллективным анализом находок и ошибок каждого такого выпуска, модерируемых тренером.

Второй прием – моделируемые ситуации, в которых перед участниками тренинга ставится определенная задача. Они должны в подробностях рассказать, какой набор действий необходим для решения задачи и ее составляющих. Например, можем подробно описать вполне возможную в жизни ситуацию, когда перед горсоветом проходит пикет, в котором люди выступают с конкретными требованиями. Участники (коллективно, по группам или индивидуально) должны рассказать: к кому и с какими именно вопросами они будут обращаться; какой стендап, в каком месте и на каком фоне запишут; каким должен быть заявочный план; какие основные крупные планы им необходимы и какие мизансцены их будут интересовать для того, чтобы сделать качественный репортаж об этом событии. Каждый фрагмент подробно анализируется с точки зрения эффективности решений, обсуждаются различные варианты и риски каждого решения (как с технологической точки зрения, так и с юридической, и даже с точки зрения физической безопасности съемочной группы).

Третий прием – практические упражнения. Здесь участники получают реальные материалы (тексты подводок или сюжетов, сами сюжеты, взятые из реального эфира различных каналов, и т. д.). Участники тренинга должны самостоятельно проанализировать преимущества и ошибки этих материалов, указать наиболее эффективные решения.

Четвертый прием – мозговой штурм, когда участникам предлагаются сложные ситуации или профессиональные вопросы, на которые они должны находить эффективные ответы.

Пятый прием – ролевые игры, когда тренер раздает участникам определенные роли и разыгрываются «сценки из жизни». С помощью этого приема лучше отрабатывать сложные профессиональные навыки (например, связанные со стандартами информационной жур-

налистики или с этикой журналистской профессии) и компетенции в таких важных компонентах журналистской работы, как общение с людьми (переговоры о согласии на интервью, собственно интервью и т. п.).

Шестой прием – обсуждение-обобщение. Каждый из предыдущих пяти приемов дает большое количество вполне ярких иллюстраций к окончательным выводам об эффективных и неэффективных профессиональных действиях.

Седьмой прием – качественное иллюстрирование любого важного тезиса яркими примерами из реальной практики тренера или других журналистов.

Очень важно, чтобы все эти приемы, которые являются лишь формой проведения профессионального тренинга, не становились самоцелью. Достижению основной цели тренинга должны также способствовать все второстепенные, вспомогательные приемы тренера.

3. Что может затруднять адаптации тренинговых методик к массовому журналистскому образованию и как преодолеть эти препятствия?

Между тренингами по повышению профессиональной квалификации и академическим высшим образованием есть существенные различия, но методики, доказавшие свою эффективность в первом случае, по мнению автора, вполне логично было бы адаптировать к другому. Принципиальными здесь являются два вопроса: что может помешать успешной адаптации и как эти препятствия преодолевать? С точки зрения автора, есть несколько таких препятствий. Например, принципиальное различие между уровнем профессиональных знаний и навыков у практикующих журналистов и студентов, которые могут вообще не иметь даже начальных знаний или навыков в профессии.

С точки зрения автора, это препятствие не является непреодолимым. Более того, поскольку состав участников тренинга почти всегда был неравномерным (это и опытные журналисты, и журналисты с небольшим опытом, и вообще новички), любой тренинг и любой тренинговый модуль строился автором с таким расчетом, чтобы все в нем было вполне понятным людям с разным опытом или вообще без него. С другой стороны, все примеры и тезисы подбираются так, чтобы они были одинаково интересны и для начинающих, и для «ветеранов». В этом помогает принцип яркости (парадоксальности) примеров.

Наиболее наглядное доказательство того, что общая система тренингов без проблем адаптируется к аудитории, где люди еще не приобрели опыт, не имеют даже стартовых знаний, – ряд специфических тренингов, которые автор в свое время проводил. Первым был цикл тренингов на тему «Стандарты информационной журналистики», предназначенный для студентов младших курсов.

Впоследствии автор провел несколько Школ новостей для людей без опыта и знаний в журналистике, которые хотели стать журналистами в сжатые сроки. В 2008 году таким образом автором были подготовлены 16 репортеров для информационной службы радиохолдинга «УМХ». В дальнейшем эти люди вполне умело и успешно работали, наполняя новости пяти сетевых FM-радиостанций (к сожалению, позже, когда начался финансовый кризис, эту службу холдинг ликвидировал). Кроме того, в Школе новостей в рамках «Интершколы» 2006 года из 16 «нулевичков» в течение пяти недель автором были подготовлены качественные репортеры, минимум половина из них и сегодня успешно работает на киевских каналах («Интер», «Первый национальный», «Сити»). Есть и другие примеры, когда автор из «нулевиков» готовил качественных репортеров для региональных каналов (ТРК «Черновцы», симферопольская «Черноморская», ивано-франковская «Башня», львовский «Люкс» и др.).

Итак, программа вполне безболезненно адаптируется к аудитории, которая не имеет на старте ни журналистского опыта, ни профессиональных знаний.

Ольга Куцевская, Юлия Радченко
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

НИКОЛАЙ ХВЫЛЕВОЙ: ПИСАТЕЛЬ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Созданный в 1922 г. Советский Союз нуждался в новых жестких мерах удержания власти над народом и управления общественным мнением. Крестьяне и рабочие, получившие комфортные условия для жизни и труда, были удовлетворены новым устройством. Но властям необходимо было управлять и другой кастой – интеллигенцией, которая работала в сфере массовых коммуникаций и была способна влиять на общественное сознание не меньше, чем партийные агитаторы. Предвидя недовольство новым режимом среди работни-

ков интеллектуальной сферы и осознавая необходимость прессовых форм борьбы с инакомыслием, в 20–30-х гг. XX ст. коммунистическая партия обратилась к одному из самых строгих методов управления интеллигенцией, уже апробированному многими диктаторами (вспомним Людовика XIII и кардинала Ришелье, которые строго следили за газетой Теофраста Ренодо «La Gasette», и Петра I – интересовался «Ведомостями». – *О. К., Ю. Р.*), – к цензуре.

В научной литературе на сегодня нет достаточного количества работ, посвященных исследованию цензурных притеснений Н. Хвылевого и путей, которыми он пытался поддерживать свободу мысли и творчества.

Объектом исследования избрана журналистская и литературная работа Н. Хвылевого в жестких условиях советской цензуры. Изучены публицистические статьи и художественные произведения писателя («Апологеты писаризма», «Мысли против течения», «Камо грядеши?», новеллы «Иван Иванович», «Лилюли», «Ревизор»). В статье исследованы материалы цензуры советского режима путем анализа журналистских и художественных произведений Н. Хвылевого, что предусматривает решение следующих задач:

– вычленить из произведений Н. Хвылевого суждения (явные или скрытые), отражающие цензуру, введенную советской властью;

– проанализировать свидетельства цензурных притеснений и выявить их последствия;

– выяснить роль цензуры в издательском деле УССР в период 20–30-х гг. XX ст.

По определению В. Карпенко, «цензура – это непосредственный запрет на распространение определенной информации, зафиксированный в нормативных актах, либо опосредованный запрет, скрытый или завуалированный» [3, с. 354]. Начало 20-х гг. XX ст. в УССР характеризовалось завуалированным запретом, а уже в конце 20-х – начале 30-х гг. практиковался запрет непосредственный.

Тема цензурных репрессий 20–30-х гг. XX ст., направленных, в частности, против деятелей «Расстрелянного Возрождения», до сих пор не является исчерпанной. Это эпоха, в которой репрессивная машина советской власти только набирала обороты, но размах ее «деяний» поражал своей бескомпромиссностью. Многие важные документы были засекречены, тиражи книг и журналов изъяты и уничтожены. Наиболее показательные произведения, которые могли бы дать

подробную картину этого периода, остались лишь в воспоминаниях современников, будучи запрещенными сразу после создания (например, роман Н. Хвылевого «Вальдшнепы», вторая часть которого так и не увидела свет, а ее рукопись автор уничтожил. – *О. К., Ю. Р.*).

В условиях жесткого партийного надзора за издательским делом в УССР поддержку получала лишь «красная» литература, прославлявшая вождя и пролетариат (наиболее в этой сфере отличились литераторы группировки «Плуг», в основном полуграмотные рабоче-крестьянские писатели). Любая другая литература беспощадно редактировалась или не допускалась к публикации (особо «неблагополучными» считались писатели группировки «Гарт», членом которой был и Хвылевой).

В. Брюховецкий писал: «Н. Хвылевой по-кассандровски предсказал тяжелые испытания, которые неизбежно надвигались на советский строй» [2, с. 26]. Первым таким «пророчеством» стал рассказ «Лилюли». В одном из эпизодов коммунистка Маруся говорит поэту Огре:

«Ну, представь же, голубчик Огре: пришел поэт со своей поэмой в редакцию, где сидит <u>суровый редактор с золотыми очками на носу</u> (здесь и далее – подчеркивания наши. – *О. К., Ю. Р.*). Поэт смотрит на очки, на <u>золотые ободочки</u>, и они напоминают ему <u>золотые австралийские россыпи</u>, и, может, далекий Индийский океан, и, возможно, – наконец! – неизвестный Южный полюс. Но он никак не понимает, почему не принимают его поэму. И тогда выходит поэт из редакции с беспомощной тоскою и рвет на мелкие клочки свою поэму «Лилюли».

...Товарищ Огре <…> строго спросил: – Что же тут смешного?

– Что же тут смешного? Глупый! Это же быт революции. Это же прелесть, Огре!» [8, с. 269].

Использование автором в тексте эпитетов «золотые очки», «золотые ободочки», «золотые австралийские россыпи» позволяет интеллигентному читателю увидеть те существенные моменты, которые не будут понятны необразованному цензору. Слово-концепт «золотой» описывает идеологического редактора. Золотые очки – свидетельство того, что живет он не бедно, партия хорошо платит за служение «красной литературе».

Огре никогда не поймет, почему его поэму не принимают, ибо он не умеет бредить советской, а не какой-то другой действительнос-

тью. А для коммунистов творчество как раз должно быть «здоровым и полезным», и наказание инакомыслящих – это нормальный «быт революции».

Ожесточенное идейное противостояние «Плуга» и «Гарта» создало условия для возникновения литературной дискуссии. Она началась 30 апреля 1925 г. статьей «плужанина» Г. Яковенко «О критиках и критике в литературе». Автор требовал введения цензурных комитетов при редакциях для отбора литературы по принципу «пролетарское творчество – элементарное, простое, но здоровое и полезное» [5, с. 71].

Хвылевой, член «Гарта», не замедлил с ответом – памфлет «Про сатану в бочке, или про графоманов, спекулянтов и других просвещенцев» полностью разгромил все демагогические тезисы Яковенко. Дискуссия разгорелась, привлекая к себе все больше и больше участников (А. Дорошкевича, Н. Зерова, С. Пилипенко, Н. Скрипника, А. Хвылю, С. Щупака и проч.). В целом было опубликовано более 1000 публицистических статей о проблемах нового пролетарского искусства и литературной критики.

Л. Турчина отмечает, что в ходе литературной дискуссии «поднималось много вопросов: отношение к классическому наследию, которое пролеткультовцы отвергали, прикрываясь левацкими (марксистскими) фразами, проблема традиций и новаторства, путей развития нового искусства» [6]. Собственно путь развития литературного искусства был предусмотрен один: оно должно было стать «пролетарским». «Просветительская» позиция в определении пролетарского искусства сужалась до «обсуждения произведения с единой целью установления ценности произведения как художественной, так и читабельной» [8, с. 403]. Итак, читабельность (критерий, очевидно, рассчитанный на малограмотных крестьян и заводских работяг. – *О. К., Ю. Р.*) и художественную ценность произведения поставили на одну ступень критериев оценки. Н. Хвылевой с возмущением высказался по этому поводу: «Надо немедленно “отшить” или, по крайней мере, поставить на свое место разных писак, которые, умея как-нибудь сделать репортерскую заметку, тычут свой нос в искусство и – более того – пытаются руководить им. Тогда ясно станет, что так называемое массовое искусство есть продукт упорной работы многих поколений, а вовсе не “красная” халтура» [8, с. 403].

Хвылевой в полемике старался как можно четче обрисовать понятие «пролетарское искусство»: «Один из признаков искусства – это

его безудержное влияние на развитый интеллект. Итак, когда наш ликбез сделает свое дело среди нашего пролетариата, тогда то пролетарское искусство, о котором мы сейчас будем говорить, воистину будет творить чудеса, воистину будет мощным фактором в развитии человечества и поведет его к ненавистным просвещенцу тихим озерам загорной Коммуны» [8, с. 414]. В этом отрывке автор подразумевал, что в строительстве коммунизма для советских людей литература играет далеко не последнюю роль, а тормозит это строительство именно мещанский просветитель, неуклюже прикрытый ультракрасной демагогией.

В цикле памфлетов «Мысли против течения» он критиковал лидера «Плуга» С. Пилипенко как идеолога массовизма: «Об этом нам Пилипенко не раз говорил – литературой (он подразумевает художественной) называется и вывеска на Госиздате, и афоризмы на заборе, и стихи в уборной» [8, с. 471].

Откровенно пренебрежительное отношение к большевистским фанатикам, которые критикуют искусство, можно проследить в новелле «Иван Иванович». Главный герой – яркий представитель мещанского «просвещенства», убежденный марксист и большевик:

«Иван Иванович не признает конструктивного театра и признает только батально-героические и мажорно-реалистические фильмы: они ему напоминают те дни, когда <u>он проливал кровь за советскую республику</u>, когда <u>по запорожским степям мчалась пламенная большевистская кавалерия</u>» [8, с. 20]. Итак, наш герой-большевик с удовольствием убивал своих земляков, сражаясь на стороне «интернационального», а на самом деле национально обезличенного войска.

После похода в кино он с возмущением отзывается об увиденной им сатирично-бытовой картине: «Опять <u>мещанская побрякушка</u>! Удивительно: такая эпоха, такие героические дни, и такая, можно сказать, <u>пессимистическая пустышка</u>!» [8, с. 20].

Неуместность и гнусность этой кинокартины Иван Иванович объясняет Плехановской формулой (ею, по сути, объяснялась любая критика искусства того времени): «Революционное движение в России может восторжествовать <u>только как революционное движение рабочих</u>. Другого пути у нас нет и быть не может» [7]. В этой формуле выражен окончательный крах искусства в Советском Союзе. В стране рабочих и крестьян не остается места для национальной самобытности и высокой культуры.

Нужно отметить, что «в советское время авторская правка сочеталась с самоцензурой. Для того чтобы напечатать текст, авторы нередко шли на значительные моральные уступки» [4, с. 263]. По поводу этого нельзя не выразить восхищение умением Хвылевого играть смыслами, скрывать целые контрреволюционные абзацы не только в публицистике, но и в художественных произведениях.

Пример таких скрытых смыслов обнаруживается в новелле «Ревизор»: «Можно, скажем, попросить соседку, чтобы присмотрела за детьми... В конце концов, что это за фокусы? Что за буржуазные замашки? Разве можно так воспитать настоящую рабоче-крестьянскую детвору? Итак, Валентин советует посадить под ключ Неличку и Мурзика. <…> Пусть кричат: покричат, покричат и замолчат» [8, с. 51]. Н. Хвылевой с помощью тонкого символизма изображает, как власть относится к народу: воспитание «рабоче-крестьянской детворы», то есть будущих взрослых, которые построят коммунизм, проходит в тирании. Если «детвора» чем-то недовольна, ее можно закрыть (посадить в тюрьму, сослать в лагеря и т. п.) – «покричат, покричат и замолчат».

И вот пример из новеллы «Иван Иванович». Кажется совсем фантастическим, что этот отрывок был допущен к печати:

«– Я думаю, – говорила Марфа Галактионовна, – что Зюзя имеет полное право быть недовольным аппаратчиками. <…> Ты знаешь, я уже давно точу зубы на Сталина.

– Я, Галакточка, ничего не имею против <…> На мой взгляд, он тоже... как бы его сказать, – дискусийщик... То есть надо предполагать, что он будет дискусийщик» [8, с. 42].

Дискусийщик – это, по сути, контрреволюционер, отклоняющийся от линии партии, идущий наперекор официальным догмам коммунистического строя. Н. Хвылевой предвидел, что Сталин, который уже в первые годы своего правления проявил жесткое отношение к украинской литературе, только усилит политическое давление на них и в итоге установит монополию на содержание и тематику художественной литературы. Поэтому он осмотрительно вложил свои неутешительные выводы в уста персонажа Марфы Галактионовны – женщины, не слишком верной ни коммунизму, ни мужу.

De jure классический марксизм предусматривал господствующую тенденцию реализма в пролетарской литературе, но de facto писатель обязан был творить другую, несуществующую реальность, иде-

альный социалистический мир. Приведем несколько эпизодов из новеллы «Лилюли». Вот размышления поэта, горбуна Алеши:

«И садится поэт, и хочет творить не беспомощный реквием, а гимн весеннему шуму. Он не хочет творить реквием, ибо редактор с золотыми очками на носу скажет написать другую поэму. Тогда поэт выходит на улицу и думает о жизни, что она обязательно прекрасна, и думает о тайфуне, которого никогда не видел, и тогда золотые реки текут у его сердца. Поэт говорит:

– Савойя!

И думает, что савояры – убогие люди, уходят с гор на чужбину, на заработки, чтобы не умереть в горах» [9, с. 273].

Ю. Безхутрый так комментирует отрывок из «Лилюли»: «Прагматический и аморальный мир требует от художника не реквиема, а гимна весеннему шуму в духе стихов пролетарских поэтов. Для этого художник должен думать о жизни, что она обязательно прекрасна, о тайфуне, который никогда не видел. Речь, следовательно, об иллюзии <...>, которая бы полностью удовлетворяла «редактора в золотых очках» <...> Вечная трагедия вынужденной продажности художника лишь модифицировалась в мире, претендовавшем на кардинальное отрицание старого» [1, с. 387].

Золотые реки текут у сердца поэта – мысли о деньгах, о хоть каком-то заработке. И он думает о савоярах – гастарбайтерах, которые уходят работать в чужие страны, чтобы не умереть с голоду. И сам поэт, по сути, такой же гастарбайтер, он работает в чужой ему стране и пишет о совершенно чужой реальности.

Образ успешных литераторов-современников Н. Хвылевой передает через персонажа Пупышкина: «Товарищ Пупышкин, председатель пролеткульта – не просто глава: и писатель. Рассказы его начинаются фатально так: Галя внесла самовар и расставила чашки. Петр только что пришел с завода и принес с собой несколько прокламаций etc» [9, с. 270]. Таковы культурно-политические реалии новой жизни: «смещение представлений о настоящей и квазикультуре, удивительные, даже анекдотические карьеры, выход на первый план проходимцев, которые воспользовались соответствующей политической конъюнктурой, графоманство невежд» [1, с. 381].

Г. Церна отмечает: «Длительные споры на протяжении 1920-х гг. относительно места и назначения искусства в общественной жизни страны завершились в 1929 г. II съездом ВУСПП, на котором было провозглашено, что фронт пролетарской литературы на Украине ор-

ганизован, что пролетарская литература успешно борется за свою гегемонию. Литература становится сугубо прагматическим фактором в культурной политике советской власти, а художники и их произведения превращаются в идеологическое оружие» [10].

Н. Хвылевой оставил для потомков много таких ключей-подсказок, которые при детальном исследовании раскрывают нам суть тогдашней политической системы, состояние украинской литературной жизни, действительную ценность творчества партийных подхалимов, острую замалчиваемую проблему цензуры. В борьбе писателя за истинное искусство партия увидела только неуправляемый потенциал влияния на массы. Результатом стало клеймление Хвылевого как контрреволюционера и украинского шовиниста. После пятого номера журнал «ВАПЛИТЕ» был закрыт, все экземпляры шестого номера изъяты, впоследствии ликвидированы «Литературная ярмарка» и издательский проект «Политфронт». Это была самая жестокая советская цензура – административная.

После того как к автору применены такие меры, реабилитированным он быть уже не может. Ему остается или полная творческая бездеятельность, или побег из страны, или смерть. Н. Хвылевой сделал свой выбор. 13 мая 1933 г. он, не выдержав идеологического прессинга и краха всех своих творческих проектов, покончил жизнь самоубийством.

Советский режим в течение почти 70 лет держал украинское издательское дело в атмосфере идеологической нетерпимости, ущемления свободы слова и жестоких цензурных репрессий. Редактирование произведений проводилось в идеологических рамках: стилистике, фактажу, композиции и другим аспектам почти не уделялось внимания. Особенно бескомпромиссность партии в вопросе цензуры проявила себя в конце 30-х гг., когда начались массовые репрессии писателей, издателей, журналистов. Это угнетающее воздействие привело к сегодняшней неутешительной ситуации в украинском книгоиздании, ибо в отличие от капиталистических стран, издательское дело которых могло развиваться в XX в. без особых помех, Украина очень отстала как в техническом, так и в методическом планах.

Литература

1. Безхутрий, Ю. М. Хвильовий: проблеми інтерпретації / Ю. М. Безхутрий. – Харків : Фоліо, 2003. – 495 с.

2. Брюховецький, В. Романтик з непоступливою вдачею / В. Брюховецький // Рад. літературознавство. – 1989. – № 8. – С. 26.

3. Карпенко, В. О. Основи редакторської майстерності. Теорія, методика, практика : підручник / В. О. Карпенко. – К. : Університет "Україна", 2007. – 431 с.

4. Куцевська, О. С. Саморедагування Олесем Гончаром публіцистичного твору : модифікація, прагматика, інтерпретація : дис. ... канд. наук з соц. ком. : спец. 27.00.05 / О. С. Куцевська. – Луганськ, 2009. – 483 с.

5. Полювання на Вальдшнепа. Розсекречений Микола Хвильовий. Науково-документальне видання / упоряд. Ю. Шаповал; передмова: Ю. Шаповал, В. Панченко. — Київ : Темпора, 2009. – 296 с.

6. Турчина, Л. В. Роль України в теорії азіатського ренесансу М. Хвильового [Електронний ресурс] / Л. В. Турчина. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Npifznu/2006_20/20/turchina.pdf.

7. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-6931.htm.

8. Хвильовий, М. Твори у двох томах / М. Хвильовий. – К. : Дніпро, 1990. – Т. 2. – 925 с.

9. Хвильовий, М. Я. Романтика : для серед. та ст. шк. віку / М. Хвильовий. – К. : Школа, 2008. – 368 с. – (Шкіл. хрестоматія).

10. Церна, Г. М. Проблема митця і влади в поезії неокласиків [Електронний ресурс] / Г. М. Церна. – Режим доступу: http://web.znu.edu.ua/herald/issues/archive/articles/2792.pdf.

Наталля Лобань

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

КАНТЭКСТ І ЯГО РОЛЯ Ў РЭАЛІЗАЦЫІ КАНАТАЦЫЙНЫХ ЗНАЧЭННЯЎ СЛОВА

Неабходнай умовай функцыянавання і разумення слова ў мастацкім тэксце з'яўляецца **кантэкст** – фон, які не толькі выдзяляе, праяўляе лексічнае значэнне слова, а і змяняе яго эмацыянальна-экспрэсіўна-ацэначнае і сэнсавае гучанне, абумоўлівае ўзнікненне аказіянальных канатацый.

Кантэкст (лац. contextus – сувязь, злучэнне) – фрагмент тэксту, закончаны ў сэнсавых адносінах і дастатковы для дакладнага вызначэння семантыкі асобнага слова. Кантэкстам таксама называюць

само акружэнне, «атачэнне» лексічнай адзінкі, пад уплывам якога яна больш выразна праяўляе сваю сутнасць.

Семантыка слова, яго ўзуальныя і аказіянальныя канатацыйныя значэнні раскрываюцца ў кантэксце розных тыпаў, вылучэнне якіх звычайна адбываецца на аснове аб'ёму кантэксту. Выдзяляюцца наступныя тыпы стылістычнага кантэксту:

– мінімальны або вузкі кантэкст (мікракантэкст);

– максімальны або шырокі кантэкст (макракантэкст);

– кантэкст твора;

– кантэкст творчай сістэмы аўтара.

Мікракантэкст ахоплівае аб'ём аднаго сказа, у межах якога выступае тое ці іншае слова. Напрыклад, «Лось, казалі, ішоў цераз поле. Падвечар». – «Які табе лось! Гэта ж Аўдоля барану калгасную ўкрала ды *тарабаніла* на сабе!..» (Я. Брыль. Жменя сонечных прамняў), «Іх вялікасць "Сам-Палецкі" зволілі "*ўцюрыцца*"...» (У. Караткевіч. Залаты бог), «Жонка – *загладуха* такая, у дзверы не пройдзе» (А. Кудравец. Сяструха), «Не так разумны, як *нюхлівы*» (Я. Скрыган. Беглыя запісы), «Баіцца холаду, бы якая *гараджаначка*» (А. Жук. Завулак), «*Наездзіўся* і *нашвэндаўся* адзін наш... Па гарадах, па мястэчках...» (Ф. Янкоўскі. Дымі) і інш.

З прапанаваных ілюстрацый бачна, што вылучаныя лексічныя адзінкі характарызуюцца генетычна ўласцівымі ім і ўстойліва замацаванымі за імі канатацыйнымі значэннямі, для праяўлення якіх дастаткова мінімальнага кантэксту. Нават узятыя адасоблена, паза кантэкстам, яны не страчваюць сваіх эмацыянальна-экспрэсіўна-ацэначных якасцей, таму кантэкст для іх выяўлення не абавязковы. Як выключэнне выступаюць лексічныя адзінкі, канатаваныя ў адным са сваіх значэнняў. Гэта словы з сінтаксічна абумоўленым, пераносным значэннем: «Кожны, калі не герой, то атлёт, *арол*!» (П. Місько. Сітус інверсус), «Сусед па койцы – зусім *зялёны* яшчэ лейтэнант» (М. Лужанін. З вайсковай дарогі), «Казну спрадвеку *даілі*, дык вось і ён... *прысмактаўся*...» (Я. Брыль. Прывал), «*Шкарпэтка*, а не мужчына...» (Я. Брыль. Ракета) і інш.

Назіранні сведчаць, што канатацыі эмацыянальна-экспрэсіўна-ацэначнага і сэнсавага характару на ўзроўні мінімальнага кантэксту часам могуць узнікаць і ў слоў з намінатыўным, прамым, значэннем. Так, канатацыйна значымым аказваецца ўжыванне прыметніка *жоўты* ('які мае афарбоўку аднаго з сямі асноўных колераў спектра –

сярэдняга паміж аранжавым і зялёным; колеру яечнага жаўтка, золата') у мікракантэксце «Вялікі палец яе (Аксенінай. – Н. Л.) рукі, зашчэплены за край місы, – каравы, з *жоўтым* ногцем, – увесь быў у засіўленай зацірцы» (Я. Брыль. Праведнікі і зладзеі). Асноўнае значэнне слова не выяўляе кантэкстуальных зрухаў, але разам з тым яно ўзбагачаецца эмацыянальнымі і сэнсавымі канатацыямі: *жоўты* – 'непрыемны, такі, які выклікае агіднасць'. Гэта маленькая, пэўным чынам асэнсаваная пісьменнікам падрабязнасць, якую называюць мастацкай дэталлю, мастацкім бачаннем свету, дапамагае раскрыць асноўную думку твора: фізічны і духоўны бруд Грыбавага «гнязда», яго чарвівую і ядавітую філасофію жыцця.

Як вядома, у мастацкім тэксце антрапонімы таксама актыўна ўключаюцца пісьменнікамі ў працэс перадачы шматлікіх ацэнак і характарыстык. Так, напрыклад, як стылістычны ключ да выяўлення канатацыйнага значэння прозвішча *Жук* можна разглядаць мікракантэкст: «Малады *Жук* – булава, ды стары хадовы чалавек, з якім без суда не абыдзешся» (Я. Брыль. Марыля). Пісьменнік характарызуе старога Жука як хадовага чалавека. Размоўны прыметнік *хадовы* – ацэнка 'пранырлівага, які свайго заўсёды даб'ецца' [ТСБМ, т. 5, с. 168]. Паралельна з *хадовы* ў мове функцыянуе назоўнік *жук* – перан. разм. 'пра хітрага, пранырлівага чалавека' [ТСБМ, т. 2, с. 259]. Такім чынам, на аснове асэнсавання прыметніка *хадовы*, які ў прыведзеным мікракантэксце неабходна разглядаць як дублет слова-этымона *жук*, адбываецца раскрыццё ўнутранай формы прозвішча *Жук* і матывацыя яго канатацыйнага значэння.

Макракантэкст у адрозненне ад мікракантэксту вызначае канатацыі слова ў межах цэлай фразы, адпаведным чынам арганізаванай групе слоў і сказаў (абзац, раздзел), якія ўскладняюць эмацыянальна-семантычнае пераасэнсаванне слова і яго ўжыванне. Канатацыйныя значэнні слова ствараюцца і актыўна падтрымліваюцца кантэкстуальным акружэннем, нягледзячы на тое, што прамое значэнне слова захоўваецца, не падвяргаецца семантычным зрухам і разам з тым выступае ўзбагачаным. Названы тып кантэксту дапамагае выявіць канатацыі аказіянальнага характару.

З пэўнай аўтарскай заяўкай на эмацыянальнасць і экспрэсіўнасць выкарыстоўваецца прыметнік *мышасты* – 'такога колеру, як поўсць мышы; шэры' (М. Лужанін. Дзівадла). З яго дапамогай пісьменнік стварае адмоўна-абагульнены вобраз чыноўніка-прайдзісвета: «…Да фан-

танчыка падышоў танклявы чалавек, нейкага *мышастага* колеру ад валасоў да чаравікаў». У макракантэксце прыметнік *мышасты* набывае дадатковыя эмацыянальна-сэнсавыя значэнні – 'шэры, непрыкметны знешне' і 'мізэрны, унутрана нецікавы, нікчэмны'. У кантэксце яго канатацыйная значымасць замацоўваецца граматычна: азначэнне-характарыстыка перарастае ў пастаянную прыкмету-найменне: «Узяць бы за каўнер… гэтага *мышастага* ды скалануць, ды патрэсці…».

Прыметнік *рыжы* – 'чырвона-жоўты (пра колер валасоў, шэрсць)' – становіцца асноўнай колеравай прыметай у партрэтным апісанні аднаго з персанажаў аповесці «Субота» М. Лужаніна. З яго дапамогай апісваецца вобраз знешне непрывабнага здаравілы («*рыжаваты* рослы байбус», «*рыжы* байбус»). Сапраўднае імя персанажа аўтарам ні разу не называецца, яго цалкам замяняе прыметнік *рыжы*, які, неаднаразова паўтараючыся ў тэксце, субстантывуецца («*рыжы* зірнуў на Глашу», «*рыжы* з напарнікам разгубіліся», «робленая жартаўлівасць і цынічны тон *рыжага* наводзілі на падазрэнні»). Захоўваючы сваё колеравае значэнне слова набывае здольнасць перадаваць канатацыі негатыўнага характару – 'праціўны, агідны, мярзотны'. Думаецца, што выбар пісьменнікам прыметніка *рыжы*, за знешняй нейтральнасцю якога хаваецца пэўная ацэнка, невыпадковы. Паводле легендаў, адзін з прыслужнікаў Сатаны быў рыжым (у фальклоры чэрці звычайна маюць рыжы колер шэрсці). Негатыўныя адносіны да рыжага адлюстраваліся ў розных жанрах вуснай народнай творчасці (параўн.: А я хіба *рыжы* ці цялё ўкраў!). З актуалізацыяй негатыўных дадатковых значэнняў прыметніка *рыжы* сустракаемся ў творах іншых пісьменнікаў: Я. Брыля (Галя), М. Горкага (Жизнь Клима Самгина), А. Купрына (Молох), У. Маякоўскага (Флейта-позвоночник) і інш.

Аказіянальныя канатацыі слова могуць выяўляцца і ў сэнсавай перспектыве мастацкага цэлага, у **кантэксце** асобна ўзятага **мастацкага твора.** Калі вырваць такое слова з кантэксту твора, сэнс і ўсе эмоцыі і ацэнкі, закладзеныя ў ім, згубяць сваю індывідуальнасць і стануць незразумелымі. Неаднойчы паўтараючыся з адным і тым жа мастацка-стылістычным і эстэтычным прызначэннем, яны замацоўваюцца ў сваёй ролі на працягу ўсяго твора і ўспрымаюцца, разумеюцца чытачом без асаблівай цяжкасці. Так, прыметнік *чорны* ў апавяданні «Пагарэльцы» В. Адамчыка стварае эмацыянальны тон трагічнасці, звязаны са смерцю хлопчыка, забітага паліцыянтам. Колер жалобы і смутку засцілае вочы маці: «Ёда быў у *чорным*,

калі застрэліў хлопчыка». Зло і смерць нясе чалавек у *чорным*. Забіўшы дзіця, ён падняў руку і на яго маці. Яна «…ледзьве помніць, што каля таго крайняга з мястэчка склада… нехта хадзіў у *чорным*. Ён, мусіць, страляў адтуль…» Менавіта таму бачацца ёй такія *чорныя* сляды на маладым сняжку, сляды здрадніка, забойцы, менавіта таму стаіць у вачах такая *чорная*, яшчэ не замеценая снегам, лужына. Прыметнік са значэннем колеру *чорны* паслужыў асновай для развіцця іншых, больш багатых значэнняў. Асноўнае значэнне 'апрануты ў адзенне чорнага колеру' ў макракантэксце адыходзіць на другі план, уступае месца дадатковаму адмоўна-ацэначнаму: 'негатыўны, варожы, які нясе небяспеку, зло, насілле, смерць'.

Выкарыстанне В. Адамчыкам прыметніка *чорны* ('апрануты ў чорнае') – прыём не новы і не адзінкавы. Гэтым прыёмам умела карыстаюцца іншыя беларускія пісьменнікі, напрыклад, Я. Скрыган (У тэатры), У. Дамашэвіч (Заклінаю ад кулі), П. Місько (Дзямід Варакса) і інш. У М. Горкага гэты прыём быў адным з самых улюбёных. Сустракаемся з ім і ў творах Л. Талстога, І. Ільфа і Я. Пятрова.

Як сведчыць прааналізаваны матэрыял, актуалізацыя канатацыйных значэнняў слова адбываецца ў моцных кампазіцыйных пазіцыях, якія найчасцей суправаджаюцца вынясеннем моўнага элемента ў загаловак твора, які ў сваю чаргу ўспрымаецца як важны кампанент тэксту, яго кампазіцыйнай і сэнсавай структуры. Прыгадаем адзін з самых шчырых аўтабіяграфічных твораў Ф. Янкоўскага – апавяданне «Полымя». Уключаючы слова *полымя* ў інтэнсіўны працэс «аўтарызацыі», пісьменнік творча пераасэнсоўвае яго ў адпаведнасці са сваімі эстэтычнымі прынцыпамі, семантычна і эмацыйна трансфармуе і выкарыстоўвае вельмі своеасабліва, у выніку чаго яно становіцца індывідуальнай прыметай стылістычнай сістэмы аўтара.

Мастацкая актыўнасць слова *полымя* ў сістэме вобразных сродкаў пісьменніка пацвярджаецца высокай частотнасцю яго выкарыстання ў тэксце. Дзякуючы аказіянальным дадатковым значэнням эмацыянальна-экспрэсіўна-ацэначнага і сэнсавага характару яно аказваецца ў моцнай пазіцыі. Назва апавядання «Полымя» рыхтуе чытача да ўспрымання яго зместу і ідэі. У Ф. Янкоўскага загаловак – сэнсавая і эмацыянальна-экспрэсіўная дамінанта твора.

Сам тэкст апавядання падзяляецца на 11 частак, мініяцюр. Усе часткі звязаны паміж сабой адным словам – *полымя* – цэнтральным

сэнсавым і ідэйным ядром твора. У кантэксце твора слова атрымлівае ўсё новыя і новыя сузначэнні і ў выніку набывае ў межах тэксту сімвалічныя значэнні.

Слова *полымя* паступова разгортваецца як мнагазначная мастацкая ідэя. Першапачаткова яно выкарыстоўваецца з прамым, намінатыўным значэннем, але непрыкметна з'яўляюцца другасныя адценні значэння. Неаднаразова ўжываючыся ў кантэксце са словамі і словазлучэннямі тыпу *бацька, бацькава хата, бацькаўшчына* слова *полымя* змяняе сваё эмацыянальнае гучанне. Гэта ўжо тое жывое, нязгаснае святло, якое ачышчае і абуджае чалавечую душу, напаўняе яе жаданнем жыць і працаваць дзеля людзей, дзеля роднай Бацькаўшчыны: «…Я стаяў перад бацькавым *полымем*. Свяці ж і свяціся, полымя! Як трэба яно, гэта святло! Сваё і на сваёй бацькаўшчыне. Дзеля самой Бацькаўшчыны!» У прыведзеных радках – аўтарава разуменне, асэнсаванне слова *полымя*, вакол якога выразна абазначыўся своеасаблівы эмацыянальны арэол. Ад старонкі да старонкі гэты арэол становіцца ўсё ярчэйшы і ярчэйшы, ён суправаджае слова на працягу ўсяго апавядання. Намінатыўнае значэнне губляе сваю вядучую ролю, яно – толькі неабходны фон, аснова для актуалізацыі іншых канатацыйных значэнняў.

Станоўчыя канатацыі, выкліканыя ключавым словам у першых частках апавядання, змяняюцца канатацыямі адмоўнага характару ў залежнасці ад таго, пра што ідзе размова ў тэксце. У кантэксце твора слова *полымя* сэнсава збліжаецца са словамі *пажар, пожар, дым*. Адмоўныя канатацыйныя значэнні ўзмацняюцца за кошт эмацыянальна-негатыўных слоў і выразаў: *знішчэнне, бязлітасныя пажары, нелюдзі-чужынцы, гарэла зямля, гінулі людскія набыткі, нішчыліся лясы, насілася чужая конніца, чужое, руйнаваць, выпальваць*… Прыносіла бяду і смерць *полымя* вайны. Гэта *полымя* не грэла і не саграваладо, яно забівала, прыносіла гора: «…Не было такіх сутак, каб людзі не бачылі ў вайну на Міншчыне *полымя*… і не казалі: «Зноў недзе гарыць… Зноў паліцца…»

У адпаведным моўным акружэнні (*цеплыня, ласка, рух да попелу, не сунімацца, варушыцца і спяшацца, імклівы ручаёк, паратунак)* слова *полымя* набывае новы сэнс: *полымя* – 'абуджэнне сіл, вяртанне да жыцця, жыццё'.

У мініяцюры «Агеньчык» важную ролю ў выяўленні семантычнага зруху выконваюць разнастайныя асацыятыўныя сувязі. Кан-

тэкстуальныя сінонімы і перыфразы (*агеньчык, кветка цеплыні і радасці жыцця, знак памяці, знак патрэбы*), эпітэты (*святы-свяшчэнны, вечны*) ствараюць вобраз полымя-памяці: «Штодзень не раз бачыў помнік, пры ім неапісальнае *полымя*. …Бачыў знак памяці… Ён, агеньчык, святы-свяшчэнны… Свяціся, агеньчык, свяціся ты, Вечны». Вечны агонь – сімвал людской памяці, сімвал вечнага, святога, бессмяротнага.

Слова *полымя* часта ўзаемадзейнічае ў мастацкім кантэксце з лексічнымі адзінкамі пэўнага асацыятыўна-сэнсавага раду. У мініяцюры «У дарозе» прыкметная сувязь апорнага слова з назоўнікамі *навальніца, гром, пярун, бліскавіца-маланка*, што выклікае прадчуванне трывогі, нялёгкіх дарог у жыцці. У мініяцюры «У сядле пад паветкаю», наадварот, з паняццямі навальніцы, грому, перуна звязаны зусім іншыя асацыяцыі. Тут *полымя* – сімвал чысціні, абнаўлення, жыццяздольнасці: «Даўно-даўно жахнулі мяне пярун і *полымя* над хатаю. Але не прынеслі перапалоху. …З імі – чысціня ў прыродзе і яе ажыўленне, асвятленне».

Шматразовае канатацыйнае напаўненне ключавога слова, узмацненне яго сімвалічных значэнняў асабліва ярка праяўляецца ў апошняй мініяцюры «Ты свяці мне, полымя!». *Полымя* – гэта сімвал духоўнага ўздыму, творчага пачатку, чалавечага генія: «Яшчэ і яшчэ ўспомніцца, загаворыць простымі, непрыдуманымі – і толькі шчырымі – словамі перажытае, убачанае, незабыўнае, непрыдуманае. Будзе і пра даўняе *полымя* на вуголлі ў горне маленькай вясковай кузні. І пра тое *полымя*, якому стагоддзямі засцілі, якое тушылі, якому гнюсілі чужынцы. І пра *полымя* Кастусёва і Францішкава, пра *полымя* Купалава і Коласава. І пра тое вялікае, усёмагутнае – дзеля чалавечнасці, чалавецтва, Чалавека».

У звышкантэксце слова *полымя* разрастаецца ў актыўны, самастойны вобраз. Усе асацыяцыі і ўяўленні, выкліканыя гэтым словам, знайшлі сваё ўвасабленне ў назве твора. Адбываецца глыбокі семантычны зрух: назва-сімвал выступае носьбітам аўтарскай ідэі, закладзенай у тэксце. Актуалізацыя слова *полымя* ў кантэксце мастацкага твора, яго багатыя асацыятыўныя і падтэкставыя сувязі, дадатковыя, канатацыйныя, значэнні – адлюстраванне асаблівасцей аўтарскага светаўспрымання і паказу рэчаіснасці, індывідуальнага стылю пісьменніка, яго мастацкага і жыццёвага крэда.

Часам ўлюбёныя аўтарам моўныя сродкі «вандруюць» з твора ў твор і выкарыстоўваюцца пісьменнікам для характарыстыкі пэў-

най мастацкай з'явы. У такім выпадку можна гаварыць пра творчасць пісьменніка як пра цэласную мастацка-маўленчую сістэму, арганізаваную ў адпаведнасці з асаблівасцямі яго стылю, светапогляду, аўтарскім бачаннем свету, і пра яшчэ адзін з відаў стылістычнага кантэксту – **кантэкст творчай сістэмы аўтара**. Названы тып кантэксту ў большай ступені, чым іншыя, характарызуецца элементамі суб'ектыўнага пры стварэнні, успрыманні і ўсведамленні аказіянальных канатацыйных значэнняў слова. Так, прыметнікі са значэннем колеру ў творах такіх пісьменнікаў, як У. Караткевіч, Я. Брыль, Я. Скрыган, В. Адамчык і інш., набываюць пэўнае эмацыянальна-экспрэсіўнае гучанне, а часам развіваюць абагульнена-сімвалічнае значэнне. Напрыклад, слова *сіні* ('які мае афарбоўку аднаго з асноўных колераў спектра – сярэдняга паміж блакітным і фіялетавым') у творах У. Караткевіча – не толькі сродак эмацыянальна-ацэначнай, псіхалагічнай характарыстыкі літаратурнага персанажа, а і сродак сцвярджэння ідэалаў пісьменніка. Вочы станоўчых герояў гэтага аўтара проста ўражваюць сваім сінім колерам: «вялізныя, як сподкі, *сінія* вочы», «гарэзлівае, крупельскае *сіняе* вока» (Як звяргаюцца ідалы), «*сінявокая*, ціхая, сціплая», «зграбненькая, *сінявокая*» (Кніганошы), «добрыя *сінія* вочы» (Залаты бог), «румянае, белазубае, *сінявокае* аблічча», «аблічча *сінявокае*, з празрыстым румянцам, з вішнёвымі вуснамі», «нешта залатавалосае, *сінявокае*, нешта найбольш як васемнаццаці год» (Калядная рапсодыя), «*сінія*, як неба, вочы» (Лятучы Галандзец), «вочы *сінія*, дзёрзкія» (У шалашы), «*сінія* вочы спакойна глядзелі» (Кніганошы), «чалавек з *сінімі* дабрэчымі вачыма» (Барвяны шчыт), «светлавалосы падлетак, *сінявокае*, танюткае, даўганогае жарабя», «*сінія* вочы ўразлёт» (Залаты бог), «*сінія*, дужа добрыя вочы» (Калядная рапсодыя) і інш. На аснове колеравага значэння прыметніка *сіні* ствараецца вобраз сініх вачэй, які выкарыстоўваецца пісьменнікам як сродак характарыстыкі ўнутранага свету герояў. Слова *сіні* – устойлівы знак станоўчай канатацыі: 'ясны, унутрана светлы, чысты, добры, прыгожы'.

Як бачым, канатацыйныя значэнні слова непасрэдна звязаны са спецыфічнымі ўмовамі яго выкарыстання ў кантэксце. У адрозненне ад узуальнай аказіянальная канатацыя з'яўляецца чыстым прадуктам кантэксту, які для яе ўзнікнення і выяўлення мае першаступеннае значэнне. Прааналізаваны матэрыял сведчыць пра тое,

што канатацыйныя магчымасці слова раскрываюцца ў кантэкстах розных тыпаў: мікракантэксце, макракантэксце, кантэксце твора і кантэксце творчай сістэмы аўтара. Аналіз уплыву кантэксту на механізм узнікнення аказіянальных канатацыйных значэнняў слова і іх рэалізацыю ў мастацкім тэксце – адзін з накірункаў, які патрабуе паглыбленага даследавання пры вывучэнні праблемы канатацыі.

Літаратура

1. Банникова, И. А. Об изменении смыслового объёма поэтического слова и роли стилистического контекста / И. А. Банникова // Лексикологические основы стилистики : сб. науч. работ / Ленингр. гос. пед. ин-т; ред. проф. И. В. Арнольд. – Л., 1973. – С. 23–31.

2. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для фак. журналістыкі. – 2-е выд., перапрац. і дап. / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 294 с.

Юлія Лук'янюк, Лілія Шасцярнёва

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

СЕМАНТЫЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў КАМП'ЮТАРНАЙ ЛЕКСІЦЫ: СПЕЦЫФІКА СІНАНІМІІ Ў КАМП'ЮТАРНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ І ЖАРГОНЕ

Семантычнае адзінства камп'ютарнай лексікі дакладна можна разгледзець у працэсе вывучэння яе семантычных працэсаў (полісеміі, аманіміі, сінаніміі, антаніміі, гіпаніміі). У сваіх працах мы ўжо разглядалі асаблівасці фарміравання лексічнага пласта камп'ютарнай падсістэмы, у якой вылучаюцца стандартная (літаратурная) і субстандартная (нелітаратурная) часткі [8; 9]. Гэтае даследаванне прысвечана пытанню спецыфікі сінаніміі ў камп'ютарнай тэрміналогіі і камп'ютарным жаргоне.

Камп'ютарная тэрміналогія як сукупнасць тэрмінаў інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі, уключае агульнакамп'ютарныя найменні, тэрміны інтэрнэта, праграмавання і інш. Да камп'ютарных тэрмінаў мы адносім простыя, вытворныя і складаныя тэрміны, тэрміналагічныя словазлучэнні і літарна-лічбавыя скарачэнні. Адносіны паміж паняццем і яго назвай павінны быць – па магчымасці – адназначнымі. Сінанімія ж перашкаджае яснай арганізацыі плана зместу і плана выражэння тэрміна. Неабходна адзначыць, што гэта

датычыцца толькі сфарміраваных тэрмінасістэм, дзе прыметамі тэрміна з'яўляюцца адназначнасць, адсутнасць сінонімаў і амонімаў. Аднак камп'ютарнай тэрмінасістэме беларускай мовы ўласцівы такія лексічныя асаблівасці ў галіне полісеміі, аманіміі [8; 9], сінаніміі, што даюць падставу лічыць яе не цалкам сфарміраванай.

Тэрміназнаўства не мае несупярэчлівай тэорыі тэрміналагічнай сінаніміі: па-рознаму вызначаецца яе прырода, ступень наяўнасці ў тэрмінасістэмах, віды сінонімаў, іх адрозненне ад варыянтаў, сутнасць дублетаў. Пад сінаніміяй мы будзем разумець з'яву, пры якой для абазначэння аднаго і таго ж паняцця выкарыстоўваецца два і больш тэрміны.

Існуюць два асноўныя дыяметральна процілеглыя падыходы да з'явы сінаніміі ў тэрмінасістэме.

1. Сінанімія – шкодная з'ява, таму што яна парушае ўзаемна-адназначную адпаведнасць паміж тэрмінам і паняццем. "Сінонімы – гэта значныя перашкоды пры ўзаемаразуменні спецыялістаў, пры перакладзе спецыяльных тэкстаў на замежныя мовы" [1, с. 130]. Такога ж пункту гледжання прытрымліваюцца і іншыя навукоўцы (Э. А. Натансон, Л. А. Капанадзе, В. П. Даніленка, В. П. Ахманава).

2. Другі падыход: сінанімія – з'ява станоўчая. Н. З. Кацялова сцвярджае, што «існаванне тэрмінаў-сінонімаў функцыянальна апраўдана, таму што яны могуць быць выкарыстаны для намінацый блізкіх паняццяў, а таксама са стылістычнай, эўфемічнай мэтай» [6, с. 122].

Зусім адмаўляе з'яву сінаніміі ў тэрміналогіі А. М. Талікіна. «Сінаніміі ў тэрміналагічных сістэмах няма, тое, што звычайна лічыцца тэрміналагічнай сінаніміяй, уяўляе сабой з'яву дублетнасці. Паміж дублетамі няма тых адносін, якія ўтвараюць сінанімічны рад, няма эмацыянальна-экспрэсіўных ці стылістычных апазіцый» [13, с. 61–62].

З пункту гледжання розных даследчыкаў на сутнасць і характар семантычных адносін паміж тэрміналагічнымі адзінкамі, суаднесенымі з адным і тым жа навуковым паняццем, можна заключыць, што тэрміназнаўства пакуль што не мае адзінай несупярэчлівай класіфікацыі. Тым не менш можна канстатаваць наступнае: большасць тэрмінолагаў схіляецца да таго, што варта размяжоўваць тэрміны-дублеты, тэрміны-сінонімы і сінанімічныя варыянты тэрмінаў. Мы падзяляем менавіта такі падыход і сярод камп'ютарных тэрмінаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы, суадносных з адным і тым жа паняццем, выдзелілі тры групы.

Да першай групы адносяцца тэрміны-дублеты, якія не маюць ніякіх семантычных адценняў у паняційным змесце. У асноўным гэта тэрміны-дублеты, прадстаўленыя беларускімі ці беларускімі і запазычанымі намінацыямі, у камп'ютарнай тэрміналогіі іх большасць: *мікрасхема – чып; blog – блог, дзённік; comment – каментар, выказванне; connection – злучэнне, падлучэнне, падключэнне; cookie – кукі, бірка; ідэнтыфікацыя – спраўджванне (асобы карыстальніка), апазнаванне; абвестка – аб'ява; інтэрнэт – сеціва; email – пошта, с-пошта («сеціўная пошта»), імэйл; дысплэй – манітор; ахоўны фільтр – ахоўны экран* [2] і інш.

Другую групу складаюць тэрміны, якія сваім унутраным зместам адлюстроўваюць розныя класіфікацыйныя прыметы аднаго і таго ж паняцця. У якасці прыкладаў можна прывесці наступныя пары (іх няшмат).

Электронны ('у 2-м значэнні = сеціўны: *электроннае* выдавецтва' [14, с. 1096]) – *сеткавы, сеціўны* (1. 'Той, што адносіцца да камп'ютарнага сеціва: *сеціўны* прынтар, *сеціўная* аперацыйная сістэма'; 2. 'які здзяйсняецца праз глабальнае камп'ютарнае сеціва; электронны ў 2-м значэнні: *сеціўны* магазін, *сеціўная* рэклама' [14, с. 909]). Тэрміны *электронны* і *сеціўны* – сінонімы, аднак тэрмін *сеціўны* валодае больш шырокім значэннем у камп'ютарнай тэрміналогіі.

Сеціва 1. Камп'ютарнае сеціва – гэта сеціва, якое звязвае камп'ютары і лакальныя вылічальныя сеціvы на вялікай адлегласці, якое прадастаўляе доступ да міжнародных інфармацыйных рэсурсаў: карыстальнік *сеціва*; 2. Разм. інтэрнэт: «актыўнае развіццё *сеціва*» [14, с. 249]) – *інтэрнэт* ('сусветнае інфармацыйнае камп'ютарнае сеціва, што аб'ядноўвае мноства некамерцыйных камп'ютарных сеціваў і камп'ютараў, якія абменьваюцца інфармацыяй адзін з адным' [14, с. 411]). Неабходна адзначыць, што інтэрнэт хоць і самае распаўсюджанае і агульнавядомае інфармацыйнае сеціва, аднак яно не адзінае. Існуюць, у прыватнасці, Агульнарасійскі тэхнічны інфармацыйны канал, сеціва «ТВ-Информ», сеціва «Инфострим» [17]. Гэта значыць, што тэрмін *сеціва* мае больш шырокае значэнне, чым тэрмін *інтэрнэт*.

Трэцяя група – сінанімічныя варыянты тэрмінаў. Характэрнай рысай працэсу станаўлення любой тэрмінасістэмы з'яўляецца пошук

найбольш аптымальнай намінацыі і, як вынік, наяўнасці варыянтных канструкцый [16, с. 12].

Словаўтваральны тып тэрміналагічнай варыянтнасці ў камп'ютарнай тэрмінасістэме прадстаўлены адзінкавымі прыкладамі: *адміністратар – адмін; адміністраванне – адміністрацыя* [2].

Што тычыцца лексічных варыянтаў, у прыватнасці поўных і кароткіх форм тэрмінаў, то такія прыклады сустракаюцца даволі часта і ў сферы фіксацыі, і ў сферы функцыянавання. Кароткія тэрміны-варыянты ўжываюцца для эканоміі моўных сродкаў. Прычым у сферы фіксацыі замацоўваецца, як правіла, толькі кароткі варыянт. Часцей назіраецца ўзнікненне варыянтаў у выніку семантычнай кампрэсіі, пры якой адно са слоў, якое ўваходзіць у словазлучэнне, убірае ў сябе значэнне словазлучэння: *адрас электроннай пошты – электронны адрас – адрас; электронная пошта – эпошта (пошта); камп'ютарнае сеціва – сеціва; вадкакрышталічны манітор (ВК-манітор, ВКМ) – манітор; вадкакрышталічны дысплэй* [2] і інш.

Такім чынам, можна адзначыць наступныя лексічныя асаблівасці сінаніміі камп'ютарнай тэрміналогіі:

1. Дублеты – тэрміны, якія не маюць ні эмацыянальна-экспрэсіўных, ні стылістычных адрозненняў.

2. Сінонімы – тэрміны, якія называюць адно і тое ж паняцце, але па розных прыметах.

3. Асноўная функцыя тэрмінаў-дублетаў і тэрмінаў-сінонімаў – функцыя замяшчэння.

4. Ад дублетаў і сінонімаў неабходна адрозніваць сінанімічныя варыянты.

5. Большасць прааналізаваных намі камп'ютарных тэрмінаў утвараюць варыянтныя сінанімічныя рады, гэта сведчыць аб тым, што камп'ютарная тэрмінасістэма знаходзіцца ў стане развіцця.

Асобнага аналізу патрабуюць сістэмныя адносіны жаргоннай камп'ютарнай лексікі. Як новая і выключна дынамічная з'ява, камп'ютарны жаргон «з'яўляецца ўнікальным матэрыялам для даследавання, у якім выяўляецца шэраг характэрных і для агульнанароднай мовы тэндэнцый і які заслугоўвае пільнай увагі лінгвістаў» [5]. Камп'ютарны жаргон дастаткова шырока прадстаўлены як у інтэрнэце, так і ў спецыялізаваных выданнях («Компьютерной газете», газеце «Компьютерра», часопісах «Хакер», «Game.EXE»), слоўніках і даведніках [4; 7; 18].

Камп'ютарны жаргон хутка папаўняецца новай лексікай, тэхніцызмамі англійскага паходжання, спецыфічнымі словамі і аказіяналізмамі. Як адзначае даследчыца А. М. Рудэнка, «подобные перлы чрезвычайно многочисленны на страницах Homenet и Интернета. Они свидетельствуют о специфическом чувстве юмора у "работников компьютера и модема". Пожалуй, из всех "технарей" именно те, кто работает в сфере информационных технологий, максимально склонны к языковому творчеству и языковой игре» [10, с. 243].

Характэрнымі рысамі камп'ютарнай лексікі, у тым ліку жаргоннай, з'яўляецца полісемія [9]: *Бліны* – 1. Кампакт-дыскі. 2. Дыскі ў вінчэстара. 3. Флопі-дыскі. 4. Любыя іншыя дыскі [11, с. 61]; унутраная і знешняя аманімія (паміж камп'ютарнымі жарганізмамі і словамі агульнанароднай мовы і іншымі сацыялектамі). Напрыклад, у крымінальным жаргоне *макрушнік* – 'чалавек, які ідзе на забойства' [15, с. 108], у камп'ютарным *макрушнік* – 'праграміст-сістэмшчык, які працуе на Макра Асэмблеры', у агульным жаргоне *мыла* – 'мыльная опера, шматсерыйны тэлевізійны серыял', у камп'ютарным – 'электронная пошта'.

Сістэмныя адносіны ў камп'ютарнай лексіцы прасочваюцца і на ўзроўні сінанімії, дзе можна вылучыць некалькі тэматычных груп:

1) назвы камп'ютарных дэталяў, прыналежнасцей: 'камп'ютар' – *комп, кампуцер, кампостар, кракадзіл, пісюк, пісюха, пісішнік*; 'камп'ютарная мышка' – *мыша, крыса, хвастатая, хома, звер*; 'клавіятура' – *клава, раяль, стукалка, кебарда, кейборда, кнопкі*; 'манітор, дысплей' – *мон, монік, моня, морда, тэлевізар, дысплюй*; 'вінчэстар' – *вінт, вінч, венік, блін, вентылятар*; 'мацярынская плата' – *мама, мамка*; 'дыванок для мышы' – *крысадром, мышадром, танцпляцоўка*; 'вентылятар працэсара' – *Карлсан, ветрадуй*;

2) назвы праграм, каманд, сімвалаў: 'электронная пошта' – *мыла, Ямеля*; сімвал @ – *сабака, сабачка, хвост, жаба, краказябла, масямба*;

3) назвы адзінак вымярэння: 'мегабайт' – *метр, тона*; 'кілабайт' – *кіло, ка*; 'гігабайт' – *гіг*;

4) назвы дзеянняў, аперацый, працэсаў: 'капіраваць інфармацыю з сервера' – *пампаваць, зліваць, скачваць*; 'архівіраваць' – *жаць, таптаць*;

5) назвы асоб: *ламер* (англ. lame 'слабы, кульгавы'), *чайнік* – 'няўмелы карыстальнік'; *хакер, кракер* (ад англ. hack) – 'чалавек, які вы-

датна валодае камп'ютарнымі тэхналогіямі і можа ўзломваць праграмы'; *юзер* – 'чалавек, які ўмее карыстацца камп'ютарам' (англ. user 'карыстальнік'); *насільнік, сіяніст* – 'праграміст, які працуе на мове С++'.

Як адзначае В. Вінагарадава, «кожная створаная адзінка павінна служыць уласна "слэнгавай" функцыі і быць сродкам зносін носьбітаў гэтага жаргону, але, з другога боку, яна выступае як прафесіяналізм. Акрамя таго, у многіх выпадках яна прэтэндуе ў перспектыве свайго выкарыстання на тое, каб стаць элементам лексічнай сістэмы агульналітаратурнай мовы. Сёння некаторыя з такіх адзінак успрымаюцца як неалагізмы, а не жарганізмы, паколькі літаратурная мова не мае сінонімаў для абазначэння адпаведных рэалій, валодаючы толькі іх дэскрыптыўнымі характарыстыкамі» [3, с. 204]. Так, дзеясловы *віснуць*, *завісаць*, *глючыць* у сувязі з камп'ютарызацыяй грамадскага мыслення хутка трапілі ў СМІ, у прыватнасці, на старонкі газет: *Удавалось ли еще «зависать» в Минске на день-два после концерта?* (СБ. 09.02.2011). *Электронные весы могут «глючить», когда, например, садятся батарейки* (СБ. 19.02.2011).

Асноўныя крыніцы папаўнення сінанімічных радоў:

– семантычная дэрывацыя, калі працэс намінацыі адбываецца шляхам скажэння ці іранічнага пераасэнсавання свайго слова па сугучнасці з чужым або па семантычнай блізкасці з чужым, якое адносіцца да камп'ютарных тэхналогій (*клава* 'клавіятура', *батоны* 'кнопкі', *Айбаліт* 'антывірусная праграма', *лапша* 'мноства кам'ютарных правадоў');

– запазычанні: *юзер* англ. user, *друкер* ням. Drucker;

– каламбурная транслітарацыя англійскіх тэрмінаў, звязаная з ужо існуючымі моўнымі адзінкамі (*Ямеля* ад англ. e-mail, *філе* ад англ. file);

– метафарычны ці метанімічны перанос, калі агульнаўжывальныя словы ў маўленні камп'ютаршчыкаў ужываюцца ў незвычайным кантэксце: інфармацыю *качаюць (скачваюць),* камп'ютар *завісае, задумваецца*. Як адзначаюць вучоныя, многім прафесійным жаргонам, у тым ліку і камп'ютарнаму, уласцівы антрапамарфізм. Так, многія назоўнікі ці дзеясловы, якія называюць органы, дзеянні чалавека, у жаргоне праграмістаў выкарыстоўваюцца адносна камп'ютара: *кішкі* – 'ўнутранае ўстройства аперацыйнай сістэмы', *мазгі* – 'аператыўная памяць', *морда* – 'манітор';

– словаўтварэнне: напрыклад, усячэнне асновы – *комп, вінт, гіг*. Характэрна з’ява сінанімічнай атракцыі на аснове адносін гіпанімії і гіперанімії (‘мышка’ – *жук, блыха, клоп*).

Такім чынам, камп’ютарная лексіка з’яўляецца выключна дынамічнай сістэмай. Гэта вызначаецца як экстралінгвістычнымі, так і ўнутрымоўнымі фактарамі. Таму бесперапынна ўзнікаюць новыя намінацыі (у тым ліку і жаргонныя), афармляюцца новыя сінанімічныя рады. Прадметна-тэматычнае размежаванне абумоўлена перавагай назоўнікавых і дзеяслоўных сінанімічных радоў.

Супастаўленне кадыфікаванай і некадыфікаванай лексікі выяўляе таксама адрозненні паміж кадыфікаванай і некадыфікаванай падсістэмамі, у прыватнасці, большая разнастайнасць спосабаў семантычнага пераносу прадстаўлена ў некадыфікаванай частцы камп’ютарнай падсістэмы. Так, метафарычнае пераасэнсаванне, каламбур, запазычанне, фанетычныя скажэнні – асноўныя спосабы ўзнікнення сінонімаў у камп’ютарным жаргоне.

Што датычыцца камп’ютарнай тэрміналогіі, то такія прыметы, як кароткасць, адсутнасць сінаніміі, прысутнічаюць не ва ўсіх тэрмінах. Большасць камп’ютарных тэрмінаў утвараюць варыянтныя сінанімічныя рады. Гэта сведчыць пра тое, што вывучаемая тэрмінасістэма знаходзіцца ў стане актыўнага развіцця.

Літаратура

1. Arntz, R. Einführung in die Terminologiearbeit / R. Arntz, H. Picht. – Hildesheim u.a. : Olms, 1995. – 347 s.

2. Беларускі камп’ютэрны слоўнік. Нататкі перакладчыкам [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://kamputerm.org/index.php, свабодны.

3. Виноградова, В. Компьютерный сленг и литературный язык / В. Виноградова // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 203–216.

4. Голованов, Н. А. Современный англо-русский словарь компьютерных технологий / Н. А. Голованов. – М. : Просвещение, 2005. – 276 с.

5. Ермакова, О. И. Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы языка / О. И. Ермакова. – Режим доступа: http: //www. dialog-21.ru, свободный.

6. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина / Н. З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 122–138.

7. Левикова, С. И. Большой словарь молодежного сленга / С. И. Левикова. – М. : Гранд. Фаир-пресс, 2003. – 923 с.

8. Лук'янюк, Ю. М. Асаблівасці фарміравання лексічнага пласта камп'ютэрнай падсістэмы (на матэрыяле кадыфікаванай і некадыфікаванай лексікі) / Ю. М. Лук'янюк, Л. Г. Шасцярнёва // Слова ў кантэксце часу: зб. навук. прац Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 80-годдзю д-ра філал. навук, праф. Аркадзя Іосіфавіча Наркевіча, Мінск, 10 сакавіка 2009 г. / пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – С. 252–263.

9. Лук'янюк, Ю. М. Полісемія і аманімія ў лексіцы камп'ютэрнай падсістэмы / Ю. М. Лук'янюк, Л. Г. Шасцярнёва // Журналістыка-2009: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 11-й Міжнар. навук.-практ. канф. / рэдкал. С. В. Дубовік [і інш.]. – Вып. 11. – Мінск : БДУ, 2009. – С. 283–286.

10. Руденко, Е. Н. Вот вам и драг с дропом, или Компьютерный жаргон глазами лингвиста / Е. Н. Руденко // Славянский мир на пороге III тысячелетия: материалы Междунар. науч. конф., Гомель, 15–16 мая 2001 г. / Бел. гос. ун-т транспорта, Гомел. обл. обществ. об-ние “О-во Кирилла Туровского”; редкол. : В. И. Коваль [и др.]. – Гомель, 2001. – С. 241–243.

11. Словарь молодежного и интернет-сленга. Толкование более 10 000 слов и выражений / автор-сост. Н. В. Белов. – Минск : Харвест, 2007. – 256 с.

12. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск, 1996. – 784 с.

13. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Е. Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 53–67.

14. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с.

15. Толковый словарь уголовных жаргонов / под ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М., 1991. – 721 с.

16. Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі / Г. У. Арашонкава [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 175 с.

17. www.gramota.ru.

18. www.slanger.ru.

Александра Макарова
Московский институт иностранных языков (Россия)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СУБСТИТУЦИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ (на материале французской прессы 2011–2012 гг.)

Основными функциями языка газеты, как и публицистического стиля в целом, являются информативная, воздействующая, коммуникативная, аргументативная и убеждающая. Каждый функциональный стиль – это совокупность определенных жанров. Публицистический стиль не является исключением и представлен большим количеством жанров, принятых в данной сфере речевого употребления.

Публицистический стиль французских средств массовой информации обладает одновременно консервативностью и подвижностью. С одной стороны, есть тенденция к стандарту, то есть стремление к строгости и информативности, чем объясняется большое количество штампов. Однако не всегда усредненность языка французской газеты связана со штампами или речевыми клише. Не менее часто за этим употреблением скрывается осторожность в выражении мнений и оценок, порой недосказанность. Как и художественная литература, французская публицистика обладает значительной силой воздействия, используя широкий арсенал выразительных средств. Французские публицисты прибегают к самым разнообразным стилистическим средствам.

Итак, публицистическому стилю свойственна выразительность и информативная емкость передаваемых сообщений. Известный французский лингвист Г. Гийом писал об обращении речевой деятельности к двум видам средств: «к поздним средствам, принадлежащим импровизационному плану речи, и к ранним, принадлежащим устоявшемуся плану языка» [2, с. 54]. Исходя из этого положения, можно предположить, что язык газетно-публицистического стиля больше стремится к использованию средств экспрессивности, жертвуя средствами экспрессии. Этот феномен особенно ярко проявляется в использовании крылатых выражений в заголовках французских периодических изданий, что обусловлено их апеллятивно-аттрактивной и информативной функциями.

Заголовок во французских газетах имеет сложное строение, отличающееся от традиционных заголовков в российских печатных изданиях. Это не просто заголовок, а целый заголовочный комплекс (le titraille; le titrage). Он состоит из собственно заголовка (titre), надзаголовка (surtitre), подзаголовка (soustitre). Большие статьи могут иметь внутритекстовые заголовки (inter-titre) в соответствии с рубрикацией текста. В этом случае заголовки открывают рубрики и кратко формулируют их основную мысль. Встречаются также внутритекстовые заголовки, которые повторяют одну или две ключевые фразы. После подзаголовка иногда идет sommaire, который перечисляет основные элементы сообщения. Надзаголовок обычно короче подзаголовка, так как он кратко сообщает о факте и дает ему общую оценку. Подзаголовок содержит более развернутую информацию. Таким образом, заголовок во французской газете – это мини-подлинный текст, в котором концентрируется текст всей статьи, это специальный рассказ о событии, проблеме или точка зрения журналиста. Исходя из стилистических тонкостей передачи смысла заголовка, возможна следующая классификация:

- информативные заголовки (les titres informatifs) отвечают прежде всего на референтные вопросы *кто? что? где? когда? почему? как?*;
- побуждающие заголовки (les titres incitants) служат для того, чтобы пробудить любопытство читателя, предлагают, провоцируют желание читать;
- заголовки-метафоры (les titres de metaphore), стилистически яркие, являются комментарием информации;
- заголовки, которые используют изменение направления смысла (les titres, qui utilisent le changement de la direction du sens). Это другая разновидность побуждающих заголовков, представляющая собой ссылки на выражение, известное читателю, для установления с ним отношений сопричастности.

Исследования функционирования крылатых единиц (далее – КЕ) в разных типах текстов отражают общую тенденцию современного языкознания. Интерес к функциональному аспекту лингвистических исследований можно объяснить тем, что он полнее раскрывает сущность языка как продукта функционирующего сознания, которое вырабатывает знаковую систему выражения. Публицистический стиль речи быстрее других функциональных стилей реагирует на изменения, которые происходят в современном языке.

Как любой фразеологизм, КЕ обладают яркой образностью, неповторимой экспрессивностью, поэтому они являются любимым средством выразительности не только писателей, но и журналистов. Сегодняшний язык средств массовой коммуникации активно использует эти языковые единицы. Чаще всего данный феномен проявляется в использовании КЕ в роли заголовков, которые, как известно, представляют собой одну из самых сильных позиций текста. Данное тексту название является «символическим словесным выражением концепта, получающего свое воплощение в тексте» [6, с. 257]. КЕ, выступая в роли газетного заголовка, оказываются более эффективным текстообразующим средством, чем слово, словосочетание или предложение в силу своей изначальной образности и выразительности. Таким образом, КЕ в составе заголовка, а также заголовок в виде трансформированной (модифицированной) КЕ не такое уж редкое явление в печатных средствах массовой информации Франции. Нужно заметить, что трансформированные КЕ употребляются чаще, чем их изначальный вариант [5]. Степень трансформированности КЕ-заголовка может быть различной: от минимальной, когда незначительно изменяется один из компонентов, до максимальной, когда неизменным остается один из компонентов КЕ. Например:

Cherchez l'erreur

«En Israël on efface les femmes», s'insurge le quotidien américain The New York Times qui fait référence à la photo officielle du nouveau gouvernement de Benyamin Nétanyahou… Dans le journal ultra-orthodoxe Yated Neeman, les deux seules femmes du gouvernement ont tout simplement disparu. Sans commentaires [9].

В данном примере французским журналистом используется трансформированная КЕ *cherchez la femme*. Обратимся к ее источнику:

Ищите женщину (часто шутл.).

Цитируется также по-франц.: *Cherchez la femme!* Крылатым выражение стало благодаря роману Александра Дюма-сына «Могикане Парижа» (ч. 3, гл. 10 и 11) и одноименной драме (д. 2, явл. 16, 1864), где это выражение является излюбленной поговоркой парижского чиновника [БСКСРЯ, с. 207].

Cherchez la femme prov. Ищите женщину – в ней все дело (выражение, обычно приписываемое А. Дюма-сыну) [Новый большой французско-русский фразеологический словарь, с. 642].

Как видно по заголовку этой статьи, автор прибегает к лексической субституции, т. е. заменяет существительное *la femme* на *l'erreur* (ошибка), таким образом появляется индивидуально-авторская КЕ: *Ищите ошибку*. В статье говорится о том, что с официальной фотографии нового правительства Израиля, напечатанной в ультраортодоксальной газете «Ятед Ниман», исчезли две женщины, члены правительства Беньямина Нетаньяху. Изменив КЕ лишь частично без изменения плана содержания, публицист создает интригующий читателя подтекст: данная «ошибка» (l'erreur) оказывается связанной с женщинами. Становится очевидным выбор именно этой КЕ автором.

Следующая КЕ, которая выбрана для иллюстрации: *Le roi est mort! Vive le roi!*

Король умер! Да здравствует король! (книжн. шутл.-ирон.).

Цитируется также по-франц.: *Le roi est mort! Vive le roi!* Эта формула использовалась во Франции при провозглашении смены королей в связи со смертью одного и вступлением на престол нового [БСКСРЯ, с. 233].

Приведем пример, где исходная КЕ подверглась более сильной трансформации:

L'euro est mort *plus personne n'en veut.* ***Vive le retour de notre bon vieux franc*** [10].

Здесь можно наблюдать лексическую субституцию: вместо *le roi* (король) *l'euro* (евро) и *le retour de notre bon vieux franc* (возвращение нашего доброго старого франка) и изменение синтаксической структуры предложения за счет распространителей – второстепенных членов предложения.

Рассмотрим несколько примеров, которые демонстрируют индивидуально-авторское употребление КЕ во французской прессе.

L'euro est mort, vive l'euro !

Contre la crise, Sapir démondialise

Selon un proche d'Arnaud Montebourg, la démondialisation serait un «mot-obus qui sert à détruire le système». Depuis que le candidat aux primaires socialistes en a fait son étendard, le concept fait florès chez les pourfendeurs du mondialisme. Il est jusqu'aux socialistes pudibonds pour parler – timidement - «d'écluses» et de «juste échange» [8].

В данном контексте наблюдается лексическая субституция. В статье журналист говорит об общеевропейской обеспокоенности состоянием евро в экономике европейских стран. Но, как ясно из заглавия,

принимаемые меры малоэффективны. План содержания КЕ в роли заголовка не изменен, но контекст придает ему ироничный оттенок.

L'euro est mort…vive l'Europe !

Point de vue

Deux ans après la crise grecque, force est de constater que tous les efforts pour préserver la stabilité financière de la zone euro ont échoué. De sommet en sommet, l'objectif des dirigeants européens n'a été que de gagner du temps à tout prix sans s'attaquer aux causes profondes de la crise de l'euro. Derrière le bruit des sommets européens à répétition, des prétendus plans de sauvetage et des remous quotidiens des marchés, c'est une tendance claire vers la désintégration de l'euro qui se dessine [11].

В заголовке данной статьи кроме лексической субституции, где *le roi* заменен на *l'euro* и *l'Europe* (Европа), модификация происходит и на синтаксическом уровне: многоточие вместо восклицательного знака, который характерен для исходного варианта КЕ. Уже из заглавия статьи ясно, о чем идет речь: экономический кризис отрицательно сказался на единой европейской валюте. Таким образом, сама КЕ приобретает не просто иронический, а скорее сатирический оттенок (евро умер, а Европа живет), без изменения плана содержания.

Le camarade Kim est mort, vive le camarade Kim!

La nouvelle s'est répandue comme une trainée de poudre à Séoul où les gens vivent avec un smartphone greffé à la main. Kim Jong-Il est donc mort, lui qui était considéré comme l'ennemi juré par le gouvernement de Seoul; lui qui tyrannisait la moitié de cette péninsule, et qui il y a un an encore, bombardait une île sud-coréenne faisant des victimes civiles [7].

Corée du Nord: le président Kim Jong-Il est mort, vive Kim Jong-Un

Le président de la Corée du Nord, Kim Jong-Il, dont la santé était réputée chancelante depuis des années, est mort samedi, et son fils, Kim Jong-Un, a été nommé «Grand Successeur», ont annoncé lundi les médias officiels du régime communiste [11].

В этих двух контекстах сообщается о смерти президента Северной Кореи. Журналисты модифицируют анализируемую КЕ без изменения плана содержания исходного варианта и употребляют каждый свой индивидуально-авторский вариант КЕ. Ситуация, отраженная в КЕ и зафиксированная ее семантикой, повторяется спустя много веков. В первом примере лексическая субституция: замена *le roi* на

Le camarade Kim (товарищ Ким). Во втором заголовке расширение происходит не только за счет замены *le roi* на имена северокорейских лидеров, к которым журналист прибавляет числительное *II* (два или второй) и *Un* (один или первый) и которые свойственны королевским династиям (намек на политический режим, существующий в этой стране), но также благодаря употреблению названия страны, которое стоит непосредственно перед КЕ. Таким образом автором создается саркастический эффект.

Le virus est mort, vive le malware!?

Motivés par le profit, les criminels ne cessent de faire évoluer les logiciels malveillants et leurs vecteurs de propagation. Venez découvrir dans cette session riche en démonstrations et en bonne humeur le nouveau visage de ces menaces et les différents moyens d'atténuer les risques associés [12].

Этот пример затрагивает тему компьютерных вирусов, что ясно из заголовка статьи, благодаря индивидуально-авторскому употреблению КЕ. Лексическая субституция с заменой *Le roi* на *Le virus* (вирус), а также употребление компьютерного термина во второй части КЕ *le malware* (хакерская программа) привлекают внимание конкретного круга читателей – специалистов в области компьютерных технологий.

Очевидно, что на смысл КЕ, реализованной (актуализированной) в публицистическом тексте, оказывает влияние как внешний, так и внутренний контекст. Нельзя забывать и об экстралингвистических факторах. Это подтверждается проанализированными примерами. Заголовки большинства статей отражают две последние важные новости мировой политики и экономики: смерть президента Северной Кореи и кризис европейской валюты. Частое употребление журналистами крылатых слов и выражений, афоризмов, пословиц и пр. объясняется тем, что в медийных текстах субъективная точка зрения может быть выражена в виде общего мировоззренческого суждения. Как и фразеологизм, данные языковые единицы используются для передачи отношения говорящего к собеседнику или к объекту коммуникации. Анализ индивидуально-авторских приемов употребления КЕ в заголовках французской периодической печати позволяет установить увеличение в этом случае смысловой и экспрессивно-эмоциональной информации по сравнению с узуальным употреблением. Данное употребление объясняется задачами публицистического стиля: стремлением к экспрессивности, емкости информации, а также к

воздействию на читателя. «Все нестандартное будит мысль, активизирует связи. Смыслы множатся, творя новую реальность» [1, с. 41]. Всевозможные языковые трансформации создают художественный подтекст, ироническое, саркастическое, гротескное, трагическое или иное звучание, рождают загадку, а иногда просто шутку.

Литература

1. Буровикова, Н. Д. Жизнь в мимолетных мелочах / Н. Д. Буровикова, В. Г. Костомаров. – СПб., 2006. – 68 с.

2. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесловие и коммен. Л. М. Скрелиной / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 2004. – 224 с.

3. Зеленов, А. Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка // К 60-летию проф. А. В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов / А. Н. Зеленов. – Великий Новгород, 2007. – С. 161–165.

4. Ломакина, О. В. Заглавие-паремия как способ выражения авторской позиции в художественном тексте (на материале народных рассказов Л. Н. Толстого) / О. В. Ломакина // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2010.– № 3.– С. 125–129.

5. Макарова, А. С. Особенности функционирования крылатых единиц французского происхождения в роли газетных заголовков (на материале «Большого словаря крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой) / А. С. Макарова // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 207–210.

6. Степанова, В. В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии / В. В. Степанов. – СПб., 2006. – 272 с.

7. blog.slate.fr 8.

8. Causeur.fr.

9. Courrier International.

10. dailymotion.com›video.

11. lemonde.fr.

12. http://www.microsoft.com/france.

Словари

1. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ; Астрель; Русские словари, 2005. – 623 с. – БСКСРЯ.

2. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак [и др.]; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – XX, 1625 с.

Оксана Малыса
Силезский университет (Польша)

ЖАНРОВОЕ СОЗНАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Жанровое сознание, будучи одной из категорий понятийного аппарата генологии, вошло в научный обиход относительно недавно. Его можно обозначить как составляющую более широкого понятия – языкового сознания, под которым, в частности, подразумевается процесс истолкования, категоризации, преобразования языковой действительности, а также его результат в виде некоего сложного, тематически определенного ментального конструкта [6, с. 20]. Такое осмысление результата видения языковой реальности соприкасается с жанром в ставшей уже классической концепции М. Бахтина, согласно которой под жанром подразумевается система языковых действий, относительно устойчивая в тематическом, композиционном и стилистическом планах [1, с. 225]. Это, среди прочего, дает основания для выделения жанрового сознания в отдельную единицу речеведения, которая открывает новые возможности выявления особенностей кодирования и восприятия текстов в зависимости от их жанровой принадлежности, уточняет ситуативные характеристики востребованности того или иного жанра, а также его коммуникативные и прагматические параметры. Разграничение жанрового сознания на оси адресат – адресант позволяет дополнительно выяснить источники его ориентированности и процессы, влияющие на формирование и распознавание жанрового образца.

Как общественное явление, непосредственно сопутствующее человеку прежде всего в повседневной коммуникации и на современном этапе развития в области массмедиа, жанровое сознание сигнализирует нам границы речевых образований и способствует воспроизведению инварианта. Согласно Л. Крысину, уже даже на этапе представления о разных формах социального взаимодействия у человека вызываются определенные ассоциации о сопровождающих их формах речеведения [2, с. 147]. Мы в состоянии конкретизировать разговор как душевный или деловой и определить, когда непринужденная беседа переходит в серьезный разговор, а спор – в ссору. Однако уже сильная модификация жанров в сегодняшних СМИ, знаменующаяся, в частности, ослаблением не только их структурных,

но и функциональных показателей, может приводить к ослаблению первичного жанрового сознания в этой сфере [5, с. 326–327].

Особый интерес представляет собой сопоставительный анализ функционирования жанрового сознания представителей разных языков и культур. В этой области намечаются перспективы исследований по нескольким направлениям.

Во-первых, сам спектр жанров расходится как в кругу текстов отдельных языков, в том числе и близкородственных, так и в более широком аспекте глобальной классификации культур – европейской, восточной, англо- и иберо-американской и т. д. Этот факт, несомненно, дает возможность сравнивать понимание и рецепцию жанров в родной для них и инородной среде.

Во-вторых, изучению может подвергаться совокупность гомогенных жанров, которые реализуют доминирующую в них подобную интенцию. В различных языках набор таких жанров, как правило, пересекается лишь частично, в связи с чем, обладая и несколько иными прагматико-семантическими оттенками, вносит свои особенности в осознание текстов носителями разных языков. В свою очередь, схожие ситуации в той или иной культуре порождают типы текстов, которые несут другую прагматическую нагруженность и могут осуществлять другие цели.

Следующим положением, которое требует разработки в ключе жанрового сознания, является переводимость генологических номинаций. Проблема их эквивалентизации, безусловно, возникает и на уровнях, уже представленных выше. Переводческие соответствия существенно влияют на то, каким образом проецируется толкование жанра текста вторичными реципиентами уже на этапе предварительного ознакомления с ним. Это особенно важно в контексте того, что жанровую принадлежность текста сразу могут определять наименования жанров, которые входят в состав заглавий художественных и публицистических произведений, религиозных сочинений и научных трудов, политических, дипломатических, юридических и деловых документов. Они также непосредственно озаглавливают их, появляются в подзаголовках, в авторских либо редакторских указаниях вблизи заголовка. Во многом это относится и к конвенциальным заголовкам, которые хотя не обязательно содержат жанровое обозначение, но обладают запрограммированной в них информацией о жанре текста, направляя ожидание адресатов в нужное русло.

Еще один вопрос, рассматриваемый с интересующей нас точки зрения, касается того, как преимущественно называют жанр конкретного текста первичные адресаты (в том случае, если жанр не определен в сильной текстовой позиции, каковой является заглавие) и каким образом осуществляется его жанровое бытие в сознании представителей нового языково-культурного социума.

Исходя из этого, постараемся в какой-то степени приблизить сущность отдельных постулатов на материале, почерпнутом прежде всего из русского и польского языков, с привлечением других в качестве иллюстраций некоторых примеров.

Итак, становление жанрового сознания в разных культурных общностях находит свое непосредственное отражение в наборе жанров и их номинациях. Безусловно, наряду с совпадающими генологическими показателями в текстовом пространстве разных культур имеются выработанные только в одной из них, что закономерно ведет к межкультурной жанровой асимметрии и лакунарности. Не случайно в польском словарном издании о художественных жанрах во введении к статьям о японских и персидских текстовых образцах находится предупреждение его составителей о том, что представленные в нем жанры не имеют своих соответствий в классификации средиземноморской литературы. Этим обусловливается то, что авторы не могут взывать к чувству жанра у читателя [13, с. 25]. Хотя в настоящее время в силу тенденций глобализации, веяний моды и потребности в новых эстетических впечатлениях можно говорить и о большей популярности отдельных жанров, к примеру, традиционной японской поэзии на почве иных культур, в том числе русской и польской. Так, наряду с адекватным осознанием хайку и танка в национальных литературах происходит создание их новых вариантов, безусловно, подчиненное особенностям того или иного языка, а также переигрывание, которое отсылает к известному образцу и поэтому возможно лишь при высокой степени узнаваемости исходного жанра.

Прежде всего, однако, заметно проникновение в новые социокультурные области жанров англосаксонской культуры. Еще не столь давно, в 1997 году, известная ученая Анна Вежбицка, эмигрировавшая в свое время из Польши, писала, что никогда не обучится некоторым способам речевых форм, ключевым в традиции англо-американского общения, поскольку они идут вразрез с ее понятийным аппаратом и менталитетом. Это утверждение иллюстрируется, в частности, таким

жанром, как *small talk*, т. е. ни к чему не обязывающим разговором, в принципе ни о чем, целью которого является сохранение гармонии общения [11, с. 85–86]. Но на современном этапе по причине изменения отношения человека к миру он выходит за пределы существования в одном языково-культурном коллективе и довольно широко укореняется в жанровом сознании носителей разных языков. Об этом свидетельствует хотя бы включение его в появляющиеся и в России, и в Польше новые правила хорошего тона, трактующие об искусстве ведения беседы не только в инокультурной среде.

Небезосновательно такие явления происходят в пределах жанра разговора, который составляет ядро человеческого общения и отличается универсальным характером. Здесь наблюдается также перенесение его медийных разновидностей – например, *talk show* – из американской на другие почвы. Но уже свойственные ей иные жанры не обладают такими широкими возможностями выхода в чужеродные сферы. Польский актер и сатирик Мацей Штур в одном из интервью с ним* обращает внимание на то, что американцы, а мы добавим — и россияне, в отличие от поляков особо не привязаны к традиции, связанной с жанром эстрадного сатирического театра, называемого по-польски *kabaret*. В США более распространен жанр *stand-up comedy*, который, однако, вписывается в иную стилистику контакта с публикой и балансирует на грани провокации. Именно поэтому, учитывая национальные особенности речевого поведения поляков, он не находит у них своего применения. Исключение составляет, по словам М. Штура, единоличный жанр «*stand-up alla polacca*» в смягченной версии, созданный Анджеем Понедзельским. Вряд ли, конечно, так смогут обозначить его адресаты, в восприятии которых он скорее всего будет классифицирован как жанровая модификация хорошо известной им сатирической формы.

К одному из проявлений национально-культурной принадлежности жанра относится также его определение соответствующими прилагательными. Они прежде всего отсылают к уточнению характеристик какого-либо повсеместно известного жанра, но обладающего специфическими чертами в той или иной культуре. К примеру, детектив может определяться как английский и таким же образом

* Интервью было опубликовано в приложении к «Газета Выборча»: Maciej Stuhr, Jestem w nastroju epistolarnym – wywiad z Joanna Derkaczew. «Gazeta Wyborcza». – «Gazeta Telewizyjna» от 4.11.2011.

восприниматься даже в том случае, если его автором не является англичанин. Конвенция, однако, детерминирует то, чтобы произведение было подписано все же английской фамилией. Не удивительно поэтому, что под псевдонимом *Patrick G. Clark* скрывается поляк Януш Маевски, а его пьеса *Upiór w kuchni* (Упырь на кухне) соотносится более всего с одним из британских театральных жанров – детективной комедией. Это дало основание озаглавить статью о постановке этой пьесы *Bardzo angielski polski kryminał*[*], где прилагательное *angielski* задает место действия и особую интерпретацию событий, в то время как *polski* указывает на автора произведения и постановку спектакля в Польше.

Наряду с тем, что жанровое сознание впитывает заимствованные новообразования, оно сохраняет в культурной памяти также формы, которые в процессе исторического развития хотя и уходят на второй план, но обнаруживаются в виде особых семантико-стилистических приемов в повествовании. Так, в русском языке сказ как фольклорный жанр, обладающий специфической манерой изложения, воспроизводится в художественных произведениях в качестве основы для имитации устной речи нарратора или персонажей (характерный сказ) либо для создания безличного многоголосия (орнаментальный сказ) – к примеру, в текстах Н. Гоголя, Н. Лескова, М. Зощенко, Л. Леонова [4, с. 179–187]. Распознавание этих метаязыковых соотнесений – как самого сказа, так и сказового тона – несомненно, может вызывать на современном этапе затруднения и у самих носителей русского языка, но особенно труднодоступно оно в чужой культурной среде. Этому также не способствует и появляющаяся в польском языке репрезентация данного термина – *skaz*, например, в публицистическом тексте на тему творчества М. Зощенко, о чем упоминает в своем исследовании Х. Лебедзински. Кроме того, что это название ничего не говорит польскому читателю, из-за своей формы оно ассоциируется еще со словом *skaza*, означающем порок, царапину, аллергию [8, с. 138]. Отметим, что двуязычные словари приводят такие эквиваленты сказа, как *opowieść ludowa, opowiastka* и *gadka (gminna)*, что также требует от переводчика реконструкции нужного для установления жанра контекста.

[*] Jacek Wierzbicki. Bardzo angielski polski kryminał: «Gazeta Wyborcza» – «Gazeta Telewizyjna» от 13.01.2012.

По-разному дифференцируется и жанр сказки. В польской жанровой категоризации ему соответствуют две формы: *bajka** и *baśń*, причем героями первой, как правило, выступают животные, а вторая связана прежде всего с волшебством и сверхъестественными мотивами. В английском же языке им, в частности, соответствует жанр *fable*, значение которого, однако, шире, чем в польском и русском языках. Этим термином представителями английской культуры определяется жанр «Скотного двора» Дж. Оруэлла, что невозможно в рассматриваемых нами славянских языковых социумах [8, с. 127], где это произведение осознается исключительно как сатирическая притча.

К включению текста в иную жанровую разновидность по сравнению с оригиналом могут привести переводческие недочеты – в польском переводе текст *Just So Stories* Р. Киплинга скорее напоминает *bajeczki*, т. е. незатейливые сказочки [8, с. 137–138]. Таким образом, вследствие ряда причин картина жанра, которая формируется в сознании носителей принимающей перевод культуры, не всегда совпадает по набору признаков с исходной.

У русского и польского адресанта нарушение жанровой ориентации может быть вызвано кажущимся совпадением, связанным со схожестью названий такого распространенного публицистического жанра, как фельетон – *felieton*. Как известно, фельетон в российской журналистике отличает сатирическое или, гораздо реже, юмористическое освещение фактов, явлений, лиц. В жанровой системе польской публицистики *felieton* предопределяет полемический, субъективно-суггестивный, сугубо личностный подход автора к действительности [10, с. 313], с высокой степенью индивидуализации стиля, в котором сатира и юмор возможны, но совсем не обязательны. Таким образом, объем информации, заложенный в подобном названии жанра, преимущественно различен, что обусловливает его разную трактовку и применение ряда переводческих соответствий термина *felieton* в русском языке в зависимости от способа авторской презентации, к примеру очерк, статья, и только как одно из них – фельетон.

Спектр жанров польского языка использует также номинации с уменьшительными суффиксами: *wierszyk, piosenka, opowiastka, dzienniczek*. В русском языке название жанра *opowiastka* автомати-

* Кроме того, *bajka* переводится и как *басня*.

чески требует указывающего на размер текста определения *короткий*. Для слова *dzienniczek,* образованного от *dziennik* – дневник, в интересующем нас значении жанровой разновидности воспоминаний русский язык предусматривает две формы – производящую и дневничок. Это заметно и при переводе заглавия текста *Dzienniczek* святой Фаустины на русский язык как *Дневник*, поскольку ранг мистического текста, к которому он принадлежит, не позволяет разместить его для русских адресатов в иной категории.

Отметим, что несмотря на богатую систему уменьшительных префиксов в русском языке, их использование при обозначениях жанра выступает в нем гораздо реже по сравнению с польским. Конечно, существуют соответствия вышеприведенных слов: стишок, песенка, однако в последнем случае смещаются акценты в жанровом сознании носителей русского языка по сравнению с польским. Незнание смысловых оттенков в речевой практике часто приводит к необоснованной замене слов: *piosenka* – песенка. Песенка в русской жанровой системе – это либо ласкательная форма существительного песня, либо короткая простая песня, либо песня для детей, в то время как дефиниция польского деминутива *piosenka* охватывает наряду с двумя последними прежде всего нейтральное значение слова *песня* как одного из главных жанров современной популярной музыки.

Примечательно, что в русском языке оба жанровых наименования – и песня, и песенка – отражаются во фразематических конструкциях разговорной речи, выражая одобрение, восхищение (*Это песня*), обозначая конец прежней благополучной жизни (*Твоя песенка/песня спета*). Сравните также: старая песня, долгая песня, лебединая песня. В польских фразеологизмах встречаются такие жанровые обозначения, как ś*piewka* и *pie*śń. *Spiewka* переводится как песенка (*wciąż ta sama śpiewka* – все та же песенка), но имеет в польской жанровой классификации также соотнесения с фольклором (ś*piewka ludowa*). В свою очередь, *pie*śń – песнь, песня (в идиомах *łabędzia pieśń,* дословно 'лебединое пение' и, чаще, *łabędzi śpiew* – лебединая песня/*песнь*) определяется как один из самых древних лирических жанров, связанный с музыкой, функционирующий в одной из своих разновидностей также в народном творчестве. В наивном мышлении по сравнению с жанром *piosenka* он воспринимается как более серьезный [9, с. 204], что, как нам кажется, отчасти верно и в более широком теоретическом плане. В типологии же русских

жанров песнь определяется как вид текста, родственный гимну, оде, близкий к поэме, без параллелей с фольклором. Это слово рассматривается теперь также как устарелый книжный вариант лексемы *песня*. Внешнее подобие анализируемых жанров может вести к вариативности декодирования жанра и в связи с этим иного его осознания иноязычным адресатом.

Различия в жанровом сознании разных народов вскрывает также использование текстов, в том числе фразематических, воспроизводимых в идентичных ситуациях*. С. Тер-Минасова упоминает о том, что в английской среде американское пожелание, обычное при прощании, *Have a nice day!* является неприемлемым и раздражающим и воспринимается как приказ, что объясняется употреблением здесь повелительного наклонения [3, с. 173]. Несколько иной случай представляет собой ситуация праздника, в которой в польской традиции реализуется жанр пожелания, а в русской доминирует поздравление. Неадекватность жанров приводит к искажению общепринятых формулировок на польском языке, пропущенных сквозь призму русского жанрового сознания, к примеру: *Serdeczne gratulacje z okazji świąt Bożego Narodzenia!* В Польше поздравляют только по случаю торжественных событий в личной жизни, в которых непосредственно задействован сам человек, поэтому поздравления по случаю Рождества, присланные коллегой, изучающей польский язык, нарушают общепринятую в этой сфере норму.

Примером похожих коммуникативных ситуаций, которые дают начало возникновению разных жанровых моделей, может быть такое событие, как свадьба. Так, в немецкой действительности практикуется извещение о бракосочетании. В реалиях восточнославянских стран во время заключения брака в ЗАГСе молодожены выражают согласие на вступление в брачный союз, а ведущий церемонию дает им торжественное напутствие. В католической традиции бракосочетающиеся связывают себя супружеской клятвой (*przysięga małżeńska*), в православной же венчанию не сопутствует такой тип текста. В этой связи можно прийти к выводу об имеющей здесь место безэквивалентности текстов.

* Они включают и речевые акты, которые в определенных контекстах могут трактоваться наравне с речевыми жанрами, согласно концепциям и М. Бахтина и прежде всего А. Вежбицкой [12, с. 228].

Попутно отметим, что в русском жанровом сознании в ходе исторического развития произошло разграничение жанров клятвы и присяги. Так, присяга главным образом соотносится с государством и его институтами. Расхождения проявляются и в том, что в польском языке реализующие интенциональный смысл клятвы *przysięga, ślubowanie* и *przyrzeczenie* обслуживают две области речевой деятельности – официальную и неофициальную. Широкая гамма их пересечения и взаимопроникновения, возможно, обусловлена тем, что в польской культуре по сравнению с русской речевые образования, называемые с помощью данных существительных, имеют более давнюю и богатую традицию.

По мнению А. Вежбицкой, при совпадении интенции определенными нюансами характеризуются вообще все простые речевые жанры, обслуживающие типичные коммуникативные ситуации в каждой культуре. Более значительными их оттенки могут быть на уровне сложных жанровых образований [12, с. 228–269]. Ученая доказывает это среди прочего на примерах выражения благодарности в английском и японском языках (*thank* и *kansha suru*), заявления/прошения в польском и английском языках (*podanie* и *application*). Разграничение заметно, конечно, и в структурном плане, но главное, на уровне ценностных установок, общественных норм, общепринятых конвенций, находящих отражение в жанровых образцах и соответственно в жанровом сознании.

В заключение отметим, что в каждом обществе существуют определенные способы коммуникации, специфичные под углом зрения их вербальных и невербальных характеристик. В этой связи сосредоточение внимания на жанровых воплощениях, свойственных той или иной культуре, как нам кажется, является одним из плодотворных путей исследования. Выявление же их осознания представителями разных культурно-языковых общностей является одним из ключей к пониманию жанровых реализаций.

Литература

1. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 1986. – 445 с.

2. Крысин, Л. П. Академик В. В. Виноградов как основоположник социостилистики / Л. П. Крысин // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора Ирины Павловны Лысаковой. – Т. 1. – СПб. : Сударыня, 2010. – С. 145–151.

3. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2008. – 344 с.
4. Шмид, В. Нарратологии / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 302 с.
5. Balowski, M. Świadomość gatunkowa a wzorzec normatywny (na przykładzie gatunków prasowych) / M. Balowski // Gatunki mowy i ich ewolucja. – T. I. Mowy piękno wielorakie / red. D. Ostaszewska. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. – С. 316–329.
6. Chlebda, W. Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej współczesnych Rosjan / W. Chlebda. – Opole, 1995. – 113 с.
7. Hejwowski, K. Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu / K. Hejwowski. – Warszawa : PWN, 2009. – 198 с.
8. Lebiedziński, H. Elementy przekładoznawstwa ogólnego / H. Lebedziński. – Warszawa : PWN, 1981. – 162 с.
9. Niewiara, A. Piosenka – gatunek ewolucyjny? / A. Niewiara // Gatunki mowy i ich ewolucja. – T. II. Tekst a gatunek / red. D. Ostaszewska. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. – С. 198–207.
10. Sławkowa, E. Style współczesnego felietonu. (Z zagadnień stylistyki gatunku) / E. Sławkowa // Gatunki mowy i ich ewolucja. – T. I. Mowy piękno wielorakie / red. D. Ostaszewska. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. – С. 305–315.
11. Wierzbicka, A. Moje podwójne życie: dwa języki, dwie kultury, dwa światy / A. Wierzbicka // Teksty Drugie. – 1997. – № 3(45). – С. 73–93.
12. Wierzbicka, A. Język – umysł – kultura / A. Wierzbicka. – Warszawa : PWN, 1998. – 592 с.
13. Zaśko-Zielińska, M. Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka / M. Zaśko-Zielińska. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. – 179 с.

Людмила Мельникова
Белорусский государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

Определение перспектив национального телевидения, расширение его присутствия в межгосударственном европейском и евразийском информационном пространстве, участие в международных медиарынках и обменах не могут рассматриваться без учета того, какими творческими ресурсами обладает или должна обладать бе-

лорусская тележурналистика. Исследовательский интерес к данной проблематике, по нашему мнению, носит спонтанный характер, в нем отсутствует принципиальность и системность. Вместе с тем в 2011 г. исполнилось 55 лет, как с открытием Минской студии телевидения были заложены основы белорусской тележурналистики. К настоящему времени в Республике Беларусь сложилась национальная школа, связанная с освоением одной из важнейших творческих профессий в СМИ, сформировались традиции, знание и учет которых в новейшей практике позволили бы национальному телевидению более эффективно решать стоящие перед ним идеологические задачи.

Тенденции, которые характеризуют функционирование белорусского телевидения после 1991 г., не могут оцениваться однозначно. С одной стороны, тележурналистика приобрела такие масштабы востребованности, которые не сравнимы с прежними. В то же время качество программного продукта не выходит на уровень, который свидетельствовал бы о преобладании продуктивного уровня творческой деятельности, инновационных подходов. Несмотря на многообразие передач, в них слабо представлена уникальность личностного компонента телевизионного журналиста.

Это обусловлено прежде всего кардинальными изменениями вещательной стратегии телевидения на постсоветском пространстве. В самых общих чертах данные изменения можно охарактеризовать как постепенный отказ от традиций советской школы телевизионной журналистики, в соответствии с которыми белорусское телевидение функционировало почти четыре десятилетия. Эти традиции базировались, с одной стороны, на гуманистической идее защиты идеалов и ценностей так называемого простого человека, прежде всего человека труда, а с другой – на объективных закономерностях функционирования телевидения как универсального социокультурного института [9, с. 32], что обусловило широкое распространение программного продукта, в котором тележурналист стремился быть представленным как яркая личность с активной профессиональной и гражданской позицией, нацеленной на пропаганду лучших достижений страны, передового опыта, на выявление и устранение общественных недостатков, обличение социальной пассивности.

В белорусском программном телепродукте 1960–1980-х гг., характеризующемся разнообразием жанрово-тематического содержания, были широко представлены передачи, которые теория журналистики

относит к позитивно-утверждающей, критической, проблемной, дискуссионной направленности [7, с. 294]. Открытая тенденциозность в оценках и энергичная модальность суждений, выражавшая целесообразность тех или иных социальных действий, необходимость определенного социального выбора, концептуальность авторской позиции являлись неотъемлемой составляющей профессионализма таких белорусских тележурналистов, как И. Пинчук, Н. Касьянова, Г. Паршиков, И. Александрович, С. Виноградов и др., авторов публицистических передач «Зажги в душе огонь», «Улицы и площади рассказывают», «Народный контроль», «Перспективы», «Акценты» [4]. Глубина осмысления темы экранного выступления, раскрытия образа современника, последовательность авторской позиции, аргументированность выводов, оригинальность постановки проблемы, подачи экранного материала – далеко не полный перечень критериев оценки профессионального мастерства белорусских тележурналистов советского периода, которые формировались в условиях бережного отношения к творческим кадрам, сохранения разумного баланса между молодыми специалистами и зрелыми профессионалами.

Особое внимание на Белорусском телевидении (БТ) уделялось инновационной активности творческих кадров, о чем свидетельствует, в частности, создание в 1980 г. экспериментальной молодежной студии «Эфир» – своеобразного творческого полигона для апробации инноваций, которые не могли быть реализованы в тематических редакциях. Передачи под рубрикой «Студия “Эфир” показывает…», как и работа тележурналистов, профессиональный опыт которых формировался в условиях прямоэфирного телевидения, ориентировали молодых тележурналистов на продуктивную творческую деятельность. Это нашло воплощение не только в передачах общественно-политической, социально-экономической тематики, но и образовательной, просветительской направленности, иными словами, в контенте не только *убеждающего*, но и *развивающего* воздействия. Наиболее широко такие передачи были представлены в 1970-х – первой половине 1990-х гг. Этому способствовало функционирование отдельного структурного подразделения – редакции научно-популярных и просветительских программ, благодаря которой фонды БТ пополнились уникальными образовательными проектами под рубрикой «ТВ – школе», оригинальными цикловыми передачами «Таямніца», «Семейная энциклопедия», «Четвертое измерение», «Станция “Академия наук”»

и др. Большая часть этой продукции создавалась с использованием приемов экранного искусства: художественной реконструкции исторических событий, организации постановочных эпизодов и пр. Следует особо отметить инновационный характер деятельности редакции программ для детей и юношества, передачи которой отличались самобытностью, национальным колоритом, эксклюзивностью творческого воплощения [3]. Такие инновации, как «Улыбка Белой королевы», семейный телеканал «На волне взаимопонимания», ток-шоу «Это – XXI», телевикторина «Все дело в шляпе» и др., не имели аналогов ни в СССР, ни в СНГ.

Авангардностью, высоким художественным уровнем программного продукта культурно-просветительской направленности характеризовалась деятельность студии «Тэлесябрына», структурного подразделения, организованного на БТ в 1991 году. Тематические художественно-публицистические программы-композиции студии «Тэлесябрына» посвящались таким важнейшим христианским праздникам и духовным событиям, как День памяти предков, Рождество Христово, Пасха и др. [10]. Студия «Тэлесябрына», которая пропагандировала христианские традиции, моделировала в прямом телеэфире новые формы взаимоотношений между людьми, функционировала на принципах максимальной творческой самореализации журналиста. Многочисленные художественно-публицистические программы студии «Тэлесябрына», творческого объединения литературно-драматических передач (видеоканал «Лира», «О музыке от “А” до “Я”», «Возрождение», «Белорусский дом» и др.) свидетельствовали о том, что телевидение стремилось стать полноценной формой духовного творчества, приобщения аудитории к общечеловеческим, нравственным, высоким культурным ценностям [1].

В условиях распада СССР, сложных процессов суверенизации бывших советских республик и формирования белорусской государственности, экономических потрясений начала 1990-х гг. наметилась тенденция функционирования телевидения как *утешительно-развлекательного*. Об этом свидетельствует появление передач, нацеленных на разъяснение сути текущих процессов, социально-психологическую адаптацию личности в динамично изменявшейся общественно-политической и экономической ситуации: «Это мы не проходили», «Варианты», «Открытый эфир», «100 минут экономики», «Потребительская корзина», «С понедельника», «Кредо», «Пасьянс»,

«Кулуары», «Теледуэль» и др. Одновременно существенно расширялся рекреативно-развлекательный сегмент телевещания.

Содержательное наполнение многочисленных развлекательных телепередач БТ на рубеже веков: «Сизбар-топ», «Рок-айленд-шоу», «Топ-агент», «Королевская охота», «Бархатный сезон», «Карамболь», «Белорусский хит-парад», «Все нормально, мама», «Понедельник с “Христофором”», «Спикер-хата», «Банка комиксов», «Марсово поле», «В джазе только девушки», «Пять минут на шутки», «Клип-обойма», «Акколада» и др. – определяло доминирование поп-музыки, историй из жизни звезд шоу-бизнеса, розыгрышей, шуток и низкосортного юмора. Активное освоение форматов рекреативно-развлекательного сегмента телевещания сопровождалось вытеснением качественной экранной публицистики. Так, в 1995–1998 гг. прекратили свое существование передачи литературно-драматического и музыкального («Белорусский дом», «Монолог», «Приглашение. Воскресный вечер с Галиной Хайминовой», «Кнігазбор» и др.), молодежного и детского («Крок-2», «Провинция», «Это – XXI»), общественно-политического («Вертикаль», «Край», «Скрижали», «Древо жизни» и др.) вещания.

Активная коммерциализация национального телевидения в 2000-х гг. осуществлялась на фоне масштабных организационно-производственных и кадровых изменений: обновления и омоложения журналистского состава, смены поколений творческого персонала, упразднения тематических редакций и творческих объединений, создания в качестве основного структурного творческо-производственного подразделения временных творческих групп, эффективность функционирования которых связывалась с производством так называемого рентабельно-рейтингового программного продукта. Рентабельность и рейтинг, положенные в основу телевизионного производства, обусловили превалирование контента, в котором доминировало стремление к дешевой сенсационности. Характерной особенностью публицистического творчества начала 2000-х гг. стали девальвация аналитического содержания и эстетического уровня программного продукта, повсеместное снижение уровня инновационности.

Об этом свидетельствовали, в частности, ток-шоу «Судьба человека», «Форум», «Плюс-минус» и др., создатели которых переоценивали потенциал структурообразующих элементов данной экранной формы, пренебрегая ее содержательным наполнением, глубиной доэк-

ранной разработки темы. Публицистические передачи «Час профессионала» (БТ), «Личный интерес» (СТВ), «Выбор» (ОНТ), «Страсти по культуре» (Лад) и др. нередко продуцировали смысловую беглость, поверхностность в подходе к проблемам современности, примитивность подачи экранного материала.

Об унификации современного программного продукта свидетельствует не только доминирование ток-шоу в качестве основной структурообразующей формы телевизионной публицистики, но и дальнейшее продвижение *принципа развлекательности*, который все чаще определяет подходы тележурналистов к осмыслению и экранному отображению действительности. Так, на Белорусском телевидении 1970–1980-х гг. сообщение о несчастном случае в результате неосторожного обращения со снарядом времен Великой Отечественной войны не могло быть преподнесено таким образом, словно речь идет не о трагедии, не о гибели человека, а о забавном недоразумении, чудесном «аттракционе». Современный белорусский телерепортер, не без иронии называя погибшего «горе-пиротехником», не скупится на «пикантные» подробности происшествия и с воодушевлением сообщает, что останки человека разбросало по всему двору, а одну руку жертвы до сих пор не могут найти («Наши новости», ОНТ, 12.08.2008).

Принцип развлекательности как неотъемлемая составляющая телевизионного журналистского творчества отражает суть современной вещательной стратегии. Неслучайно в эфирном сезоне 2007/08 гг. слоган «самое увлекательное ТВ» функционировал на одном из общенациональных телеканалов – СТВ – в качестве элемента межпрограммного оформления. Парадигме *самого увлекательного ТВ* соответствует не только усиление рекреативно-развлекательной мотивации при формировании национальными телеканалами программного пакета, но и повсеместный отказ от традиций художественного вещания. Так, если в 1970–1980-х гг. на белорусском телеэкране регулярно выходили десятки оригинальных художественно-публицистических, сложно-постановочных передач, то в 2000-х гг. такой программный продукт появляется спонтанно. В 2005–2011 гг. художественная публицистика была представлена циклом передач «Мгновения вечности» (Лад), телепроектами «Земля белорусская» (Первый), «Открытый архив», «Лабиринты», «И рану сердца трогая…» (Лад), «Города-герои» (ОНТ).

В современном эфирном контенте доминирует такая модификация программного продукта, как документальное развлечение, в котором развлекательная составляющая приобретает избыточный характер. Стратегия, ориентирующая на производство развлекательных передач, нередко преподносится как адекватный ответ на запросы аудитории [8]. Это свидетельствует о тенденции следования массовому сознанию, которое не оставляет пространства не только для расширения жанрово-тематической палитры телевизионного контента, но и для творчества как продуцирующей деятельности в целом.

Внедрение в контекст национального телевещания известного российского бренда – «Времечко» (Лад, 2004 г.) – положило начало процессу трансформации корпоративных стандартов и ориентиров профессионального сообщества. В качестве таких ориентиров выступает отныне способность унифицировать творческие усилия за счет тиражирования апробированных форматов с заданными семантическими, стилистическими параметрами и драматургическими приемами. В модуле «Времечка» это так называемые народные новости – смакование подробностей жизни «чудаков», фактов неприглядной действительности и т. д., что впервые было апробировано в передачах российских телеканалов [6, с. 120–121]. В игровых шоу-состязаниях типа «Крутые ребята» (СТВ), «Две звезды», «Звездный цирк», «Битва городов», «Битва титанов» (ОНТ), «Звездные танцы» (Первый) и других основой драматургического решения предстает репродуцирование реакции участников, известных личностей, на функционирование в новом, неожиданном для них и зрителей амплуа в искусственно организованной ситуации.

Об унификации современного телевизионного контента свидетельствует и широкое распространение передач криминальной тематики («Детективная сага», «Другие» (Лад), «Документальный детектив», «Преступления века» (ОНТ), «Закон и криминал» (СТВ), «Зона Х», «Вне закона» (Первый канал)). В таких передачах типологически универсальной мизансценой является помещение следственного изолятора или тюремная камера. В качестве типологически рационального творческого приема повсеместно используются продолжительные синхронные интервью, чередующиеся с авторским закадровым текстом, который содержит леденящие душу подробности кровавых преступлений, смакование деталей убийств, истязаний, афер и иных противозаконных деяний. Отсутствие чувства меры в детализации подробностей

криминальных дел не может не привести к негативным последствиям. Ведь «ненавязчивая» пропаганда криминального опыта травмирует зрителя, обостряет чувство социальной опасности, незащищенности. Это, в свою очередь, свидетельствует об утрате деонтологических традиций, которые позволяют характеризовать телевизионную журналистику как социально ответственную творческую деятельность.

С позиций деонтологии как системы мировоззренческих представлений о сущности и предназначении журналистики следует рассматривать и современную концепцию социального героя ТВ. В соответствии с данной концепцией, как утверждали создатели телепрограммы «Главный герой» (НТВ), героем может стать каждый. Этот подход оправдывает не только смакование подробностей личной жизни людей, преступивших закон, в цикловых передачах криминальной тематики, но и появление, например, в качестве экранных героев молодого человека, который не носит нижнего белья, старика, соорудившего шалаш на дереве, людей, живущих на городской свалке («Белорусское времечко»), а также широкое распространение на телеэкране преуспевающих звезд шоу-бизнеса («Репортер “Белорусского времечка”», «Культурные люди», «КультУРА» и др.).

В этой связи нельзя не согласиться с аналитиками, утверждающими, что в условиях деформации социального чувства современного человека неизбежно деформируется и его представление об общественном идеале, который начинает приобретать «черты виртуальности, оторванности, нереальности и неадекватности» [2, с. 244]. Это объясняет широкое распространение в качестве героев ТВ так называемых медийных персон: успешных спортсменов и бизнесменов, известных политиков и телеведущих, звезд шоу-бизнеса. Несмотря на то что им посвящаются специальные проекты и отдельные выпуски передач, их образы предстают упрощенными, схематичными, т. к. современные авторские подходы к герою, как правило, не предусматривают приемов глубокой разработки характера человека на экране, вступая тем самым в противоречие с традициями советской школы тележурналистики. В 2000-х гг. данные традиции продолжали развивать лишь отдельные передачи национального телевидения: «Свет далекой звезды», «Гаспадар», «Просто программа», «Большое сердце» (Лад).

В интервью еженедельнику «“Аргументы и факты” в Белоруссии» председатель Белтелерадиокомпании Г. В. Давыдько не скрывает озабоченности по поводу проигранной, по его мнению, духовной вой-

ны, в результате чего «сейчас во главе угла деньги, успех, карьера, мамона», в то время как «раньше люди жили в соответствии с духовными принципами, по совести» [5]. В планах руководителя крупнейшего аудиовизуального холдинга страны – кардинальное реформирование телевидения. Нельзя не согласиться с Г. В. Давыдько в том, что к решению любой проблемы следует подходить комплексно. В ближайших планах руководителя Белтелерадиокомпании – структурные изменения, ротация кадров, омоложение коллектива. По нашему мнению, до тех пор, пока в данной программе действий будет отсутствовать *необходимость* знания, уважения и приумножения богатого духовного наследия, созданного усилиями нескольких поколений творческих кадров отечественного телевидения, преемственности традиций, которые были ими сформированы, возвращения к принципам *качественной* тележурналистики, вопрос, вынесенный в заголовок данной публикации, не утратит своей актуальности.

Литература

1. Дасаева, Т. Вяртанне да традыцый / Т. Дасаева // Нацыянальнае тэлевяшчанне: учора, сёння, заўтра : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 50-годдзю Беларус. тэлебачання, Мінск, 17 лют. 2006 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.). – Мінск, 2006. – С. 20–21.

2. Маркелов, К. В. Информационная политика и общественный идеал / К. В. Маркелов. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 262 с.

3. Медведева, О. А. Телепрограммы для детей и юношества: тематика, визуальная структура, особенности восприятия (опыт белорусского телевидения) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / О. А. Медведева ; Киев. гос. ун-т. – Минск, 1990. – 26 с.

4. Мельнікаў, Э. Р. Экран – глядач – экран: дыялогі каля тэлевізара / Э. Р. Мельнікаў. – Мінск : Беларусь, 1989. – 160 с.

5. На ТВ как на войне : интервью Г. В. Давыдько // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2011. – 21 дек. – С. 3.

6. Новикова, А. А Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия / А. А. Новикова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 208 с.

7. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. для студентов вузов / Е. П. Прохоров ; Моск. гос. ун-т. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 367 с.

8. Телевидение без прикрас // Журналист. – 2009. – № 1/2. – С. 14–24.

9. Фрольцова, Н. Основные тенденции развития современного телевидения Республики Беларусь / Н. Фрольцова // Современная журналистика: методология, творчество, перспективы. – Минск : БГУ, 2008. – С. 31–51.

10. Яканюк, Д. БТ 1990-х: эксперыменты студыі «Тэлесябрына» / Д. Яканюк // Нацыянальнае тэлевяшчанне: учора, сёння, заўтра : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 50-годдзю Беларус. тэлебачання, Мінск, 17 лют. 2006 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.). – Мінск, 2006. – С. 68–71.

Юлія Назаранка
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

«ВЫСЛОЎНАСЦЬ» АЎТАРСКАГА ТЭКСТУ (на матэрыяле арыгінальных выслоўяў Якуба Коласа)

У працэсе вызначэння рытарычнага сэнсу аўтарскага выслоўя думка чытача паслядоўна праходзіць, паступова «ўздымаючыся», некалькі ступеняў. Дэкадзіраванне, прачытанне тэксту перш за ўсё рухаецца згодна з антыноміяй «мова – маўленне» ад сказа – адзінкі мовы як пэўнай фармальна-граматычнай пабудовы, увасобленай праз сінтагматычныя сувязі членаў сказа, што матэрыялізаваны, аформлены тымі ці іншымі лексічнымі адзінкамі, – да *выказвання* – адзінкі маўлення, маўленчай рэалізацыі сказа, калі істотнымі становяцца такія маўленчыя з’явы, як парадак слоў і лагічнае (тэма-рэматычнае) чляненне, інтанацыя і тактавы падзел, мадальнасць, пабочныя словы, звароткі, разнастайныя кантэкставыя сувязі выказанай думкі і пад. Сказ – сінтагматычная адзінка тэксту, выказванне – сінтагматычная адзінка кантэксту. Сказ мае адпаведнае лексіка-граматычнае тэкставае значэнне; выказванне – кантэкставае значэнне.

Значэнне сказа і значэнне выказвання – розныя адзінкі, але іх агульнасць выяўляецца ў тым, што абодва яны належаць сінтаксісу. Аднак, як адзначалася многімі даследчыкамі, «калі мы хочам стварыць тэорыю значэння, якая дазваляе нам зразумець, як мы прыпісваем сэнс нашым паўсядзённым сусветам і вызначаем адносіны суадпаведнасці, то мы не можам лічыць сінтаксіс вуснага маўлення *галоўнай* складальнай часткай тэорыі значэння. *Кантэкст узаемадзеяння* рэфлексіўна перажываецца ў ходзе ўзаемадзеяння, выяўляецца або ўяўляецца, калі ўзаемадзеянне ўжо ў мінулым… становіцца ядром агульнай тэорыі значэння» [5, с. 291].

Адсюль вынікае, што «канчатковы сэнс» сказанага, які і ёсць для нас рэальнае, дзейнае, актуальнае значэнне, узнікае на базе сінтак-

січных значэнняў, але не вычэрпваецца імі. Узаемадзеянне ўсіх элементаў маўленчай камунікацыі (адрасант, адрасат, кантэкст, паведамленне, кантакт, код), веданне кансітуацыі зносін, прэсупазіцыі розных тыпаў даюць магчымасць не толькі зразумець граматычнае выказванне (напрыклад, *даць хлопчык мячык*), але і выявіць падтэкст пачутага. Менавіта так мы адкрываем рытарычны сэнс «ты просіш нас пайсці, але не загадваеш», калі чуем выказванне *Ну, што вы ўсе стоўпіліся ў кабінеце?*, пабудаванае на падставе сказа *Вы стоўпіліся ў кабінеце*.

На гэтым прыкладзе добра відаць, як узнікае *падтэкст* – гэты «сінтэз лінгвістычнай і экстралінгвістычнай інфармацыі пры ўмове абавязковай апоры на прэсупазіцыі» [1, с. 13–14].

Але выказванне *Ну, што вы ўсе стоўпіліся ў кабінеце*? не перарастае ў выслоўе, бо адсутнічаюць важныя ўмовы спараджэння выслоўя: глыбокая, істотная думка і яскравая слоўная форма. Гэтыя ўмовы вытрыманы, напрыклад, у такім выслоўі Якуба Коласа:

І так нясецца ён, васпане, –
Тычына шапкі не дастане (VI, с. 80).

На падставе значэння сказа «адушаўлёны дзейнік + дзеяслоў паводзін + акалічнасць, што ўказвае на інтэнсіўнасць дзеяння» (*Пан нясе сябе высока*) спараджаецца значэнне выказвання (экспрэсіўная інтанацыя, зваротак, гіпербала з эліпсісам злучніка *што* (*...так, што тычына шапкі не дастане*), адмоўная ацэначная мадальнасць, кантэкст насычанага рытарычнымі сродкамі маналогу Марціна і г. д.), якое набывае пашыральнае, пераноснае значэнне, падтэкст, сэнс, што стасуецца да многіх жыццёвых сітуацый. Усё гэта і дазваляе ўключаць дадзеную фразу ў іншыя кантэксты як трапную, устойлівую па сродках і структуры характарыстыку чалавека, як выслоўе.

Суадносіны **значэння сказа, значэння выказвання і сэнсу выслоўя** графічна можна ўявіць сабе як суадносіны лініі, плоскасці і аб'ёмнай фігуры; пры гэтым лінія з'уляецца элементам плоскасці, а плоскасць – элементам аб'ёму.

Тое, што мастацкі тэкст – з'ява «шматслойная», адзначалася і раней. Але што тычыцца непасрэдна ролі моўнага субстрату ў пабудове аб'ектаў, якія вывучаюцца рыторыкай, то тут, на наш погляд, найбольш дакладна акрэсліў стан рэчаў У. Н. Тапароў. Ён адзначаў наяўнасць «узаемасувязі рыторыкі і лінгвістыкі, якая ўлічвае залеж-

насць (і арыентацыю) аб’ектаў рыторыкі (рытарычных структур) ад аб’ектаў лінгвістыкі (моўных структур)». І далей: «У сучаснай семіётыцы пад рыторыкай якраз і разумеюць правілы пабудовы маўлення на звышфразавым узроўні, законы “паэтычнай семантыкі”, г. зн. тыпы непрамых (пераносных) значэнняў (рытарычных фігур), і “паэтыку тэксту” (структуру адносін унутрытэкставых элементаў), уключаючы аналіз сацыяльнага функцыянавання тэкстаў як цэласных знакаў» [6, с. 417]. Выслоўе – гэта і ёсць адзін з відаў сацыяльнага функцыянавання тэкстаў, цэласны знак, што грунтуецца на структурах лінгвістыкі.

Нам уяўляецца, што ахарактарызаваная вышэй трохэтапная мадэль спараджэння выслоўя можа быць суаднесена з канцэпцыяй «трох розных тыпаў адносін» у сказе. Аўтар яе Ж. Дэлёз называе першы тып суадносін паміж «падзеямі» і «сказамі» дэнатацыяй (абазначэннем) або індыкацыяй (указаннем). Гэты тып суадносін «гаворыць пра адносіны сказа да знешняга стану рэчаў (datum). Стан рэчаў *індывідуалізуецца*... Працэдура абазначэння заключаецца ў спалучэнні слоў з *канкрэтнымі вобразамі*...» [2, с. 26].

Другі тып адносін у сказе Ж. Дэлёз называе маніфестацыяй. Гэта сувязь «паміж сказам і суб’ектам, які гаворыць і выражае сябе» [2, с. 27]. Нарэшце, трэці тып – сігніфікацыя, або «сувязь слова з *універсальнымі або агульнымі* паняццямі...» [2, с. 28]. У гэтых разважаннях французскага філосафа для нас важны сам прынцып размежавання трох тыпаў адносін у межах сказа, які грунтуецца на ступені адцягненасці перадаваемых паняццяў.

Тэкставае значэнне сказа, кантэкставае значэнне выказвання і падтэкставы сэнс выслоўя ў іх трохступенным суаднясенні падпарадкоўваецца агульным заканамернасцям спараджэння сэнсу дыскурсу: «... сэнс выражаецца ў значэннях (як матыў у мэтах), а не значэнне ў сэнсах» [3, с. 293]. Нам падаецца, што гэтае палажэнне, сфармуляванае знакамітым псіхолагам, дае падставы паставіць яшчэ адно лінгвістычнае пытанне – пытанне пра ўнутраную форму выслоўя.

Пакідаючы ўбаку паняцці ўнутранай формы словазлучэння (бо фактычна гэты тэрмін сінанімічны тэрміну *граматычная форма словазлучэння* – унутраная і знешняя) і ўнутранай формы мовы (маецца на ўвазе, паводле В. Гумбальта, сістэма граматычных катэгорый пэўнай мовы), звернемся да слова і фразеалагізма. Агульным для абодвух выпадкаў з’яўляецца ідэя матываванасці лексічнага

значэння ці фразеалагічнага наймення. «Унутранай формай называюць вобраз, які ляжыць у аснове наймення фразеалагічнай адзінкі, або вобразнае ўяўленне, якое спадарожнічае фразеалагічнаму значэнню. Вобразнасць у дачыненні да фразеалагізмаў – гэта сумешчанае бачанне дзвюх карцін» [4, с. 125].

З пэўнай верагоднасцю можна дапусціць, што кантэкставае значэнне выказвання матывуе, у пэўнай ступені прадвызначае сэнс выслоўя, і сувязь паміж імі можа быць акрэслена як унутраная форма апошняга. Напрыклад, агульнае значэнне «гаварыць абы-што», якое ўласціва фразеалагізмам-сінонімам *лухту плесці, гарох з капустаю мяшаць, мох з балотам несці, сем карабоў наверзці, языком малоць,* матывуецца семантычнай і фармальнай структурай гэтых ідыём. Разам з тым пераносна-пашыральнае значэнне (сэнс) пэўнага выслоўя вынікае з семантычнай і фармальнай структуры адпаведнага эксцэрпіраванага з кантэксту выказвання. Напрыклад:

Ды рыбакі не ўсе аднакі – *Сваё ў іх густы і адзнакі* (VI, с. 88).	→ сэнс ‘людзі, не падобныя адзін на аднаго’.
Сабе сам пан, *сабе сам служка* (VIII, с. 10).	→ сэнс ‘незалежнасць асобы’.
Эх, прасторны і шырокі свет, *а чалавеку ў ім цесна!* (V, с. 322).	→ сэнс ‘заўсёдная незадаволенасць сваім лёсам’.

Паняцце ўнутранай формы дае магчымасць убачыць і зразумець яшчэ адзін бок працэсу фарміравання аўтарскага выслоўя, а менавіта – ролю вобразных сродкаў у складзе выказвання, вартасці і глыбіні думкі, якая схавана ў канкрэтным выказванні-назіранні і якая можа надаць яму абагульняльную значнасць выслоўя і спарадзіць ужо самастойны тэкст, здольны да незалежнага сацыяльнага функцыянавання.

Літаратура

1. Ануфриева, С. С. Средства и приёмы создания подтекста в прозе 90-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. С. Ануфриева. – Минск, 2003. – 19 с.

2. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Изд. центр «Академия», 1995.

3. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психологии / А. Н. Леонтьев. – М. : МГУ, 1972.

4. Лепешаў, І. Я. Сучасная беларуская літаратурная мова: спрэчныя пытанні / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрГУ, 2002.

5. Новые направления в социологической теории. – М. : Прогресс, 1978.
6. Топоров, В. Н. Риторика / В. Н. Топоров // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.

Анна Онкович
Национальный технический университет Украины «КПИ» (Украина)

ПРЕССОДИДАКТИКА И ПРЕССОЛИНГВОДИДАКТИКА: ОТ ГРАММАТИКИ ДО ЛОГОЭПИСТЕМЫ (Газетный заголовок на занятиях по русскому языку как иностранному: тридцать лет спустя)

Интерес к газетным заголовкам у исследователей языка прессы появился в середине прошлого века. С тех пор он не пропадал, хотя аспекты его рассмотрения в тот или иной период менялись. Бесспорно, прессолингвистам интересно проследить этот процесс по трилогии В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе», «Языковой вкус эпохи», «Наш язык в действии», книги которой вышли в разные годы. На их примере мы видим и изменения в языковых процессах, и изменения, происходящие в жизни общества. Но наш интерес в другом: мы рассматриваем этапы развития медиадидактики на примере технологий использования материала периодической печати в учебном процессе и в качестве примера используем одно из первых пособий, в котором уделялось значительное внимание газетным заголовкам (Е. И. Осипян. «Читайте газету на русском языке»), одно «из средних» (Н. В. Лебедева. «Читаем газету, слушаем радио») и одно из последних (Е. А. Сандрикова. «Газета на уроке РКИ: прецедентные высказывания в заголовках»).

В пособии Е. И. Осипян «Читайте газету на русском языке», вышедшем в 1974 году в Высшей комсомольской школе, значительное место уделялось разделу «Работа над газетными заголовками», в котором учащимся предлагалось анализировать заголовки на грамматической основе [10, с. 72–84]. Давались типы газетных заголовков:

Anom + Snom: *Важный вопрос, Актуальные задачи;*

Snom + Sgen: *Традиции дружбы, Воспитание патриотизма;*

Anom + Snom + Sgen: *Большие задачи профсоюзов, Новая фаза кризиса;*

Snom + Sgen + Sgen: *Съезд учителей Белоруссии, Обращение сторонников мира;*

Snom + Agen + Sgen: *Помощь советских людей, Проблемы европейской безопасности;*

Anom + Snom + Agen + Sgen: *Большой путь венгерской книги, Новый город алмазного края;*

Inf + Sacc: *Воспитывать интернационалистов, Крепить мир и безопасность народов*,

а также конструкции с родительным, дательным, винительным, творительным, предложным падежами; предложения со словами *кто, что, где, когда, почему, как* (*Что ответите, господа?; Где «железный занавес»?; Когда рядом такой человек; Почему победит Вьетнам; Как это было*); устойчивые сложноподчиненные предложения с союзами *чтобы, если* (*Чтобы полюбить рукописи…; Если заглянуть в будущее; А если начистоту?..*); эллиптические предложения (*Письма, которые никогда не были написаны; «Заговор», которого не было; Там, где жил Н. А. Некрасов*); усеченные выражения (*Скажи мне, кто твой друг…; Потому что оно верно…*).

Задания были сформулированы так: *Найдите в газете заголовки, соответствующие по своей конструкции приведенным в разделе «Работа над газетными заголовками»; переведите их.* Или: *Переведите следующие заголовки статей. Сделайте буквенные изображения конструкций.* Пример: *Важные итоги эксперимента. Anom + Snom +Sgen.*

В газетные заголовки (предъявлялись конструкции с определенным падежом) предлагалось: подставить пропущенные слова (они давались рядом справа): *С берегов Темзы (передача идет). – Передача идет с берегов Темзы. Откуда идет передача?*; прочитать газетные заголовки (конструкции с определенным падежом) и сделать подстановку недостающих слов: *За развитие торговли. – Выступать за развитие торговли*; прочитать и перевести газетные заголовки (предъявлялись конструкции с определенным падежом); поставить вопрос к составленному слушателем предложению и т. п.

В этом же разделе давались задания, географические названия, сокращенные названия организаций и словари: русско-французский, -испанский, -итальянский; русско-венгерский, -монгольский, -арабский; русско-английский, -немецкий, -финский.

Учебное пособие Н. В. Лебедевой «Читайте газету, слушайте радио», вышедшее в 1989 году в московском издательстве «Русский язык», являлось частью учебного комплекса для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов. Оно адресовалось пер-

вокурсникам, прошедшим начальное обучение на подготовительных факультетах в СССР или у себя на родине. Преподаватели могли его использовать также и при обучении аспирантов и стажеров. В предисловии отмечалось: «Цель пособия – на тематически и жанрово ограниченном материале развивать у учащихся навыки чтения (изучающего и ознакомительного) газет, аудирования радио- и телепередач, а также навыки говорения, необходимые для восприятия и обмена актуальной информацией. Кроме того, задачей пособия является ознакомление учащихся с особенностями языка газет и других средств массовой информации» [8, с. 3].

Уже в первом разделе Н. В. Лебедевой предлагается несколько заданий «по заголовкам», причем часто внимание студентов обращалось на их определенные характеристики.

- Прочитайте заголовки материалов, взятых из центральных газет. Обратите внимание на то, что по заголовкам можно судить о содержании сообщения, статьи и т. д. Как вы думаете, о чем может говориться в материалах, имеющих следующие заголовки? (Данные заголовки представляют собой именные словосочетания.) 1. «Конференция историков», «Прием посла», «Планы развития». 2. «XIX Всесоюзная конференция КПСС», «Дружественная беседа», «Антивоенная демонстрация», «Твердая позиция». 3. «Форум рабочей солидарности», «Голос советских шахтеров», «Главная задача современности». 4. «Встреча в Кремле», «В пресс-центре МИД».
- Прочитайте заголовки. (Данные заголовки представляют собой целые предложения.) Обратите внимание на порядок следования субъекта и предиката. При передаче информации о наступлении какого-либо события, явления предикат обычно ставится на первое место. Ср.: «Открылась выставка» и «Выставка открылась». Скажите, о чем, по-вашему, говорится в материалах, имеющих следующие заголовки. Используйте образованные вами отглагольные существительные. (*Их следовало образовать при выполнении задания, предшествующего этому.*) «Расширяются связи», «Укрепляются связи», «Обостряют ситуацию» и т. п.
- Прочитайте заголовки. Обратите внимание на то, что в качестве заголовков-призывов широко используются побудительные инфинитивные предложения. Выражая необходимость, неизбежность или невозможность действия, инфинитивные предложения отличаются эмоциональностью, экспрессивностью. «Развивать сотрудничество»,

«Углублять разрядку», «Положить конец агрессии», «Отстоять мир», «Беречь природу» и т. п.

- Прочитайте заголовки. Укажите, какие из них являются заголовками-призывами. 1. «За единство антиимпериалистических сил», «За развитие контактов», «С позиций реализма» и т. п. 2. «Советские инициативы – в центре внимания», «Спорт – посол мира», «Новоселье – каждый день» и т. п. 3. «Нет! – ядерному оружию», «Планете – чистое небо», «Товары – народу» и т. п.
- Сравните данные заголовки. Скажите, как они различаются по смыслу: *Инициатива молодежи – в центре внимания. – Инициативу молодежи – в центр внимания; Народ и культура. – Культура – народу.*
- Сравните данные словосочетания и предложения. Какие из них могут быть использованы в качестве заголовков? Обратите внимание на то, что для газетных заголовков характерны краткость, выразительность, эмоциональность. Скажите, какими средствами это достигается (*даются примеры*).
- Выберите из газеты заметку. Попробуйте определить ее основное содержание на основе заголовка, первого абзаца. Расскажите содержание заметки, используя модель (*модель представлена*).
- Прочитайте заголовок заметки из газеты «Комсомольская правда». Как вы думаете, о чем будет говориться в этой статье? (*Название статьи – «Мы с тобой, молодежь Африки!».*)
- Прочитайте текст, скажите, совпадает ли ваше предположение с содержанием текста [8, с. 140].
- Вы познакомились с подборкой материалов из центральных газет. Как по-другому вы могли бы выразить главную мысль, заключенную в заголовке этой подборки? (*Заголовок: «НЕТ!» – ядерному безумию».*) Предложите свои варианты.
- Прочитайте заголовок заметки, приведенной ниже. Скажите, как по-другому вы могли бы выразить мысль, заключенную в нем. Как вы думаете, о чем говорится в этой заметке? (*Название текста: «Неофашизм не пройдет»*) [8, с. 143].

…Прошли годы. В методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) целесообразность использования текстов периодических изданий на занятиях уже не вызывала сомнения, поскольку «чтение газетной периодики дает возможность наблюдать современное состояние языка и определять тенденции его раз-

вития» [12, с. 4]. Изменения, произошедшие в социуме, отражались на творческом поиске журналистов, которые все чаще для активизации читательской мысли прибегали к контексту. Часто это проявлялось в использовании прецедентных высказываний в заголовках газетных материалов.

Термины «прецедентный текст», «прецедентное высказывание» широко обсуждаются в современной лингвистике, и прессодидакты не могли пройти мимо этого явления, представшего в центре научного интереса таких исследователей, как Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, В. В. Красных и др. Сумма значений компонентов прецедентных высказываний – результат постижения культурных ценностей и используется в определенных речевых ситуациях в устойчивой форме.

В учебных целях методисты в число прецедентных высказываний включают такие языковые явления, как цитаты из произведений художественной и публицистический литературы, в том числе из текстов религиозного содержания и устного народного творчества (*нет пророка в своем отечестве, окно в Европу, великий и могучий, Родина-мать зовет*), цитаты из музыкальных произведений (*дорогая моя столица; не плачь, девчонка; а вместо сердца – пламенный мотор*), цитаты из спектаклей и кинофильмов (*Восток – дело тонкое)*, цитаты из телепрограмм, телесериалов и рекламы (*богатые тоже плачут*, *два в одном*), пословицы и поговорки, фразеологизмы и устойчивые выражения (*волков бояться – в лес не ходить, меж двух огней, бальзам на душу, заработать на хлеб с маслом, железный занавес*). Кроме того, в число «прецедентов» входят названия произведений (*вечера на хуторе близ Диканьки, отцы и дети, горе от ума*).

Никто не оспаривал тезиса, что знания о культуре страны должны приобретаться одновременно с постижением языковой системы. Овладевая новым языком, учащийся часто впервые знакомится с новыми для него культуроведческими фактами. Медиатексты содержат многочисленные речевые неожиданности и поэтому представляют опасность для медианекомпетентного человека. «Таким образом, сегодня требуется новая методология, способная к адекватному и объективному рассмотрению медиатекстов» – акцентирует Ю. Кириленко [4, с. 182]. Такую методологию демонстрируют прессолингводидакты на примере работы с прецедентными высказываниями в аудитории студентов-иностранцев, изучающих русский язык. Овла-

дение «прецедентами» осложняется тем, что «они содержат лингвокультурологическую информацию, знание которой необходимо не только для адекватного употребления, но и для восприятия таких единиц» [12, с. 7]. Прецедентные высказывания обладают значительной лингвокультурологической ценностью, а поскольку они активно употребляются как в речи носителей языка, так и в языке средств массовой информации, то являются ценным учебным материалом.

Е. А. Сандрикова, автор учебного пособия по чтению газетных текстов в иностранной аудитории «Газета на уроке РКИ: прецедентные высказывания в заголовках», считает целесообразным остановиться на роли заголовка в газетном тексте, так как этот компонент в первую очередь привлекает внимание читателей, выполняя определенные функции. Миновать работы журналистиковедов, обойти медиатерминологию, медиазнания она не могла. Обобщив опыт многих исследователей медиа, в учебных целях Е. Сандрикова выделяет три функции медиазаголовков: номинативно-информационную, рекламно-экспрессивную, графически-выделительную.

Пособие состоит из трех глав. В первой представлены основные теоретические сведения о прецедентных высказываниях русского языка, в частности, о лингвокультурологической ценности прецедентных высказываний, об их видах, структуре и пр. Во второй даны рекомендации преподавателям относительно отбора материала и последовательности (алгоритм) обучения. В третьей главе предложены упражнения, которые можно использовать как в аудитории, так и для самостоятельной работы студентов. В приложении дается учебный список прецедентных высказываний, текст лекции о них, примеры их трансформации в газетных заголовках, а также тексты для чтения с прецедентными заголовками.

Не удивительно, что автор обращается к трудам прессолингвистов, журналистиковедов, что в центре внимания методиста – медиазнания, ориентированные как на познание новой культуры, так и на диалог культур.

Медиаобразовательная функция пособия – в ориентации не только на особенности языка печатной периодики, но и на типологические характеристики, которые могут быть положены в основу средств массовой информации по различным признакам (по читательской аудитории, месту издания, характеру информации, издающему органу, языку, тематическому направлению, целевому назначению).

«Для того чтобы знакомство с миром современных периодических изданий не происходило стихийно, необходимо дать обучаемым хотя бы некоторые ориентиры, которые направлены на определенные газеты», «целесообразным представляется познакомить обучаемых с различными типами газетной периодики на уроках русского языка, назвав и, возможно, продемонстрировав конкретные газеты», «отбор определенного издания целесообразно осуществлять по нескольким параметрам, таким, как тираж, разнообразие тематики, читательская аудитория» [12, с. 12–14].

В большинстве случаев под термином «прецедентный текст», вслед за Ю. Н. Карауловым [3], понимались тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, что были хорошо известны и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и такие, обращение к которым неоднократно возобновлялось в дискурсе данной языковой личности. Под этим терминологическим сочетанием В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова [5] подразумевали слово, словосочетание, одно или несколько предложений, определенный текст или ситуацию, имевшие место в культурном опыте личности. Позже у этих авторов появился термин «логоэпистема» (от *логос* – слово, *эпистема* – знание) – любое выражение, имя, которое стало единицей некоторого культурного знания [1, с. 14]. Под логоэпистемой авторы понимают «и фразеологизмы, и крылатые слова, и высказывания известных людей, и знакомые рядовому носителю языка афоризмы, и пословицы, и поговорки, и присловья, и говорящие имена, и названия, и строчки из песен, стихотворений, произведений художественной прозы, и штампы тех или иных времен. Логоэпистема, таким образом, является следом языка в культуре или культуры в языке» [1, с. 3]. Заметим, что для обозначения этого явления предлагались разные термины: концепт (Ю. Степанов, В. Телия); лингвокультурема (В. Воробьев), национальный социокультурный стереотип (Ю. Прохоров), культурознак [9] и др. И сегодня прессолингвисты и прессодидакты успешно используют многие из них. Т. Г. Сербина, например, отмечает, что особенно показательны в использовании логоэпистем газетные заголовки: «В современной газете они приобретают необычную форму, становятся более насыщенными, в них предельно сжато, емко, выразительно формулируется основная мысль газетной публикации. Автор стремится

необходимый смысл облечь в яркую выразительную форму, заголовком привлечь внимание читателя, заинтересовать и адекватно настроить его. С этой целью используются логоэпистемы – афористические высказывания, сентенции, фразеологизмы, пословицы, поговорки, “народные” изречения, слоганы и т. п., как трансформированные, так и буквально воспроизведенные. Они удобны, возникают в голове “по поводу”, не конструируются и, таким образом, реализуют “закон экономии языковых средств”. Играя с ними, варьируя семантику, можно создавать остроумные парадоксы, мягкую иронию» [13, с. 171].

Появлялись вышеназванные термины в русле развития лингвокультурологии, в недалеком прошлом – страноведческого аспекта в преподавании языка как иностранного, ныне – как педагогическая технология «диалог культур» в медиаобразовательном осмыслении.

Литература

1. Бурвикова, Н. Д. Старые мехи и молодое вино / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – СПб., 2001.

2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.

3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

4. Кириленко, Ю. Н. Осмысление возможностей метода иронии как способа преодоления медийной некомпетентности / Ю. Н. Кириленко // Медиаобразование: от теории к практике : в 2 ч. – Томск : Изд-во НОУ ВПО ТИИТ, 2008. – С. 181–186.

5. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

6. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

7. Куникеева, А. А. Лингвометодическая модель работы с современным русским газетным текстом (в аспекте преподавания русского языка как иностранного) : материалы и методические рекомендации к спецкурсам и спецсеминару / А. А. Куникеева. – СПб. : Сударыня, 2003. – 120 с.

8. Лебедева, Н. В. Читайте газету, слушайте радио / Н. В. Лебедева. – М. : Русский язык, 1989.

9. Онкович, А. В. Термин «культурознак» и его соседи / А. В. Онкович // Русистика и современность. – Т. 1. – СПб. : МИРС, 2007. – С. 43–49.

10. Осипян, Е. И. Читайте газету на русском языке / Е. И. Осипян. – М. : Изд-во ВКШ, 1974. – 124 с.
11. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : ИКАР, 1997. – 228 с.
12. Сандрикова, Е. А. Газета на уроке РКИ: прецедентные высказывания в заголовках : учеб. пособие по чтению газетных текстов в иностранной аудитории / Е. А. Сандрикова. – СПб. : Сударыня, 2005. – 69 с.
13. Сербина, Т. Г. Логоэпистемы-заголовки в русскоязычных газетах Украины / Т. Г. Сербина // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания. – Киев, 2009. – С. 169–172.

Артем Онкович
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ РЕДАКТОРОВ НА МЛАДШИХ КУРСАХ ОБУЧЕНИЯ

Вопросы качества преподавания гуманитарных дисциплин, в частности филологического и массово-коммуникационного направления, ныне стоят чрезвычайно остро. Свою роль в этом играют многие факторы технического, педагогического, психологического характера.

1. Факторы технического характера: Интернет позволяет готовить текстовые материалы нехитрым способом копипаст (от англ. «копировать-вставить»), что приводит к низкому уровню практического текстообразования.

2. Факторы педагогического характера: отстраненность преподавателя, его дистанцированность от студенческого сообщества, что приводит к творческому вакууму в аудитории.

3. Факторы психологического характера: студенты чувствуют барьер, робость и неуверенность перед текстом.

Для преодоления этих проблем и приобретения студентами позитивного опыта поставим перед собой следующие задачи:

1) создать условия, при которых использование студентами интернет-ресурсов станет нецелесообразным, а написание текстов превратится в действительно творческий процесс;

2) активизировать преподавателя в работе со студенческим коллективом;

3) предоставить студентам возможность экспериментировать в письме и редактировании.

Попытки реализовать эти задачи были осуществлены в Институте журналистики КНУ имени Тараса Шевченко (в рамках курса «Основы редактирования») при работе со студентами, обучающимися по специальности «Издательское дело и редактирование», по учебной программе профессора М. С. Тимошика.

Каждое семинарское занятие состоит из двух частей – собственно обсуждения темы семинара и «творческой» части. Остановимся на творческой составляющей.

Каждый студент получает домашнее задание творческого характера, с которым приходит на семинарское занятие. Обменявшись с коллегой по группе подготовленными текстами, студент имеет возможность отредактировать этот текст. Работа имеет две оценки: за авторство и за редактирование. На каждом последующем занятии происходит анализ выполненных работ и допущенных ошибок.

Так, к теме первого занятия «Редакторские профессии и профессиональные требования для них» предлагается такое домашнее задание: «Подготовьте текст объемом около тысячи знаков с максимальным использованием интернет-мемов и так называемых олбанизмов». Отметим попутно, что современный молодежный сленг («олбанский язык», «превед медвед») имеет чрезвычайно экспрессивный характер и по природе обязан неграмотным интернет-пользователям, которые, искусственно нарушая нормы письма, скрывают собственную необразованность. Очень активно используется в сетевом общении. Задачи работы, выполняемой студентами в аудитории, направлены на изменение текста, «перевод» на литературный украинский язык.

Ожидается, что выполнение данного задания будет способствовать снятию психологического барьера перед общением с преподавателем, овладению понятиями «экспрессивность текста», «стили речи», приобретению практических навыков расчета текстового материала, в идеале – созданию у студентов устойчивого убеждения, что правка – интересное творческое дело.

Тема второго занятия – «Редакционно-издательский процесс». Дома предлагается создать собственный текст (до двух тысяч знаков), построенный, по усмотрению студента, по индуктивным или дедуктивным принципам. На занятии в аудитории полученный текст следует проанализировать на предмет его строения (от малого

до большого или наоборот). На обороте листа воспроизвести текст по противоположному принципу.

Ожидаемый результат – понимание логики построения текста. Приобретение навыков создания текста в соответствии с нужным конструктом.

Тема третьего занятия – «Редактирование и его виды». Дома студенты работают над созданием текста произвольной тематики (формат А4, 30 строк, 14-м кеглем с интервалом 1,5), в котором бы максимально использовались тропы, стилистические фигуры, методы. В аудитории следует отредактировать текст, идентифицировать и указать в строках тропы, стилистические фигуры, методы.

Ожидаемый результат – обогащение языковых навыков, умение оперировать художественными средствами, понимание редакционных требований к оформлению рукописей.

На четвертом занятии речь идет о редакторской подготовке составляющих текста: заголовков, цитат. Домашнее задание: «Создайте текст (до одной страницы А4) без заголовка, в котором бы говорилось об одном из ваших одногруппников без указания его имени или чисто внешних признаков. Попробуйте передать ваше видение внутреннего мира этого человека». Задание для работы в аудитории: «Измените текст, подберите заголовки к поданному материалу (информационный, провокационный, бессодержательный, закрытый, открытый), дайте редакторскую оценку узнаваемости главного персонажа произведения».

Ожидаемый результат – развитие образного мышления, качества оценочных суждений, формирование умения подбирать заголовки.

«Редактирование текстов с помощью компьютерных программ» – тема пятого занятия, которому соответствует домашнее задание: «Проанализируйте ошибки, которые вам «помог» сделать компьютер (автозамена правильного текста на неправильный, некорректное исправление фамилий, ошибки машинного перевода, связанные с омонимией и т. д.). Создайте текст (1000 знаков) с максимальным использованием таких ошибок».

В аудитории следует отредактировать полученный материал. Ожидаемый результат – понимание «подводных камней» в работе с электронными переводчиками, текстовыми редакторами.

На шестом занятии речь идет о редакторской подготовке газетных, журнальных, рекламных и информационных изданий. Дома

студенты должны создать текст, например, под условным названием «Моя дорога в университет», объемом ровно 100 слов (без учета союзов, предлогов, частиц, артиклей; для удобства калькуляции набрать текст по 5 слов в строке). Целевая установка при этом: «Старайтесь создать текст оригинальный, который бы выделялся среди других».

На занятии в аудитории предлагается: «Измените текст, сократите рукопись ровно вдвое (до 50 слов), стараясь при этом максимально сохранить основную мысль, факты, "почерк" автора. Определите, какими средствами автор пытался обнаружить себя в тексте, и перечислите эти средства. Перепишите текст на том же листе».

Ожидаемый результат – получение навыков редактирования «на сокращение», понимание основного и второстепенного в тексте.

Тема седьмого занятия – «Редакторская подготовка учебных и художественных заданий». Домашнее задание: «Создайте 5 стихотворных текстов произвольной тематики ямбом, хореем, амфибрахием, дактилем, анапестом таким образом, чтобы в каждом из них в одном месте было нарушена ритмика текста». В аудитории текст редактируется с опорой на целевую установку: «Найдите и устраните нарушение силлаботоники, не повредив содержательной и эмоциональной составляющих текста».

Ожидаемый результат – выработка навыков поэтической речи, рифмовки и редакционной работы над стихотворным текстом.

На восьмом занятии речь идет о редакторской подготовке научных, научно-популярных и справочных изданий. Дома готовится текст (до одной страницы А4) с законченной мыслью, в котором бы использовались авторские неологизмы с прозрачной для реципиента семантикой. Текст редактируется на занятии. При этом следует определить, выписать и дать краткую дефиницию новообразованиям. Ожидаемый результат предполагает выработку навыков словообразования, понимание лексического конструкта, в том числе научного, а также выработку навыков создания дефиниций к терминам.

«Редакторская подготовка переводов» – тема девятого занятия, к которому студенты должны создать текст на русском или украинском языке (до одной страницы А4) таким образом, чтобы одногруппник, выполняющий функции редактора, имел определенные затруднения с переводом (соответственно на украинский или русский). Для этого студент-автор использует диалектизмы, фразеологизмы, лого-

эпистемы, непереводимости, несоответствия родов в языках и тому подобное. Во время аудиторного занятия текст, подготовленный студентом-автором дома, редактируется студентом-редактором, переводится на другой (соответственно украинский или русский) язык. При этом студент-редактор пытается максимально сохранить информацию автора.

Ожидаемый результат – выработка у будущих редакторов переводческих навыков, обогащение студентов языковыми знаниями, понимание специфики переводческой деятельности.

На десятом занятии речь идет о редакторской подготовке переизданий. Для этого дома студент-автор должен продумать оригинальное задание для коллеги, которое было бы связано с вымышленным текстом произвольной тематики. На этом занятии предполагается, что студенты смогут использовать опыт, полученный на предыдущих занятиях. В аудитории текст, созданный дома, редактируется одногруппником, который выполняет поставленную перед ним задачу и оценивает по стобалльной шкале качество текста и предложенное задание.

Ожидаемый результат – формирование умения «видеть» текст и автора, развитие творческого мышления, умения определять и формулировать редакционное задание.

Можно отметить, что в целях наведения коммуникативных связей внутри студенческой группы следует постоянно ротировать участников бинарной группы «автор–редактор», включать в нее представителей различных субкультурных течений, сидящих в разных концах аудиторного помещения. Это будет способствовать творческой атмосфере в аудитории (ведь текст дистанцированного лица править легче, чем текст друга). Студенты имеют возможность через текст «познакомиться» с теми, с кем не общаются или общаются мало.

В результате двухлетней апробации изложенной методики, можем сделать следующие умозаключения.

1. Анализ первых и последних выполненных студентами заданий демонстрирует качественные сдвиги (к лучшему) в грамотности, стилистике, целостности, оригинальности студенческих сочинений.

2. Время, затраченное на проверку домашних заданий, компенсируется пониманием студенческой аудитории, сближает коммуникацию «студент–преподаватель», что является важным с точки зрения педагогики.

3. Ответственность студента-автора перед студентом-редактором за своевременность и корректность выполнения домашних заданий приводит к постоянной, почти стопроцентной, активности студентов.

Таким образом, можем констатировать, что изложенная методика способна поднять качество редакторского, журналистского или филологического образования, особенно в проблематике, связанной с текстообразованием в цифровую эпоху.

Дзмітрый Паўлавец
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны (Беларусь)

НАСПЕЎ ЧАС СТВАРЭННЯ ПОЎНАГА СЛОЎНІКА БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Амаль 150 гадоў таму ў Расіі пачалося друкаванне выдатнага збору лексікі вялікарускай мовы «Толкового словаря живого великорусского языка» Уладзіміра Іванавіча Даля, які выклікаў неадназначную рэакцыю ў тагачасным грамадстве. Гэтая праца дала штуршок да адпаведнай работы ў дачыненні да беларускай і ўкраінскай моў: у 1870-м з'ўляецца грунтоўны «Слоўнік беларускай мовы» Івана Іванавіча Насовіча, а на працягу 1907–1909 гадоў «Слоўнік украінскай мовы» (у 4 т.) Барыса Дзмітрыевіча Грынчэнкі. Усіх аўтараў аб'ядноўвае адно – моцная любоў да народнай мовы, імкненне сабраць пад аднымі вокладкамі пярліны народнай мудрасці, захаваць іх для нашчадкаў. Іхнія лексіконы – гэта вынік шматгадовай збіральніцкай некабінетнай працы. Усе аўтары шукалі сваіх прыхільнікаў не сярод вучоных, не ў літаратурных салонах, не ў выдавецтвах, а ў закінутых сярод лясоў і палёў вёсках, на сенажацях, у сялянскіх застоллях, у шумлівых кірмашовых радах – паўсюль, дзе папросту гаварылі, спявалі, казкі баялі, дзе чулася бясцэннае народнае слова. І. Насовіч і Б. Грынчэнка прытрымліваліся Далевага прынцыпу, што неабходна вучыцца ў народа, бо жывая народная мова, якая захавала жыццёвую свежасць духу, які надае мове трываласць, сілу, яснасць, цэласнасць і прыгажосць, павінна стаць крыніцай і скарбонкай для развіцця пісьменнай літаратурнай мовы, другой роўнай для яе крыніцы літаратурнай мовы няма.

Пасля Насовічавага слоўніка ў айчыннай лексікаграфіі працяглы час не было нічога больш-менш прыбліжанага да гэтай працы.

Толькі на пачатку 20-х гадоў мінулага стагоддзя са стварэннем Навукова-тэрміналагічнай камісіі, пераўтворанай у Інбелкульт, пры якім працавала кафедра жывой беларускай мовы (загадчык С. М. Некрашэвіч), разгарнулася дзейнасць па складанні адпаведнага слоўніка. Якраз тады ў С. М. Некрашэвіча ўзнікла ідэя стварэння поўнага слоўніка беларускай мовы, якая была абгрунтавана ім у глыбокім па змесце артыкуле [5]. С. М. Некрашэвіч зыходзіў з таго, што кожнае слова ў мове не выпадковы факт, а адбітак гісторыі народа. Мэта і сэнс жыцця айчыннага даследчыка – барацьба за спрадвечную беларускую мову, блізкую да народнай. У гэтым артыкуле ён спасылаецца на аўтарытэт У. Даля і цытуе яго выказванне аб тым, што «*народная мова – безумоўна, галоўная і невычэрпная крыніца, руднік, скарбніца нашай мовы, а просты народ – ядро і корань нацыі»*. Працягваючы гэтую думку вялікага збіральніка рускай мовы, наш вучоны сцвярджаў: «*Толькі ўнікнуўшы ва ўсе таямніцы народнай мовы і народнага духу, пісьменнік зможа ўнесці нешта новае ў скарбніцу роднай мовы*» [5, с. 53]. Асноўную задачу свайго слоўніка С. Некрашэвіч бачыў не толькі ў тым, каб спазнаць беларускую мову, але і ў тым, каб «*апрацаваць нашу мову, як мову беларускую, прыгодную не толькі для пісання вершаў і штодзённага ўжытку, але і для выражэння ёю самых глыбокіх навуковых ісцін, самых тонкіх адценняў нашай мыслі* [5, с. 57]. Наш вучоны ўсведамляў: «*Слоўнік мовы ўсяго народа – гэта не такая кніга, што пішацца кожны год. З'яўляючыся раз на працягу дзясяткаў, а іншы раз і сотак год, слоўнік, каб ён быў агульны для ўсяго народа, павінен адбіць усе яго гутаркі*» [5, с. 58]. Развіваючы сваю думку, С. Некрашэвіч даводзіў, што «*народная мова – гэта народная творчасць; яна таксама ж свежая і вобразная, як і мова штучнай паэзіі … яна лёгка і свабодна, падобна штучнай паэзіі, карыстаецца фігуральнымі зваротамі; яна, урэшце, называе рэчы не тым, чым яны ёсць у рэчаіснасці, а па тым уражанні, якое яны робяць на народ.* ***Першапачатковыя словы народнай мовы – гэта жывыя вобразы***» (вылучана мной. – *Д. П.*) [5, с. 62]. С. Некрашэвіч імкнуўся ў многіх выпадках замяняць іншамоўныя словы беларускімі народнымі або ўласнымі неалагізмамі. Так, напрыклад, ён прапаноўваў выкарыстоўваць замест *аўтамат – самарух, алегорыя – іншасказ, афарызм – выслоўе, багатыр – асілак, вентылятар – ветрагон, вертыкаль – старчак, прастапад; вадава-*

рот – вір, генеалогія – радавод, дуэт – двуспеў, інтэрмедыя – паміждзея, маятнік – хістальнік, махала; вучэбнік – падручнік, фрукты – садавіна, хлопак – бавоўна, хранометр – часамер, экватар – роўнік; новолуние – маладзік, овощи – агародніна, полнолуние – поўня і інш. Большая частка слоў, прапанаваных С. Некрашэвічам і яго паплечнікам М. Байковым, былі вельмі ўдалымі, адпавядалі фанетычным і словаўтваральным асаблівасцям нашай мовы і ўвайшлі ў актыўны слоўнікавы склад, замацаваліся ў сучаснай літаратурнай і гутарковай мовах. І хоць не ўсе прапановы С. Некрашэвіча былі прынятыя літаратурнай мовай, але ў іх адчуваецца дзівосная інтуіцыя вучонага-лексікографа, тонкага знаўцы народнай гаворкі. Ён паўстае як змагар за чысціню роднай мовы, і ў гэтым вечная каштоўнасць яго слоўнікавай працы ў 20-х гадах мінулага стагоддзя. Адметнай асаблівасцю слоўніка С. Некрашэвіча і яго сааўтара М. Байкова з'яўляецца дэманстрацыя велізарнага сінанімічнага багацця нашай мовы. Пры перакладзе рускіх адзінак на беларускую мову яны прыводзяць не адзін, а некалькі адпаведнікаў, у тым ліку і фразеалагізмы: *бестолковый – бязглузды, бязмозглы, даўбня, шалапут, дурнагаловы, дурань, тлумны; быстро – хутка, шыбка, шпарка, спрытна, борзда, прудка, віхром, кацьма, як маланкай спаліць.* Нягледзячы на некаторыя недакладнасці пры падборы сінонімаў, імкненне да адлюстравання сінанімічнай варыянтнасці было новым для тагачаснай беларускай лексікаграфіі і заслугоўвала станоўчай ацэнкі. С. Некрашэвіч рэкамендаваў для складання поўнага слоўніка беларускай мовы скарыстацца матэрыяламі Рускага геаграфічнага таварыства, у архіве якога ён налічваў каля шасцідзесяці рукапісаў. Па заўвазе навукоўцы, некаторыя з іх мелі вялікую каштоўнасць не толькі для слоўніка, але і для фанетыкі, марфалогіі і сінтаксісу беларускай мовы. Ён прапаноўваў стварыць слоўнікі пэўных мясцовасцяў з уключэннем у іх рэдкіх і састарэлых слоў, лічачы, што такія слоўнікі ўзбагацяць нашу мову трапнымі словамі, таму што «*кожнае з такіх дзе-небудзь захаваных у глухім кутку слоў можа быць надзвычайна цікавым для мовазнаўцы, іншы раз вытлумачваючы паходжанне цэлай сям'і слоў*» [5, с. 64]. Па яго разуменні, мова рыбакоў, пастухоў, рамеснікаў, вылучаючыся сваёй першароднай прастатой і свежасцю, з'яўляецца найцікавейшым матэрыялам для слоўніка. Дарэчы, гэтае выказванне выклікала крытыку з боку І. Ваўка-Левановіча, які адзначыў, што «*спробы пакласці ў*

аснову літаратурнага слоўніка... слоўнік найбольш архаічных дыялектаў» былі ў рускай мове з боку вядомых патрыётаў у пытаннях мовы – А. Шышкова і У. Даля. Першы «*ў барацьбе з тым жыццёвым слоўнікам, які даваўся ў творах найлепшых мастакоў слова, у сваім жаданні выкінуць усё няpyскае, рэкамендаваў зварот да старасветчыны, да гэтак званага славяна-рускага языка XVII–XVIII века, а другі (У. Даль) рэкамендаваў замяняць усе чужаязычныя элементы наватворамі або рэдкімі правінцыяналізмамі. Мы ведаем, у наколькі нязначнай меры слоўны матар'ял, рэкамендаваны імі, прышчапіўся ў літаратурнай рускай мове*» [1, с. 379]. Як бачым, спасылка на «адмоўны» досвед У. Даля спатрэбілася для барацьбы за чысціню роднай мовы з *«дыктатарскай групай беларускіх культурнікаў і акадэмікаў*» (паводле І. Ваўка-Левановіча).

С. Некрашэвіч імкнуўся абмежаваць прысутнасць у нашай мове іншамоўных элементаў, заклікаючы выкарыстоўваць толькі тыя, што ўжываюцца ў народнай гаворцы: «*Чужаземныя словы ў нашай літаратурнай мове не раўнапраўныя члены моўнай сям'і, а выпадковыя госці, якія сёння ёсць, а заўтра могуць знікнуць*» [5, с. 66]. Праўда, пры гэтым ён памятаў перасцярогу У. Даля, што «*словарник не законник, не уставщик, а сборщик*». Наш вучоны ўсведамляў, што ў народнай мове схаваны велізарны патэнцыял унутранага маральнага выхавання, што мова павінна прывучаць чалавека з пялёнак да роднай глебы, знітаваць з духам, побытам і жыццём народа, яго гісторыяй і культурай, звычаямі і псіхалогіяй, нарэшце, са светаўспрыманнем. С. Некрашэвіч разглядаў народную мову як вынік гістарычнага вопыту, у якім склалася нацыянальная культура. Вось пра гэтае неабходна памятаць сённяшнім складальнікам слоўніка.

Разважаючы аб спосабе складання тлумачальнага слоўніка жывой беларускай мовы, С. Некрашэвіч патрабаваў тлумачэння значэнняў слоў пры дапамозе сінонімаў, а таксама з дапамогай прыкладаў. Каб не быць галаслоўным, ён прыводзіць узор афармлення слоўнікавага артыкула да дзеяслова *ладзіць* [5, с. 76–77], з якога вынікае, што С. Некрашэвіч, апрача іншага, збіраўся выкарыстоўваць і элементы гнездавога прынцыпу падачы матэрыялу. Падводзячы вынікі разважанням аб канчатковым выглядзе слоўніка, С. Некрашэвіч пераконвае, што поспех справы будзе залежаць ад зладжанай працы цэлага калектыву, а не аднаго чалавека.

Ён таксама разумее, што задача збіральніцтва шырокая, нялёгкая, але вельмі важная, неабходная і неадкладная. Карацей: «Прыйшла пара!». І для гэтага С. Некрашэвіч, яго калегі па цэху не шкадавалі ані сіл, ані здароўя. С. Некрашэвіч імкнуўся пусціць у справу вялікія некранутыя запасы мясцовых гаворак, тлумачачы звычныя словы, адкрываючы новыя, незвычайныя значэнні, якія яны мелі ў розных месцах. Сцяпан Міхайлавіч быў чуйным і нераўнадушным да роднага слова, ён, як ніхто іншы, чуў яго, бачыў яго, шукаў і знаходзіў яго залацінку, дарэчнасць, складнасць, імкнуўся да таго, каб слова абуджала ва ўяўленні адпаведныя малюнкі, рухалася. Вучоны імкнуўся на практыцы раскрыць сутнасць тэзіса В. фон Гумбальдта аб тым, што «*мова ёсць выраз духу народа*» і паказаць, што ў кожнай высокаразвітай мове ёсць словы, акружаныя глыбокай таямніцай (*доля, лёс, шчасце*). Ён змог паглыбіцца ў іх гучанне і сэнс, раскрыць адчуванні, якія ўзнікаюць пры дакрананні да іх. На жаль, ягоным задумам не наканавана было спраўдзіцца: неўзабаве ён і яго паплечнікі былі абвінавачаны ў «шишковщине», у спробах адарваць беларускую мову ад рускай і сталі ахвярамі сталінскіх рэпрэсій супраць нацдэмаўшчыны, а зробленае імі на доўгія гады адышло ў нябыт або было беззваротна страчана. У выніку беларусы так і не атрымалі сапраўдны поўны слоўнік сваёй роднай мовы, а карыстаюцца лексіконам, створаным у адпаведнасці з прынцыпам пралетарскага інтэрнацыяналізму і вычышчаным ад «нацдэмаўскіх выдумак».

Сёння, як падаецца, настаў час, калі неабходна паглыбіць асэнсаванае ўключэнне ў слоўнікавы склад нашай мовы не забытыя ў народнай памяці, жывыя ў свядомасці людзей розныя функцыянальна-семантычныя разрады лексікі. Такі накірунак адпавядаў бы жыццёвым запатрабаванням беларускага народа, яго літаратурнай мовы, бо не адмаўляе існавання спецыфічных сродкаў народнага выражэння. Неабходна неадкладна пачаць працу па зборы моўнага матэрыялу ад нашых бацькоў, дзядоў, каб захаваць яго для нашчадкаў, бо ў ім – каштоўная крыніца інфармацыі пра наш народ, яго светапогляд, культуру, традыцыі, бо народная мова моцная, свежая, багатая, дакладная і ясная. Было б няблага звесці ў адно матэрыялы шматлікіх дыялектных слоўнікаў, занатаваць (з дапамогай вялікай арміі настаўнікаў роднай мовы, выкладчыкаў, студэнтаў) тое, што яшчэ не сабрана, каб стварыць нешта падобнае да «Толкового словаря живого великорусского языка» У. Даля. Не забываймася, што род-

нае слова – «*кроў і косць, жывое цела ў нашых душах, дарагое, майстэрнае начынне – у ім наш духовы набытак. Кожны народ мае сваю асобную мову, і асобнасць ні ў самых зыках – тое самае здаецца, а не – от, бач, не тое, нейкі асобы змест, што і аб'ясніць не ўмееш, хоць добра і чуеш. Вот гэтае "нешта неякае", звязанае неразрыўна з душой народа, прыдае нашай мове той асобны цэмент, што звязвае ў адно народнае, нацыянальнае ўсе яго думкі і перажыцця*» [7 , с. 50]. На жаль, апошнім часам гэты «цэмент» парушаны як пісьменнікамі, журналістамі, так і складальнікамі слоўнікаў. Нярэдка ў пісьмовай практыцы, ды і ў слоўніках, сустракаюцца неабгрунтаваныя запазычанні, такія, як *белка, брыцца, веруючы, карандаш, карман, карзіна, каробка, лента, золушка, рабяты, вінт, свяшчэннаслужыцель, стакан, траур, участак* і інш., якім адпавядаюць адмысловыя сваямоўныя адзінкі *вавёрка, галіцца, аловак, кішэня, кошык, скрынка* ці *пачак, стужка* ці *каснік, папялушка, хлопцы* ці *дзеці, вернік, шруб, святар, шклянка, жалоба* ці *смутак, надзел* ці *дзялянка.* Ды ці мала такіх прыкладаў недарэчнага выкарыстання не свайго. Нярэдка ўжываюцца двух-, а то і трохкампанентныя словазлучэнні (асабліва ў беларускамоўных СМІ) кшталту *ў гэтым (бягучым, мінулым, будучым) годзе, папяровая фабрыка і цагляны завод* (гэта што, фабрыка з паперы, а завод з цэглы?), *упрыгожыць кветкамі, станавіцца салёным (вільготным)* і г. д. І гэта тады, калі народнае маўленне валодае незлічоным багаццем аднаслоўных адзінак, якія ніколечкі не разбураюць дэфініцыйную сістэму, а наадварот, робяць яе празрыстаю, зразумелаю, матываванаю, калі тут выкарыстоўваюцца *сёлета, летась, налета, расквеціць, саланець, вільгатнець* (дарэчы, усе гэтыя словы ёсць у ТСБМ, аднак, мусіць, не ўсе карыстальнікі мовы разгортваюць яго). Асабліва шмат аднаслоўных адзінак у параўнанні з літаратурнай мовай сярод дзеясловаў народнагутарковай. Тут дзейнічае відавочная тэндэнцыя да эканоміі моўных сродкаў і больш дакладнай, трапнай перадачы сутнасці дзеянняў. Так, замест кніжных *адцягаць за чуб, вітацца за руку, заправіць страву, нарабіць дзірак, парасці травою, прыкінуцца дзедам*, народная мова прапануе *адчубіць, рукацца, прысмачыць, надзіркаваць, утравець, здзедзіцца.* Перадусім відаць, што ўсе гэтыя словы маюць натуральную структуру, празрыстую семантыку, пазбаўлены штучнасці і заслугоўваюць уключэння ў літаратурны слоўнік. Яны не выпадаюць і з агульнага ладу мовы, не парушаюць яе меладыч-

насці. Сучасная моўная практыка «Звязды», «Нашай нівы», «Arche» пацвярджае правільнасць курса на ўзбагачэнне літаратурнай мовы за кошт сродкаў народнай.

Як ні змагаліся з «нацыяналізмам», як ні стараліся вытравіць з памяці некаторыя «выдумкі нацдэмаў», а яны жылі і жывуць, таму што зразумелыя і вядомыя большасці носьбітаў нашае мовы. Да такіх адзінак можна аднесці *адсотак, збройня, згода, мытня, павал, праўнік, складнік, спадар, тоўчанка, цукровіца, ясёнка* ды шмат іншых. Усё вышэй сказанае пацвярджае думку У. Даля, што «*з мовай, з чалавечым словам, з маўленнем беспакарана жартаваць нельга, слоўная мова чалавека – гэта бачная, адчувальная (осязаемая) сувязь, злучальнае звяно паміж целам і духам, без слоў няма думкі, свядомай думкі, а ёсць хіба толькі пачуццё і мыканне. Дух не можа быць заганным…*» [2, с. 15]. Як бачна, вучоны высока ацэньвае ролю народнай мовы ў развіцці літаратурнай, прычым не ўзводзіць яе ў абсалют, а прапаноўвае паразважаць аб тым, як найлепш выйсці з гэтага становішча і пытаецца: «*Ці можна выракацца радзімы і глебы сваёй, асноўных пачаткаў і стыхій, намагаючыся перанесці мову сваю з прыроднага кораня яе на чужы, каб перакрывіць (сказить) прыроду яе і ператварыць у расліну дармаедную, якая сілкуецца чужымі сокамі?*» [2, с. 14]. Безумоўна, адказ адзін – нельга. Сапраўды, гісторыя не ведае такіх прыкладаў, калі б нейкая літаратурная мова, адмовіўшыся ад папаўнення свайго багацця за кошт сродкаў жывога народнага маўлення, паспяхова функцыянавала і развівалася. Наадварот, захапленне чужым, імкненне ігнараваць свае карані, арыентацыя на пазычанні прыводзіць да хваробы, а пасля і заняпаду мовы. Народная мова – гэта аснова асноў, пачатак пачаткаў, падмурак магутнага будынка нацыянальнай культуры, непараўнальная ні з чым крыніца, якую нельга самім згубіць, адсекчы. Гэта важна і таму, што «*родная мова… ёсць самая любімая спадчына нацыі: праз яе пасрэдніцтва лягчэй за ўсё пранікнуць у душу нацыі, закрануць пачуцці, праясніць розум, падштурхнуць адпаведную думку, заклікаць да дзеяння, змагацца са страсцямі, ствараць дабрачыннасці!*» [3, с. 361]. Народная мова – гэта чыстая крынічная вада для мовы вышэйшай, літаратурнай, «*гаворкі, простанародныя паддыялекты, з’яўляюцца для літаратурна развітых моў тым, чым карэнне для магутнага дуба; бо гэтым шляхам культурная мова, як камель дрэва праз карэнне, цудоўна ўцягвае ў сябе сокі жыцця… Гэта крыніцы жывой вады*

для рэчышчаў больш шырокіх рэк. Бяда мове, калі яна раз назаўсёды страціць ключы ад гэтых гаючых крыніц» [3, с. 360–361]. Як бачым, даследчыкам было зразумела, што культурная мова не павінна ігнараваць народна-гутарковую, абедзве яны могуць і павінны суіснаваць і прыносіць рэальную карысць для грамадства. Прычым нельга не пагадзіцца з высновай пра тое, «*якія ж далёкі ад прапаганды якога-небудзь дзяржаўнага сепаратызму гэты неабходны, непазбежны абмен паміж развітой мовай і натуральным яе падмуркам – простанароднымі гаворкамі*» [3, с. 362].

Гэтыя думкі сугучны з планамі і намерамі С. Некрашэвіча. Яны і сёння не згубілі сваёй актуальнасці для нашай мовы, айчыннай лексікаграфіі. Стварэнне такога слоўніка будзе садзейнічаць паглыбленаму асэнсаванню не забытых народам разнастайных лексіка-семантычных і стылёвых адзінак і далучэння іх да лексікону нашае літаратурнай мовы. Гэта якраз будзе адпавядаць надзённым патрэбам нашага народа і яго мовы, садзейнічаць ачышчэнню яе ад непатрэбных пазычанняў. Праўда, такая акалічнасць вымагае ад нас засцярожлівасці, таму што «*слова – не рэальны прадмет, яго не возьмеш у рукі, не змерыш і не ўзважыш, каб дакладна ацаніць яго і правільна азначыць. Тут мы маем справу з густам, з пачуццём мовы, з эстэтычнай ацэнкай, а гэтыя катэгорыі не маюць акрэсленых правіл і сталых норм*» [4, с. 151–152]. Мы разумеем непазбежнасць руху, зменаў людзей і грамадства і адпаведна мовы. Мова, як і чалавечы арганізм, адкіне непатрэбнае, чужое для яе духу, цяжка вымоўнае. Народ ва ўсім, і ў мове таксама, не любіць знарочыстага, накінутага, ён захавае тое, што прыжывецца, што патрэбнае. Не сакрэт, што ў сучасныя слоўнікі многія простыя, ужытковыя словы не патрапілі праз немудрагелістасць і звычайнасць, хаця існуюць у жывой размоўнай мове. У той жа час некаторыя гора-знаўцы дазваляюць сабе гаварыць пра беднасць нашай мовы, яе непрыдатнасць для высокага ўжытку.

Наспеў час стварыць слоўнік, які б разгортвалі як найвялікшую скарбніцу народнай мовы, як найбагацейшы збор народнай мудрасці, як своеасаблівую энцыклапедыю народнага жыцця, яго душы, які б чытаўся як займальная кніга, праз якую можна было б спасцігнуць дух роднай мовы, яе асаблівасці ў параўнанні з іншымі. Да слова патрэбна ставіцца вельмі асцярожна, з трапятаннем, бо «*кожнае беларускае слова, ці яно абазначае штосьці добрае ці благое, ёсць твор душы беларускага народу, душэўная пэрла, дарожшая за дара-*

гое каменьне. Дзеля таго трэба ўсякае беларускае слова шанаваць, зьбіраць – запісваць і захоўваць – ужываць» [6, с. 150]. І зрабіць гэта неабходна сёння, бо заўтра ўжо можа быць позна.

Падаецца, што складаць слоўнік можна па алфавітна-гнездавым прынцыпе, які дазволіць хутка адшукаць патрэбнае слова. Напрыклад, слоўнікавы артыкул мог бы выглядаць так: **КУТ, -тка, -ы м.** 1. Вугал. 2. Частка пакоя, здадзеная ў арэнду. *Прыехаўшы на працу ў Люсіна, Лабановіч здымаў кут у школьнай старожкі.* Я. Колас. 3. Радзіма. *Краю мілы, краю гожы! Мілы кут маіх дзядоў!* Я. Колас. 4. Жыллё, прытулак. *Благое жыццё па чужых кутах.* Нсл. 5. Покуцце; ~ *глухі кут* 'аддаленае месца'; *куток* памянш-ласкальн. да **КУТ** у 1–4 зн.; *куткавы* 'размешчаны ў куце'; *кутні* тое, што і *куткавы*; ~ *кутні зуб* 'карэнны зуб'; ~ *чырвоны кут* 'покуцце, галоўны кут у доме'; *кутнік* 1. Арандатар, кватэранаймальнік. *Кутнік сышоў, а грошай за кут не заплаціў.* Нсл. 2. Тое, што і *кутні зуб.*

Можна пайсці і іншым шляхам: загалоўнае слова нарматыўнай лексікі тлумачыць сінонімамі з жывой народнай мовы. Напрыклад: **Жонка, -і, ж.** Верніца, палавіна, патужніца, сужэнка, піла (*сварлівая*), брацiха, дзядзіна; (*паводле спецыяльнасці мужа*) бандарыха, кушнярыха, малярыха, каваліха, кавалішка, сакратарыха, старшыніха. Безумоўна, што пры гэтым было б няблага падаць тэрыторыю пашырэння і ілюстрацыйны матэрыял. Урэшце рэшт для такой працы небходна стварэнне аўтарскага калектыву, які распрацаваў бы канцэпцыю такога слоўніка і прынцыпы яго ўкладання.

Стварэнне такога слоўніка абумоўлена некалькімі важнымі, на наш погляд, прычынамі. Па-першае, цяперашні ТСБМ далёка не поўны, так як не ахоплівае ўсёй лексікі беларускай мовы; па-другое, ён складаўся на падставе літаратурных твораў, а кнігі нярэдка пішуць, узлазячы на хадулі і падмосткі, а не арыентуючыся на слова, створанае народам, ужытковае і складнае; па-трэцяе, гэта будзе садзейнічаць паляпшэнню моўнай эстэтыкі, найперш беларускамоўных журналістаў, бо не сакрэт, што наша мова пастулова становіцца ні матчынай, ні цешчынай.

Літаратура

1. Воўк-Левановіч, О. В. Пра некаторыя важнейшыя недахопы беларускай літаратурнай мовы / О. В. Воўк-Левановіч // ARCHE. – 2011. – № 11. – С. 354–380.

2. Даль, В. И. Напутное слово // Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1. А–З. – 1981. – 699 с.

3. Ельскі, А. Пра беларускую гаворку / А. Ельскі // Беларуская літаратура XIX стагоддзя : хрэстаматыя / склад. і аўт. камент. А. А. Лойка, В. П. Рагойша. – 2-е выд., перапрац. і дап.– Мінск : Вышэйш. шк., 1998. – 487 с.

4. Колас, Я. Мова М. Лынькова па раману «На чырвоных лядах» // Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Т. 11. Публіцыстычныя і крытычныя артыкулы 1917–1946 гг. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 424 с.

5. Некрашэвіч, С. М. Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы / С. М. Некрашэвіч // Выбраныя навуковыя працы акадэміка С. М. Некрашэвіча: Да 120-годдзя з дня нараджэння / НАН Беларусі; Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; навук. рэд. А. І. Падлужны. – Мінск : Бел. навука, 2004.– 190 с.

6. Станкевіч, Я. Збор твораў : у 2 т. / Я. Станкевіч. – Т. 2. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – 586 с.

7. Тарашкевіч, Б. Выбранае: крытыка, публіцыстыка, пераклады / Б. Тарашкевіч; уклад., уступ, камент. А. Ліса. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 310 с.

Юлия Пахомова
Белорусский государственный университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА В СТРУКТУРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Любое предложение, с точки зрения Дж. Р. Серля, состоит из элемента, служащего показателем суждения, и средства, которое служит показателем функции. Показатель функции позволяет судить, «как надо воспринимать данное суждение или, иными словами, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание, то есть какой иллокутивный акт совершает говорящий, произнося данное предложение» [7]. Иллокутивную силу в публицистическом дискурсе представляют глаголы, которые Дж. Л. Остин назвал перформативными, а предложения с наличием таких глаголов – речевыми актами. Он ввел в употребление термин «перформатив» и определил «перформативные высказывания» как «речевые единицы, которые в момент их произнесения не просто описывают какое-либо действие, а являются самим действием, которое совершает говорящий, произнося эти высказывания. Перформативный глагол в таких высказываниях употребляется в форме первого лица единственного числа настоящего

времени действительного (грамматически) залога изъявительного наклонения» [3].

Однако из условий перформативной гипотезы, выдвинутой в 1960-е гг., следует, что все глаголы, используемые в любом, в том числе журналистском, тексте являются потенциально перформативными, а все предложения – речевыми актами при наличии пресуппозиции. Кроме того, в медиатексте контекст играет более важную роль при определении иллокутивной силы предложения, чем перформатив, т. к. присутствие контекста нивелирует наличие средства, служащего показателем функции в предложении. Медиатекст, являясь фактором воздействия на психологическое и социальное состояние потребителей информации и моделируя их картину мира, составляет совокупность речевых актов.

Изучение иллокутивных актов представляет особый интерес для журналистики. По утверждению Дж. Р. Серля, основной единицей языкового общения являются не просто символы, слова и предложения, а производство этих единиц в ходе совершения речевого акта. «Производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [7]. На первом плане при создании любой газетной статьи стоят иллокутивные интенции автора: утверждение, констатация, описание, объяснение, вопрос, побуждение к действию. Журналист как социальный субъект постоянно выражает свои знания, проверяет и сопоставляет их со знаниями других людей. По мнению профессора В. И. Ивченкова, «журналист может достигнуть поставленной цели только тогда, когда соединит локуции, иллокуции и перлокуции, а не растеряет их по дороге к читателю» [1, с. 238].

Вслед за Дж. Р. Серлем и Дж. Л. Остином иллокутивные акты изучали и классифицировали Ю. Габермас, Б. Фрейзер, Д. Вундерлих, Г. Г. Почепцов, А. А. Романов, И. П. Сусов, Дж. Н. Лич, К. Бах, В. В. Богданов и др.

Классификация иллокутивных актов Дж. Р. Серля является подходящей для сопоставительного исследования медиатекстов нескольких изданий в разное время, определения доминирования тех или иных актов, принимающих участие в моделировании картины мира читателя в зависимости от иллокутивных интенций журналиста и актуальности проблем, продиктованных историей. При данной клас-

сификации учитывается связь намерения автора со значением того, о чем он пишет, и иллокутивным эффектом, который направлен на читателя; воздействие иллокутивного эффекта заставляет потребителя информации воспринять интенции корреспондента с нужными для него последствиями.

Ученый выделяет следующие иллокутивные акты: а) репрезентативные (representatives) – описывают некоторое положение дел или сообщают о таком положении дел; б) директивные (directives) – выражают побуждение адресата к совершению некоего действия; в) комиссивные (commissives) – выражают ситуации, когда говорящий принимает на себя обязательство совершить какое-либо действие; г) экспрессивные (expressives) – передают психологическое состояние говорящего, его чувства; д) декларации (declarations) – выражают заявления говорящего с гарантией их успешного осуществления.

Интенции отечественных авторов публикаций 80-х годов прошлого века были актуализированы посредством иллокутивных репрезентативных, экспрессивных и директивных речевых актов. В статьях издания «Советская Белоруссия», посвященных концепту *образование*, в период перестройки на первый план выходит проблема отношения к профессии школьного учителя. Анализируемые статьи были посвящены продиктованным советской идеологией правилам нравственного воспитания и поведения преподавателя и ученика. Вопрос о роли в воспитании советского гражданина нравственного развития являлся более приоритетным по отношению к вопросу о воспитании посредством большого объема информации, которую необходимо запоминать. Сомнения автора статьи «Затянувшаяся контрольная» реализуются через вопросительную и восклицательную интонацию и скрытое наличие перформативов «я спрашиваю», «я интересуюсь» в экспрессивных актах: *На чем мы формируем человека, который сидит сейчас за школьной партой? Но разве знания сами по себе делают человека человеком? Только воспитание чувств дает нравственные основы. И вот получается, что мы заботимся о развитии лишь половины мозга. А как жить с одним полушарием? Вы не встречали таких современных людей, которые вполне убедили себя, что смысл жизни в потреблении материальных благ? Сколько можно потреблять? Где предел? И для чего, в конце концов, столько потреблять? То есть речь идет о че-*

ловеческом в человеке. А это значит – и об уровне его эстетического чувства. Не в этом ли сила и смысл прекрасного? И что – все они носители хорошего вкуса? Но где кадры учителей рисования, эстетики, истории искусств, которые смогли бы ее осуществить? Но разве не важнее обстоятельного изучения червей то возвышающее значение, которое позволит ребенку ощутить себя связующим звеном между великими эпохами, между прошлым и будущим? Какая дружная настроенность на бесконтрольные эмоции! [10, № 156, 1987]. Кроме того, иллокутивную силу экспрессивным актам придают явные и скрытые перформативы «я наблюдаю»: *Но, **по моим наблюдениям**, способность к пониманию прекрасного, например, истории искусств есть почти у всех*; «я сожалею»: *Мы же, **к сожалению**, часто рассматриваем сферу эстетики как довесок к чему-то основному, куда более важному. Однако, **к сожалению**, у нас архитектура перестает быть искусством*; «я не могу не волноваться»: *Разговор с художником не **мог не взволновать меня***; «я радуюсь»: ***Хорошо, что** в Армении меньше полемизируют и больше делают*; «я сомневаюсь»: ***Быть может**, не все совершенно в созданном там центре эстетического воспитания*; «я раздумываю»: *Это была беседа о том, о чем и сама **я** часто **раздумываю***; «я пытаюсь»: *А пока – **попытаюсь** подытожить свои мысли, наблюдения*; «я убеждена»: ***Убеждена**, что и в подходе к эстетическому воспитанию нужна перестройка* [10, № 156, 1987]; «я хочу»: *Вот почему **хочется сказать**: уважаемые родители, вы специалисты в своем деле*; «я осмелюсь»: *И **осмелюсь утверждать**, что все то новое, что происходит сегодня в нашей жизни, впитывают в себя, как губка, наши дети* [10, № 90, 1985]. В данных экспрессивных актах намерения авторов выражены вводными словами, выражающими сожаление («к сожалению») и неуверенность («быть может»), а также встречается референция к Армении.

Директивные акты в статьях по данной теме актуализируют установку одного действующего субъекта призвать другого субъекта к выполнению действия. Такую установку автор одной из статей оформил в виде монологической реплики с использованием перформатива «я прошу прекратить» в императивной форме: *Я лучше знаю своего сына. Вы к нему придираетесь, требуете больше, чем от других, вы его травмируете, и **я прошу прекратить** этот диалог* [10, № 69, 1985].

Тема востребованности профессии школьного учителя в Беларуси раскрывается не только корреспондентами 80–90-х гг., но и современными журналистами. В 2009–2010 гг. по количеству статей данная тема выходит на первый план в «Народной газете» и «СБ. Беларусь сегодня». Журналисты активно пропагандируют профессию учителя, особенно в сельской местности, стимулируют интерес и уважение к ней. В статьях иллокутивные интенции автора связаны с тем, чтобы подчеркнуть личностные качества, которыми должен обладать каждый учитель, значимость его работы в современном мире, необходимость закрепления дресс-кода для школьных учителей законодательно, упомянуть о династиях преподавателей и преемственности профессии школьного учителя, а также о заслугах белорусских учителей, в честь которых в 2009 г. была заложена аллея славы в Минской области. Актуализация интенций производится посредством экспрессивных и репрезентативных речевых актов с помощью скрытых перформативов «я утверждаю», «я спрашиваю», а также вводных слов со значением последовательности изложения мысли и вопросительных предложений в экспрессивных актах: *Победу в конкурсе «Лучший учитель» можно смело сравнить с победой в олимпийском многоборье. А что чувствует чемпион?* [10, № 189, 2009]; *Дети есть дети, что с них возьмешь. Согласитесь, сегодня найдется не так уж много людей, с которыми можно беседовать о литературе, религии, науке на протяжении многих лет* [10, № 165, 2010]; ***С одной стороны****, мне повезло: никого не нужно насильно заинтересовывать предметом, все ребята как на подбор обожают точные науки* [11, № 217, 2009]. В репрезентативных иллокутивных актах наблюдается констатация фактов, утверждения, размышления автора о происходящих событиях, что выражено повествовательными предложениями и скрытым перформативом «я утверждаю»: *В финале претенденты на звание "Учитель года" должны провести два урока в незнакомых классах, выдержать профессиональное и психологическое тестирование* [11, № 168, 2009]; *В армии много мужчин и очень мало женщин. В сегодняшней школе, наоборот, учителей-женщин очень много, а мужчин – единицы* [10, № 165, 2010].

В последние годы корреспондентами отечественных изданий рассматривался вопрос нехватки преподавателей на периферии, поэтому иллокутивные намерения отечественных журналистов свя-

заны с рассмотрением проблемы распределения выпускников вузов в село. Эти интенции выражаются через акцентирование внимания на преимуществах условий труда в сельской местности, опубликование выдержек из Трудового кодекса о правах выпускников, работающих по месту распределения. Для актуализации интенций авторы используют экспрессивные акты в форме вопросительных предложений и скрытый перформатив «я спрашиваю»: *Как и чем убедить их остаться?* [10, № 186, 2009]; *Все ли в жизни вчерашних выпускников складывается так, как они планировали? Чувствуют ли они, как нужны экономике страны их знания и желание работать? Знают ли они свои права и умеют ли ими пользоваться?* [11, № 186, 2010], а также синтаксические конструкции с субъективной оценкой с целью обратить внимание читателя на проблему: *Попробуй оторви городского выпускника от маминого борща, да еще убеди его не сбежать через два года. У него тут – корни, невеста, прикормленное место на озере... Но на все вакансии коренных обладателей вузовских дипломов не наберешься* [10, № 186, 2009]; *Работодатель тоже не на седьмом небе от счастья – ждали новую кровь, а тут затяжная раскачка* [10, № 202, 2010] и предложения-лозунги: *Молодым везде у нас дорога. Общеизвестно, что за молодыми – будущее* [11, № 167, 2009]. Через репрезентативные акты журналисты выражают иллокутивные намерения подтвердить достоверность информации посредством обращения к официальным документам, в которых используются выражения «по данным отдела», «не в праве уволить», «закон разрешает», «следует обратиться»: ***По данным отдела** образования Кормянского райисполкома Гомельской области, из 15 «неуроженцев» района, распределенных в здешние школы в 2007 году, спустя два года остались пятеро* [10, № 186, 2009]; *Наниматель **не вправе уволить** их за несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации: **закон “разрешает”** вчерашнему выпускнику чего-то не знать. Если же лицо, прибывшее к месту работы в указанный в свидетельстве о направлении на работу срок, получает отказ нанимателя, **следует обратиться** в учреждение образования за перераспределением* [11, № 186, 2010].

В периодических изданиях 80–90-х гг. статьи, касающиеся распределения, также содержат ссылки на официальные документы. В репрезентативных актах употребляются выражения «постановле-

нием пленума Верховного суда», «предусмотрено», «планы предусматривают», «было обусловлено соглашением сторон»: ***Постановлением пленума Верховного суда*** *СССР «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, одной из сторон в которых является колхоз или межколхозная организация» от 29.06.1979 г.* ***предусмотрено****, что в случае отказа молодого специалиста, направленного колхозом на учебу в высшее или среднее специальное учебное заведение, возвратиться на работу в колхоз либо прекращения работы до истечения трехлетнего срока, выплаченная ему за время обучения стипендия за счет колхоза подлежит возмещению колхозу, если это* ***было обусловлено соглашением сторон*** *или обязательством* [10, № 7, 1985]; ***Планы*** *городских властей* ***предусматривают*** *трудоустройство всего 850 выпускников средних школ, хотя опыт, в том числе прошлого года, свидетельствует, что приходится трудоустраивать как минимум в два раза больше.* Через экспрессивные акты интенции корреспондентов актуализированы с помощью вводных слов, указывающих на сомнения: ***Может быть****, вовсе не надо направлять молодежь на те предприятия и их СПТУ, куда она сама идти не хочет? Тогда,* ***может быть****, не только в науке, педагогике и медицине станут обычными в городе семейные династии, но и среди литейщиков и каменщиков, прядильщиц и инструментальщиков*, а также на последовательность изложения мыслей: ***Более того****, сейчас бюрократические рогатки на пути выпускников вроде бы сняты* [10, № 224, 1987], перформативные предложения: *И все же* ***не могу считать*** *новую, во многом рассчитанную уже на рыночные отношения, систему распределения специалистов безупречной.* ***Думается****, такая договорная система должна быть пересмотрена... назрела,* ***полагаю****, необходимость в разработке на правительственном уровне целевой республиканской программы «Выпускник и рынок»* [10, № 207, 1991].

В 80-е – начале 90-х гг. XX в. остро стояла проблема повышения грамотности населения и потеря интереса к чтению литературы за пределами нашей страны, что нашло отражение в статьях «Советской Белоруссии» того времени. Иллокутивные интенции журналистов были связаны с информированием читателя о распространении неграмотности в США и Великобритании и недостаточном финансировании школ США по причине использования большого количест-

ва денежных средств на военные нужды, а также о проблеме выбора массовой аудиторией телевидения в качестве основного источника информации в ущерб печатным источникам. Интенции выражены благодаря репрезентативным и экспрессивным актам. Через репрезентативные акты интенции авторов статей актуализировались посредством вводных слов, указывающих на источник информации, уверенность, логическую последовательность изложения мыслей: ***Неудивительно***, *что почти десятая часть населения США не умеет ни читать, ни писать. Особенно широко неграмотность распространена среди национальных меньшинств* [10, № 26, 1985]; ***По официальной статистике***, *США – одна из самых грамотных стран мира: 99,5 процента ее населения умеют писать и читать* [10, № 82, 1985]; ***Исследования показывают***, *что в Великобритании, как и в большинстве стран Запада, падает интерес к чтению. Главным виновником этого часто называют телевидение* [10, № 191, 1987]; *Ликвидация ИЛЕА приведет к тому, что столичные школы все больше будут превращаться в частные,* ***а значит***, *появится существенная преграда для получения достойного образования детьми из отсталых районов Лондона* [10, № 76, 1988]. В экспрессивных актах журналистами используются вводные слова, восклицательные предложения, а также скрытые и явные перформативы «я думаю», «я утверждаю», «я сожалею»: *Что ждет в век НТР неграмотного человека, кроме неквалифицированной работы, и то, если она найдется, и нищенского существования!* [10, № 26, 1985]; *Постепенно предприниматели приходят к мысли, что плохой грамотей не может быть хорошим работником. Однако среди этих грамотных немало таких, кто с трудом может написать свое имя или прочитать слово «Стоп» на дорожном знаке* [10, № 82, 1985]; ***Действительно***, *многие из тех, кто раньше засиживался допоздна с книгой, теперь просиживают вечера напролет перед телевизором. Но тем не менее,* ***думаю***, *было бы неправильным во всех бедах, происходящих с книгой, обвинять телевидение. Кризис литературы – это часть общего кризиса культуры страны. Но и библиотеки,* ***к сожалению***, *не стали в период издательского кризиса в стране «храмами литературы»* [10, № 191, 1987]. Проблема безграмотности в Беларуси не получила распространения ни в изданиях периода перестройки, ни в современных СМИ.

Тексты статей «Советской Белоруссии» и «Народной газеты» 80–90-х гг. и последних лет выражают иллокутивные интенции корреспондентов посредством совокупности репрезентативных, экспрессивных и директивных иллокутивных актов. Медиатексты разных изданий в разное время неодинаково моделируют картину мира потребителя информации. У корреспондентов 80-х гг. наблюдается больше иллокутивных намерений констатировать факты, представить информацию о происходящих событиях, зафиксировать правила советской идеологии, поэтому в статьях преобладают репрезентативные акты, а в современных публикациях журналисты моделируют картину мира белорусского читателя посредством ярко выраженной демонстрации своей точки зрения на происходящие события. По этой причине иллокутивная сила при выражении интенций авторов актуализируется благодаря экспрессивным актам.

Литература

1. Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.

2. Музыкантов, Г. Ф. Немецкие перформативные глаголы со значением совета в структуре перформативных реплик [Электронный ресурс] / Г. Ф. Музыкантов. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/012/muzykantov_07_12.htm.

3. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов [Электронный ресурс] / Дж. Остин; пер. с англ. В. П. Руднева. – 1962. – Режим доступа: http://elenakosilova.narod.ru/studia2/austin.htm.

4. Почепцов, Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения / Г. Г. Почепцов // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 6. – С. 15–25.

5. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – М. : Институт языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

6. Серль, Джон Р. Логический статус художественного дискурса [Электронный ресурс] / Джон Р. Серль. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm.

7. Серль, Джон Р. Что такое речевой акт / Джон Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике [Электронный ресурс]. – М., 1986. – Вып. 17. – Режим доступа: http://philology.ru/linguistics1/searle-86.htm.

8. Словарь культуры XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/edu/ref/rudnev/b318.htm.

9. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс] / И. П. Сусов. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmh.html.

Периодические издания

1. Советская Белоруссия №1(300), 1985 г.; №1(300), 1986 г.; №1(298), 1987 г.; №1(300), 1988 г.; №1(250), 1991 г.; 2009 г., 2010 г.

2. Народная газета 2009 г., 2010 г.

Ольга Переход

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (Беларусь)

РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ (на материале региональных печатных СМИ)

Жанр рекламного объявления (сообщения) получил широкое распространение в печатных СМИ (как общественно-политических, так и специализированных) и является неотъемлемой составляющей любого печатного издания. По природе своей газета – средство массовой коммуникации, и главная ее особенность – общедоступность, поэтому по степени распространенности печатная реклама в современном мире не уступает телевизионной и интернет-рекламе, а по диапазону рекламируемых товаров и услуг превосходит данные и другие виды рекламы. Рекламная индустрия выработала определенные, широко известные и достаточно эффективные правила построения рекламных текстов, среди которых декларируются информационность, аргументированность и привлекательность заголовка, положительная коннотация рекламного текста, оригинальность и легкость для восприятия рекламной идеи, стереотипность текста (наиболее распространенный, предпочтительный вариант, закрепившийся в речевой практике), точная целевая направленность сообщения, использование иллюстраций, рисунков, возможностей графики и т. д. Рекламное объявление в газете – жанр динамический, активно развивающийся, совершенствующийся, стремящийся к оптимизации визуальной (графической) формы и содержания. Величина текстовой части рекламного сообщения зависит от вида рекламного объявления (рекламный модуль, текстовая реклама в рамке, выворотка, статья обзорно-рекламного характера, мелкое объявление и др.) и формата рекламы.

Язык рекламы часто подвергается критике. Его ругают и лингвисты, и журналисты. Газеты и раньше, как и сейчас, дают многочисленные поводы для критики, в том числе и в сфере рекламных сообщений. Однако рекламные тексты имеют свои задачи и функ-

ции, законы построения и возможности, особую эстетику и следование модным тенденциям.

Культура языка современных газет представляет собой отдельную область лингвистического изучения (работы В. Г. Костомарова, В. А. Естафьева, Е. В. Шиловой, Е. Е. Корниловой, А. В. Костиной и др.). Отмечаемое многими исследователями резкое падение речевой культуры общества коснулось и языка СМИ, а во многих случаях именно язык СМИ как форма существования языка способствует процессу демократизации литературного языка, активно контактируя с некодифицированными формами и допуская их проникновение в публицистическую речь. Особенности речевых преференций общества в настоящее время отражают те изменения в языковой системе, которые пока оцениваются лингвистами как разного рода отклонения и ошибки. Основные тенденции этих изменений можно наблюдать прежде всего в тех связях, которые устанавливаются между формами языка и отдельными языковыми единицами. Рекламные тексты очень показательны в этом отношении. Перед отечественными рекламистами стоит задача совершенствования качества рекламных сообщений. Один из путей решения этой задачи – изучение рекламных текстов и оценка их качества с точки зрения соответствия действующим языковым нормам и существующей речевой практике. Критерии оценки текстовой рекламы базируются на теории культуры речи, требованиях рекламного законодательства и документах корпоративного регулирования. Наше исследование основывается прежде всего на теории культуры речи. Ключевым понятием в ней является понятие языковой нормы. При этом следует учитывать, что нарушение нормы может рассматриваться, с одной стороны, как ошибка и свидетельство недостаточной компетенции авторов текста, а с другой – как экспрессема или языковая игра.

Материал для анализа – рекламные сообщения – выбран из русскоязычных региональных газет Брестской области: городских и областных газет «Вечерний Брест», «Брестский курьер», «Брестский калейдоскоп», «Работа сегодня», а также районных – «Маленький город» (газета, в которой печатаются рекламные объявления из районных центров Брестской области), «Информ-прогулка» (Лунинецкая газета), «Маяк» (Брестская районная газета). Мы изучили выпуски городских и районных газет брестского региона на определенном временном срезе – в период с января по октябрь 2011 года (выборка из

28 номеров газет). Авторами рекламных текстов являются как частные лица, так и организации. Была поставлена задача проверить, насколько рекламные сообщения региональной прессы соотносятся с нормами русской литературной речи, выявить ошибки, охарактеризовать их, определить частотность недочетов и ошибок. Выявлено 42 рекламных текста, содержащих разнообразные ошибки, недочеты, отклонения от существующих норм русского литературного языка.

Среди *орфографических ошибок* большая часть пришлась на непроверяемые безударные гласные, написание которых основано на традиционном принципе русской орфографии: *Специалист по работе компьют**о**ра и его комплектующих ищет работу* («Маленький город», 2011, № 7). Следует: специалист по работе *компьют**е**ра. Приглашаем на работу регионального представителя для работы с торговыми точками. Запись на соб**и**седование по телефону* («Информ-прогулка», 2011, № 42). Правильный вариант: запись на *соб**е**седование. Продаются цветы (клематис голубой, **о**стильба розовая)* («Маленький город», 2011, № 7). Правильный вариант: ***а**стильба* розовая. Астильба – многолетнее корневищное травянистое растение с отмирающей на зиму надземной частью. *Свадебное платье белого цвета, хорошее состояние, низ сатиновый, корсет без бр**и**телек, расшит бисером* («Вечерний Брест», 2011, № 22). Правильный вариант: корсет без *бр**е**телек. М**о**нсардные окна и двери из ПВХ* («Маленький город», 2011, № 7). Правильный вариант: *м**а**нсардные* окна. *Энергоэффективные окна, двери и раздвижные балконные рамы из ПВХ. Быстрое кредитование без первон**о**чального взноса* («Информ-прогулка», 2011, № 42, Лунинец). Правильный вариант: быстрое кредитование без *первон**а**чального* взноса. *М**а**скитные сетки для окон и раздвижных рам* («Маяк», 2011, № 68). Правильный вариант: *м**о**скитные* сетки.

Встречались также ошибки в написании двойных согласных в корне слова: *Продается платье выпускное, цвет – кора**л**, дли**нн**а до колена* («Маленький город», 2011, № 7). Правильный вариант: продается платье выпускное, цвет – *кора**лл**, дли**н**а* до колена. *Раздвижные балконные рамы из а**лл**юминия* («Маленький город», 2011, № 7). Правильный вариант: раздвижные балконные рамы из *а**л**юминия.*

Кроме отмеченных выше, есть еще и ошибки в написании разделительного мягкого знака и в правописании сложных слов. Эти ошибки встречаются в единичных случаях: *Фото «Юлия»: проявле-*

*ние фотопленок, фото для рекламы, фото в павил**ио**не* («Брестский калейдоскоп», 2011, № 4). Правильный вариант: фото в *павил**ьо**не. Продаются мотоблоки, культиваторы, косилки, бензо_ и электропилы* («Брестский курьер», 2011, № 25). Правильный вариант: *бензо- и электропилы* (висячий дефис). Продаю *мини_башню* («Информ-прогулка», 2011, № 42, Лунинец). Правильный вариант: продаю *мини-башню.* Существительные с первыми частями *диско-* (муз.), *макси-*, *миди-*, *мини-* пишутся через дефис.

В целом следует отметить удовлетворительную орфографическую культуру рекламных текстов брестской региональной печати. Все 15 найденных в рекламных текстах орфографических ошибок относятся к разряду негрубых, 8 из них обнаружены в рекламе, размещенной в газете «Маленький город», 3 – в газете «Информ-прогулка» (Лунинец), по одной ошибке в газетах «Вечерний Брест», «Брестский курьер», «Брестский калейдоскоп», не найдено орфографических ошибок в специализированном рекламном издании «Работа сегодня». Семь рекламных сообщений, содержащих орфографические ошибки, являются объявлениями частных лиц.

Анализ пунктуационной культуры рекламных текстов выявил только ошибки в употреблении знаков препинания в предложениях с обособленными членами: *Предприятию требуется машинист котельной_работающей на твердом топливе* («Работа сегодня», 2011, № 67). Распространенные определения, выраженные причастным или адъективным оборотом и стоящие после определяемого слова, как правило, обособляются. Правильный вариант: предприятию требуется машинист котельной**,** работающей на твердом топливе. *Отдам пушистого белого красивого котенка, с серым хвостом и серым пятном на голове* («Вечерний Брест», 2011, № 35). В данном случае несогласованное определение, стоящие после определяемого слова, лучше не обособлять, поскольку определяемое слово не имеет личного значения. *Впервые на нашем рынке «теплые» стеклопакеты в два раза теплее и эффективнее обычных, благодаря применению новейшей полимерной рамки и инертного газа-аргона* («Брестский вестник», 2011, № 5). Дефис при приложении не ставится, если в сочетании двух нарицательных существительных первое из них обозначает родовое понятие, а второе – видовое. Правильный вариант: *газа_аргона. Ремонт стиральных машин_автоматов на дому* («Брестский курьер», 2011, № 23). Одиночное приложение обычно

присоединяется к определяемому нарицательному существительному посредством дефиса. Правильный вариант: ремонт стиральных *машин-автоматов* на дому.

Как положительное явление можем отметить незначительное количество ошибок, связанных с нормами словоупотребления. В частности, отмечено смешение паронимов: *Продается шкаф **плательный*** («Маленький город», 2011, № 7). Автор сообщения имел в виду шкаф, предназначенный для хранения одежды, поэтому вместо слова *плательный* нужно употребить *платяной*.

Встречаются ошибки, обусловленные интерференцией: *Куплю **бураки** кормовые* («Информ-прогулка», 2011, № 42). Рус. *бурак* (обл.) – то же, что и свекла. Употребление слова *бурак* можно объяснить влиянием белорусского языка. Правильный вариант: куплю *свеклу* кормовую.

В рекламных текстах выявлено много *синтаксических ошибок*. В конструкциях наблюдается нарушение норм управления и согласования, частотны ошибки в построении предложений с однородными членами. Например, нарушение норм управления: *Филиалу «Автобусный парк №1 г. Бреста» требуются водители категории «Д». Для нуждающихся предоставляется общежитие* («Брестский вестник», 2011, № 3). Правильный вариант: *нуждающимся* предоставляется общежитие. *Требуется водитель на маршрутное такси* («Работа сегодня», 2011, № 67). Правильный вариант: требуется водитель *маршрутного такси*.

Нарушение норм согласования: *Продается сумка дорожная на колесиках, коричнево-черную, 1 шт.* («Маленький город», 2011, № 7). Существительное и относящееся к нему прилагательное должны согласовываться в роде, числе, падеже. Правильный вариант: продается сумка дорожная на колесиках, *коричнево-черная*.

Ошибки в построении предложений с однородными членами: *Продается сетка-рабица (обычная, оцинкованная, пластиковая, сварная, кладочная, проволока, столбы)* («Информ-прогулка», 2011, № 42). В этом рекламном тексте в один однородный ряд ошибочно поставлены виды сетки (обычная, оцинкованная, пластиковая, сварная, кладочная) и другая продаваемая продукция (проволока, столбы). Правильный вариант: *продается сетка-рабица (обычная, оцинкованная, пластиковая, сварная, кладочная), проволока, столбы. Куплю автомобиль, надоевший, с дефектом, аварийный* («Ин-

форм-прогулка», 2011, № 40). В объявлении смешаны разные характеристики: внешнее состояние предмета (с дефектом, аварийный) и отношение к нему (надоевший). *Натяжные потолки: матовые, глянцевые, сатин* («Информ-прогулка», 2011, № 40). В этом сообщении смешиваются разные характеристики одного предмета: качество (матовые, глянцевые) и материал, из которого он изготовлен (сатин). Правильный вариант: *Натяжные потолки: матовые, глянцевые. Материал – сатин.*

Чаще всего в рекламных текстах встречаются *комплексные виды ошибок*, когда в одном тексте содержатся несколько ошибок разного характера. Так, нами выделены следующие комплексы: орфографические и пунктуационные ошибки; синтаксические и пунктуационные ошибки; синтаксические и орфографические ошибки; орфографические, синтаксические, пунктуационные ошибки и недочеты в словоупотреблении. Рассмотрим наиболее показательные случаи.

1. Орфография, синтаксис, пунктуация и словоупотребление:

Продается спальня, светлый орех, ***не_полированная****, две кровати,* ***трех-дверный*** *шкаф, две тумбочки* («Маленький город», 2011, № 7). В тексте допущены две орфографические ошибки: правописание *не* с причастиями / отглагольными прилагательными и правописание сложных прилагательных. *Не* с полными причастиями пишется слитно, если при них нет пояснительных слов (*неполированная*). Сложные прилагательные, первой частью которых является имя числительное, пишутся слитно (*трехдверный*). Определение *неполированная* лучше поставить перед существительным, к которому оно относится. В рекламе речь идет о спальне, затем перечисляются ее характеристики, поэтому в предложении нужно поставить двоеточие. Пропуск слова в характеристике «светлый орех» ведет к двусмысленности: *продается спальня, светлый орех*. Конечно, автор имел в виду цвет, но из-за экономии средств опустил слово. Можно было избежать и тавтологии (две кровати, две тумбочки). Возможный вариант: *Продается неполированная спальня цвета «светлый орех»: две кровати и тумбочки, трехдверный шкаф.*

2. Синтаксис и словоупотребление:

Кровельщик выполнит кровельные работы, наличный и безналичный расчет, стены, кровля, полы, отделочные работы («Маленький город», 2011, № 7). В данном случае в однородном ряду смешаны вид деятельности (кровельные и отделочные работы), объект

деятельности (стены, кровля, полы) и способ оплаты (безналичный расчет). Кроме этого, в рекламном тексте есть тавтология, требующая устранения. *Кровельные работы, кровля* – однокоренные слова. Словосочетание «кровельные работы» уже подразумевает работу с кровлей, поэтому его вполне достаточно для того, чтобы понять смысл. Текст можно исправить следующим образом: *Кровельщик выполнит кровельные и отделочные работы (стены, полы). Возможен наличный и безналичный расчет.*

3. Орфография и словоупотребление:

Продается умывальник и пъедестал в ванную комнату («Маленький город», 2011, № 7). Допущена ошибка в слове *пьедестал* (написано с разделительным твердым знаком). Слово *пьедестал* означает: 1) постамент, подножие статуи, декоративной вазы. *Пьедестал памятника*; 2) возвышение, на которое поднимается победитель (напр. в спортивных соревнованиях). *Подняться на пьедестал почета.* В рекламном объявлении употребление этого слова ошибочно. Возможна такая замена: *Продается умывальник на керамической подставке в ванную комнату.*

Анализ рекламных текстов региональных изданий показал, что наибольшее количество отклонений от языковой (речевой) нормы встречается в районных газетах («Маленький город» и «Информ-прогулка») – 17 случаев из 42. В меньшей степени ошибки характерны для областных и городских газет («Вечерний Брест», «Брестский курьер», «Работа сегодня» и др.). Наличие ошибок объясняется причинами объективного и субъективного характера. Среди объективных причин можно назвать такую, как отсутствие корректора в штате издания. Нередко функции корректора приходится выполнять члену редакции с другой специализацией (редактору новостей, ответственному секретарю, шеф-редактору и т. д.). Особенно это актуально для частных газет («Маленький город»), в которых держать еще одного сотрудника в штате невыгодно экономически. Однако такое положение не снимает ответственности с тех, кто отвечает за выпуск газеты, и не снижает требований к форме и содержанию печатного слова. Так, брестская городская газета бесплатных объявлений «Мой город» («Из рук в руки») в каждом номере печатает «перчики» или «лампочки» с разными казусами, в том числе и речевыми, обнаруженными в поступающих в газету или размещенных в ней объявлениях. Приведем несколько примеров таких «перчиков»: *Шкаф духовой. Поверхность защищена от пальца* (№ 43 (305), 2011); *Продавцы приятных*

внешностей требуются (№ 45 (307), 2011); *Аккумулятор зараженный продаю* (№ 48 (310), 2011). С одной стороны, такая рубрика – развлекательный материал для читателей этой деловой газеты, с другой – это способ обратить внимание будущих рекламодателей на более ответственное отношение к составлению текстов рекламных объявлений. Такой опыт можно считать положительным. Небрежно составленное, содержащее речевые и орфографические ошибки рекламное сообщение способно дискредитировать саму задачу рекламы и вызвать недоверие потенциального покупателя к рекламодателю и качеству предлагаемых товаров и услуг.

Галина Писарук
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (Беларусь)

РИТОРИЧЕСКАЯ ТАКТИКА АПОСТОЛА ПАВЛА В ПОСЛАНИИ К ФИЛИМОНУ

Проблема обеспечения наилучшего взаимопонимания между людьми является актуальной не только для современной риторики. Элементы риторической тактики, приводящей к конструктивному решению возникающих между людьми конфликтов, использовались ещё апостолом Павлом в его Послании к Филимону [1].

Послание к Филимону – это единственное частное письмо, включённое христианской церковью в Библию, и единственное дошедшее до нас частное письмо апостола Павла. В письме не разбирается важный вопрос вероучения, оно не направлено против крупной ереси, однако пережило века и даёт христианам пищу для ума и сердца.

Анализ Послания к Филимону, не выходящий за пределы языкового поля текста, позволяет сжато передать его содержание следующим образом. Апостол Павел, находясь в Риме, пишет письмо своему брату по вере – христианину Филимону, живущему в Колоссах, в котором ходатайствует за беглого раба Онисима. Из письма можно понять, что Онисим украл деньги у своего хозяина Филимона и убежал в Рим. Здесь Онисим стал христианином, общаясь с апостолом Павлом, сидящем в заключении, и теперь Павел просит Филимона простить убежавшего раба и принять его как брата во Христе.

Основная идея Послания Павла к Филимону, которая прочитывается в концепции всей Библии, – призыв к прощению как прояв-

лению закона любви. Своим письмом Павел наставляет христиан в практической праведности, давая при этом образец христианской учтивости и обходительности.

Историческая основа Послания

Риторические аспекты Послания заметны не сразу, они становятся явными лишь после глубокого анализа текста письма[1] и проявляются не столько в языке, сколько в содержании и построении самой речи, которая контекстно обусловлена, поэтому для понимания её современным читателем требуются специальные пояснения.

Павел просит Филимона простить беглого раба Онисима – простить его поступок, а не дать ему свободу. Рабство было неотъемлемой частью античного мира. Аристотель считал, что это в порядке вещей, когда одни люди должны быть рабами, чтобы служить другим людям, относящимся к высшим слоям общества.

Вероятно, и апостол Павел принимал институт рабства как должное, так как без него было невозможно представить себе общество того времени. Между тем христианство устанавливало новые отношения между людьми: христиане – «одно тело»: «…Ибо все мы одним духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом»[2] [1 Кор. 12:13]. Павел считал, что, если Онисим бежал рабом, рабом он и должен был вернуться к своему хозяину Филимону, однако теперь он был уже не только его рабом по статусу, но и братом по вере.

В Римской империи рабов умышленно угнетали, так как приходилось опасаться их восстания. Взбунтовавшегося раба тут же убивали, а беглого в лучшем случае клеймили на лбу латинской буквой эф – *фугитив*, что означало *беглый*, раскалённым докрасна железом, в худшем – казнили, распиная на кресте. Павел хорошо знал, какой это рискованный шаг – отправить беглого раба из Рима в Колоссы.

[1] При исследовании текста послания использован текст Синодального канонического издания Библии – перевод с греческого на русский язык, появившийся в России в 1876 г. и предназначавшийся св. Синодом «для домашнего назидательного чтения» [1], и «Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык», представляющий собой научную реконструкцию греческого оригинала, выполненную на основе Ватиканского кодекса, он был впервые издан в 1898 году Эберхардом Нестле [3].

[2] Здесь и далее при цитировании сохранена орфография и пунктуация Синодального канонического издания Библии.

Поэтому апостол дал ему письмо и отправил одновременно с Тихиком, посланным в Ефес и Колоссы: «О мне всё скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе, которого я для того послал к вам, чтоб он узнал о ваших *обстоятельствах* и утешил сердца ваши, с Онисимом, верным и возлюбленным братом (нашим), который от вас: они расскажут вам о всем здешнем» [Кол. 4:7–9]; «А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всём известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель, которого я *и* послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши» [Еф. 6:21–22].

Особенности риторической тактики апостола Павла

Краткое письмо апостола Павла (всего 24 стиха) отличает не только смысловая насыщенность, но и стройность мыслительного каркаса. Как и все письма того времени, оно начинается чётко выделенным вступительным фрагментом, содержащим приветствие, благодарение Богу, похвалу адресату, молитву о здравии получателя. Главная часть содержит суть письма. Оканчивается послание личными приветствиями и приветами. Таким образом, в послании видны чёткость и обдуманность структуры речи, направленность каждой её части на хорошо осознанную автором задачу эпистолярного произведения.

В своей дохристианской жизни апостол Павел (еврей Савл, имевший римское гражданство) учился у известнейшего учителя того времени Гамалиила и принадлежал к самой многочисленной и могущественной партии иудеев – фарисеям. Несомненно, именно риторическая образованность позволила Павлу искусно выстроить и мастерски словесно оформить свою речь.

Обычно Павел начинает свои послания с того, что указывает на своё апостольство [Рим. 1:1; 1 Кор. 1:1 и др.]. По сути, как апостол – старший по званию, Павел мог бы просто дать указание Филимону принять Онисима без обычного в подобных случаях сурового наказания (он пишет об этом в ст. 8: «…имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно»; в греч. право имеющий приказать тебе). Но Павел решил попросить («…по любви лучше прошу…» – ст. 9), и он пишет Филимону как другу, поэтому опускает свой официальный титул. Он пишет не как апостол, а как «узник Иисуса Христа» [ст. 1]. Это показатель выбора Павлом стратегии диалогичности: он отказывается от позиции власти, с первых же слов устанавливает между собой и Филимоном отношения личностного равенства.

Как известно, термин «диалог» в риторике означает не только и не столько форму речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами, сколько утверждает отношения между адресантом и адресатом в речевой ситуации: оба коммуниканта являются лицами деятельными независимо от степени формальной диалогичности их речевого поведения. Субъект-субъектные отношения проявляются, в первую очередь, в уважении личности адресанта и его точки зрения, в предоставлении права иметь иной взгляд на что бы то ни было. Риторика в качестве основного закона речевого поведения коммуникантов (аристотелевская и современная) постулирует закон гармонизирующего диалога.

Как и требовала этика писем того времени, Павел начинает письмо с приветствий людям, которые будут знать об этом письме. Он называет Апфию (вероятно, это жена Филимона, тоже христианка, так как он называет её «сестра» – ст. 2), Архиппа, которого называет «сподвижником» (в греч. соратником), а также всю домашнюю церковь Филимона. Вероятно, Филимон отличался христианской щедростью: в его доме люди находили необходимую помощь («…тобою, брат, успокоены сердца святых» – ст. 7). Павел собирался просить щедрого человека быть ещё щедрее – простить того, кто обидел его и нанёс ему урон, и поэтому начинает с похвалы Филимону: «Слыша о твоей любви и вере, которую имеешь к Господу Иисусу и ко всем святым…» [ст. 4]. Так проявляется риторический принцип одобрения адресата, что помогает подготовить сердце читающего письмо к принятию просьбы.

Имея цель побудить Филимона к совершенно определённому действию, апостол Павел использует не агитирующий тип речи, а аргументирующий. Это примечательно уже потому, что, во-первых, сознательно организованная аргументация – это одна из составляющих в реализации закона гармонизирующего диалога, показатель проявления уважения к собеседнику. Во-вторых, риторика всегда рассматривала аргументацию как направленную деятельность, предполагающую активную реакцию другой стороны на приведённые доводы, и поэтому Павел высказывает и доказывает своё мнение, стремясь пробудить в Филимоне «собственное внутреннее слово» (В. Ф. Одоевский), оставляя за адресатом право выбора поступка.

В письме апостола Павла выстроена целая система доводов, разных по силе воздействия, но не дающих право сомневаться в их целенаправленности. Они расположены в соответствии с «правилом Сократа».

Аргументативная тактика начинается, как и положено, с сильного аргумента. См. ст. 4: «Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих, Слыша о твоей любви…». Павел выражает основание своей дружбы с Филимоном молитвенно, провозглашая связывающую их веру в Иисуса Христа. Общность веры – то, что даёт апостолу веское основание обратиться к Филимону с весьма деликатной просьбой об Онисиме и рассчитывать на понимание. Так Павел реализует риторический «закон общности языка мышления». Следующий элемент риторической тактики Павла содержится в ст. 8–13. Перед тем как изложить свою просьбу, Павел замечает, что просит Филимона «Павел старец» [ст. 9]. Это сознательно использованная риторическая фигура умаления. В момент написания письма Павла нельзя было воспринимать как старого человека: письмо было написано между 60–64 гг. н. э., и в это время апостолу не было ещё и шестидесяти лет. Вероятно, говоря о себе как о старце, Павел хотел подчеркнуть, что письмо пишет человек, проживший непростую жизнь. Павел использует и эту мысль как один из аргументов, убеждающих Филимона принять его просьбу.

Только после этого Павел излагает свою просьбу: «Прошу тебя о сыне моём Онисиме…» [ст. 10]. Павел не извиняется за Онисима перед Филимоном и не извиняет его. Он соглашается с тем, что Онисим был негодным человеком, но утверждает, что теперь тот стал другим. Апостол называет Онисима «сын мой». Неизвестно, была ли случайной встреча беглого раба с Павлом в городе с полутoрамиллионным населением или тот сознательно искал встречи с апостолом, с которым познакомился в Колоссах несколькими годами ранее. Онисим дорог Павлу уже потому, что стал христианином при нём: «… которого родил я в узах моих» [ст. 10]. Здесь Павел ссылается на известную в то время поговорку раввинов: «Если кто учит сына своего соседа закону, то, по Писанию, он как бы родил его». По мнению Павла, привести человека к Иисусу Христу – это значит больше, чем воспроизвести его на свет. Вот почему апостол не может не заботиться о молодом человеке Онисиме. Такую отцовскую заботу о своих духовных детях Павел проявляет и в других случаях [1 Кор. 4:15; Гал. 4:19; 1 Фес. 2:7–11].

Далее в ст. 11 Павел пишет об Онисиме: «Он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне…». Здесь апостол прибегает к игре слов: имя Онисим означает «годный», «полезный», «выгодный», «прибыльный». Вероятно, Онисим был смышлёным молодым человеком. Римская армия во время своих походов часто брала в плен умных молодых мужчин и женщин. Их привозили в Рим и продавали в рабство. Павел пишет, что он сам хотел бы иметь Онисима при себе, вероятно, тот ему немало помогал: «Я хотел при себе удержать его…» [ст. 13]. Подчёркивание достоинств беглого раба – это тоже аргумент, который должен был убедить Филимона принять его.

В Деян. 28:30 мы читаем о том, что в Риме, будучи арестованным, «…жил Павел целых два года на своём иждивении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно». Такой свободный образ жизни на свои средства, несмотря на арест, позволял Павлу иметь под рукой хорошего помощника, но Павел считал себя обязанным вернуть Онисима хозяину, несмотря на сложности дальнего пути.

Павел говорит об Онисиме с предельным душевным напряжением. Онисим, по-видимому, стал очень дорог апостолу за время нахождения в тюрьме, потому что он высказывает ему большую похвалу, заявляя, что, отсылая его Филимону, он отсылает частицу своего сердца. Греческое слово *спланхна*, переведённое в русской Библии как «сердце», означает средоточие чувств (в греч. это есть мои внутренности). Несомненно, на такой довод адресат не мог не отреагировать.

В середине письма, после напряжённой аргументации, – ослабление натиска. Давая понять Филимону, что недоброе отношение к Онисиму глубоко огорчит его, Павел предлагает Филимону самому принять решение – даёт ему выбор: «…чтобы доброе дело твоё было не вынужденно, а добровольно» [ст. 14], (в греч. по волеизъявлению).

В качестве одного из аргументов Павел указывает на возможную неслучайность произошедшего: «Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного…» [ст. 15–16]. Этот аргумент можно считать одним из самых слабых, но Павел компенсирует его слабость, используя яркие антонимичные выражения: *Онисим на время отлучился – Филимон должен принять его навсегда* (в греч. он был удалён до часа, чтобы вечно ты его удерживал).

Далее Павел конкретизирует свою просьбу – просьбу принять беглого раба, причём даже ставит условия – как это должно быть. Здесь явно заметно выстраивание стратегии близости. Во-первых, он просит Филимона принять Онисима как брата во Христе («Не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного» – ст. 16). Апостол уверен, что может воззвать к любви Филимона и надеяться на его прощение, потому что и сам Филимон получил прощение Божие.

Во-вторых, Павел просит принять Онисима подобно тому, как принял бы самого Павла: «Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня» [ст. 17]. Павел уверен, что он был бы принят Филимоном безусловно. Такой безусловности он ждёт от него и по отношению к Онисиму.

В-третьих, Павел предлагает возместить убытки, нанесённые Онисимом: «Если же он чем обидел тебя или должен, считай это на мне» [ст. 18]; «…я заплачу…» [ст. 19]. Этот момент письма равнозначен расписке: Павел добровольно берёт на себя обязательство выплатить Филимону украденные Онисимом деньги.

Значимость этого фрагмента письма [ст. 16–19] может быть понята только с учётом христианского понятия «вменение». В современном русском языке вменить – счесть чем-либо, признать за что-либо [4, т. 1, с. 186]. Вменение в христианском понимании – это акт, производимый Богом, который вменяет праведность Христа верующему в Иисуса Христа, понёсшего на Себе грехи всех людей, чтобы они, христиане, смогли быть прощены Богом. «Прими его как меня» – вмени ему мои заслуги; «если же он чем обидел тебя или должен, считай это на мне» – вмени ему мою вину. Так Павел взял на себя часть ответственности за поступок Онисима, не задевая достоинства адресата.

В ст. 19 слог Павла становится мягче, он использует риторическую фигуру намёк как форму метасообщения: «…не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен». В риторике намёк считается средством непрямого информирования: адресат получает высказывание, которое должен расширить, дополнить, развить работой собственной мысли. Именно в этом месте единственный раз за всё письмо Павел использует обращение «брат»: «Так, брат, дай мне воспользоваться от тебя в Господе» [ст. 20]. Павел как будто с улыбкой говорит: «Филимон, ты обязан мне спасением твоей души, потому что это я привёл тебя ко Христу. Так дай же мне воспользоваться тобою, получить от тебя хоть какую-то выгоду». Филимон не мог не прочитать подлинный смысл того, о чём говорил Павел: он понимал,

как много прощает Бог приходящему ко Христу. Так Павел задаёт речевому общению желаемую тональность – задушевную, глубоко интимную, лишённую всякой отстранённости. Апостол Павел проявляет тем самым глубокое доверие к адресату: он стремится к его чуткости и благожелательности, ждёт ответного понимания.

Павел выражает уверенность, что Филимон сделает всё как надо: «…зная, что сделаешь и более, нежели говорю» [ст. 21], (в греч. убеждённый в послушании твоём). Этот стих типичен для манеры общения Павла с людьми. Как правило, он был о людях самого хорошего мнения и ждал от них наилучшего поведения. Он даже не сомневался в том, что Филимон выполнит его просьбу.

В ст. 23 содержатся приветствия Филимону от людей, которые, вероятно, были личными друзьями и Павла, и Филимона: «Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса, Марк, Аристарх, Димас, Лука, сотрудники мои». Такой объединяющий адресанта и адресата жест вежливости является в письме последним элементом в выстраивании речи, гармонизирующей отношения коммуникантов.

Особенности стиля речи апостола Павла

Павел писал письмо Филимону своей рукой, что не является характерным для остальных его посланий, включённых в Библию. Большинство людей того времени поступали так: они не записывали сами свои письма, а диктовали их кому-то, может быть другу или секретарю, но в конце собственноручно подписывались. В Послании к Римлянам указано имя одного из тех людей, которые записывали послания апостола Павла, – Тертий. Тертий вписывает свой привет прежде чем закончить письмо: «Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание» [Рим. 16:22]. В Послании к Колоссянам Павел делает приписку: «Приветствие моею рукою, Павловою» [Кол. 4:18]. А во Втором послании Фессалоникийцам Павел упоминает о специфическом для него пожелании: «Приветствие моею рукою Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь» [2 Фес. 3:18]. Только в одном из тринадцати посланий – в Послании к Галатам – Павел написал: «Видите, как много написал я вам своею рукою» [Гал. 6:1]. Письмо Филимону Павел пишет сам: «Я, Павел, написал моею рукою» [ст. 19], и это свидетельствует о его личной значимости для апостола Павла.

Лаконичное, простое по форме, но весьма непростое по содержанию письмо апостола Павла Филимону не только передаёт все виды информации – и понятийно-логическую, и оценочную, и эмоциональную, но и является безупречным по стилю. Однако красота слога апостола Павла – это красота, возникающая не за счёт украшений, а красота функциональности речи, соответствующей риторической задаче. Чем лучше и полнее речь осуществляет цель говорящего (пишущего), то есть пробуждает в слушателе (читающем) именно те мысли, тот отклик, который нужен адресанту, тем она совершенней [2, с. 16]. В Библии не сказано о том, как Филимон принял возвратившегося раба Онисима. Но предание говорит, что хозяин принял Онисима и даже дал ему свободу. Впоследствии Онисим стал епископом в македонском городе Верии, недалеко от Фессалоник.

Вместе с тем нельзя сказать, что речь апостола Павла совсем лишена «цветов красноречия». В главной части письма есть и ссылка на прецедентный текст – поговорку раввинов («о сыне моём Онисиме, которого родил я в узах моих» – ст. 10), и обыгрывание значения имени Онисима («Он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне» – ст. 11), и сравнение («Ты же прими его, как моё сердце» – ст. 12), и усиление значения сказанного с помощью антонимичных слов («Он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда» – ст. 15). Единичные вкрапления тропов и фигур в личное письмо не нарушают его стилистическую целостность.

Заключение

Законы речевого взаимодействия не устаревают. Риторически искусная речь никогда и никого не может оставить равнодушным: она пробуждает ум и чувства – ratio и intuitio. Читая послание апостола Павла к Филимону, мы не просто вникаем в его содержание, у нас появляется желание всей душой принять то мировосприятие, которое предлагает пишущий, и проявить его в своих действиях сегодня и сейчас. Принятию такого решения во многом содействует и риторическое мастерство автора Послания к Филимону.

Литература

1. Библия. Синодальное каноническое издание. Новый Завет.

2. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово / А. К. Михальская. – М. : Дрофа, 2001.

3. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. – СПб., 2003.

4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1984.

Людмила Саенкова
Белорусский государственный университет (Минск)

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ АСПЕКТЫ В МЕДИАКРИТИКЕ

Медиакритическая творческая деятельность основывается на единстве публицистического и научного подходов. Публицистичность обязывает критиков средств массовой информации обеспечить «оперативное отображение происходящих событий» и «оперативное влияние на события» [7, с. 214]. Обязанностью публициста является утверждение или изменение общественного отношения к тому или иному явлению, к той или иной проблеме. Это достигается через воздействие на общественное мнение, в ходе которого у адресатов публицистических произведений вырабатывается определенная позиция по отношению к рассматриваемым социальным явлениям.

Общественное мнение не является плодом единодушия членов общества и не всегда отражает мнение большинства либо крупных социальных групп. Мнение активного просвещенного меньшинства может оказать более существенное влияние на формирование общественного мнения, чем мнение пассивного и социально разобщенного большинства. В конечном итоге общественное мнение складывается в процессе диалога, столкновения и борьбы мнений различных социальных групп и представляет собой суммарную тенденцию, сложившуюся под влиянием существующих в обществе сил противодействия [1, с. 559]. Критики СМИ формируют оценочное отношение общественности к публикациям и образцам медийной деятельности, подвергая их рассмотрению на предмет соответствия представлениям о социальной полезности, критериям политической культуры, эстетики, профессионализма, нормам закона и этики. Публицистичность – это реальное воплощение, проявление ценностно-ориентационной стороны деятельности критика, объективная «внутренняя установка собственно критической деятельности» [6, с. 29]. Вместе с тем «критика несводима к публицистике, у нее свои обязанности» [5, с. 5]: призвание критика отнюдь не ограничивается воздействием на общественное мнение.

Научность медиакритики предопределена необходимостью глубокого познания проблем деятельности средств массовой информации. Научность критических произведений – свойство, достигаемое не имитацией академического стиля и не воспроизведением обязательных схоластических композиционно-стилевых атрибутов, которые отличают научную статью или рецензию от журналистских произведений, предназначенных для широкой аудитории, но основательной научно-методологической подготовленностью критика, его способностью к концептуальному рациональному осмыслению рассматриваемых явлений и процессов. В задачи журналиста, специализирующегося в области медиакритики, не входит демонстрация научной эрудиции: она остается в подтексте журналистского произведения, само содержание которого должно свидетельствовать о том, насколько глубоко проник автор в существо рассматриваемых им явлений и проблем. Степень же проникновения определяется степенью владения инструментарием научного анализа, интерпретации и концептуализации медийных явлений и процессов, как и обширностью, глубиной знания закономерностей журналистского творчества и технологий медийного производства.

Глубинная рациональность критических построений является главным условием успешности поисков объективного знания в медиакритике и убедительности позиций автора в явной и скрытой публицистической полемике с оппонентами. «Критика превращается в обмен субъективными мнениями, если не в антагонистическую перепалку, когда она не содержит строгих критериев истинности суждений и точных аргументов», – отмечает известный российский исследователь С. Г. Корконосенко [4, с. 36]. Рациональность критических произведений максимально обеспечивается научными подходами к предмету критики, поскольку именно они предлагают наиболее строгие критерии истинности.

Рациональность, проистекающая из убеждения в том, что явления действительности поддаются рассудочному изучению и истолкованию, не сводима к одному только следованию законам и правилам логики. Хотя рациональное не может существовать как алогичное, а проблема рациональности решается через логическую теорию, рациональность не сводима к одному только соответствию требованиям формальной логики. Знание, полученное интуитивным путем, когда разум восполняет дефицит фактического материала и достраивает

отсутствующие логические связи, перешагивая через информационные лакуны и формируя ментальную «проекцию» изучаемого явления или процесса, не всегда поддается проверке на истинность через формально-логические процедуры. Интуиция представляет собой проявление высокой рациональности, «высший пилотаж» разума, если она опирается на полученные ранее знания и использует их как строительный материал для создания ментальных проекций, а не сводится к тому или иному типу «озарения», не имеющего под собой объективной основы.

Подтверждением научности медиакритики является ее опора на исследования содержания СМИ и медийной деятельности, выполненные с применением социологических, контент-аналитических, статистических и иных научных методик. Медиакритике может и должно быть свойственно комплексное сочетание многообразных методов познавательной деятельности, применение которых оправдано ввиду сложности, многомерности познаваемых процессов социального функционирования СМИ. Даже в рамках одной критической работы могут использоваться данные, полученные благодаря применению различных исследовательских методик.

Высокопрофессиональной медиакритике свойствен дух исследования, что подтверждает целесообразность и необходимость вовлечения в критико-журналистскую деятельность представителей журналистской науки и других общественных и гуманитарных наук, обращающихся к медийной проблематике. Это позволит ликвидировать существующий разрыв между наукой и практикой, когда результаты научных исследований СМИ известны и обсуждаются преимущественно в пределах академических сообществ, не оказывая влияния на практическую журналистику. Медиакритика в ее академическом варианте помогает соединять науку и практику в процессе профессиональной подготовки журналистов, преодолевать ситуацию, когда «начинающий журналист получает знания в научной форме, а мыслить продолжает в обыденной» [2, с. 195]. Она способна не только активизировать в учебном процессе эмпирическое приложение теории к журналистской практике. Выступая в качестве способа обеспечения прочной постоянной связи между теорией и практикой журналистики, она призвана в конечном счете создавать условия для коррекции теории, освобождения ее от элементов схоластики, иллюзорного знания. То есть отчасти способствует выполнению задач, свойственных научной критике – компоненту науки о СМИ, взаимодействующему

с научной историей и теорией. Медиакритика призвана поддерживать постоянный интеллектуальный взаимообмен между областями научной критики и практической журналистики.

Научность медиакритики не означает полного отождествления критики и научно-исследовательской деятельности, журналистского критического анализа и научной критики, являющейся составной частью науки о журналистике и массовых коммуникациях. Хотя медиакритика может оперировать познавательными методами из арсенала науки и учитывает результаты научных исследований, невозможно требовать от журналиста-практика, чтобы он проводил самостоятельные масштабные научные исследования. Критик не только познает, но и использует данные, добытые наукой, которые дают ему материал для собственного анализа и рассуждений. Однако журналисты-практики почти не используют результаты научных исследований по медийной практике.

Массовые коммуникационные процессы отличаются сложностью протекания, вызывают неоднозначные общественные последствия. Их осмысление и оценка требуют от критика основательных познаний в различных областях, понимания инструментария различных общественных и гуманитарных наук (а в условиях рынка – и экономики). Иногда журналист-критик оказывается неспособным представить аудитории исчерпывающий «срез» и интерпретацию того или иного медийного явления, процесса, особенно если они отличаются многоплановостью, масштабностью, противоречивостью, имеют длительную предысторию, чреваты труднопредсказуемыми последствиями либо вписаны в определенный пестрый и своеобразный контекст: социальный, политический, экономический, культурный. Если журналист не имеет методологической и методической подготовки, позволяющей глубоко и обстоятельно изучить сложный медийный объект, исследовать неоднозначную проблему функционирования СМИ, либо не располагает необходимыми для этого ресурсами информации и времени, он не должен подменять ученых, несмотря на то что рассматриваемые им объекты и проблемы имеют непосредственное отношение к его профессиональной сфере. Понимание необходимости привлекать компетентных экспертов для критического обсуждения различных сложных проблем социального функционирования СМИ проявила редакция журнала «Журналист», где публикуются мнения ученых-специалистов в разных областях теории журналистики.

Медиакритика способствует синтезу и популяризации научных знаний о социальном функционировании СМИ, при этом научное знание транслируется за пределы академического сообщества. Журналистская критика СМИ, осуществляемая учеными, имеет большие возможности для выявления и постановки актуальных научных проблем, требующих решения на междисциплинарном уровне, способна внести свой существенный вклад в интеграцию уже полученных научных знаний о средствах массовой информации и информационной среде общества, а также объединить разрозненные усилия представителей разных научных отраслей для комплексного многоаспектного познания социального функционирования СМИ.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что научно-исследовательская база медиакритики формируется благодаря комплексному использованию разнообразных методов исследования, применяемых такими науками, как социология, социальная психология, политология, философия, культурология, лингвистика, статистика. В медийной практике они обеспечивают всесторонность рассмотрения такого сложного и многогранного феномена, каковым являются СМИ в социальном контексте.

Эмпирические подходы, доминирующие в исследованиях многих научных центров, способствуют накоплению большого массива объективных данных, необходимых для медиакритики. Применение однородных научных методик на протяжении длительного периода исследований создает принципиальную возможность для сравнительного изучения тенденций развития медийной деятельности на основе эмпирических данных, полученных в разное время.

Медиакритика, анализирующая и интерпретирующая эти данные, сводящая воедино и сопоставляющая результаты исследований, проведенных различными учеными и научными центрами, помогает преодолевать односторонность и ограниченность чисто эмпирических подходов. Она же выявляет назревающие актуальные проблемы социального функционирования СМИ и подвергает их первичному анализу и осмыслению, обнаруживая необходимость изучения этих проблем. Эмпирическое знание позволяет решать задачи в рамках уже сложившейся практики, теоретическое же расширяет ее возможности, открывая новые виды и направления практической деятельности. Это особенно важно в переходные периоды развития общества, когда происходят интенсивные процессы

ломки прежних отношений, норм и ценностей в медийной сфере и формирование новых.

Теоретические элементы академической и профессиональной медиакритики способствуют существенному расширению возможностей влияния критической мысли на медийную практику. Однако научное теоретизирование едва ли уместно в произведениях массовой медиакритики, которая опирается не только на научные результаты, полученные исследователями СМИ, но на знание, полученное критиком в процессе самостоятельного анализа и интерпретации медийной практики. Произведение «внутрицеховой» и массовой критики СМИ не должно походить на научный трактат. Оно может строиться на основе как теоретических, концептуальных знаний, так и вненаучного социального знания.

Свойство научности медиакритики является ее высшим атрибутом. Рассмотрение медийных феноменов исключительно на уровне обыденного сознания, в полном отрыве от научного осмысления, неизбежно приводит к социально неприемлемой ситуации, когда знание низводится до уровня мнения. Познание духовного и материального мира немыслимо без сочетания практического, практически-духовного и духовно-теоретического освоения его реалий. Это в полной мере относится к познанию мира средств массовой информации и создаваемой ими картины отраженной реальности. Наука не является единственным надежным способом познания. Уповая на науку, ее познавательные возможности, не следует впадать в сциентистские иллюзии и приуменьшать значение личных наблюдений критика, его практического постижения медийных явлений. Придавая большое значение духовно-теоретическому освоению действительности, свойственному науке, было бы ошибкой игнорировать важность практического постижения окружающего мира, роли вненаучного знания, приобретаемого в ходе изучения жизни, не опосредованного наукой. Вненаучное знание не следует противопоставлять научному либо отождествлять с антинаучным. «Вненаучное социальное знание является знанием, вплетенным в практическую жизнь и выступающим как практически-духовное освоение действительности…» [3, с. 77]. Так, например, социальное знание, добываемое журналистикой в ходе наблюдения и изучения быстротекущей действительности, как правило, не является продуктом собственных научных исследований, применения строгих исследовательских ме-

тодик и процедур. Социальная информация, запечатленная журналистами, большей частью относится к вненаучному знанию, что отнюдь не умаляет ее познавательной ценности. Использование вненаучных методов познания наряду с научными, популяризаторские и публицистические качества медиакритики обозначают ее отличие от научной критики – компонента журналистской науки.

Литература

1. Блуммер, Г. Коллективное поведение / Г. Блуммер // Психология масс. – Самара, 2001. – 592 с.

2. Дзялошинский, И. М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху / И. М. Дзялошинский. – М. : Восток, 1996. – 237 с.

3. Зельдович, М. Г. В поисках закономерностей. О литературной критике и путях ее изучения / М. Г. Зельдович. – Харьков : Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1989. – 160 с.

4. Корконосенко, С. Г. Социология журналистики в системе теории журналистики / С. Г. Корконосенко // Социология журналистики. Очерки методологии и практики; под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : 1998. – 283 с.

5. Кулешов, В. И. История русской критики / В. И. Кулешов. – М. : Просвещение, 1978. – 525 с.

6. Суровцев, Ю. О научно-публицистической природе критики / Ю. Суровцев // Современная литературная критика. Вопросы теории и методологии. – М. : Наука, 1977. – 272 с.

7. Ученова, В. В. Публицистика и политика / В. В. Ученова. – М. : Политиздат, 1979. – 271 с.

Jana Sokolová

Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre (Slovenská republika, Nitra)

JAZYKOVÁ ZMENA – HISTORICKÁ KONTINUITA PRIRODZENEJ REŠTRUKTURÁCIE (SLOVENSKÉHO) JAZYKA

V rámci systémovej lingvistiky sa pri deskripcii a explanácii jazykových zmien uplatňuje téza, že jazyk je otvorený systém, že je v neustálej interakcii so svojím okolím, že jazykový systém sa správa akomodačne, t. j. prispôsobuje sa okoliu tým, že sa sám mení, pričom si udržiava stav dynamickej rovnováhy. Štandardne sa poukazuje na to, že zmeny prebiehajú na každej jazykovej rovine, v každom podsystéme jazykového systému a že dynamika zmien podsystémov nie je rovnaká.

Interpretácia jazykových zmien závisí od prístupov k jazyku, t. j. od zvolenej metodológie, poznávacia hodnota ktorej je určovaná jej explanačnou adekvátnosťou. V slovenskej lingvistickej tradícii sa uplatňujú dve základné stanoviská – objektivistické (reflexívnologické) a subjektivistické (pragmatickologické).

Z pozície objektivistickej metodológie sa hľadá spätosť jazykových a mimojazykových faktorov, ktoré eliminujú náhodilosť a potvrdzujú zákonitosť zmien. Vychádza sa z tézy, že jazykové zmeny majú istý účel, ktorým sa optimalizuje funkčnosť jazyka. Kauzálna (finálna) a teleologická (funkčná) explanácia sa interpretuje aj tak, že príčiny jazykových zmien vyplývajú z ich účelu.

Z pozície subjektivistickej metodológie sa princíp jazykovej zmeny odvodzuje od jazykovej interakcie komunikantov (zámerná aj spontánna jazyková zmena je sprievodným javom interakcie komunikanta s členmi daného jazykového spoločenstva). Ide o pragmatickú interpretáciu funkčnosti spontánnych jazykových zmien. Na jazykové zmeny sa nazerá predovšetkým z aspektu používateľa jazyka (jeho prirodzenej metajazykovej axiologickej kompetencie), ktorý inováciu nevníma ako popieranie ustáleného, ale interpretuje ju ako analógiu jestvujúceho, keďže už jeho jazykové správanie je založené na perspektíve prirodzenej analógie. Jazyková zmena sa vysvetľuje ako rozšírenie výskytu jestvujúcej štruktúry, ako rozšírenie kolokácie istého komponentu zafixovaného v danom jazyku. Kolokácia sa tu chápe ako realizovaná kolokabilita, t. j. všeobecná schopnosť jazykového komponentu (slova alebo iných jednotiek) v komunikácii (texte) spájať sa s inými, ako aktualizácia potenciálnej kompatibilbity. Ako píše J. Dolník, «spontánne jazykové zmeny prebiehajú ako príležitostné nezámerné rozširovanie kolokácií rečových segmentov v spätosti s modifikáciou ich interpretácie, ktoré môžu vyústiť do ich reinterpretácie. Podstatné je, že rozšírenie kolokácie istého segmentu je jeho novým použitím v zmysle zafixovaných v použití, takže kolokačné rozšírenie je plynulé, nenápadné» [1, s. 159].

Jazykové zmeny sa uchopujú na pozadí komplementárneho vzťahu tradičných a inovačných prvkov v jazyku, ktorými sa zabezpečuje jednak dynamika vyjadrovacích potrieb a jednak historická kontinuita prirodzenej reštrukturácie jazyka. Ako inovačné stimuly sa akceptujú jednak štruktúry, ktoré sú prirodzenejšie, menej príznakové, lebo sú optimálne motivované a jednak štruktúry, ktoré sú menej prirodzené, sú príznakovejšie, lebo nie vždy sú optimálne motivované. Za prirodzené

sa spravidla považujú najmä tie, ktoré rešpektujú typologické vlastnosti jazyka. Pre slovenčinu ako flektívny typ jazyka je charakteristické odvodzovanie, t. j. tvorenie pomenovaní pomocou afixov a synkretické vyjadrovanie gramatických významov prostredníctvom koncoviek. S optimálnou mierou prirodzenosti v slovenčine fungujú nielen adičné, ale aj konjunkčné a subtrakčné postupy. Preferovanie štruktúr lepšie zodpovedajúcim princípom prirodzenosti je totiž prejavom systémového aj pragmatického typu jazykovej ekonomizácie. Je to tým, že pôsobenie princípov systémovej primeranosti a motivačnej optimalizácie smeruje k ekonomizácii (kognitívnej aj jazykovej). Optimálna motivácia sa vyznačuje tým, že prediktabilitu zaručuje najmenším komplexom motivačných príznakov vzhľadom na dané systémové podmienky [2, s. 86]. Pre nositeľov jazyka je optimálna motivovanosť predovšetkým funkčným kritériom a sekundárne aj hodnotiacim kritériom, na pozadí ktorého sa im tieto štruktúry javia ako dobré, prijateľné alebo menej dobré.

To znamená, že vo formálnej štruktúre nových lexikálnych jednotiek a lexikálnych spojení sa sleduje uplatňovanie vzťahu prirodzené – menej prirodzené a následne nepríznakové – príznakové.

Za prirodzené a nepríznakové sa považujú tie štruktúry, ktoré sú založené na optimálnej motivácii, t. j. tie, reprodukcia alebo utváranie ktorých sa vyznačuje optimálnou jednoduchosťou a určitosťou (porov. nové spojenia, ktoré vyberáme z dennej tlače: *operná pubertiačka, mediálna inkvizícia, cenová hitparáda, energetický otlak, inteligentné mobily, dlhová pasca, neautorizované šrotoviská, daňový mix, sociálna múka, lieková korupcia, hrubozrnný chlapík, ľudskoprávne organizácie* a iné; nové univerbizované pomenovania utvorené analogicky podľa systémovo ustálených štruktúr: *distribučka* (distribučná spoločnosť), *maximálka* (maximálna rýchlosť), skrátené pomenovania: *val* (euroval), *ilegál* (ilegálny migrant).

Prirodzené a príznakové sú tie, ktoré majú časť štruktúry inherentne príznakovú, motivačný príznak sa optimalizuje jeho špecifikáciou, napr. transponované pomenovania *blogerka // blogérka, líderka, dídžejka*, slovotvorný základ, ktorých tvoria adaptované cudzojazyčné pomenovania: *bloger, líder, dídžej*); derivované pomenovania s expresívnymi a málo frekventovanými slovotvornými formantmi: *-oš* v pomenovaniach osôb typu *drogoš, fetoš, hivoš, schizoš, ároš, gyndoš, sestroš; -ač* v deverbatívnych pomenovaniach osôb *havarovač*; univerbizované pomenovania s expresívnymi a málo frekventovanými slovotvornými formantmi *-ák // -iak*: *závislák* (drogovo závislý človek), *adapťák* (všetkému sa pris-

pôsobujúci sa človek), *partiak* (člen partie), *komerčák* (komerčný film), *športiak* (športové auto).

Za menej prirodzené a nepríznakové sa považujú štruktúry, ktoré sú analógiou cudzojazykčných modelov a v slovenčine sa pociťujú síce ako odchýlenie od ponuky systému, ale používateľmi jazyka sú akceptované, napr. *top problémy*, *hi-tech prvky, skipas, toklshow* a iné.

Za menej prirodzené a príznakové sa považujú tie štruktúry, ktoré sú jedinečné a majú nízku frekvenciu, napr. *Londongrad* – okazionálne pomenovanie Londýna s aluzívnym komponentom *-grad,* ktorý naznačuje výrazný príliv ruských občanov; *dostať full servis* – verbonominálne spojenie s cudzojazyčným neadaptovaným komponentom a pod.

Jazykové zmeny prebiehajú ako postupné rozširovanie istých jazykových prvkov. Lexikálne inovácie sú odrazom uplatňovania nominačných modelov, ktoré sú pre slovenský jazyk typologicky viac alebo menej prirodzené. Zároveň sú prejavom neustále prebiehajúceho vyrovnávania napätia medzi nepríznakovosťou a príznakovosťou, v pozadí ktorého sa uskutočňujú systémové optimalizácie. Pokiaľ jazykové zmeny prispievajú k obohateniu výrazových možností jazyka a smerujú k ústrojnej zmene [1, s. 153] sú inherentnou súčasťou kultivovania každého prirodzeného jazyka.

Literatúra

1. Dolník, J. Teória spisovného jazyka so zreteľom na spisovnú slovenčinu / J. Dolník. – Bratislava : Veda, 2010. – 301 s.

2. Morfologické aspekty súčasnej slovenčiny / ed. Juraj Dolník. – Bratislava : Veda, 2010. – 464 s.

3. Sokolová, J. Tri aspekty jazykovej nominácie / J. Sokolová. – Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2002. – 104 s.

Вольга Самусевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПРАЯВЫ МАЎЛЕНЧАЙ АГРЭСІІ Ў ДРУКУ

Напачатку XXI ст. сродкі масавай інфармацыі, якія з'яўляюцца найважнейшым сацыяльным інстытутам, яшчэ больш узмацнілі інструментарый уздзеяння на грамадскую свядомасць. «Перапрацоўваючы інфармацыю і перадаючы яе чытачу, каментуючы ці

ангажыруючы падзеі, СМІ фарміруюць маральныя нормы, эстэтычныя густы і ацэнкі, будуюць іерархію каштоўнасцей, а часам нават навязваюць чытачу ўзоры рэцэпцыі ісцін – гістарычных, сацыяльна-палітычных, псіхалагічных і інш. Інфармуючы пра каштоўнасці і ацэньваючы, СМІ рэальна ўплываюць на якасць публічнага дыскурсу, на арганізацыю мадэляў грамадскага жыцця» [7, с. 314].

Вучоныя адзначаюць, што «калі ў XIX, часткова ў XX стагоддзі паняцце літаратурнай мовы асацыявалася перш за ўсё з мовай мастацкай літаратуры, то ў наш час на гэту ролю прэтэндуе мова СМІ, што звязана як з яе політэматычнасцю, так і са зменлівымі ўмовамі яе функцыянавання… Толькі ў мове СМІ адбываецца аб'яднанне ўсіх стылёвых патокаў, утвараючы новае функцыянальна-стылёвае адзінства, якое прадстаўляе нацыянальную мову» [12, с. 15]. Паколькі канец XX ст. быў «азнаменаваны якаснымі зменамі мовы ў бок яе дэмакратызацыі, сёння, – слушна сцвярджае прафесар В. Іўчанкаў, – становіцца надзвычай важным правядзенне актыўна граматычных інтэрпрэтацый ужывання формаў слова і высвятлення яго лексічнай правамернасці. Публіцыстычны тэкст дае прастору для адшліфоўкі мовы, апрацоўкі стылістычнай маркіраванасці слова. Але, на жаль, не заўсёды гэта вытрымліваецца» [5, с. 78]. Пытанне аб матываванасці і нематываванасці выкарыстання ўсёй разнастайнасці моўных сродкаў у навуцы актуалізавалася даўно і неаднаразова. «Для таго каб дасягнуць максімальнага ўздзеяння на розум і пачуцці чытача, публіцыст карыстаецца разнастайнымі сродкамі слоўніка, усімі "рэгістрамі" маўлення – ад "высокіх" да "нізкіх"... Аднак гэта зусім не азначае, што журналіст або публіцыст можа карыстацца словамі без усякага разбору, што для яго, маўляў, "закон не пісаны". Наадварот, багацце і разнастайнасць сродкаў, якія маюцца ў арсенале кожнай нацыянальнай мовы, патрабуюць ад публіцыста высокай культуры слова, умення эканомна, па-гаспадарску карыстацца гэтым багаццем, не растрачваць марна, дамагаючыся ў кожным выпадку "адзіна патрэбнага размяшчэння адзіна патрэбных слоў"». Так пісаў 40 гадоў таму вядомы стыліст, выдатны дзеяч беларускай навукі Міхась Яўгенавіч Цікоцкі, якому ў гэтыя дні споўніцца 90 гадоў. І сёння гэтыя словы гучаць актуальна! Беларускі вучоны з абурэннем гаворыць пра моўную разбэшчанасць і вульгарнасць, пра зніжэнне публіцыстычнага майстэрства, цаны Слова [14, с. 17].

Філолагі акцэнтуюць неабходнасць вывучэння новых з’яў, звязаных з выкарыстаннем моўных сродкаў у СМІ: крыўды, знявагі, моўнага канфлікту як праяў інвектыўнага функцыянавання мовы, моўнага маніпуліравання, сугестыі, лінгвістычнай экалогіі і маўленчай агрэсіі. Гэта выклікана тым, што ў той час, калі сцвярджаецца неабходнасць «надаць журналістам статус высокаадукаванай прафесіі» [3, с. 3], выкарыстанне розных сацыяльных жаргонаў, як гэта ні парадаксальна, бадай што не асноўная асаблівасць сучаснага публіцыстычнага маўлення. Замест выкарыстання багатых сродкаў літаратурнай мовы перыядычны друк свядома абмяжоўваецца гіпертрафіраванай «мовай вуліцы». Як слушна зазначае даследчык В. Кастамараў, справа тут не толькі ў парушэнні літаратурна-моўнай нормы, а ў «непавазе да слова, у спробах змяніць “моўны знак”, а праз яго і нацыянальную традыцыйную ментальнасць» [8, с. 8].

Не ўсе вучоныя, аднак, катэгарычна адмоўна ацэньваюць сучасную моўную сітуацыю. Так, вядомы расійскі даследчык мовы і стылю сродкаў масавай інфармацыі Р. Салганік упэўнены, што «мы перажываем новы перыяд у развіцці літаратурнай мовы. І тое, што разглядаецца як шкода, на самой справе гэта новыя якасці літаратурнай мовы, абумоўленыя новымі грамадскімі ўмовамі і новай моўнай сітуацыяй» [12, с. 19]. Вучоны падкрэслівае, што «мова СМІ засвойвае, пераапрацоўвае, алітаратурвае сродкі розных функцыянальных сфер, змяняючы іх стылістычную якасць, надаючы ім адзіную ў рамках мовы СМІ ўсярэдненую афарбоўку» [12, с. 16]. На яго думку, аналагічнаму працэсу падвяргаюцца жаргоны і прастамоўе, шырока выкарыстоўваючы якія, мова СМІ нейтралізуе іх нелітаратурны статус, але падкрэслівае ацэначнасць, узмацняючы прагматычны патэнцыял слова, абагачаючы іх семантычную структуру. «Жарганізмы і прастамоўе таксама аказваюць у цэлым пазітыўны ўплыў на літаратурную мову, – сцвярджае даследчык. – Яны ўносяць у яе экспрэсію, ацэначнасць, разнявольваюць афіцыйнае маўленне, пазбаўляючы яе ад празмернай пафаснасці, урачыстасці, кніжнасці. Яны садзейнічаюць дэмакратызацыі літаратурнай мовы. Далёка не выпадкова, што многія жарганізмы ўвайшлі ў літаратурную мову (напрыклад, *тусовка, беспредел, отморозки*), а другія знаходзяцца на шляху ўваходжання ў яе (*наезд, крыша, крышевание, стрелки, кинуть*). У любым выпадку гэтая крыніца ўзбагачэння літаратурнай мовы застаецца адкрытай…» [12, с. 10].

Незалежна ад пункта гледжання, нам падаецца, кожны журналіст абавязаны ўлічваць той факт, што сучаснае грамадства ў сваіх уяўленнях пра маўленчы ідэал арыентуецца на мову медыя. Моднае, актуалізаванае ў дыскурсе СМІ слова лёгка пераймаецца носьбітамі мовы і набывае статус прэстыжнай адзінкі маўлення, якой пры выбары сродкаў выражэння аддаецца безумоўная перавага. Праз СМІ адпаведная лексіка і фразеалогія ўваходзяць у свядомасць шматмільённага адрасата, уплываючы на карціну свету, змяняючы лагасферу індывідуумаў, а тым самым, і маўленча-мысліцельную культуру ўсяго народа. У такой сітуацыі моўны «экстрэмізм» сродкаў масавай інфармацыі стымулюе рост маўленчай агрэсіі ў публічнай камунікацыі.

Феномен маўленчай агрэсіі ў публіцыстычным дыскурсе праяўляецца ў падкрэсленым сродкамі мовы выражэнні негатыўных эмацыянальна-ацэначных адносін, якія часам парушаюць уяўленне аб этычнай і эстэтычнай нормах, а таксама ў перанасычэнні тэксту вербалізаванай негатыўнай інфармацыяй, што выклікае ў адрасата негатыўнае ўражанне. «Моўныя сведчанні, малюючыя духоўна-культурны партрэт грамадства, паўтараюцца СМІ і тыражуюцца» [1, с. 59]. Агрэсіўнасць маўленчых паводзін журналіста можа, у сваю чаргу, сказіць карціну свету адрасата, негатыўна паўплываць на яго маўленчы густ, справакаваць агрэсію ў адказ.

У сучаснай навуцы існуе некалькі падыходаў да вывучэння агрэсіі. Адзін з іх – псіхалінгвістычны, які мае на ўвазе, што сутнасць маўленчай агрэсіі заключаецца ў пэўным пераўтварэнні знешніх працэсаў (розных рэакцый чалавека на негатыўныя эмацыянальныя раздражняльнікі) ва ўнутраныя працэсы, звязаныя з маўленча-мысліцельнай дзейнасцю, паколькі найважнейшай формай выражэння эмоцый у чалавека з'яўляецца маўленне. Пры гэтым вучоныя адзначаюць, што «вербальны і фізічны агрэсіўны акт маюць агульныя матывы, механізмы і структуру» [15].

Маўленчая агрэсія разглядаецца большасцю даследчыкаў як спецыфічная форма паводзін ці дзейнасці, асноўнай зброяй якой з'яўляецца мова: «Маўленчая (моўная, вербальная) агрэсія – форма маўленчых паводзін, накіраваных на знявагу ці наўмыснае нанясенне шкоды чалавеку, групе людзей, арганізацыі ці грамадству ў цэлым» [9, с. 562]. Згодна з класіфікацыяй выдзяляюцца наступныя яе віды: *актыўная прамая* (вербальная ганьба, знявага, прыніжэнне,

пагроза, дэструктыўныя пажаданні, заклікі да агрэсіўных дзеянняў, гвалту), *актыўная непрамая* (распаўсюджванне хлусні, плётак), *пасіўная прамая* (адмаўленне размаўляць з другім чалавекам, ігнараванне яго пытанняў), *пасіўная непрамая* (адмаўленне даць канкрэтныя вербальныя тлумачэнні, дэманстратыўнае маўчанне) [9, с. 562]. Адзначым, што маўленчая агрэсія як тып маўленчых паводзін можа здзяйсняцца ў межах любога дыскурсу.

Усе формы вербальнай агрэсіі ў дыскурсе СМІ рэалізуюцца лексічнымі, сінтаксічнымі, інтанацыйнымі і іншымі моўнымі сродкамі. На думку даследчыкаў, асноўныя з іх: інвектыўная і стылістычна зніжаная, ненарматыўная лексіка, аказіянальныя словы, агрэсіўная метафара і маўленчая дэмагогія, тэндэнцыйнае выкарыстанне негатыўнай інфармацыі, інтэртэкстуальнасць [11, с. 29].

Спынімся больш падрабязна на праявах маўленчай агрэсіі ў беларускім друку.

1. Перанасычэнне тэксту сродкамі выражэння негатыўнай ацэнкі.

Прафесар Т. Чарнышова лічыць, што «менавіта павышаная ацэначнасць газетных тэкстаў часта вядзе да разгортвання маўленчага канфлікту», аднак зазначае, што «ацэначнасць у тэкстах СМІ можа выконваць як канструктыўную, так і дэструктыўную функцыі» [14, с. 73]. Апошняя, па меркаванні вучонага, будуецца на перакрыжаванні наступных складнікаў: а) поўнай ці частковай адсутнасці аргументатыўнай базы і сістэмы фактаў, характарызуючых сацыяльна значную падзею; б) канцэнтрацыі ўвагі чытача на адмоўных рысах асобы ці дзейнасці суб’екта маўлення праз сістэму эмацыянальна-ацэначных вербальных і невербальных сродкаў, у асноўным інвектыўнай накіраванасці. «Характар тэкстаў, у якіх разгортваецца дэструктыўная ацэначнасць, не мае ніякіх адносін да сацыяльнай ацэначнасці – яна выяўляе псеўдасацыяльны характар» [14, с. 78]. Напрыклад, загаловак «*Мишель Обаму считают настоящим лидером и кроют матом*» (КП в Белоруссии. 2012. 11 янв.). Ацэначную функцыю ў СМІ часта выконвае размоўная і прастамоўная лексіка, якая апошнім часам актывізавалася ў публічнай камунікацыі: «*Впрочем, хоккейный праздник на глазах у людей, стремительно продвинувшихся от бедности к нищете, еще можно было стерпеть, если бы и многое другое не пошло в нашей стране по-дурному*» (НВ. 2012. 6 студз.). Перанасычэнне тэксту

сродкамі выражэння негатыўнай ацэнкі робіць апошнюю назойлівай, празмерна суб'ектыўнай і няпэўнай, таму што логіка аргументаў падмяняецца эмоцыямі аўтара, а неабходная палеміка – крытыкай асобы, а не яе пазіцыі і меркаванняў: «*Гэты вечны бег па крузе дзеля саміх сябе, які ніяк не змяняе грамадства, акрамя таго што дае маладым дэбілам са спецназу магчымасць патрэніравацца*» (НВ. 2012. 10 студз.).

Працэс зніжэння маўленчай культуры адлюстроўвае выкарыстанне ў СМІ інвектыўнай (зняважлівай) і абсцэннай (непрыстойнай) лексікі: «*Выполненные в красно-зеленой гамме, они будут символизировать левые ноги, раздающие подж…пники…*» (БГ. 2011. 26 дек.). «Выкарыстанне вульгарызмаў і інвектываў, хаця і не абавязкова з'яўляецца праявай маўленчай агрэсіі, тым не менш дэманструе нявыхаванасць, бестактоўнасць, нізкі ўзровень маўленча-мысліцельнай культуры адрасанта» [15]. Як адзначае даследчыца рытарычнага ідэалу ў журналістыцы М. П. Карповіч, «сродкі масавай інфармацыі павінны стаць школай моўнага выхавання беларусаў, узорам беларускай і рускай моўнай культуры» [6, с. 99]. Журналіст не павінен у сваіх маўленчых паводзінах ісці ўслед за носьбітам нізкай маўленчай культуры, бо публічнае выкарыстанне ненарматыўнай лексікі непазбежна выклікае разбурэнне грамадскай маральнасці.

2. Агрэсіўная метафара, параўнанні і асацыяцыі.

Маўленчая агрэсія ўяўляе сабой канфліктныя маўленчыя паводзіны, у аснове якіх ляжыць устаноўка на негатыўны ўплыў на адрасата праз наўмыснае выкарыстанне агрэсіўных метафар, параўнанняў і асацыяцый. «*Всё это время на окраине площадки дежурил молодой парнишка с осликом на поводке. Ослик был накрыт яркой попонкой и стоял понурившись. Внезапно он попытался издать протяжный звук "Иа-а!", но его опекун, поняв, что сейчас произойдет непоправимое, засунул ослику руку в пасть. Тот поперхнулся и издал какое-то жалобное то ли мычание, то ли рычание. То же самое парнишка проделывал всякий раз, когда ослику хотелось высказаться. Если бы на ярмарке присутствовал какой-нибудь асоциальный элемент, посасывающий американские гранты, он бы непременно съехидничал: дескать, погляди-ка, народ, до чего ты похож на этого ослика, стой себе под цветной попонкой, делай своё дело и помалкивай, а не то засунут локоть в пасть по самые гланды.*

Но деструктив в этот светлый день на площадку так и не пробрался – праздник прошел смирно» (БГ. 2012. 9 янв.). Непавага да асобы выяўляецца ў адборы пэўных сродкаў. Да прыкладу, аб адмаўленні шасцікратнага чэмпіёна свету па плаванні ад удзелу ў Алімпійскіх гульнях газета дала інфармацыю пад загалоўкам: «*Чемпион повесил плавки на гвоздь»* (НВ. 2011. 27 снежня). Актыўная прамая агрэсія выяўляецца ў вербальнай ганьбе, знявазе, прыніжэнні праз словы-характарыстыкі, параўнанні: *«Куратор министра в Администрации президента тоже считает себя не выродком, а образованным человеком… Все по отдельности они вроде приличные люди. Внешне они, несомненно, Люди. Не зомби, не урки, не маньяки, не обкуренные, не обколотые, не в маразме*» (артыкул «Кто окажется лысым?». НВ. 2011. 23 снежня). Дэфармацыя маўлення, сведчаць вучоныя, параджае дэфармацыю мыслення [5]. За прымітыўнай маўленчай культурай стаіць адпаведная мысліцельная культура – абмежаванасць думкі, сістэмы вобразаў, асацыятыўнасці – словам, лянота думкі, тая якасць, якая гвалтоўна разбурае лагасферу нацыянальнай культуры ва ўсёй яе змястоўнасці.

3. Іронія, сцёб.

Іронія ў мове СМІ з’яўляецца адным з дзейсных спосабаў выражэння аўтарскіх адносін да прадмета маўлення і аўтарскай ацэнкі і дазваляе гэта зрабіць неназойліва. Майстрам іроніі можна назваць Паўла Якубовіча. Аднак пад пяром некаторых журналістаў іронія ператвараецца ў сродак маўленчай агрэсіі, спосаб пакпіць з каго-небудзь, паздзекавацца. *«Новогодний аттракцион с обнаженкой, который в прошлом году устроила в Интернете балерина, выложив свои откровенные фото, в этом году рискует остаться без продолжения. Начиная с 1 января Настя публикует один за другим свежие снимки. Но что мы видим? На фото она либо в платье, либо в купальнике! Безусловно, и эти ракурсы вполне будоражат воображение. Но в сравнении с тем, что было в прошлом году… Вдохновения нет?»* (КП в Белоруссии. 2012. 11 янв.).

4. Негатыўная танальнасць публікацый.

Як адзначаюць даследчыкі, не толькі лексіка, але і танальнасць публікацый, «манера зносін некаторых СМІ са сваім адрасатам здольны нанесці шкоду этычным якасцям маўлення» [1, с. 59]. Негатыўная танальнасць матэрыялаў, параджэнне адмоўных адносін да з’яў рэчаіснасці правакуюць з’яўленне ў масавага адрасата

дэпрэсіўнага настрою, песімістычнага светаадчування. Для прыкладу прывядзём загалоўкі толькі аднаго нумара газеты «Белорусы и рынок» (2012. 9 янв.): *«Можем оказаться на обочине», «Участь обреченного», «Курсом свинозамещения», «Власть иногда валяется под ногами», «“Банкет” закончился», «Реформа на выживание», «Время подсчитывать убытки», «Неприятный сюрприз», «Существенно растет всё, кроме зарплат», «Продажа акций персоналу исключается», «Репутация подвела», «Год упущенных возможностей», «Работать будет еще труднее», «Пристегните ремни», «“Белтрансгаз” теперь уже не наш», «Вынужденно, но без гарантий»* і інш. Трэба адзначыць, што нарастанне негатыва назіраецца ў асноўным у недзяржаўным друку: *«Правакацыя», «Самая бедная – Брэстчына», «Крадзяжы ў крамах накрылі Беларусь», «Намахляваў на мільярд», «Брат супраць брата», «Жыццё ў пясок»* (НВ. 2011. 27 снежня); *«Диалог “слили”», «Как низко мы пали: рейтинги белорусских банков могут стать ещё ниже», «Беларусь – не конкурентка: страну загнали на запасные пути»* (БГ. 2011. 12 сент.); *«На дыялог запрашаюць “казлоў”, а не “пятую калону”», «У Мсціславе расіяне пабіліся з беларусамі ў чарзе па прадукты»* (НН. 2011. 7 вер.); *«Пятля на шыі», «В больницах не хватает расходного материала и донорской крови», «Беларусь нуждается в женской революции», «Беларусь не попала в рейтинг конкурентоспособности экономик», «Адчай», «Забыли о совести»* (НВ. 2011. 13 вер.) і інш. Варта заўважыць, што сама па сабе негатыўная інфармацыя – паўнавартасны і нават неабходны зместавы складнік СМІ, аднак яе гіпербалізацыя, смакаванне дрэннага, змрочны песімізм, стварэнне панурага настрою як мэта – усё гэта павышае агрэсіўнасць медыятэксту.

5. «Спекуляванне» нацыянальнымі каштоўнасцямі.

Як ужо адзначалася, маўленчая агрэсія часта праяўляецца ў падкрэсленым сродкамі мовы выражэнні негатыўных эмацыянальна-ацэначных адносін, часам парушаючым уяўленне аб эстэтычнай і этычнай нормах. Асабліва прыкра, што ў цэнтр агрэсіі трапляюць дамінантныя паняцці беларускай лагасферы – народ, родная зямля, Беларусь і інш. Напрыклад: *«…Мингорисполком опять не обманул. Страна, услыхав про такое дело, воспряла ото сна и, едва успев перевести дух, снова двинулась набивать желудок про запас…»* (БГ. 2012. 9 янв.). Ці прыклад з артыкула «Впали в дисконт: “Горошек! Масло! Шпроты!”»: *«В будний день в универмаг “Беларусь”, презрев*

8-часовой рабочий день своих фабрик, заводов, парикмахерских, банковских учреждений, торговых точек, больниц и школ, со всех сторон света стекались белорусы, охваченные предпраздничным чесом и зудом. Рождественские скидки здесь, как в крупнейших шопинг-моллах Европы, попадались куда ни плюнь и поражали воображение» (БГ. 2011. 26 дек.). На думку Н. Бесарабавай, падобныя прыклады — сведчанне таго, як у СМІ «…спрацавала разуменне свабоды слова без адказнасці за слова і (зараз модны) камерцыйны падыход да несувымерных паняццяў» [1, с. 59]. Да прыкладу загалоўкі: *«Как продать белорусский народ», «Глубинка for sale», «Продать за еду», «Купите белартиста», «Как продать белорусскую красоту»* (БГ. 2011. 26 дек.).

6. Распаўсюджванне хлусні, плётак.

Мы адзначалі, што да праяў вербальнай агрэсіі можна аднесці перагружанасць тэксту негатыўнай інфармацыяй, мэта якой – паўплываць на ўяўленне адрасата. Аднак, на нашу думку, распаўсюджванне суб'ектыўнага меркавання, ацэнкі падзей, не пацверджаных фактамі (інакш, чутак, плётак, хлусні), можа прынесці большую шкоду, чым адмоўныя факты. Так, у матэрыяле «Дуже гарно» чытаем: *«В Минск приезжал Олег Скрипка. 14 декабря он с "Воплями Видоплясова" дал концерт во Дворце республики. Несмотря на то, что Скрипка скакал по бархатным креслам, пытаясь растормошить публику, белорусы печально сидели на местах»* (БГ. 2011. 26 дек.). У чытачоў, якія не былі на канцэрце, няма падстаў не верыць напісанаму. Аднак мне давялося быць на гэтым канцэрце і стаць сведкам бліскучага выступлення артыстаў. Тры гадзіны зала стаяла. Сядзець было немагчыма. Людзі выходзілі ў праходы і пускаліся ў скокі, іншыя стаялі прытанцоўваючы каля сваіх крэслаў, спявалі. Публіка пасля канцэрта яшчэ гадзіну трымала артыстаў. Настрой быў цудоўны. Слухачы доўга не жадалі выходзіць з залы, пляскалі ў далоні, патрабуючы песень. Можна толькі меркаваць, якую мэту ставіў перад сабой журналіст. Магчыма, пазітыўная інфармацыя дысгарманіравала б з агульнай негатыўнай скіраванасцю матэрыялаў газеты, з агульнай палітыкай падобнагу кшталту СМІ – паказаць няшчасных беларусаў, якіх нішто ўжо не радуе ў гэтым самотным жыцці.

Акрамя пералічаных маўленчая агрэсія мае іншыя формы праяўлення: наклейванне ярлыкоў, абыгрыванне імя аб'екта агрэсіі, нагнятанне негатыўных асацыяцый, акцэнтаванне непрыемных ці крыўдных для аб'екта дэталяў, прамая знявага, дысфемінізацыя

маўлення і інш. Напрыклад, у артыкуле «Ой, и врет Калина…»: *«В последнее время бывшая “говорилка-развлекалка” (Калина Вардомская) считала себя серьезной теледивой…»* (НВ. 2011. 27 снежня). Зразумела, што не кожнае выражэнне адмоўнай ацэнкі на адрас асобы варта адносіць да агрэсіі. Папрок, асуджэнне, крытычны аналіз, крытычная заўвага самі па сабе з'яўляюцца нармальнай з'явай у публіцыстыцы, калі яны абгрунтаваны і выражаюцца адэкватнымі (!) сітуацыі сродкамі.

Складае праблему сучаснага медыядыскурсу і маўленчая агрэсіўнасць загалоўкаў, у якіх выкарыстоўваецца прэцэдэнтнае імя ці выказванне: *«Прапагандыст Гігін узнагароджаны медалём Францыска Скарыны. Вось так сустрэліся Францішак Лукашоў сын Скарына з Вадзімам Францавым сынам Гігіным»* (НН. 2012. 6 студз.).

Загалоўкі ў загаднай ці клічнай інтанацыі з неабгрунтаванымі патрабаваннямі, прэтэнзіямі і агрэсіўнымі заклікамі таксама з'яўляюцца прыкладамі вербалізаванай у публіцыстычным дыскурсе агрэсіі: *«І надакучылі ж гэтыя падвойныя стандарты!», «Это ж несправедливо!», «Выпусціце іх на волю…»* (НВ. 2012. 10 студз.), *«Ударым па жабрацтве брэндам, які завецца сэканд хэндам…»* (НВ. 2011. 23 вер.), *«За актыўны байкот»* (НВ. 2011. 23 снежн.), *«Трымайце кішэню шырэй!»* (НВ. 2011. 27 снежня) і інш.

Як паказвае аналіз, менавіта апазіцыйны друк скіраваны на свядомае выкарыстанне сродкаў маўленчай агрэсіі з мэтай забяспечыць магчымасць уплыву на масавага адрасата, наўмысна параджаючы тым самым камунікатыўны дысбаланс. У даследаванні маўленчай агрэсіі (у межах Інавацыйнай адукацыйнай Праграмы Нацыянальнага праекта «Адукацыя» (Расія)) адзначаецца, што для дасягнення камунікатыўнага дысбалансу як выніку агрэсіўных маўленчых паводзін у публічным дыскурсе ёсць два шляхі: па-першае, прадэкламаваць у маўленні камунікатыўную негрунтоўнасць маўленчага партнёра прамой ці ўскоснай дыскрэдытацыяй яго выказванняў; па-другое, прадэманстраваць негрунтоўнасць апанента, парушаючы дыялагічныя канвенцыі [2]. І першы і другі спосаб частотна прадстаўлены ў апазіцыйным друку.

Маўленчая агрэсія перашкаджае рэалізацыі асноўных задач эфектыўнай камунікацыі: «ускладняе паўнавартасны абмен інфармацыяй, тармозіць ўспрыманне і разуменнне суразмоўцамі адзін аднаго, робіць немагчымым выпрацоўку агульнай стратэгіі ўзаема-

дзеяння» [15]. Даследчыца А. Марозава ў дакладзе на Міжнароднай інтэрнэт-канферэнцыі «Аргументатыўная рыторыка ў практыцы палітычных, дзелавых і адміністрацыйна-прававых зносін» завярае, што «ў сучаснага грамадства ёсць спосабы змякчэння маўленчай агрэсіі на ўсіх узроўнях эмацыйнага стану. Асноўная ўмова здзяйснення стратэгій змякчэння – гэта псіхалагічная скіраванасць на дыялог і разуменне суразмоўцы» [10].

Стрымліваючы праявы маўленчай агрэсіі, сродкі масавай інфармацыі могуць паспрыяць гуманізацыі нацыянальнай лагасферы. Некаторым з іх варта б было нагадаць, што «толькі этычная журналістыка з яе агульначалавечымі маральнымі нормамі можа быць сапраўды праўдзівай і свабоднай» [4, с. 3].

Літаратура

1. Бессарабова, Н. Д. Лингвоэтика, или Еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы / Н. Д. Бессарабова // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 54–63.

2. Глебов, В. В. Особенности речевой агрессии / В. В. Глебов, О. М. Родионова // http://www.rost-prof.ru.

3. Засурский, Я. Колонка редактора / Я. Засурский // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. – 2006. – № 6.

4. Засурский, Я. От редактора / Я. Засурский // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. – 2002. – № 4. – С. 3.

5. Іўчанкаў, В. І. Медыярыторыка / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009.

6. Карповіч, М. П. Рытарычны ідэал у журналістыцы / М. П. Карповіч. – Мінск, 2004.

7. Коряковцева, Е. И. Языковой образ российской провинции в столичной прессе / Е. И. Коряковцева // Жизнь провинции как феномен духовности. – Н. Новгород, 2005.

8. Костомаров, В. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Костомаров. – СПб., 1999.

9. Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003.

10. Морозова, Е. В. Речевая агрессия и стартегии её смягчения / Е. В. Морозова // http://iconf.vgi.volsu.ru.

11. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта : Наука, 2011.

12. Солганик, Г. Я. Современная языковая ситуацыя – язык СМИ –

литературный язык / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 8–21.

13. Цікоцкі М. Дэмакратыя і свабода слова / М. Цікоцкі // Журналістыка: вопыт, праблемы, перспектывы. – Мінск, 1994.

14. Чернышова, Т. В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности (на материале текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства) / Т. В. Чернышова // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 68–85.

15. Щербинина, Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина // http://fictionbook.ru.

Лариса Селезнева

Российский государственный социальный университет (РГСУ),
Международный университет в Москве (МУМ) (Россия, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В PR-ДИСКУРСЕ

В настоящее время понятие «дискурс» используется в разных науках. Важным инструментом дискурса вообще и PR-дискурса, в частности, выступает текст. Взаимосвязь и взаимозависимость текста и дискурса – сложная проблема, которая не решается однозначно. Текст воспринимается как фрагмент дискурса, как его элементарная единица или одна из сфер существования дискурса (В. А. Звегинцев, В. В. Богданов), или как определенный результат функционирования дискурса (Р. Барт, Е. С. Кубрякова, П. Сгалл), как «свернутый» дискурс (В. А. Андреева), а дискурс, в свою очередь, как процесс текстопостроения и рецепции текста (В. А. Миловидов, В. Е. Чернявская).

В настоящее время происходит перевод интереса с текста как объекта исследования на механизмы, порождающие текст, и рецепции текста. В. В. Миловидов отмечает, что в современной филологии на смену семиотики текста приходит семиотика дискурса, которая «призвана изучать, с одной стороны, не только работу лингвистических механизмов текста и не только, с другой стороны, движение и структурирование смыслов в сознании исследователя (и, в значительной степени, гипотезируемое, в сознании автора), но, главным образом, 1) смысловые предпосылки и 2) смысловые последствия работы 3) лингвистических механизмов текста, причем в синтезе и динами-

ке всех трех составляющих дискурса как *процесса* текстопостроения и рецепции текста» [8, с. 6].

Рассматривая письменный текст в рамках дискурса, можно выделить две фазы его существования: 1) создание текста, что предполагает деятельность автора в области текстопорождения; 2) восприятие текста, т. е. деятельность реципиента, которая сопровождается различными ментальными актами. Вторая фаза достаточно подробно описана и в психолингвистике, и в области преподавания языка. Проблема текстообразования остается слабо разработанной, хотя появляются исследования в рамках теории текста, которые анализируют текстовые произведения конкретных жанров. Однако, как отмечает Т. В. Радзиевская, насущной задачей остается описание механизма текстопостроения в связи с таксономической принадлежностью текста [10, с. 79–108]. Ученая предпринимает попытку анализа данного механизма при создании текстов (научно-популярного, эпистолярного текста и дневниковых записей), основой которых является одна из целей: 1) создание текстовой «конструкции» – научный текст; 2) перевод жанра устной коммуникации в письменную – эпистолярный жанр; 3) отражение внутреннего состояния – ведение дневника.

В процессе текстообразования выделяют субъективные и объективные факторы создания текста. К субъективным факторам относятся личностные (интеллектуальные, моральные, психические) качества пишущего, его коммуникативная компетентность, жизненные обстоятельства автора и т. п. Безусловно, эти факторы формируют текст наравне с объективными. К объективным факторам относят: цель (функции, интенции) текста, адресат, статус субъекта коммуникации, объект (содержательный компонент), субъектно-адресатные отношения. Н. Н. Леонтьева отмечает, что «концептуальные структуры текста желательно создавать на основе хороших лингвистических представлений текста. Это означает учет всех свойств текста – от графематических особенностей до свойств связности текста (это знает лингвист) – и привлечение описаний объектов предметной области (ПО) в виде тезаурусов или других способов задания специальных знаний (этим владеет специалист в данной ПО). Кроме того, концептуальные структуры необходимо соотносить с возможными запросами пользователя (это сфера информатики) и с языком адресата информации. Важно также знание того, каковы внутренние установки и цели автора текста (а это прагматика как сравнительно новая область теоретической лингвистики)» [7, с. 90].

Данная онтология научного исследования определяет и наш подход к PR-дискурсу как процессу текстопорождения: мы ориентируемся только на объективные факторы создания текста и не принимаем во внимание субъективные, т. к. это не входит в нашу компетенцию. В качестве базисного PR-субъекта выступают политические, государственные, общественные деятели, первые и должностные лица, общности, объединенные по социально-демографическим, конфессиональным, этническим и т. п. признакам, социальные организации, социальные институты и т. п. [12]. Соответственно PR-тексты имеют политическую, социальную, экономическую (коммерческую) направленность, что и создает разнообразие их содержания, которое представлено как «содержание текстов рекламы, массовой информации и информатики, а также печатных и рукописных текстов и устных публичных речевых действий всех видов ради продвижения изобретенной идеи» [12, с. 380]. При этом для процесса текстообразования в PR-дискурсе первостепенное значение отводится информационному поводу и интенции автора текста.

Под информационным поводом подразумевают событие или явление, которое может заинтересовать читателя, зрителя или слушателя того или иного средства массовой информации. Само событие является составляющей дискурса, оно получает словесную интерпретацию и реализуется в теме текста. Так, в качестве информационного повода для создания пресс-релиза часто выбирают новость.

Пресс-релиз
Для дополнительных контактов:
Зверева Татьяна
Начальник отдела по связям со СМИ
тел.: (495) 980 1970
e-mail: pr@megafon.ru
Дата распространения:
01.06. 2009

МегаФон стал Абсолютным брендом

1 июня 2009 года, Москва, Россия. МегаФон, первый общероссийский оператор сотовой связи, получил гран-при на конкурсе «Абсолютный Бренд — 2009».

«Бренд – это душа компании. С момента создания нашего бренда мы стремились сделать его понятным, близким людям. Для нас большая честь получить звание “Абсолютного бренда — 2009” по

итогам голосования независимого жюри. Это заслуга всей команды “МегаФон”, людей, которые не просто работают – живут в стиле МегаФон», – отметила Лариса Ткачук, заместитель генерального директора ОАО «МегаФон» по коммерческим вопросам.

«Абсолютный бренд» – некоммерческий проект. Награда и почетное звание присуждаются десяти лучшим компаниям за выдающиеся успехи и мастерство в области создания и продвижения брендов.

Конкурс отличается от остальных тем, что победителей определяют представители ведущих деловых изданий страны, в числе которых «Ведомости», «Коммерсант», Harward Business Review, «Секрет Фирмы», E-xecutive, The Moscow Times и другие. Модераторами конкурса являются крупнейшие брендинговые агентства. Все это делает конкурс «Абсолютный бренд» максимально объективным [http://press.megafon.ru].

Информационным поводом данного пресс-релиза стало получение МегаФоном гран-при на конкурсе «Абсолютный Бренд-2009», о котором и рассказывается в тексте, что и является его основной задачей. Однако существует и сверхзадача у PR-текста, которая связана с интенциями автора. Интенция субъекта, создающего PR-текст, заключается в формировании и увеличении паблицитного капитала [4]. Данный капитал представляет собой репутацию, позитивное общественное мнение, доверие, имидж и управление им («продажа» имиджа, формирование паблисити).

Помимо этого, целью PR-текста может быть разрешение кризисных ситуаций, сложившихся в дискурсе. Так, например, в статье студенток Удмуртского государственного университета, рассказывающей о курсе по PR А. Н. Чумикова, рассматривается следующая кризисная ситуация: один из домов, построенных компанией «Дом», рухнул, при этом два человека погибли и пятеро были ранены [9, с. 41–43]. В данном случае текстообразующая роль дискурса реализуется в нескольких PR-текстах. Прежде всего, создается информационное сообщение для публикации в СМИ, основной целью которого является предотвращение слухов. В нем описывается сложившаяся ситуация, дается объективная информация, известная на данный момент: «Сегодня в 7 часов утра на ул. Молодежной рухнуло 2-этажное здание, владельцами которого являлись две частные фирмы – “Шанс” и “Эдельвейс”» [9, с. 41]. Второй текст – официальное

заявление руководителя компании «Дом» для прессы, в котором говорится о результатах экспертизы и действиях компании по оказанию помощи пострадавшим: «От имени компании с полной ответственностью заявляю, что здание было построено в соответствии со всеми государственными стандартами» [9, с. 42]. Далее составляются тексты о ходе восстановительных работ, о состоянии пострадавших, репортажи с места событий, оценки независимых экспертов, отзывы клиентов. При жанровом разнообразии текстов все они направлены на преодоление кризисной ситуации и восстановление паблицитного капитала.

Но не всегда информационный повод способствует увеличению паблицитного капитала, т. к. в его основе может лежать негативная для субъекта или недостаточная для адресата информация. В этом случае можно говорить о внутреннем конфликте текстообразования в рамках PR-дискурса. Так, например, информационным поводом данного PR-текста, размещенного на сайте спортивной команды «Красная Армия», стал матч.

«Красная Армия» во второй раз уступила «Шерифу»

Во второй раз команде красноармейцев не удалось переиграть хозяев Балашихи – 5:4. Негостеприимные хозяева и в этот раз не уступили победу гостям. Удачное начало стартовой двадцатиминутки принесло красноармейцам первый гол, автором которого стал Игорь Ожиганов. Завладев инициативой, на протяжении всего начального периода гости держали ситуацию под контролем, лишь на последних минутах ослабили оборонительные рубежи и позволили хозяевам сравнять счёт – 1:1. Вся дальнейшая игра прошла в упорной борьбе и поочередно забиваемых голах обеими командами, которые буквально дышали друг другу в затылок – 4:4. В очередной раз армейцев подвело удаление. За несколько секунд до окончания игры, воспользовавшись преимуществом, «Шерифу» удалось реализовать большинство и забросить в ворота гостей победный гол, который и решил исход встречи – 5:4 [http://redarmy.cska-hockey.ru].

Составленный пресс-службой ХК «Красная Армия» пресс-релиз выполняет информационную функцию и сообщает о проигрыше команды. Данная информация, безусловно, противоречит основной цели PR-текста – увеличению паблицитного капитала, что и создает внутренний конфликт процесса текстообразования. При этом PR-текст стремится разрешить этот конфликт: в тексте используется

тактика внушения через изменение причины события – в поражении виновата не команда, а удаление: *В очередной раз армейцев подвело удаление.*

К объективным факторам текстообразования относится аудитория, для которой предназначен PR-текст. С одной стороны, он близок журналистским текстам, что позволило обозначить его как вид публичной коммуникации [5; 11]. Безусловно, как и журналистский текст, PR-текст выполняет информативную и воздействующую функции, он является одним из инструментов публичных коммуникаций. Но если журналистский текст направлен на формирование общественного мнения, то PR-текст – «на формирование оптимальной коммуникативной среды базисного объекта PR» [11, с. 81]. С другой стороны, в отличие от журналистского текста PR-текст не рассчитан на массового читателя, скорее можно говорить об определенной части аудитории (В. В. Тулупов) или, используя классификацию В. В. Богданова, о коллективном читателе: «Коллективный адресат количественно более ограничен и определен. Примером текста, адресованного коллективу, может быть циркуляр, рассылаемый определенному контингенту лиц или организаций, текст обращения государственного деятеля к участникам конференции или съезда» [1, с. 8].

Для работы с информацией в PR-дискурсе используются разного рода стратегии. С функциональной точки зрения коммуникативные стратегии распределяются на основные и вспомогательные. К основным стратегиям относят те, которые являются наиболее значимыми для реализации мотивов и целей в данном дискурсе. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации речевого взаимодействия. В качестве основных стратегий в PR-дискурсе можно выделить общие базовые стратегии:

1) позиционирующая стратегия, направленная на формирование у адресата определенной позиции и планируемого восприятия объекта продвижения;

2) оптимизирующая стратегия, нацеленная на повышение эффективности воздействия сообщения в неблагоприятных условиях коммуникации;

3) стратегия позитивной самопрезентации, направленная на построение положительного имиджа объекта;

4) корректирующая стратегия, используемая для согласования воздействующего потенциала сообщения с ограничениями, связан-

ными с правовыми и этическими нормами, выделенным им бюджетом и т. п.

Вспомогательные, или речевые, стратегии ограничивают возможности использования разноуровневых средств:

1) прагматические, которые направлены на эффективное достижение прагматических целей;

2) семантические, которые «нацелены на оптимальное обновление эпизодических моделей, включая формирование семантической макроструктуры дискурса» [2, с. 278]. Они реализуются при помощи примеров, пояснений, обобщений, краткого изложения, объявления о чем-либо;

3) риторические, которые связаны с убеждением и включают повтор, преуменьшение, преувеличение, метафору.

Например, используя стратегию позиционирования, можно представить общественности то или иное событие, персону и т. п. В соответствии с данной стратегией интерпретируют цели и назначения объекта с учетом интересов потребителей. Так, пресс-релиз, включающий актуальную оперативную информацию о событии, строится с помощью данной стратегии.

Например, пресс-релиз рекламно-коммуникационного агентства «EVRA»:

Петербургский Фестиваль Молодежной Моды «FestMode», осень – зима 2008

6 ноября 2008 года в ресторанном зале гостиницы «Москва» пройдет фестиваль молодежной моды «FestMode». Этот праздник модной одежды prêt-a-porter не имеет аналогов в Санкт-Петербурге, поскольку презентует аудитории одежду, обувь и аксессуары из коллекций доступных и известных фирм и брендов.

Ежегодно в Санкт-Петербурге открываются сотни фирменных магазинов и мультибрендовых бутиков. Молодым людям становится очень сложно следить за последними модными тенденциями. Петербургский Фестиваль Молодежной Моды «FestMode» призван указать молодым людям верный путь к моде. Показать стильную одежду самых популярных магазинов Северной Столицы.

В данном отрывке учитываются ожидания молодежной аудитории, связанные с модными тенденциями, поэтому используются разные наименования данного события: *фестиваль – праздник модной одежды*; выдвигаются на первый план положительные аспекты: *пре-*

зентует аудитории – указывает верный путь – показывает стильную одежду; дается оценка событию: *не имеет аналогов*.

Стратегия позитивной самопрезентации наиболее ярко реализуется в таких жанрах, как имиджевая статья, имиджевое интервью, заявление для прессы, в которых данная тактика реализуется в целом тексте.

Коммуникативные стратегии представляют собой разные способы обработки информации. Исходя из этого, ван Дейк разделяет стратегии на контекстуальные и текстовые. Первый тип стратегий заключается в том, что «пользователи языка устанавливают… репертуары тем для каждой коммуникативной ситуации» [2, с. 53]. Ван Дейк выделяет пять типов контекстуальных стратегий: 1) зависимость от общего контекста; 2) зависимость от текущей ситуации; 3) зависимость от коммуникативного взаимодействия; 4) тип дискурса; 5) свобода референции. Первые четыре стратегии определяют события и объекты в зависимости от культурного уровня говорящего, содержания и типа дискурса, пятая – предназначена для конкретизации тем.

При этом именно текстовые стратегии определяют, какие средства семантического и грамматического уровней языка можно использовать для достижения той или иной цели. Так, ученый выделяет синтаксические, семантические, схематические стратегии, т. е. традиционное начало или завершение текста.

В соответствии с другой классификацией можно выделить в PR-тексте проявление таких стратегий: 1) прагматические, или коммуникативно-ситуационные, которые нацелены на построение имиджа, формирование необходимого эмоционального настроя, регулирование социально-ролевых отношений между участниками коммуникации; 2) диалоговые, или конверсационные, которые предназначены для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения; 3) риторические, которые направлены на привлечение и удержание внимания, драматизацию общения и т. д. [3, с. 70]. Обе классификации дополняют друг друга, использование данных тактик в PR-текстах способствует оптимальному воздействию на адресата.

Таким образом, текстообразование в PR-дискурсе представляет собой сложный процесс, в котором дискурс выполняет особую роль, определяя информационный повод, цели, аудиторию и стратегии, применяемые в тексте. Как отмечает А. Д. Кривоносов, под *PR-тек-*

стом понимается «содержащий PR-информацию текст, инициированный базисным субъектом PR, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций, служащий целям формирования, приращения или поддержания паблицитного капитала данного базисного PR-субъекта, адресованный определенному сегменту общественности, обладающий скрытым (или значительно реже прямым) авторством, распространяемый путем прямой рассылки, посредством личной доставки или опосредованный через СМИ» [5, с. 19–20].

Литература

1. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1993. – 68 с.

2. Дейк ван, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / сост. : В. В. Петрова, В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.

3. Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты : коллективная монография / отв. ред. Е. Н. Азначеева. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2008. – 154 с.

4. Кривоносов, А. Д. Жанры PR-текста / А. Д. Кривоносов. – СПб. : Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2001. – 135 с.

5. Кривоносов, А. Д. PR-текст как инструмент публичных коммуникаций: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2002. – 36 с.

6. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; редкол. : С. А. Ромашко (отв. ред.) [и др.]. – М., 2000. – С. 7–25.

7. Леонтьева, Н. Н. Общесемантический компонент в системе понимания текста / Н. Н. Леонтьева // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001 : сб. ст. / отв. ред. А. И. Новиков. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 89–106.

8. Миловидов, В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса : пособие по спецкурсу / В. В. Миловидов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2000. – 98 с.

9. Тольмянина, Ю. Чему нас научил «курс Чумикова» / Ю. Тольмянина, А. Лыкова // Советник. – 1999. – № 1. – С. 41–43.

10. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1992. – 281 с.

11. Чернышова, Т. В. PR-текст как вид публичной коммуникации (на материале пресс-релизов) / Т. В. Чернышова, Н. Н. Дяденко // Человек – коммуникация – текст : сб. ст. / отв. ред. В. В. Копочева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С. 78–85.
12. Шишкина, М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления / М. А. Шишкина. – СПб. : Паллада-Медиа, 2002. – 442 с.

Василий Сенкевич
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach (Польша)

ИДЕЯ ЭХА И РЕПРОДУКТИВНАЯ РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Звук – это эхо смысла.
Эдгар По

Журналистика – деятельность. Существенным моментом журналистской деятельности является реагирование – способность отзываться на происходящие события, на неизвестные ранее факты, явления. Результаты подобного реагирования воплощаются в публицистических текстах – статьях, заметках, репортажах и т. п. В связи с этим правомерны вопросы, касающиеся продуктов журналистской деятельности – текстов. Реальные события и факты отражаются в тексте или находят в нем отголосок? Рефлексивный или реактивный момент доминирует в тексте? Идея зеркала (отражения) или эха (отголоска) находит воплощение в продуктивно-репродуктивной речевой деятельности и её результатах?

Тезис о том, что действительность отражается в языке, является лингвистическим постулатом. Однако нередко забывается, что кроме отраженной в языке действительности существует реальный мир, а воплощенная в звуковом облике речь сама является непосредственно воспринимаемой реальностью. Человек не только зеркало Вселенной, но и ее эхо[1]. Идея эха-отголоска открывает широкие перспективы для исследования всякой продуктивно-репродуктивной речевой деятельности, а также ее результатов – текстов и текстопорождающих единиц.

---

[1] Эхо – в греческой мифологии нимфа. По одному из мифов, потеряла способность говорить и могла лишь повторять окончания чужих слов в наказание за болтливость; по другому – от безответной любви к Нарциссу так иссохла, что стала невидимой и сохранила лишь голос.

Неслучаен тот факт, что слово *эхо* является составляющим элементом некоторых литературоведческих и публицистических терминов. Среди них – *эхо-рифма*, *эхо-фраза*, *эхо-заголовок*.

Эхо-рифма – рифмующиеся в стихах парные слова, из которых второе, обычно односложное или двусложное, полностью повторяет последний или два последних слога первого: *Бахают бомбы у бухты. ... Ух, ты! Крепок удар днепростроевской вахты. ... Ахх, ты! Запад, услышь! Неужели оглох ты? ... Охх, ты! Эхо звенит переливами флейты... ... Эй, ты! Ну-ка, держись, мировые Детройты! ... Ой, ты!* (А. Безыменский).

По сути в любом рифмованном, ритмично организованном тексте, во всякой рифме находит воплощение идея эха. Благодаря рифме слова «перекликаются» друг с другом.

Эхо-фраза (англ. *tag, tag line*) – короткое сообщение, выражение, стоящее в конце текстового рекламного обращения, которое повторяет (дословно или по смыслу) заголовок либо основной мотив обращения (http://www.artwebmedia.ru/glossary/definit/tag). Например, в рекламе FIATа:

FIAT. Чувство широты, чувство щедрости. Что замечательно в Fiat Croma, так это то, что существует много способов, как на него смотреть. Если вы возьмете за точку отсчета ширину, то вы откроете просторный салон, предлагающий вам целый ряд усовершенствований – начиная с отопительной системы с автоматическим интегральным контролем и доходя до направления, помогающего регулируемым рулем в отношении высоты, плюс зеркала заднего вида с автоматической разморозкой, а также автоматические передние и задние стекла. Помимо этого вы можете оценить Fiat Croma в отношении щедрости и порадоваться тому факту, что у машины двигатель емкостью 2 литра, также как турбодизель. Широта или щедрость – Fiat Croma соединяет в себе все значения. Minitel 3615. Fiat Credit France финансирует ваш Fiat.

Автомобиль со многими значениями.

Эхо-заголовки – названия печатной и кинематографической продукции, воплощающие лейтмотив всего произведения. Так, эхо-заголовком является название художественного фильма режиссера Дмитрия Астрахана, снятого в 1995 году, «*Всё будет хорошо!*». На протяжении фильма герои часто говорят: *«Всё будет хорошо!»*. Ключевая эхо-фраза вселяет надежду, дарит уверенность в завтрашнем дне.

Широкое применение находят эхо-заголовки в газетных текстах: *Молодость для руководителя не порок (БВ); Здесь будет город-сад (БВ); Служить бы рад…(НС); Им года не беда (НС); Маски, мы вас знаем (ВБ); Окно в Европу* (ВБ) и т. п.

Эхо-заголовки могут классифицироваться в зависимости от своей деривационной базы. Такой базой могут быть имена собственные, устойчивые выражения, афоризмы. Так, российский президент однажды произнес: *«Мухи отдельно, а котлеты – отдельно»*. Эта фраза стала репродуцироваться в подобных ситуациях – ее отзвук находим в газетном заголовке: *«Снова напряг, или Мухи и котлеты по-киевски» (БК).*

В качестве деривационной базы газетных заголовков могут употребляться:

1) известные имена и фамилии: *Неправильные «деточкины» (о воровстве автомобилей); Дядя Стёпин (об участковом Сергее Станиславовиче Стёпине); Такое внимание к Анискиным диктует время (о работе участковых инспекторов); Методом Шерлока Холмса (НС); Новый «чикатило» в Москве (НС); Рембо из Борисова; Местный Ленька Пантелеев (БВ)* и т. д.;

2) строки известных песен: *Позвони мне, позвони (7 мая – День работников связи); Если хочешь быть здоров – прививайся (БВ); Есть только миг (НС); Тебя называю по имени-отчеству (НС); На границе снова пробки. Хмуро (НС); Поговори со мною, мама (о возможности диалога между родителями и детьми); Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет (о живучести на Полесье разных суеверий); Ног не жалей, скачи, мой верный конь (о соревновании на кубок Брестской области по конному спорту) («Заря»); Не ходил бы ты, Ванёк, в депутаты (о криминальных сенсациях, касающихся депутатов) (БК); С этого начинается Родина (БК);*

3) высказывания известных политиков: *Хотели как лучше, а получилось как всегда («Заря»); Идеологи всех уровней, объединяйтесь! (БВ);*

4) цитаты из известных стихотворных и прозаических произведений. Как правило, они приводятся без изменений, однако нередко могут модифицироваться: *Как денди лондонский одет (о моде в этом сезоне); Я б в шоссейники пошел…(КП); Что нам стоит дом построить (о строителях молодежных кооперативов); У меня болит живот. Вот («Заря»); Какой же лидер не любит быстрой езды (НС);*

5) пословицы и поговорки: *Не всегда молчание – золото (НС); Как стеречь зеницу ока (КП); Не муж и не жена, но одна сатана (НС); Березки рубят – щепки летят (БВ); Глас народа – глас Божий (БВ); Новая метла чисто метет (новый председатель Витебского горисполкома начал свою деятельность с расчистки русла реки Витьбы); Когда паны бьются, у холопов чубы трещат (о газовом конфликте между Москвой и Минском); Устами младенца глаголет истина (мысли учеников о том, какой должна быть школа) («Заря»); Не всё то золото, что блестит (о продуктах на прилавках магазинов) («Заря»); Труд создает человека (НС); То, что имеем, надо хранить (БВ); Минута рубль бережет (НС); Из огня да в полымя (НС); Большому кораблю – большое плавание (БВ); Как рыба в воде («Заря»)* и т. п.;

6) названия известных произведений: *Прощай, оружие! (о добровольной сдаче оружия) («Заря»); «Зацюканы апостал» в наставники не годится (о бедности наших учителей) (БК); Всплыли «мертвые души» (НС);*

7) названия кинофильмов и афористические высказывания героев: *Проделки «Терминатора» (о сообщении по телефону, что заминирован автозавод) (НС); Табор уходит… на зону (цыгане осуществляли набеги и грабили сельчан); Завтра была война (НС); Осенний марафон («Заря»); «Властелины» дач (НС);*

8) библеизмы: *Ищите да обрящете («Кабельное телевидение»); Судный день для беглеца (НС); Какою меркою мерите (НС);*

9) элементы рекламы: *У вас еще не было «Дожинок», тогда они идут к вам (БВ); Минздрав предупреждает… (НС);*

10) названия телевизионных игр: *Слабое звено (в соревнованиях по греко-римской борьбе команда заняла последнее место) («Заря»);*

11) исторические события: *Берестейская Троя в ожидании юбилея (БВ).*

Эхо-заголовки – явление интернациональное. Они широко употребляются в близкородственных языках.

Идея эха находит воплощение прежде всего в номинативной деятельности носителей языка. Несомненной является ее связь с такими феноменами текстопорождающей речи, как прецедентность и интертекстуальность. Во всех приведенных ситуациях правомерно говорить об интертекстуальной деривации.

Список сокращений

БК – Брестский курьер; НС – На страже; ВБ – Вечерний Брест; БВ – Брестский вестник.

Рыгор Серыкаў

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны (Беларусь)

КАЛІ БІЛІНГВІЗМ НЕ ПЕРАШКОДА

З'ява існуючага руска-беларускага білінгвізму, характэрная для нашых рэалій, праламляецца ва ўспрыманні большасці філолагаў-беларусаведаў у сапраўдную маральна-этычную ці нават ідэалагічную праблему, што паўстае з-за псіхалагічнага дыскамфорту ў штодзённай практыцы пераключэння з рускай мовы на беларускую і наадварот у дынамічна зменлівых маўленчых сітуацыях. Маркіраванне патэнцыяльнага суразмоўцы як «свайго» або «чужога» прадвызначае і выбар мовы зносін. Бываюць, аднак, у педагагічнай і дыдактычнай практыцы і такія рэдкія сітуацыі, калі з'ява білінгвізму адыгрывае сапраўды станоўчую ролю. Гэта адбываецца, напрыклад, пры выкладанні студэнтам-філолагам якой-небудзь сучаснай славянскай мовы (чэшскай, балгарскай і г. д. (мы спынімся на польскай)), прычым збольшага вялікай розніцы няма: студэнтам-русістам або беларусістам. Назапашаныя ў школьныя гады ў больш-менш аднолькавым аб'ёме веды па беларускай мове дазваляюць і тым, і гэтым арыентавацца ў значэннях агульнаславянскіх лексем, шырэй глядзець на з'явы міжмоўнай аманіміі, суадносіць гучанне і напісанне польскай словаформы з адпаведнай рускай ці беларускай.

Як заўважаў у свой час рускі філолаг, заснавальнік славяназнаўства ў Расіі Віктар Іванавіч Грыгаровіч (1815–1876), «рано поставленный между Ляхами… народ белорусский сохранил в своем языке и некоторые свойства языка соседних с ним племен: поэтому неудивительно будет, если мы найдем в нем свойства и великорусского языка, и польского, и малорусского» [1, с. 129]. Беларускія студэнты аказваюцца з гэтага гледзішча ў больш выгадным становішчы ў параўнанні з этнічнымі расіянамі, якім неабходна запомніць значна больш слоў, агульных паводле значэння і гучання для беларускай і польскай моў, напрыклад: *kanapa (канапа), siekiera (сякера), koszula (кашуля), zgoda (згода), kobieta (кабета), cnota (цнота), mowa (мова), smaczny (смачны), błazen (блазнюк), dowcip (доціп), litość (літасць), listopad (лістапад* – назва месяца*), ofiara (ахвяра), cudowny (цудоўны), odpoczywać (адпачываць), polować*

(паляваць), budować (будаваць), ciekawy (цікавы) і інш. У гэтых адносінах да студэнта-беларуса польская мова стаіць на паўкрока бліжэй, бо многія словы ён ведае, прынамсі, з пачатковай школы. Тое ж і з адпаведнай рускай лексікай, што ўзыходзіць да агульнаславянскай: *widzieć (видеть), znać (знать), pomagać (помогать), gdzie (где), chleb (хлеб), trawa (трава), woda (вода), ubogi (убогий), jeśli (если), jeżeli (ежели), objaśniać (объяснять)* і інш. Як паказала шматгадовая практыка выкладання польскай мовы, вельмі зручнымі ў працэсе знаёмства з польскай фанетыкай, лексікай і граматыкай аказваюцца тлумачэнні і рэмаркі выкладчыка і на беларускай, і на рускай мовах.

Пры знаёмстве з польскім алфавітам і вымаўленнем асобных зычных гукаў выкладчык заўсёды звяртае ўвагу навучэнцаў на асаблівасці польскай афрыкатызацыі мяккіх [т´] і [д´], або т. зв. цеканне і дзеканне. У сувязі з гэтым студэнтам прапануецца паспрабаваць вымавіць па-руску слова *цёця*. Як правіла, адразу з гэтага нічога не атрымліваецца: беларусы цекаюць і нават не заўважаюць, што вымаўляюць не [т´от´а], а [ц´оц´а]. Польскае ж цеканне яшчэ больш «шыпячае»: у рускамоўных падручніках па польскай мове для перадачы гукавога значэння літары ***ć*** выкарыстоўваецца афрыката [**ч´**], хаця гэта не зусім дакладна. Для правільнага адчування гукавой якасці польскай афрыкаты студэнтам неабходна спачатку вымавіць гэтае слова нармальна па-беларуску – [ц´оц´а] і так, як прапануе рускі падручнік: [ч´оч´а], пасля чаго зрабіць выснову, што і тое, і другое вымаўленні не адлюстроўваюць тыпова польскага цекання. Ісціна тут будзе якраз пасярэдзіне, а менавіта:

Беларуская афрыката [ц´]	Польская афрыката [ć]	Руская афрыката [ч´]
[ц´] ≤ [ć] < [ч´]		

Тое ж самае тычыцца і высвятлення гукавой якасці іншых мяккіх польскіх гукаў, напрыклад:

Беларускі мяккі гук (афрыката)	Польскі мяккі гук (афрыката)	Рускі мяккі гук (афрыката)
[с´] ≤	[ś]	< [ш´]
[з´] ≤	[ź]	< [ж´]
[дз´] ≤	[dź]	< [дж´]

У галіне беларускага і польскага кансанантызму аднолькавымі акустычнымі характарыстыкамі валодае афрыката [тш], што на пісьме абазначаецца літарай **ч** і дыграфам **cz** адпаведна. Гэты гук у абедзвюх мовах зацвярдзелы, у адрозненне ад мовы рускай. Аднак не сакрэт, што пад уплывам шырокага выкарыстання рускай мовы ў штодзённых зносінах наш зацвярдзелы **ч** у выкананні асобных носьбітаў насуперак арфаэпічнай норме адчувальна памякчаецца, і гэтая загана, бывае, больш-менш потым выпраўляецца дзякуючы трэніроўцы ў вымаўленні польскіх лексем тыпу ***cz**as (час),* ***cz**ęsto (часта),* ***cz**emu (чаму),* ***cz**ysty (чысты),* ***cz**łowiek (чалавек),* ***cz**ynsz (плата),* ***cz**oło(лоб),* ***cz**ekać (чакаць)* і інш. Каб вымавіць гэтыя словы правільна па-польску, неабходна проста забыць пра тое, што [ч] дзесьці можа быць мяккі. Таму бяры, чалавеча, што называецца, прыклад з палякаў і не саромейся свайго беларускага цвёрдага [ч]!

Таксама на адных з першых заняткаў студэнты знаёмяцца з двоякім фанетычным афармленнем займеннікаў 3-й ас. мн. л. *oni* і *one (‘яны’)*, абумоўленым існаваннем у польскай мове мужчынска-асабовай катэгорыі, якая праяўляецца ва ўсіх самастойных часцінах мовы, акрамя прыслоўя. Тут вельмі карысным з’явіцца параўнанне форм *oni* і *one* адпаведна з рускай формай *они* і беларускай *яны*. Няцяжка заўважыць, што ў рускай мове гістарычна ўмацавалася старажытная мужчынска-асабовая форма, з мяккай асновай, а ў беларускай – жаноча-рэчыўная, з цвёрдай.

Пры вывучэнні тэмы «Граматычны род назоўнікаў» звяртаем увагу на неадпаведнасць родавай прыналежнасці пэўнай групы назоўнікаў у польскай, беларускай і рускай мовах. Такія назоўнікі, напрыклад, як *podpis (подпіс), napis (надпіс), step (стэп), medal (медаль),* у польскай і беларускай мовах належаць да м. р., у рускай – да ж. р. Назоўнік *twarz (твар)* у польскай мове хаця і ж. р., але сама яго агаласоўка вельмі блізкая да беларускага адпаведніка *твар*, і для студэнтаў-беларусаў гэтае слова не новае.

Знаёмячыся з польскімі прыметнікамі, студэнты-беларусы аказваюцца «падрыхтаванымі» да ўспрымання гістарычна сцягнутых форм м. р. адз. л., у якіх адсутнічае канцавы [й] тыпу: *wysoki (высокі), głęboki (глыбокі), długi (доўгі), bogaty (багаты), rozumny (разумны)* і да т. п. (у рускай мове адпаведна: *высокий, глубокий, длинный (долгий), богатый, разумный).*

Пры вывучэнні тэмы «Спражэнне дзеясловаў» перад навучэнцамі паўстае пытанне размежавання названай часціны мовы на тыпы

спражэння (typy koniugacyjne), бо ў польскай мове іх існуе аж тры, у адрозненне ад моў беларускай і рускай, дзе дзеяслоў змяняецца (за выключэннем рознаспрагальных) па двух узорах. Адкуль бярэцца польскае трэцяе спражэнне? Для тлумачэння гэтай з'явы студэнтам прапануецца звярнуць увагу на форму дзеяслова цяперашняга часу 3-й ас. адз. л. *czyta (чытае)*. У беларускай і рускай мовах дзеслоў *чытае (читает)* належыць да І спр.: гэтую яго прыналежнась вызначае галосны *-е*, што ўваходзіць у склад асабовых канчаткаў *(чыта**еш**, чыта**ем**, чыта**е**)*. У польскай жа мове дзеяслоў *czytać* адносіцца да ІІІ спр. Якая галосная канчатка прадвызначае гэта? Для нагляднага тлумачэння такой «метамарфозы» выкарыстоўваецца наступная схема, якая паказвае, як пры «перамяшчэнні з Усходу на Захад» гэты дзеяслоў паступова «сціраецца», пераходзячы з прывычнага першага (беларускага і рускага) спражэння ў трэцяе польскае:

<table>
<tr><td colspan="2">Захад</td><td colspan="2">Усход</td></tr>
<tr><td>Польшча</td><td colspan="2">Беларусь</td><td>Расія</td></tr>
<tr><td colspan="4">чым далей «ідзём» на Захад, тым карацейшым становіцца слова
(форма 3-й ас. адз. л. цяп. часу дзеяслова чытаць – читать – czytać):</td></tr>
<tr><td>(on, ona) czyta</td><td colspan="2">← (ён, яна) чытае</td><td>← (он, она) читает</td></tr>
</table>

Вось якраз з гэтых дзеясловаў І спр. на *-ает* (бел. *-ае*) і паўстае польскае ІІІ спр. на *-а*: *слуш**ает*** – *слух**ае*** – *słuch**a**, отдых**ает*** – *адпачыв**ае*** – *odpoczyw**a**, разговарив**ает*** – *размаўл**яе*** – *rozmawi**a**, кив**ает*** – *ків**ае*** – *kiw**a**, осматрив**ает*** – *аглядае* – *ogląd**a**, помог**ает*** – *дапамаг**ае*** – *pomag**a*** і мн. інш., у якіх галосны ***-а*** асновы цяперашняга часу (з нашага гледзішча) бесперашкодна пераўтвараецца ў канчатак 3-й ас. адз. ліку. Характэрна, што іншыя дзеясловы беларускага і рускага І спр. (за выключэннем тых, што на *-ае, -ает*) супадаюць з І жа польскім: *малю**ет*** – *малю**е*** – *maluj**e***, *рису**ет*** – *rysuj**e***, *палю**е*** – *poluj**e***, *нервиру**ет*** – *нерву**е*** – *denerwuj**e***, *пиш**ет*** – *pisz**e**, ед**ет*** – *едз**е*** – *jedzi**e**, буду**е*** – *buduj**e**, хоч**ет*** – *chc**e**, вста**ёт*** – *ста**е*** – *wstaj**e*** і мн. інш.

Немагчыма абысціся без рускамоўных адпаведнікаў пры знаёмстве з польскімі дзеепрыметнікамі і дзеепрыслоўямі (imiesłowami odmiennymi i nieodmiennymi). Вядома, што формы дзеепрыметнікаў цяперашняга часу незалежнага стану ў беларускай мове з-за доўгатэрміновай адсутнасці пісьмовай практыкі (XVII–XVIII стст.) ці

па нейкіх іншых прычынах не развіліся і не замацаваліся ў такой ступені, як у мовах польскай ці рускай, і таму ўступаюць у аманімічныя адносіны з адпаведнымі дзеепрыслоўямі. Утварэнне польскіх дзеепрыметнікаў і іх значэнне па-іншаму наглядна і не растлумачыш, як толькі звярнуўшыся да адпаведнікаў рускіх. Напрыклад, польскае дзеепрыслоўе *pisząc* мы можам перакласці на беларускую мову адпаведнікам-дзеепрыслоўем *пішучы*. А вось да дзеепрыметніка м. р. адз. л. *piszący* мэтазгодна прапанаваць рускую форму *пишущий*, і так у многіх іншых выпадках, напрыклад:

Дзеепрыслоўі незак. трывання (што робячы?)			Дзеепрыметнікі незалежнага стану цяп. часу м. р. адз. л. (які?)		
польскія	**рускія**	**беларускія**	**беларускія**	**рускія**	**польскія**
idąc	*идя*	ідучы́ / іду̀чы		*идущий*	*idący*
czytając	*читая*	чытаючы		*читающий*	*czytający*
myśląc	*думая*	думаючы		*думающий*	*myślący*

і г. д.

Што тычыцца асаблівасцей засваення польскай лексікі і знаёмства са спецыфікай сінтаксісу, гэта адбываецца натуральна і нязмушана ў тых выпадках, калі выкладчык пачынае выкладаць польскую мову па-польску, робячы неабходны сінхронны пераклад тых слоў і фраз, аб значэнні якіх навучэнцы наўрад ці здагадаюцца. Пры гэтым большасць рэплік, як аказваецца, усе разумеюць без цяжкасцей. Напрыклад, увайшоўшы ў аўдыторыю і сказаўшы: «*Dzień dobry państwu. Od dzisiaj zaczynamy się uczyć języka polskiego*», можна не сумнявацца, што сэнс сказанага дойдзе да кожнага ў сваёй непахіснай адназначнасці.

Для дасягнення пастаўленай мэты – навучыць разумець польскую мову, размаўляць на ёй і перакладаць разнастайныя тэксты – прыдатнымі будуць любыя моўныя паралелі: і рускія, і беларускія, і стараславянскія, і англійскія, і нямецкія. Перад дапытлівым розумам заўсёды адкрыецца чароўная карціна дзіўнага і непрадказальнага лёсу спрадвечнага славянскага слова…

Літаратура

1. Цыт. па кн. : Карский, Е. Ф. Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя. – Т. 1. – 2006. – 653 с.

Людміла Сінькова
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

«EGO-ESSAI» Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА: ВОБРАЗ АЎТАРА

Вобраз аўтара ў мастацкім тэксце выразна і непасрэдна выяўляецца ў жанры эсэ. Гэты жанр робіцца ўсё больш запатрабаваным – як у мастацкай літаратуры, так і ў журналістыцы. Сучаснае грамадства ўсведамляе сябе не толькі праз «мы», якое ў былым лічылася найважнейшым. На першы план выходзіць «я», і значнасць такога пазіцыявання робіцца відавочнай ва ўсіх дыскурсах. Разам з гэтым крытэрыі для вызначэння эсэ доўгі час заставаліся няпэўнымі, так што ў актуальным ужытку сам тэрмін і адпаведныя тэксты вельмі часта страчвалі і страчваюць выразныя абрысы [1, с. 83–93]. У свой час Б. В. Стральцоў, вызначаючы новыя тэндэнцыі ў журналістыцы на мяжы 80–90-х гг. XX ст., уважліва прааналізаваў «гісторыю пытання» і прыйшоў да высновы: «Essai» (лексема і назва кнігі Мішэля Мантэня) разглядаецца і як самастойны жанр, і як разнавіднасць нарыса [8, с. 49], але ва ўсякім разе гэты жанр мае вялікія перспектывы. Час пацвердзіў такі прагноз. Традыцыйна эсэ развіваецца ў рэчышчы дакументальна-мастацкай, аўтабіяграфічнай прозы. Характэрнае менавіта для беларускай літаратуры эсэ захоўвае выразныя сувязі з нарысам (У. Караткевіч. Зямля пад белымі крыламі), з літаратуразнаўчым (М. Стральцоў. Загадка Багдановіча) або публіцыстычным (В. Казько. Паміж цюленем і акрабатам) артыкулам. Ёсць у нашай літаратуры і апавяданні-эсэ (М. Гарэцкі. Патаемнае; Я. Брыль. Гуртавое), аповесці-эсэ (В. Карамазаў. Глядзіце ў вочы лемуру), раманы-эсэ (А. Лойка. Як агонь, як вада…). Узмоцненая суб’ектыўнасць, выразны пафас і сюжэтна-кампазіцыйная адвольнасць характэрныя таксама для прозы Л. Дранько-Майсюка (апавяданне-эсэ «Анёлак і я» і інш.). Некаторыя свае тэксты Л. Дранько-Майсюк вызначыў (у падзагалоўках) як «ego-essai», або нават «прозапаэзія» [3, с. 198; 2, с. 169]. Такое вызначэнне стасуецца з наступнай выразнай тэндэнцыяй у сучаснай прозе: асоба аўтара настолькі вылучаецца сучаснымі пісьменнікамі, што даследчыкі і творцы ў сваіх дыскусіях гавораць пра «эгаістычны эсэізм» (С. П. Залыгін) як пісьменніцкую жанравую скіраванасць [6, с. 19].

З пункту гледжання тэорыі «я» ў эсэ («ego-essai») «пазбягае вызначэння і не задаецца выразна ў якасці прадмета апісання; <…> “Я” не

з'яўляецца тэмай, падобнай усім астатнім, яно можа быць ахоплена як цэлае менавіта таму, што яно само ўсё атачае і далучае да сябе...» [9, с. 124]. Такім чынам, жанр эсэ вызначаецца праз наступны крытэрый: «...аўтарскае "я" ў эсэістычнай прозе з'яўляецца суб'ектам мастацкага разгляду» [7, с. 23]. Ва ўсіх астатніх аўтабіяграфічных літаратурных формах (а гэта мемуары, дзённікі, аўтабіяграфія, эпісталярый, нататкі, запіскі, запісныя кніжкі) аўтарскае «я» «адначасова выконвае ролю як суб'екта, так і аб'екта» [7, с. 23].

Апавяданні-эсэ Л. Дранько-Майсюка пад адной вокладкай з'явіліся ў другой палове 1980-х гг., у кнізе «Тут» (1990). Змешчаныя ў гэтым зборніку (разам з вершамі) лірычныя замалёўкі, звязаныя з Давыд-Гарадком, і падарожныя нататкі – па Бельгіі, Польшчы, Славакіі, Заходнім Берліне – ужо тады вызначаліся своеасаблівасцю аўтарскага «я». Апавядальнік, вельмі блізкі да рэальнага аўтара, наладжваў адмысловае сумоўе з чытачом. Яно адбывалася ў тэкстах: «У Тваім гарадку» (з прысвячэннем бацьку), «У Варшаве» (з прысвячэннем М. Ф. Дубянецкаму), «Паэт і вандроўныя акцёры», «На радзіме Ціля Уленшпігеля», «Вандроўка ў Татры і дзве постаці спевака», у аўтабіяграфічных апавяданнях-эсэ «Анёл згоды», «Адзін радок Гётэ». Ва ўсіх названых вышэй творах у большай ці меншай ступені выявілася схільнасць Л. Дранько-Майсюка да эсэ як жанру.

«Анёл згоды» – першы з твораў пра Давыд-Гарадок (у 2009 г. з'явіўся «Горад Боны і Давыда»). Пракаветнае, перажытае і за польскім, і за савецкім часам, побыт і душа мястэчка, яго рака і царква, свята і будзень – усё спазнанае, што будзе як тэма развівацца ў пазнейшай прозе, пазначана ўжо тут. «Ідзеш па вуліцы Камунальнай, а сэрца падказвае, што ідзеш ты па "Осэліцы", павернеш на Свярдлова і адразу ўспамінаеш, што гэта "Радзічы"» [3, с. 180]. «І чым больш мною авалодвала жаданне пісаць, тым болей назапашвалася прага ўвайсці ў мінулае, як у сад, хоць бы ў тое, недалёкае мінулае, якое хавалася ў магічным выразе – "за польскім часам"» [3, с. 182].

Апавяданне ў «Анёле згоды» вядзецца пераважна ад першай асобы, і гэта найбольш непасрэдная аўтарская пазіцыя (а не роля, якая б магла выразна адрозніваца ад аўтара). Узнёслае пісьмо дамінуе, але апавядальнік не адрываецца ад свету рэальных рэчаў, з'яў, падзей. Так, ён прызнаецца: «Мусіць, шкодзіць мне трохі ідэалізацыя даўняга, бо абрысы мінулага ўяўляюцца серабрыста-воблачнымі і трохі пахіленымі долу, як сівая галава майго бацькі...» [3, с. 185].

Увогуле ў прозе з кнігі «Тут» аўтарскае «я» спакваля па-эсэісцку размывалася. Яно траціла сваю аб'ектнасць на карысць іншых элементаў тэксту. Аўтар вельмі часта прамаўляў да свайго героя на «Ты», або да чытача – на «Ты», «Мы», «Вы» ў значэнні «я».

«Нас цікавіць паэт, ягоная адпаведнасць прыродзе, гісторыі, і цікавяць разумовыя вытокі мастацкага мыслення» [3, с. 115]. «Паверым слову паэта…» [3, с. 117]. «Наведаўшы Бельгію, Вы зразумелі – гэта краіна, якая не экзатычна здзіўляе, а проста запамінаецца» [3, с. 127]. «У сне Вы ўбачыце самыя нечаканыя спалучэнні шагалаўскіх фарбаў» [3, с. 136]. «Ты выйшаў з музея на Лансштрасэ. Цябе нібыта вынялі з вялізнага бяздоннага куфра» [3, с. 199]. «Табе драпежна ўсміхаліся рытуальныя маскі жыхароў Акіяніі… З рускай парцаляны на саксонскую грацыёзным ланцужком пераляталі японскія журавы – жывыя іерогліфы прыроды, несучы на тонкіх крылах спрадвеку далікатныя вішнёвыя пялёсткі. Журавы праляцелі праз цябе, як праз воблака, і ты нават не варухнуўся» [3, с. 199–200].

У кнізе «Тут» Л. Дранько-Майсюк так бачыў сваю стылёвую задачу: «Мэтаімкнёны стасунак фантазіі да ўласнага на паперы слова і ёсць мастацкае мысленне» [3, с. 118]. У гэтым плане, напрыклад, цалкам лагічнай з'яўляецца паэтыка апавядання-эсэ «На радзіме Ціля Уленшпігеля» (1986). У ім акцэнт быў зроблены на маляўнічасці, кідкасці ўражанняў з падарожжа аўтабіяграфічнага героя па Бельгіі, а таксама на супастаўленні чужога і свайго праз асацыяцыі і рэфлексію. (Як аддалены кантэкст тут можна прыгадаць падобныя падарожныя нарысы-справаздачы, – канешне, больш публіцыстычныя, – савецкіх часоў, што пісаліся беларускімі літаратарамі пасля наведванняў замежжа.) Чытачу прапанаваны своеасаблівы калейдаскоп з хуткай зменай яскравых малюнкаў. Тут ёсць усё: «Сляпыя» Метэрлінка, Шарль дэ Кастэр, Ціль Уленшпігель, Нэле, Ламэ Гудзак, карціна Пітэра Брэйгеля-Сялянскага «Перапіс у Віфлееме», навела Яраслава Івашкевіча «Ікар», Ян Ван Эйк, Рубенс, палотны Марка Шагала, фавісты, Маціс, Апалінэр, акадэмік Ліхачоў, Андрэ Маруа, Астэндэ – радзіма Джэймса Энсара, Дзінан – радзіма Адольфа Сакса, які ў 1845 г. вынайшаў саксафон, цытаты з Ахматавай, Ясеніна і Верхарна, гарады Турнэ і Бурге, Гент, Фландрыя, франкамоўная Валонія, Антверпен, Брусэль, Каралеўскі пляц, вуліца Рэгентаў, царква святога Аўгусціна і святая Капэла, Намюр, Турнэ, Льеж, вуліца дэ Маршэ – месца «чырвоных ліхтароў»,

Кутаісі, «арабскае пытанне», Лівія, Кадафі, пасольства ЗША ў Брусэлі, зброя для асабістага карыстання, Ватэрлоа, Напалеон Банапарт, НАТО, Ватыкан, таварыства «СССР – Бельгія», Гамбрынус – казачны фламандскі кароль і вынаходнік піва, 600 франкаў за брусэльскія карункі для кішэннай хустачкі, Sint Joris, што па-беларуску будзе значыць «Святы Юр'я», і шмат іншага. Усе гэтыя і падобныя рэаліі існуюць цалкам адвольна, так што апавядальніцкая кропка, якая пазначае заканчэнне твора, магла быць пастаўлена ў любым месцы.

Але ў традыцыйна-лірычным вершы, напісаным пра тое ж падарожжа, лірычны герой аказаўся і больш пазнавальным, і бліжэйшым чытачу:

«У гэтай цемрадзі густой, / У гэтай цемрадзі дажджлівай / І мне патрэбны – крэсла, стол / І куфаль сонечнага піва. // У гэтых вулках і дварах, / У горадзе фламандскім гэтым / І мне патрэбен цёплы дах / І ўтульны водар цыгарэты. // <…> Я нібы птушка, для якой / І ў цемры шлях ляжыць дадому, / Якая ў далечы чужой / Шукае на гняздо салому» [3, с. 158].

Карацейшая дыстанцыя паміж лірычным героем і чытачом тут невыпадковая. Паэтыка гэтага верша засяроджана якраз на аўтаравым «я», і сваёй аб'ектнасцю яно кантрастуе з суб'ектнасцю ў апавяданні-эсэ «На радзіме Ціля Уленшпігеля».

Заключнае з апавяданняў у кнізе «Тут» – эсэ «Адзін радок Гётэ». Якраз яно было ўпершыню пазначана аўтарскім падзагалоўкам «ego-essai». Сапраўды, сабраныя пад гэтай назвай кароткія занатоўкі і абразкі фіксуюць выключна адвольныя, у вялікай ступені выпадковыя ўражанні, адчуванні, рэфлексіі суб'екта, чыё «я» таксама плыткае: «Не, гэта не зусім ты. Гэта ў табе разважае нехта пабочны, магчыма, твой двайнік…» [3, с. 198]. «І ўсё ж у нейкія шчаслівыя моманты ты забываеш свайго двайніка, пакідаеш спрачацца і проста думаеш» [3, с. 202].

У 90-я гг. XX ст. Л. Дранько-Майсюк напісаў цэлы шэраг апавяданняў, у якіх з'явіўся выразны наратар. Яны былі аб'яднаныя ў кніжку «Пра тое, як я…» (1992) з падзагалоўкам «13 несур'ёзных апавяданняў». Пазней колькасць гэтых апавяданняў вырасла: у 1995 г., напрыклад, з'явіліся творы «Пра тое, як я пасля рэферэндуму на шпацыр выйшаў», «Пра тое, як я на Дом без балконаў паглядзець захацеў» і інш. Сказавым героем-апавядальнікам тут зрабіўся

сучасны «дзядзька ў Вільні», дзівакаваты жыхар Мінска, пісьменнік, за чыімі ўяўна-прастадушнымі развагамі чытаюцца аўтарская іронія і сарказм. Маўленне наратара, напрыклад, у апавяданні «Пра тое, як я на Дом без балконаў паглядзець захацеў» цалкам супрацьлеглае ўстойліваму індывідуальнаму стылю Л. Дранько-Майсюка. «Дзіўнага тут нічога нямашака, што раніцы аднае мне на Дом без балконаў паглядзець захацелася…» [5, с. 39]. Але натхненне да наратара-пісьменніка не прыйшло, таму, апавядае ён, «мусіў я хлопчыка з гусаком аднаго ў фантане пакінуць і на вуліцу спадара Карлы выбірацца». Тут ля будынка бібліятэкі захацелася яму звярнуць на сябе ўвагу дзяўчыны-студэнткі: «Падступаю па-балетнаму, кампліму́гу з сябе выштурхоўваць пачынаю, а студэнтка на ўсе мае штукі фліртовыя раптам прамаўляе заклапочана: “У вас на задзе штаны ці то ў ваксе, ці то ў сажы!”» [5, с. 39]. Урэшце «прыгоды» персанажа заканчваюцца расчараваннем, бо і студэнтка, і сімпатычная пісьменніку жанчына-«бальзакаўка» аказваюцца «вайсковаабавязанымі» і, відавочна, мастацтвам не цікавяцца. Гэтая спроба Л. Дранько-Майсюка пісаць у сказавай манеры зразумелая, аднак умоўнасць нескладаных сюжэтаў, наўмысна інверсійная, аднатыпная па сінтаксісе мастацкая мова аўтара зніжае вартасці «несур’ёзных апавяданняў».

У тыя ж 90-я гг. XX ст. з’явілася і традыцыйная для Л. Дранько-Майсюка проза. Гэта былі ўзоры «эгаістычнага эсэізму» ў кнізе «Акропаль» (1994) – «Ратаванне Грэцыяй» і «Стомленасць Парыжам».

У анатацыі да «Акропаля» падкрэслівалася, што ў гэтай кнізе Л. Дранько-Майсюка мы маем справу з паэтавымі «ўражаннямі, эмацыянальнымі фантазіямі, навеянымі вандроўкамі ў Грэцыю і Францыю», з пэўным «культам еўрапейскага мастацтва». Гэта сапраўды так. Паэт піша: «Як малое лашчыцца да маці, шукае абароны і цеплыні, так будзённая Еўропа – гэтае звышцывілізаванае дзіця – туліцца да святочнай Грэцыі, да яе прыцягальнай даўніны, ратуючыся ад духоўнай пагібелі» [2, с. 7].

Апавяданне-эсэ «Ратаванне Грэцыяй» мае свой лірычны сюжэт са скразным матывам закаханасці: паэт і дзяўчына ляцяць у Грэцыю, «каб увайсці ў гэтую краіну, як у чыстую ваду…» [2, с. 11]. Тут, верыць паэт, дзяўчына забудзецца на свой паслячарнобыльскі страх кахаць, нараджаць; тут, у Афінах, Дэльфах, Пірэі, ля Кастальскай крыніцы – валадарства Апалона на Парнасе, – ад іх сплывуць папярэднія

«бяссонныя ночы і галаваскрутныя дні». Ім згадаецца наш «вясёлы палясоўшчык Тарас», на беразе Карынфскага заліва яны пабудзяць кучаравага Эрота, а ля вечназялёных міжземнаморскіх лаўраў паэт працытуе радкі Уладзіміра Дубоўкі пра «поўдзень, у лаўры спавіты…» [2, с. 16].

Менавіта ў гэтым эсэ Л. Дранько-Майсюк выразна акрэсліў адзін з вытокаў свайго таленту: «Тысячы феерычных слоў нараджаюцца ўва мне, тысячы неверагодных вобразаў. І ўсё гэта адначасова. Я разгублены, я згубіў іхнія таленавітыя пачаткі і геніяльныя завяршэнні. Як у неахопнай гісторыі Старажытнай Грэцыі вельмі цяжка адрозніць міф ад праўды, а праўду ад легенды <…>, так зараз і ў маёй душы зусім немагчыма сапраўднае аддзяліць ад прыдуманага, вымаўленае ад напісанага. Немагчыма!» [2, с. 9]. Аналагічнай паэтыкай вызначаецца і аўтабіяграфічная аповесць-эсэ, «ego-essai» «Стомленасць Парыжам». Яна складаецца з кампазіцыйна вылучаных 16 раздзелаў, што, аднак, не вельмі істотна падзяляе феерычную вобразную плынь цэлага аповеду.

У аповесці-эсэ пад назваю «У Вільні і больш нідзе» (2009–2011) Л. Дранько-Майсюк расказаў пра віленскую беларушчыну ў самых розных яе праявах. Гэта гісторыя храмаў, могілкаў, вуліц, будынкаў, установ, гісторыя ў жыццях віленчукоў, у сучасных імпрэзах і архіўных дакументах, звязаных з Беларуссю. Тэкст падзяляецца на раздзелы з аналагічнай кампазіцыяй; кожны пачынаецца вершам у гонар выдатных асоб: М. Танка, І. Луцкевіча, А. Луцкевіча, Б. Тарашкевіча, К. Дуж-Душэўскага (дарэчы, яшчэ раз падкрэслім, што чаргаванне паэтычнай і празаічнай мовы ўвогуле ўласцівае для эсэ). Тэкст падаецца як дзённік з самымі рознымі запісамі. На першым плане засталася цалкам вольная плынь аўтарскіх уражанняў і роздумаў, але пры гэтым адкрываюцца і дакументальныя, архіўныя вытокі разваг аўтара. Ён не толькі чытае Вільню як адкрытую кнігу. Цяпер былая калейдаскапічнасць у адлюстраванні свету моцна звязаная з новым пафасам і новым падыходам да адбору матэрыялаў: апавядальнік знаходзіць, адкрывае, любіць найперш сваё, беларускае, і найперш значнае, фатальна-неабходнае. «Мы селі за стол ля вялікага акна, і наплыло-набегла чытанае ў Лявона Луцкевіча, што менавіта пра гэтую званіцу Максім Багдановіч сказаў: “…І на вежы, як круглае вока савы, Цыферблат – пільны сведка мінулых учынкаў…”. Я любаваўся званіцай і радкамі Багдановіча…» [4, с. 8].

Такім чынам, у прозе Л. Дранько-Майсюка, відавочна аўтабіяграфічнай, апавядальнік застаецца блізкім да рэальнага аўтара, напрыклад у апавяданнях-эсэ «Паэт і вандроўныя акцёры», «На радзіме Ціля Уленшпігеля», «Вандроўка ў Татры і дзве постаці спевака», «Анёл згоды», «Анёлак і я», «Хлопчык і яго бацькі», у аповесці-эсэ «У Вільні і больш нідзе» і інш. Аўтарскае «я» ў гэтых творах з'яўляецца суб'ектам мастацкага разгляду, што і вызначае іх менавіта як прозу-эсэ. У цыкле апавяданняў «Пра тое, як я…» Л. Дранько-Майсюк звярнуўся да традыцый сказавай прозы, узоры якой у 1920-я гг. у беларускай літаратуры стварыў Лукаш Калюга. Роля наратара, якую выканаў аўтар, атрымалася адметнай, але ў цэлым апавяданні «Пра тое, як я…» з'яўляюцца менш значнымі ў творчасці Л. Дранько-Майсюка. Яго індывідуальнасць рэалізуецца найперш у паэзіі, а таксама ў эсэістычнай прозе, дзе могуць спалучацца асобныя рысы аўтабіяграфіі, нарыса, дзённіка, споведзі, але самай важнай застаецца свабода творчага «я», скіраваная да аб'ектаў адлюстравання. Найбольш паслядоўна такая скіраванасць выяўлена ў «ego-essai» «Адзін радок Гётэ», «Ратаванне Грэцыяй», «Стомленасць Парыжам».

Літаратура

1. Акудовіч, В. Разбурыць Парыж / В. Акудовіч. – Мінск : Логвінаў, 2004. – 298 с.

2. Дранько-Майсюк, Л. Акропаль : паэзія. Эсэ / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 190 с.

3. Дранько-Майсюк, Л. Тут : вершы, паэмы, эсэ / Л. Дранько-Майсюк.– Мінск : Маст. літ., 1990. – 214 с.

4. Дранько-Майсюк, Л. У Вільні і больш нідзе / Л. Дранько-Майсюк // Дзеяслоў. – 2011. – № 3. – С. 5–33.

5. Дранько-Майсюк, Л. Апавяданні / Л. Дранько-Майсюк // Крыніца. – 1995. – № 10. – С. 36–42.

6. Литература последнего десятилетия – тенденции и перспективы. Материалы «круглого стола» // Вопросы литературы. – 1998. – Март – апрель. – С. 3–82.

7. Стральцова, В. М. Шлях да сябе: сучас. аўтабіягр. проза як маст. сістэма / В. М. Стральцова. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 112 с.

8. Стральцоў, Б. В. Эсэ: ад жанру да метаду / Б. В. Стральцоў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. – Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 1993. – № 2. – С. 49–51.

9. Эпштейн, М. Законы свободного жанра / М. Эпштейн // Вопросы литературы. – 1987. – № 7. – С. 120–136.

Алег Слука
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЭСТЭТЫКА ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА СЛОВА

Такое вобразнае азначэнне каштоўнасці публіцыстычнай творчасці належыць прафесару М. Я. Цікоцкаму, 90-гадовы юбілей якога мы з гонарам адзначаем. У аснову ідэалогіі эстэтыкі публіцыстычнага слова прафесар М. Цікоцкі паклаў аб’ектыўныя фактары выкарыстання журналістамі і пісьменнікамі хараства беларускай і рускай моў, выкарыстання ў творчасці народнай вобразнасці, логікі стылю і думкі, этычных правіл фармулявання і абмежавання вульгарнай лексікі не толькі ў пісьмовай, але і ў бытавой гутарцы.

Эстэтыка прафесара М. Цікоцкага стала адкрыццём новага своеасаблівага перыяду ў развіцці публіцыстычнай творчасці, калі пачыналася дэмакратычная перабудова нацыянальных адносін. Гэта быў перыяд 60–70-х гадоў мінулага стагоддзя, калі ў беларускай публіцыстыцы і літаратуры праявіліся яркія таленты Васіля Быкава, Андрэя Макаёнка, Уладзіміра Караткевіча, Рыгора Барадуліна, Генадзя Бураўкіна, Барыса Сачанкі, Івана Чыгрынава і іншых таленавітых майстроў мастацтва. У творчасці беларускіх публіцыстаў складаўся збіральны вобраз пасляваеннай эпохі, былі адкрыты новыя і незвычайныя факты і падзеі Вялікай Айчыннай вайны, набіраў моц вобраз чалавека працы, грамадзяніна – стваральніка духоўных і матэрыяльных каштоўнасцей.

Разам з прызнанымі майстрамі публіцыстычнага слова фарміравалася кагорта публіцыстаў ужо новага перабудовачнага і адраджэнскага часу: рэдактар «Народнай газеты» Міхаіл Шыманскі, рэдактар «Беларускай думкі» Уладзімір Вялічка, галоўныя рэдактары: клімавіцкай раённай газеты – Пятро Пабока, бярозаўскай – Фёдар Калеснiковіч, крычаўскай – Пятро Грынькоў; «Чырвонай змены» – Уладзімір Касько і інш., якія стваралі сучасную нацыянальную школу журналістыкі.

Гэтыя праблемы росту публіцыстычнага майстэрства і інтэграцыі творчага вопыту розных пакаленняў беларускіх публіцыстаў, а таксама працэс выхаду беларускай журналістыкі на сучасны еўрапейскі ўзровень функцыянавання адлюстраваны ў вучэбных кнігах М. Цікоцкага «Стылістыка публіцыстычных жанраў», «Стылістыка беларускай мовы», «Сугучнасць слоў жывых» і інш.

Падкрэслім адметную дэталь: даследаванне тэхналагічнага функцыянала творчага майстэрства М. Цікоцкім падсумоўвала пачатковую працу філасофскага асэнсавання нацыянальнага творчага працэсу, якая закладвалася раней у тэарэтычных вышуках Кузьмы Чорнага, Янкі Купалы, Кандрата Крапівы, Аркадзя Куляшова і іншых беларускіх мастакоў старэйшага пакалення.

Такое паглыбленне ў тэхналогію творчага працэсу дало вызначальны плён і моцна паўплывала на эфектыўнасць практыкі адлюстравання савецкай рэчаіснасці і пошуку ў супярэчлівым жыцці найбольш каштоўных прыкладаў яе пераўтварэння. Можна нагадаць, што якраз у апошнюю чвэрць мінулага стагоддзя нацыянальная публіцыстыка стала важным і моцным інстытутам сацыяльнага кіравання і абнаўлення дэмакратычнай свядомасці беларускіх грамадзян. Ужо тады рыхтавалася глеба для глабальных палітычных змен і стварэння свабоднай і незалежнай Рэспублікі Беларусь.

Майстэрства беларускіх публіцыстаў набывала новыя рысы актыўнага ўздзеяння на грамадска-палітычнае жыццё краіны. Гэта было заўважана і адзначана грамадствам і дзяржавай. Значная колькасць беларускіх публіцыстаў розных выданняў атрымала высокія дзяржаўныя ўзнагароды БССР і Савецкага Саюза. Можна ўзгадаць, што карэспандэнты «Сельской газеты» Віктар Захарчук і Рыгор Кадзет за серыю нарысаў і фотанарысаў «Людзі, людзі – высокія зоркі» сталі лаўрэатамі прэміі Саюза журналістаў СССР.

Яшчэ раз падкрэслім, што даследаванне эстэтыкі публіцыстычнага майстэрства было своечасовым і супала з аб'ектыўнай неабходнасцю выхаду нацыянальнай журналістыкі на новы ўзровень камунікацыйных працэсаў. Аднак час змяніўся, наступіла эпоха самастойнага і свабоднага развіцця суверэннай краіны Рэспублікі Беларусь. Сродкі камунікацыі Беларусі з падсістэмы ў СССР сталі самастойнай інфармацыйнай прасторай у міжнароднай камунікацыйнай сістэме. Змяніліся і прыярытэты развіцця беларускага дэмакратычнага грамадства.

Сучасная сістэма камунікацыі будуецца на прынцыпах свабоды слова і дэмакратычных законаў развіцця грамадства. Таму заканамернасці функцый публіцыстыкі яшчэ больш актуалізаваліся. Новая рэальнасць патрабуе і новага сістэмнага аналізу інавацыйных форм і метадаў развіцця. У інфармацыйным грамадстве сродкі камунікацыі сталі фактычна галоўным інстытутам арганізацыі і кіравання

не толькі грамадскімі, але і вытворча-арганізацыйнымі працэсамі. Камунікацыя, як сцвярджаюць філосафы, ёсць грамадства, а грамадства – ёсць камунікацыя.

Інфармацыйны спектр сувязі з аўдыторыяй у Беларусі пашырыўся настолькі, што выйшаў на ўзровень еўрапейскіх краін. Газет, часопісаў, радыё- і тэлепрыёмнікаў у насельніцтва стала больш, чым у савецкі час, амаль утрая. Кожная сям'я выпісвае і чытае ў сярэднім дзве газеты, адзін часопіс, мае два-тры радыёпрыёмнікі, два тэлевізары, кожны другі чалавек у дзяржаве карыстаецца інтэрнэтам, шэсць мільёнаў жыхароў Беларусі карыстаюцца мабільнымі тэлефонамі.

Такая глабальная сетка інфармацыі патрабуе грунтоўнай прафесійнай эвалюцыі канкрэтных журналістаў, галоўных суб'ектаў працэсу фарміравання і афармлення інфармацыі для сучаснага высокаінтэлектуальнага грамадства. Задача гэта складаная і, як паказвае аналіз публіцыстычнай практыкі, не заўсёды выканальная. Імклівы час, складаныя выклікі XXI стагоддзя часта абганяюць інфармацыйны аналіз важнейшых праблем сучаснасці.

Напрыклад, у нашай краіне ідзе абмеркаванне і выкананне «Дзяржаўнай праграмы інавацыйнага развіцця на 2011–2015 гг.», а ў 2007–2010 гг. рэалізоўвалася першая інавацыйная праграма. Аднак гэтыя важнейшыя працэсы ў сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі і выхад нашай краіны з крызісу не сталі прадметам глыбокага даследавання ў публіцыстыцы. Таму выкарыстанне інавацыйных форм і метадаў арганізацыі вытворчасці, фарміраванне інавацыйнай свядомасці, пераход грамадства ў новую культурную прастору не толькі ідуць марудна, але і не даюць чакаемага вызначальнага плёну ў рэальным жыцці.

Інавацыйныя формы і метады рэканструкцыі рэчаіснасці не сталі свядомасцю журналістаў, а таму на інфармацыйным полі з'яўляюцца рэдкія павевы новых падыходаў да стварэння ўмоў для развіцця дзяржавы і грамадства. Нават дэкларацыі аб інавацыйных праграмах, якія прапануюцца на розных пасяджэннях дзяржаўных структур, у СМІ адбіваюцца ў большай ступені інфармацыйна. На жаль, грамадская думка не атрымала дагэтуль сфарміраванага вобраза працэсу інавацыйнага развіцця, а значыць, і свядомага дзеяння грамадзян па яго рэалізацыі.

Аднак праблема інавацыйнай недасведчанасці камунікацыйнай сферы праяўляе яшчэ больш складаную з'яву ў працэсе развіцця

нашай дзяржавы. Палітычныя і духоўна-свядомасныя арыенціры беларускага грамадства ў новых умовах не атрымалі ўстойлівага замацавання і грамадзянскага вызначэння. Чаму, напрыклад, у літаратуры і мастацтве да гэтага часу не складваецца яркі, прыкладны, духоўны, руплівы, стваральны, патрыятычны, ахвярны, гуманны, верацярпімы, талерантны, інтэлектуальны і г. д. вобраз сучасніка?

Час патрабуе такі вобраз сучаснага беларускага чалавека, які, з аднаго боку, адпавядае хрысціянскім запаветам і каштоўнасцям, а з другога – збірае адзін з самых адметных у Еўропе каравяаў хлеба, працуе на канкурэнтных прадпрыемствах і ў парках высокіх тэхналогій, вобразна кажучы, стварае велічную гісторыю маладой самастойнай дзяржавы і старажытнай высокакультурнай нацыі. Вобраз сучасніка свабоднай дзяржавы, Радзімы-Беларусі, гучыць не ў поўны голас у медыя.

Замест гэтага на інфармацыйным полі часта галоўную дудку грае штучны фетыш, ілюзія высакароднасці за завесай эгаістычных памкненняў. Тэлевізійныя праграмы захоплены забаўляльнымі перадачамі, надуманай зоркавасцю і запоўнены нейкімі дакучлівымі кланамі сямейных дынастый. Дзесяцігоддзямі (гэта ж колькі пакаленняў пераварваюць танную макулатуру?) на экранах спяваюць «пад фанеру», жартуюць да брыдкай агіднасці, крывяцца ў самых вульгарных позах купкі людзей, якія не ведаюць, хто чый муж ці жонка, чые ў каго дзеці, хто з кім ажаніўся зноў.

А калі гэта не зразумела ім самім, тады ўключыцца, напрыклад, праграма «Няхай гавораць», і гледачам прапануюць бясконцыя сальныя сагі зноў жа надуманых «звёздных страданий». Глядзець сорамна. А тады на самым высокім чыноўніцкім узроўні гледачам скажуць: «А ты пераключы праграму!» І аўдыторыя пераключае, а там зноў тыя самыя «героі» і ў той жа самай ролі. На Расію ківаць не вельмі прыстойна, хаця там непрыстойнасцей на тэлебачанні процьма. Падобнае становішча і на беларускім экране...

Бракуе якасці камунікацыі і зніжае інтэлектуальны зварот да аўдыторыі анлайнавы метад інтэрпрэтацыі інфармацыі. Факты і падзеі, што падаюцца без падрыхтоўкі, «з полымя, з жару», губляюць вастрыню ўздзеяння на аўдыторыю, хаця яны і адносяцца да вельмі важных. Асабліва гэта тычыцца перадач радыё і тэлебачання. Дыялог вядучых на тэлебачанні, акрамя інфармацыйных апра-

цаваных перадач, не вытрымлівае крытыкі. У аналітычных перадачах пытанні, якія задаюць журналісты сваім суразмоўцам, часта выходзяць за межы тэмы, тычацца дэталей, прыдуманых пасажаў, на якія гледачы ўжо наперад ведаюць адказы.

На навуковым семінары па інфармацыйных тэхналогіях у Рэспубліканскім інстытуце вышэйшай школы Беларусі яго ўдзельнікі сцвярджалі, што грамадска-палітычныя перадачы беларускага тэлебачання не карыстаюцца попытам гледачоў. Узнікла пытанне: чаму? Адказ не здзівіў. На беларускім тэлебачанні з году ў год, з перадачы ў перадачу ніяк не могуць знайсці аўтарытэтных аналітыкаў, палітычных аглядальнікаў, дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў, якія глыбока ведаюць сутнасць развіцця грамадска-палітычных, эканамічных і маральна-этычных праблем грамадства, валодаюць жывым словам.

Названыя вышэй і многія іншыя праблемы функцыянавання нацыянальнай камунікацыі не дазваляюць беларускай журналістыцы пераадолець комплекс перыферыйнасці і, прабачце, пасрэднасці. Па гэтай прычыне, напрыклад, тэлебачанне застаецца без большасці сваіх гледачоў, якія плацяць падаткі на беларускае тэлебачанне, а глядзяць расійскае, еўрапейскае і масава выкарыстоўваюць інтэрнэт.

Аднак, як кажуць, не ўсё так змрочна, тым больш што ў беларускіх СМІ – на радыё, тэлебачанні і ў газетах – у апошні час з'явілася новая генерацыя таленавітых публіцыстаў і рэдактараў, якія прыходзяць на змену старэйшаму пакаленню. Большасць з іх таксама вучыліся майстэрству ў эстэтычнай школе прафесара М. Цікоцкага. Іх эстэтыка публіцыстычнай творчасці звязана з разуменнем асаблівай каштоўнасці нацыянальнай дзяржаўнасці, гісторыі і культуры, а разам і духоўнай каштоўнасці газетнай і экраннай плошчы.

І гэтыя каштоўнасці ўвасабляюцца ў іх творчасці па знітаванні ўсёй моцы грамадства на праблемах выхаду краіны са складанага сацыяльна-эканамічнага становішча. Заслугоўвае грамадскага прызнання публіцыстычная праца намесніка галоўнага рэдактара «Народнай газеты» Людмілы Перасыпкінай, карэспандэнта тэлебачання Святланы Кнутавай, галоўнага рэдактара радыёстанцыі «Беларусь» Навума Гальпяровіча, галоўных рэдактараў ляхавіцкай раённай газеты «Ляхавіцкі веснік» Вольгі Барадзіной, часопіса «Беларуская думка» Вадзіма Гігіна, газеты «Аргументы и факты в Беларуси» Ігара Сакалова, намесніка галоўнага рэдактара газеты

«СБ. Беларусь сегодня» Галіны Тарапецкай і карэспандэнта гэтага ж выдання Аэліты Сюльжыной, намесніка галоўнага рэдактара «Настаўніцкай газеты» Веранікі Саламевіч і інш.

У творчасці названых журналістаў і тысяч іншых калег з рэгіянальных і рэспубліканскіх СМІ выкрышталізоўваецца сучасная высакародная эстэтыка новай журналістыкі, якая ўвасабляе ў сабе свабоднае дэмакратычнае грамадства сучаснай Беларусі і прапануе чалавеку духоўныя ідэалы свабоды, незалежнасці і справядлівасці, заснаваныя на моцнай веры ў нашу Нацыянальную ідэю, якая прыводзіць кожнага грамадзяніна да сапраўднай веры ў свае сілы, духоўную чысціню і не зманлівае, а рэальнае сучаснае і яшчэ больш змястоўнае будучае жыццё.

Ідэалізаваць публіцыстыку як адзін з самых распаўсюджаных і аўтарытэтных відаў грамадска-палітычнай літаратуры няма патрэбы. Гэта моцны механізм рэгуляцыі жыццядзейнасці грамадства і дзяржавы. Вывад пралетарскага паэта У. Маякоўскага, што «газетой с республики грязь скребёте», застаецца дзейсным і сёння. Публіцысты, на думку Д. І. Пісарава, у складаныя часы павінны «ўмець даць павучальны ўрок грамадству». Гэта неабходная і вельмі адказная грамадская функцыя сучаснай беларускай публіцыстыкі.

У заключэнне сфармулюем і падкрэслім важную і актуальную думку: ад высокага ўзроўню публіцыстычнага майстэрства журналістаў і сучаснага поўнага забеспячэння грамадства запатрабаванай інфармацыяй напрамую залежаць інтэлектуальны і культурны ўзровень беларускага народа, інтэнсіўная і эфектыўная рэалізацыя інавацыйных праграм на аснове сучасных інфармацыйных тэхналогій, а таксама сістэма бяспекі Рэспублікі Беларусь.

Григорий Солганик
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

ЯЗЫК ИНФОРМАЦИИ И СИНОНИМИЯ

Одна из характерных черт языка СМИ – жажда, поиск экспрессии. Эта черта проявляется практически во всех жанрах и даже в таком, казалось бы, «бесстрастном», как газетная информационная заметка. Рассмотрим с этой точки зрения явление синонимии в данном жанре.

Наиболее распространенная и характерная функция синонимов в речи – функция замещения. Пишущий (говорящий) использует синоним, чтобы избежать повторения слова, которое может свидетельствовать о бедности словарного запаса, монотонности, однообразии речи, эстетической ущербности. В газетной заметке использование синонимов в функции замещения имеет регулярный характер. Можно говорить даже о тенденции, закономерности, свойственной информационным жанрам газеты. И хотя функция замещения распространена в любой кодифицированной речи, рассчитанной на воздействие, в языке газетной информации ее действие имеет существенные отличия. При этом следует принимать во внимание как особенности самого жанра, так и специфику синонимии. Рассмотрим пример.

«75-летний Василий Аксенов почти трое суток находился в коме, и врачи уже не надеялись на улучшение. По мнению эскулапов, в его возрасте после приступа и операции очень сложно вернуть пациента к полноценной жизни» («Московский комсомолец», далее – МК, 19.01.2008).

Во втором предложении слово *врачи*, чтобы избежать повторения, заменено словом *эскулапы*. Но оно стилистически отмечено, не нейтрально. Так, словарь Д. Н. Ушакова (СУ) дает пометы *книжн. шутл.,* Л. П. Крысин (Толковый словарь иноязычных слов) – *устар. шутл.,* Большой толковый словарь (БТС) – *ирон.* и раскрывает значение: «Неумелый, плохой врач».

Такое употребление, если придерживаться традиционного подхода, можно было бы счесть стилистической ошибкой: журналист не учитывает стилистическую окраску слова, ведь *эскулап* – это не просто врач, но плохой врач. В тексте же иронический, шутливый оттенки отсутствуют. Не учитывается и архаичность слова. Оно используется как полная и адекватная нейтральная замена слову *врач*.

И всё же было бы поспешным и неправомерным считать подобное употребление ошибочным. Оно не носит единичного характера[1].

---

[1] Ср.: «После обследования медики поставили танцору неутешительный диагноз – паховая грыжа. Именитого пациента поместили в отделение хирургии, где в ближайшее время ему сделают операцию.

Этот диагноз для спортсменов и танцоров достаточно распространенный. Эскулапы уверены, что все закончится благополучно» (МК, 15.01.2008).

Регулярное же использование такого рода синонимов позволяет видеть в данном процессе определенную тенденцию. И это касается не только слова *эскулапы*. Вот еще несколько аналогичных примеров.

«Искусственную новогоднюю ель пришлось тушить в новогоднюю ночь пожарным у метро "Ясенево". <…> К прибытию брандмейстеров огнем была объята макушка искусственной ели. Пламя бушевало на высоте 10 метров над землей. Брандмейстерам удалось быстро справиться с необычным пожаром» (МК, 15.01.2008).

«Девушка уговорила его подельника выпустить ее из квартиры. И сразу же направилась в ближайший околоток» (МК, 02.07.2008).

«В пять тысяч рублей оценили сорокаминутное содержание в столичном околотке служители Фемиды» (МК, 02.07.2008).

«Изредка родственники кладут в домовину предметы гигиены и даже средства контрацепции» (МК, 10.07.2008).

«В том же 2008 году – после убийства первой жертвы – пресс-службой Пограничного управления ФСБ России по Белгородской и Воронежской областям было распространено заявление, где пограницы жаловались на тяжелую ситуацию с контрабандой на участке российско-украинской границы» (МК, 27.11.2009).

Во всех приведенных примерах синонимы, призванные заменять нейтральные слова-обозначения, стилистически отмечены и полностью не равны семантически, не эквивалентны заменяемому слову. Так, *брандмейстер* все толковые словари отмечают как устаревшее. Однако оно отличается от *пожарного* не только устарелостью, но и неполным совпадением значения: брандмейстер не просто пожарный, но «начальник пожарной команды» (СУ). Но это различие не смущает журналистов. Контекст как бы снимает несовпадающие компоненты значения, стилистические оттенки. Читателю ясно, что речь идет именно о пожарных. Фактически слово *брандмейстер* не только возвращается к активному употреблению, но и приобретает новое, несколько измененное значение.

Околоток в одном из значений (по СУ) – «подразделение полицейского городского участка (дореволюц.)». С современной точки зрения это историзм. Используется вместо номинаций *отделение милиции, милицейский участок, участок*. По-видимому, *околоток* привлекает журналистов тем, что это однословное обозначение, обладающее известной выразительностью и оценочностью, уместной

в данном случае, по мнению пишущих, хотя оно и не совсем точно семантически.

К слову *домовина,* употребляемому вместо *гроб,* СУ дает пометы *обл. устар.*

Слова *погранец, погранцы* толковые словари, в том числе словарь В. И. Даля, не отмечают. Они, судя по опросам, тоже областные.

Как видим, во всех случаях в качестве эквивалентных используются далеко не полные синонимы, приходящие из разных источников: из пассивного словарного запаса, из диалектов и др. Можно полагать, что для языкового сознания журналистов стремление разнообразить речь (не повторять одно и то же слово) оказывается сильнее задачи точно обозначать понятия, реалии, хотя при таком словоупотреблении размываются, исчезают различительные оттенки синонимов.

Отмеченная тенденция лежит в русле газетной стилистики (языка СМИ), составляет одну из характерных особенностей информационных жанров, насущная задача которых заключается в необходимости регулярно обозначать повторяющиеся факты, события, реалии. При этом выразительность текста во многом обусловлена разнообразием речи. Как известно, информационные жанры не очень предрасположены к использованию выразительных средств. В этих условиях разнообразие речи – один из важнейших источников (средств) экспрессивности.

Тенденция к разнообразию речи получает поддержку в явлении синонимии, которая заключает в себе возможность нивелирования в речи оттенков синонимов, особенно в контекстах, в которых синонимы употребляются в непосредственной близости в функции замещения. В этой позиции происходит нейтрализация смысловых, стилистических оттенков, так как на первый план выступает выражение, обозначение одного и того же понятия, т. е. близость значения, а не различительные нюансы синонимов.

Охарактеризованная выше тенденция нивелирования оценочно-смысловых оттенков синонимов в определенных контекстных позициях важна и в общеязыковом (общеречевом) плане. Привлечение синонимов из разных стилевых сфер способствует освоению литературным языком разнообразных отмеченных средств, некоторой нейтрализации их в газетной речи и благодаря этому расширению лексикона, обогащению литературного языка. Одни средства, счита-

ющиеся устаревшими, возвращаются в литературный язык в новом качестве, другие, имевшие ограниченное употребление (диалекты, жаргоны, просторечие), обретают свойства литературности, расширяя экспрессивный потенциал литературного языка. Эти процессы показывают несомненно оправданное, но до некоторой степени условное разделение литературного (и национального) языка на стилистические сферы словоупотребления. Для языкового сознания носителей языка, особенно наделенных творческой способностью, все эти сферы оказываются живыми, действующими источниками лексических ресурсов, и их единицы легко переходят из пассивного запаса в активное употребление. Так совершается, в частности, развитие литературного языка, и значительная роль в этом принадлежит языку газеты (шире – СМИ).

Очень важна в этом процессе, как уже отмечалось, роль синонимии. Ряды синонимов представлены в словарях синонимов перечнями слов с семантически застывшими, неподвижными значениями. В речи же синонимы весьма подвижны, активно взаимодействуют, причем особая роль в этих процессах принадлежит различительным оттенкам. Если ядро значения слова-синонима, как правило, стабильно и меньше подвержено изменениям, то периферия (стилистические оттенки) – это наиболее гибкая и подвижная часть семантики слова. Стабильность ядра значения обеспечивает возможность употребления синонимов в функции замещения. Периферия обусловливает возможность изменения, развития значения. Можно полагать, что развитие значения слова начинается именно с периферии.

Таким образом, различительные оттенки синонимов могут нивелироваться в речи, когда синонимы используются в функции замещения, или, напротив, интенсифицироваться, что открывает широкий простор для разнообразно направленного развития лексики (семантики). Направление же (вектор) развития определяется жанром речи, стилем и другими факторами. Газетная речь действует двояко: активизирует экспрессивно-оценочные оттенки синонимов (публицистические жанры) или нивелирует оттенки (информационные жанры).

Ольга Солопова
Южно-Уральский государственный университет (Россия)

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО ЖАНРА ЖУРНАЛИСТИКИ

На современном этапе развития общества прогнозирование развивается как в рамках отдельных сфер человеческой деятельности, так и в междисциплинарных направлениях. Когнитивно-дискурсивное изучение моделей будущего в политическом дискурсе представляет собой одно из таких междисциплинарных исследований, предполагающих системное объединение методологии прогностики, политологии и когнитивной лингвистики.

Несмотря на схожесть в методологии и методике прогнозирования в разных науках, в каждой отдельной области оно обладает существенной спецификой, определяемой особенностями объекта прогнозирования. В когнитивно-дискурсивном исследовании объектом являются особенности лингвокогнитивной репрезентации моделей будущего России в политическом дискурсе.

Когнитивно-дискурсивное исследование будущего России в политическом дискурсе России, США и Великобритании нацелено на анализ моделей будущего, конструируемых СМИ. В качестве материала исследования моделей будущего привлекаются аналитические статьи, публикуемые в печатных и электронных изданиях, темой которых является будущее России, роль и место нашей страны на геополитической карте мира будущего.

Целью настоящей работы является обоснование использования аналитических жанров в качестве материала когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом дискурсе.

Содержание группы аналитических жанров включает «анализ явлений действительности, широкий охват по времени и пространству, глубокое проникновение в проблемы окружающей жизни» [1, с. 6]. По мнению А. А. Тертычного, в аналитической журналистике предметом отображения является отдельное событие, процесс, содержащий в себе ряд событий, ситуация, включающая как различные события, так и объединяющие их процессы во всем многообразии их взаимодействий. Любая аналитическая статья нацелена на объяснение взаимосвязанного ряда явлений, определение тенденций, закономерностей их взаимодействия, установление их ценности [5, с. 43].

Помимо группировки, систематизации данных и установления причинно-следственных связей аналитическая статья включает следующие составляющие:

– собственно прогнозирование;
– оценку;
– программу действий.

Прогноз в аналитической журналистике, как правило, основывается на следующих методах:

– метод экстраполяции – проекция тенденций развития явления, присутствующего в прошлом и настоящем, на его будущее в целом;
– метод аналогии – проведение параллелей, привлечение прошлого опыта в качестве демонстрационной модели для актуального события и его будущего;
– сценарный метод – выдвижение гипотез о развитии явления в будущем.

Названные методы, применяемые в аналитической журналистике, обычно относят к поисковым методам исследования в политическом прогнозировании [4, с. 793].

Поисковое прогнозирование сводится к «определению возможного или желаемого состояния объекта в будущем» [3, с. 91]. Имеется в виду условное продолжение существующих тенденций развития изучаемого явления. При этом происходит абстрагирование от возможных решений, которые способны радикально изменить наблюдаемые тенденции. Выявляя основные тенденции в современном политическом процессе, авторы прогнозов стремятся продолжить их в будущее, конструируя тем самым новые состояния политической системы. Такой прогноз дает ответ на вопрос: что вероятнее всего произойдет при условии сохранения существующих тенденций?

Поисковые прогнозы в первую очередь выполняют диагностическую функцию обнаружения проблемных узлов, выявляя наличие или отсутствие проблемных ситуаций. Иногда такие прогнозы носят сценарный характер: в этом случае выделяется несколько доминирующих тенденций и показывается, как будут развиваться события в случае, если каждая из них в прогнозном периоде будет превалировать. Поисковый сценарий описывает, исходя из существующей ситуации, состояние системы и доминирующие тенденции их изменения, последовательность событий, логически приводящих к возможному

будущему состоянию системы. В рамках исследования реальных систем в поисковом сценарии должны быть отражены:

– генетические и исторические связи, выявляющие происхождение событий, определяющие, какое из событий выступает в качестве предшествующего непосредственно другому;
– причинно-следственные связи между частями, элементами исследуемой системы;
– структурно-функциональные связи, обеспечивающие нормальную работу системы [3, с. 157].

Таким образом, прогнозный сценарий содержит описание ситуации, которое включает перечень факторов, показателей, признаков, их функции и взаимосвязи. Он означает разработку сюжетной схемы с несколькими направлениями, в которой предпринята попытка определить возможные варианты развития с учетом текущего состояния и вероятных вызовов.

Поисковый прогноз – сложный многоэтапный процесс научного предвидения, который является обязательным компонентом в аналитической деятельности журналиста. По своей сути аналитические статьи политической проблематики представляют собой поисковый прогноз с определенной долей субъективности. Адресат видит политический мир опосредованно – через призму СМИ, их язык и логику. Журналист интерпретирует факты, подталкивая аудиторию к тому, чтобы она сама сделала нужные ему выводы. СМИ «фильтруют» поступающую информацию таким образом, что предписанное ими восприятие существующей реальности определяет и видение будущего, формирует структуру содержания прогноза. СМИ могут быстро и эффективно «посеять публичное негодование и сконструировать то, что можно назвать моральной паникой вокруг определенного типа девиации» [2, с. 193]. Такое моделирование сродни манипуляции, поскольку журналист получает возможность вызвать определенную спровоцированную реакцию на свой материал, заранее управляя заданной им же самим ситуацией.

Такая специфика аналитической журналистики дает возможность изображать не столько реальный, сколько виртуальный мир. Расчет на то, что представление об образе возможной реальности рано или поздно сформирует и саму реальность, приводит к тому, что аналитическая журналистика активно моделирует образ мысли аудитории.

Литература

1. Акопов А. И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья : учеб.-метод. пособие для студентов-журналистов / А. И. Акопов. – Ростов н/Д : Изд-во Института массовых коммуникаций, 1996. – 51 с.

2. Ворошилов, В. В. Журналистика / В. В. Ворошилов. – СПб. : Кнорус, 2000. – 540 с.

3. Малая российская энциклопедия прогностики / И. В. Бестужев-Лада (гл. ред.), А. И. Агеев [и др.]. – М. : Институт экономический стратегий, 2007. – 328 с.

4. Общая и прикладная политология : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М. : МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.

5. Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие для студ. вузов / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 352 с.

Таццяна Старасценка

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

ДЫЯЛАГІЧНАЯ ПРАСТОРА МАСТАЦКАГА ТЭКСТУ

Пры аналізе мастацкага твора важна ўлічваць паняцце поліфанічнага дыялогу, калі тэма праводзіцца па розных галасах і аўтар, такім чынам, знаходзіцца на зменлівым месцы скрыжавання многіх «сэнсавых пазіцый». Такая дыялагічная сутнасць дыскурсу была акрэслена яшчэ ў даследаванні М. М. Бахціна «Эстетика словесного творчества» [1].

Выразны аўтарскі голас можна адчуць дзякуючы моўным сродкам, інакш, дыскурсіўным маркёрам, якія акрэсліваюць зону дыялагічнага кантакту суб’екта (аўтара) з адрасатам (чытачом). Варта зазначыць, што такі аўтарскі голас найперш накіраваны на сутворчасць з рэцыпіентам, яго прыцягненне ў працэс суперажывання. На аснове аналізу англійскай мастацкай прозы Т. Ф. Пляханава вылучае сем дыскурсіўных маркёраў той мяжы, за якой пачынаецца зона аўтарскага дыялогу [3, с. 162–175]. Некаторыя з такіх маркёраў дыялогу можна вылучыць і ў беларускіх мастацкіх тэкстах. Звернемся да іх асэнсавання.

Перавод аповеду ў кантэкст цяперашняга часу набліжае аўтара да чытача:

І вось цяпер, праз дваццаць з нечым год, калі я бываю дома, дзе лячуся ўспамінам пра няблізкае і падхарошанае даўняе, да мяне зноў чамусьці прыходзіць радасная туга стрэцца з Чаславай Карлаўнай. Я ж бачыў далёкія гарады, нешта ў маім жыцці спраўдзілася, і я крышку давольны гэтым. Але, пэўна, і цяпер я не сказаў бы ёй пра тое, што я яе любіў, любіў з неразважнай, смешнай дзіцячай затоенасцю. Не сказаў бы. Бо мы заўсёды мала добрага ***гаворым*** *другім, баючыся чужое радасці, і,* ***мусіць****, гэтак* ***трацім*** *сваю»* (В. Адамчык. Урок арыфметыкі).

Апошні сказ макраструктуры ўключае не толькі дзеясловы цяперашняга часу, але і займеннік ***мы*** з асабова-абагульненым значэннем: мы – гэта не толькі аўтар, але і чытач, і персанаж, і наогул любы чалавек. Такі займеннік дазваляе дыялагізаваць тэкст, уключаючы ў працэс творчасці і чытача. Гэтаму працэсу садзейнічае і сродак персуазіўнасці – лексема ***мусіць***, якая «запрашае да сумеснай дыскусіі, не навязваючы катэгарычна свайго пункта гледжання» [2, с. 65].

Зона дыялогу пачынаецца і са змены асобы апавядальніка – ад трэцяй да першай асобы адзіночнага або множнага ліку:

«Панна Кася выскачыла з класа, дробна застукаўшы абцасікамі і моцна бразнуўшы дзвярыма. Ах, як ***нам*** *было шкада чагосьці, як нечакана абарвалася і знікла назаўсёды нешта вельмі дарагое – мабыць, гэта* ***мы*** *развіталіся з даверлівым і бесклапотным дзяцінствам, бо ўведалі, што жыццё куды складаней, як здаецца на першае вока»* (Ян Скрыган. След гумавых шын).

Другі сказ макраструктуры сведчыць не толькі пра змену асобы, але і пра абагульняльны характар высновы, выражанай у прэдыкатыўных частках («...**што жыццё куды складаней, як здаецца на першае вока»**). Да такой «недзіцячай» мудрасці прыйшлі вучні пасля горкага расчаравання ў настаўніцы польскай мовы Касі. І такая мудрасць стварае адзіную прастору дыялогу з чытачом.

Мастацкі дыскурс можа ўключаць інтэрсуб’ектыўны план:

«Глядзеў на сябе ў люстэрка і смяяўся горкім смехам. Ну чаго ты лез? Што ты хацеў? Маладыя пасварацца і памірацца. Што табе да іх? Выхоўвай сваіх дзяцей, у цябе іх двое. Не будзь унтэрам Прышыбеевым, не лезь, куды цябе не просяць. Праўду казала жонка, праўду...

Але жыў нейкі яшчэ адзін голас, які не згаджаўся з тым, што я сабе выказаў перад люстэркам.

А чаму я павінен праходзіць моўчкі міма ўсякага свінства, хамства, нібы яно мяне не датычыць? Сёння я магу гэта балота абысці, а заўтра яно зойме вунь якую плошчу, яно выйдзе з берагоў і прыйдзе ў мой дом, у маю кватэру. Дык чаму я павінен чакаць, пакуль яно прыйдзе, а не змагацца з ім на далёкіх подступах? Калі мы будзем абыякавымі да ўсяго кепскага, што ёсць у нас і побач з намі, то чым мы адрозніваемся ад таго чалавека, які жыве ў грамадстве, дзе чалавек чалавеку – воўк? Нічым!..» (У. Дамашэвіч. Асеннім вечарам).

Канфлікт інтэнцыянальных палёў персанажаў, які фіксуецца ў няўласна-простым маўленні апавядальніка (першы абзац макраструктуры адлюстроўвае супрацьлеглую пазіцыю жонкі, якая мела свой погляд на падзею), вырашаецца ў перадапошнім сказе – дыялагічнай зоне, дзе выразна адчуваецца аўтарскі голас і падтрымка жыццёвай пазіцыі галоўнага героя. Асноўная ідэя (**«Калі мы будзем абыякавымі да ўсяго кепскага, што ёсць у нас і побач з намі, то чым мы адрозніваемся ад таго чалавека, які жыве ў грамадстве, дзе чалавек чалавеку – воўк?»**) – гэта вынік дынамікі ўзаемадзеяння ў працэсе дыялогу аўтара з героем і чытачом.

Семантычны зрух да абагульнення таксама садзейнічае мастацкай камунікацыі. Як вынік – да дыялогу тэксту-дыскурсу прыцягваецца і чытач:

«Ён бачыў яго блізка, тое сумна натапыранае, шэрае птушанё, гэтак бясконца, незразумела адзінокае ў знаёмай яму і, мусіць, не першы раз аблюбаванай засені падвечаровага куста. На сцяне, на лісці, на вялікіх прасцягах горада памірала сонца, і што адчуваў, каму і на што жаліўся ён, гэты жывы маленькі камячок, натомлены за дзень нейкім сваім, зразумелым яму, а мо зусім і незразумелым клопатам? Што гэта было: страх, натужнае чаканне непасільнага празарэння ці чуйна, вусцішна і раптоўна адчутая адасобленасць ад усяго і разлад з усім? І ці не так трывожыць, гняце незразумелым нейкім сэнсам і самога чалавека тужлівая палоска расхінутай на захадзе вечаровай зары?» (М. Стральцоў. Смаленне вепрука).

Апошні сказ маўлення (**«І ці не так трывожыць, гняце незразумелым нейкім сэнсам і самога чалавека тужлівая палоска расхінутай на захадзе вечаровай зары?»**) адлюстроўвае змену і апавядальнай асобы (адбываецца пераход да аб’ектыўнага аўтарскага аповеду), і часу (ужываюцца дзеясловы цяперашняга

часу ***трывожыць***, ***гняце***, хоць у папярэднім кантэксце пераважаюць дзеяслоўныя формы прошлага часу). Філасофскае пытанне гэтага апошняга сказа стварае агульную аснову дыялогу паміж аўтарам і чытачом, яно адрасуецца найперш чытачу, які запрашаецца да пошуку адказу.

У мове беларускай мастацкай літаратуры пераважае скрыты аўтарскі дыялог, калі граматычна не выражаны прамы зварот да адрасата (інакш кажучы, адсутнічаюць «фактычныя» моўныя сродкі, а таксама формы ўмоўнага і загаднага ладу дзеясловаў). Такая імпліцытная форма прысутнічае не толькі ў аўтарскім дыялогу з чытачом, але і ў аўтарскім дыялогу з персанажамі твора. Другі варыянт найбольш поўна рэалізуюць кампазіцыйныя прыёмы суб'ектывацыі аўтарскага аповеду – уяўленчы, выяўленчы і кампазіцыйны. Прыклад рэалізацыі прыёму ўяўлення:

«Пятрок вярнуўся ў станцыю, прылёг на лаўцы. Заснуў ён непрыкметна, забыўшыся на заўсёдны дарожны клопат: каб хаця не праспаць. Прачнуўся ад ***адчування, што вельмі цёпла стала ў твар, быццам падзьмуў аднекуль цёплы вецер****. Потым* ***нехта*** *далікатна правёў мяккім па шчацэ, па губах... Пятрок расплюшчыў вочы: між лавак, пысай ля самага Петраковага твару стаяў* ***Жулік****. У слабым паўзмроку цьмянага святла, што ішло са столі ад дзвюх лямпачак у вялізным пяціражковым люстры, мокрымі крышталікамі антрацыту блішчалі яго вочы*» (А. Кудравец. Жулік).

Для прыёму ўяўлення характэрны сэнсавы рух ад невядомага да вядомага. У прыведзенай макраструктуры праз аб'ектыўны аўтарскі аповед (аповед ад 3-й асобы) чытач выразна адчувае стан Петрака. Напачатку – «неадушаўлёнае» дакрананне да твару, потым яно трансфармуецца ў няпэўны займеннік ***нехта*** і выразна акрэсліваецца ў знаёмым сабаку **Жуліку**. Поліфанія гатага мастацкага цэлага ў тым, што аўтарская пазіцыя дыялагізуецца з пазіцыяй персанажа, яго светаўспрыманнем.

Выяўленчы прыём:

«Было гарачае лета, але Вера хварэла доўга. І з кожным днём заўважала ў сабе нейкія змены, бачныя толькі ёй адной. Тая сцяна пасталення як бы падсоўвалася да Веры ўсё бліжэй і бліжэй, дакранулася да грудзей і рук, а ноччу расплывалася, як вада, па яе гарачым сонным целе, налівалася яго пругкасцю і новай сілай. Хвароба адступала паволі.

Мяняліся дні, мільгалі перад вачамі ўзмахамі крылаў азёрнай чайкі, пралятталі пад гарачымі стрэхамі ліпеня» (В. Коўтун. Пацеркі для Веры).

Праз сродкі мастацкай выразнасці, асабліва ў апошнім сказе, перадаецца адчуванне пятнаццацігадовай Веры, якая любіла азёрныя хвалі ў летнюю спёку. Аўтарскі голас, такім чынам, дыялагізуецца з голасам персанажа.

Мантажны прыём:

«*Таццяна ўзгадала першы ягоны прыход у кафэ. Гэта было два тыдні таму. Быў поўдзень. Кафэ апусцела. Абапёршыся на прылавак, яна вяла гаворку з пажылой гаспадыняй Надзеяй Пятроўнай, якая жыла адна і таму была ахвочая на слоўца. Раптам рыпнулі дзверы і да прылаўка падышоў высокі статны мужчына ў сінім джынсавым касцюме. Ягоныя густыя валасы былі акуратна зачасаныя назад, мужны, крыху стомлены твар быў чыста паголены*» (А. Аляшкевіч. Калі зацвітае папараць-кветка).

За знешне аб'ектыўнай манерай аўтарскага аповеду выразна адчуваецца пункт гледжання персанажа – Таццяны. Напачатку даецца агульны план кафэ, далей – сярэдні (высокі статны мужчына ў сінім джынсавым касцюме), і ў канцы бачым канкрэтныя знешнія дэталі (густыя валасы, крыху стомлены твар і інш.). Дыялог аўтара з персанажам адбываецца, такім чынам, на ўзроўні перамяшчэння пункта гледжання.

Як бачым, поліфанія мастацкага твора рэалізуецца праз пэўныя дыскурсіўныя маркёры, якія дазваляюць устанавіць дыялог аўтара з чытачом і персанажам.

Літаратура

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

2. Жаўняровіч, П. П. Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча / П. П. Жаўняровіч; навук. рэд. В. І. Іўчанкаў. – Мінск : РІВШ, 2011. – 244 с.

3. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста : пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 368 с.

Марина Тригук
Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ЛЕС И СТЕПЬ» И. С. ТУРГЕНЕВА И «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ» И. А. БУНИНА

Время является одной из важнейших категорий человеческого бытия. Создание художественной действительности как модели реального мира требует выражения темпоральных отношений. В языке время представлено как особая языковая категория темпоральности, имеющая разветвленную систему выражения значений. Согласно А. В. Бондарко, темпоральность – это функционально-семантическая категория, охватывающая различные языковые средства выражения времени [1, с. 11]. Разнообразие в выражении темпоральных отношений позволяет исследовать их специфику применительно к каждому писателю и произведению. Рассмотрим выражение темпоральных отношений в произведениях «Лес и степь» И. С. Тургенева и «Антоновские яблоки» И. А. Бунина.

«Лес и степь» (1848) И. С. Тургенева и «Антоновские яблоки» (1900) И. А. Бунина – это тексты ретроспективного характера, тексты-воспоминания. В обоих текстах отмечено стремление к активной коммуникации с читателем, проявляющееся в употреблении местоимений 2-го лица *ты*, *вы*, грамматическая функция которых – наименование собеседника. В «Лесе и степи» И. С. Тургенева употребляются оба слова, в «Антоновских яблоках» И. А. Бунина – только местоимение *ты*, подчеркивающее отсутствие в общении дистанции и различий между собеседниками. В фокус внимания обоих писателей попадают изменения природы, четко зафиксированные указателями времени. Различия между произведениями отчасти определяются тематикой: И. С. Тургенев на первый план выводит тему охоты, рассматриваемую вместе с бытием природы, в то время как И. А. Бунин выделяет бытие дворянской усадьбы, тесно связанное с жизнью крестьян, природой, охотой. Текст И. А. Бунина сложнее в смысловом отношении: автор-рассказчик, кроме любования природой, ощущает невозвратность прошлого. Общим содержательным компонентом произведений является общая положительная оценка воспоминаний, любование описываемыми картинами. Поэтому буквально рефреном повторяется в повествованиях лексема *хорош*.

Так, в «Лесу и степи» И. С. Тургенева встречается: *«И как этот же самый лес хорош поздней осенью, когда прилетают вальдшнепы!»* [3, с. 317]. И. А. Бунин ощущает восхищение не только по отношению к природе, но и по отношению к укладу жизни: *«Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!»* [2, с. 312]. Восхищение четче прослеживается в «Антоновских яблоках», так как они были написаны на рубеже веков – во время, когда, в отличие от середины XIX века, все менялось.

Оба текста имеют сложную систему темпоральных отношений. Центральным средством выражения темпоральности являются глаголы в прямом и переносном значении. В тексте И. С. Тургенева глагольные формы в прямом значении используются ограниченно – в обрамлении повествования. Их функция – передать ход мыслей автора-рассказчика, ввести в повествование читателя, поэтому наиболее частотной формой является настоящее актуальное: *«Читателю, может быть, уже наскучили мои записки; спешу успокоить его обещанием ограничиться напечатанными отрывками; но, расставаясь с ним, не могу не сказать несколько слов об охоте»* [3, с. 314].

В повествовании И. А. Бунина глагольные формы в прямом значении используются шире, чем у И. С. Тургенева. В тексте распространены формы прошедшего несовершенного в значениях «длительность протекания действия», «бытийность», «результат предшествующего действия». Значение длительности поддерживается лексическими значениями слов. Так, в предложении: *«Случалось, что у такого гостеприимного хозяина охота жила по нескольку дней»* [2, с. 310] предлог *по* указывает на распределение действия в течение определенного периода, сочетание *нескольку дней* также имеет темпоральное значение. С точки зрения идейного содержания произведения важным является употребление глаголов в бытийном значении: грамматическая идея бытийности поддерживает интенцию автора описать быт дворянской усадьбы: *«К тому же наши Выселки спокон веку, еще со времен дедушки, славились “богатством”»* [2, с. 304]. В предложениях с глаголами несовершенного вида в значении «результат предшествующего действия» содержатся наблюдения автора, которые используются как толчок для развития микротемы и как ее логическое окончание: *«Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его»* [2, с. 306]. Формы прошедшего совершенного (аориста) используются

редко, так как основная цель автора – описать время существования дворянской усадьбы: «*Потом бабьим летом паутины много село на поля*» [2, с. 301]. Значимость в реализации идейного содержания произведения форма аориста приобретает в следующем контексте: *«Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни...»* [2, с. 307]. Оппозиция грамматических значений предшествования / момента речи показывает изменения жизни. Кроме того, лексическое значение глагола *сохраниться* «не исчезнуть, остаться в силе» в сочетании *сохранились до сего времени* противопоставлено смыслу сочетания *нет жизни*. Повтор сказуемого в безличном предложении и контекстное противопоставление, заключающееся в отсутствии привычных примет дворянской жизни, усиливают оппозицию: «*Нет троек, нет верховых "киргизов", нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика-охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча*» [2, с. 307].

В тексте «Антоновских яблок» смысловым центром настоящего времени являются формы настоящего актуального. Это глаголы чувственного восприятия: *вспоминается, помню, вижу, чувствую*. Временная отнесенность этих глаголов к настоящему времени показывает, что прошлое для автора реально, живо. Они выступают как средство актуализации воспоминаний и воссоздания образа времени: «*Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести*» [2, с. 301]. Форма настоящего актуального может вносить особый смысл в высказывание*: «И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком»* [2, с. 305]. Глагольная форма *казалось* вступает в грамматическую оппозицию с формой *помню,* выражая завершенность действия: И. А. Бунин разочаровался в прелести быть мужиком. Формы настоящего постоянного имеют вневременное и внепространственное значение, создавая вневременный образ деревенской жизни: «*А «осень и зима хороши <u>живут</u>, коли на Лаврентия вода тиха и дождик»* [2, с. 301].

И. А. Бунина тревожит и волнует прошлое, в настоящем он обращается к прошлому. Следовательно, будущее – это то, что для него малозначимо. Языковой материал подтверждает данное наблюдение: в тексте отсутствует употребление форм будущего времени в прямом значении.

В текстах распространено употребление глагольных форм в переносном значении, создающих атмосферу прошлого времени. В «Лесе и степи» основным типом переноса является употребление настоящего исторического. Данное употребление (*выходите, мигают, набегает, слышится* и др.) оживляет рассказ о минувших событиях, создает впечатление, что прошедшие действия происходят в момент речи. Кроме того, они имеют семантику длительности, позволяют «ощутить» описываемую ситуацию. В конструкции с глаголами в настоящем историческом времени проникают формы прошедшего совершенного: «*Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко застучала телега…*» [3, с. 314]. Их функция – передать перфектное значение, представить результат действия: в отличие от форм настоящего исторического они не вносят в текст семантику длительности. В некоторых случаях аорист подчеркивает перемещение в пространстве: *«Но вот вы отъехали версты четыре…»* [3, с. 314]. Категория пространства связана с категорией времени: движение в пространстве невозможно без движения во времени. Среди форм настоящего исторического также употребляются формы будущего времени, представляющие прошедшее действие как то, которое произойдет, для проникновения читателя в ситуацию: «*Вы раздвинете мокрый куст – вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи…*» [3, с. 315].

В «Антоновских яблоках» И. А. Бунина основными формами переноса является настоящее историческое и настоящее-будущее совершенное. Настоящее историческое представляет события прошлого как часть настоящего, что особенно важно для составления детального образа времени: «*Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег*» [2, с. 301]. Часто настоящее историческое передает личные ощущения рассказчика: «*В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле*» [2, с. 310]. Оно может использоваться при описании ситуаций различной степени обобщенности. Так, может описываться праздник – повторяющийся из года в год период времени: «*И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...*» [2, с. 302]. Неполные предложения сближаются с настоящим историческим, выводя на первый план состояние, ощущаемое человеком: «*Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и*

витых золотых рамах никогда не трогались с места» [2, с. 301]. В предложении: «*Пора на охоту!»* [2, с. 308], кроме значения настоящего исторического, выражается также значение долженствования, необходимости. Формы прошедшего времени в контексте настоящего исторического выражают значение перфектности: «*Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки…»* [2, с. 301]. Перфектность может выражаться формой причастия: «*Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка»* [2, с. 302].

Настоящее-будущее совершенное выступает в переносном значении, обозначая действие в прошлом как то, что произойдет. В контексте с настоящим историческим оно подчеркивает неожиданность уже свершившегося действия: «*И вдруг все это скользнет с яблони – и тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...»* [2, с. 303]. Оно также может актуализировать внимание на образе действия: *«Выйдет она важно, но приветливо…»* [2, с. 307]. Вместе с подчинительным союзом *пока* данная временная форма может указывать на временной предел действия: «*Долго ты глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами»* [2, с. 303]. Периферийным средством выражения темпоральности являются лексические конкретизаторы (существительные, прилагательные, наречия). В тексте «Лес и степь» И. С. Тургенева используются следующие обозначения времени существительными: 1) названия временных единиц *(час)*; 2) названия частей суток *(утро, день, вечер, ночь, заря)*; 3) названия времен года *(весна, поздняя осень)*. Употребляются прилагательные с временной семантикой: *прошлогодняя* листва, *осенний* запах, *осенний* день, *поздняя* осень, *зимний* день, *весенние* дни, *летнее июльское* утро, *летние* дни. Особенностью указания на время у И. С. Тургенева является стремление к конкретизации за счет указания на пору года: *летнее июльское* утро, *зимний, осенний, весенний, летний* день. Из наречий употребляются *наконец,* подчеркивающее достижение результата, *давным-давно*, а также *весной, летом, утром,* указывающие на пору года или время суток. В целом в функции неглагольной номинации времени у Тургенева доминирует беспредложное употребление существительных. Идея времени может выражаться через наименование явлений, предметов, характерных для определенного времени суток. Так, звезды можно увидеть только ночью:

«*На темно-сером небе кое-где мигают звезды…»* [3, с. 314]. Особым обозначением времени является слово *жизнь*, так как здесь временной отрезок является промежутком в вечности, данным конкретному человеку. Время характеризуется по мерке человека, в отличие от таких лексем, как *весна, утро*, обозначающих время природы, – время цикличное, вечное, неограниченное, в отличие от имеющей конец человеческой жизни.

В «Антоновских яблоках» лексические конкретизаторы, выраженные существительными, могут быть разделены на следующие семантические группы: 1) названия временных единиц (*час, год, век, столетие*); 2) названия частей суток (*целый день, несколько дней, сумерки, утром, раннее утро, вечером, зимняя ночь, ранняя утренняя заря, раннее ноябрьское утро, в полдень, ночь, поздняя ночь, ужин, обедня, обед, заря, ранняя заря);* 3) названия дней недели и месяцев (*август, сентябрь, октябрь, ноябрь);* 4) названия времен года (*осень, зима, лето, ранняя осень, глубокая осень*); 5) названия праздников, трапез *(праздник св. Лаврентия, престольные праздники, Петровки, праздничные дни, обед, ужин);* 6) названия неопределенных отрезков времени (*пора, прежние времена, до сего времени, миг*). На наш взгляд, в данную группу могут быть отнесены также слова *жизнь*: «*И старинная мечтательная <u>жизнь</u> встанет перед тобою...»* [2, с. 312] – и *старина*: «*Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про <u>старину</u>, про наследства, начинают появляться угощения…»* [2, с. 307]; 7) возрастные характеристики человека (*детство, старик, старуха*); 8) фазовые характеристики действия, отражающие отношение к границам временного отрезка (дни *начала* октября, в *середине* месяца). Кроме существительных конкретизируют временное значение прилагательные: *осенняя* свежесть, *утреннее* солнце, *ночная* лень, *старое* крыльцо, *осеннее* небо, *старая* мебель, *осенняя* прохлада, *осеннее* поле, *зимняя* ночь, *старинная* жизнь, *зимние* рамы, *зимняя* свежесть, *раннее ноябрьское* утро, *старая* кухарка. У И. А. Бунина прилагательные, имеющие отношение ко времени, имеют более широкую сочетаемость, чем у И. С. Тургенева: прилагательные с временным значением служат средством описания качества предмета. Об этом ярко свидетельствует употребление с одним словом разных прилагательных: *осенняя свежесть* и *зимняя свежесть.* В выражении временных отношений участвуют наречия: *поздно, рано, долго, подолгу, прежде, по-зимнему, летом, зимой*.

В рассматриваемых произведениях категория темпоральности представляет собой сложно организованную структуру. Однако в тексте И. А. Бунина шире набор грамматических и лексических средств выражения темпоральной специфики. Формы в прямом значении выступают как средство организации повествования. Глагольные формы в прямом значении у И. С. Тургенева только обрамляют повествование, в то время как у И. А. Бунина формы в прямом употреблении становятся средством отражения авторского замысла на протяжении всего текста. Так, формы прошедшего времени со значением бытийности на грамматическом уровне реализуют идею описания, глаголы в значении «результат предшествующего действия» становятся средством движения микротем. Глаголы чувственного восприятия в настоящем актуальном становятся средством воссоздания прошлого, глаголы в настоящем постоянном создают вневременный образ деревенской жизни. Переносные формы глаголов расширяют смысл обоих произведений, в них реализуется примерно одинаковый набор данных форм. Настоящее историческое становится средством оживления рассказа о прошлом, передает значимую для текста описания семантику длительности. Однако у И. А. Бунина настоящее историческое часто передает личные ощущения рассказчика, реже – ситуации большой степени обобщенности. Аорист в конструкциях с глаголами в настоящем историческом передает перфектное значение. Настоящее-будущее совершенное представляет действие в прошлом как то, что произойдет. У И. А. Бунина оно является средством выражения неожиданности действия и средством актуализации внимания на образе действия. Темпоральные лексемы в произведениях конкретизируют глагольное выражение времени согласно потребностям художественного текста.

Исследуемые тексты – «Лес и степь» И. С. Тургенева и «Антоновские яблоки» И. А. Бунина – показывают сходство стиля и мировоззрения писателей. Однако произведение И. А. Бунина включает более богатое идейное содержание, большее разнообразие языковых средств в выражении темпоральных отношений. Тем не менее оба автора, опираясь на использованные языковые средства, детально отобразили временну́ю модель действительности.

Литература

1. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 115 с.

2. Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Повести и рассказы / И. А. Бунин. – М. : Эксмо, 2006. – 800 с.

3. Тургенев, И. С. Записки охотника : рассказы / И. С. Тургенев. – Минск : Ураджай, 1979. – 320 с.

Юлия Трухан

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Процесс мышления – высшая форма человеческой деятельности. Именно способность к мышлению является одним из неотъемлемых свойств человека, позволяющих отделить его от остальных живых существ. «Любая деятельность человека начинается как мыслительный процесс, первоначально существуя в виде ментального образа, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности» [5, с. 293]. Во взаимодействии с мышлением человека находится также воображение, фантазия и ум, которые являются выражением творческого начала человеческой мысли. Процесс познания и преобразования окружающего мира невозможен без уяснения человеком своих действий, поступков, мыслей и переживаний. При этом важнейшая роль принадлежит мыслям, знаниям и мышлению, которые абстрактно и логично взаимодействуют, придают действию человека необходимую осмысленность и направленность [2; 3; 6].

Средством выражения ментального процесса в русском и белорусском языках в большей степени являются ментальные глаголы, чем имена. Имена существительные со значением ментальности, как правило, имеют процессуальную семантику (*мысль, значение, идея*). Имена прилагательные номинируют постоянный признак субъекта (*умный, глупый, сообразительный*) в отличие от глаголов с признаковой семантикой, обозначающих временный признак. Высказывание *Он умный* или *Он – умник* означает, что «он вообще умный, т. е. всегда, во всех ситуациях», а в выражении *Он умничает* имеется в виду то, что «он в данной ситуации, в данный момент хочет казаться умным». В настоящей работе основным критерием включения глаголов в состав ментального поля являются их словарные дефини-

ции. Материал был извлечен путем сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой и «Толкового словаря белорусского языка» в 5-ти томах под редакцией К. К. Атраховича. Были выбраны лексемы, в дефиницию которых входят обозначения основных этапов обработки информации: *думать, воспринимать, помнить, узнавать* и т. д. Цель данного исследования состоит в семантической классификации ментальных глаголов, а также в сопоставительном анализе данных единиц в русском и белорусском языках.

Несмотря на определенные достижения отечественного языкознания в исследовании ментальных глаголов, в науке до сих пор нет общепринятого определения понятия «ментальность». Вслед за В. В. Колесовым мы понимаем ментальность как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [4, с. 81]. Актуальной остается задача исследования глаголов ментальной сферы как в русском, так и в белорусском языках, поскольку этому аспекту уделялось недостаточно внимания со стороны российских и белорусских лингвистов. Сопоставительный аспект в изучении глаголов ментальной деятельности вызывает особый интерес, поскольку анализ семантической структуры в двух близкородственных языках позволяет выявить их общие и отличительные признаки.

С учетом семантической представленности все ментальные глаголы в двух близкородственных языках можно разделить на глаголы с первичным (основным) ментальным значением и глаголы со вторичным ментальным значением.

Центральными единицами, обозначающими процесс мышления в русском и белорусском языках, являются глаголы с общим первичным значением «раздумывать, мыслить, сопоставляя явления действительности, мысли, делая из них выводы»: рус. *мыслить* / бел. *мысліць* и их синонимы рус. *думать, размышлять* / бел. *думаць, разважаць*. Эти глагольные лексемы являются наиболее репрезентативными элементами в содержательном и функциональном плане ментального поля. Для глагола *мыслить* в МАС приводятся три значения: 1) рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы // *устар.* думать, размышлять о ком-, чем-л. // *устар.* думать, полагать, считать; 2) представлять в мыслях, мысленно воображать; 3) рассчитывать, предполагать

[МАС: т. II, с. 317]. В ТСБЯ слово *мысліць* имеет два значения: 1) развважаць, супастаўляючы з'явы рэчаіснасці, думкі і робячы з іх вывады; 2) *разм.* уяўляць у мыслях [ТСБЯ: т. III, с. 187].

В условиях контекста во взаимодействии с различными контекстуальными конкретизаторами в смысловой структуре этих лексем может наблюдаться опосредованная реализация мыслительного процесса как действия или как состояния, что не дает возможности употребляться, например, с наречиями типа: *старательно*, *напряженно*, *усердно*. Так, рус. *Он не мыслил себя вне станции, он любил производство с его… вознею с машинами и людьми, любил планы, напряженный ритм этого завода энергии.* Гранин, Искатели [МАС: т. II, с. 317] / бел. [*Левановіч:*] *Як ты мысліш сабе гэту праверку*? [*Гарлахвацкі:*] *Трэба назначыць аўтарытэтную камісію.* Крапіва. [ТСБЯ: т. III, с. 187]. В составе данных предложений глагольные лексемы рус. *мыслить* / бел. *мысліць* выражают внутреннее состояние человека. Особенностью этих глаголов является и то, что в их семантике наблюдается контаминация размышления и рассуждения.

В ходе проведенного анализа семантической структуры ментальных глаголов нам удалось выделить несколько лексико-семантических групп (далее ЛСГ) глаголов, в значении которых отражаются различные стороны мыслительного процесса.

Известно, что процесс мышления есть не что иное, как познание. Этому признаку соответствует ЛСГ глаголов познания (рус. *дознаться* / бел. *даведацца*; рус. разг. *разузнать* / бел. разг. *разведаць* (*даведацца, дазнацца*); рус. *узнать* / бел. *пазнаць* (*спазнаць, зазнаць, уведаць*), в семантике которых содержится указание на приобретение знания. Так, например, рус. *познать – приобрести знание, получить истинное представление о ком-, чем-л.*; *постичь // хорошо узнать, понять чей-л. характер // испытать пережить* [МАС: т. III, с. 240] / бел. *спазнаць* – 1) ахапіць розумам, асэнсаваць з'явы рэчаіснасці; 2) даведацца пра што-н.; 3) набыць веды ў чым-н., пазнаць што-н. // атрымаць сапраўднае ўяўленне пра каго-, што-н.; 4) адчуць, зазнаць што-н. на ўласным вопыце, перанесці, перажыць што-н.; 5) апазнаць каго-н. або што-н. знаёмае; 6) усвядоміць, зразумець, пераканацца [ТСБЯ: т. III, с. 602].

Указание на сохранение познанного отражено в семантике лексем, относящихся к ЛСГ глаголов памяти (рус. *помнить* / бел. *помніць (памятаць)*; рус. *вспомнить* / бел. *успомніць (прыгадаць)*; рус.

запомнить / бел. *запомніць*). Данные глаголы, отражая процесс памяти, передают сохраненную информацию о событиях внешнего мира и реакцию организма в сознании человека. ЛСГ глаголов памяти, обозначая хранение или утрату в сознании какой-либо информации, тесно взаимосвязана с ЛСГ глаголов знания (рус. *знать* / бел. *ведаць*).

Глаголы знания, в свою очередь, могут обозначать различную степень адекватности действительности:

– знания соответствуют действительности: рус. *знать* / бел. *ведаць*;

– неопределенность знаний: рус. *сомневаться* / бел. *сумнявацца*; рус. *считать* / бел. *лічыць*; рус. *верить* / бел. *верыць*; рус. *предполагать* / бел. *меркаваць*;

– знания не соответствуют действительности: рус. *выдумывать* / бел. *выдумляць*; рус. *придумывать* / бел. *прыдумляць*; рус. *ошибаться* / бел. *памыляцца.*

Процесс восстановления в памяти забытого обозначают глаголы: рус. *вспомнить* / бел. *успомніць*; рус. *припомнить* / бел. *прыпомніць.*

Глаголы данной ЛСГ, как и глаголы знания, характеризуются семами субъектности и объектности, но в отличие от последних они могут употребляться и в безличных конструкциях (*Ничего не помнится*..., *Мне вспомнилось*... и т. д.).

Также можно выделить ЛСГ глаголов мышления, обозначающих различные мыслительные операции:

– суждение, умозаключение: рус. *судить* / бел. *меркаваць (разважаць, думаць, рабіць вывад, выводзіць)*; рус. *рассуждать* / бел. *разважаць*; рус. *оценивать* / бел. *ацэньваць*;

– сравнение и сопоставление: рус. *сравнивать* / бел. *параўноўваць*; рус. *сопоставлять* / бел. *супастаўляць (параўноўваць)*; рус. *различать* / бел. *распазнаваць*;

– направленность мысли в будущее: рус. *предвидеть* / бел. *прадбачыць*; рус. *предугадывать* / бел. *прадугадваць*; рус. *предусматривать* / бел. *прадугледжваць;* рус. *намереваться* / бел. *мець намер.*

Немалочисленную ЛСГ составляют глаголы понимания (рус. *понимать* (*постигать*) / бел. *разумець;* рус. *уяснить* / бел. *усвядоміць* (*уразумець*)*;* рус. *осмыслить* / бел. *асэнсаваць*, (*зразумець*). Данные глаголы обозначают активный процесс становления понимания, который «требует собственно умственной активности субъекта, опреде-

ленного его умственного развития (способности к аналитическому мышлению)» [1, с. 158].

В целом отражение в семантической структуре ментальных глаголов разных значений умственной деятельности свидетельствует о разнообразии внутреннего состояния носителей языка, способности человека творчески мыслить, глубоко проникать в суть явлений и процессов окружающей действительности.

Среди рассматриваемых лексем особый интерес представляют глаголы, которые приобретают ментальную семантику во вторичных значениях. Такие значения чаще всего возникают на основе метафорического употребления глагольного слова, связанного с переносом наименования с одного действия на другое по сходству внешних признаков. Данные глаголы в прямых значениях обозначают конкретные действия, состояния, процессы, тогда как при переносном употреблении их значения передают ментальные понятия. Этот факт подтверждает одну из закономерностей, свойственных семантической структуре слова, на которую в свое время указал известный лингвист Д. Н. Шмелев: «Среди глаголов, обозначающих конкретные физические действия и состояния, сравнительно немного таких, значения которых были бы ограничены указанной сферой, – большая часть этих глаголов используется также для обозначения действий, имеющих менее конкретный характер, для обозначения психических процессов и т. д.» [7, с. 96]. Следовательно, семантическая структура рассматриваемых глаголов с учетом представленности ментальной семантики в их вторичных значениях задает параметры ментального поля, в рамках которого находятся лексемы различных ЛСГ. Это глаголы движения, глаголы конкретного физического действия, глаголы, номинирующие способ действия человека, глаголы, обозначающие различные физиологические процессы. Все перечисленные глаголы дифференцируются по первичному значению.

1) Глаголы движения (перемещения) представляют собой замкнутое лексико-грамматическое объединение небольшого количества слов, вторичная номинация которых характеризуется наличием ментальных значений. Ср., например:

рус. *дойти* – «идя, двигаясь в каком-л. направлении, достигать какого-л. места» → разг. «достичь понимания чего-л.; додуматься»: [*Андрей Титыч:*] *Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошел.* А. Островский, В чужом пиру похмелье [МАС: т. I, с. 418] / бел. *дайсці* – «ідучы ў пэўным кірунку, дасягнуць якога-н. месца» →

разг. «дасягнуць разумення чаго-н.; дадумацца, разабрацца, разведаць»: *Дзядзька Максим – чалавек цікаўны, пакуль да усіх дробязей не дойдзе – не адступіцца.* Пянкрат [ТСБЯ: т. II, с. 118];

рус. *добраться* – разг. «с трудом или нескоро дойти, доехать и т. п. до какого-л. места, предмета» → перен. разг. «постепенно, прилагая старания, усилия, узнать или понять что-л.»: *Как будто официальная бумага – такое литературное произведение, которое прямо вам и объясняет внутренний характер всего дела. Совсем нет: здесь нужно добраться до сущности некоторыми соображениями.* Добролюбов, Ответ на замечания Г. А. Галахова [МАС: т. I, с. 408] / бел. *дабрацца* – «марудна або з цяжкасцю дасягнуць якога-н. месца» → перан. «прыкладаючы намаганні, дасягнуць разумення чаго-н.»: [*Антон з Мікітам*] *няхутка дабраліся да сэнсу ігры гэтых літар і слоў.* Ракітны [ТСБЯ: т. II, с. 107].

Данные глаголы сохраняют в своей семантике компонент динамики, указывающий на активное постижение человеком сути объекта мысли, проникновение в его основные, наиболее существенные свойства благодаря активизации интеллектуальных усилий, позволяющих добиться определенного результата.

2) Метафорическому переосмыслению подвергаются глаголы, относящиеся к ЛСГ конкретного физического действия. К данной группе относятся глаголы: рус. *копать* / бел. *капаць*; рус. *взвешивать* / бел. *узважваць*; рус. *разбирать* / бел. *разбіраць*; рус. *переворошить* / бел. *пераварушыць*; рус. *прокручивать* / бел. *пракручваць* и др. Например:

рус. *переворошить* – «вороша, шевеля что-л., положить, разместить иначе» → перен. «припоминая, мысленно перебрать, пересмотреть»: *Переворошить в памяти события последних лет. – Не так-то просто все вам объяснить. Для этого надо переворошить всю жизнь, которую я прожила.* Тэсс. Недоставленная телеграмма [МАС: т. III, с. 53] / бел. *перавярнуць* – «павярнуць процілеглым бокам, павярнуць з аднаго боку на другі» → перен. значэнне адсутнічае.

3) Существует также метафорические преобразования, которые по своему первичному значению номинируют способ действия, связанного с образом жизни, поведением человека, обычно с оценочно-характеризующим оттенком, а во вторичном значении обозначают мыслительный процесс. Например:

рус. *вертеться* – «совершать круговые движения; вращаться; кружиться» → перен. «постоянно возвращаться, обращаться (в мыслях,

разговоре, споре и т.п.)»: *В мыслях вертится вчерашний разговор* [МАС: т. I, с. 153] / бел. *круціцца* – «рухацца по кругу або паварочвацца вакол сваей восі; вярцецца» → перан. «пастаянна вяртацца да адной і той жа думкі, тэмы і пад.»: [*Засмужац*] *паспрабаваў адагнаць сон, – нейкая надакучлівая думка неадчэпна, як сляпень, круцілася ў галаве.* Мележ [ТСБЯ: т. II, с. 734].

Глаголы последней подгруппы выражают усилие субъекта вспомнить что-л. хорошо известное, но забытое в определенный момент.

4) К сфере ментальности относятся и глаголы, обозначающие различные физиологические процессы:

рус. *переварить* – «переработать, усвоить в процессе пищеварения» → перен. «воспринять, творчески усвоить»: *Вы, Мерцалов, видно, читали по этому вопросу, к сожалению, только совершенно не переварили того, что прочли.* Вересаев, В юные годы [МАС: т. III, с. 50] / бел. *пераварыць* – «перапрацаваць, засвоіць у працэсе стрававання» → перан. разг. «успрыняць, засвоіць, перапрацаваць»: *Унутры столькі незразумелых слоў не пераварыць да самай смерці.* Асіпенка [ТСБЯ: т. IV, с. 165];

рус. *раскусить* – «кусая, разделить на куски» → перен. разг. «разобраться в ком-, чем-л., хорошо узнать, понять кого-, что-л.»: *Мы еще не раскусили, но дельный, дельный человек.* Тургенев, Новь [МАС: т. III, с. 649] / бел. *раскусіць* – «кусаючы, раздзяліць на часткі» → перан. разм. «распазнаць, добра ўведаць»: *Косця раскусіў іх* [*фашыстаў*] *каварную задуму і адмовіўся прымаць лякарства.* Пятніцкі [ТСБЯ: т. IV, с. 656].

Таким образом, на основе проанализированного материала можно сделать следующие выводы:

1. Ментальные глаголы в русском и белорусском языках характеризуются высокой степенью схожести с точки зрения количественного состава и семантического объема лексических значений. Это обусловлено генетической близостью языков и общими путями формирования их лексических составов. Несмотря на это, рассматриваемые лексические единицы в русском и белорусском языках имеют определенные отличия, касающиеся наличия / отсутствия соответствующего значения или коннотативной окраски какого-либо лексико-семантического варианта (ЛСВ) в одном из сравниваемых языков. Следует уточнить, что несовпадение объемов ЛСВ наблюдается при переводе с одного языка на другой. Так, с русского на белорусский язык глагол рус. *судить* переводится тремя отдельными лексическими единица-

ми (как правило, синонимическими), каждая из которых закреплена в узусе белорусского языка: бел. *меркаваць* — «развaжаць, рабіць вывад». Выявленные различия указывают на национально-культурную специфику лексического корпуса исследуемых единиц.

2. Между глаголами разных ЛСГ, в семантической структуре которых ментальное значение используется как основное, наблюдается большая семантическая общность. Это объясняется наличием неразрывной связи между процессами, относящимися к психической деятельности человека, его сознанию, памяти, мыслительным процессам.

3. Основу ЛСГ русских и белорусских глаголов со значением ментальной деятельности во вторичном употреблении составляют общеупотребительные слова, в семантической структуре которых выявляются переносные значения.

Дальнейшее исследование ментальных глаголов в русском и белорусском языках будет способствовать более углубленным знаниям о процессах, связанных с образованием лексики ментальной сферы.

Литература

1. Булыгина, Т. В. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 151–166.

2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 5-е изд., испр. – 352 с.

3. Касевич, В. Б. Язык и знание / В. Б. Касевич // Язык и структура знания. – М., 1990. – С. 8–25.

4. Колесов, В. В. Логический анализ языка. Ментальные действия / В. В. Колесов. – М. : Наука, 1993. – 326 с.

5. Петровский, А. В. Краткий психологический словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский, – М. : Изд-во политич. лит-ры, 1985. – 435 с.

6. Храковский, В. С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании / В. С. Храковский // ВЯ. – 1983. – № 3. – С. 110–117.

7. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для вузов / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

Лексикографические источники

1. *МАС*: Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.

2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад. рэд. К. К. Атраховіча. Мінск : Выд-ва «Бел. сав. энц-ыя», 1977–1984.

Галіна Тычко
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў

КАМУНІКАТЫЎНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Дыскусійны артыкул «Дзевяць прычынаў не любіць беларускую літаратуру» М. Аляшкевіч, які з'явіўся нядаўна на інтэрнэт-сайтах, не называе прычыны дзясятай, бадай самай істотнай, – **не ведаць яе**. Гісторыя беларускай літаратуры дагэтуль уяўляе сабой неспазнаны мацярык, своеасаблівую халодную Антарктыду з таямнічым ландшафтам, занесеным снегам забыцця. Нам невядомыя не толькі скарбы старажытнай літаратуры, сховы якіх прыадчыняе крыху герменеўтычная драматургія С. Кавалёва, але не ўсё мы ведаем і пра больш блізкі нашаніўскі перыяд – складаны, крэатыўны, напоўнены інтэнсіўнымі эстэтычнымі пошукамі, трагічны.

Узаемадзеянне чытача і тэксту, інакш кажучы мастацкая камунікацыя, пачынаецца з таго, што мастацкі твор, паводле Г. Гадамера, «для таго, хто ўспрымае, з'яўляецца як быццам гульнёвай пляцоўкай, на якую ён павінен выйсці» [3, с. 292]. Разуменне, як асноўны тэрмін герменеўтыкі, мае на ўвазе працэс пазнання ўнутранага зместу, расшыфроўкі гістарычнага тэксту дзеля ўсведамлення непарыўнасці духоўнага і культурнага вопыту чалавецтва.

Заключным этапам разумення выступае інтэрпрэтацыя, якая заўжды застаецца суб'ектыўнай і ўяўляе сабой дыялог аўтара і чытача і адначасова дыялог кожнага з іх з папярэдняй і сучаснай культурай (І. Арнольд). Інтэрпрэтацыя тэксту, асоба аўтара даследуюцца ў рамках біяграфічнага і псіхалагічнага метадаў, якія займалі вядучае месца ў літаратуразнаўстве мінулых стагоддзяў.

Біяграфічны метад, распрацаваны французскім пісьменнікам Ш. О. Сент-Бёвам, як вядома, заснаваны на дакументальных фактах з жыцця аўтара, звестках пра яго сваякоў, інфармацыі, знойдзенай у рукапісах, дзённіках, лістах, водгуках сучаснікаў і інш. Гэты падыход паказвае, як і ў якой ступені аўтарская біяграфія адлюстравалася ў мастацкім творы.

Псіхалагічная інтэрпрэтацыя дапамагае чытачу засяродзіцца на ўнутраным свеце аўтара, а культурна-гістарычны, параўнальны і сацыялагічны метады дазваляюць узнавіць кантэкст узнікнення твора. Разам з тым ніводзін з названых і з тых, што не пералічаны тут, сучасных літаратуразнаўчых метадаў не можа даць поўнае, вычарпальнае ўяўленне пра мастацкі тэкст. Па гэтай прычыне канец XX і пачатак XXI ст. звязаны з пошукам сістэмных падыходаў да інтэрпрэтацыі мастацкіх тэкстаў, якія ўлічвалі б прынцыпы вывучэння твора ў сінтэзе структурна-функцыянальных і генетычных уяўленняў пра аб'ект (В. Зінчанка, В. Зусман, З. Кірнозе) [4].

Тым не менш выкарыстанне існуючых метадаў і падыходаў дазваляе ўзбагаціць мастацкую камунікацыю чытача і аўтара, усвядоміць мастацкі тэкст ці з'яву не толькі ў звязку з нацыянальнай гісторыяй і традыцыямі, але і ў складаных повязях з сусветным мастацкім кантэкстам, у якасці аднаго са складнікаў сусветнай культурна-мастацкай сістэмы.

У 1916 г., за год да смерці, Максім Багдановіч напісаў незвычайны, як быццам не характэрны і тэматычна далёкі ад яго інтарэсаў верш «Ўсплывае грамада сіфанафора», які пры жыцці паэта не друкаваўся. Упершыню ён быў апублікаваны ў «Творах» 1927 г. з аўтографа. Змешчаны ў цыкле «Прырода. Малюнкі і настроі».

Сіфанафоры, пра якія гаворыцца ў вершы, – марскія жывёлы, што жывуць калоніямі і вылучаюцца незвычайнай прыгажосцю колераў і разнастайнасцю формаў. Знешне нагадваюць гірлянды кветак. Яны знаходзяцца ў свабодным плаванні, і кожная сіфанафора на працягу ўсяго жыцця выконвае ў калоніі сваю спецыфічную функцыю, у выніку ўсе сіфанафоры адрозніваюцца паміж сабой сваім выглядам. Спосаб жыцця сіфанафораў стаў для Максіма Багдановіча нагодай для роздуму над сэнсам жыцця асобнага індывідуума і спосабам уладкавання чалавечага грамадства. Запраграмаванасць сіфанафораў на выкананне пэўнай функцыі выступае для паэта алегорыяй духоўнага калецтва і смерці чалавечай індывідуальнасці: «жывых асоб жывучая труна», а ў выніку – бессэнсоўнасці існавання: «І ўсе жывуць без шчасця і без гора…».

Напісаны гэты твор пад уплывам вывучэння навуковай спадчыны біёлага і сацыёлага М. Д. Ножына (1841–1866). Да пяцідзесяцігоддзя з дня яго смерці М. Багдановіч апублікаваў артыкул «М. Д. Ножин» у «Ежемесячном журнале» (Петроград, 1916). М. Ножын быў звяза-

ны з рэвалюцыйнымі коламі і ў сацыялогіі выступаў прадстаўніком субъектыўнага метаду. Аднак у біялогіі ён прызнаваў дарвінізм, які, паводле яго меркавання, нельга прымяніць да сацыялогіі.

Увага М. Багдановіча да спадчыны і поглядаў М. Ножына тлумачыцца абвастрэннем зацікаўленасці сацыяльнай праблематыкай у тагачасным студэнцкім асяроддзі, да якога належаў паэт, а таксама тым, што М. Ножын быў блізкім сябрам і паплечнікам вядомага рускага пісьменніка М. К. Міхайлоўскага, сацыёлага і выдатнага публіцыста, народніка. Вывучаць спадчыну М. К. Міхайлоўскага рэкамендаваў М. Багдановічу бацька – Адам Ягоравіч. Неардынарная ж асоба М. Ножына магла захапіць Максіма яшчэ і па прычыне незвычайнай адоранасці гэтага чалавека і яго трагічна заўчаснай смерці, пад знакам якой жыў і сам невылечна хворы паэт.

Зацікаўленасць М. Багдановіча рускай літаратурай, маральна-філасофскімі, сацыяльнымі праблемамі таго часу тлумачыцца як расійскім асяроддзем, у якім паэт жыў, так і псіхалагічнымі фактарамі яго душэўнага стану, скіраванага на роздум і медытацыю. Блізкае сваяцтва сям'і М. Багдановіча з сям'ёй выдатнага рускага пісьменніка Максіма Горкага (у 1899 г. Адам Ягоравіч Багдановіч ажаніўся з Аляксандрай Паўлаўнай Волжынай, роднай сястрой жонкі М. Горкага) уплывала на фарміраванне творчай індывідуальнасці маладога паэта, кола яго літаратурнага чытання, інтэлектуальна-філасофскія пошукі, эстэтычныя погляды [1]. Аднак думаецца, што не толькі вялікі пралетарскі пісьменнік уплываў на маладога паэта, прадстаўніка новай, мала каму тады вядомай беларускай літаратуры, у жыццяздольнасці якой сумняваліся ў той час многія з высокаадукаваных беларусаў. Пэўны ўплыў на асобу Максіма Горкага, след у яго свядомасці пакінуў і Максім, яго паэзія і апантаная любоў да Беларусі.

Пацвярджэннем таму з'яўляецца нейкі асаблівы, шчыры і, можна нават сказаць, чуйны і пастаянны інтарэс М. Горкага да беларускай літаратуры. Летам 1910 г. падчас адпачынку пісьменніка ў Італіі на востраве Капры сярод людзей, якія яго наведвалі, аказаўся і мала каму вядомы Андрэй Фёдаравіч Посах (1884–1945). Гэты чалавек зацікавіў М. Горкага не толькі тым, што быў з Беларусі, але і тым, што нядрэнна арыентаваўся ў беларускай літаратуры. А. Посах добра ведаў Янку Купалу, з якім разам працаваў у 1906 г. на бровары ў Яхімаўшчыне. І хоць А. Посах захапляўся дакладнымі навукамі і пазней стаў кандыдатам фізіка-матэматычных навук і

дацэнтам БДУ, можа, дзякуючы Купалу ён на працягу ўсяго жыцця любіў паэзію. Знамянальна і невыпадкова, што М. Горкі пачынае распытваць А. Посаха пра беларускую літаратуру, просіць пачытаць беларускія творы. У верасні таго ж 1910 г. пад уражаннем гэтай сустрэчы М. Горкі піша ліст у рэдакцыю «Нашай нівы» з просьбай даслаць тэкст купалаўскага верша «А хто там ідзе?» і ноты да песні, якую на аснове твора напісаў кампазітар Л. Рагоўскі [5].

Зацікаўленасць М. Горкага беларускай літаратурай, несумненна, мела вытокі ў яго сваяцка-сяброўскіх повязях з сям'ёй Багдановічаў. Маючы вельмі прыязныя адносіны з Адамам Ягоравічам, М. Горкі не мог не ведаць пра захопленасць Максіма беларускай літаратурай, пра яго публікацыі ў першай легальнай беларускамоўнай газеце «Наша ніва». Асаблівае стаўленне М. Горкага да беларускай літаратуры засведчана ў многіх агульнавядомых выказваннях і ў факце перакладу ім «А хто там ідзе?» на рускую мову.

Пасля ўтварэння БССР М. Горкі, які быў ініцыятарам заснавання Саюза савецкіх пісьменнікаў, таксама ніколі не забываў пра Беларусь. У чэрвені 1934 г. у Мінску адбыўся І з'езд савецкіх пісьменнікаў Беларусі. Яму папярэднічалі масавыя арышты нацыянальнай творчай інтэлігенцыі летам 1930 г., спроба самагубства Янкі Купалы на глебе палітычнага ганення ў лістападзе таго ж года і першы масавы расстрэл беларускіх літаратараў, праведзены ў ноч з 17 на 18 мая 1934 г. Тады беларуская культура страціла адразу 15 чалавек. У Саюзе пісьменнікаў Беларусі на той час было 69 сяброў і 26 кандыдатаў.

Апальныя паэты – Янка Купала і Якуб Колас – напачатку на з'езд не былі запрошаны. Толькі спецыяльныя захады М. Горкага і рэдактара газеты «Известия» І. Гронскага, скіраваныя, відаць, дзеля ўратавання беларускіх класікаў ад рэпрэсій, зрабілі магчымым іх удзел у рабоце з'езда. У выніку яны выбіраюцца членамі праўлення і дэлегатамі з правам рашаючага голасу на І з'езд СПП СССР, дзе Беларусь прадстаўлялі 26 літаратараў. На гэтым з'ездзе вызначылася сутнасць сацыялістычнага рэалізму, які быў абвешчаны асноўным творчым метадам савецкай мастацкай літаратуры. Між тым старшыня праўлення савецкіх пісьменнікаў Беларусі Міхась Клімковіч у прамове на з'ездзе абвясціў, што «беларускі нацыяналізм застаецца галоўнай небяспекай для беларускай літаратуры, як і наогул для КП(б)Б і БССР».

У атмасферы недаверу і падазронасці праходзіў і III пленум праўлення Саюза пісьменнікаў СССР, які адбыўся ў Мінску ў 1936 г. Выбар Мінска як месца правядзення форуму таксама быў звязаны з ініцыятывай М. Горкага. Пленум прысвячаўся савецкай паэзіі, але адным з асноўных яго пытанняў быў стан беларускай літаратуры. Глыбокі творчы крызіс, які яна перажывала, быў выкліканы барацьбой з тым самым «беларускім нацыяналізмам», якая ў пасляз’ездаўскі час яшчэ больш абвастрылася. У працы пленума ўдзельнічалі многія вядомыя рускія пісьменнікі, такія як К. Федзін, В. Інбер, М. Асееў, А. Фадзееў, Б. Пастарнак, А. Твардоўскі, А. Суркоў і інш. Сам М. Горкі з-за хваробы на пленуме не прысутнічаў, але ён уважліва азнаёміўся з тэзісамі даклада М. Клімковіча «Літаратура Савецкай Беларусі», зрабіў свае заўвагі [2].

На пленуме выступілі таксама Аляксей Суркоў з дакладам «Аб савецкай паэзіі» і Афзал Тагіраў з дакладам «Башкірская савецкая літаратура». Ідэя адзінства і разнастайнасці шматнацыянальнай савецкай літаратуры, якая гучала ў дакладах, знаходзіла свой працяг і ў пісьменніцкіх выступленнях, у прыватнасці ў прамовах народнага паэта Беларусі Якуба Коласа і яркага прадстаўніка тагачаснай пралетарскай паэзіі Андрэя Александровіча. Вынікі работы пленума падводзіў першы сакратар ЦК КП(б)Б Мікалай Гікала, які актыўна ўдзельнічаў у разгортванні масавых рэпрэсій на Беларусі. Літаральна праз некалькі гадоў – у 1938 г. – ён і сам стане ахвярай сталінскай таталітарнай сістэмы, як і А. Тагіраў, і А. Александровіч, і многія іншыя з тых, хто знаходзіўся ў гэтай зале.

29 кастрычніка 1937 г., у дзень ленінскага камсамола, у Мінску за адну ноч расстралялі 20 беларускіх пісьменнікаў. Паводле звестак, якія прыводзяцца ў 5-м томе «Гісторыі Беларусі», «у савецкай дзяржаве ў тыя гады было рэпрэсіравана 2000 літаратараў, з якіх 500 прыпадае на Беларусь».

Літаратура

1. Беларускія пісьменнікі. Біябібліяграфічны слоўнік : у 6 т. / рэд. : А. В. Мальдзіс. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя, 1992–1995. – Т. 1. – 1992. – 542 с.

2. Беларускія пісьменнікі. Біябібліяграфічны слоўнік : у 6 т. / рэд. : А. В. Мальдзіс. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя, 1992–1995. – Т. 3. – 1992. – 585 с.

3. Гадамер, Г. Г. Истина и метод / Г. Г. Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – 2-е изд. – 2008. – 224 с.
5. Купала Янка : энцыкл. давед. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 727 с.

Альбіна Хромчанка
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

НА ШЛЯХУ ДА МОЎНАЙ НОРМЫ

У выдавецтве «Народная асвета» ў 2009 годзе выйшаў з друку «Слоўнік сучаснай беларускай мовы» пад агульнай рэдакцыяй магістра тэалогіі У. М. Завальнюка і прафесара М. Р. Прыгодзіча. У прадмове гаворыцца, што слоўнік падрыхтаваны з улікам новай рэдакцыі правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі і што ў ім «…упершыню шырока прадстаўлена міжканфесійная лексіка» [2, с. 3].

Сапраўды, у адным невялікім выданні зафіксавана найбольш ужывальная лексіка сучаснай беларускай літаратурнай мовы, улучна прафесійная, тэрміналагічная і інш., адлюстраваны магчымыя акцэнталагічныя варыянты, дадзены стылістычныя і граматычныя паметы, а напрыканцы – дадаткі з уласнымі імёнамі, якія згадваюцца ў Новым Запавеце, і словамі – зваротамі ветлівасці. Слоўнік забяспечаны дапаможным апаратам, нават змешчаны беларускі алфавіт. Усё гэта дазваляе меркаваць, што ў працы выкарыстаны новыя паказчыкі інфармацыі і ён арыентаваны на розныя катэгорыі чытацкай аўдыторыі.

Аўтары «Слоўніка сучаснай беларускай мовы» адзначаюць таксама, што за апошнія дзесяцігоддзі «…ў развіцці беларускай літаратурнай мовы адбыліся істотныя зрухі ў яе лексічным складзе і сістэме слова- і формаўтварэння, выкліканыя пераўтварэннямі ў грамадскім ладзе жыцця, з'яўленнем новых тэхналогій, зменай культурна-вартасных арыенціраў у працэсе развіцця міжнародных зносін і інш.» [2, с. 3]. Як жа гэтыя змены адлюстраваны ў слоўніку?

З трох сацыяльных слоўнікавых функцый – інфармацыйнай, камунікатыўнай і нарматыўнай – у нашым выпадку найбольшую цікавасць мае апошняя. Літаратурныя нормы беларускай мовы вы-

магаюць сёння асаблівай навуковай увагі і грамадскага абмеркавання.

Сярод агульнаўжывальнай лексікі, якая прадстаўлена ў названай вышэй працы, пэўная колькасць слоў, на нашу думку, – калькі і паўкалькі з рускай мовы, якім у беларускай мове ёсць адпаведнікі. Напрыклад: ***абед*** – ***абедаць***– ***абедзенны*** (полудзень – палуднаваць – полуднік) (ТСБМ, т. 3, с. 640; т. 4, с. 290).

У ланцужку слоў ***абмярцвелы – амярцвелы*** – ***абмярцвець*** [2, с. 16] прыстаўкі *аб-*, *а-* не выконваюць сваёй семантычнай функцыі – «дасягнення выніку дзеяннння, стану» [ТСБМ, т. 1, с. 29]. Гэтае значэнне ў названых словах мае прыстаўка *з-: змярцвець – змярцвелы*. У ТСБМ дзеясловы *абмярцвець* і *змярцвець* фіксуюцца як раўназначныя варыянты.

Слова ***адварны*** [2, с. 20], змешчанае ў Слоўніку (параўн.: руск. *отварной*), ТСБМ не фіксуе, адзначае толькі дзеепрыметнік *адвараны* ад дзеяслова *адварыць* [ТСБМ, т. 1, с. 120].

Бясцэнны і бясцэннасць [2, с. 56] (параўн.: руск. *бесценный, бесценность*) суадносяцца са словамі *без цаны*, *без кошту*, г. зн. «які не мае цаны, кошту». Значэнне «вялікай каштоўнасці, вартасці» ў беларускай мове перадаецца з дапамогай прыставак *не-* і *а-: неацэнны*. Такое ж лексічнае значэнне прыставак *не-* і *а-* мае шэраг слоў, утвораных па аналагічнай словаўтваральнай мадэлі: *неаглядны, неадольны, неаслабны, неаспрэчны, неахопны* і інш. [1, с. 359–360]. У Слоўніку пададзены дзве раўназначныя лексічныя адзінкі: *неацэнны / бясцэнны*.

Імкненне да варыянтнасці, найчасцей руска-беларускіх дублетаў, характарызуе гэтае выданне на словаўтваральным і акцэнталагічным узроўнях: *абмярцве́лы – амярцве́лы, адніма́нне – адыма́нне, асмя**я**ны і асме́яны – абсм**я**яны – абсме́яны, ва́пенны – ва́пнавы, ве́руючы – ве́рнік, выгна́нніца – выгна́нка, грузапад’**ё**мнік – грузападыма́льнік, дабрата́ – дабрыня, вынахо́дства – вынахо́дніцтва, дапо́латы – дапо́ланы, даўж**э**нны – даўж**э**зны, двайн**я**ты – дво́йня, дзевяціразо́вы – дзевяцікра́тны, злапа́мятны – злапа́мятлівы; адлама́ны – адло́маны, адчыта́ны – адч**ы**таны, апераза́ны – апяра́заны, апо́ўдні – апаўдн**і**, апо́ўначы – апаўно́чы, ахвяро́ваны – ахвярава́ны, ацынкава́ны – ацынко́ваны, ашліфава́ны – ашліфо́ваны, аштрафава́ны – аштрафо́ваны, брако́ваны – бракава́ны, ве́нчаны – вянча́ны, вяро́вачны – вераўча́ны, гне́ды – гняд**ы**, да-*

жава́ны – дажо́ваны, далама́ны – дало́маны, дале́жаць – даляжа́ць, дарысава́ны – дарысо́ваны, дораны – дароны, закітаваны – закітованы, заламаны – заломаны, зачасаны – зачэсаны, збудава́ны – збудо́ваны, згу́шчаны – згушчо́ны і інш. Некаторыя словы з адзначаных вышэй пар у ТСБМ не фіксуюцца, як, напрыклад, ацынкованы, асмеяны – абсмеяны.

Наяўнасць разнастайных варыянтаў, лексічных, словаўтваральных, фанетычных, акцэнталагічных, стварае цяжкасці пры канкрэтнай лексічнай ацэнцы. Назіраюцца спробы, з аднаго боку, вярнуць мове страчаныя каштоўнасці, а з іншага – замацаваць новае, звязанае з развіццём грамадства і тэхналогій.

Новыя тэндэнцыі, у прыватнасці пашырэнне рэлігійнага друку і літаратуры на беларускай мове, якраз і знайшлі адлюстраванне ў «Слоўніку сучаснай беларускай мовы». У адрозненне ад іншых лексікаграфічных прац у ім змешчана вялікая колькасць рэлігійнай лексікі: *аблачэнне, абраз, агнец і ягнец, адвент, айцец, ангел і анёл, амэн і амінь, антыхрыст, аплатка, архібіскуп, архіепіскап, архікатэдра, архідыякан, асанна, Багародзіца, бажаство, бежмаванне, біблейскі і біблейны, благачынны, блаславенне, вавекі, веруючы і вернік, высокапраасвяшчэнства, вянчаны і венчаны, духавенства, жагнаць, ікона, Ісус Хрыстос, уваскрасаць, уваскрашаць, уваскрашэнне, уваскрэсенне, уваскрэслы, уваскрэшаны* і інш. Методыка падачы тая ж самая, што і ў выпадку з агульнаўжывальнымі словамі – наяўнасць варыянтаў ці канфесіянальна маркіраваных пар. Адметнасць толькі ў тым, што эквівалентам да ўласна беларускага слова фіксуюцца не русізмы, а царкоўнаславянізмы (што гістарычна не было характэрна для беларускай мовы) або паланізмы. Значны лік лацінізмаў ці грэцызмаў у тэрміналагічнай рэлігійнай сістэме беларускай мовы – гэта з’ява заканамерная і пацверджаная старажытнымі пісьмовымі крыніцамі.

Кожнае з прыведзеных вышэй слоў можа быць аб’ектам асобнага даследавання, як, напрыклад, ***блаславенне*** ад руск. ***благословение***. Першая частка ***блага / благо*** – міжмоўны амонім, што ў беларускай мове мае значэнне «дрэнна». З гэтай нагоды Янка Станкевіч піша: «…ня Бога славім, але выказуем добрыя словы, зычэньні… найлепшае сваё слова “дабраславіць”, што ўжывалася даўней у нашай мове» [4, с. 45]. У сучасным вусным і пісьмовым рэлігійным маўленні ***дабраслаўленне*** выкарыстоўваецца нерэгулярна.

Слова ***Бажаство***, на нашу думку, беспадстаўна фіксаваць як адзіную норму, паколькі ў рэлігійнай публіцыстыцы, мастацкай літаратуры, у тэкстах літургій ужываецца таксама варыянт ***Боства***. А. Мусорын адзначае, што Бажаство – гэта запазычанне з царкоўнаславянскай мовы, а Боства – з польскай. «Хоць лексема *Бажаство / Боства* па сваім паходжанні звязана менавіта з хрысціянскай рэлігіяй, з цягам часу яна (на жаль, мы не можам сказаць, калі менавіта) набыла здольнасць абазначаць таксама і паганскіх багоў…» [3, с. 345]. У падобных выпадках, а іх нямала, калі дзве формы суіснуюць як раўнапраўныя канфесіянальна маркіраваныя лексічныя адзінкі, думаецца, неабходна рабіць выбар на карысць адной з іх.

Варыянтнасць норм, шырока прадстаўленая ў Слоўніку, сведчыць пра стыхійны характар функцыянавання мовы ў перыяд пошуку і станаўлення. Выбар нормы – гэта выбар кірунку яе далейшага шляху: да праўдзівых уласных каранёў ці да штучных асіміляваных формаў. У агульным кантэксце нарматыўнасці варта было б разглядаць і беларускую рэлігійную лексіку, якая апошнім часам значна ўзбагаціла лексічны фонд літаратурнай мовы.

Вялікая каштоўнасць «Слоўніка сучаснай беларускай мовы» ў тым, што ўпершыню ў беларускай навуцы ёсць рэальнае супрацоўніцтва свецкіх і духоўных асоб, зроблены крок да дыялогу, канцавой мэтай якога бачыцца выпрацоўка адзінай моўнай нормы для міжканфесіянальнага і богаслужэбнага ўжытку. Аднак, думаецца, такі дыялог мусіць адбыцца перадусім паміж хрысціянскімі Цэрквамі — дыялог у духу ўзаемаразумення дзеля супольнай працы на карысць Беларусі.

Літаратура

1. Бардовіч, А. М. Марфемны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, Л. М. Шакун. — 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Вышэйшая школа, 1989. – 718 с.

2. Завальнюк, У. М. Слоўнік сучаснай беларускай мовы / У. М. Завальнюк, М. Р. Прыгодзіч, В. К. Раманцэвіч; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча, У. М. Завальнюка. – Мінск : Нар. асвета, 2009. – 399 с.

3. Мусорын, А. Ю. Хрысціянская тэанімічная лексіка беларускай мовы праваслаўнага і каталіцкага ўжывання / А. Ю. Мусорын // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе: зборнік да 75-годдзя прафесара Адама Мальдзіса / пад рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбекі. – Мінск : Лімарыус, 2007. – 444 с.

4. Станкевіч, Ян. Збор твораў у двух тамах // Ян Станкевіч. – Мінск : Выд-ва «Энцыклапедыкс», 2002. – Т. 2.– 586 с.

Скарачэнні

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск, 1977–1984.

Аляксандр Цікоцкі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

КАМУНІКАТЫЎНЫ І ЭТЫЧНЫ АСПЕКТЫ ЎЖЫВАННЯ СЛОВА Ў МОВЕ СУЧАСНЫХ СМІ

Змены, якія адбыліся апошнім часам у мове айчынных СМІ, звязаны з грамадска-палітычнымі пераўтварэннямі ў нашай краіне. З аднаго боку, гэта прывяло да значна большай жанрава-стылёвай разнастайнасці медыятэкстаў, іх максімальнай набліжанасці да жывога гутарковага маўлення. З іншага, усё больш відавочнымі становяцца хібы, адмоўныя бакі сучасных СМІ і рэкламы з пункта гледжання як зместу, так і формы, мовы і стылю.

Сюды трэба аднесці найперш рознага кшталту парушэнні моўных норм – граматычных, стылістычных, арфаграфічных. Назіраецца не заўсёды апраўданае ўжыванне ў сучасных СМІ і рэкламе стылістычна зніжанай, асабліва жаргоннай лексікі, якую выкарыстоўваюць некаторыя аўтары, арыентуючыся на своеасаблівыя густы пэўнай катэгорыі чытачоў. Пры гэтым яны не ўлічваюць, што кожнае выкарыстанне такіх моўных адзінак павінна быць мэтазгодным, апраўданым кантэкстам і сітуацыяй маўлення.

Але ў шэрагу выпадкаў асобныя словы і выказванні ў тэкстах сучасных СМІ выклікаюць пытанні не толькі лінгвістычнага, але і этычнага характару.

Вядома, што культура маўлення грунтуецца на трох пачатках – нарматыўна-моўным, камунікатыўным і этычным. Прычым калі першыя два ўжо дастаткова добра даследаваны, то пра этычную аснову культуры маўлення пачалі гаварыць параўнальна нядаўна. Між тым пытанне этыкі, этычнасці ў асвятленні пэўных падзей, апісанні фактаў, характары моўных сродкаў, якія пры гэтым ужываюцца, і г. д. стаіць зараз даволі востра. Гэта звязана са значнай дэмакратызацыяй мовы СМІ, з высокай ступенню сва-

боды, якую атрымалі за апошнія дзесяцігоддзі журналісты. Але, як вядома, свабодай гэтай яны далёка не заўсёды правільна карыстаюцца, нярэдка злоўжываюць ёй. Гэта праяўляецца перадусім у шырокім ужыванні стылістычна зніжанай лексікі. Больш за тое, у некаторых выданнях у шэрагу медыятэкстаў сустракаецца лексіка грубая, часта непрыстойная (абсцэнная), ужыванне якой, зразумела, ні ў якім разе не можа быць апраўдана.

Этычныя патрабаванні культуры маўлення ў мове СМІ і рэкламы парушаюцца і тады, калі ў ёрніцкай манеры абыгрываюцца вядомыя фразы, назвы літаратурна-мастацкіх твораў і г. д.

Абсалютна немэтазгодным трэба лічыць таксама ўжыванне ў СМІ і рэкламе ўрачыста-ўзнёслай лексікі ў дачыненні да звычайных прадметаў і з'яў. Асабліва гэта характэрна для спартыўных і рэкламных выданняў.

Мікола Цімошык
Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

ДА ПРАБЛЕМЫ АБ ЗМЯСТОЎНЫМ НАПАЎНЕННІ ПАНЯЦЦЯЎ «РЭДАГАВАННЕ» І «ЛІТАРАТУРНАЕ РЭДАГАВАННЕ»

Рэдагаванне як цэласны творча-арганізацыйны працэс складаецца з сукупнасці накіраваных на падрыхтоўку і выпуск канкрэтнага выдання разнастайных і паслядоўных дзеянняў аўтара або спецыяльна падрыхтаваных прафесіяналаў.

Тэарэтыкі выдавецкай справы здаўна вылучылі ў гэтым працэсе тры галоўныя аспекты: палітычны (або ідэалагічны); навуковы; літаратурны (або літаратурна-стылістычны).

Называючы такі падзел умоўным, М. Сікорскі, напрыклад, падкрэслівае: «Рэдактарскую працу над зместам рукапісу можна назваць палітычным і навуковым рэдагаваннем, а працу над формай рукапісу (яе кампазіцыяй, мовай і стылем) – літаратурным рэдагаваннем» [11, с. 253].

Навуковае абгрунтаванне літаратурнага рэдагавання «як неразрыўнай часткі цэласнага і складанага працэсу рэдагавання» ўпершыню ў савецкай тэорыі выдавецкай справы і рэдагавання прадставіў маскоўскі даследчык К. Былінскі, з імем якога звязана распрацоўка моўна-стылёвага аспекту тэорыі і практыкі рэдагавання

[1, 2]. Галоўнымі задачамі літаратурнага рэдагавання аўтар лічыць паляпшэнне мовы, стылю і кампазіцыі твора.

М. Сенкевіч таксама звязвае літаратурнае рэдагаванне з «формай моўнай дзейнасці» і да паляпшэння мовы, стылю і кампазіцыі дадае «ўсю структуру рукапісу» [10, с. 21].

З такіх жа пазіцый разглядаюць літаратурнае рэдагаванне і аўтары выдадзенага ў Маскве ў 1987 г. аднайменнага дапаможніка пад рэдакцыяй Н. Валгінай [5, с. 82]. У дапаможніку адлюстраваны тры аспекты гэтага віду рэдагавання: павышэнне інфарматыўнасці моўных адзінак; узмацненне стылістычных якасцей тэксту; выпраўленне моўных памылак і недакладнасцей.

Да гэтай групы вучоных мы можам справядліва аднесці і беларускага даследчыка тэорыі і практыкі літаратурнага рэдагавання М. Цікоцкага [14].

Больш поўна, на нашу думку, змест літаратурнага рэдагавання вызначыў А. Мільчын: «Літаратурнае рэдагаванне – рэдактарскі аналіз, ацэнка і ўдасканаленне сумесна з аўтарам літаратурнай формы твора, састаўная частка рэдагавання, якая вылучаецца ва ўмовах, калі навуковы ці спецыяльны рэдактар займаецца аналізам і ацэнкай зместу выдання выключна з боку навуковай ці спецыяльнай, у той час як аўтар мае патрэбу ў дапамозе і літаратурнай» [6, с. 194]. Канцэптуальны падыход да тлумачэння паняцця «літаратурнае рэдагаванне» расійскага калегі цалкам падзяляе ў сваім слоўніку львоўская даследчыца Э. Огар [7].

Сярод тых украінскіх вучоных, якія першымі ўсебакова даследавалі тэарэтычныя асновы работы рэдактара над літаратурнай формай твора ці літаратурную апрацоўку тэксту, трэба вылучыць Н. Зялінскую. Асноўным зместам навуковай і вучэбнай дысцыпліны «Літаратурнае рэдагаванне», на думку даследчыцы, з’яўляецца «менавіта літаратурная апрацоўка твора» [3, с. 5]. Звяртаючы ўвагу на тое, што ў літаратурны аспект рэдагавання даследчыкі часам укладаюць розны змест, Н. Зялінская адназначна не падзяляе спробы некаторых з іх тлумачыць гэтае паняцце «занадта шырока». Менавіта такім яна лічыць азначэнне літаратурнага рэдагавання В. Церахавай, якое варта разгледзець асобна. «Літаратурнае рэдагаванне – гэта сфера грамадска-палітычнай і ідэалагічнай работы, якая ўключае ў сябе ўсе бакі працы над рукапісам, гэта значыць адзіны творчы працэс, у які ўваходзіць ацэнка тэмы, праверка і выпраўленне вы-

кладу з пунктаў гледжання ідэалагічнага і фактычнага (навуковага, тэхнічнага, спецыяльнага), выпраўленне распрацоўкі тэмы і, нарэшце, літаратурная апрацоўка тэксту» (В. Церахава) [12, с. 3–4].

Уважлівае супастаўленне ўзятага ў двукоссе фрагмента тэксту В. Церахавай з вызначэннем паняцця рэдагавання К. Былінскім лёгка прыводзіць да высновы, што ў дадзеным выпадку гаворка ідзе аб простай падмене: да тэрміна «рэдагаванне» В. Церахава дадае «літаратурнае». Тым самым было падменена змястоўнае напаўненне двух абсалютна розных паняццяў – «рэдагаванне» і «літаратурнае рэдагаванне».

«Занадта шырока» трактуе паняцце «літаратурнае рэдагаванне» і ўкраінскі даследчык У. Рызун у сваім падручніку: «Літаратурнае рэдагаванне – гэта від грамадска-культурнай дзейнасці, звязанай з рэгуляваннем інфармацыйна-камунікатыўных працэсаў у грамадстве праз сродкі масавай інфармацыі і накіраванай на падрыхтоўку журналісцкага матэрыялу да друку ці выхаду ў эфір. Як від дзейнасці, літрэдагаванне з'яўляецца сістэмай прафесійных дзеянняў, накіраваных на выкананне вытворчых функцый, якія фарміруюцца ў выніку рэдактарскага аналізу журналісцкага матэрыялу пад уплывам рэальнай вытворчай сітуацыі» [9, с. 73].

Азначэнне У. Рызуна, з аднаго боку, развівае і дапаўняе падыходы папярэдніх даследчыкаў гэтай праблемы, а з іншага – не можа быць прынята безагаворачна, паколькі мае патрэбу ў адным прынцыповым удакладненні: усю складаную сістэму прафесійных дзеянняў, увесь гэты від грамадска-культурнай дзейнасці, звязаны з падрыхтоўкай тэксту да друку, вучоны называе не *рэдагаваннем*, а *літаратурным рэдагаваннем*.

Азначэнне літаратурнага рэдагавання як такога, якое поўнасцю накладаецца на паняцце рэдагаванне, супярэчыць прынятым у навуковай і вучэбнай літаратуры ўяўленням пра літаратурнае рэдагаванне як адзін з відаў рэдагавання ўвогуле, як састаўную яго частку, «якая вылучаецца толькі пры падзеле працы, калі навуковы ці спецыяльны рэдактар займаецца аналізам і ацэнкай зместу твора, што рыхтуецца да выдання, выключна з боку навуковай ці пазнавальнай, у той час як аўтар мае патрэбу ў дапамозе літаратурнай» [6, с. 194].

Аднак менавіта на адмаўленні такой трактоўкі літаратурнага рэдагавання і будуе свае аргументы аўтар украінскага падручніка

«Літаратурнае рэдагаванне». Так, ён крытыкуе пазіцыю Д. Грыгараша, які адводзіў літаратурнаму рэдагаванню толькі лінгвістычную ролю [9].

Можна прыводзіць і іншыя аргументы аўтара гэтай канцэпцыі на карысць пераймянавання складанага працэсу рэдагавання ў літаратурнае рэдагаванне, а тэорыю і практыку рэдагавання – у «навуку аб літаратурным рэдагаванні». Але звернемся да рэакцыі навуковай думкі на гэтае новаўвядзенне. Натуральна, што яно спачатку не магло не мець апанентаў.

Першым з вучоных, які не падтрымаў такую шырокую трактоўку літаратурнага рэдагавання, быў З. Партыка. Ён дакладна выказаў сваю пазіцыю: «Тэрмін “літаратурнае рэдагаванне”, які апошнім часам таксама выкарыстоўваецца для называння цэлай дысцыпліны, наўрад ці трэба ўжываць, паколькі ён ахоплівае не ўсе, а толькі некаторыя аспекты рэдагавання – кампазіцыйны, інфармацыйны, лінгвістычны, псіхалінгвістычны і лагічны» [8, с. 28].

Пераканаўча паспрабаваў унесці яснасць у занадта расшыраную трактоўку У. Рызуном паняццяў «літаратурнае рэдагаванне», «літаратурны аспект рэдагавання», «літаратурны рэдактар» А. Капялюшны. Не згаджаючыся з такім падыходам, ён прапануе просты адказ на гэтае пытанне: «Ніштo не перашкаджае тут замест “літаратурнае рэдагаванне”, “літрэдактар” ужываць тэрміны “рэдагаванне”, “рэдактар”. І тады захаваецца поўнасцю змест усіх аспектаў рэдагавання – палітычнага, навуковага, літаратурнага. Толькі ўсе тры віды рэдагавання будзе выконваць адзін чалавек – рэдактар» [4, с. 9].

Мы цалкам падтрымліваем такую пазіцыю і для яе ўзмацнення прывядзём некалькі сваіх аргументаў.

Першы. Спроба абсалютызаваць адзін з аспектаў рэдагавання пры дапамозе механічнага накладання больш вузкага паняцця на больш шырокае ці замяніць сэнс першага паняцця другім супярэчыць прынятым правілам тэрмінаўтварэння. Тэрмін *літаратурнае рэдагаванне* з’яўляецца словазлучэннем, у якім галоўнае слова – назоўнік (рэдагаванне), а залежнае – прыметнік (літаратурнае). Аналагічна: *рэцэнзія – знешняя, унутраная; часопіс – навуковы, дзіцячы; выданне – кніжнае, газетнае; паказальнік – імянны, прадметны* і да д. п. Такім чынам, і *рэдагаванне – літаратурнае, навуковае, тэхнічнае, мастацкае.* Гэты рад можна доўжыць. Знешняя рэцэнзія не можа поўнасцю замяніць паняцця «рэцэнзія», газетнае

выданне не «перакрывае» ўсе іншыя віды выданняў. Таксама як і літаратурнае рэдагаванне не можа азначаць тое ж, што і рэдагаванне ў цэлым, або асобныя яго аспекты. Парушэнне лагічнасці і мэтазгоднасці тэрміналагічнай намінацыі адным словам ці словазлучэннем можа прывесці да паняційнага хаосу [13].

Другі. У журналісцкай практыцы на савецкай і постсавецкай прасторы здаўна разам з творчымі пасадамі рэдактараў у штатным раскладзе абавязкова вызначаліся пасады літаратурных рэдактараў. Іх галоўнай задачай якраз і было выпраўленне, удасканаленне мовы і стылю тэкстаў, а таксама моўнай культуры ўдзельнікаў радыё- і тэлеперадач або выканаўцаў роляў у кіно. На жаль, сёння, калі стыхія яшчэ не сфарміраванага рынку непасрэдна ўмяшалася і ў рэдакцыйны працэс, многія з заснавальнікаў друкаваных і электронных сродкаў інфармацыі з мэтай эканоміі сродкаў паўсюль пачалі скарачаць пасады літаратурных рэдактараў. Гэта адразу прыкметна знізіла ў першую чаргу моўную культуру такіх друкаваных выданняў, радыё- і тэлеперадач і фільмаў.

Трэці. У выдавецкай практыцы літаратурнае рэдагаванне ніколі не было самастойным этапам рэдакцыйна-выдавецкага працэсу. Рэдактар, які адказвае за канкрэтнае выданне, працуе адначасова над многімі аспектамі шматграннага працэсу рэдагавання, у тым ліку і над удасканаленнем літаратурнай формы аўтарскага арыгінала. У залежнасці ад складанасці выдання нярэдка ўзнікае неабходнасць размеркавання працы выдавецкіх работнікаў. Гэта бывае звычайна ў выпадках, калі аўтар не з'яўляецца спецыялістам-філолагам. Тады прыцягнуты для гэтага літаратурны рэдактар даводзіць аўтарскі арыгінал да кандыцыі перш за ўсё з літаратурнага боку.

Чацвёрты. Нашы погляды на літаратурнае рэдагаванне як на толькі адзін з відаў, ці, больш дакладна, аспектаў рэдагавання, які канцэнтруецца перш за ўсё ў моўнай і кампазіцыйнай плоскасцях выдання, цалкам супадаюць з поглядамі заходніх тэарэтыкаў і практыкаў рэдагавання. У працах даследчыкаў, напрыклад, з Вялікабрытаніі, ЗША, Канады, Польшчы цяжка знайсці паняцце «літаратурнае рэдагаванне». Не фіксуецца гэты тэрмін, у прыватнасці, у руска-англійскім і англа-рускім «Гласарыі выдавецкіх і паліграфічных тэрмінаў», падрыхтаваным Асацыяцыяй выдаўцоў Вялікабрытаніі (Лондан, 1997) [15]. Тэрмін *copy editor*, напрыклад, перакладаецца ў гэтым слоўніку як «рэдактар, які рыхтуе кні-

гу ў друк» (а не *літрэдактар*, як гэта перакладзена ў падручніку У. Рызуна). Трактоўка *копіэдытара* як «супрацоўніка, работа якога складаецца з праўкі і падрыхтоўкі тэксту да друку» падаецца і ў оксфардскім выданні слоўніка «Oxford Advanced Dearner's Dictionary. International Student's Edition» [16]. Менавіта пра розныя аспекты рэдагавання (сэнсавы, палітычны, моўны, стылістычны, тэхнічны, мастацкі і інш.) ідзе гаворка ў працах амерыканскіх аўтараў Вільяма Когіна і Лінет Портэр «Рэдагаванне для тэхнічных прафесій» (Editing for the Technical Professions) [17], Флойда Баскета, Джака Сісата і Браяна Брукса «Мастацтва рэдагавання» (The Art of Editing) [18], англічаніна Д. Доўбтфіра «Крэатыўнае пісанне» (Creative writing) [19], паляка Я. Тржынадлоўскага «Рэдагаванне. Тэкст. Мова. Апрацоўка» (Edytorstvo. Tekst, jezyk, opracowanie) [20].

Пяты. Усе гады на тэрыторыі СССР дысцыпліну, якую выкладалі будучым журналістам і рэдактарам-выдаўцам, называлі «Літаратурнае рэдагаванне» (у заходніх універсітэтах такі курс звычайна называюць «Рэдагаванне», «Рэдагаванне для…» (журналістаў, тэхнічных, гуманітарных спецыяльнасцей) або проста «Мастацтва рэдагавання»). Тлумачэнне гэтаму сапраўды савецкаму феномену А. Капялюшны дае так: «Паколькі вучэбныя планы і праграмы прысылалі з Масквы, там не маглі дазволіць, каб у яго (рэдагавання – *М. Ц.*) склад уваходзілі тэмы, якія ўзнімаюць іншыя, акрамя літаратурнага, аспекты рэдагавання» [4, с. 9]. Ва ўмовах, калі такія планы не мяняліся дзесяцігоддзямі, выдаць дапаможнік па гэтай праблематыцы з іншай назвай было немагчыма. Відавочна, толькі гэтым можна растлумачыць той факт, што ў першым вучэбным дапаможніку ўкраінскага аўтара Р. Іванчанкі пад назвай «Літературне редагування» няма сэнсу шукаць асобнага азначэння паняцця *літаратурнае рэдагаванне*: яго там няма. Кніжка прафесара Іванчанкі прысвечана проста рэдагаванню. Не палемізуючы ні з кім, Р. Іванчанка, як і іншы заснавальнік украінскай школы рэдагавання Д. Грыгараш, пісала ў сваіх тэкстах «рэдагаванне», «змест рэдагавання», «аб'ём работы рэдактара», не звужаючы шырокае кола рэдактарскіх абавязкаў азначэннем «літаратурнае». Такі падыход, дарэчы, выкарыстоўвалі і вядучыя расійскія даследчыкі гэтай праблемы М. Сікорскі, К. Накаракава, В. Свінцоў, А. Мільчын. Укладаючы ў працэс рэдагавання шырокі творчы або творча-арганізацыйны змест, яны мелі на ўвазе рэдагаванне, а не літаратурнае рэдагаванне.

Такім чынам, наша вызначэнне паняццяў *рэдагаванне* і *літаратурнае рэдагаванне* будзе такім.

Рэдагаванне – гэта від прафесійнай дзейнасці, які прадугледжвае паслядоўнае выкананне спецыяльна падрыхтаваным работнікам шэрагу абумоўленых вынікамі рэдактарскага аналізу творчых і арганізацыйна-тэхнічных функцый на розных этапах падрыхтоўкі і выпуску канкрэтнага выдавецкага, журналісцкага, газетна-часопіснага або кінапрадукту і які накіраваны на ўдасканаленне зместу і формы такога прадукту з мэтай выніковага ўспрымання яго карыстальнікам.

Літаратурнае рэдагаванне – гэта разнавіднасць рэдагавання, якая прадугледжвае паслядоўнае выкананне спецыяльна падрыхтаваным работнікам шэрагу творчых функцый, накіраваных на ўдасканаленне мовы, стылю, кампазіцыі, структуры канкрэтнага выдавецкага, журналісцкага, газетна-часопіснага або кінапрадукту.

На наш погляд, такі падыход да рашэння праблемы можа садзейнічаць збліжэнню, а не раз’ядналанню розных пунктаў гледжання даследчыкаў на прадмет, змест і састаўныя часткі рэдагавання – аднаго з асноватворных паняццяў у тэорыі і практыцы выдавецкай справы і рэдагавання.

Літаратура

1. Былинский, К. И. Литературное редактирование газеты / К. И. Былинский. – М. : Гослитиздат, 1953. – 64 с.

2. Былинский, К. И. Литературное редактирование / К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1961. – С. 15.

3. Зелінська, Н. В. Теоретичні засади роботи редактора над літературною формою твору (літературне опрацювання тексту) / Н. В. Зелінська. – К., 1989. – С. 5.

4. Капелюшний, А. Редагування в засобах масової інформації : Навч. посібник / А. Капелюшний. – Львів : ПАІС, 2005. – 432 с.

5. Литературное редактирование : учеб. пособие / под ред. Н. С. Валгиной. – М. : Московский полиграф. ин-т, 1987. – 88 с.

6. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник / А. Э. Мильчин. – М. : Юристъ, 1998. – 470 с.

7. Огар, Е. І. Українсько-російський та російсько-український словник-довідник з видавничої справи / Е. І. Огар. – Львів : Палітра друку, 2002. – 264 с.

8. Партико, З. Загальне редагування: нормативні основи : навч. посібник / З. Партико. – Львів : Афіша, 2001. – 412 с. – С. 28.

9. Різун, В. В. Літературне редагування : підручник / В. Різун. – К. : Либідь, 1996. – С. 73.

10. Сенкевич, М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / М. П. Сенкевич. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1984. – С. 21.

11. Сикорский, Н. М. Теория и практика редактирования : учебник / Н. М. Сикорский. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1980. – 368 с.

12. Терехова, В. Литературное редактирование / В. Терехова. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – С. 3–4.

13. «Термін», «Термінологія», «Словосполучення» в: Українська мова : енциклопедія. – 2-ге вид. – К. : Вид-во «Укр. Енцикл.» ім. М. Бажана, 2004; Літературознавча енциклопедія : у 2 т. / авт-уклад. Ю. І. Ковалів. – К. : ВЦ «Академія», 2007.

14. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка публіцыстычных жанраў / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Вышэйшая школа, 1971. – 288 с.

15. Glossary of Publishing Terminology / The Publishers Association UK, 1997 [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.osi.hu/cpd/resources/paglossaryRUS.htm/.

16. Oxford Advanced Dearner's Dictionary. International Student's Edition. – P. 325.

17. Coggin, W. Editing for the Technical Professions / W. Coggin, L. Porter. –Toronto, 1993. – 254 p.

18. Baskette, F. The Art of Editing / F. Baskette, J. Sissors, B. Bruks. – New York – London, 1982.

19. Doubtfire, D. Creative writing / D. Doubtfire. – London, 1999. – 148 p.

20. Trzynadlowski, J. Edytorstvo. Tekst, jezyk, opracowanie / J. Trzynadlowski. – Warszawa, 1978. – 174 s.

Маргарита Цыбульская

Белорусский государственный университет

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ: ДИСКУРСНЫЕ СТРАТЕГИИ «СБ. БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ»

Журналистский текст в своем модификационном разнообразии отражает характер изменений в обществе, оперативно реализует парадигматические возможности языка, диагнозирует эволюционные изменения в речи. В условиях нарастающих IT-тенденций общественное сознание и речевое поведение носителей языка выражается в текстах современных СМИ особенно ярко. В каждом журналист-

ском тексте исследователь может обнаружить след, отпечаток «действительности, в которой и ради которой создавался текст, некий автопортрет автора и созданную автором “модель” читателя, следы преобладающих в обществе образцов речевого поведения и текстовых формулировок» [7, с. 100]. В связи с этим анализ языка белорусских СМИ с точки зрения присущей ему оперативности в трансформации любых речемыслительных процессов представляется актуальным. Эти вопросы своевременны, так как позволяют переосмыслить журналистский текст, выявить его типологические модификации. Любой способ взаимодействия принято рассматривать с двух сторон: в нашем случае уместно говорить об использовании языкового инструментария в качестве средства воздействия на общественное сознание и о проявлении речемыслительных процессов в языке газеты.

Наши представления об окружающей действительности складываются из готовых моделей, которые не всегда являются результатом индивидуального опыта, а иногда представляют собой диалог адресанта – адресата, где в роли адресанта выступают средства массовой информации, влияющие на общественное сознание и достигающие / не достигающие согласия с адресатом (реципиентом). В этом инструментарии особое место занимают речевые стратегии, хорошо освоенные современными СМИ. К ним относят идентификационные формулы, слова-эпистемики, представление субъективного мнения в виде объективного факта или истины, выражение уверенности говорящего в согласии адресата, риторический вопрос, «стратегию мобилизации» и «стратегию демобилизации» общественного мнения и др. [3]. Наиболее распространенным приемом является употребление слов-эпистемиков типа «нет сомнения», «не секрет», «мы знаем», «совершенно очевидно»: *«Ни для кого не секрет, что правящий в современной Чечне клан Кадыровых во время первой чеченской войны воевал против федеральных войск»* (20.11.2008).

На газетной полосе активно используется стратегия представления субъективного мнения в виде объективного факта, не требующего доказательства, что подается в форме категорического утверждения популярного политика или общественного деятеля: *«Мы знаем, что ваше законодательство в сфере экономики постоянно совершенствуется. Поэтому уверен, после этой встречи будет заключено много взаимовыгодных соглашений»* (19.11.2008). Данный пример показывает, как в рамках двух предложений осуществляется форми-

рование двух информационных моделей: «экономика совершенствуется» и «заключение взаимовыгодных соглашений», причем доказательства не обязательны. С помощью идентификационных формул можно расширить либо сузить эпизодические представления: *«Кризис на Кавказе показал Европейскому союзу, что стабильность на его восточных границах играет важную роль для стабильности на всем нашем континенте. В ближайшие месяцы мы будем думать, как укрепить сотрудничество со странами региона – Беларусью, Молдовой, Украиной»* (15.11.2008). Речь идет о положительном для Беларуси стратегическом решении, которое озвучил уполномоченный МИД Германии Дитер Лукас. Однако сигнификативное наполнение высказывания в сознании белорусского читателя может интерпретироваться как резкое разграничение территориальных и политических интересов: континент, Европейский союз, Кавказ, регион Беларуси, Молдовы, Украины.

Подобного рода стратегии инициированы адресантом и являются имплицитным фоном установления диалогических отношений между газетой и читателем, социально обусловлены и вызваны нарастающим использованием манипулятивных технологий в СМИ.

Газета не только влияет на общественное мнение, но и отражает современный способ мышления. Языковая гармония в диалоге «адресант – адресат» достигается репрезентацией в журналистском тексте речемыслительных изменений, происходящих в сознании общества. Как отмечает профессор Г. Я. Солганик, «развитие языка совершается в недрах функциональных стилей и других сферах национального языка. Но результаты этих процессов окончательно закрепляются в языке СМИ» [5, с. 16]. Журналист, оперативно реагируя на изменения в сознании и говорении адресата, стремится к статичности в выборе языковых форм, чем и реализуется конструктивный принцип построения газетного текста: соотношение стандарта и экспрессии. Данная тенденция проявляется не только на лексическом, но и на морфологическом уровне. Проследить за языковыми изменениями с учетом экстралингвистических факторов перспективно в рамках морфологической стратификации газетных текстов и заголовков.

Морфологическая стратификация заголовков газеты «СБ. Беларусь сегодня» (с 1 января по 1 сентября 2011 года) состоит из следующих морфологических составляющих в заголовках: имя существительное – 46,88 %, имя прилагательное – 14,45 %, глагол – 15,63 %,

наречие и слова категории состояния – 3,13 %, имя числительное – 0,39 %, местоимение – 5,86 %, частицы – 4,3 %, предлоги – 8,2 %, союзы – 1,17 %. Анализ языковых единиц позволяет утверждать, что в заголовках газеты слова со значением предметности (существительные) преобладают более чем в три раза над словами со значением процессуальности. «Предметность» как категориальное значение представлена в заголовках «СБ. Беларусь сегодня» довольно широко: а) названия конкретных предметов живого и неживого мира, растений, животных: *Люди и псы* (10.04.2009), *Туз в рукаве* (27.03.2009), *Холодные стены* (25.03.2009), *Картина маслом* (06.03.2009), *Кубок, полный эмоций* (09.01.2009); б) названия различных веществ: *Молоко может убежать* (03.03.2009), *Вода — не роскошь, а жизненная необходимость* (31.01.2009); в) географические названия: *Минск: заинтересованный взгляд из недалекого будущего* (27.02.2009), *Сож родня Днепру* (07.05.2009), *Все беспокоятся о Гондурасе* (30.06.2009), *Гомель рулит!* (14.07.2009); г) качества: *Серое на белом* (16.04.2009), *Красота без жертв* (01.04.2009), *Сила действия* (04.02.2009); д) действия: *Бег!* (14.02.2009), *Пробег на месте* (28.02.2009), *Плата за страх* (22.08.2009). Как показывают примеры, в пределы одного заголовка авторы включают имена существительные разных категориальных значений, доводя количество существительных в пределах одного простого предложения до 2–4 единиц: *Шипы розы ветров* (23.07.2009), *Процесс стирания граней* (14.05.2009), *Нелегал по кличке «Штукатур» добровольно сдался властям* (20.01.2009). Анализ выявил большое количество отглагольных существительных в заголовках и материалах газеты. Употребление данной морфологической категории не всегда оправдано, так как, являясь пассивной конструкцией, отглагольное существительное несет в себе оттенки книжности, от которых современный журналистский текст пытается избавиться. По мнению журналистов, использующих в своих заголовках отглагольные существительные, данная категория обладает необходимым для журналистского текста лаконизмом, однако, на наш взгляд, природа этого явления иная. Она характерна для научного и официально-делового стиля, где процессуальность глагола имеет второстепенное значение.

В качестве предмета аналитического описания были взяты существительное «сдвиг» и глагол «сдвигать». Частотность употребления номинатива «сдвиг» в материалах «СБ. Беларусь сегодня» (с 1

января 2000 года по 5 января 2012 года) составляет 141 раз, а глагола «сдвигать», от которого образовалось данное существительное, – только 17. «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова дает следующее определение существительного: **СДВИГ,** -а, *м.* **1.** *только ед. Действие по глаг.* сдвинуть-сдвигать и сдвинуться-сдвигаться. **2.** Горизонтальное перемещение геологического слоя (геол.). *Ступенчатые сдвиги.* **3.** *перен.* Заметное изменение в чем-н., переход к новому состоянию, положению [6, т. 4, с. 119]. Как видим, существительное теряет присущие глаголу категории вида и залога, становясь, по сравнению с глаголом, семантически беднее. Заметим также, что словарь выделяет данную лексему как самостоятельную единицу, но грамматически связывает ее с глаголом. Авторы газетной публикации спешат сообщить читателю о факте совершения действия, забывая о том, что любое событие, обозначенное отглагольным существительным, теряет присущую ему динамику. По мнению И. Б. Голуб, «отглагольное существительное нейтрализует представление о действии как о динамическом процессе, указывая лишь на сам факт его совершения» [1, с. 418]. Кроме этого, употребление существительного «сдвиг» привносит в текст неоправданную двусмысленность: *Сдвиг по фазе* (27.02.2010); *А у нас тут сдвиг по временной фазе и потому наш сегодняшний рассказ о белорусском вторнике в Ванкувере, гвоздем которого стали биатлонные гонки преследования* (18.02.2010); *Штамм с хоккейным сдвигом* (14.10.2011); *Сдвиг в сознании россиян – вот что интересно* (24.11.2011); *Это сдвиг не столько на рынке недвижимости, сколько в социальном сознании* (24.11.2011). Авторы статей не учитывают тот факт, что сознание автоматически соединяет существительное с семантически близкой ему видовой парой глагола (сдвигать-сдвинуть), которая в переносном значении употребляется преимущественно с отрицательной коннотацией. Более поздний словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой подтверждает это предположение и указывает на семантическую зависимость существительного от глагола, но, в отличие от словаря Ушакова, фиксирует его грамматическую самостоятельность:

СДВИГ, -а, *м.* **1.** *см.* сдвинуть, -ся. **2.** *перен.* Заметное улучшение, изменение в состоянии, развитии чего-н. *С. в работе. Наметился с.* **3.** Горизонтальное смещение геологического слоя *(спец.). С. земной коры.* **4.** То же, что отклонение (во 2 знач.) *(прост.). Со сдвигом кто-н.* (не совсем нормален) [4, с. 707].

Проанализируем еще одну пару «замещение – замещать». Согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова существительное «замещение» имеет следующее значение: **ЗАМЕЩЕ'НИЕ,** -*я*, *ср.* *(книжн.).* **1.** *только ед. Действие по глаг.* заместить-замещаться. *З. вакансий.* **2.** Вид химической реакции, когда в результате взаимодействия элемента и соединения получается другой элемент и другое соединение *(хим.)* [6, т. 1, с. 981]. Интересно, что словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой данное существительное не признает самостоятельной от глагола лексемой и не отводит ему отдельную статью. Тем не менее на сегодня очевидна не только самостоятельность данной лексемы, но и ее преобладание над глаголом (за период с 2000 по 2012 год в публикациях газеты «СБ. Беларусь сегодня» существительное «замещение» употреблено 87 раз, а глагол замещать – 25). Надо сказать, что, являясь книжным, существительное «замещение» усложняет синтаксическую конструкцию журналистского текста: *Президент РФС Сергей Фурсенко открыл прием заявлений на замещение вакансии главного тренера сборной* (16.02.2010); *Туристическое ведомство Австралии объявило конкурс на замещение вакансии смотрителя одного из самых красивых островов Большого Барьерного рифа* (13.01.2009). В публицистическом тексте следует избегать такого рода конструкций, так как подобное нанизывание падежей является стилистически неоправданным. Употребленный в похожем контексте глагол, на наш взгляд, больше соответствует задачам публицистического текста: *Мне приходилось замещать начальника продовольственной службы* (29.01.2011). Книжность существительного «замещение» на страницах «СБ. Беларусь сегодня» проявилась и в некоторой тематической ограниченности: «замещение вакансии, должности» (30 статей) и «замещение импорта» (13 статей). Интересен факт, что, интуитивно избегая падежного нанизывания, авторы вместо словосочетания «замещение импорта» употребляют существительное «импортозамещение» (131 случай употребления): *«Амкодор» вносит вклад в импортозамещение еще и тем, что производит спецтехнику, которая ранее закупалась за рубежом* (15.12.2011); *Также было обращено внимание на импортозамещение при проведении технического перевооружения и реконструкции* (03.03. 2011), хотя последний пример показывает, что данная замена конструкцию существенно не облегчила. Как справедливо замечают В. А. Козырев, В. Д. Черняк, «подобные существительные активно использу-

ются в профессиональной речи, традиционно занимают свое место в терминологических системах, а также являются заметной приметой канцелярита, при этом действие закона языковой экономии уступает фактору социальной престижности, обобщенности и значительности, который в наивном языковом сознании отличает отглагольное существительное от глагола» [2, с. 50].

Таким образом, в современном медиатексте существенно расширилась сфера употребления имени существительного. Выбор слова со стороны адресата определяется тенденцией к статичности, фактичности, а значит, предпочтением слов с категориальным значением предметности. Данная тенденция является не только результатом творчества журналистов, она обусловлена прежде всего речемыслительной деятельностью адресата, которая транслируется в материалах адресанта. Диалог адресанта и адресата является составляющей структуры дискурса белорусских СМИ. Рассмотрение данного процесса языкового общения через призму журналистского текста позволяет наиболее эффективно раскрыть речемыслительные процессы и динамику языковой картины современности.

Литература

1. Голуб, И. Б. Современный русский язык / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Междунар. отн-я, 1995. – 559 с.

2. Козырев, В. А. Отглагольные существительные и современная речевая культура / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Журналистика и культура русской речи. – № 1. – 2011. – С.46–53.

3. Михальская, А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Academia, 1996. – 192 с.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Солганик, Г. Я. Современная языковая ситуация – язык СМИ – литературный язык / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – № 1. – 2011. – С. 8–21.

6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1. – 1562 стб.; М., 1938. – Т. 2. – 1040 стб.; М., 1939. – Т. 3. – 1424 стб.; М., 1940. – Т. 4. – 1500 стб.

7. Трофимова, О. В. Публицистический текст: лингвистический анализ : учеб. пособие / О. В. Трофимова, Н. В. Кузнецова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.

Елена Чекуть
Гродненский государственный университет (Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (на материале современного английского языка)

Заголовок является частью текста, построенного по определенным законам, отвечающим соответствующему функциональному стилю, поэтому особенности заголовков определяются стилевой принадлежностью обозначаемых ими текстов.

Важнейшим лингвистическим, конструктивным признаком газетно-публицистического стиля, обусловленного осуществляемыми функциями и условиями создания газетного текста (оперативностью), является сочетание двух тенденций – тенденции к экспрессии и тенденции к стандарту. В чередовании экспрессии и стандарта В. Г. Костомаров видит «единый конструктивный принцип» организации языковых средств газетной публицистики, хотя сопряжение экспрессии и стандарта в той или иной мере свойственно всякой речи вообще [3, с. 104].

Данная тенденция проявляется в тесном взаимодействии выразительных, эмоционально воздействующих речевых и стандартных средств, широко употребляемых в данном стиле языка. Стандартные средства как чисто информативные и интеллектуальные противопоставляются экспрессивным средствам как эмоционально воздействующим. Автор не только высказывает свое отношение к сообщаемой информации, но и выражает мнение определенной социальной группы людей – партии, движения и т. д., характеризующееся выразительным в эмоционально-экспрессивном отношении стилистическим оформлением, чтобы максимально эффективно воздействовать на адресата текста.

Рассмотрим, каким образом осуществляется данное воздействие в заголовках статей англоязычных газет «The Moscow News» (MN), «The Guardian» (G), «The Independent» (I).

Лидирующее положение в плане создания ярких, экспрессивных заголовков принадлежит лексическим стилистическим средствам (47 %), воздействующим на читателя и побуждающим его к определенным оценкам и действиям.

Особое внимание следует уделить метафоре, получившей наибольшее распространение в данной группе стилистических средств: 9,1 % от общего количества выявленных стилистических средств, 23,3 % в группе лексических стилистических средств. Частое использование метафоры в тексте газеты объясняется тем, что рассматриваемое стилистическое средство предназначено для создания меткой и емкой характеристики описываемого объекта, рассчитанной не только на восприятие объекта, но и на его оценку. Оценка может быть имплицитной, т. е. заложенной в значение слова, и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его употреблению. Оценочные метафоры призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения.

Метафора позволяет наиболее эффективно выразить субъективное, оценочное отношение к сказанному. Широкое распространение метафоры в газетно-публицистическом стиле объясняется ее полифункциональностью: она служит конкретизации представления, риторической цели (подчеркиванию, выделению, выдвижению) и эстетической выразительности [1, с. 370]. Обратимся к конкретным примерам:

Bird Flu Hits Southern Russian Regions [MN, March 10–16, 2005];

Olympians are Sinking in the President's Gifts [MN, March 17–23, 2004]*;*

Swiss Freeze Yukos Money [I, Jan. 05, 2001].

Нами отмечены случаи употребления стертых метафор, например:

Right in the heart of Washington [I, Sept. 6, 2001];

City of hate: Belfast's heart of darkness [MN, Sept. 22–28, 2004];

и персонификации: 4,5:9,6 (%).

Ivan's Wrath (статья об урагане под названием Ivan) [MN, Sept. 22–28, 2004];

Watch Out, McDonalds, Here Come the Russians! Well, Not Really… [MN, Feb. 11–17, 2004];

Business has got too used to all its bad habbits [I, Jan. 05, 2001].

Кроме вышеперечисленных лексических средств нами были определены случаи употребления фразеологизмов и устойчивых сочетаний: 9:19,1 (%) – обширной базы для создания речевых штампов, клише, например:

Europe Celebrates D-Day in the Shadow of War [MN, June 9–15, 2004];

Terror Strikes at Rush Hour [MN, Feb. 11–17, 2004].

Характерным для заголовков газетно-публицистического стиля является употребление метонимии: 5,8:1,3 (%). Например:

Lukoil Likely to Replace Yukos as China's Oil Supplier [MN, Oct. 27–02 Nov., 2004];

Iran Threatens U.S. Over UN Refferal [MN, March 10–16, 2005];

Kremlin Prepares St. Peterburg as Reserve Landing for President's Team [MN, Oct. 27–02 Nov., 2004].

Приемами, придающими заголовку определенную экспрессивную тональность, является эпитет: 5,2:11 (%), с помощью которого в объекте изображения выделяются индивидуальные, неповторимые признаки:

Flower-Whipping Girl Convicted of Hooliganism [MN, Feb. 11–17, 2004];

Kosovo's rag-tag army digs in for a long fight [G, Oct. 20, 1998];

Swiss Investigators Look into Russian "Funny Money" Case [MN, August 25–31, 2004];

и гипербола: 0,6:1,4 (%), способствующая преувеличению признака до неправдоподобия: *Pirate Production: Never Ending Story* [MN, June 2–8, 2006].

Оценочность – ведущая стилеобразующая черта газетно-публицистического стиля. Существует множество приемов формирования необходимой адресату оценки, среди которых наблюдается интертекстуальность, ирония, языковая игра и др.

Еще одним распространенным стилистическим средством, используемым в заголовках статей, является аллюзия, базирующаяся на интертекстуальности: 5,2:11 (%), например:

Run, Putin, Run [MN, March 17–23, 2004] (аллюзия на художественный фильм «Renn, Lola, Renn!»);

Georgia Prefers Guns to Roses in South Ossetia [MN, August 18–24, 2004] (аллюзия на музыкальную группу «Guns-and-Roses»);

Ivan's Wrath [MN, Sept. 22–28, 2004] (аллюзия на исторические события).

Степень выраженности аллюзии – вопрос субъективный и зависит от тезауруса читателя, уровня его знаний, образования и культурного опыта. Именно они определяют перспективы реализации семантического потенциала заголовка.

Ирония: 3,2:6,8 (%) стала одной из ведущих черт языка современного газетно-публицистического стиля. Исследованные примеры свидетельствуют о двойственной природе иронии: с одной стороны, читатель приглашается к совместной стилистической (смысловой) игре, с другой стороны – ирония скрывает за собой социальную оценку даже при кажущейся объективированной подаче факта [2, с. 288]. Например:

Man's Best Friend? [MN, Nov. 30–06 Dec., 2005];

Think you've paid for your holiday? Then think again [MN, August 18–24, 2004];

«Reformed» Mining Sector: Disaster Waiting To Strike [MN, March 24–30, 2004].

Характерной чертой публицистики на современном этапе является использование языковой игры, что проявляется в использовании каламбура: 1,9:4,1 (%). Цель языковой игры – привлечение внимания слушающего с помощью языковой шутки, юмора, остроты. В материале исследования зафиксирован пример игры слов, в основе которой лежит многозначность, приводящая к двусмысленности:

EU <u>watchdog</u> barks at $3 bn fraud [G, Nov. 14, 1998].

Так, слово watchdog имеет два значения: 1) сторожевой пес [Мюллер 1997: 851]; 2) комитет или представитель комитета, осуществляющий госнадзор [Collins 1992: 1643].

Примером игры слов, построенной на омофонных лексических элементах, является

Still singing the same old son [G, Oct. 20, 1998].

Хотелось бы отметить, что для большинства исследованных нами заголовков характерно комплексное использование различных стилистических средств, что увеличивает воздействующую силу газетно-публицистического стиля. Доказательством этому являются следующие примеры:

Pension Reform: Pleasant Surprise or Much Ado About Nothing [MN, Sept. 22–28, 2004] (сочетание иронии, парцелляции и антитезы);

Run, Putin, Run [MN, March 17–23, 2004] (сочетание повтора и аллюзии);

A fine vision for the future or just fine words? [I, Sept. 6, 2001] (повтор и антитеза);

Russian Stock Market: «Cautious Optimism» or «Isolation from Reality»? [MN, Sept. 1–7, 2004] (парцелляция, цитация и антитеза).

Экспрессивный характер заголовков статей затрагивает и синтаксис. Выявленные синтаксические стилистические средства составляют 37,5% от общего числа стилистических средств. Как отмечает М. П. Брандес, возникновение синтаксической выразительности непосредственно связано с изменением структуры предложения [1, с. 304].

К выявленным нами приемам можно отнести редукцию и экспансию синтаксической структуры и изменение порядка слов в предложении. Редукция (усечение) синтаксической структуры связана с опущением одного или нескольких необходимых членов предложения. Усеченные синтаксические структуры характерны для устной речи, им присуща естественная выразительность.

Самым распространенным приемом экспрессивного синтаксиса, связанным с редукцией синтаксической структуры, является парцелляция: 9,8:25,9 (%), т. е. намеренное расчленение единой синтаксической структуры предложения на две и более самостоятельные части. Изолированные таким образом от общего высказывания и пунктуационно оформленные части предложения приобретают особую весомость и привлекают к себе внимание. Парцелляция – средство выделения и подчеркивания, а также создания эффекта «сопричастности», «соучастия» читателя в описываемых событиях за счет присутствия парцеллятов в экспозиции места и времени, например:

Georgia: Two Years after Rose Revolution [MN, Nov. 30–06 Dec., 2005];

Aftershocks of War: One Year Later [MN, March 24–30, 2004].

Кроме парцелляции следует упомянуть и эллипсис. В современном английском языке эллипсис является продуктивным средством языковой экономии вследствие опущения наименее информативных, легко восстанавливаемых в контексте членов предложения. Частотность употребления эллипсиса: 6,5:7,3 (%) свидетельствует о распространенности и значимости данного приема для создания кратких, но информативных заголовков:

Russia Ready to Convert Paris Club Debt into Bonds [MN, Sept. 1–7, 2004];

Ruble Gaining Respect [MN, March 10–16, 2005].

Интрига, создаваемая с помощью приема умолчания: 0,6:1,7 (%), является функционально значимой – придает особую выразительность и одновременно скрывает «тайну» авторского замысла, однако

в связи с преобладанием полноинформативных заголовков не получила широкого распространения:

Watch Out, McDonalds, Here Come the Russians! Well, Not Really… [MN, Feb. 11–17, 2004].

К приемам расширения структуры можно отнести:

– повтор: 3,2:8,6 (%), основное назначение которого сводится к смысловому и эмоциональному усилению какой-либо части высказывания:

Well-Fed Voters are Loyal Voters [MN, Feb 11–17, 2004];

A fine vision for the future or just fine words? [I, Sept. 6, 2001];

Run, Putin, Run [MN, March 17–23, 2004];

– перечисление: 2,6:6,9 (%), конкретизирующее сообщение, с использованием асиндетической сочининительной связи, а также комбинации асиндетической и синдетической связи, например:

Canada Wants to Buy Russian Helicopters, Planes [MN, June 2–8, 2006];

First Factories, then Oil, now Forests [MN, March 24–30, 2004];

Charles celebrates with pipe, slippers and the full monty [G, Nov. 14, 1998];

– включенный вопрос: 0,6:1,7 (%):

Russian Stock Market: «Cautious Optimism» or «Isolation from Reality»? [MN, Sept. 1–7, 2004];

Think you've paid for your holiday? Then think again [MN, August 18–24, 2004];

– синтаксический параллелизм: 0,6:1,7 (%):

Explosions Rock Spain, Socialists Win Elections [MN, March 17–23, 2004];

Secular State, Religious Policy [MN, Oct. 27–02 Nov., 2004].

Интенсификатором значения одного из элементов синтаксической структуры выступает эмфатическая конструкция: 0,6:1,7 (%), например:

They Would Rather Kill Than Beat Up [MN, June 2–8, 2006].

Эмоционально-экспрессивная насыщенность заголовков достигается и с помощью инверсии: 1,3:3,4 (%), связанной с изменением порядка слов в заголовке:

We let you down, Blue Peter tells viewers after sacking [G, Oct. 20, 1998];

Don't try to get rich quick, prince warns organic farms [G, Oct. 29, 1998].

Ряд заголовков репрезентируют группу лексико-синтаксических стилистических средств (11 %). Широко представлена в данной группе антитеза: 8,5:16,5 (%), что свидетельствует о противоречивости многих современных реалий общественно-политической жизни общества, а также о попытке авторов статей привлечь внимание читателя к рассматриваемым проблемам. Приведем примеры использования антитезы:

Richest countries giving less to poor [G, Oct. 29, 1998];

Russian Adoptions: For Better or Worse? [MN, March 03–09, 2004];

Space Projects on the Ground [MN, Nov. 30–06 Dec., 2005];

– перифразы: 1,9:12,6 (%):

Man's Best Friend? [MN, Nov. 30–06 Dec., 2005] (статья о бездомных собаках);

– сравнения: 0,6:5,9 (%):

Afganistan Election Smells like Florida [MN, Oct. 13–19, 2004].

В материале исследования нами определены фонетико-графические стилистические средства (4,5 % от общего количества стилистических средств), среди которых наблюдается:

– аллитерация: 2,6:57,1 (%):

Can Kerry Conquer? [MN, Oct. 27–02 Nov., 2004];

Trains Update Schedules, Service [MN, June 2–8, 2006];

– орфографическое несоответствие, символизирующее национальный колорит: 1,3: 28,6 (%):

Turks, Gou Houm! [MN, March 17–23, 2004];

– фонетический повтор: 0,6:14,3 (%), способствующий ритмико-мелодической организации заголовка и придающий названию живость, разговорную экспрессивность, которая привлекает читателя, способствует запоминанию:

You're Never Alone with a Mobile Phone [MN, Dec. 7–13, 2005];

Young must pay to play [G, Oct. 20, 1998];

Bird Flu Hits EU [MN, Oct.19–25, 2004].

Подводя итоги, следует отметить, что экспрессивный характер заголовков статей газетно-публицистического стиля создается, прежде всего, лексическими и синтаксических стилистическими средствами. Однако, как правило, для усиления воздействия на читателя наблюдается комбинированное использование различных языковых средств.

Литература

1. Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс – Традиция; ИНФРА. – М, 2004. – С. 139–397.

2. Клушина, Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 269–289.

3. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. – М., 1971. – 145 с.

Ирина Шибут

Белорусский государственный университет

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ И КОНКУРЕНЦИИ

В эпоху активного развития технологий выпускнику факультета журналистики, не желающему остаться на обочине профессии, необходимо умение эффективного и оперативного использования преимущества различных форматов подачи информации и понимание особенностей языка средств массовой коммуникации в современных условиях. В область его профессиональной компетенции входит не только овладение общими принципами и навыками формирования материала, но и знание хотя бы наиболее известных и общедоступных инструментов внешней аналитики, облегчающих процесс создания заголовков текстов, для более эффективной выдачи их в результатах поиска; и решение задачи информирования, нахождения взаимопонимания и координации поведения аудитории, чтобы не затеряться в информационном поле, чтобы знать, какие именно темы сегодня интересуют «своих» посетителей – для распределения степени актуальности имеющихся материалов и знания того, на какие темы стоит обратить внимание. Та же статистика употребления слов Wordstat от Яндекса, например, предоставляет данные по наиболее частым вариациям употребления ключевых слов, формулировкам поисковых запросов и дает при этом возможность конкретизации региона, для которого собирается статистика.

Кроме того, необходимо помнить о том, что сайт зачастую не сможет заполучить интересующее его количество пользователей исключительно напрямую, по прямым заходам (да, можно рассчитывать на

свою постоянную аудиторию, но можно и нужно постоянно привлекать новых посетителей, часть из которых впоследствии может стать постоянной и активной аудиторией). Способствовать этому может, в частности, комплекс мер поисковой оптимизации (SEO – search engine optimization). Меры эти направлены на поднятие позиций сайта в результатах выдачи поисковых систем: чем выше позиция, тем больше заинтересованных посетителей.

В основном, все факторы, влияющие на положение сайта в выдаче поисковой системы, можно разбить на внешние и внутренние. И как раз работу с внутренними факторами по оптимизации ресурса может и должен выполнять современный журналист – приведение текста и разметки страниц в соответствие с выбранными запросами, улучшение качества и количества текста на сайте, стилистическое оформление текста, улучшение структуры и навигации, использование внутренних ссылок.

Любая поисковая система при оценке релевантности (адекватности содержания, степени соответствия введенному запросу) учитывает следующие параметры сайта:

- плотность ключевых слов (стоит учитывать, что алгоритмы поисковиков сейчас позволяют производить семантический анализ текста, чтобы отсеять поисковый спам, когда ключевое слово встречается слишком часто);
- индекс цитирования (ИЦ) – показатель поисковой системы, вычисляемый на основе числа ссылок на данный ресурс с других ресурсов сети. В простейшей разновидности индекса цитирования учитывается только количество ссылок на ресурс. Тематический индекс цитирования (ТИЦ) учитывает также тематику ссылающихся на ресурс сайтов, а взвешенный индекс цитирования – популярность ссылающихся сайтов (также в большинстве случаев вычисляемую на основе индекса цитирования). До появления оптимизаторов сайтов индекс цитирования реально отражал популярность соответствующего ресурса в интернете. Первой крупной поисковой системой, начавшей активно использовать индекс цитирования, стала Google (алгоритм PageRank или PR). В русскоязычном сегменте интернета наибольшей известностью пользуется ИЦ Яндекса (тематический индекс цитирования или ТИЦ). ТИЦ – технология поисковой машины, заключающаяся в определении «автори-

тетности» интернет-ресурсов с учетом качественной характеристики – ссылок на них с других сайтов. ТИЦ рассчитывается по специально разработанному алгоритму, в котором особое значение придается тематической близости ресурса и ссылающихся на него сайтов.

Большое значение при ранжировании результатов поиска имеют заголовки страниц (теги <title>). Для попадания на первую страницу результатов поиска по низкочастотному запросу необходимо хотя бы частичное совпадение заголовка и запроса – вхождения слов запроса в заголовок страницы. При этом title – это не только технический атрибут страницы для поисковиков, но и то имя страницы, которое отображается в шапке окна браузера. И поскольку это имя видят еще и пользователи, оно должно быть, во-первых, удобочитаемым, во-вторых, максимально насыщенным ключевыми словами.

Благодаря своей востребованности SEO-методика стала достаточно популярной. Возникли понятия «белой», «серой» и «черной» оптимизации – в зависимости от формальной разрешенности методов. В поисковиках появились и свои методы борьбы с «черной» оптимизацией. В частности, по первоисточникам отсекаются ресурсы, содержащие большое количество материалов, заимствованных из сети (более 60 %). Также отсеиваются и сайты, содержащие большое количество ссылок на другие ресурсы (более 20 %).

При этом современный журналист обязан помнить о том, что ужесточается и принцип построения текста публикации: большое внимание уделяется заголовку и следующему за ним тексту, расположению и частоте ключевых слов сюжета в тексте. Здесь на помощь журналистике приходит и математика – ведь от фактического построения текста публикации напрямую зависит формирование аннотации – текста не длиннее 300 символов, который сопровождает ссылку, предоставляемую поисковиком; именно по ней определяется релевантность материала и принимается решение о переходе по ссылке. В частности, один из алгоритмов контекстно-зависимого аннотирования Яндекса основан на вычислении нескольких признаков запроса и лексикографической сортировке предложений по совокупности всех признаков. Алгоритм построения аннотации работает следующим образом: рассматривается первое предложение после сортировки, если это предложение по числу символов может публиковаться в тексте аннотации, то оно помещается в нее. Если же нет,

то оно обрезается таким образом, чтобы длина его не превосходила 150 символов, а после обрезки добавляется в текст аннотации. Таким образом добавляются все леммы предложения в так называемое множество использованных лемм. Далее производится еще одна пересортировка: идет оценка, какие леммы запроса не вошли во множество использованных лемм, и предложения переупорядочиваются по убыванию суммы слов запроса, не вошедших в первое предложение. После этой пересортировки продолжается добавление предложения (с обрезкой его по необходимости), пока очередное предложение становится в разрешенную максимальную длину текста аннотации. При этом предложение пропускается, если разность мощности множества лемм предложения и мощности множества использованных лемм меньше, чем четверть мощности множества лемм предложения. Последний прием позволяет избежать добавления предложений, содержащих только те слова запроса, которые уже вошли в предыдущие добавленные предложения. Предложения, попавшие в аннотацию, сортируются в соответствии с порядком, с которым они шли в исходном документе.

Вышеперечисленные требования к построению текста публикаций для новых медиа весьма желательны и по другой причине: в связи с возрастающим обилием информации, предоставляемой различными ресурсами, многие пользователи предпочитают не посещать каждый ресурс непосредственно – это занимает слишком много времени, а пользоваться программами веб-агрегации, позволяющими подписаться на интересующие их RSS-каналы (Google Reader – сервис, предоставляемый вместе с аккаунтом Google, Яндекс.Лента – сервис Яндекса и так далее). Обычно с помощью RSS дается краткое описание новой информации, появившейся на сайте, и ссылка на ее полную версию. Экспорт в формате RSS может пригодиться и для автоматической публикации ссылок на внешних ресурсах, в частности, так работают ставшие весьма популярными в последнее время твиттер-аккаунты. Публикация ссылок лично редактором интернет-ресурса в данном случае бессмысленна по затратам сил и времени, поэтому настраивается (на интернет-сленге «прикручивается») автоматическая публикация в Twitter по обновлениям RSS-канала: в ленте появляется заголовок новости и ссылка на материал. Сейчас уже уверенно можно говорить, что этот сервис микроблогинга видоизменил современный интернет. Для новостного издания подобный

способ распространения информации становится еще одним каналом подписки, публикующим ссылки. Особенно актуальным это стало после того, как поисковики начали индексировать публикации в микроблогах.

Кроме того, в связи с общей тенденцией к сокращению размеров публикаций в современных медиа иногда необходимо разделять цельный сюжет на условные части – так, чтобы каждая из них могла существовать как отдельный новостной сюжет, не теряя смыслового содержания. Иногда для этого необходимо менять изначальную структуру текста, разработанную журналистом, и компоновать сюжеты по смысловым составляющим. В итоге исходный сюжет становится несколькими, более конкретными по тематике новостями, которые индексируются роботом-поисковиком по отдельности. Это, в свою очередь, в качестве различных новостных поводов, способно привлечь на сайт больше посетителей. В качестве заголовка, способного привлечь внимание читателя, может быть выбрана одна из основных цитат сюжета, которая в какой-то мере характеризует его в целом. В таком случае, в подзаголовке и первых абзацах текста дается максимум информации, выполняющей описательную функцию для всего сюжета в целом – по принципу перевернутой пирамиды, для лучшей индексации поисковиками. К тому же разовое событие может обсуждаться достаточно долго, образуя отдельные рубрики с подборкой материалов на эту тему. В таких случаях заголовки и подзаголовки должны быть наиболее информативными, чтобы показать, что изменилось с момента публикации предыдущего текста, и содержать как можно большее количество слов, ставших ключевыми для этой темы – именно на них, скорее всего, будет строить новостной запрос пользователь.

Журналисту современного медиа нельзя забывать и о материалах постоянного интереса: тематическая информация – познавательная, справочная – является гораздо более «долгоиграющей» и может заинтересовать пользователя и через некоторое время после ее публикации, и потому, при грамотной редактуре, даже давние по дате публикации сюжеты дают небольшой, но стабильный заход посетителей. Заголовки для таких сюжетов конструируются по принципу максимального подобия с содержанием предполагаемого поискового запроса. Для его определения можно опять же воспользоваться внешними инструментами (Яндекс.Wordstat, с учетом региона). Ключе-

вые слова таких текстов для лучшей индексации можно выделить дополнительно. К тому же можно рассчитывать на публикацию ссылок на такие материалы на тематических форумах либо размещать подобные ссылки самостоятельно под видом обычного пользователя (сфера, подобная партизанскому маркетингу). Еще один полезный прием: некоторым материалам не нужно масштабное продвижение – достаточно отправной точки, и добровольная публикация ссылок, ведущих на страницы этих сюжетов, может распространяться подобно эпидемии. По этому принципу работает вирусная реклама, он же применим и для журналистики.

Таким образом, как уже отмечалось ранее, на построение и редактирование текста для современных медиа помимо филологических влияют, как минимум, математические, технические и технологические факторы, связанные с особенностями работы поисковиков. К тому же сегодня принципы работы определяются не только техническими факторами, значительно усиливается необходимость наличия как можно более полных и актуальных знаний в таких смежных областях, как социология, психология, маркетинг, веб-дизайн и прочие. А необходимым условием успешной деятельности компетентного специалиста является опыт работы в интернете в различных направлениях, высокий уровень владения компьютером и новейшими информационными технологиями, постоянный поиск новых программ и ресурсов для улучшения организации работы. И потому можно смело говорить о том, что современная журналистика выходит за привычные нам рамки специализации, вбирая в себя новые профессиональные знания.

Виктор Шимолин
Белорусский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ФОТОЖУРНАЛИСТА В КОНТЕКСТЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Более восьмидесяти лет назад на страницах газеты «Сталинская молодежь» появилась публикация, в которой два молодых фантазера решили предсказать, каким будет их издание на рубеже XX–XXI вв. и какой будет вся отечественная журналистика к тому времени. Им удалось предвидеть появление компьютеров и всемирную сеть. На своих рабочих столах они увидели в своем воображении небольшие

коробки с кнопочками и проводами, по которым передавалась текстовая и визуальная информация. К сожалению, этих молодых людей коснулись репрессии 30-х гг., и их дальнейшая судьба не известна.

Изображения людей на фотографиях, вначале постановочные, статичные, салонные, со временем родили художественный образ. Документ стал искусством. «Художественный образ в фотоискусстве – зримый образ», – утверждал Г. Я. Коваленко [2, с. 18]. Фотография воспитывает зрителя не меньше, чем знаменитое литературное произведение. Она формирует мировоззрение, нравственные убеждения, духовную культуру.

Белорусская фотография имеет славянские корни. Умеет сопереживать чужому горю. Подобного феномена мы не найдем в творчестве современных западных фотожурналистов. Некоторую их часть привлекают лишь снятые сцены насилия, ужасы войны (вспомним, например, современные трагедии Египта, Ирака, Ливии, Афганистана, Пакистана). Таким образом, констатирует фоторепортер, его творчество развивает в зрителях чувство гуманизма. Но, конечно, это не так. Американский фотограф Ансел Адамс после посещения фотовыставки современного искусства в Нью-Йорке так оценил творчество коллег: «На фотографиях, которые я видел, не было печати вдохновения и творческого порыва» [2, с. 20]. Это не означает, что современная восточная фотожурналистика должна объявить войну западной. В противоречиях между формализмом и реализмом всегда побеждают истина, гуманизм и духовность. А профессионализм и высокие организаторские способности западных фоторепортеров могут служить наглядным примером нашим.

Фотожурналистика есть наука обществоведческая. Задача вузовской науки – подготовить юную поросль журналистики к взрослой жизни. Профессор В. И. Ивченков излагает ее задачу так: «Сегодня перед теоретиками и практиками журналистики встает ряд чрезвычайно важных вопросов, которые суммируются в практико-ориентированном рассмотрении сущности журналистского процесса и решение которых будет определять дальнейшее существование и функционирование средств массовой информации» [1, с. 22].

Еще на заре фотографической эры светопись называли не только видом изобразительного искусства, но и видом «бессловесной литературы», видом образного творчества и особой эстетической речи. Высокая эмоциональность снимков, построенная на строгой докумен-

тальности, делает их образцами высокого искусства. Подобное утверждение не требует доказательств, поскольку прошло испытание временем и строгой критикой.

Как правило, второкурсники, изучающие основы фотожурналистики, а это, в среднем, сто человек, могут уже на первых занятиях продемонстрировать свои вневузовские произведения. Кому-то удалось «пощелкать» фотоаппаратом во время учебно-ознакомительной практики, кто-то занимался фотографией ради процесса, для пополнения семейного альбома, для иллюстрирования стенной газеты в школьные или гимназические годы.

Традиционно демонстрация фоторабот проводится в кругу однокурсников, поэтому авторы в течение года напряженно работают, ощущая творческое волнение и духовный трепет перед оценкой «коллективного жюри». Именно такое судейство демократично и безболезненно, так как не задевает трепетных чувств будущего фоторепортера, не унижает, щадит самолюбие. К тому же и сам виновник торжества через несколько минут поменяется местом со следующим автором. Так создается не только благожелательная обстановка, но и рождается культура общения. Попутно отрабатываются навыки устной речи и азы ораторского искусства.

Проводимые на протяжении нескольких лет вернисажи студенческих работ привели к любопытному выводу: в фотографическом творчестве современных студентов заметно влияние научно-технического прогресса, который расширил возможности художественного творчества, породил массовое увлечение фотографией.

Как правило, художественный уровень работ второкурсников невысок и соответствует жанру семейного альбома. Причина тому объективная: жизнь на начальных курсах вуза все еще кажется легкой и приятной прогулкой. Впрочем, по утверждению некоторых исследователей природы фотожурналистики, именно с семейного альбома начинались когда-то фоторепортаж и фотоочерк.

Среди фоторабот, которые студентами были продемонстрированы впервые, преобладает жанр пейзажа. Именно он среди фотолюбителей считается наиболее легким. Хотя это поверхностное суждение. Перед зрителями мелькают бесчисленные восходы и закаты, реже – дорожки в лесу или парке, как правило, безлюдные и пустынные. Приходится уговаривать демонстраторов перейти к съемке портрета.

На втором месте по объектам съемки после пейзажа следуют домашние любимцы: коты, кошки, собаки, попугайчики. Домашние жи-

вотные из городских квартир – всего лишь жалкое подобие их деревенских родственников, пушистых и здоровых.

Жанр портрета широко представлен на премьере лицами родных и близких юному фотографу людей. Чаще всего малолетних племянников или братьев. И это понятно: нет необходимости их уговаривать позировать, никто не упрекнет за неудачный кадр. Всем в аудитории смешно и весело. Кроме преподавателя. Милым мордашкам с гримасками на картинной плоскости фотографии несть числа. Чему удивляться! Большинство студентов журфака – представители слабого, но прекрасного пола.

Лишь к концу осеннего семестра можно ждать открытий в фотографическом поиске студентов. В этом феномене – заслуга преподавателей всех кафедр, расширяющих кругозор и мировоззрение. Возможно, «открытие» это и преувеличение, которое таковым кажется на фоне множества довольно посредственных работ. Таковых в общей массе до 80 %. И с каждым годом их становится все больше. Сказывается влияние Интернета, мощного потока глянцевых «гламурных» журналов. Они ведь тоже выполняют определенную обучающую функцию, только с приставкой «анти».

Всматриваясь в зафиксированное студенткой мгновенье, хочется обратиться к нему: «Остановись, ты – прекрасно!» Автор сумел передать настроение объекта съемки, правильно «выстроил кадр»: определил смысловой и графический центр композиции, подобрал нужное освещение. Без труда догадываюсь, что фотограф занимался художественным творчеством до вуза: рукоделием, рисованием, художественным или техническим конструированием в одном из многочисленных кружков или центров внешкольного образования. Догадка преподавателя со стопроцентной гарантией подтверждается ответом слушателя. Будущих фотожурналистов, фоторепортеров следует растить еще на школьной скамье.

Подобное утверждение подтверждено практикой. В одной из минских гимназий автор несколько лет выпускал фотогазету с четырьмя добровольцами: семиклассником-фотокорреспондентом и тремя восьмиклассницами: редактором и его заместителями. Молодежь не только вошла в роль журналистов, но и определила со временем жизненный путь. После окончания гимназии все продолжили учебу. Фоторепортер поступил в фотографический колледж, редактор и его заместитель – в Институт журналистики БГУ, лишь четвертый участник выбрал лингвистический институт.

Отбирать фотожурналистов следует еще на стадии их учебы в средней школе. Не нужно оставлять их без внимания и после поступления в вуз. Такова, кстати, практика факультета журналистки Московского государственного университета.

Художественное отражение объективной реальности достигается непосредственным знакомством фотожурналиста с объектами съемки, знанием выразительных возможностей фотографии и средств фотоискусства. Мировоззрение будущего профессионала на первых курсах вуза еще только складывается, но именно оно способствует его становлению. Задача преподавателя – научить видеть существенное в жизни, отделять главное от второстепенного, раскрывать тему в сюжетном снимке, знакомить молодежь со сложными проблемами бытия. Жизнь порой преподносит горькие сюрпризы, ведь и в бочке меда может оказаться ложка дегтя.

Вузовское образование закладывает лишь фундамент в будущей профессии фотожурналиста, помогает освоить ему методологическую базу для дальнейшего профессионального развития, дает научное представление о жизни общества, явлениях окружающего мира. Сергей Эйзенштейн в свое время, отдавая дань господствующей идеологии, отмечал необходимость «собирать и суммировать весь опыт пройденных и проходимых эпох, чтобы во всеоружии этого опыта встречаться с этапами новыми и бесконечно увлекательными, и победоносно покорять» [3, с. 43].

К концу семестра, отведенного под изучение основ фотожурналистики, наступает время подведения итогов, приходится оценивать результаты собственного труда через творческую отдачу юных коллег. Из множества просмотренных фотографий, фотопрезентаций и сюжетов, выстроенных по законам фоторепортажа, в памяти остается немного работ, которые являются открытием. До настоящего времени перед глазами стоит серия из нескольких снимков, сделанных в социальном приюте одной из студенток. Или вспоминается сюжет, в котором этот же автор протестует своими работами против пагубного пристрастия молодежи к курению, наркотическому дурману.

Фотожурналистика – элитная профессия.

Современные фотожурналисты пользуются без всякого пиетета новейшими достижениями современной науки и электронной техники. Имеют возможность брать интервью по интернету, да еще и вступая в визуальную связь с собеседником; могут получать необхо-

димую информацию со всего света, входить в архивные хранилища в поисках нужного документа. Используют и новинки фототехники: цифровые фотокамеры, средства оперативной передачи визуальной информации на практически любые расстояния, широкие возможности компьютерных программ для обработки полученных изображений. Одно осталось неизменным в нашей профессии с момента ее появления – развитое мышление, организаторские способности, духовные и физические силы.

Литература

1. Іўчанкаў, В. І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі : курс лекцый / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.

2. Коваленко, Г. Я. Фотоискусство и жизнь / Г. Я. Коваленко. – М. : Искусство, 1987. – 112 с.

3. Эйзенштейн, С. М. Избр. статьи / С. М. Эйзенштейн. – М. : Искусство, 1956.

Ірына Шкраба
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

СЕМАНТЫЗАЦЫЯ ЯК КРЫНІЦА КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫХ ВЕДАЎ

Прыхільнікі аспектавага падыходу да структурнага апісання семантыкі слова вылучаюць розныя бакі яе асэнсавання: сігніфікатыўны, дэнататыўны, канатацыйны, эмацыянальны, сінтагматычны, культурна-гістарычны, лінгвакультуразнаўчы і інш. Этнаграфічны кампанент разглядаецца ў межах канатацыі, аднак яго спецыфіка выяўляецца ў тым, што, у адрозненне ад класічнага канатацыйнага мікракампанента з яго выяўленымі адносінамі моўцы ў форме эмоцыі або ацэнкі да прадмета намінацыі, ён характарызуе не сам дэнатат, а сацыяльна-культурныя, нацыянальна адметныя ўмовы ўзнікнення наймення. У працах мовазнаўцаў яго сутнасць абазначаецца рознымі тэрмінамі: геаграфічная або рэгіянальная канатацыя, стратыфікацыйна маркіраваны тып «індыкатарнай» канатацыі, канатацыя дыялектнасці.

З трох фундаментальных працэсаў, якія арганізуюць маўленчую дзейнасць чалавека, – намінацыі, прэдыкацыі і ацэнкі, этнаграфічны

кампанент найбольш цесна пераплятаецца з намінацыяй (хоць і ацэнка часам выяўляе пэўныя кагнітыўныя асаблівасці мыслення народа). Тлумачальныя і перакладныя слоўнікі, маючы за мэту задачу поўнага апісання сэнсавай структуры моўных адзінак, не могуць з дапамогай толькі традыцыйнага і самага тыповага спосабу раскрыцця семантыкі слова – праз паняцце – адкрыць чытачу культуралагічныя веды. На гэтай падставе можна сцвярджаць, што семантычны змест, які выяўляе культурна-этнаграфічную пазначанасць, у лексікалагічным апісанні бывае пададзены фрагментава або ўвогуле адсутнічае. Ён часцей зводзіцца да ўказання на тэрытарыяльнае бытаванне або лакальнае асэнсаванне семантыкі. Нацыянальна-культурная ж своеасаблівасць моўных адзінак выяўляецца ў тым, што інвентар пэўных паняццяў, што называюць з’явы, прыродныя катаклізмы, аб’екты, якасці, падзеі, фізічныя дзеянні, знакі колераабазначэння і інш., надзелены этнічнай своеасаблівасцю, характарызуецца ментальна-доследнай абумоўленасцю жыццёвай практыкі носьбіта мовы, пазначаны вехамі таго гістарычнага і культурнага шляху, які пройдзены ім як асобай пэўнай этнічнай супольнасці са сваім індывідуальным лёсам. Пацвярджэннем таму – заўвага В. Гумбальта, які адзначаў, што «мова, якой бы формы яна ні прымала, заўсёды ёсць духоўнае ўвасабленне індывідуальнага жыцця нацыі» [1, с.72].

Адметнасць вылучэння семантычнага кампанента менавіта этнічнай абумоўленасці можна акрэсліць з наступнага.

Па-першае, пры этымалагічным разглядзе этнаграфічных намінацый выключаецца антыгістарычнасць і адвольнасць навуковых вытлумачэнняў, таму што ўтваральная база вызначаецца дакладна і касуецца неабходнасць рэканструкцыі і ўзнаўлення таго значэння, што гістарычна папярэднічала аб’екту даследавання, якая звычайна выступае як абавязковая ў выпадку выяўлення неадназначнай сувязі значэння з пазамоўнай рэаліяй. Як вынік – на першым плане не сам назіральнік і не яго суб’ектыўнае меркаванне, якое пры этымалагічных пошуках часта выступае як спрэчнае, дапушчальнае, непрымальнае, альтэрнатыўнае, часам ненавуковае і да т. п.

Па-другое, гэты кампанент значэння не можа быць вылучаны метадам семантычных паралеляў, таму што ў мове адсутнічае прэцэдэнт аналагічнага развіцця семантыкі з-за ўнікальнасці назвы. Немалаважна і тое, што этнаграфічны кампанент спрыяе паглыбленню сацыяльнага аспекту этымалагічных даследаванняў, таму

што ён выяўляе сувязь і абумоўленасць паходжання слова і гісторыі соцыуму, яго матэрыяльнай, духоўнай і этнічнай культуры.

Калі звярнуцца да тыпалогіі значэнняў слова, то ў рубрыкацыі традыцыйных бінарных апазіцый (шырокае/вузкае, агульнае/спецыяльнае, прамое/пераноснае, лагічнае/экспрэсіўнае, эмацыянальна нейтральнае/эмацыянальна афарбаванае, свабоднае/фразеалагічна звязанае) не знаходзім гэтага кампанента значэння з-за адсутнасці ў яго, з аднаго боку, статусу сталага складніка семантыкі для пераважнай большасці слоў, а таксама з-за няпростай задачы яго вылучэння і адмежавання ўнутры агульнага экспрэсіўна-сэнсавага комплексу. Заканамерна, што месца гэтага тыпу значэння – у абсягу канатацый, якія выклікаюць заўсёдную цікавасць семасіёлагаў і этналінгвістаў як з'ява адметная і культуралагічна важкая.

«Мова захоўвае ў нас нешта, што можна было б назваць інтэлектуальна-духоўнымі генамі, якія пераходзяць ад пакалення да пакалення», – сцвярджае У. В. Колесаў [2, с. 137]. Інтэлектуальныя гены абумоўліваюць тую пазачасавую моўную рэальнасць, што сэнсавая структура слова, якая ўключае ўніверсальныя семантычныя элементы гістарычна адметнай падзейнай або прадметнай сітуацыі, са сталай пераемнасцю замацоўваецца ў свядомасці носьбітаў мовы не толькі псіхалагічна (мнеманічна), але і лексічна на працягу пэўнага часу існавання канкрэтнага моўнага калектыву, тым самым дэманструючы здольнасць чалавека да сінтэзаванага абагульненага сучаснага ўсведамлення досведу мінулых пакаленняў праз іх лексікон. Ён перадаецца ад старэйшага пакалення да маладзейшага, захоўвае нацыянальна-спецыфічныя характарыстыкі семантычнай прасторы слоўніка роднай мовы і праз такое пасрэдніцтва дазваляе адчуваць сябе часцінкай свайго этнасу. Дарэчы згадаць максіму Сенекі: наш розум павінен захоўваць у сабе многія каштоўнасці, многія веды – досвед ранейшых стагоддзяў.

Пры засваенні семантычнага зместу не гамагенных, а іншамоўных слоў, пранікненне ў сутнасць суадносін жывога значэння са спрадвечнымі кодамі культуры і гісторыі, аб'ектыўна вядомымі моўцу – носьбіту гэтай мовы – і невядомымі іншамоўнаму чалавеку, выклікае цікавасць, але і пэўныя цяжкасці. Можна зазначыць, што адметнасць семантычнай структуры мовы, а таксама ацэнкавых арыенціраў і аксіялагічных узораў, якія склаліся ў культурнай традыцыі пэўнага народа, таксама абапіраецца на лексічнае выяўленне – праз значэнне слова. На шляху дачынення да глабальнага агульначала-

вечага досведу «праяўляецца прыватны нацыянальны лінгвістычны досвед, які з прычыны канкрэтных умоў узнікнення і развіцця можа пэўным чынам пашырацца ў некаторых сваіх частках і ў выніку гэтага мець розны аб'ём у розных мовах» [3, с. 326]. Так, культурна-нацыянальны досвед француза без цяжкасці раскрые сэнс паняцця «*тры слаўныя дні*» – 28, 29 і 30 ліпеня, дні Ліпеньскай рэвалюцыі 1830 года, якая паклала канец панаванню манархіі Бурбонаў. Для славяніна гэта французская слоўная формула ў большасці сітуацый застанецца ў абсягу звестак, якія патрабуюць расшыфравання.

У беларускамоўнага чалавека пры ўспрыманні, напрыклад, англамоўнай назвы «*Азёрная школа*» не ўзнікае навукова адэкватнай асацыяцыі з яго этымалагічным прататыпам з той прычыны, што беларус не валодае гістарычна-этымалагічнай базай, даступнай жыхару Альбіёна. Прадстаўнікі Азёрнай школы, або «лейкісты» (ад англ. *lake* – возера), атрымалі сваю назву ад групоўкі англійскіх паэтаў-рамантыкаў канца XVIII – пачатку XIX ст., якія жылі ў так званым «азёрным краі» на поўначы Англіі.

Ілжэдзмітрый II у гісторыі Расійскай дзяржавы вядомы як «*Тушынскі злодзей*», матывацыя расіяніну зразумела, калі ўлічыць гістарычную акалічнасць – у Тушыне стаяў лагер самазванца.

Слова *архаравец,* рускамоўнага паходжання, утворана ад уласнага імя Н. П. Архарава, обер-паліцмайстара і губернатара ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. Цікавы той факт, што ў працэсе развіцця назвы вызначальную ролю адыграла не этнасема, а сема экстэнсіянала. Сучаснае значэнне слова «падманшчык, буян, свавольнік, прайдзісвет» узнікла ў выніку супрацьлеглага пераасэнсавання асацыяцыйнага паняцця «паліцэйскі як ахоўнік парадку» → «правапарушальнік», якое і паслужыла падставай адмоўнай канатацыі. Гэта рэдкі выпадак энантыясеміі.

Пры другаснай намінацыі і магчымасці дваістай семантычнай суаднесенасці прыярытэт заўсёды за першасным значэннем. Так, пры зададзенасці паняцця «*Арлеанская дзева*» ўзнікае асацыяцыя з гераіняй Стогадовай вайны Францыі і Англіі Жаннай д'Арк, а не аднайменнай назвай драмы Ф. Шылера.

Не толькі паняцці, але і словы выступаюць значнымі для вывучэння культуры і гісторыі народа. Менавіта лінгвістычны вопыт асэнсавання слова *бактрыян* (двухгорбавы вярблюд) для жыхароў Бактрыі (> Бактрыяна) абумоўлены жыццёвымі акалічнасцямі іх

бытавання, ён дазваляе атаясамліваць гэты гукавы комплекс з вядомай ім першаснай матывавальнай асновай. Натуральна, сувязь «назва» < «тэрыторыя» сукрыта для семантызацыі носьбітам якой-небудзь іншай мовы, тэрытарыяльна аддаленай ад Бактрыі.

Для славянскамоўнага чытача нязвыкла гучыць фраза «*Жыццёвыя прыпасы персаў складаліся з шасці яек і некалькіх л і с т о ў х л е б а*», якую мы сустракаем у рамане Джэймса Морыера «Прыгоды Хаджы Бабы з Ісфагана». *Ліст* са значэннем «адна штука печанага хлеба» (бел. *буханка/баханка*) невядомы беларускай мове, бо ў гісторыі славянскага пякарства хлеб ніколі не выпякаўся такім тонкім пластом, што меў выгляд ліста, як гэта звычайна практыкавалася ў народаў Усходу.

Расшыфроўка сэнсу назвы ўкраінскай вуліцы *Хрещатик*, дзякуючы традыцыйнай пераемнасці ў свядомасці пакаленняў, дазваляе звязаць яе і канкрэтную гістарычную падзею. Некалі ў старажытнасці свяшчэнная для Кіева вуліца Храшчацік атрымала такую назву таму, што была закладзена ўздоўж ручая, у якім хрысціліся сыны князя Уладзіміра.

Беларуская лексіка таксама мае гістарычную матывавальную базу. Некаторыя найменні мясцін складаюць нават сакральны комплекс. Да прыкладу, слова *валатоўка* аднаўляецца праз зварот да звестак этнакультурнага характару. *Валатоўка* < волат, паводле народных уяўленняў, – курган, у якім пахаваныя легендарныя волаты-асілкі. Такая матывацыя не суадносіцца з фонавымі ведамі аб гэтай рэаліі іншаславянскамоўнага чалавека.

З цягам часу этнаграфічны кампанент «цьмянее», ствараюцца ўмовы для сцірання яго лакальнай прымацаванасці. Тут дарэчы прыгадаць словы, якія ў сучасным семантычным прачытанні страцілі сінхранічную сувязь з этымонам. *Сібарыт* – жыхар старажытнагрэчаскай калоніі Сібарыс у Паўднёвай Італіі, які праславіўся памкненнем да багацця і раскошы; *маўзалей* – грабніца карыйскага цара Маўзола ў горадзе Галікарнасе; *артэзіянскі* (калодзеж) паводле назвы Артуа (< Артэзія), дзе капалі такія калодзежы. Відавочна, што сувязь з імёнамі ўласнымі разарвалася і значэнні змяніліся, пашырыліся, адсунуўшы ў аналы гісторыі першавобразныя: *сібарыт* – аматар багацця і раскошы не толькі ў Сібарысе, але і ў іншых краінах; *маўзалей* – цяпер манументальная надмагільная пабудова над грабніцай увогуле; *артэзіянскі* – калодзеж не толькі ў

Артуа, але і ў іншых мясцовасцях, і па-за Італіяй. Адбылася часавая дэактуалізацыя гэтага кампанента без разбурэння намінацыйнай функцыі слова (семемы).

Этымалагічныя росшукі дазваляюць пашырыць шэраг слоў, якія страцілі семантычную прымацаванасць да матывавальнага слова – лакальнага этнаграфізму, у выніку чаго набылі больш шырокае значэнне: *лаканізм* (старажытная Лаконія), *фларыдын* (востраў Флорыда), *сальфатары* (вулкан Сальфатар), *партландцэмент* (востраў Портланд), *альпеншток* (горы Альпы), *Ватыкан* (холм на правым беразе Тыбра), *Бедлам* (*Bedlam* – псіхіятрычная бальніца ў Лондане), *адэкалон* (горад Кёльн), *кракавяк* (горад Кракаў), *фазан* – фазійская птушка (< Phasis – рака на Каўказе, цяперашняя яе назва Рыён).

Этнаграфічны кампанент семантыкі можа быць актуалізаваны канкрэтнай падзеяй: *лудыты* (разбурэнне вязальнага станка Лудам), *адысея* (падарожжа Адысея), *алімпіяда* (спартыўныя гульні ў Алімпіі), *цалавальнікі* (цалаванне крыжа пры заступленні на пасаду ў Расіі канца XV–XVIII ст.), а таксама характарыстычнай уласцівасцю: *арабескі* («складаныя, адмысловыя», першасна – такія, як кампанент арабскага арнаменту), *санкюлоты* («апранутыя ў доўгія штаны»), *сіфіліс* («хворы», пры першым упамінанні – дзейная асоба паэмы італьянскага лекара Фракастары, якая мела такое імя), *банатка* («якасная», такая, якую вырошчвалі ў Банаце (вобласць у Румыніі), *вандалы* («жорсткія», як воіны старажытнагерманскага племені), *вулкан* («агнявы», як бог агню і кавальскай справы Вулкан), *цыцэр* («малы = 4,5 мм», памерам такі, якім былі надрукаваныя «Лісты Цыцэрона»).

Варта зазначыць, што семантычны аналіз слова як знакавай структуры не ва ўсіх выпадках удаецца зрабіць з дакладнасцю дастатковай ступені, гэта асабліва тычыцца намінацый асабовых імёнаў. Змест імёнаў уласных, у адрозненне ад імёнаў агульных, не выяўляе абагульненага адлюстравання рэчаіснасці, ён звязаны з канкрэтнай асобай і ў выніку гэтага адпавядае асобным канкрэтным элементам намінацыйнай сітуацыі, якія хутчэй, чым абагульненыя, знікаюць і адыходзяць у сферу забытай моўнай разумовай рэальнасці. Менавіта на забытай жыццёвай сітуацыі, звязанай з якойсьці рэальнай асобай, пабудаваны многія ўстойлівыя выразы: *выскачыў, як Пiлiп з канапель; усяго нажывеш і Кузьму бацькам назавеш; зарабіў, як Заблоцкі на мыле.*

Рэтраспекцыйны аналіз не дазваляе сучасным этымолагам з бясспрэчнай доляй верагоднасці расшыфраваць, напрыклад, асобу француржанкі Катарыны, з імем якой звязаны выраз *coiffer sainte Catherine* (літаральна «упрыгожваць галаву святой Катарыны»), або асобу цяпер невядомага Мартэна (Мартына) > франц. *Martin* – назва дзіцячай цацкі «мішка», або кагосьці Бена (Біг-Бен, англ. *Big Ben*), якія, відавочна, меў дачыненне да цяперашняй назвы звона на гадзінніку вежы *Clock Tower* у Лондане.

Аналіз этнасем каштоўны тым, што дае цікавы матэрыял для вывучэння адметнасці лексікону пэўнага соцыуму ў каардынатах «прастора – час» макрасвету, а ў дыдактычным плане спрыяе выхаванню лінгвістычна высокакваліфікаванай двухмоўнай асобы, прасякнутай духам светаразумення не толькі роднай лінгвакультурнай супольнасці, але і чужой. Лінгвакраіназнаўчыя слоўнікі, якія непазбежна звяртаюцца да культурных феноменаў пры тлумачэнні этнасем, выступаюць як своеасаблівыя энцыклапедыі, якія знаёмяць карыстальнікаў з гісторыяй і культурай пэўнага народа і забяспечваюць пераемнасць і ўстойлівасць этнічнага менталітэту.

Літаратура

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

2. Колесов, В. В. Тезисы о русской ментальности / В. В. Колесов // Жизнь происходит от слова. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.

3. Степанов, Г. В. Национальный язык / Г. В. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Міхась Яніцкі, Ада Яніцкая

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

РОЛЯ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ КАРЭЛЯЦЫІ «АЎТАР – РЭЦЫПІЕНТ» У АРГАНІЗАЦЫІ ЗМЕСТАВАГА І ФАРМАЛЬНАГА ЎЗРОЎНЯЎ ЛІТАРАТУРНАЙ ПАРОДЫІ

Пародыя найперш мастацкая з’ява, а таму ёй уласціва глыбіня аўтарскай задумы, зместавая невычарпальнасць, якую імкнецца асэнсаваць дапытлівы і інтэлектуальны чытач. Сапраўды, гэта жанр даволі элітарны: ён патрабуе ад чытача не толькі разумення непа-

срэдна тэксту пародыі, але і ведання яе аб’екта – камічнага вобраза першаснага твора, стылю, жанру і г. д. Як і большасць мастацкіх жанраў, пародыя ў розныя гістарычныя эпохі набывала не толькі характэрныя для свайго часу ідэйна-тэматычныя вектары развіцця, але і адметныя жанравыя мадыфікацыі. Калі, напрыклад, у ХІХ стагоддзі пародыя служыла сродкам інтэлектуальна-іранічных ацэнак мастацкіх кірункаў, плыняў, індывідуальна-аўтарскіх стыляў і абслугоўвала выключна вузкае кола літаратурнага асяродку (у травесційнай, бурлескнай, алюзійнай і іншых формах), то цяпер пародыя, дзякуючы сучасным тэхналогіям СМІ, стала масавай з’явай культурнага жыцця грамадства. Яна даўно выйшла за межы непасрэдна літаратурнага жанру, выяўляючы сябе ў розных відах мастацтва і ў розных родава-жанравых мадыфікацыях: у тэатральных капусніках, эстрадных шоу і шматлікіх тэлевізійных праектах, накшталт КВЗ, «Крывое люстэрка», «Вялікая розніца», «Камедзі Клаб» і інш. Сучасныя медыя, валодаючы вялікімі магчымасцямі ўплыву на спажыўца, актыўна выцясняюць пісьмовыя пародыі са сферы выключна літаратурнага жанру, інтэлектуальнага дыялогу *пісьменнік – рэцыпіент*.

Пародыя – функцыянальная літаратурная з’ява, і таму яна, як любы жывы арганізм, прыстасоўваецца да акаляючых аб’ектыўных і суб’ектыўных абставін. У аспекце эвалюцыі жанру вызначальную ролю ў фарміраванні зместавага і фармальнага вобліку пародыі набываюць карэлятыўныя працэсы ўзаемін *аўтар – рэцыпіент*. Патэнцыяльны чытач, спажывец літаратурнай прадукцыі, выхаваны на эстэтычных густах масавай культуры, якую актыўна навязваюць аўдыторыі большасць сучасных СМІ, не гатовы ўспрымаць пісьмовыя жанры прынцыпова іншага маральна-этычнага і эстэтычнага «фармату». Аўтару пародыі нічога не застаецца, як толькі задавальняць згаданыя патрэбы, густы чытацкай аўдыторыі, якія ў значнай ступені абумоўлены спецыфікай радыё, тэлебачання і інтэрнэту. Зместавыя і фармальныя адметнасці тэлевізійных сатырычна-гумарыстычных праграм (самых рэйтынгавых у сучаснай медыяпрасторы) ва ўмовах дэфіцыту эфірнага часу накіраваны на дасягненне хуткай і бяспройгрышнай эфектыўнасці ўздзеяння на гледачоў. Яны выяўляюцца найперш у прымітыўных, а то і абразлівых жартах «ніжэй поясу», у варыятыўных мадыфікацыях здзеклівай, часам паблажлівай, пародыі – іроніі з «тыповых» славянскіх ці то заганаў,

ці то слабасцей: п’янства, ляноты, невуцтва, самадурства, здрады ў шлюбе і г. д.

Сучасная літаратурная пародыя таксама актыўна карэлюе са зместам сатырычных мастацка-публіцыстычных жанраў, і яе часта можна ўбачыць на старонках не толькі спецыялізаваных перыядычных выданняў, такіх як «Полымя», «Маладосць», «ЛіМ» і інш., але і многіх рэгіянальных газет. У 2001 г. зроблена спроба стварэння «Анталогіі беларускай пародыі», у якую ўвайшлі вершаваныя і празаічныя творы.

Наяўнасць якаснай вострай шматтэмнай пародыі – сведчанне паўнавартаснага літаратурнага працэсу, карэляцыі мастацкай творчасці і крытыкі. Па сваёй інтэртэкстуальнай зместавасці, насычанасці іранічным пафасам яна адрасавана калі не надта спрактыкаваным і дасведчаным чытачам, то чалавеку, які любіць і разумее мастацкае слова, чалавеку эрудыраванаму. Эстэтычная асалода, якую адчувае чытач удалай, па-сапраўднаму таленавітай літаратурнай пародыі, абавязкова ўключае ў сябе радасць пазнавання «тэксту ў тэксце». Вядомы даследчык генезісу гэтага жанру У. Новікаў дакладна вызначыў сутнасць працэсу чытацкага спасціжэння: «Каб зразумець пародыю, трэба ўступіць з гэтым жанрам ва ўмоўную згоду, трэба выпрацаваць навык *двайнога зроку*» [1, с. 8].

Пародыя па сваёй прыродзе жанр другасны: у аспекце інтэртэкстуальнасці, адной з вядучых катэгорый герменеўтыкі, парадыйны твор успрымаецца як пэўная мастацкая рэфлексія на ўжо наяўныя творы, што выкарыстоўваюцца ў якасці элементаў структуры новых тэкстаў. Пры літаратуразнаўчым і лінгвістычным аналізах пародыі важна ўлічваць яшчэ адну ўласцівасць інтэртэкстуальнасці – наяўнасць у творы як мінімум двух тэкстаў, светапоглядаў, дзвюх свядомасцяў, якія ўступаюць паміж сабой у дыялог.

У дачыненні да жанру пародыі мы можам сцвярджаць, што ў дыялог актыўна ўмешваецца і свядомасць, літаратурны вопыт чытача. Аўтар, уводзячы ў тэкст пародыі цытаты з тэксту арыгінала, разлічвае на тое, што яны будуць пазнаныя і асэнсаваныя чытачом і створаць ілюзію агульнай памяці аўтара і чытача, што дапаможа апошняму ўспрыняць твор у адпаведнасці з аўтарскай задумай.

Найбольш часта ў беларускай літаратуры пародыя выкарыстоўваецца ў адносінах да вершаваных лірычных жанраў. Парадысты пры дапамозе самых разнастайных стылістычных і мастацка-

вобразных прыёмаў, амаль без істотных змяненняў выкарыстоўваючы архітэктоніку і кампазіцыю тэкстаў-арыгіналаў, крытыкуюць як прадстаўленыя ў іх эстэтычныя, палітычныя і сацыяльныя тэмы, так і светапоглядную пазіцыю пэўнага аўтара, яго інтарэсы. Усё, што робіць аўтар пародыі, – гэта перабольшанне, пераважна ў бок зніжэння пафасу, у бок карыкатуры і травесціі. Без гіпербалы і літоты немагчыма ні стварэнне пародыі, ні яе ўспрыманне. Мова гэтага іранічнага жанру наскрозь гіпербалічная, *гіпертэкстуальная*.

Пашыраныя ў беларускай паэзіі пародыі, у якіх іронія скіравана на мастацкую недасканаласць твора, а значыць, і на абмежаванасць літаратурнай адукацыі, густу аўтараў. У такім выпадку парадыст іранізуе не толькі з аб'екта, прадмета сатырычнага асмяяння, але і з пэўных заганаў суб'екта, аўтара першаснага тэксту. Міхась Стрыгалёў меў мастацкую неасцярожнасць адрасаваць свае палкія пачуцці не каму-небудзь, а гераіні шчырых вершаваных прызнанняў Пушкіна Ганне Керн:

Блукаць па ліпавай алеі,
каб зноў сустрэць вас,
Анна Керн, –
Вы разумееце няўцерп,
з якім чакаю і хмялею… [1, с. 314].

М. Скобла, выкарыстоўваючы прыём *паратэкстуальнасці,* ужо ў назве пародыі «Захмялелы паэт» выявіў свае адносіны да незразумелых і неадэкватных праяўленняў пачуццяў лірычнага героя вышэйзгаданага верша. Ён наўмысна зніжае тэматыку лексікі арыгінальнага верша, набліжаючы яе да гутарковага стылю. Даводзячы да абсурду і недарэчнасці аўтарскія памкненні, парадыст дабіваецца камічнай стылізацыі першаснага тэксту, прычым ён выразна прыніжае і дыскрэдытуе стылізуемы аб'ект. На лексічным узроўні ўсе сродкі працуюць на стварэнне эфекту парадыйнага зніжэння вобразаў галоўных персанажаў: аўтара, Керн і Пушкіна – праз іх учынкі, пачуцці і мову. Выкарыстоўваючы іншастылёвыя словы і выразы, відавочна, фамільярнага ўжытку, накшталт *на ветры сіберным калею, вачмі пасу, якую ён каханку меў!..,* М. Скобла іранічна развівае аўтарскую думку, свядома ўступаючы з ёю ў палеміку. У пародыі адсутнічае адкрытая мараль ці нават сатыра у адрас паэта, але гратэскавая сіла твора настолькі моцная і выразная, што вобраз лірычнага героя-аўтара паўстае перад інтэлектуальна

падрыхтаваным чытачом не проста ў камічным абліччы. Парадыст крытыкуе творцу ў адсутнасці эстэтычнага густу, няўменні знайсці натуральную гармонію паміж плоцкім і рамантычным, узвышаным, паміж мінулым і рэчаіснасцю:

Паэту Пушкіну зайздрошчу –
Якую ён каханку меў!
Я й сам з ахвотай, каб прыймеў,
Дзяліў бы з ёй сваю жылплошчу [2, с. 314].

Улічваючы кан'юнктурны «густ» сучаснага чытача, парадысты нярэдка, звяртаючыся да самых далікатных матываў паэтычнага светаўспрымання, выкарыстоўваюць у другасных тэкстах брутальную лексіку, а то і брыдкаслоўе. Кантраст паміж узвышаным і прыземленым, бытавым ці фізіялагічным – улюбёны мастацкі прыём парадыстаў. Пра гэта сведчаць і назвы пародый, якія «чапляюць» чытача не горш за арыгінальныя інтэртэкстуальныя загалоўкі друкаваных СМІ: «Каханне на стозе», «Жанкі з паэтамі не спяць…», «Праваронены каханы», «“Мендэльсон” хай танчыць трэці», «Пра арган, аргазм і паэзію», «Гаючую дам табе бусю» і інш. Варта заўважыць, што і самі прадстаўнікі вытанчанага мастацтва правакуюць парадыстаў, як, напрыклад, В. Стрыжак сваімі «арыгінальнымі» разважаннямі эратычнага зместу: *А грудзі пахнуць грушамі І повяззю грахоў.* Зразумела, што фантазія аўтара пародыі «Платаядны водар» А. Кудласевіча стварыла яшчэ больш смелыя «прызнанні» інтымнага характару, накшталт: *Твой водар ажно хрумстаю І п'ю яго нагбом… Бяру цябе, закусваю Грудзьмі, як каўбасой* [2, с. 315].

Прыкмеціўшы ў творы неабгрунтаваныя параўнанні супрацьлеглых эстэтычных катэгорый, парадысты пры дапамозе гратэску і адпаведнай лексікі ствараюць непаўторны камічны эфект, абсурдную сітуацыю. Так, Анатоль Зэкаў, іранізуючы з празмерна шчырага жадання Т. Гаўрусёвай *аддацца вершу*, у пародыі «Верш-спакуснік» наўмысна прыніжае, матэрыялізуе на фізіялагічным узроўні абстрактныя літаратуразнаўчыя тэрміны. Натуральна, што прызнанні ў каханні да верша як жывой істоты ідуць ад паэткі, таму камізм пародыі ўзмацняецца:

Ён так падміргваў мне спакусна
І, не губляючы надзей,
Цягнуўся дактылем да вуснаў
І лез харэем да грудзей [2, с. 120].

Часта сатыра пародый скіравана на будзённасць тэматыкі вершаваных твораў, адсутнасць у іх сапраўднай мастацкай вартасці, крызіс аўтарскага паэтычнага мыслення. Так, у пародыі М. Мятліцкага «Запозненае прызнанне» аб'ектам іроніі стала паэтызацыя Л. Дранько-Майсюком звычайнай пустой пляшкі, з якой выпілі, а потым *кінулі пад плот*. Парадыст па-мастацку з'едліва і саркастычна патлумачыў прычыну банальнай бытавой замалёўкі. На яго думку, аўтар мае непасрэднае дачыненне да шклатары: *Замачыў тут першы зборнік Л. Дранько-Майсюк*.

Параўнанне як адметны мастацкі прыём у плане аўтарскага самавыяўлення найчасцей становіцца аб'ектам парадыйнага асмяяння. Апошнім часам у «лёгкай» паэзіі, асабліва ў інтымнай і песеннай лірыцы, можна заўважыць самае разнастайнае сэнсавае нагрувашчванне параўнанняў, як, напрыклад, у адным з вершаў паэта Р. Тармолы-Мірскага:

Я – твае дзверы… Пастукай
У неразумны мой лоб.
Клямкі вось дзве, а не рукі…
Час цеплыню з іх саскроб [2, с. 329].

Калі разглядаць пародыю І. Мальца («Ванна з капрызам») на гэтыя радкі ў святле тэарэтычных разважанняў А. Марозава, які прапанаваў уласную класіфікацыю даследуемых жанравых мадыфікацый, то яна, бясспрэчна, адносіцца да сатырычнай: «займае крытычную пазіцыю ў адносінах да арыгінала, вылучаецца выразнай накіраванасцю супраць аб'екта пародыі» [1, с. 101]. Пачатак другаснага тэксту ўтрымлівае нейтральную пазіцыю ў адносінах да арыгінала, тут яшчэ не адчуваецца выразнага імкнення дыскрэдытаваць аўтара: *Я – твая ванна… Дык мыйся! Вуха круці, гэта – кран.* А вось заключныя радкі пародыі, акрамя эпіграматычнага камізму, калі адбываецца грубае «зняцце масак», напоўненыя здзеклівай інтанацыяй; сатырык відавочна кпіць са стылю Р. Тармолы-Мірскага:

І не круці так старанна
Ты мой падношаны кран,
Хоць я чыгунная ванна,
Як забаліць – я Раман! [2, с. 329].

Рускі даследчык літаратуры У. Новікаў слушна заўважыў, што «пародыя – царства разумнага смеху» [1, с. 87]. У той жа час літа-

ратуразнаўца папярэджвае, што жанр існуе не ў ізаляванай прасторы: ён часта падвяргаецца агрэсіі з боку аўтараў, што не ў поўнай ступені разумеюць сур'ёзнасць і значнасць пародыі, спакушаючыся на ўяўную лёгкаць у авалодванні гэтым жанрам. Не лепшую паслугу ў стварэнні высокамастацкай пародыі апошнім часам адыгрываюць і карэлятыўныя працэсы паміж аўтарамі і чытацкай аўдыторыяй. Часта парадысты свядома ідуць па шляху кан'юнктуры, патураючы патрэбам сучаснай масавай культуры.

Разнастайнасць мастацкага «аблічча» сучаснай беларускай пародыі відавочная, але хацелася б пажадаць аўтарам творчых знаходак і паэтычнага майстэрства ў выкарыстанні яе жанравых і моўных магчымасцей.

Літаратура

1. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков – М. : Советский писатель, 1989. – 544 с.

2. Анталогія беларускай пародыі : у 2 ч. / уклад. і прадм. А. Кудласевіча. – Мінск : Ураджай, 2001. – Ч. 1. Вершы. – 415 с.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Абакумава Вольга Барысаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры англійскай філалогіі Арлоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Анковіч Арцём Дзмітрыевіч – кандыдат педагагічных навук, выкладчык кафедры выдавецкай справы і рэдагавання Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

Анковіч Ганна Уладзіміраўна – доктар педагагічных навук, кандыдат філалагічных навук, прафесар кафедры выдавецкай справы і рэдагавання Нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта Украіны «КПІ» (г. Кіеў, Украіна)

Аўчароў Дзмітрый Вячаслававіч – рэдактар ДП «Выдавецтва “Пачатковая школа”», магістр філалагічных навук, аспірант Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Бардзіян Вольга Дзмітрыеўна – старшы выкладчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Барысевіч Аксана Адамаўна – аспірантка Акадэміі паслядыпломнай адукацыі (г. Мінск, Беларусь)

Басава Ганна Іванаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання, дэкан факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Берднік Сяргей Канстанцінавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Бязлепкіна Аксана Пятроўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Валькоўскі Міхаіл Аляксандравіч – дацэнт кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, намеснік галоўнага рэдактара газеты «Рэспубліка»

Венідзіктаў Сяргей Віктаравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Магілёўскага вышэйшага каледжа Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь

Выскварка Таццяна Аляксандраўна – магістрантка Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Галай Вольга Максімаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры нямецкай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Гваздовіч Галіна Аляксандраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Говін Сцяпан Васільевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Горбач Вольга Аляксандраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Градзюшка Аляксандр Аляксандравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Губкіна Алена Васільеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Губская Вольга Мікалаеўна – выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дарашчонак Пётр Леанідавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дасаева Таццяна Мікалаеўна – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзесюкевіч Вольга Іванаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзяменцьева Ксенія Уладзіміраўна – выкладчык кафедры сучаснай журналістыкі і грамадскай думкі Мардоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. П. Агарова (г. Саранск, Расія)

Дзятко Дзмітрый Васільевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Драздоў Дзмітрый Мікалаевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дубовік Сяргей Валянцінавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі, дырэктар Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дуброўскі Аляксандр Уладзіміравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дускаева Лілія Рашыдаўна – доктар філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры моўнай камунікацыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Жаўняровіч Пётр Пятровіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Жызнеўская Вольга Мікалаеўна – аспірантка кафедры прыкладной лінгвістыкі Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Залескі Барыс Леанідавіч – дацэнт кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, спецыяльны карэспандэнт газеты «Звязда»

Зелянко Сяргей Віктаравіч – старшы выкладчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, вядучы рэдактар ДП «Выдавецтва "Пачатковая школа"»

Іўчанкава Лізавета Віктараўна – магістр філалагічных навук, аспірантка Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Іўчанкаў Віктар Іванавіч – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кавалеўскі Арцём Мікалаевіч – старшы выкладчык кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Калініна Марына Анатольеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі і лінгвістыкі Разанскага інстытута (філіяла) Маскоўскага дзяржаўнага адкрытага ўніверсітэта (Расія)

Канцавая Галіна Міхайлаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай і беларускай моў з методыкай выкладання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Канцавой Міхаіл Пятровіч – старшы выкладчык кафедры інфарматыкі і прыкладной матэматыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Канюшкевіч Марыя Іосіфаўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры журналістыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (Беларусь)

Канюшкевіч Таццяна Вітальеўна – старшы выкладчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Карповіч Марыя Пятроўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Карчагіна Аксана Уладзіміраўна – кандыдат навук па сацыяльных камунікацыях, асістэнт кафедры журналістыкі і выдавецкай справы Луганскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

Касько Уладзімір Канстанцінавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры перыядычнага друку Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кашкарова Наталля Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры міжнародных камунікацый Паўднёва-Уральскага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Чалябінск, Расія)

Клушына Наталля Іванаўна – доктар філалагічных навук, дацэнт, прафесар кафедры стылістыкі рускай мовы факультэта журналістыкі Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава (Расія)

Конанава Алена Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Красоўская Алена Вітальеўна – суіскальнік кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кудрашоў Глеб Аляксеевіч – старшы выкладчык кафедры журналістыкі Палтаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя В. Г. Караленкі (Украіна)

Кулеш Ганна Іванаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Куляс Ігар Паўлавіч – аспірант Інстытута вышэйшай адукацыі Нацыянальнай акадэміі педагагічных навук Украіны

Куцэўская Вольга Станіславаўна – кандыдат навук па сацыяльных камунікацыях, асістэнт кафедры журналістыкі і выдавецкай справы Луганскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

Лобань Наталля Пятроўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Лук'янюк Юлія Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Макарава Аляксандра Стэфанаўна – загадчык кафедры французскай мовы Маскоўскага інстытута замежных моў (Расія)

Малыса Аксана – кандыдат філалагічных навук, ад'юнкт Сілезскага ўніверсітэта (г. Катавіца, Польшча)

Мельнікава Людміла Іванаўна – дацэнт кафедры тэлебачання і радыёвяшчання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Назаранка Юлія Віктараўна – кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры сучаснай беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Паўлавец Дзмітрый Дзмітрыевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай культуры Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны

Пахомава Юлія Мікалаеўна – старшы выкладчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Пераход Вольга Барысаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Пісарук Галіна Васільеўна – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Радчанка Юлія Аляксандраўна – магістрантка Луганскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

Сакалова Яна Міланаўна – кандыдат філалагічных навук, прафесар Універсітэта імя Канстанціна Філосафа ў Нітры (Славакія)

Салганік Рыгор Якаўлевіч – доктар філалагічных навук, прафесар факультэта журналістыкі Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава (Расія)

Самусевіч Вольга Міхайлаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання, намеснік дырэктара Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Сачанка Ларыса Аляксандраўна – дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Саянкова Людміла Пятроўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Селязнёва Ларыса Васільеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай мовы і літаратуры Расійскага дзяржаўнага сацыяльнага ўніверсітэта (г. Масква, Расія)

Серыкаў Рыгор Уладзіміравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, намеснік дэкана завочнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны (Беларусь)

Сінькова Людміла Дзмітрыеўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай літаратуры і культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Слука Алег Георгіевіч – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Солапава Вольга Аляксандраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры агульнай лінгвістыкі Паўднёва-Уральскага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Чалябінск, Расія)

Старасценка Таццяна Яўгенаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Сянкевіч Васіль Іванавіч – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры рускай і беларускай моў з методыкай выкладання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Трайкоўская Валянціна Піліпаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Трухан Юлія Мікалаеўна – магістр філалагічных навук, аспірантка Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Трыгук Марына Алегаўна – магістрантка Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Тычко Галіна Казіміраўна – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай філалогіі і сусветнай літаратуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Фральцова Ніна Ціханаўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Хромчанка Альбіна Рышардаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Цветава Наталля Сяргееўна – доктар філалагічных навук, дацэнт, прафесар кафедры моўнай камунікацыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Цікоцкі Аляксандр Міхайлавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Цікоцкі Міхась Яўгенавіч – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Цімошык Мікола Сцяпанавіч – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры выдавецкай справы і рэдагавання Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

Цыбульская Маргарыта Пятроўна – старшы выкладчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Чэкуць Алена Рычардаўна – выкладчык кафедры лінгвістыкі і міжкультурнай камунікацыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (Беларусь)

Шасцярнёва Лілія Георгіеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шкраба Ірына Рыгораўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шыбут Ірына Пятроўна – старшы выкладчык кафедры тэхналогій камунікацыі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шымолін Віктар Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Яніцкая Ада Юр'еўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

Яніцкі Міхаіл Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага літаратуразнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (Беларусь)

З М Е С Т

Навуковае выданне

ЖЫЦЦЁМ І СЛОВАМ ПРЫСЯГАЮЧЫ…

Да 90-годдзя заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь,
доктара філалагічных навук, прафесара
МІХАСЯ ЯЎГЕНАВІЧА ЦІКОЦКАГА

Зборнік навуковых прац

Рэдактары *С. К. Бердзік, Г. А. Гваздовіч, В. І. Дзесюкевіч, А. Р. Хромчанка*
Мастак вокладкі *К. К. Шастоўскі*
Тэхнічны рэдактар *Н. А. Гулейчык*
Камп’ютарная вёрстка *Г. А. Гурковай, І. В. Дашкевіч,*
В. Ю. Лагун, Н. М. Хаманеевай, А. П. Шацілы
Карэктары *Т. У. Данілава, Г. І. Кашэўнікава,*
Т. М. Ракіцкая, Л. В. Суцягіна

Падпісана ў друк 13.02.2012. Фармат 60 × 90 $^1/_{16}$.
Папера афсетная № 1. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 38,0. Ул.-выд. арк. 36,2. Тыраж 165 экз. Заказ № 027.

РУП «Выдавецтва “Адукацыя і выхаванне”».
ЛИ № 02330/0552540 ад 10.04.2007.
Вул. Будзённага, 21, 220070, г. Мінск.

Надрукавана ў друкарні РУП «Выдавецтва “Адукацыя і выхаванне”».
ЛП № 02330/327 ад 19.01.2012.
Вул. Захарава, 59, 220088, г. Мінск.